

АКАДЕМИЯ НАУК

И. С. ГУРВИЧ

ЭТНИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ
СЕВЕРО-ВОСТОКА
СИБИРИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО СИБИРСКОГО ЦЕНТРА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ ИМ. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НОВАЯ СЕРИЯ, том 89

И.С.ГУРВИЧ

ЭТНИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ
СЕВЕРО-ВОСТОКА
СИБИРИ

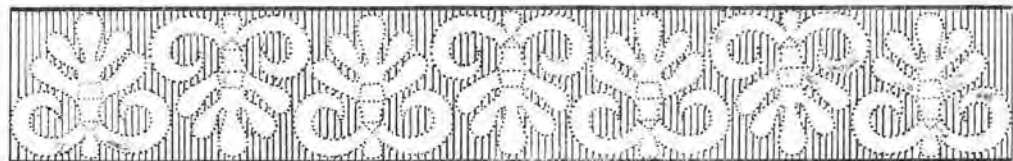
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1966

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук

В. О. ДОЛГИХ

ВВЕДЕНИЕ

В течение трех столетий, прошедших после включения Восточной Сибири в состав Русского государства, в расселении и численности народов Сибири произошли величайшие перемены. Этнографические группы, существовавшие в Сибири в XVII в., в значительной степени изменились, некоторые из них исчезли, уступив место новым этническим образованиям. Так, в бассейнах рек Яны, Индигирки, Колымы и Анадыря, где жили юкагиры, теперь обитают якуты, эвены, чукчи, русские старожилы; в бассейнах рек Анабары, Оленека и Нижней Лены, в районах сплошного расселения тунгусов (эвенков) живут якуты-оленьеводы. Резко изменилась территория расселения якутов, чукчей, эвенов. После включения Сибири в состав Русского государства глубокие изменения произошли и в культуре сибирских народностей.

Процессы распада одних этнических групп и возникновения других на территории Восточной Сибири не получили должного освещения в литературе. Имеющиеся работы по малым народностям северо-востока Сибири в основном посвящены истории их включения в состав Русского государства, исследованию особенностей общественного строя этих народностей в прошлом, социальным взаимоотношениям и описанию духовной и материальной культуры. Археологи, антропологи, этнографы и лингвисты стремились восстановить ранние этапы формирования этих народностей. Общие очерки по истории народов Сибири фиксируют внимание читателей главным образом на колониальной политике царизма и ее последствиях, административной практике, социальном расслоении и т. д.

В литературе отсутствует связное изложение этнической истории населения северо-востока Сибири за период, освещаемый письменными источниками. Последние этапы этногенеза народов Сибири не привлекли к себе внимания исследователей. Многие вопросы этногенеза не только не разработаны, но и не поставлены. Целью настоящей работы является восполнить этот пробел, выявить историю развития (а в ряде случаев и сложения) современных этнических групп северо-востока Сибири: юкагиров, эвенов, северных якутов, северо-восточных палеоазиатов (чукчей, коряков и камчадалов), русских старожилов.

Наша задача заключается не только в том, чтобы проследить изменения в их расселении и численности за последние три столетия, — с середины XVII в. до середины XX в., но и в том, чтобы изучить протекавшие на северо-востоке Сибири этнические процессы — ассимиляцию одних этнических групп другими, размывание некоторых групп, сплачивание обособленных частей этнических групп в более стойкие этнические объ-

единения. При этом важно установить не только ход этнических изменений, что само по себе весьма существенно, но и выявить причины миграций, причины утраты некоторыми народами или этническими группами родного языка, традиционных элементов культуры, причины изменения в численности. К факторам, оказывающим влияние на этническое развитие, относятся и модификация традиционных форм хозяйства и перемены в быту и в характере расселения, изменения в культуре и даже административная практика. При изучении внутренних процессов этнического развития мы уделили особое внимание исследованию брачной статистики (смешанных браков), взаимоотношениям между отдельными этнокультурными группами в районах их соприкосновений, явлениям билингвизма, формам национального самосознания. Именно поэтому для исследования сложных, часто глубоко скрытых («интимных») причин этнических изменений мы избрали северо-восток Сибири, территорию расселения упомянутых выше пяти этнических группировок — своеобразный микромир с крайне редким населением. Исследуемый район — обширная зона тундры, лесотундры и тайги площадью более 2,5 млн кв. км — ограничен на западе Хатангско-Анабарским междуречьем, на юге — линией, проходящей по водоразделу между бассейнами Вилюя и Оленека до устья реки Линды, притока Лены, и на востоке от Лены — по водоразделу между бассейном Алдана и северными реками до устья реки Ульи. Здесь поддаются прямому изучению этнические процессы, характерные для Сибири, тогда как в густонаселенных областях их не удастся проследить с такой степенью детализации.

Последовательное документальное изучение этнической истории позволит углубить и конкретизировать историю современного населения Восточной Сибири и по-новому подойти к вопросам развития его материальной и духовной культуры, более полно учесть взаимовлияния и взаимодействия. За три столетия произошло культурное сближение между соседними народами и этническими группами Восточной Сибири. В результате сложились определенные типы материальной культуры (этнографические области), характерные для целого ряда народов и этнических групп. Надо сказать, что и духовная культура некоторых народов в пределах этих областей имеет много общих черт. Большинство этих областей сложилось и приобрело знакомый нам облик сравнительно недавно. Однако этнографы часто этого не учитывают и опрокидывают наблюдаемую этнографическую картину в глубокую древность. Освещение развития и преобразования самого этноса не только открывает новые перспективы для конкретных исследований в области материальной и духовной культуры, но дает возможность уточнить ход исторического процесса на северо-востоке Сибири.

Общезвестно, какое большое значение придавали основоположники марксизма роли народных масс в истории и самой истории народных масс, развитию и преобразованию этнических категорий. В. И. Ленин неоднократно указывал на необходимость изучения различных причин, влияющих на формирование и жизнь народов, и особо подчеркивал необходимость исследования народных миграций¹.

Сближение народов и народностей, взаимовлияние и взаимообогащение рассматривались В. И. Лениным как фактор общественного развития². Особое значение эти факторы приобрели в наши дни³.

Исследованию этнической истории северо-востока Сибири помогло изучение работ, посвященных истории народов Сибири: источниковедче-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 24, стр. 89—92.

² Там же, т. 27, стр. 256; т. 30, стр. 22.

³ «XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет», т. III, М., 1962, стр. 312—315.

ских исследований Н. Н. Оглоблина⁴, А. И. Андреева⁵, А. В. Ефимова⁶, Л. С. Берга⁷, А. П. Окладникова⁸, М. О. Косвена⁹, публикаций исторических документов¹⁰. Укажем также на фундаментальные работы по истории Сибири С. В. Бахрушина¹¹, В. И. Шункова¹², М. И. Белова¹³. Ранние этапы этногенеза народов Дальнего Востока раскрывают работы М. Г. Левина¹⁴. Родовому и племенному составу народов Сибири к приходу русских посвящена фундаментальная работа Б. О. Долгих¹⁵.

Этнический состав населения Восточной Сибири в XVII в. в достаточной степени выявлен трудами С. В. Бахрушина¹⁶, С. А. Токарева¹⁷, Н. Н. Степанова¹⁸, И. С. Вдовина¹⁹, Б. О. Долгих²⁰.

Многочисленные работы дают представление об этническом составе населения этой области в конце XIX в. и в особенности в советский пе-

⁴ Н. Н. Оглоблин. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.), ч. 1—4, М., 1895—1902.

⁵ А. И. Андреев. Очерки по источниковедению Сибири XVII века, вып. 1, М. — Л., 1960; его же. Очерки по источниковедению Сибири XVIII века (первая половина), вып. 2, 1965; его же. Изучение Якутии в XVII веке. — «Ученые записки Института языка, литературы и истории ЯФ АН СССР», вып. 4, Якутск, 1956; его же. Изучение Якутии в первой половине XIX века. — Там же, вып. 5, 1958.

⁶ А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане (первая половина XVIII века), М., 1948; его же. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. XVII — первая половина XVIII века, М., 1950.

⁷ Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга, 1725—1742. М. — Л., 1946.

⁸ А. П. Окладников. Из истории этнографического изучения Якутии. — «Сборник материалов по этнографии якутов», Якутск, 1948, стр. 47—48.

⁹ М. О. Косвен. Библиографические дополнения к истории открытия Камчатки. — «Известия ВГО», 1955, т. 87, вып. 6, стр. 555—557; его же. Г. Ф. Миллер. — «Советская этнография», 1956, № 1, стр. 72—76; его же. Этнографические результаты Великой северной экспедиции 1733—1743 годов. — «Сибирский этнографический сборник», т. III, М. — Л., 1961, стр. 161—212; его же. Тимофей Иванович Шмалев, историк-краевед дальневосточной Сибири и его литературное наследие. — «Проблемы источниковедения», т. XI, М., 1963, стр. 196—208.

¹⁰ ДАИ, т. I—XI, СПб., 1846—1869; ПСИ, кн. 1—2, СПб., 1882—1885; Е. Д. Стрелов. Акты архивов Якутской области (1650—1800 гг.), т. 1, Якутск, 1916; «Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII веке» (далее — «Колониальная политика...»), Л., 1936; «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке» (далее — «Колониальная политика царизма...»), Л., 1935; М. И. Белов. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах. Л. — М., 1952; Н. С. Орлова. Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов в XVII в. на северо-востоке Азии, М., 1951.

¹¹ С. В. Бахрушин. Избранные работы по истории Сибири XVI—XVII веков. — «Научные труды», т. III, ч. 1—2, М., 1955; его же. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII веках, М., 1927.

¹² В. И. Шунков. Очерки по истории земледелия в Сибири XVII века, М., 1956; его же. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII века, М. — Л., 1946.

¹³ М. И. Белов. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. — «История открытия и освоения Северного морского пути», т. 1, М., 1956.

¹⁴ М. Г. Левин. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. — «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. XXXVI, М., 1958.

¹⁵ Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. — «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. LV, М., 1960.

¹⁶ С. В. Бахрушин. Исторические судьбы Якутии. — Сб. «Якутия», Л., 1927.

¹⁷ С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII веков, Якутск, 1945; его же. Очерк истории якутского народа, М., 1940.

¹⁸ Н. Н. Степанов. Социальный строй тунгусов в XVII веке. — Сб. «Советский Север», т. 3, Л., 1939, стр. 47—72; его же. Тунгусы в XVII в. в Якутии. — Сб. «Якутия в XVII веке», Якутск, 1953, стр. 182—219.

¹⁹ И. С. Вдовин. К истории общественного строя чукчей. — «Ученые записки МГУ. Факультет народов Севера», № 115, вып. 4, 1950; его же. Из истории общественного строя чукчей. — «Советская этнография», 1948, № 3; его же. Очерки истории и этнографии чукчей, М. — Л., 1965.

²⁰ Б. О. Долгих. Указ. соч.

риод. Следует упомянуть труды В. Г. Богораза²¹, В. И. Иохельсона²², И. И. Майнова²³, А. А. Попова²⁴, Е. П. Орловой²⁵, С. Н. Стебницкого²⁶.

Источниками для написания этой работы применительно к XVII и началу XVIII в. послужили архивные документы, хранящиеся в Центральном государственном архиве древних актов (Москва) в фондах Сибирский приказ (№ 214) и Якутская воеводская канцелярия (№ 4177), материалы Архива Академии наук СССР (Ленинград) — фонд Миллера (№ 24), материалы Архива Института истории (Ленинград) — фонд Якутские акты и материалы Государственного Исторического музея — фонд Якутская воеводская изба (№ 413). Эти фонды использованы нами выборочно, для получения сведений о численности, движении и расселении народов северо-востока Сибири. Основная категория наших источников для этого периода — массовые документы о ясачном сборе: пменные и сводные ясачные книги, сметные и пометные списки, донесения о сборе и недоборе ясака, приближающиеся по характеру к статистическим материалам, а также отписки служилых людей и челобитные ясачного населения.

Документальные материалы, освещающие историю северо-востока Сибири в XVIII в., также выявлены в Центральном государственном архиве древних актов, в фондах Портфели Миллера (№ 449), Якутская воеводская канцелярия (№ 607), Сибирский приказ и управление Сибирью (№ 24), Канцелярия правительствующего Сената (№ 248), Канцелярия командира Анадырской крепости (№ 1095), Канцелярия командира Гижигинской крепости (№ 1096); в Центральном государственном архиве военно-морского флота (Ленинград) в фондах Капитан-командор Беринг (№ 246), Архив гидрографии (№ 913); в Центральном государственном архиве Дальнего Востока (Томск) в фондах Комендант Охотского порта (№ 4520), Комендант Гижигинской крепости (№ 1075), Канцелярия Гижигинского городничего (№ 1077), Гижигинский нижний земский суд (№ 1081), Гижигинский земский исправник (№ 1080), Гижигинское уездное казначейство (№ 1078) и др. Материал, касающийся последних десятилетий XVIII в., был извлечен также из Центрального государственного архива Якутской АССР из фондов Якутское областное правление (№ 12), Якутская воеводская канцелярия (№ 1), Жиганская инородная управа (№ 37), Жиганское уездное казначейство (№ 353) и др. Основной вид источников для этого времени — первичные материалы ревизий, официальные отчеты о численности ясачных людей, донесения о столкновениях с чукчами, коряками, юкагирами, ительменами, данные Первой ясачной комиссии, путевые журналы и другие материалы путешественников, геодезистов, гидрографов.

Документы по этнической истории северо-востока Сибири в первой половине XIX в. частично сосредоточены в Центральном государственном

²¹ В. Г. Богораз. Чукчи, ч. I. Л., 1934. его же. Ламуты. Из наблюдений в Колымском крае. — «Землеведение», т. 7, 1900, № 1.

²² В. И. Иохельсон. По рекам Ясачной и Коркодону. Древний и современный юкагирский быт и письмена. — «Известия РГО», т. XXXIV, вып. 3, СПб., 1898; его же. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, парение, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействия различных племенных элементов. — «Живая старина», X, вып. 1—2, 1900; его же. The Koryak, parts I—II. — «Memoir of the American Museum of Natural History», v. VI. N. Y., 1905—1907.

²³ И. И. Майнов. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области. — «Записки РГО по отделению статистики», т. XII, СПб., 1912.

²⁴ А. А. Попов. Материалы по родовому строю долган. — «Советская этнография», 1934, № 6; его же. Кочевая жизнь и типы жилищ у долган. — «Сибирский этнографический сборник», т. I, М.—Л., 1952.

²⁵ Е. П. Орлова. Ительмены (остатки древних обитателей Камчатки). — «Статистический бюллетень», № 8—9. Хабаровск, 1927; ее же. Коряки полуострова Камчатки. — «Северная Азия», № 3, 1929.

²⁶ С. Н. Стебницкий. Нымыланы — алюторы. — «Советская этнография», 1938, № 1.

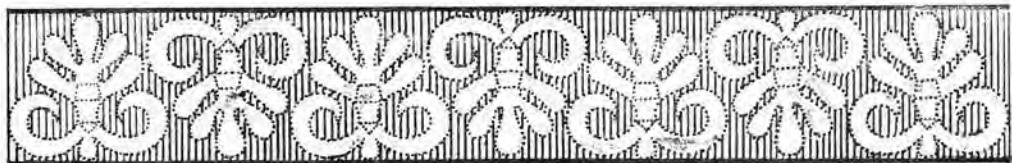
историческом архиве Ленинграда в фондах Первый Сибирский комитет (№ 1264), Первый департамент Сената (№ 1341), Кабинет его величества (№ 486); в Центральном государственном архиве Якутской АССР (упомянутые выше фонды), а также в фондах Верхневилуйский комиссар (№ 7), Запыверский частный комиссар (№ 8), Среднеколымский комиссар (№ 10), Нижнеколымский частный командир (№ 11), Вилуйское полицейское управление (№ 23), Верхоянское окружное полицейское управление (№ 25), Эльгетская инородная управа (№ 51). Усть-оленекское крестьянское общество (№ 52), Земский заседатель Верхоянского округа (№ 108) и др.; в Центральном государственном архиве Дальнего Востока (Томск), кроме уже отмеченных фондов, в фондах Охотско-Приморское управление (№ 1016), Охотское окружное казначейство (№ 1018) и др. Документы, выявленные в этих фондах, представляют собой переписи коренного населения, сводки, дописания о гибели населения от эпидемий оспы, кори, отчеты об экономическом положении населения, описания быта и расселения некоторых народов северо-востока Сибири. Среди этих материалов особую ценность представляют отчеты Второй ясачной комиссии (1828—1830 гг.), содержащие сведения о расселении, численности и занятиях населения по отдельным административным податным единицам (ЦИИА).

Материалы для решения интересующих нас вопросов по второй половине XIX в. содержатся, главным образом, в опубликованных статистических, этнографических и географических работах. Среди них следует отметить труды С. К. Патканова — статистические данные переписи 1897 г., показывающие племенной, родовой состав и языковую принадлежность населения Сибири. Благодаря огромной картографической работе, проведенной за последние десятилетия в Сибири, труды С. К. Патканова позволяют детально разобраться в расселении народностей северо-востока Сибири в XIX в. Нами использованы также материалы переписей, проведенных в советское время, многочисленные работы советских этнографов и историков, посвященные современному хозяйству, расселению, культуре и быту народов северо-востока Сибири. Однако опубликованных материалов недостаточно для освещения интересующих нас вопросов, в частности для освещения современных этнических процессов. Поэтому мы предприняли экспедиционное обследование всех этнических групп, затронутых в нашей работе. В 1944—1945 гг. были обследованы северные якуты бассейнов рек Оленека и Анабары, в 1951 г. — чукчи, эвены, юкагиры, якуты и русские старожилы бассейнов Колымы и Алазеи, в 1952 г. — якуты, эвены и русские старожилы бассейна Индигирки, в 1953—1954 гг. — якуты и эвены бассейнов Яны, Лены, низовий Оленека, в 1956—1957 гг. — верхнеколымские юкагиры, эвены Магаданской области, коряки и эвены Камчатской области. В 1959 г. автор имел возможность изучать в составе Юкагирской комплексной экспедиции Института этнографии и Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР верхнеколымских и нижнеколымских юкагиров, эвенов Колымы и Индигирки, колымских чукчей и русских старожилов. В 1962 г. автором производилась этнографическая работа в Providensk, Чукотском и Анадырском районах Чукотского национального округа и в Мильковском и Усть-Камчатском районах Камчатской области.

Структура работы определена двумя обстоятельствами: с одной стороны, общим ходом исторического процесса на северо-востоке Сибири, с другой — характером документальных отложений.

Работа распадается на четыре главы, в пределах которых и рассматривается этническая история. Первая глава охватывает период присоединения северо-востока Сибири к Русскому государству и начальные этапы колонизации этого огромного района (XVII в.); вторая глава — XVIII в. — открывается петровскими реформами, присоединением Камчатки и завершается введением в жизнь установлений комиссии по переобложению

ясаком народов Сибири, введением коллективного обложения, круговой поруки; третья глава охватывает XIX — начало XX в. В этот период произошли значительные изменения в жизни коренного населения северо-востока Сибири, вызванные проникновением элементов капиталистических отношений на север. Четвертая глава, посвященная советскому периоду, открывается Великой Октябрьской социалистической революцией. Изложение материалов здесь доводится до переписи 1959 г., а в ряде случаев — до 1962 г. Все четыре главы построены по одному плану, в каждой рассматривается судьба пяти этнических групп северо-востока Сибири — юкагиров, эвенов, северных якутов, северо-восточных палеоазиатов и русских старожилов.

ГЛАВА I

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА СИБИРИ И ЕГО ИЗМЕНЕНИЯ В XVII ВЕКЕ

Вхождение народов Восточной Сибири в 1630-х годах в состав русского феодального государства направило по новому пути их социально-экономическое и культурное развитие, положило конец многовековой изолированности.

Продвижение русских крестьян в Сибирь, расширение границ Русского государства на северо-восток были следствием целого ряда больших исторических событий. Последствия хозяйственного кризиса конца XVI в., усиление крепостнического гнета побуждали крестьян искать выхода в переселениях на новые земли. В Сибири крестьяне северных районов России надеялись укрыться от податного гнета¹. Важной побудительной причиной служили и требования слагающегося всероссийского рынка. Как указывал В. И. Ленин, XVII век был началом нового периода русской истории²: именно в это время произошло фактическое слияние всех областей России, что вызывалось «усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»³.

Особую роль в этих условиях приобрело промысловое предпринимательство. Рост международных рыночных связей России поднял спрос на ценную пушнину, в особенности на соболя. В погоне за соболем артели промышленных людей и отряды служилых устремились в Восточную Сибирь и несмотря на суровые, непривычные условия существования и жизнь, полную лишений, за несколько десятилетий вдоль и поперек исходили этот огромный край. По меткому выражению историка А. П. Щапова, «соболь довел русские колонии до Камчатки»⁴.

Поток промышленных, торговых и служилых людей, устремившихся в Сибирь, был столь значителен, что за какие-нибудь пятьдесят лет вся Восточная Сибирь оказалась исхоженной.

В 1630—1640-х годах в местах сосредоточения коренного населения возникли укрепления, острожки и зимовья. На всех северных реках регулярно стали появляться отряды сборщиков ясака. Поход Семена Дежнева и Федота Алексеева вокруг Чукотского носа (1648 г.) можно рассматри-

¹ В. Н. Устюгов. К вопросу о земельных переделах на русском Севере в середине XVII века.— «Исторический архив», 1930, № 5.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 153.

³ Там же, стр. 137.

⁴ А. П. Щапов. Историко-географическое распределение русского народонаселения.— Соч., т. II, 1906, стр. 290—291.

вать как завершение периода первоначального освоения Восточной Сибири. Процесс присоединения Восточной Сибири к Московскому государству, так же как и географические открытия русских казаков и промышленников за последние десятилетия, привлекли к себе внимание многих историков⁵.

Присоединение происходило небезболезненно. Отряды служилых людей, артели промышленников нередко выступали как купцы, и коренное население само пыталось войти в сношение с ними, чтобы приобрести нужные товары, однако неумеренные требования ясака — подати в виде соборей и лисиц, приводили к кровавым вооруженным столкновениям. Насилия, злоупотребления глав казачьих отрядов, а иногда и прямые грабежи вызывали вооруженный отпор со стороны населения. Однако попытки отстоять самостоятельность (восстание якутов в 1642 г., нападения на казачьи отряды, уничтожение ясачных острожков и зимовий) жестоко подавлялись. Объясачивание коренного населения Якутии длилось около трех десятилетий и в основном завершилось к середине 1650-х годов. Походы против непокорных, преследования уклонявшихся от уплаты ясака, повторный сбор ясака соперничающими казачьими отрядами тяжело сказались на жизни местного населения.

Однако усилия властей были направлены не на истребление коренного населения, а на превращение его в исправного поставщика ценной пушны. Поэтому как только тот или иной род соглашался платить ясак, военные действия против него прекращали, и он поступал под защиту русской администрации. Ясачные сборщики, согласно наказам, пытались обложить ясаком каждого человека мужского пола от 16 до 50 лет. Но это не всегда удавалось. Поэтому первоначально ясаком облагались целые роды или группы родичей. Для обеспечения регулярного поступления ясака служилые люди брали от каждого рода заложников — аманатов, которых содержали в острожках или зимовьях. Добыча соборей для уплаты ясака, поездки в зимовья отрывали население от жизненно важных промыслов. Тяготы, связанные с добычей соборей, год от года возрастали, так как промысловые угодья были быстро опустошены и на охоту за соборем приходилось ездить в отдаленные районы. К ясачному сбору нередко добавлялись перевозки казенных грузов и казачьих отрядов. Иногда ясачных людей привлекали к участию в походах казаков.

В первые годы после появления русских в Восточной Сибири некоторые группы населения с оружием в руках сопротивлялись поборам, но в дальнейшем основной формой протеста стали откочевки, массовые переселения на окраины, в труднодоступные районы с целью укрыться от уплаты ясака. Это крайне усложнило этнографическую карту Восточной Сибири.

Включение Восточной Сибири в состав Русского государства означало не только превращение этой страны в колонию, но имело и иные, прогрессивные последствия. Уже в XVII в. ускорилось экономическое развитие этого края. Благодаря торговле с русскими в Восточную Сибирь стали вывозить новые, неизвестные здесь или редкие товары: котлы, топоры, ножи, конья, иглы, пилы, сверла, орудия для подледного лова рыбы, неводная дель, сукна. Это интенсифицировало охотничий промысел и рыболовство.

⁵ В. А. Александров. Русское население Сибири XVII — начала XVIII века. М., 1964; С. В. Бахрушин. Избранные работы по истории Сибири XVI—XVII веков. — «Научные труды», т. III, ч. 1. М., 1955; Л. С. Берг. История географического ознакомления с Якутским краем. — Сб. «Якутия», Л., 1927, стр. 1—38; М. И. Белов. История открытия и освоения Северного морского пути, т. 1. М., 1956; А. В. Ефимов. Из истории великих географических открытий. М., 1950; «Атлас географических открытий в Сибири и в северо-западной Америке в XVII—XVIII веках», М., 1964.

Ясачная политика царизма ускорила общественное развитие народов Севера, она нарушила их общественные архаичные институты, способствовала имущественной дифференциации и обособлению зажиточной верхушки.

Вхождение Восточной Сибири в состав Русского государства означало распространение на народы этой страны основ государственного правопорядка, прекращение набегов и грабежей. Заинтересованная в регулярном поступлении ясака, царская администрация стремилась прекратить междоусобные кровавые столкновения.

Все это сказалось на взаимоотношениях народов Восточной Сибири.

В XVII в. значительное влияние на коренное население оказали культура и быт пришлых русских. Браки между пришельцами и женщинами из среды коренного населения, вхождение некоторых племених и их потомства, целых семей в среду русского населения способствовали культурно-бытовому сближению местного населения и русских. Все это привело уже в XVII в. к глубоким преобразованиям хозяйства, культуры и быта народов северо-востока Сибири, вызвало значительные перемещения населения, повлекло за собой большие этнические сдвиги.

ЮКАГИРЫ

В XVII в., к приходу русских, юкагирские племена занимали огромную территорию от низовий Лены до Анадыря. В литературе не раз отмечалось, что по сибирским масштабам юкагиры в XVII в. были многочисленным народом⁶, однако эти высказывания должным образом не аргументировались. Лишь архивные материалы, собранные Б. О. Долгих, позволили реконструировать картину расселения и определить численность юкагиров в XVII в. Изложим полученные им результаты в таблице⁷.

Яна		Индигирка		Колыма		Анадырь	
Род	Численность	Род	Численность	Род	Численность	Род	Численность
Индагирский . . .	200	Олюбензи .	260	Алап . . .	480	Чуванский	600
Омолоевский . . .	410	Янгинский	450	Омокий .	620	Анаульский	440
Хромовский	400	Шоромбойский . . .	350	Когима . .	340	Ходынский	620
Зельянский	130			Лавренский	120		
Петайский	80						
Всего	620	Всего	1060	Всего	1560	Всего	1360

Некоторые сомнения в этой таблице вызывает отнесение Зельянского (Дельянского) и Петайского родов к юкагирам. Как справедливо отметил Б. О. Долгих, названия этих родов имеют тунгусское происхождение. К юкагирам он причислил оба рода, основываясь на свидетельствах о том, что члены этих родов знали юкагирский язык и общались с юкагирами. Сохранение тунгусских (ламутских) названий родов объясняется, по его мнению, тем, что при матрилокальности юкагирских браков дети от смешанных юкагирско-ламутских браков росли юкагирами. При всем прав-

⁶ В. И. Огородников. Завоевание русскими Сибири, т. II, ч. 1. Очерк истории Сибири до начала XIX столетия. Владивосток, 1924, стр. 54, 61.

⁷ Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. — «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. LV, М., 1960, стр. 379—442.

доподобии этого предположения, оно представляется нам спорным. Названия, места обитания (горные районы к востоку от Яны) и взаимоотношения членов этих родов с тундровыми юкагирами свидетельствуют о том, что это не юкагиры, хотя так их именовали Постник Иван и др., а ламуты (эвены), вклинившиеся в юкагирскую среду. Недаром юкагиры именовали зельянцев и петайцев грабителями («ононды»). Что же касается знания зельянами юкагирского языка, то это единичное свидетельство, возможно, относилось лишь к главам родов. Это не позволяет нам отнести зельянцев и петайцев к юкагирам. Если наши предположения верны, то группа янских юкагиров состояла не из 620 человек, а из 400—450 человек.

Таким образом, к приходу русских в Восточную Сибирь там насчитывалось около 4500 юкагиров. Они граничили на западе с тунгусами, на юге — с ламутами, на востоке — с чукчами и коряками. Огромная область расселения юкагирских племен и их относительная многочисленность ко времени включения северо-востока Сибири в состав Русского государства — косвенные, но весьма существенные свидетельства в пользу неоднократно высказывавшегося в литературе мнения о том, что именно юкагиры составляли древнейший этнический пласт населения Якутии⁸.

Хозяйственный уклад юкагирских племен не был одинаков. Уже в первых документах о юкагирах сообщалось, что они делились на оленных и пеших, т. е. оседлых, людей. В низовьях Индигирки служилые люди во главе с Постником Иваном встретили в 1639 г. оседлых юкагиров — рыболовов-собаководов. «Люди сидячие, — рассказывали о них казаки, — а ездят-де они на собаках»⁹. Характерно, что в книге ясачного сбора Нижне-Колымского зимовья за 1648 г. отмечалось, что в этом зимовье ясак «собирают с пеших и с оленных низовских мужиков». Казаки четко подразделяли роды юкагиров на пешие и оленные: «С пешего князца Алива под сына его аманата Чорму и со всего роду — 23 соболя»¹⁰.

«А по ней-де Колыме реке живут иноземцы колымские мужики — свой род, оленные и пешие, сидячие многие люди и язык у них свой», — рассказывал в 1646 г. в Якутске Михаил Стадухин. В другой своей отписке он пояснил: «Иноземцы на той реке Колыме сидячие, зимою и летом сидят об одном месте, пешие, а оленные люди кочуют с места на место и на озерах»¹¹. Транспортным средством пеших были собаки. Индигирка, Колыма, Анадырь назывались собачьими реками¹². Однако в некоторых хозяйствах пеших юкагиров, судя по документам, были и олени. Возможно, существовали родовые группы, состоявшие из пеших и оленных хозяйств. «Того же дня, — сообщал в ясачной книге Федор Гаврилов в 1648 г., — великого государя ясаку с ковимского пешего князца и с оленных под аманата сына его Кандангу и со всего роду (взяли) 46 соболей»¹³. Домашние олени были у большей части юкагиров¹⁴.

Не вдаваясь в рассмотрение вопроса, когда и каким образом у юкагиров появилось оленеводство, можно констатировать, что оно было у них распространено до прихода русских¹⁵.

⁸ А. П. Окладников. История Якутской АССР, т. I. Якутия до присоединения к Русскому государству. М.—Л., 1955, стр. 288—293; М. Г. Левин. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. — «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. XXXVI, М., 1958, стр. 153—154, 204.

⁹ «Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на северо-востоке Азии», М., 1951, стр. 143.

¹⁰ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 260, л. 1.

¹¹ «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах», М.—Л., 1952, стр. 62.

¹² «Открытия русских землепроходцев...», стр. 283.

¹³ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 260, л. 1.

¹⁴ «Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII веке», (далее — «Колониальная политика...»), Л., 1936, стр. 67, 70, 116, 185.

¹⁵ Г. М. Василевич, М. Г. Левин. Типы оленеводства и их происхождение. — «Советская этнография», 1951, № 1, стр. 76—83.

По мнению Б. О. Долгих, пешие юкагиры представляли собой роды и семьи, утратившие оленей или перешедшие к рыболовству и в связи с этим не обзаводившиеся оленями¹⁶. Напротив, Н. Н. Степанов склонен рассматривать пеших как особые племена, занимавшиеся рыболовством, охотой и собирательством¹⁷.

В пользу того, что пешие юкагиры представляли собой какие-то устойчивые хозяйственные коллективы, говорят свидетельства о наличии у них ездового собаководства. Оленеводы-кочевники при потере оленей, как можно судить по позднейшим этнографическим наблюдениям, если не происходило их подселение к уже оседлому населению, обычно становились совершенно пешими, т. е. вовсе лишались транспорта. Переход юкагиров-оленьеводов в случае их оседания к собачьему транспорту не мог бы совершиться, если бы традиции древнего собаководства не имели на Яне, Индигирке, Колыме и на Анадыре постоянной преемственности. Очевидно, на этих реках сохранились какие-то реликты древней пешей речной культуры. Это предположение вызывает ряд вопросов. Каким образом пешие охотники-рыболовы могли сосуществовать с воинственными подвижными группами оленеводов? Почему эти пешие группы не привлекли к себе достаточного внимания служилых людей? Мы не знаем даже точно, каковы их родовые названия. Исключение составляет сообщение казака Чукичева о пешем роде Иванде (Уянде) на Индигирке: «а того Иванды роду его было человек со 100 и больше, люди сидячие, а ездят они на собаках»¹⁸.

Возможно, пешие юкагиры и юкагиры-оленьеводы входили в одни и те же родовые группы. Такая родовая группа, занимая большую территорию, могла обеспечить себе безопасность. Сообщения о том, что главы пеших юкагирских родов владели каким-то количеством оленей, позволяют предполагать, что в одном роде были как сидячие, так и оленные хозяйства. Пешие юкагиры, судя по имеющимся материалам, были как бы включены в большие группы оленных.

Оседлые группы могли существовать только в тех районах, где изобиловала рыба. Улов ее должен был покрывать не только потребности людей, но и потребности в корме ездовых собак. При крайне низком уровне техники большие запасы рыбы могли быть заготовлены в низовьях крупных северных рек. На Яне, судя по современному расположению рыболовных песков, поселения оседлых рыболовов могли находиться не выше устья реки Бытантай, на Индигирке — до устья реки Селенях (район Подпиверского зимовья) и на Алазее до устья реки Россохи, а на Колыме они могли доходить до устья Анкудинки (Средне-Колымск).

Обследование древних памятников Индигирки, произведенное нами в 1952 г., и наблюдения, сделанные в 1959 г. участниками Юкагирской экспедиции Института этнографии и Якутского филиала АН СССР, показали, что остатки жилищ — полуземлянок, приписываемых местным населением какому-то вымершему народу, располагались не на самой Индигирке, а по берегам небольших притоков и протоков. Очевидно, именно здесь (на основных водных магистралях рыба идет по фарватеру) можно было сооружать заезды с мордами или другие ловушки. Во время рунного хода рыба заполняла эти протоки, и тогда юкагиры могли обеспечить себя рыбой. Так, индигирские юкагиры-янкины для ловли рыбы перегораживали Уяндину недалеко от устья¹⁹.

Все же только за счет рыболовства в суровых условиях севера существовать юкагиры не могли. Сочетая рыболовство с охотой на диких оленей, оседлые юкагиры обеспечивали себя шкурами для одежды и обуви,

¹⁶ Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 423—424.

¹⁷ «История Якутской АССР», т. II, М., 1957, стр. 104.

¹⁸ Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 405.

¹⁹ Там же, стр. 404.

жиром, мясом. Для всех групп тундровых юкагиров огромное значение имела охота на диких оленей на речных переправах, так называемые оленьи промыслища, или плави. В низовьях Индигирки на «звериных плавежах» диких оленей добывали олюбенцы²⁰. Поколки оленей у Бурулгина камня, где кочевали олюбенцы, производились вплоть до 30-х годов XX в. Добыча диких оленей на переправах шла в низовьях Алазеи, Колымы, Анадыря. Места переправ, по-видимому, и были теми районами, где обитали пешие юкагиры.

Группы пеших юкагиров обитали и в верховьях Колымы и Яны. Там встречаются места, где осенью скапливается столько рыбы, что, используя самые примитивные невода типа бредней, местное население успевало за несколько дней заготовить рыбу на целый год. Современные верхнеколымские юкагиры называют такой способ добычи рыбы черпаньем²¹. Около таких рыбалок вполне могли существовать оседлые поселения. Верхнеколымские юкагиры также были собаководами. На древность собачьего транспорта указывает то обстоятельство, что собак здесь приносили в жертву²².

Основой существования юкагиров-оленьеводов была охота на диких оленей, оленеводство имело подсобное (транспортное) значение.

Некоторые данные для суждения о древнем хозяйстве юкагиров-оленьеводов дают распросные этнографические материалы, полученные нами у оленеводов Индигирки. Своих предков они представляют как охотников за дикими оленями. Зимой охотники преследовали диких оленей на нартах, осенью охотились с помощью манщиков, летом загоняли небольшие стада диких оленей в озеро, где подстерегавшие их охотники приближались к ним на лодках и кололи их копытами²³.

Интересен вопрос о взаимоотношениях юкагиров с окружающими их народностями перед приходом русских.

Область расселения юкагиров, которая выявляется по русским документам XVII в., очевидно, сложилась в результате крупных этнических перемещений, произошедших в XV—XVI вв. Тунгусский коридор между самодийскими и юкагирскими племенами, по-видимому, образовался в результате вторжения восточных тунгусов (ламутов) — азинов, синигиров и ладагиров — в низовья Лены и Оленека. Есть все основания думать, что тунгусы в этом районе были в XVII в. недавними поселенцами²⁴.

Следует отметить, что в фольклоре оленекских якутов-оленьеводов противником героя большей части героических сказаний выступает герой-охотник Ункэбил-хосун (Юкагир-хосун). В одной из легенд он прямо назван юкагиром²⁵. Возможно, эти воспоминания свидетельствуют о том, что в низовьях реки Оленека обитали юкагиры. Местом жительства Ункэбил-хосуна и его рода традиция считает низовья Оленека, где этот хосун со своими сородичами охотился на переплывавших через реку диких оленей. Если Урэн-хосун и Чэмпэро-хосун считаются на Оленеке прародителями современного населения, то Ункэбил-хосун представляется чужаком. Он носит длинные волосы, а в одной из легенд он запутывается

²⁰ ПГАДА, ф. 214, ст. 274, лл. 172—173; ф. 1177, оп. 2, ст. 6, л. 15.

²¹ Из материалов этнографических поездок автора на Колыму в 1956 и 1959 гг.

²² М. Г. Лелин. О происхождении и типах упряжного собаководства. — «Советская этнография», 1946, № 4, стр. 75—108; В. И. Нохельсон. Образцы материалов по изучению юкагирского языка и фольклора. — «Известия Академии наук», 1898, т. IX, № 2, стр. 157.

²³ Материалы Юкагирской комплексной экспедиции 1959 г. Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР и Института этнографии АН СССР (архив Института этнографии АН СССР).

²⁴ Археологические, фольклорные и лингвистические свидетельства в пользу того, что юкагиры в древности занимали долину Лены и территорию к западу от нее, привел А. П. Окладников («История Якутской АССР», т. I, стр. 288—293).

²⁵ Полевые материалы автора. «Ункэбил-хосун» (запись со слов Николаевой Анны из Жиганского района, наслег Тюмяти, поселок Чкалов, 1943 г.).

в них и гибнет²⁶. Характерно, что и саккырыские эвены рисуют героя своих противников — юкагиров, обитавших в низовьях Омооя, также с длинными волосами. По этим преданиям, Юкагир-хосун постоянно расчесывал свои волосы. Во время битвы длинные волосы помешали ему одержать победу²⁷. Легенды о состязаниях и столкновениях между населением низовий Лены и юкагирами удалось записать А. П. Окладникову в 1942—1943 гг.²⁸ Имеются и прямые исторические свидетельства о том, что юкагиры заходили в низовья Лены в середине XVII в.²⁹

Вслед за ламутами (эвнами) в юкагирские земли проникли еще до прихода русских якуты. Большая группа якутов в XVII в. обитала в верховьях Яны, заняв, очевидно, территорию, которую осваивали до них японские юкагиры. Если с запада юкагиров теснили тунгусы и якуты, то с юга в их земли вклинивались ламуты.

Казачьи отписки с Индигирки, Колымы, Анадыря пестрят сообщениями о кровавых столкновениях юкагиров с ламутами, чукчами и коряками. Следует подчеркнуть сложные взаимоотношения юкагиров с коряками. В фольклоре и тех и других имеются указания на кровавые столкновения и жесточенные схватки. «Главными врагами юкагиров, — писал В. И. Иохельсон, — были, согласно преданиям, коряки и ламуты. С ламутами битвы были настолько жесточенными, что не щадили даже женщин»³⁰. Предание о вражде с коряками до сих пор бытует среди верхне-колымских юкагиров.

В документах XVII в. содержатся упоминания о вооружении юкагиров. Так, индигирские юкагиры, напавшие на Уяндинское зимовье, были одеты в латы-куяки и шлемы из кости (очевидно, из костяных пластинок). Они имели луки со стрелами, копыя, каменные топоры³¹.

Однако не следует думать, что взаимоотношения юкагиров с соседями сводились только к военным столкновениям. Имели место и обменные связи. В 1663 г. ленские тунгусы, по сообщению служилых людей, договорились встретиться «в трех днищах» от Столбовского зимовья с какими-то неясными юкагирами в числе шести юрт для торговли соболями³². Около устья Анадыря еще в XVIII в. сохранялось «юкагирское торговиче»³³. Здесь происходила меновая торговля между юкагирами и чукчами.

Какие-то эпизодические связи существовали, очевидно, между юкагирами и весьма отдаленными от них народами. Юкагиры с Яны хорошо знали не только своих ближайших соседей, но и далекие племена натков — предков нанайцев и ульчей, обитавших на Амуре³⁴.

Эти свидетельства говорят о том, что обменные связи между юкагирами и их соседями возникли задолго до прихода русских. При всем этом отдельные группы юкагиров представляли собой обособленные коллективы. Источники рисуют следующую картину взаимоотношений между юкагирскими родами или племенами. Близкие связи существовали между юкагирами низовий Алазеи и Индигирки. Алазейский юкагирский князец

²⁶ Полевые материалы автора, «Урэн-хосун» (Записи со слов Соломонова Дмитрия Прокопьевича, 1918 г. рождения, поселок Оленек, 1942 г.)

²⁷ Материалы Индигирской этнографической экспедиции ЯФ АН СССР, 1952 г.

²⁸ А. П. Окладников. Исторические рассказы и легенды Нижней Лены. — «Сборник МАЭ», т. XI. М. — Л., 1949, стр. 101—102.

²⁹ В устье Молоды (приток Лены) юкагиры в 1635—1637 гг. имели столкновения с оленекскими тунгусами («Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах», стр. 276—277).

³⁰ В. И. Иохельсон. По рекам Ясачной и Коргодону. — «Известия РГО», т. XXXIV, вып. 3, СПб., 1898, стр. 260.

³¹ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 2, ст. 43. л. 47.

³² С. А. Токарев. Общественный строй якутов в XVII—XVIII веках. Якутск, 1945, стр. 84.

³³ «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке» (далее — «Колониальная политика царизма...»), Л., 1935, стр. 159.

³⁴ «Открытия русских землепроходцев...», стр. 126.

Невгоча считался названным братом индигирского князя Бурулги³⁵. Мы знаем, что первый принадлежал к племени алаев, второй — к олюбцам.

Были связаны родством нижнеколымские и индигирские юкагиры. В 1640-х годах с Колымы на Индигирку перекочевало несколько юкагирских групп (согласно терминологии документов, — родов)³⁶.

В 1644 г. индигирские юкагиры рассказали Ивану Ерастову, что алазейские юкагиры «ходят по все годы на Колыму реку к колымским мужикам и пени и оленны в гости»³⁷. Быть может, между индигирскими и колымскими юкагирами имели место какие-либо обменные связи, но вернее всего взаимное посещение вызывалось брачными узами.

Дружественные отношения поддерживались между янгинцами и шоромбойцами. Вблизи Подшивверского зимовья шоромбойцы выменивали у янгинцев рыбу на оленьи шкуры и мясо. Янгинские юкагиры и юкагиры шоромбойских родов (верхнее течение Индигирки) в 1642 г. совместно напали на гарнизон Уядинского зимовья³⁸.

Однако известно, что юкагиры-олюбцы, занимавшие нижнее течение Индигирки, жестоко враждовали с юкагирами-янгинцами, обитавшими по среднему течению этой реки и ее притокам Уяндине и Селеняху. В 1641 г. олюбцы напали на янгинцев. Очевидно, борьба велась за право охоты у оленьих плавей. «У нас с енгинскими мужиками бой живет по все годы», — сообщали казакам олюбцы³⁹. Шоромбойские горные юкагиры нападали на тундровых алазейских. В 1658 г. омолоевские юкагиры (хоромой) участвовали в походах служилых людей против яндинских юкагиров и деятельно помогали громить их⁴⁰.

Как можно видеть, враждующие стороны состояли из обитателей тундры и обитателей тайги. Борьба, очевидно, происходила за пограничные охотничьи угодья, в особенности за районы, где дикие олени переплывали через реки. Горные юкагиры, преследуя стада диких оленей, в летние месяцы вслед за ними вторгались в низовья рек, где сталкивались с обитателями тундры. Разница в хозяйстве, образе жизни тех и других, несомненно, подогревала борьбу. Характерно, что тундровые индигирские юкагиры поддерживали дружественные отношения не с юкагирами, обитавшими в верховьях этой реки, а с тундровыми юкагирами Колымы, соответственно, таежные юкагиры Индигирки имели добрососедские отношения с таежными юкагирами Колымы. Отметим, что в пределах таежной и тундровой зон происходили значительные передвижки родов. Они не вызывали кровопролитных столкновений, так как совершались в дружественной среде. В 1640-х годах с верховьев Колымы на Индигирку сошел со своим родом шаман Пороча⁴¹. Б. О. Долгих указывает, что этот род платил на Индигирке ясак до 1681 г., пока родовичи Порочи окончательно не растворились в среде шоромбойских юкагиров⁴². В 1698 г. в Подшивверском зимовье платил ясак род Колымского шамана Чеплока⁴³.

Материалы, относящиеся к 1630—40-м годам, при всей их фрагментарности показывают, что перед приходом русских шло медленное проникновение отдельных групп из соседних народностей в состав юкагиров и постепенное сближение юкагирских племен между собой. Такие обычаи, как побратимство, гостевание, взаимный обмен женщинами способствовали сближению обособленных родо-племенных групп.

³⁵ «Открытия русских землепроходцев...», стр. 134.

³⁶ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 2, ст. 43, лл. 46—48; ф. 214, кн. 145.

³⁷ «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах», стр. 48.

³⁸ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 2, ст. 6, л. 15; Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 404.

³⁹ «Открытия русских землепроходцев...», стр. 133.

⁴⁰ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 2, ст. 56, лл. 62—64; Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 383.

⁴¹ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 2, ст. 43, лл. 46—48.

⁴² Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 404.

⁴³ ЦГАДА, ф. 1177, кн. 1763, л. 31.

Включение в состав Русского государства привело уже в XVII в. к большим изменениям в жизни юкагиров.

Особый интерес представляет вопрос об изменениях, произошедших в XVII в. в хозяйстве юкагиров. Некоторые группы юкагиров, потесненные пришельцами и соседями, по-видимому, вынуждены были отказаться от оседлого образа жизни. Однако наиболее существенным моментом следует считать проникновение к юкагирам в больших количествах железных орудий. Железные орудия и оружие были известны им до прихода русских, хотя преобладали каменные и костяные орудия. В документах есть упоминание о наличии у юкагиров изделий из железа. В 1641/42 г. на Колыме стрелой «железницею» во время одного из боев с юкагирами был ранен Семен Дежнев⁴⁴. В 1657 г. в юкагирской челобитной о насилиях служилого человека Григория Татаринова упоминается кузнец Паланда⁴⁵. В юкагирском языке имеется своя терминология, связанная с обработкой железа⁴⁶. Однако изделий из железа у юкагиров до прихода русских было крайне мало, и в этих изделиях ощущалась большая нужда. В 1640-х годах за ясак служилые люди на Колыме давали юкагирам государево жалованье — подарки в виде «палиц куяшных»⁴⁷.

В 1660—1670-х годах спрос на железные орудия был, очевидно, удовлетворен. Казаки и другие приказные люди уже «наметывали» (называли) юкагирам железные товары: «пальмишка по полуаршина и в три чети аршина», прутья, топоры, куски панцирей, старые стволы от пицалей и т. д.⁴⁸ За эти орудия казаки требовали крайне высокую цену. Так, топор оценивался в 10 соболей, пальма — в 15 соболей. Но юкагирские роды, платившие в ясак сотни соболей в год, эта цена не могла остановить. По всей видимости, жалобы юкагиров на «наметывание» товаров вызывались не только тем, что цена была высока, но и тем, что нужды в этих товарах уже не ощущалось.

В середине XVII в. изделия из железа стали проникать к юкагирам не только от русских, но и от якутов. В 1670-х годах у индигирских и янских юкагиров казаки находили якутские куяки (панцири)⁴⁹. Широкое проникновение железных орудий, без сомнения, сказалось на характере производства юкагиров. Облегчился промысел, упростилось изготовление нарт и лыж. Благодаря применению железных скребков ускорилась выделка шкур, с использованием игл, проколов — изготовление одежды. Вторая половина XVII века была, очевидно, тем рубежом, когда пережиточный неолит на крайнем севере сменился железным веком. Это событие отразилось в юкагирских преданиях.

«Русские топоров дали. Русские сказали: „Этим дерево рубите“. Все начали рубить. Некоторые, ноги отрубив, умерли. Свой каменные топоры все бросили. Ножей дали», — так рисует проникновение железных орудий и оружия юкагирская устная традиция⁵⁰.

Отразившиеся в юкагирских преданиях факты приобретения от русских железных орудий рисуют не единичное, а массовое их проникновение, вытеснение традиционных каменных топоров, рубил, скребков железными.

Глубокие перемены в хозяйстве, образе жизни, несомненно, уже в XVII в. привели к исчезновению многих архаических культурных особенностей юкагирских групп. В некоторых группах обожествляли умерших шаманов. Их кости обшивали ровдугой и возили с собой в качестве

⁴⁴ «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах», стр. 149.

⁴⁵ «Колониальная политика...», стр. 98.

⁴⁶ «История Якутской АССР», т. II, стр. 106.

⁴⁷ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 260, л. 1.

⁴⁸ «Колониальная политика...», стр. 107.

⁴⁹ «История Якутской АССР», т. II, стр. 105.

⁵⁰ В. И. Иохельсон. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе, ч. I, СПб., 1900, стр. 93.

охранителей. В 1652 г., когда от какой-то болезни погибли юкагирские аманаты, их родичи обратились к казакам с просьбой сохранить «костие», за что они обещали доставить ясак⁵¹.

Значительные изменения произошли в XVII в. в расселении и численности юкагиров.

Это отразилось и в юкагирском фольклоре⁵². В 1640—1650-х годах юкагиры активно выступали против ясачного гнета, хотя некоторые группы, соблазненные возможностью торговать с русскими, добровольно соглашались платить ясак. В 1639 г. индигирские юкагиры, шоромбойцы и янгинцы напали на казаков на рыбном промысле и отбили аманатов.

Столкновения имели место и при попытках казаков взять заложников с юкагирских родов.

В первые десятилетия после включения юкагирских земель в состав Русского государства, когда еще не все юкагиры были обложены ясаком и на дальних реках не был установлен элементарный правопорядок, некоторые группы юкагиров нередко становились жертвами хищнических устремлений глав казачьих отрядов, искателей наживы. Больше других от них пострадали пещие оседлые юкагиры, привязанные своим хозяйством к долинам рек. Под предлогом измены ватаги авантюристов нападали на таких юкагиров с целью захвата их имущества и приобретения рабов.

В 1654 г. сын боярский Кирило Ванюков, ясачный сборщик нижнего Индигирского зимовья, по-видимому, с целью обогащения, обвинил местных юкагиров, возглавляемых Уяндой, в измене и направил против них отряд из служилых, торговых и промышленных людей. Не ожидавшие нападения юкагиры были разгромлены, глава их Уянда был повешен, три человека убиты⁵³. Имущество этой группы юкагиров захватили и разделили между собой участники похода. Женщины и дети были обращены в ясырь (рабство). Снимая с себя ответственность за недобор ясака по индигирским зимовьям, приказчик Зашиверского зимовья Ципандин в своей челобитной разоблачил Ванюкова: «В прошлом-де в 164 году зимою сын боярский Кирило Ванюков, собрав на Индигирке реке из-за всех зимовий многих служилых и торговых и промышленных людей для своей бездельной корысти, сказал измену на ясачных индигирских юкагирей и послал на них служилых и торговых и промышленных людей Иванко Овчинникова с товарищи больше ста человек, после государева ясачного збора и велел погромить. И служилые и торговые и промышленные люди по ево Кирилову велению тех индигирских ясачных людей погромили — жен и детей и оленей с триста на погроме взяли и иного всякого юкагирского живота погромили и от того погрому на Индигирке юкагиры обеднели»⁵⁴.

Версия Ципандина не лишена вероятности. Поход против юкагиров был совершен после ясачного сбора. Сам Ванюков в походе не участвовал — так легче было отвести от себя вину. В своей отписке он притворно выражал сожаление о том, что посланные им против юкагиров Иванко с товарищами учинили такой разгром, и сообщал, что он выговаривал им за это⁵⁵. Тем не менее и ему досталась часть награбленного. Разбежавшиеся юкагиры были разысканы казаками. Часть членов этого рода подавала челобитные о возвращении им имущества, жен и детей. По-видимому, просьбы юкагиров были в какой-то степени удовлетворены, и они вновь

⁵¹ «История Якутской АССР», т. II, стр. 407.

⁵² В. И. Иохельсон. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора..., ч. I, стр. 75—76.

⁵³ ЦГАДА, ф. 214, кн. 382, л. 378 об.

⁵⁴ Там же, л. 379.

⁵⁵ Там же, л. 381.

стали платить ясак. В 1686 г. в Уядинском зимовье числились «брат Уядин Сыронит», «Пуянда, Уядин сын» и др.⁵⁶

Однако этот род юкагиров уже не мог оправиться от разгрома. Часть семей, покинув родные места, перешла от полуседлого образа жизни к кочевому, сблизившись со своими собратьями оленеводами.

Столкновение с отрядами служилых людей и внутренние междоусобицы привели к исчезновению анадырских пеших юкагиров — анаулов.

«В 157 [1648] г. пришли на Анадырь реку, — писал Михаил Стадухин, — к анаульским людям к их острожкам и я сказывал им государево жалованное слово и они тово не послушали»⁵⁷. После этого Стадухин с товарищами, «прося у бога помощи, пошли на острожки приступом». Острожки служилые люди взяли и «лучших людей» посадили в аманаты. После этого анаулы, как сообщал Стадухин, «учинились послушными». Однако в следующем году на анаульских людей пошел в поход некий Анисим Костромин с отрядом в семь человек. Они погромили анаулов, «платье и одежды взяли да анаульского парня аманатского родника привезли к себе в зимовье». В ответ в 1650 г. анаулы убили девять человек промышленников во главе с Григорием Вохромеевым. Воспользовавшись этим, люди Костромина, как писал Михаил Стадухин, «в поход пошли и достальных анаульских людей, и который убийстве не были и тех людей разорили, и мне на той реке быть не у ково от их насильства, пошел на иную реку, Аклей»⁵⁸. Таким образом, пешие оседлые юкагиры Анаульского рода как самостоятельная группа быстро исчезли, потревоженные походами служилых и промышленных людей. Не следует думать, что анаулы были полностью физически истреблены, часть их отошла к корякам⁵⁹, часть — к ходынцам, часть попала в ясырь к участникам похода⁶⁰.

Участь нижнеиндигирских и анадырских пеших юкагиров, по-видимому, разделили в период объясачивания и целый ряд мелких оседлых групп речных юкагиров. Однако судьба их не отражена в документах. Погромы нескольких семей, отход их из родных мест в тот период могли остаться незамеченными воеводской администрацией. В этом и кроется объяснение того факта, что пешие юкагиры (за исключением колымских) перестают фигурировать в документах конца XVII в.

Неурядицы первых лет после включения в состав Ленского воеводства Яны, Индигирки, Колымы сказались и на оленных юкагирах. Например, чрезвычайно болезненно отразилась на янских оленных юкагирах распря между омолоевскими служилыми людьми во главе с Михаилом Лифановым и хромовскими во главе с Василием Бурлаком.

В 165 (1657) г. в конце августа Висилий Бурлак «со своими покрученниками», с промышленными людьми, с двумя служилыми — Василием Козьминным и Алексеем Бусормановым — и индигирскими юкагирами «тайным обычаем» напал на омолоевских юкагиров, стоявших во днище от ясачного зимовья.

По сообщению Лифанова, нападавшие «и жен и детей юкагирских ясачных людей побрали с собой и з дувану их по себе разделили». Люди Бурлака разграбили лабазы и отогнали оленей «всех без остатку».

Во время погрома было убито два юкагира⁶¹. Сидевшие в аманатах на Омолое юкагиры подали челобитные. Они жаловались на грабеж и захват в ясырь женщин, которых казаки «держат на постелях». Тем же 166

⁵⁶ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, д. 1394, лл. 32—33.

⁵⁷ Там же, ст. 150, л. 8.

⁵⁸ Там же, лл. 9—11.

⁵⁹ Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 430.

⁶⁰ В 1681 г. в росписи ясыря, находившегося у русских людей в Анадырском острожке, упоминаются три женщины Анаульского рода («Колониальная политика...», стр. 193).

⁶¹ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, ст. 150, лл. 50—51.

(1658) г. датирована и челобитная А. Бусорманова, жаловавшегося на то, что омолоевские служилые люди хотели его зимовье (Хромовское) разбить и отнять аманатов, а его били. Этим же годом датированы и распросные речи аманатов, «зачем приходили казаки с Омолая реки». Аманаты подтвердили, что казаки приходили, чтобы разбить зимовье, захватить их и отнять оленей⁶².

Наконец, в челобитной юкагиров Пели, Когондина и Нейгичамы сообщалось, что они сидят в Хромовском зимовье в аманатах и просят перевести их родников с Омолая на Хрому. В челобитной упоминается о том, что они в 164 (1656) г. «побили» государевых служилых и промышленных людей 13 человек, а в 165 г. были вожами отряда Бурлака в походе против каменных (горных) юкагиров. Последних хромовские юкагиры громили вместе с казаками⁶³.

В 1663 г. омолоевские и хромовские юкагиры отомстили служилым людям за погром 1658 г. Юкагиры захватили Янское нижнее зимовье, перебили гарнизон и увели аманатов. Но через год, опасаясь ответного похода, они подошли к Индигирскому острожку и заявили, что согласны платить ясак. По этому поводу сын боярский Андрей Булыгин сообщал, что в декабре 1664 г. «пришли в Индигирский острожек янские и хромовские изменники, прежние ясачные юкагиры Тимка с племянником и с родом своим, да Килтегин племянник кузнец, да Ножея... А всех их пришло 9 человек и вину свою великому государю принесли: виноваты они перед великим государем, что на Яне реке служилых людей побили за то, что преж сего ходил на них в поход служилый человек Васька Бурлак. А с ним ходил Оленка Бусорманов и убили у них в походе трех человек. И они-де за то и убили его, Оленку Бусорманова, с товарищи».

На челобитные Булыгина из Якутска последовало распоряжение, чтобы омолоевские и хромовские юкагиры платили ясак в Янское нижнее зимовье. В последующие (1666—1668) годы юкагиры исправно платили здесь ясак. Однако в 1669 г. они истребили гарнизон Янского нижнего зимовья и увели аманатов⁶⁴. Все это крайне неблагоприятно отозвалось на положении омолоевских, янских и хромовских юкагиров. Численность их сократилась.

Столкновения между оленными юкагирами и русскими служилыми и промышленными людьми имели место также на Колыме и Индигирке⁶⁵.

Однако не столько военные столкновения, сколько сам ясачный гнет подрывал хозяйство юкагиров.

Юкагиры платили ясак целыми родами. Большинство юкагиров платило ясак по три-четыре соболя в год, некоторые по 7—10 и более соболей, но за ними обычно скрывалось несколько ясачных плательщиков, «его род». По данным Б. О. Долгих, в 1659 г. ясак на Колыме платили не только те 58 человек, которые были упомянуты в ясачных книгах, а 270 человек⁶⁶.

Добыча соболей для уплаты ясака требовала большого времени и сил. Следует отметить, что в лесо-тундровых и особенно в тундровых районах, где обитали юкагиры, соболей было немного, и юкагирам приходилось или выезжать в такие места, где водился этот зверек, или покупать со-

⁶² ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, ст. 150, лл. 33—35. Об этом событии имеется сообщение юкагирки Манду, жившей у казака Ганки Александрова в Жиганске. Она происходила, по ее словам, из янских юкагиров «и на Омолоевском хребте того отца его громил казаки Васька Бурлак с товарищи. И отца-де ее и родников казаки... побили всех, а ее взяли в полон».

⁶³ Там же, оп. 2, ст. 56, лл. 62—64. На этот документ нам любезно указал Б. О. Долгих.

⁶⁴ ЦГАДА, ф. 214, кн. 63, лл. 660—665 (этот документ указан нам Б. О. Долгих); кн. 525, лл. 107—108.

⁶⁵ «Колониальная политика...», стр. 186, 239—240.

⁶⁶ Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 414.

болинные шкурки, отдавая за это своих оленей, запасы рыбы, мяса. Это нарушало традиционный уклад хозяйственной деятельности юкагиров и приводило к их обнищанию. В 1659 г. янские юкагиры жаловались, что они «холодны и голодны стали и дети свои с голоду многие юкагиры продали и оленешка свои съели, и ясаку промыслить стало не на чем»⁶⁷. Благополучие юкагиров подрывала и система заложников-аманатов. В 1659 г. только на Колыме было 23 аманата юкагира.

Как установил Б. О. Долгих, в среднем во всех зимовьях сидело одновременно до 70 юкагиров, около 6% взрослого мужского населения⁶⁸. Отрыв от промысла такого значительного числа трудоспособных мужчин ухудшал экономическое положение юкагиров и сказывался на их численности. Юкагиры неоднократно обращались к служилым людям с просьбами заменить мужчин-кормильцев женщинами и детьми⁶⁹. В конце XVII в. значительная часть аманатов состояла из детей и подростков.

Тяжелым бременем легла на юкагиров подводная повинность. Данных о ней мало. Так, индигирские юкагиры из Уяндинского зимовья неоднократно перевозили на своих оленях казенные грузы: моржовую кость и пушнину с Индигирки на Яну⁷⁰. Усть-янские юкагиры доставляли грузы с Яны на Лену.

Ясачный гнет усугубляли казачьи поборы и прямые грабежи. В 1666 г. анюйские юкагиры, заплатившие ясак в Анюйское зимовье, жаловались, что служилые люди Колымского зимовья отняли у них выданные за ясак государевы подарки: котлы, топоры, пальмы и олово и захватили часть анюйских юкагиров к себе в зимовье в аманаты. В 1660—1670-х годах нижнеколымские юкагиры неоднократно обращались с жалобами на грабежи и притеснения со стороны промысловых людей⁷¹. Особенно страдали от казачьих поборов сидячие пешные юкагиры. «Говорил нам, сиротам твоим, — жаловались среднеколымские юкагиры, — привезите к нам, ясачным сборщикам, в ясачное зимовье лебеди и гуси и берите ягоды и к нам привозите... И призывают к ясачному зимовью по часту летом и зимою в кое время корм добываем — рыбы и звери и птицы — и велят к себе по вся недели корм и соболи привозить»⁷². Как известно, все поборы с коренного населения Севера, за исключением ясака, считались незаконными.

Проходившие через юкагирские стойбища отряды служащих и артели промысловых людей покупали у юкагиров женщин. Их в качестве наложниц или жен служилые уводили в дальние зимовья, а промышленники брали в свои станы. В 1659 г. янские юкагиры Шоромбойского рода сообщали, что они с голоду девок и детей своих на корм продавали⁷³. Женщин часто отнимали и за долги. В 1670—1680-х годах, по данным Б. О. Долгих, вне юкагирских племен находилось около 10% юкагирских женщин⁷⁴.

Ясачный гнет, поборы служилых людей стали причиной некоторых перемещений юкагирских родов во второй половине XVII в.

В середине XVII в. юкагиры с реки Омолы стали перебираться в зимовья Яны. Как сообщали служилые люди Омолоевского зимовья в 1657 г., «аманаты-де били челом государю, что государь пожаловал дал ясак платить на Яне реке в нижнем зимовье и он-де Мишка с аманатами и служилыми людьми в нынешней 166 г. летом хотел идти на Яну зимовать». Но и

⁶⁷ С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII веков, стр. 273.

⁶⁸ Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 440.

⁶⁹ «Колониальная политика...», стр. 112.

⁷⁰ ЦГАДА, ф. 214, кн. 330, л. 486; кн. 378, лл. 497—503.

⁷¹ «Колониальная политика...», стр. 110, 112.

⁷² Там же, стр. 98—99.

⁷³ С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII веков, стр. 273.

⁷⁴ Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 440.

на Яне омолоевские юкагиры не прижились. В ясачной книге Янского нижнего зимовья за 1667 г. против большей части ясачных плательщиков — омолоевских юкагиров — имеются приписки «тот Ножей сошел на Индигирку реку», «тот Мотора сошел на Индигирку» и т. д.⁷⁵

Хромовские юкагиры, кочевавшие к приходу русских в низовьях Яны по Чендону, также передвинулись в низовья Индигирки, на Уяндину, в бассейн Хромы. На прежних местах, судя по ясачной книге 1667 г., осталось около половины этого рода⁷⁶.

В эти же годы значительные перемещения юкагиров произошли и на Индигирке. Из Индигирского верхнего зимовья в нижнее были переведены 54 ясачных плательщика юкагира; напротив, из Индигирского нижнего зимовья в верхнее было переведено 27 человек, на Хрому — 14 человек⁷⁷. Возможно, это были формальные перечисления ясачных плательщиков для удобства уплаты ясака. Но сам факт появления юкагиров, осваивавших верховья Индигирки, в низовьях и обитателей индигирской тундры в верховьях представляет несомненный интерес.

Перемещения групп юкагиров происходили и на Колыме. В Средне-Колымском зимовье в 1666 г. платили юкагиры из рода Шоронды, приписанного к Верхне-Колымскому зимовью⁷⁸.

Превращение юкагиров в «государевых подданных» означало, что они могли в случае нужды получить защиту у служилых людей против своих «немирных» соседей, но и они обязаны были оказывать военную помощь своим новым союзникам. Служилые люди широко пользовались этим, привлекая юкагиров к походам против их неясачных соседей. Юкагиры нередко служили проводниками казачьих отрядов и оказывали помощь в розыске уклонявшихся от платежа ясака. Так, в 1659 г. нижеколымский юкагирский князец Тимкуй пригласил к себе, очевидно, по наущению казаков, чукотского князя Мита и выдал его служилым людям. Мита был взят в аманаты, но вскоре ему удалось освободиться. Оказавшись на свободе, он убил трех юкагиров, а затем с группой чукчей напал на казаков. В ответ на этот набег приказчик Нижне-Колымского зимовья Иван Ерастов совершил поход против чукчей с 49 служилыми людьми и 150 юкагирами⁷⁹. Таким образом, после обясаживания юкагиров их взаимоотношения с группой оленных чукчей, кочевавшей неподалеку от устья Колымы, резко обострились. Неприязнь, существовавшая и между анадырскими юкагирами, с одной стороны, и чукчами и коряками, — с другой, также усилилась во второй половине XVII в. «А которые иноземцы, — писал в 1687 г. десятник Василий Тарасов, — великим государям ясак платят, и те у ясачного платежа говорят: ясак-де с нас просите, а от неясачных коряки и чукчи не обороняете; те-де коряки и чукчи многих родников их на соболиных промыслах побивают, и жен и детей и родников их в полон емлют и оленей грабят, их из жилищ сбили»⁸⁰.

Шестьдесят человек юкагиров Ходынского и Чуванского родов были привлечены в 1697 г. к походу на Камчатку. Трудности похода и несправедливое отношение Владимира Атласова и его приближенных к вспомогательному отряду юкагиров вызвало восстание⁸¹.

Во второй половине XVII в. участились столкновения юкагиров с ламутами. В 1678/79 г. зашиверские ясачные ламуты (эвены) жаловались на ясачных и неясачных верхнеколымских юкагиров («Чепога с товарищи»), которые будто бы побили их родников на Колыме на соболином

⁷⁵ ЦГАДА, ф. 214, кн. 382, л. 405; ф. 1177, оп. 4, кн. 923, л. 2.

⁷⁶ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 923, лл. 5—10.

⁷⁷ ЦГАДА, ф. 214, кн. 382, л. 373.

⁷⁸ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 893.

⁷⁹ «Колониальная политика царизма...», стр. 64.

⁸⁰ ДАИ, т. X, стр. 351.

⁸¹ «Колониальная политика царизма...», стр. 26.

промысле, захватили в плен женщин, детей и оленей⁸². В свою очередь, колымские юкагиры в 1680 г. жаловались на то, что индигирские ламуты грабят их на соболиных промыслах.

Таким образом, во второй половине XVII в. усилились столкновения между юкагирами и их соседями — чукчами, коряками и ламутами. Это привело к сокращению численности юкагиров. Однако не следует преувеличивать значение междоусобиц.

Основной причиной резкого сокращения численности юкагиров во второй половине XVII в. были оспенные эпидемии. От эпидемии 1669 г. сильно пострадали юкагиры Хромовского рода. Их численность сократилась, по расчетам Б. О. Долгих, со 100 человек в 1659 г. до 60 человек в 1681 г.⁸³ Огромный урон принесла юкагирам оспенная эпидемия 1693 г. Особенно опустошительной была она для янских юкагиров. Из 106 ясачных плательщиков Янского нижнего зимовья погиб от оспы 41 человек. Оспа выкосила здесь около 40% населения. За 30 человек умерших ясак все же был внесен 16 уцелевшими ясачными людьми и тремя «новиками», очевидно, подростками⁸⁴. В последующие три года к ясачному платежу в это зимовье являлось всего 34—38 человек.

Если в 1656 г. ясак платили 115 юкагиров Янгинского рода, то к 1667 г. в этой группе осталось всего 55 плательщиков.

Приведенная Б. О. Долгих таблица колебания численности индигирских юкагиров показывает, что с 1680 по 1691 г. Янгинский род уменьшился с 450 до 220 человек, Шоромбойский — с 360 до 200, Олюбенский — с 260 до 180 и Хромовский — с 65 до 25⁸⁵. К 1691 г. по сравнению с 1650 г. численность всех индигирских юкагиров уменьшилась на 45%.

Численность алазейских юкагиров на протяжении второй половины XVII в. держалась на одном уровне. К ясачному платежу являлось от 45 до 50 человек. Но в 1691/92 г. от оспы умерло 27 ясачных плательщиков⁸⁶, т. е. в эту эпидемию погибло около половины алазейских юкагиров.

В конце XVII в. резко сократилась численность колымских юкагиров. С 1660-х годов, когда объясачивание в основном было завершено, до 1680-х годов их численность стабилизировалась: в Нижне-Колымское зимовье ежегодно платило ясак 27—30 человек, в Средне-Колымское — 22—36, а Верхне-Колымское — 28—37. По определению Б. О. Долгих, численность колымских юкагиров в 1680-х годах была 990 человек⁸⁷.

В 1692—1694 гг., после эпидемии оспы (1691 г.), в Нижне-Колымское зимовье являлось к ясачному платежу 12—15 человек, в Средне-Колымское — 5—12 человек, в Верхне-Колымское — 28—29 человек.

По данным ясачных книг, в 1691—1694 гг. умерло по Нижне-Колымскому зимовью 16 ясачных плательщиков, по Средне-Колымскому — 18, по Верхне-Колымскому — 10. В нижнеколымской группе погибло около половины людей, в среднеколымской — три четверти, в верхнеколымской — четверть. Общая численность колымских юкагиров в конце XVII в. едва ли превышала 440 человек.

Особенно трагичной оказалась судьба олонских юкагиров. Уже в 1692 г. колымские сборщики ясака писали: «В то число в нынешнем 201 году тех Олонского зимовья юкагиров у ясачного платежу объявилось никого»⁸⁸. Причина неявики вскоре выяснилась. «Олонские ясачные юкагиры и аманаты и приказчик казак Иван Мелкий и служилые люди волею божией моровом поветрием весною все померли», — сооб-

⁸² «Колониальная политика...», стр. 213—214.

⁸³ Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 387—388.

⁸⁴ ЦГАДА, ф. 214, кн. 1049, лл. 605—607.

⁸⁵ Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 400.

⁸⁶ ЦГАДА, ф. 214, кн. 1049, л. 615.

⁸⁷ Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 415.

⁸⁸ ЦГАДА, ф. 214, кн. 1049 л. 679.

щалося в сметной ясачной книге Якутского уезда за 1694 г. Омолонское зимовье было закрыто⁸⁹.

В отличие от индигирских и колымских юкагиrow, численность анадырских юкагиrow — ходынцев и чуванцев — на протяжении XVII в. не претерпела резких изменений. От оспенной эпидемии 1691/92 г. погибло 11 ясачных плательщиков Анадырского зимовья⁹⁰. Как сообщали позже ясачные сборщики, вымерло пять юрт.

В целом к концу XVII в. численность юкагиrow сократилась с 4500 человек до 2535 человек, или на 44%. Поредевшие и ослабленные племена юкагиrow не могли осваивать огромную территорию от Лены до Анадыря. В конце XVII в. в исконно юкагирских землях прочно обосновались ламуты и стали часто появляться якуты. В 1790-х годах якуты уже освоили не только верхнее, но и среднее течение Яны.

В 1688 г. в Янском нижнем зимовье заплатили ясак 5 человек так называемых новиков, значившихся тунгусами⁹¹. В 1692 г. в этом зимовье числилось 8 новиков-тунгусов⁹².

В Индигирском нижнем зимовье по ясачной книге 1698 г. числились юкагиры Бурулгина, Уяндина, Алазейского и Хромовского родов, а также 5 человек «Верхоянского зимовья якуты, которые сошли на Мому реку», якуты Борогонской волости Якутского уезда (22 человека) и Чириптейской волости (3 человека), Мямяльского рода тунгусы Зашиверского зимовья (4 человека)⁹³.

В Индигирском верхнем зимовье появились ламуты Горбиканского и Годниканского родов Охотского острожка⁹⁴.

Тяжелые условия существования, ясачный гнет и даже оспенные эпидемии не вызвали больших перемещений среди юкагиrow. Отмеченные выше миграции некоторых родов происходили в пределах юкагирских земель. Это обстоятельство, по-видимому, объяснялось малочисленностью юкагиrow и возможностью укрыться в пределах своей же территории. Напомним, что «юкагирская земля» оставалась на протяжении второй половины XVII в. одной из наиболее слабо населенных областей Сибири.

ЭВЕНЫ

Продвигаясь на восток от Ленского острога, в верховьях Яны, Индигирки и Колымы русские промышленные и служилые люди столкнулись с восточной ветвью тунгусских племен — ламутами — предками современных эвенов⁹⁵. «А на вершине-де, государь, Янги реки, — сообщили в Москву в 1640 г. якутские воеводы Петр Головин и Матвей Глебов, — живут тунгусы именем ламутки, а ясаку с себя государю не дают»⁹⁶. В 1639 г. на Охотское побережье через Алдан и Маю вышел отряд Ивана Москвитина⁹⁷. В 1641 г. через хребет в бассейн реки Охоты проник отряд Ивана Горелого, встретивший здесь оленных эвенов, названных им ламутами⁹⁸.

Район распространения термина «ламут» чрезвычайно велик. Это огромная территория от Охотского побережья на востоке до Лены на западе.

⁸⁹ Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 410.

⁹⁰ ЦГАДА, ф. 214, кн. 1049, соч., л. 632.

⁹¹ Там же, кн. 430, лл. 428—472.

⁹² Там же, кн. 760.

⁹³ ЦГАДА, ф. 4177, оп. 4, кн. 1763, лл. 32—50.

⁹⁴ Там же, лл. 18, 22.

⁹⁵ В этнографической литературе эта группа фигурирует под разными названиями: «ламуты», «восточные тунгусы», «орочены», «эвены». Мы приняли термин «эвены», распространившийся в последнее время, хотя в XVII—XIX вв. он в документах не употреблялся.

⁹⁶ «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах», стр. 37.

⁹⁷ Там же, стр. 51.

⁹⁸ Там же, стр. 55—56.

Более точные данные о расселении эвенов дают материалы, показывающие кочевки отдельных родов.

В 1943 г. Н. Н. Степанов опубликовал интересный документ — роспись тунгусских родов по расспросу Ивана Москвитина⁹⁹. В 1948 г. С. А. Токарев опубликовал документ, содержащий один из наиболее полных списков родов этих ламутов¹⁰⁰. Анализ родовых наименований эвенов, их численности и расселения ко времени прихода русских дан в работе Б. О. Долгих¹⁰¹. Родовой состав и численность охотских оленных эвенов, по его данным, в 1678 г. представляется следующим образом:

Род	Плательщи- ков ясака	Район кочевок
Долганский	60	Мотыклей, Тауй, верховья Колымы
Годниканский	92	Охота, Урак, верховья Юдомы
Горбиканский	90	Юдома, Аллах-юнь
Киларский	83	Юдома, Охота, Улья
Уяганский	154	Иня, истоки Колымы
Дельянский	117	Между верхними притоками Индикирки и Колымы
Кукугирский	112	Верховья Индикирки
Всего	708	

Оленными родами числились также Лелтягирский — 5 ясачных плательщиков, Кайтагирский — 10, Озянский — 3, Гулюгирский — 8, Бояшинский — 5, Зеведорский — 7, Горгорский — 3. Однако эти роды представляли частично подразделения пеших родов или оторвавшиеся от них семьи (Гулюгирский, Бояшинский), частично какие-то обособленные группы внутри оленных родов. Так, с киларами кочевали на правах родичей лелтягиры, кайтагиры и гулюгиры. Характерно и то, что в наименования мелких оленных родов входил суффикс «гир», т. е. род: Кайтагир — род Кайтаги, Лелтягир — род Лелтяги и т. д. Так обычно именовались большие семьи, называвшие себя по имени своего главы. Весьма возможно, что эти роды были выделены служилыми людьми случайно и в дальнейшем сохранялись в документах в силу административной традиции. Это соображение позволяет, нам думается, исключить мелкие подразделения из списка охотских родов. Семь основных родов охотских оленных тунгусов носили, за исключением Кукугирского рода, территориальные наименования. Из этих родов непосредственно с Охотским побережьем были связаны пять родов — Долганский, Годниканский, Горбиканский, Киларский и Уяганский. Они кочевали по рекам, впадающим в Охотское море. Годниканы, горбиканы, килары, уяганы имели значительные группы пеших родичей на самом побережье. Менее связаны были с побережьем дельяны и кукугиры. Однако кукугиры находились в родстве с годниками и нередко помогали им в военных походах против охотских служилых людей¹⁰².

В несомненной связи с оленными родами находились пешие охотские тунгусы. Представление об их расселении и численности в середине XVII в. дает следующая таблица, заимствованная нами из работы Б. О. Долгих.

⁹⁹ Н. Н. Степанов. Первая экспедиция русских на Тихий океан. — «Известия ВГО», т. 75, 1943, вып. 2.

¹⁰⁰ С. А. Токарев. Несколько данных XVII в. о якутах и их соседях. — «Сборник материалов по этнографии якутов», Якутск, 1948, стр. 41—43.

¹⁰¹ Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 491—541.

¹⁰² ДАИ, т. V, стр. 68; т. VIII, стр. 179.

Род	Плательщиков ясака	Река	Род	Плательщиков ясака	Река
Озынский	7	Улья	Шолонский	31	Охота
Бояшинский	35	Урак	Ачганский	49	Кухтуй
Увахтагирский	23	»	Толбарский	15	»
Гулюгирский	12	»	Улбидорский	14	Улбея
Уяганский	52	Охота	Уягирский	45	Иня
Годниканский	37	»	Негнярский	30	»
Горбиканский	31	»	Неганский	34	»
Киларский	27	»	Угчерский	26	Мотыклей
Шолганский	51	»	Инганский	12	Тауй
Нюнюгирский	12	»	Нювчинский	10	Яна
Неякагирский	11	»	Муйтукарский	15	Армань
Чапчигирский	7	»	Абдарский	18	»
Ельянский	20	»	Угдигирский	44	Ола

Всего 668

Из 26 родов шесть представляли собой оседлые ответвления оленных родов (Уяганского, Киларского, Годниканского, Горбиканского, Озынского), часть носила территориальные названия (Улбидорский по реке Улбе, Инганский по реке Ине, хотя на Ине жили ненюкагиры и уягиры)¹⁰³. Часть родов называлась по именам своих родоначальников (Чапчигирский, Гулюгирский). Среди аманатов часто встречались лица с именами, совпадавшими с названиями того или иного рода.

Родовые наименования пеших эвенов, их связи с оленными позволяют считать, что те и другие представляли в этническом отношении одно целое.

Большой интерес для нашей темы представляет вопрос об общей численности охотских эвенов к приходу русских. О сравнительном многолюдстве этой группы имеется много свидетельств. В устье Охоты, по донесениям С. Шелковника, основателя Охотского острога, было около 1000 человек «тунгусов»¹⁰⁴. Служилые люди в 1652 г. определяли численность охотских эвенов «больше 5000 человек»¹⁰⁵.

По определению Б. О. Долгих, численность охотских эвенов вместе с зашиверскими и колымскими в середине XVII в. достигала 5700 человек обоого пола, в том числе пеших 2680 человек, оленных 3015 человек¹⁰⁶. В качестве исходных данных для расчетов их численности Б. О. Долгих использовал, за отсутствием более ранних, ясачный список 1678 г. По нему в Охотском остроге числилось 1223 ясачных плательщика. Указав на то, что в списке много умерших, Б. О. Долгих принял данные 1678 г. за численность эвенов середины XVII в. При этом по сравнению с 1678 г. он увеличил лишь численность пеших на 30 ясачных плательщиков, учитывая ее уменьшение от эпидемии оспы 1659/60 г. Имеющиеся материалы не позволяют нам полностью присоединиться к его оценке общей численности охотской группы эвенов. По данным ясачной книги 1668 г., в Охотском остроге к ясачному платежу явилось 1163 человека¹⁰⁷.

В 1669 г. только «сошлых» (т. е. беглых) эвенов в Охотском остроге значилось 71 человек, а в 1673 г. — 93. Несомненно, часть населения и ранее уклонялась от платежа ясака. Следовательно, данные 1668 г. надлежит увеличить на число сошлых и несысканных. Полагая, что несысканных было не меньше, чем сошлых, мы удвоили среднее число последних

¹⁰³ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, д. 642, лл. 4, 7.

¹⁰⁴ Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 535.

¹⁰⁵ ДАН, т. III, стр. 348.

¹⁰⁶ Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 530.

¹⁰⁷ Там же, стр. 521.

(140—150 человек). Таким образом, в группе охотских эвенов в 1668 г. было 1300—1320 взрослых мужчин, с зашиверскими и колымскими — около 1550, а всего населения около 6000—6200 человек. Однако время между появлением русских на Охотском побережье и 1668 г. было для эвенов весьма тяжелым. Их численность, несомненно, уменьшилась вследствие столкновений со служилыми людьми. Приведение охотских эвенов «под высокую государеву руку» тянулось около 25 лет и сопровождалось кровопролитными столкновениями. Усилия служилых людей с 1639 г. до середины 1650-х годов были направлены главным образом на то, чтобы закрепиться в этих новых районах. В 1651—1652 гг., несмотря на многочисленность охотских эвенов, с них было собрано всего 5 сороков 30 соболей¹⁰⁸.

С 1647 по 1651 г. охотский гарнизон находился в осаде¹⁰⁹. В 1653 г. эвены вынудили служилых людей уйти из острожка и сожгли его. Однако в 1654 г. отряд Андрея Булыгина восстановил острог. Летом этого года казаки ходили вверх по Охоте «на государевых изменников», «и с ними иноземцы у них служилых людей бой было многое время»¹¹⁰. В августе на станы казаков напали эвены, «скопясь сот с пять и больше» во главе с Комкой Бояшинцем, но были отбиты. В следующем году, в сентябре, служилые люди ходили вверх по Охоте «и на том бою неясачных многих людей побили»¹¹¹. В том же 1655 г. в ноябре был совершен большой поход против немирных эвенов Бояшинского рода¹¹². Он был разгромлен, и вскоре без боя дали аманатов и заплатили ясак Долганский, Ажганский, Горбиканский и Уяганский роды¹¹³. В 1660 г., по сообщениям казаков, при походе на реку Тауй было убито «неясачных тунгусов человек пятьдесят»¹¹⁴.

Наступательные действия служилых людей из Зашиверского острога, Колымского, Майских зимовий и Охотского острога вынудили в середине 1660-х годов и оленных эвенов прекратить сопротивление. В 1661 г. годникане оленные, возглавлявшиеся неким Яканом, без боя выдали охотским служилым людям четырех аманатов и согласились платить ясак. Причину подчинения годниканов объясняли сами казаки: «А житие их Яканова близко собачьей Индигирки реки и Зашиверя и с тех рек государь служилые люди его Якана достают и ходят на них в походы войною по многие годы»¹¹⁵. Согласие на выплату ясака в какой-то мере ограждало годниканов от походов служилых людей. Охотский приказчик Корнил Скворцов просил поведому сообщить зашиверским служилым людям, чтобы они не преследовали Яканов род.

Значительный урон нанесла эвенкам эпидемия оспы 1657—1659 гг. На Бояшинском, Годниканском, Шелонском, Горбиканском, Киларском и других родах возникли большие недоимки. Судя по ясачной книге 1660/61 г., эти недоимки появились в период с 1654 по 1660 г. Главной причиной недобора ясака была оспа. «Недоборного ясаку донять немочно, — писали ясачные сборщики о Бояшинском роде, — потому что они, иноземцы, оскудели и в моровое поветрие померли, только он, Комка (аманат — И. Г.) остался сам шесть»¹¹⁶.

В ясачной книге, к сожалению, не указывается точное число погибших от оспы. Сообщения позволяют лишь видеть, что оспа произвела сильней-

¹⁰⁸ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, д. 438, л. 8.

¹⁰⁹ С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII веков, стр. 276.

¹¹⁰ ААН, ф. 21, оп. 4, д. 31, л. 26.

¹¹¹ ДАИ, т. IV, стр. 3.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же, стр. 4—7.

¹¹⁴ Там же, стр. 267.

¹¹⁵ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 1, ст. 217, л. 48.

¹¹⁶ Там же, л. 46.

шие опустошения. В Киларском роде, платившем под трех аманатов 46 соболей, по данным ясачных сборщиков, осталось 7 человек¹¹⁷, в Капнагирском роде, платившем 18 соболей, остался 1 человек, он внес в ясак два соболя¹¹⁸. В Немнегирском роде аманат Лугит погиб со всеми своими родственниками¹¹⁹. Некоторые роды перестали платить ясак в связи со смертью аманата. Так, Лялтигирский род после смерти аманата Маминкура с ясаком не бывал¹²⁰.

Оспа затронула и оленных эвенов, хотя и в меньшей степени. Об этом можно судить по сообщениям о гибели каких-то групп тугочаров и лелтигиров. Сидевшие в аманатах охотские тунгусы в 1661 г. жаловались, что их родичи «разорены и в походах побиты и в прошлых в 168 и 167 годах у морового поветрия примерли»¹²¹.

Всего в районе Охотского острожка в 1659/60 г., по сообщениям ясачного сборщика Корнила Скворцова, «во 168 и во 167 годах в моровое поветрие выпропало сот шесть и больше»¹²². Если считать, что Скворцов указал численность ясачных людей, то от оспы погибло около половины населения. Однако и казаки и сами аманаты были заинтересованы в том, чтобы представить размеры бедствий в наиболее мрачных красках. Если даже суммировать прямые потери и считать, что данные о количестве погибших от оспы были преувеличены в два-три раза, все же оспа унесла около 200 человек.

Уменьшение численности охотских эвенов вследствие известных нам столкновений со служилыми людьми и эпидемий оспы выражалось в цифре не менее 300 человек взрослых мужчин или 1000 человек обоего пола. Приплюсовав эту цифру к численности эвенов в 1668 г., мы получим численность этой группы к приходу русских: 7000—7200 человек.

Что же представляла собой в XVII в. эта сравнительно многочисленная восточная ветвь тунгусов?

«Они люди кочевые,— писали казаки об оленных эвенах,— не в одном месте зимуют, переходя с реки на реку»¹²³. В документах отмечалось, что оленные «кормятца зверем и рыбою», ездят верхом на оленях¹²⁴. Среди оленных выделялись «лутчие богатые мужики» и «безродные худые люди»¹²⁵. Пешие эвены, как указывалось в донесениях казаков, промышляли рыбу и зверя. Жили они в поселках, состоявших из небольшого числа юрт, для передвижения использовали собак¹²⁶. Между оленными и пешими родами существовал обмен¹²⁷. Пешие нуждались в оленных шкурах и оленьем мясе, оленные — в рыбе, нерпичьих шкурах и т. д.

Заслуживают внимания сообщения служилых людей о вооружении эвенов. В «сказке» Нехороша Колобова о его службах на Улье и Охоте, датированной 1646 г., сообщалось, что эвены «и лес и дрова секут и юрты рубят каменными и костяными топорами... А бой у них лучной и стрелы и копейца и рогатины все костяные, а железных мало»¹²⁸. Сообщения Колобова подтвердил Андрей Горелый: «А бой у них лучной, стрелы — копейца костяные, а быются на оленях сидя»¹²⁹. По-видимому, к приходу

¹¹⁷ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, ст. 738, л. 7.

¹¹⁸ Там же, л. 9.

¹¹⁹ Там же, оп. 1, ст. 217, л. 47.

¹²⁰ Там же, оп. 4, ст. 738, л. 13.

¹²¹ Там же, оп. 1, д. 217, л. 43.

¹²² Там же, л. 38; С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII веков, стр. 274.

¹²³ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 438, лл. 10—11.

¹²⁴ «Колониальная политика...», стр. 213; «Открытия русских землепроходцев...», стр. 142.

¹²⁵ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 1, ст. 43, л. 50.

¹²⁶ Н. Н. Степанов. Первая экспедиция русских на Тихий океан, стр. 46—47.

¹²⁷ «Колониальная политика...», стр. 219.

¹²⁸ «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах», стр. 51.

¹²⁹ Там же, стр. 56.

русских железные орудия на Охотском побережье представляли редкость. По мнению Б. О. Долгих, они проникали к эвенкам с Амура и из Манчжурии¹³⁰.

Н. Н. Степанов, суммировав материал об обмене в Восточной Сибири, показал, что по тем временам он был достаточно широким. Путем многократного перехода из рук в руки серебряные украшения и железные изделия проникали и к эвенкам¹³¹.

Охотские тунгусы были знакомы с обработкой железа. В ясачных документах часто встречается имя Тевинк — кузнец¹³². В 1663 г. эвенки жаловались на ясачного сборщика Кирила Скворцова, заставлявшего их брать привезенное им плохое железо и требовавшего имевшееся у них хорошее железо¹³³. После появления русских на Охотском побережье железо стало поступать к эвенкам как от русских, так и от якутов. В 1651 г. охотские эвенки встретили служилых людей боем и были «збруйны и оружейны, с луки и копы, в куюках и шинках в железных и костяных»¹³⁴.

Что же представляла собой в этническом плане эта группа эвенков? Сообщения о военных столкновениях между самими эвенками крайне редки, датируются сравнительно поздним временем и относятся к периферийным районам. Охотские ясачные люди в 1650—1660-х годах иногда жаловались друг на друга служилым людям, но эти жалобы касались каких-то частных внутренних событий — убийство, изнасилование и т. д.¹³⁵ Сравнительная монолитность охотской группы эвенков позволяет нам полагать, что они представляли собой одно большое племя, подразделявшееся на патриархальные роды. Такие группы как килары (110 ясачных плательщиков), уяганы (206 ясачных плательщиков), годниканы (129 ясачных плательщиков) были, по-видимому, разросшимися патриархальными родами. Члены их осознавали родство и поддерживали друг друга во время военных действий. Эти роды подразделялись на какие-то более мелкие единицы — очевидно, большие патриархальные семьи.

Н. Н. Степанов привел сведения, относящиеся к 1640 г., о семье некоего Эрбикана из Киларского рода. Она состояла из его детей, в том числе трех женатых сыновей, брата главы семьи, имевшего, в свою очередь, семь сыновей, в том числе шесть женатых¹³⁶. Документы сообщают, что в оленном Киларском роде было шестьдесят «лучших богатых мужиков»¹³⁷. Возможно, каждый из них возглавлял какую-то патриархальную группу.

В 1672 г. в Зашиверском остроге была проведена перепись ясачных людей. Члены Кукугирского рода показали, что в роде аманата Куликаанко мужчин с подростками 8 человек, в роде Мельги — 14, Бази — 13, Мохнатки — 9, Намальчи — 13¹³⁸. Таким образом, большие семьи имели от 10 до 50 взрослых мужчин, а с детьми и женщинами их численность колебалась от 30 до 150 человек.

Хозяйственной единицей была малая семья. «А улусами и юртами, — сообщали зашиверские эвенки, — нас описать нельзя, потому что мы ходим в юрте человека по четыре и по три и по два и по одному, а не улусами, и то по разным местам, друг друга не ведаем и не знаем, хто куды ходит,

¹³⁰ Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 541.

¹³¹ Н. Н. Степанов. Межплеменной обмен в Восточной Сибири, на Амуре и на Охотском побережье. — «Ученые записки ЛГУ», серия историческая, Л., 1939, вып. 5, № 48.

¹³² ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, ст. 738.

¹³³ С. А. Токарев. Общественный строй якутов XVII—XVIII веков, стр. 243.

¹³⁴ ДАН, т. III, стр. 333—334.

¹³⁵ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, ст. 243, лл. 262—273, 277—279, 285—286.

¹³⁶ «Якутия в XVII веке», стр. 191.

¹³⁷ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 1, ст. 43, л. 50.

¹³⁸ «Якутия в XVII веке», стр. 190.

и сходимся годом в одно время ненадолго с ясным платежом к Зашиверскому острогу, и то не вместе и не вдруг»¹³⁹. Эвены промышляли большую часть года семьями и объединялись лишь в случае опасности. Таким образом, восточная ветвь тунгусов, так называемые ламуты, представляли собой обособленную этнографическую группу с ясно выраженным патриархальным родовым строем.

История формирования этой группы помогает понять общие этнические процессы, протекавшие в XVII в. на северо-востоке Сибири. В свете гипотезы, широко аргументированной в последние годы М. Г. Левиным, о возникновении тунгусского оленеводства в горных районах Забайкалья — Приамурья, ранняя история формирования восточных тунгусов может быть представлена в несколько схематизированном виде следующим образом.

Из Забайкалья — Приамурья оленные группы — предки тунгусов — проникли на юг Охотского побережья. Богатые промысловые угодья побережья, резко контрастировавшие с привычной оленеводам зоной лиственничной тайги, бедной рыбой и зверем, должны были показаться пришельцам обетованной землей. Естественно, что тунгусские племена стали стремиться к побережью. Они обосновались там, отчасти потеснив, отчасти ассимилировав прибрежные палеоазиатские группы. Самый авторитетный археолог северо-востока Сибири А. П. Окладников связывает широкие миграции тунгусов с железным веком, с событиями I тыс. н. э.¹⁴⁰ К этому времени можно отнести и проникновение тунгусов на побережье и сложение оседлой приморской тунгусской культуры.

В советской литературе неоднократно поднимался вопрос об историческом соотношении пещного (оседлого) и кочевого (оленного) типов хозяйства. В 1938 г. А. М. Золотарев высказал предположение, что так называемые пещные тунгусы представляли собой реликт доолeneводческой стадии хозяйства¹⁴¹. По мнению Г. М. Василевич, пещные тунгусы еще в неолите вышли к Охотскому побережью, где их настигла волна тунгусов-оленеводов¹⁴².

По-иному решает этот вопрос М. Г. Левин. Указывая на особенности культуры пещных тунгусов Охотского побережья, близость этой культуры к культуре палеоазиатов, а также на то, что охотские пещные тунгусы — эвены принадлежали в значительной мере к тем же родам, что и оленные, и поддерживали с последними тесные связи. М. Г. Левин высказал, на наш взгляд, более убедительное предположение, чем его предшественники, о том, что отдельные группы пещных тунгусов представляли собой отпущенных палеоазиатов¹⁴³.

В XVII в. на Охотском побережье существовали два центра сосредоточения тунгусского населения — Удско-Амгунский, тяготевший к Приморью, и Охотско-Тауйский. В обеих группах были оленные и пещные роды. Близость Удско-Амгунского района концентрации тунгусов к предполагаемой области первоначального возникновения оленеводства позволяет полагать, что именно здесь сложился ранний центр тунгусской прибрежной культуры. Возникновение Охотско-Тауйского центра относится, по-видимому, к более позднему времени.

¹³⁹ «Колониальная политика...», стр. 213.

¹⁴⁰ А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование, ч. 3. — «Материалы и исследования по археологии СССР», № 43, 1955.

¹⁴¹ А. М. Золотарев. Новые данные о тунгусах и ламутах в XVIII веке. — «Историко-марксист», № 2, 1938, стр. 81.

¹⁴² Г. М. Василевич. Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов. — «Советская этнография», 1946, № 4, стр. 34—49; см. же. Эвенкийская экспедиция. Предварительный отчет. — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. V, 1949, стр. 54—63.

¹⁴³ М. Г. Левин. Этническая антропология..., стр. 201—202.

Не исключено, что на Охотское побережье помимо тунгусов — выходцев из Приамурья, проникли и прибайкальские тунгусы, теснимые воинственными степными племенами. Долины рек Витима, Олекмы, Алдана, Май, Юдомы были, по-видимому, теми путями, по которым волны тунгусских племен распространялись на восток. Хребты, разделявшие эти реки, не представляли препятствий для оленных тунгусов.

Имеющиеся данные позволяют лишь с большой осторожностью говорить об особенностях и отличиях удско-амгунских тунгусов от охотско-тауйских. У последних преобладали территориальные наименования родов и племен, тогда как у первых — типично тунгусские (с окончанием на «гир», т. е. род). Поздние сведения указывают на диалектальные различия: удско-амгунские тунгусы говорили на собственно эвенкийских диалектах, тогда как охотско-тауйские — на эвенских. Прослеживается различие и в физическом типе представителей обеих групп¹⁴⁴. Все это, возможно, свидетельство особого исторического пути формирования охотской группы тунгусов. В сложении этой группы приняли участие юкагиры, коряки, а позднее и якуты.

Не вдаваясь в рассмотрение связей охотских тунгусов с югом, что увело бы нас далеко от нашей темы, мы позволим себе остановиться на области распространения охотских родов и взаимоотношениях, сложившихся между ними в XVII в.

Около Охотского побережья (реки Улья, Охота, Иня) к приходу русских была относительно высокая плотность населения. Роды охотских тунгусов, которые в 1670—1680-х годах кочевали на Мае, верховьях Колымы и Индигирки, в 1640—1650-х годах преимущественно обитали в бассейнах рек, впадавших в Охотское море. В 1644/45 г. служилые люди во главе с десятником Данилом Ивановым, посланные по Алдану на Майю под Ламский волок, восстановили ясачное зимовье и захватили в аманаты сына киларского князя Ковыри. По этому поводу казак писал: «И ясаку тебе, государь, с него, Кавыри, на нынешний на 153 год взяли вновь, шесть сороков соболей, не больше потому, что тот Ковыря приходил с тунгусами к зимовью легким делом последним путем весною». Далее казаки сообщали, что в роде Ковыри «лучших людей богатых мужиков оленных» шестьдесят, а пеших неоланных много, что Ковыря обещает привести в подданство «иных захребетных и неясачных тунгусов за Ламским волоком, которые его, Ковырю, слушают на Охоте реке и на Ульяе и возле моря»¹⁴⁵. Из этих сообщений можно заключить, что значительная часть киларов в середине XVII в. держалась около Охотского побережья, и только оленеводы весною «легким делом» откочевывали в гольцы.

Около Охотского побережья, по-видимому, кочевали и кукугиры, в дальнейшем перешедшие в бассейны Индигирки и Колымы. В 1667 г. приказчик Охотского зимовья Федор Пуцин, после того как было отбито нападение тунгусов на зимовье, послал 50 человек служилых и промышленных людей вверх по Охоте реке для того, чтобы взять заложников. Неподалеку от острога отряд захватил пять аманатов из Кукугирского рода, а затем взял и еще многих людей из этого рода в заложники¹⁴⁶. Таким образом, значительная часть кукугиров была обнаружена казаками на реке Охоте около Охотского побережья. Оленеводы, концентрировавшиеся в районе Охотского побережья, тесно связанные обменными отношениями со своими пешими приморскими сородичами, осваивали не только реки, впадавшие в Охотское море, — Улья, Охоту, Иню, — но отходили на лето и в хребты далеко на восток, где укрывали оленей от комаров и гнуса, охотились на диких оленей и горных баранов. Пользуясь своим относительным много-

¹⁴⁴ М. Г. Левин. Этническая антропология..., стр. 149.

¹⁴⁵ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 1, ст. 43, л. 50.

¹⁴⁶ Там же, ст. 235, лл. 37—40, 95—98.

людством, возможностью быстро передвигаться, группы охотских тунгусов проникали в весьма отдаленные районы и обосновывались на постоянное жительство в новых местах, богатых зверем. При этом они не только сохраняли, как показывают исторические документы, воспоминания о своем приморском происхождении, указывая, что они ламуты — морские люди, но и поддерживали связи со своими приморскими сородичами.

Так, зашиверские эвены (ламуты) и во второй половине XVII в. часто выходили на побережье. В именной ясачной книге Зашиверского острога за 1677 г. против лиц, не явившихся к платежу, встречаются следующие приписки: «Чевани Бурукны, а по сказке Губы и Чацри тот Чевани живет на Ламе»¹⁴⁷.

На Охоту (Ламу) в 1677 г. откочевали три ясачных плательщика из Зельянского (Дельянского) рода, пять из Кукугирского рода, один из Шоромбойского юкагирского рода и один из Уганского (Уяганского).

Ламутами именовались и западные соседи зашиверских родов. Так, буяксиры, кочевавшие в районе истоков Яны, и по правым притокам Алдана, платившие ясак в Кампунское зимовье на Алдане, а частично в Уснетской волости, назывались ламутками или ламутскими тунгусами. В ранних документах даже река Алдан именовалась Ламой. Ламутские алданские тунгусы проникали на Оймякон и на Индигирку. Как показал Б. О. Долгих, западное подразделение охотского Озянского рода представляли собой и тугочеры (ичаны), кочевавшие в горных районах Алдана и Май и платившие ясак в Бутальское зимовье¹⁴⁸.

С Охотским побережьем были связаны и мямьяльские тунгусы. В 1641 г. Михаил Стадухин искал мямьяльцев и ламуныхцев на Оймяконе, где кочевали охотские тунгусы. Основным районом кочевков мямьяльцев был бассейн реки Томпо, а также рек Уяна и Тукулан. Мямьяльцы, возможно, представляли собой одну из крайних западных групп охотских эвенов, включившуюся в якутские поселения. Континентальные группы эвенов, кочевавшие в горных безрыбных районах, были малочисленны по сравнению с охотскими родами. Общая численность буяксиров, по данным Б. О. Долгих, не превышала 140 человек обоего пола, тугочеров — 120 человек, мямьяльцев — 160 человек¹⁴⁹. Цепь тунгусских родов охотского происхождения не обрывалась на буяксирах и мямьяльцах.

В Усть-Вилуйское зимовье на Лене до 1651 г. платили ясак родовичи Калтакульского, Кумкагирского и Нимчанского родов. Калтакульцы, как отмечали служилые люди, принадлежали к вилуйским тунгусам¹⁵⁰. В отношении нимчанов известно, что другим наименованием их было «долганы»¹⁵¹. Члены Кумкагирского и Долганского родов платили ясак в Усть-Вилуйское зимовье начиная с 1636 г. Следует отметить близость наименований «Кумкагир» и «Кукугир». Быть может, это одно наименование, зарегистрированное по-разному служилыми людьми. Далее на север в низовьях Лены и Оленека мы встречаем опять типичные родовые наименования охотских тунгусов — Азян и Лалагир. Характерно, что эти наименования сочетаются не только в низовьях Лены, но и на Охотском побережье. Лалагиры, кочевавшие по Мае и Учтуру, находились в родственных связях с охотскими азиянами. Совпадение родовых наименований, несмотря на их территориальный характер, и сочетание одних и тех же групп родов в низовьях Лены и на Охотском побережье трудно рассматривать как случайное. По-видимому, ленские азяны и лалагиры — группа охотских азянов и лалагиров, продвинувшаяся по Алдану и Лене к Ледовитому океану.

¹⁴⁷ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, д. 1164, л. 2—14.

¹⁴⁸ Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 369, 494, 499, 500.

¹⁴⁹ Там же, стр. 506.

¹⁵⁰ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 34, л. 48.

¹⁵¹ Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 452.

Если принять это предположение, то становится ясной и причина частых кровопролитных столкновений между оленекскими и ленскими азянами, с одной стороны, и есейскими и вилюйскими тунгусами — с другой.

Пришельцы с востока — азяны и лалагиры — заняли территорию западных тунгусов, а возможно и юкагиров, потеснили их, захватив районы, богатые диким оленем. Быть может, азянов и лалагиров вынудили к этому якуты, обосновавшиеся в лено-алданском междуречье. В многочисленных жалобах на междоусобицы нам не приходилось встречать упоминаний о неприязненных действиях между азянами, лалагирами, долганами и кумкагирами. Очевидно, эти родовые группы были связаны между собой союзом или родством.

Воинственные северо-восточные эвенские роды, по-видимому, незадолго до прихода русских заняли низовья Лены и Оленека, разобив тавгийцев и юкагиров. Однако они были уже хозяевами этого района, когда здесь появились служилые люди. Характерно, что тунгусы производили поделки диких оленей даже в низовьях Оленека.

Таким образом, несколько схематизируя картину, можно констатировать, что низовья Оленека и Лены, бассейны Алдана и Май вплоть до Охотского побережья осваивали тунгусские группы с наименованиями Азян (Озян) и Долган.

Цепь тунгусских родов с этим наименованием была разомкнута лишь в устье Вилюя и в лено-амгунском междуречье якутским этническим массивом. Однако малочисленные якутские поселения не были сколько-нибудь значительной преградой для подвижных тунгусских групп, всегда имевших возможность обойти эти поселения. Северные оленные азяны и лалагиры в низовьях Лены и Оленека, возможно, и в период проникновения служилых людей в Ленский край еще поддерживали связи со своими южными сородичами, кочевавшими в бассейнах Алдана и Май. Укажем, что и в конце XVII в. из этих южных районов в низовья Лены передвинулись крупные группы эвенков и якутов.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что тунгусские племена с наименованием Азян (Озян), Долган и близкие к ним подразделения охватили полукольцом территорию расселения юкагирских племен. Само наличие азяно-долганской полосы протяжением около 2,5 тыс. км, тянувшейся от Ледовитого океана почти до Охотского побережья (река Май), нам кажется, проливает свет на раннюю историю распространения тунгусов на северо-востоке Сибири.

Гористые и безрыбные районы трудно рассматривать как колыбель сравнительно многочисленной восточной группы тунгусов. Так, про реку Оймьякон Михаил Стадухин писал: «жити служилым людям не у чево и кормица нечем»¹⁵². Верховья Индигирки, Яны и Колымы использовались тунгусами главным образом как летовки.

Все это позволяет думать, что территория, прилегающая к Охотскому побережью от Удской губы на юге до Тауйской на севере, была областью, откуда распространялись на северо-запад тунгусские племена с наименованием Азян и Долган. Имеющиеся материалы о значительной концентрации тунгусов в бассейнах Улы, Охоты, Ини и Тауя дают возможность полагать, что именно этот район был главным центром, из которого волны восточных тунгусов — эвенов устремлялись на запад.

Косвенным подтверждением того, что тунгусские (эвенские) племена на огромной территории от побережья Охотского моря до бассейнов Лены и Оленека имели общее происхождение и представляли собой в XVII в. некоторое единство, можно видеть в языковых материалах. Наречия, рассматриваемые лингвистами как ламутские-эвенские, охватывают ныне

¹⁵² «Открытия русских землепроходцев...», стр. 120.

область, ограниченную правыми притоками Лены на западе и Охотским побережьем на востоке. Согласно исследованиям В. И. Цинциус, эвенский язык подразделяется на западный диалект, распадающийся на тугягирский, ламунхинский и юкагирский говоры (территория между Леной и Индигиркой), и восточный, подразделяющийся на ольский, охотский, пенжинский, быстринский, верхнеколымский, колымско-омолонский, анадырский, индигирский (момский) и томпонский говоры. Особо выделен арманский диалект оседлых эвенов прибрежных районов Магаданской области¹⁵³.

К. А. Новикова предложила свою классификацию эвенских диалектов, подразделив их на три группы: восточную (говоры ольский, охотский, пенжинский, быстринский, анадырский, колымско-омолонский), среднюю (томпонский, момский и аллайховский) и западную (ламунхинский и тугягирский)¹⁵⁴. Таким образом, оба исследователя пришли к близким выводам о территории распространения эвенских говоров. Для нашей темы важно, что современная территория их распространения целиком включает в себя территорию расселения родов и племен, относимых нами на основе их наименований к охотским эвенкам. Все это свидетельствует о том, что область распространения ламутской (эвенской) этнографической группы в XVII в. простиралась далеко на запад и восток и граничила с районами, занятыми якутами, юкагирами и коряками.

Значительные изменения в жизни и расселении эвенов произошли после упрочения Охотского острога.

В 1675—1676 г. в Охотске значилось 1172 ясачных плательщика с окладом 2389 соболей в год, т. е. в среднем с каждого ясачного человека взыскивалось по два соболя. Но это не было узаконено. В 1651/52 г. в устье Охоты служилому человеку Семену Епишеву пенные тунгусы Мунелатирского (?) рода заплатили по соболю с человека, тогда как некоторые платили по три соболя с человека¹⁵⁵.

Крупные оленные роды были обложены высокими окладами ясака без разбивки по ясачным людям. Годники под аманата Чатору и других в 1661 г. платили 2 сорока 15 соболей, Уяганы под аманата Сорочана — 2 сорока 30 соболей и т. д.¹⁵⁶

Уже в 1661 г. на некоторых родах числилась огромная недоимка¹⁵⁷.

Значительную часть соболей присваивали ясачные сборщики. О размерах казачьей добычи на Охоте можно судить по десятинному сбору. В 1667 г. казаки заплатили десятинный сбор 5 сороков 17 соболей и 6 сороков нулков соболиных — следовательно, в их руках было 2500 соболей¹⁵⁸. Однако добыть столько соболей, находясь в полусажденном остроге, казаки не могли. Очевидно, большая часть соболей была взыскана ими с населения. В 1661 г. Корнил Скворцов собрал в ясак 890 соболей, а у казаков за этот год оказалось около 600 соболей¹⁵⁹. Приказчик Леонтий Трифонов вывез на себе 38 сороков соболей, 16 черных лисиц, 617 лис сиводущатых и красных, 70 рысей, а ясаку привез только 12 сороков 3 соболя¹⁶⁰. Приказчики Охотского острога Оноховский, Пушкин, Крыжановский и Ярышкин, как сообщали эвены, «имали с них соболей и оленей сильно» до ясачного сбора¹⁶¹. В 1669 г. оленные охотские эвены жаловались, что покупают соболей друг у друга, закладывая меж собой жен и

¹⁵³ В. И. Цинциус. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. Л., 1947, стр. 6.

¹⁵⁴ К. А. Новикова. Очерки диалектов эвенского языка. М.—Л., 1960, стр. 17—21.

¹⁵⁵ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 438, л. 2.

¹⁵⁶ Там же, кн. 738, лл. 1—2.

¹⁵⁷ Там же, ст. 217, л. 43.

¹⁵⁸ Там же, ст. 235.

¹⁵⁹ Там же, ст. 217, л. 39.

¹⁶⁰ ААН, ф. 21, оп. 4, д. 33, л. 37.

¹⁶¹ ДАИ, т. VII, стр. 278.

детей. В 1677 г. какая-то группа зашиверских эвенов сообщила служилым людям, что лишилась оленей, продав их на соболі¹⁶². Ясачные сборщики Охотского зимовья в качестве основной причины недобора обычно указывали бедность и нужду.

Необходимость добывать в больших количествах пушнину для уплаты ясака отрывала эвенов от основных промыслов. Чрезвычайно обременяли их длительные поездки от мест промысла к ясачным зимовьям, где содержались взятые у них аманаты. Так, например, эвене Чона был «сведен» с Оймякона на Индигирку, а затем в Майское зимовье. Здесь в 1644/45 г. он заявил, что родники его находятся далеко и их можно ждать с ясаком лишь в следующем году¹⁶³. Известны многочисленные просьбы охотских эвенов о переводе их аманатов из Охотского зимовья в Майское, из Зашиверского — в Верхоянское¹⁶⁴. Пытаясь застраховаться от недоплаты ясака, охотские служилые люди брали в аманаты с крупных родов по два-три человека. Так, с Уяганского рода в 1660/61 г. в аманатах находились Сорочан, Катукан и Сырлян, хотя Уяганский род платил всего 2 сорока 13 соболей¹⁶⁵. Брали аманатов и от малочисленных пепих родов. В 1686/87 г. в Гулягирском роде под аманата Индикана платило всего 4 человека¹⁶⁶.

В 1675/76 г. в Охотском остроге от 1172 ясачных людей содержалось 70 аманатов¹⁶⁷. Таким образом, из каждых 16—17 взрослых мужчин один был заложником и в промысле не участвовал. Много эвенских женщин было вырвано из родной среды. В 1668 г. зашиверский приказчик сообщал в Якутск: «А ламутских женок у служивых и у промышленных людей много, да еще не надежны, не можно на них надеяться»¹⁶⁸. Цена ясырки была 40—50 соболей. Так, зашиверский приказчик сотник Амос Михайлов в 1661/62 г., по донесению Андрея Булыгина, продал свою ясырку «ламутскую девку» ее отцу за 40 соболей, но потом взял ее обратно, отдав двух оленей¹⁶⁹.

Касаясь ясачного гнета, следует особо указать, что колоннальные устремления местной воеводской администрации на далеком Охотском побережье проявлялись с особой жестокостью. За полторы тысячи верст от Якутска ясачные сборщики чувствовали себя полновластными хозяевами и применяли к неплательщикам ясака весьма жестокие меры. Так, в Усть-Охотской ясачной книге за 1651/52 г. сборщика Семена Елшинева имеется следующая запись: «А с Макагирского роду с тунгусов с Толкэна не взято ясаку, потому что в государевом ясаке отказали — не ждите-де ясаку под аманата, — и родники его служилых людей побивают и за отказ, что они, иноземцы, в ясаке отказали и за то Макагирского роду аманат повешен, чтобы впредь иным аманатам в государевом ясаке отказывать было неповадно»¹⁷⁰. Против неплательщиков ясака совершались карательные походы, нередко провоцировавшиеся самими служилыми людьми с целью личного обогащения.

В ясачной книге Охотского острога за 1660/61 г. имеется запись о том, что с Гулягирского рода под аманата Индикана собрано всего 9 соболей, потому что «родников того аманата живых 3 человека, а достальные ево родники оленные тунгусы Карнут с родниками побиты от Андрюшки толмача»¹⁷¹.

¹⁶² Н. Н. Степанов. Межиленный обмен..., стр. 76.

¹⁶³ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 1, д. 46, л. 230.

¹⁶⁴ ДАИ, т. VII, стр. 298; ЦГАДА, ф. 214, ст. 1214, л. 592.

¹⁶⁵ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, ст. 738, лл. 2—3.

¹⁶⁶ Там же, кн. 1424, лл. 3—4.

¹⁶⁷ ДАИ, т. VI, стр. 406.

¹⁶⁸ ДАИ, т. V, стр. 339.

¹⁶⁹ ЦГАДА, ф. 1177, д. 145, л. 78.

¹⁷⁰ Там же, оп. 4, кн. 438, л. 12.

¹⁷¹ Там же, ст. 738, л. 1.

Налоговый гнет, жестокости и произвол ясачных сборщиков вызвали ответные выступления. В ноябре 1677 г. эвены Годниканского оленного рода во главе с Некруном, соединившись с уяганями, напали на реке Урак на отряд, шедший в Охотск, и захватили у него «государеву товарную казну», пушку и ружья¹⁷².

7 января 1678 г. оленные и пешие охотские эвены «больши человек 1000 пришли под Охоцкий острожек» и пытались его взять. Приступ был отбит казаками¹⁷³.

В марте 1680 г. годниканы во главе с Некруном, соединившись с уяганями и другими охотскими родами, напали на отряд, состоявший из 43 служилых людей и шести дворовых, возглавлявшихся братом якутского воеводы Данилом Бибиковым. Отряд возвращался с ясачной казной из Охотска в Якутск. Эвены, захватили соболиную казну, куяки, ружья. 39 человек казаков, в том числе и сам Бибиков, были убиты¹⁷⁴.

Весть о разгроме отряда Бибикова вызвала в Якутске смятение. Однако восставшие сами сделали попытку успокоить воеводское начальство. В мае в Якутск явились эвены Киларского и Азянского родов с жалобой на Данилу Бибикова. Они сообщили, что он своей властью повесил трех человек, в том числе двух годниканов, и подвергал аманатов пыткам¹⁷⁵. Вслед за представителями киларов и азянов в Якутск принесли жалобы на притеснения охотских приказных людей эвены из Горбиканского и Ажганского родов. Килары и азяны просили перевести их родовичей-аманатов из Охотского острога в Майское зимовье¹⁷⁶. Главы оленных охотских тунгусов, очевидно, хорошо разбирались в иерархии русских властей и умели отстаивать свои интересы не только путем военных набегов.

Виновники злоупотреблений Петр и Матвей Ярышкины, Григорий Пущин, Юрий Крыжановский и др. по распоряжению Сибирского приказа были биты кнутом и посланы в Даурские остроги. Их имущество передали в государеву казну¹⁷⁷.

Новый приказчик Охотского острога Леонтий Трифонов после неудачной попытки привлечь восставших к платежу ходил в поход против них с отрядом из 130 служилых и 60 ясачных. Часть ясачной казны была отбита, казаки захватили в плен «десять ребят мужеского пола, да двадцать девок, да десять баб». Часть пленных была доставлена в Якутск, но воевода распорядился отправить их вновь в Охотск и отдать их сородичам, если они согласятся платить ясак¹⁷⁸. Очевидно, соглашение было достигнуто, так как в ясачной книге 1686/87 г. один из руководителей восставших Некрун упоминается как аманат от оленного Годниканского рода¹⁷⁹.

Неурядицы на Охотском побережье, тяжесть ясачных окладов вызвали значительные передвижки охотских эвенов. Оленные эвены стали уходить с побережья в горы¹⁸⁰.

Однако так называемые дальние жилища (верховья Колымы, Индигирки, Яны) не были пустыми местами. Здесь кочевали юкагиры. Судя по ясачным книгам, охотские эвены уходили в основном на запад. В 1669 г. «за шиверы» сошло восемь ясачных плательщиков из Уяганского рода, вносивших ясак без аманатов, на Усть-Кануну (Кампуну.— И. Г.) сошел некий Гараул из Азянского рода, в Утальское (Бутальское) зимовье сошел Голго из этого же рода, несколько человек откочевало на Маю¹⁸¹.

¹⁷² ДАИ, т. VII, стр. 277, 283.

¹⁷³ Там же, стр. 279.

¹⁷⁴ Там же, стр. 292—295.

¹⁷⁵ Там же, стр. 297.

¹⁷⁶ Там же, стр. 298.

¹⁷⁷ Там же, стр. 296, 303.

¹⁷⁸ Там же, стр. 301.

¹⁷⁹ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 1424, л. 5.

¹⁸⁰ «Колониальная политика...», стр. 242.

¹⁸¹ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, д. 979, лл. 11, 13, 38, 39, 51.

В 1686 г. группа эвенов-ламухнинцев платила ясак в Вилюйском нижнем зимовье. В списках этого зимовья упоминаются «ламуцкие тунгусы» — 13 ясачных плательщиков. За некоторыми из них числилась задолженность с 1671 г.¹⁸² Отдельно упоминается в ясачной книге «род Ламутцкий Зашиверской» — 21 человек¹⁸³.

Большой наплыв охотских эвенов в горные районы Индигирки и Колымы привел к тому, что таскные юкагиры оказались в их окружении и были, за исключением верхнеколымских юкагиров, частично отеснены на север, а частично поглощены или уничтожены пришельцами. Для характеристики этого процесса приведем данные о взаимоотношениях зашиверских юкагиров и эвенов.

В 1666 г. в апреле зашиверские эвены Дельянского рода с юкагирами («Чанжа с родом своим») напали на Зашиверский острожек. Атака была отбита, но нападавшие убили двух промышленников и ранили нескольких служилых людей. Осенью того же года эвены и юкагиры вновь пытались овладеть острогом, но и на этот раз безуспешно. Наконец, в ноябре в Зашиверск явились три юкагира из числа нападавших, сообщив, что после второй неудачной попытки взять острог они ушли в хребты и перебили отряд служилых людей, направлявшийся из Якутска на Индигирку. После этого эвены напали на своих союзников юкагиров и перебили их. Оставшиеся в живых «Тогурияно с товарищи» бежали под защиту казаков.

В феврале 1667 г. эвены вновь осадили Зашиверский острог, рубили стены, но юкагиры в осаде не участвовали. Воспользовавшись распрей между эвенами и юкагирами, приказчик Зашиверского острога летом 1667 г. направил против эвенов отряд во главе с казаком Михаилом Лобановым. Отряд состоял из 4 служилых и 50 юкагиров (по-видимому, подшиверских). В хребтах юкагиры погромили 10 юрт эвенов из Дельянского рода и привели двух заложников — Шельгу и Боижигу. Однако сами зашиверские юкагиры оказались неплатежеспособными — в роде их осталось всего 8 человек, на промысел они идти не решались, опасаясь мести эвенов¹⁸⁴.

Военные столкновения эвенов с юкагирами, несомненно, отрицательно сказались на благосостоянии обеих групп. Более мирными были взаимоотношения охотских эвенов и якутов.

Индигирские эвены поддерживали какие-то дружественные связи с верхоянскими якутами. В 1692 г. эвены перебили ехавших с Индигирки в Якутск служилых людей во главе с Григорием Пуцным и захватили ясачную казну. Часть мягкой рухляди (алазейский сбор) они отдали верхоянскому якуту Сагаячину для передачи в казну¹⁸⁵. Однако в том же 1692 г., когда зашиверские эвены убили на янском хребте сына боярского Петра Крыжановского с братьями и пятью служилыми людьми, новый приказчик Верхоянского зимовья Григорий Томский выехал в Якутск с ясачной казной, взяв с собою «для опасности от тех изменников» двадцать человек верхоянских якутов. Якутская охрана все же показалась Томскому недостаточной и, получив известие, что эвены подстерегают его на дороге, он вернулся в Верхоянское зимовье, а в Якутск с отпущенной отправил якутов. Воевода Иван Гагарин, получив это известие, сделал попытку усмирить эвенов силами подгородних якутов. На выручку Григорию Томскому он выслал якутских князцов Мазары Бозекова, Чуку Калчинова и Бычина Сиекова с товарищи. Князцы со своими сородичами в числе 28 человек выехали в Верхоянское зимовье и, забрав Григория Томского с ясачной казной и ополчением верхоянских якутов, двинулись в обратный путь. В бою с эвенами служилым людям и якутам удалось

¹⁸² ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 1393, л. 29.

¹⁸³ Там же, л. 55.

¹⁸⁴ ДАИ, т. V, стр. 337—339.

¹⁸⁵ ЦГАДА, ф. 214, кн. 1016, лл. 514, 521.

обратить их в бегство. Отступив, эвены вызвали Мазары Бозекова на переговоры и сообщили, что они убили приказчиков за разные обиды. Они будто бы предлагали платить ясак, но без аманатов, не в Зашиверский острог, а в Верхоянское зимовье, и сказали, «чтоб они, Мазары с товарищи, к русским людям не приставали и лошадей и куяков не давали и сами с ними вновь не приходили»¹⁸⁶.

Впрочем, донесениям Мазары Бозекова и верхоянских якутов трудно доверять. В 1695 г. зашиверские эвены подали сказки, в которых сообщили, что они побили Григория Пуцуна и Петра Крыжановского «по наущению верхоянского якута Тиргея шамана, а не своей дуростью»¹⁸⁷. Якуты, по видимому, нередко проникали к эвенам. В 1678 г. один ясачный якут просил не взымать с него ясака за то, что он был в 1675 г. вожем у служилых людей, шедших из Якутска в Охотский острог¹⁸⁸.

Имеются и более ранние свидетельства о сношениях якутов с охотскими тунгусами. В 1670 г. казак Семен Мартемьянов обвинил якутского приказного человека Семена Ермолина в том, что он скрыл грамоту Федора Пуцуна, отправленную с Ламы при Иване Голенищеве-Кутузове, в которой Пуцун доносил, что на Ламу реку приезжал якут Омондон и «спрашивал у тунгусов места, где бы якутам откочевать от Якутска, и научал он, Омондон, русских людей побивать»¹⁸⁹.

Ясачный гнет, столкновения отдельных оленных родов с казачьими отрядами и юкагирами отрицательным образом сказались на благосостоянии охотских эвенов. На протяжении двадцатилетия после сравнительно полного обложения эвенов ясаком (1668 г.) численность этой группы, судя по ясачным книгам, не только не увеличилась, но несколько уменьшилась. В 1668 г. в Охотском остроге значилось 1163 ясачных плательщика и столько же явилось к платежу, в 1673 г. явилось к платежу всего 1029 человек, в 1682 г. — 1000 человек. Наконец, в 1688 г. по ясачным книгам Охотского острога числилось 1120 человек, а явилось 1017 человек. Судя по уменьшению и числа лиц, являвшихся к платежу ясака, можно заключить, что за двадцатилетие общая численность охотских эвенов сократилась на 9—10%, что составляло 145 ясачных плательщиков или 580 человек обоего пола. Конечно, эти расчеты очень приблизительны; какая-то часть охотских эвенов уклонялась от уплаты ясака. В Охотском остроге ежегодно значилось много сошлых. Некоторые из них платили ясак в Зашиверское и Верхне-Колымское зимовья, напротив, некоторые плательщики из этих зимовий подкочевывали к Охотскому побережью и платили в Охотский острог.

В Зашиверском зимовье за эти годы численность плательщиков ясака сократилась больше, чем в Охотском остроге: в 1667 г. числилось 97 человек, явился 84, в 1688 г. числилось 80, явились 45.

Таким образом, имеются основания полагать, что вся группа охотских эвенов, включая верхнеколымских и зашиверских, сократилась на 10%, и в конце 1680-х годов в ней было около 1300—1400 взрослых мужчин (считая ясачных плательщиков и сошлых), т. е. около 5400—5600 человек обоего пола.

Резкое уменьшение численности охотских эвенов произошло в начале 1690-х годов. Эпидемия оспы 1690/91 г. произвела среди них величайшие опустошения. По данным Якутской воеводской избу, в Майском зимовье погибло 30 человек, кроме жен и детей.

«На Ламе,— доносил Иван Гагарин,— в Охоцком острожке погибло пеших тунгусов разных родов 276 человек да аманатов 61 человек, а в

¹⁸⁶ ЦГАДА, ф. 214, ст. 1214, лл. 591—594.

¹⁸⁷ Там же, ф. 1177, оп. 1, д. 230, лл. 1—8.

¹⁸⁸ Там же, д. 38, лл. 25—29.

¹⁸⁹ Там же, д. 145, л. 100.

живых осталось аманатов только 14 человек, кроме жен и детей»¹⁹⁰. Хотя сообщение касается главным образом пеших эвенов, нет сомнения, что оспа затронула и оленных. О размерах бедствий можно судить по ясачным книгам. В 1695 г. в Охотском остроге числилось 630 ясачных плательщиков, а к платежу явилось 355, в 1697 г. к платежу явилось 396 человек¹⁹¹, т. е. число ясачных плательщиков уменьшилось почти в два раза, а явка к платежу сократилась в три раза. Хотя среди плательщиков, числившихся по ясачным книгам, было много умерших, мы бы совершили ошибку, приняв число явившихся к платежу, за действительное число сохранившихся в живых взрослых мужчин. Можно считать, что произошло сокращение численности эвенов на 28%.

Эпидемия повлекла за собой значительные перекочевки оленных эвенов. Число сошлых в Охотском остроге по сравнению с дооспенным периодом возросло почти в три раза. В 1694 г. их было 314 человек. «От того морового поветрия те пноземцы, — жаловались охотские казаки, — разбежались в дальние безвестные места»¹⁹². Действительно, после эпидемии группы эвенов стали появляться далеко на западе. В Зашиверском зимовье в 1695 г. было уже 174 ясачных плательщика, тогда как до оспы здесь числилось всего 80 человек¹⁹³. Увеличение числа плательщиков ясака трудно объяснить лишь одним учетом «захребетников». Очевидно, сюда подкочевали охотские эвены. В 1698 г. в Зашиверском зимовье платили ясак члены Зельянского (Дельянского) рода, Кункугурского, Уяганского, Годниканского, Евьянского и Горбиканского родов¹⁹⁴. В конце XVII в. восточные тунгусы получили в Зашиверском зимовье численное преобладание над юкагирами. Передвижка затронула и горных эвенов. В Индигирском нижнем зимовье заплатили в 1698 г. несколько человек эвенов из Мямяльского рода Зашиверского зимовья¹⁹⁵.

Принимая в расчет массовые миграции, можно полагать, что численность эвенов сократилась не в три раза, как показывают цифры явки к платежу, а в два раза. К концу XVII в. охотские эвены все же представляли собой весьма значительную группу, около 3800—4000 человек обоего пола, занимавшую огромную территорию на северо-востоке Сибири.

ТУНГУССКИЕ ПЛЕМЕНА И ПРОНИКНОВЕНИЕ НА СЕВЕР ЯКУТОВ

С населением северо-запада Якутии русские служилые люди столкнулись в 20-х годах XVII в. В ясачной книге Мангазейского уезда за 1632 г. (1623/24 г.) имеется упоминание о сборе ясака с оленекских тунгусов (эвенов). «В нижней Тунгуске реке в Пендинском зимовье с новых людей с Оленьей реки род Ачань девять человек платили по пяти соболей»¹⁹⁶.

В 1637 г. на реку Оленек со стороны Лены морским путем совершил поход устюжанин Елисей Юрьев (Буза)¹⁹⁷. Однако только к 1645 г. было в основном завершено приведение оленекских тунгусов «под государеву высокую руку»¹⁹⁸.

Данные о численности, расселении и этнографическом составе населения бассейнов Оленека и верхнего течения Анабары приведены нами в

¹⁹⁰ ЦГАДА, ф. 214, д. 1214, ч. II, л. 506.

¹⁹¹ Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 521.

¹⁹² ЦГАДА, ф. 214, д. 1214, ч. II, л. 511.

¹⁹³ Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 397.

¹⁹⁴ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 1763, лл. 4—10, 18, 20, 22.

¹⁹⁵ Там же, л. 51.

¹⁹⁶ ААН, ф. 21, оп. 4, д. 24, л. 23.

¹⁹⁷ И. Ф. Шер. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб., 1779, стр. 372—373.

¹⁹⁸ ААН, ф. 21, оп. 4, д. 30, л. 85; ЦГАДА, ф. 214, кн. 145, л. 152.

специальной статье¹⁹⁹. Как отмечалось выше, тунгусы северо-запада представляли собой переселенцев с востока, близких к ламутам — эвенам.

Здесь мы приводим лишь итоговые данные. Большинство оленекских тунгусов принадлежало к племени азян. В середине XVII в. азяны занимали все нижнее и среднее течение Оленека, заходили на Лену, в верховья Оленека и Анабары, доходили до озера Есей.

Другое тунгусское племя, близкое к азиям, — синигиры (чинагиры). Они жили западнее, ближе к Есею и Анабаре, но нередко заходили и на Оленек. В низовьях Лены кочевали тунгусы долганского племени.

Судя по ранним ясачным книгам, численность этих племенных образований в середине XVII в. была следующей: азяны — около 450 человек (110 ясачных плательщиков), синигиры и лалкагиры — около 250 человек (60 ясачных плательщиков), столбовские тунгусы — нимчаны (долганы) — 30 мужчин и кумкагиры — 15 мужчин (около 180 человек), жиганские тунгусы ижиганы — 320 человек (80 ясачных плательщиков).

Всего на северо-западе Якутии с учетом заходивших сюда усть-вилюйских тунгусов калтакулей кочевало около 1500 человек обоего пола. Однако тунгусы не были единственными обитателями этой большой области. В низовьях Анабары кочевали тавги — предки части авамских нганасанов — около 300 человек обоего пола. В низовьях Лены появлялись юкагиры. Наконец, около Жиганска и ниже у Столбов в середине XVII в. оседло жили якуты. Они, по мнению Б. О. Долгих, обосновались здесь еще до прихода русских. По его материалам, их было 150 человек²⁰⁰.

Существует и мнение, что эти якуты появились после прихода русских²⁰¹. Таким образом, на северо-западе Якутии, области площадью около 620 тыс. кв. км. обитало всего 1800 человек. Основой существования населения этой области была охота на диких оленей. В поисках их тунгусы постоянно кочевали. Для передвижения использовались домашние олени. У зажиточного оленекского тунгуса шамана Диги в 1653 г. было, например, всего 20 оленей²⁰². По-видимому, и другие хозяйства тунгусов располагали небольшим количеством транспортных оленей. Орудиями охоты служили лук, стрелы, поколюги (копья). Отрывочность документальных свидетельств о хозяйстве тунгусов не позволяет наметить какие-либо хозяйственные зоны на северо-западе. Картину проясняют фольклорные материалы — оленекские и нижнеленские хосунные предания. В них обычно сталкиваются таежные и тундровые охотники. Враги оленекских хосунув наделяются чертами обитателей тундры: они кочуют большими группами, их аргументы состоят из длинной вереницы нарт, им известны загонные способы охоты на оленей, наконец, они занимаются рыболовством. Напротив, в сказаниях, записанных в низовьях Оленека и Лены, нападающие представляются таежными охотниками с верховыми оленями²⁰³. Запечатленная в хосунных преданиях борьба между обитателями низовий и верховий больших северных рек — Анабары, Оленека, Лены — представляла собой борьбу за обладание богатыми промысловыми угодьями устьевых районов. Население тайги и тундры влекло в эти мрачные, но изобильные зверем, дичью и рыбой края. Естественно, что именно в низовьях Лены, Оленека и Анабары образовался стык из разных этнических групп. Устья Оленека и Лены в XVII в. были единственными районами, где тунгусы пробились к побережью Ледовитого океана. Сосредоточение переселенцев в низовьях

¹⁹⁹ И. С. Гурвич. К вопросу об этнической принадлежности населения северо-запада Якутской АССР. — «Советская этнография», 1950, № 4, стр. 150—168.

²⁰⁰ Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 456.

²⁰¹ А. С. Парникова. О расселении якутов 30-х — начала 40-х годов XVII века. — «Труды ИФ СО АН СССР», вып. 2(7), Якутск, 1960, стр. 19.

²⁰² «Колониальная политика...», стр. 54.

²⁰³ Фольклорные материалы, записанные в Оленекском районе (архив автора); Г. В. Ксенофонов. Ураингхай-Сахалар, т. I. Иркутск, 1937, стр. 490—530; «Исторические предания и легенды якутов», ч. I, М.—Л., 1960, стр. 107—115.

этих рек легко объяснимо. Огромная водная магистраль — Лена — служила удобным и сравнительно легким путем в богатые промысловые районы. Сложный этнический состав населения северо-запада Якутии, частые вооруженные столкновения между отдельными группами можно рассматривать как свидетельство того, что зафиксированная первыми русскими документами картина расселения племен различного происхождения сложилась незадолго до появления русских служилых и промышленных людей на Лене.

Включение северо-запада в состав Русского государства вызвало здесь значительные этнические перемещения. Под нажимом тунгусов, а может быть, опасаясь гарнизонов новых зимовий, из низовий Анабары на запад ушли тавги. В 1650-х годах из ясачных документов Столбовского и Жиганского зимовий исчезают упоминания о юкагирах. Северо-запад — бассейны Нижней Лены, Оленека, Анабары — стал преимущественно тунгусским (эвенкийским) районом.

Вхождение населения северо-запада Якутии в состав Русского государства означало распространение на него известных юридических прав: ясачные плательщики поступали под защиту служилых людей. Однако в связи с близостью границы между Якутским и Мангазейским воеводствами после прихода русских межплеменные столкновения не только не прекратились, но резко усилились. Этому в значительной мере способствовала вражда между мангазейскими и ленскими служилыми людьми. Уже в первых донесениях служилых людей с Оленека и озера Есей упоминается о междоусобицах среди тунгусов. Жестокая борьба происходила между оленекскими тунгусами — азянами и синигирами, с одной стороны, и жившими в бассейне реки Катанги воныдырями и боягирами, — с другой. В 1640 г., по сообщениям мангазейских служилых людей, находившихся в Есейском зимовье, «приходили к ясачному зимовью обманом многие иноземцы ясачные и неясачные люди и ясаку ясачные люди азяны дали 53 соболя, а приходили азяны с боем и хотели нас побить и аманатов отнять и нас у зимовья стреляли и божьей милостью и государевым счастьем от их избереглись, никою не убили, а те иноземцы пошли на ясачных людей на воныдырей и побили азяны ясачных людей Воныдырского роду 10 человек з женами и детьми...»²⁰⁴.

В 1646 г. оленекские тунгусы ходили на Анабару. Здесь они имели столкновения с русскими, отбили своих аманатов и, по-видимому, нанесли урон и местному населению, так как в сообщении об этом походе упоминается, что оленекцы «побивают» ясачных людей. В 1648 г. азяны и синигиры, по словам русских людей, промышлявших на реке Хете, появлялись на «новой реке Кошюкае», где убили двух человек, а затем пошли на своих врагов воныдырей.

Ожесточенные столкновения азянов и синигиров с воныдырями и нюрмуньями — есейскими тунгусами, трудно рассматривать как случайные родовые междоусобицы. Борьба между этими племенами велась, по-видимому, не только ради захвата оленей и рабов, но и за промысловые угодья. Оленекские и нижнеленские тунгусы, принадлежавшие к восточной ламутской ветви, упорно отвоевывали охотничьи угодья и у юкагиров и у своих далеких сородичей, западных тунгусов.

Более мирными были взаимоотношения оленекских и жиганских тунгусов. Однако в 1638 г. оленекский аманат Имнюга Паперканов сообщил, что «их (оленекских тунгусов. — *И. Г.*) побивают жигане да юкагиры, а убили-де они у них человек с 40»²⁰⁵. В свою очередь, в 1640 г. жиганский тунгус аманат Умтерин жаловался, что «весной на зверином промыслу приходили на нас, сирот твоих, государевы изменники... оленские тунгусы и чинигири и в....ри и очаны и нас, сирот твоих, на зверовье побили 25 че-

²⁰⁴ ААН, ф. 24, оп. 4, д. 24, л. 204.

²⁰⁵ «Русские полярные мореходы...», стр. 276—277.

людей лучших людей, отбили подростков и женок»²⁰⁶. Упомянутые в челобитной чинагиры и очаны, по-видимому, — оленекские тунгусы синигиры и азяны, а в...ри — есейские тунгусы — воныдыри. Получается, что оленекские и есейские тунгусы объединенными силами напали на жиганских. Мирными были взаимоотношения оленекских тунгусов со столбовскими. Азянов даже подозревали, что они участвовали в изменном деле столбовских тунгусов. В связи с этим один из азянов был направлен в Якутск для дачи объяснений²⁰⁷. Из всех этих отрывочных сообщений следует, что в 1640-х годах оленекские тунгусы представляли собой грозную силу. Положение изменилось в следующем десятилетии.

Большой урон всем тунгусам северо-запада Якутии, в особенности оленекским, нанесла эпидемия оспы 1652—1653 гг. В Оленекском зимовье в 1652 г. из 156 человек, внесенных в пометные списки, не явилось к ясачному платежу 85 человек. О причине их неявки в ясачной книге сделана следующая запись: «Те тунгусы в прошлом в 159 году воспой померли и впредь те соболи и та доимка из пометы выложены»²⁰⁸. В 1653 г. эпидемия оспы на Оленеке продолжалась. К ясачному платежу не явилось 54 человека, внесенных в пометный список. По этому поводу в ясачной книге сообщалось: «В распросе же тунгусы, которые у ясачного платежа были, сказали, что те тунгусы в прошлом в 160 году померли воспой и потому сыску на пометы выложены»²⁰⁹. О размерах бедствия можно судить и по другим документам. В 1645 г. один из родоначальников оленекских тунгусов Гасей-шаман сказал в распросе, что «сидят в аманатах Шаньянского роду Галанейка да Широга Рымакин сын, а роду у него 25 человек, у Газейка сидят сын да брат, да сам он, Газейко, третий и роду его 20 человек»²¹⁰. В составленной после эпидемии оспы росписи оленекских тунгусов «сколько у ково у каково роду осталось» значилось: «Аманат Улака, родников 3 человека и те малы, ясаки платит один человек. Аманат Гасиева роду Ердинь, осталось у него 4 человека. Аманат Бурукапова роду Ердинь, а роду у него осталось 3 человека. Аманат Пайкина роду Чалча, у него осталось 4 человека. Аманат Азянского роду Герасик, роду у него осталось 2 человека, Аманат Ильня, роду у него осталось 3 человека того же роду Уича сидит в аманатах, а роду у него никого нет. Лосякова роду — 3 человека»²¹¹. Судя по приведенному документу, на Оленеке осталось всего 30 мужчин-тунгусов. Гасеев род уменьшился вдесятеро. В такой же пропорции сократилась численность мужчин и в других родах. Если в 1645 г. в каждом роде было 20—40 мужчин, то в 1653 г. в прежде крупных родах осталось 3—4 мужчины. Бедственным положением оленекских тунгусов не замедлили воспользоваться их враги воныдыри. При поддержке служилых людей Есейского зимовья они совершили в 1653 г. ответный поход на Оленек. В походе участвовало 200 человек воныдырей в сопровождении 12 казаков во главе с Иваном Сорокиным.

Воспользовавшись отсутствием в Оленекском зимовье казаков, спустившихся к морю на рыбный промысел, Иван Сорокин учинил на Оленеке разгром местных тунгусов. Один из зажиточных тунгусов, шаман Дига, был повешен, жена его была взята в ясырь, имущество и оленей казаки «поделили по себе». Десять семейств, по-видимому, анабарские тунгусы, значившиеся в Есейских ясачных книгах, были уведены в Мангазейский уезд. Воныдырские тунгусы во время этих событий пригласили к себе оленекских тунгусов мириться. Однако, когда оленекские тунгусы прибыли, воныдыри, пользуясь своим численным превосходством, забрали их подар-

²⁰⁶ «Колониальная политика...», стр. 204—205.

²⁰⁷ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 2, ст. 235, лл. 95—96.

²⁰⁸ ЦГАДА, ф. 214, кн. 307, л. 721.

²⁰⁹ Там же, л. 729.

²¹⁰ «Колониальная политика...», стр. 19.

²¹¹ ЛОИИ, карт. 14, ст. 3, л. 25—26.

ки — женщин, детей, оленей, куяки (панцири), стрелы, ничего не дав им взамен, и уключивали в Мангазейское воеводство²¹². После этого воныдыри часто нападали на оленекских тунгусов. О характере столкновений дает представление челобитная тунгуса Узона. «В прошлых, великие государи, годах мангазейского приезде турьские тунгусы Боягирского роду с воныдырскими тунгусами громили родников наших, азиатских тунгусов на Оленеке реке побилл, а меня, сироту вашего, взяли те тунгусы в полон малепка и жил яз у них в холопстве и платил ваших великих государей ясак в Мангазейском присуде и ныне меня, сироту вашего, достальные мои родники и братья родные из тех тунгусов не помочу не холопства выкупают»²¹³. Из челобитной Узона следует, что для военных походов объединялись отряды разных родов. Захваченных в бою пленных обращали в рабов. Так, в челобитной, датированной 1667 г., азиаты сообщали, что «и с прошлого, великие государя, со 160 [1652] году и до нынешнего 175 [1667] году по каждый год приходят с Есея озера из Мангазейского присуду, оне Воныдырского и Упринского родов тунгусы с таковыми с ведомыми же ворами з боягирскими тунгусами, громят нас, сирот ваших, и разоряют, и побилл больши семидесяти человек и братию нашу, и жен, и детей полоня держат у себя в холопстве, и, приходя, олени ограбили, и с прежних жителей нас, сирот ваших, согнали же, и мы от их изгоний блиско моря не в лесных местах...»²¹⁴.

Набег и есейских тунгусов на оленекских проводировались мангазейскими служилыми людьми. В 1668 г., по сообщению оленекского ясачного сборщика Семена Дежнева, на Оленек пришли есейские тунгусы во главе с неким Боликаном, потребовавшие выдачи своего холопа Узона, выкупленного из плена оленекскими тунгусами. Как сообщил Боликан, мангазейские стрельцы велели им возвратить Узона и подговаривали отбить его силой. Лишь находчивость Семена Дежнева предотвратила кровавое столкновение между тунгусами²¹⁵.

После оспенной эпидемии и кровопролитных столкновений с есейскими тунгусами на Оленеке, судя по ясачным книгам, ежегодно являлось к ясачному платежу от 28 до 42 ясачных людей, из чего можно заключить, что все население здесь было 160—170 человек обоего пола. В 1673 г., спустя 20 лет после оспенной трагедии, по пометному списку на Оленеке был 41 ясачный плательщик, но к платежу явился всего 38 человек²¹⁶. Резкое сокращение численности тунгусов в 1652/53 г. наблюдалось в Жиганском, Столбовском и отчасти Вилюйских зимовьях. Обезлюдившие промысловые угодья северо-запада Якутии стали постепенно заселять якуты из центральных якутских улусов. Уклоняясь от ясачных поборов, они еще в 1630—1640-х устремились в низовья Вилюя²¹⁷. По данным А. С. Парниковой, якуты подгородных волостей появились в районе Жиганского зимовья в 1643/44 г.²¹⁸, но их погромили служилые и промышленные люди во главе с неким Баранниковым²¹⁹. Виновники набега были наказаны в Якутске. В 1646/47 г. жиганские ясачные якуты Мономокой Одурсев и Тутурач Байаков жаловались на служилых Ивана Киселева, Ивана Никитина и др., что в 1646 г. они изувечили их, отняли жен, детей и холопов, взяли собак, деньги и сети-пушальни²²⁰. В 1653 г., возможно, эти же якуты с тунгусами около Столбов совершили ответное нападение на служилых людей, отняли

²¹² «Колониальная политика...», стр. 55.

²¹³ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 2, ст. 235, л. 93.

²¹⁴ Там же, л. 103.

²¹⁵ М. П. Белоп. Семен Дежнев. М., 1948, стр. 142.

²¹⁶ И. С. Гурвич. К вопросу об этнической принадлежности населения северо-запада Якутской АССР, стр. 153.

²¹⁷ А. С. Парникова. Указ. соч., стр. 19.

²¹⁸ Там же, стр. 21.

²¹⁹ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 3, ст. 35, лл. 8—83.

²²⁰ Там же, оп. 2, ст. 47, лл. 1—2.

у них 80 сороков соболей, убили лавочного сидельца Леонтьева, захватили 7 пицалей. Есть основания полагать, что жиганская группа якутов была разгромлена промышленниками.

В 1650—1660-х годах якуты часто появлялись небольшими группами на «дальних» реках — Оленеке, Анабаре, а с 1678 г. стали здесь постоянными плательщиками²²¹. Волна переселенцев-якутов захлестнула Вилюй²²². Одновременно шло, хотя и менее интенсивно, распространение якутов на северо-восток. В 1640-х годах группа верхоянских якутов обитала уже в низовьях Яны. Всего в Нижне-Янском зимовье в 1645—1647 гг. внесли ясак 34 якута²²³. В 1670—1680-х годах верхоянские якуты, по данным Г. Ф. Миллера, продвинулись на Индигирку. Проникновению якутов в тунгусские и юкагирские земли способствовали относительная безопасность и порядок, установленные в этих районах русскими служилыми людьми²²⁴.

Следует отметить, что в 1670—1680 гг. на северо-западе происходили большие перемещения и среди тунгусов. В какой-то степени это было связано с прекращением кровавых междоусобиц. В 1668/69 г. часть тунгусов Столбовского зимовья внесла ясак на Оленеке. В Столбовском зимовье в этом году появились жиганские и усть-вилюйские тунгусы. Здесь заплатили ясак члены Долганского рода «Турчека с товарищи четыре человека» и тунгусы Кумкагирского рода — три человека. Напротив, тунгус Дуюк с сыновьями из низовий Лены ушел на устье Вилюя²²⁵.

В низовья Лены стали проникать зашиверские ламуты. В 1686 г. в Вилюйском нижнем зимовье платили 13 человек «ламутских тунгусов» и 4 человека из рода «Ламутского-Зашиверского»²²⁶.

В поисках богатых промысловых угодий тунгусы и якуты нередко заходили на территории, весьма далекие от района их постоянных кочевков. В 1677 г. на Оленеке платили ясак 5 человек Азянского рода, 50 человек Синигирского рода. Один человек Азянского рода — Локуи — ушел на Собачью реку, т. е. на Индигирку²²⁷. Ногаек из Синигирского рода ушел в Жиганы, Сутега — в Вилюйское среднее зимовье, 4 человека просто не явились к платежу. Но в Оленекском зимовье заплатили ясак 6 человек из Долганского рода Усть-Вилюйского зимовья, 20 человек из Жиганского зимовья, 6 человек из Столбовского зимовья. Кроме того, здесь платили якуты Кангалаской и Батурусской волостей и Жиганского зимовья²²⁸.

В 1680-х годах на северо-запад Якутии в бассейн Оленек перекочевала большая группа тунгусов из Мангазейского уезда. В 1682 г. тунгусы, платившие ясак в Есейское зимовье, возмущенные жестокостями служилых людей, побоями, непомерными требованиями «поклонных» соболей и угрозами казни «лучших людей», восстали²²⁹. Они перебили 13 служилых людей «Ильюшку Рябова с товарищи», взяли в плен Терентия Крылова и откочевали на Оленек, в Якутский уезд²³⁰. «На убийстве,— по словам Кры-

²²¹ Подробно см.: И. С. Гурвич. К вопросу об этнической принадлежности населения северо-запада Якутской АССР, стр. 150—168.

²²² «История Якутской АССР», т. II, стр. 77.

²²³ А. С. Парникова. Указ. соч., стр. 24—22.

²²⁴ «Около 1680 года перешло великое множество якутов с верху Яны реки на Индигирку, а после и на Колыму и понеж некоторая часть оных якутов так же и лошадей и рогатого скота с собою пригнала, то тамошние места от того тем более населили и я надеюсь, что сие потом и к произведению в обычай сухого пути на выше показанные реки много способствовало», — писал Г. Ф. Миллер (ААН, ф. 21, оп. 5, д. 20, л. 49. «Известия о северном морском ходе из устья Лены реки ради обретенных восточных стран»).

²²⁵ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 921, лл. 2—6.

²²⁶ Там же, кн. 1393, лл. 29, 55.

²²⁷ Там же, кн. 1166, л. 34.

²²⁸ Там же, лл. 39—42.

²²⁹ «Колониальная политика...», стр. 245—246.

²³⁰ Там же, стр. 245.

лова, — было более ста тунгусов»²³¹. Главы восставших родов отправились в Якутск, где внесли ясак: 5 сороков 36 соболей, отдали железо и другие ценности, захваченные в Есейском зимовье. Есейские тунгусы просили разрешения жить в Якутском воеводстве²³². «Убойство» на озере Есее вызвало переписку между якутским и мангазейским воеводами и Москвой. Наконец, в 1686 г. вышел известный указ царей Ивана и Петра о том, чтобы «есейским тунгусам быть в Якутском, куда они перешли» и о запрещении казнить тунгусов без государственного указа. Ясачным сборщикам было воспрещено самовольно чинить наказания²³³. Этот указ, так же как и наказания служивых людей за жестокость и поборы в свою пользу, по-видимому, умерили в какой-то степени алчность ясачных сборщиков.

С переходом на Оленек есейских тунгусов число ясачных плательщиков здесь значительно возросло. Если в 1682 г. в Оленекском зимовье явилось к платежу всего 43 человека²³⁴, то в 1686 г. — 102 человека²³⁵. В 1682 г. было собрано всего в ясак 44 соболя и 36 красных лисиц, а в 1684 г. — 4 сорока 4 соболя²³⁶. О составе населения ясачная книга 1684 г. Из Азянского рода в книгу было занесено всего 3 человека, из Синигирского — 54²³⁷. В Оленекском зимовье числились есейские тунгусы Киягирского рода — 27 человек, из них не явилось к платежу 10 человек, Воиядырского рода — 11 человек (не явилось — 3 человека), Вашавинского рода — 12 человек (не явилось 7 человек, один ушел на Есей), Муанского рода — 10 человек (не явилось 6 человек), Ченагирского рода — 11 человек, но к зимовью явился один человек, Уюринского рода — 11 человек (не явилось 6 человек, из них трое сошли на Есей), кроме них платили ясак 4 человека Долганского рода, 15 человек из Жиганского зимовья, один из Столбовского и 34 якута из разных волостей²³⁸.

В 1686 г. есейские тунгусы стали перекочевывать в бассейн Лены в пределы Жиганского зимовья²³⁹. Однако и эти охотничьи угодья не удовлетворили есейских тунгусов. Аманаты Воиядырского рода просили перевести их обратно с Оленека и Лены на Есей. Часть их родовичей самовольно вернулась на свои прежние угодья. Просьба есейских тунгусов была удовлетворена²⁴⁰. В 1691 г. они были водворены на прежнее место жительства. По этому поводу в ясачной книге Якутского уезда за 1690 г. сообщалось: «Мангазейскому уезду есейских тунгусов, которые приложены были в Оленское зимовье с оленскими тунгусами в прошлых годах, а ныне те есейские тунгусы перенесены ниже сего со взятием из домки для того, что по указу государя и по грамоте есейские тунгусы посланы в нынешнем во 199 г. в Есейское зимовье из Жиганского зимовья с якутскими казаками с Левкою Турбиным и Петрушкою Ивановым»²⁴¹.

Длительное пребывание есейских тунгусов на северо-западе, по-видимому, сблизило их с местными тунгусами. Во всяком случае, долголетняя вражда между этими группами прекратилась. В конце XVII в. наметилось сближение оленекских и нижнеленских тунгусов с якутами. Некоторые тунгусы поселялись среди якутов. «Лукиней, — писали ясачные сборщики

²³¹ ДАИ, т. XI, стр. 66.

²³² ЛОИИ, карт. 35 (218), ст. 12, лл. 1—9.

²³³ «Колониальная политика...», стр. 245—246.

²³⁴ ЦГАДА, ф. 214, д. 736, л. 535.

²³⁵ Там же, кн. 830, лл. 458, 460.

²³⁶ Там же, д. 736, л. 535; д. 975, л. 65.

²³⁷ Там же, ф. 1177, оп. 4, кн. 1399, л. 36. Кроме того, отдельно значилось еще три человека Азянского рода, возможно пришельцы (л. 65).

²³⁸ Там же, лл. 36—38.

²³⁹ ЛОИИ, карт. 36, ст. 12, л. 5.

²⁴⁰ Там же, карт. 44, оп. 4, лл. 16—17.

²⁴¹ ЦГАДА, ф. 214, кн. 760, ч. I, лл. 274—275.

в 1669 г., — живет на Красном песку, бедной и кормитца промеж якутами, жены-де у него нет и детей нет... Дizia... сошел жить под город к Балагану шаману»²⁴². Можно думать, что и одиночки-якуты входили в среду тунгусов. «Роспись Оленекского зимовья ясачных тунгусов детей и племянников», составленная в 1673 г., позволяет видеть, что среди тунгусов появились дети с русскими именами: Говор Тереньтев, Насуга Сорокин, Боян Лобанов, Килта Моториц, Андрей Етегин²⁴³. Возможно, некоторые из них и происходили от русских отцов.

В последнем десятилетии XVII в. население северо-запада Якутии значительно сократилось. В 1689—1692 гг. здесь вновь разразилась эпидемия оспы. В связи с этим казачий пятидесятник Герасим Ципандин сообщил следующее: «В 197 г. будучи в том Жиганском и Оленском зимовьях великого государя казне недобор учинился против прежних годов потому, что-де до его приезде в 196 году и в 197 году ясачные иноземцы тунгусы и якуты волей божьей многие померли, а после их детей не осталось, а иные многие тунгусы и якуты в прошлые годы до его, Герасима, приезда сошли в разные дальние места»²⁴⁴. Эпидемия продолжалась и в последующие годы. «Да в прошлом в 200 году, — писал в 1693 г. жиганский приказчик Степан Кривогоринцын, — после ясачного платежа против приправочных книг по сказке ясачных иноземцев померло моровым поветрием ясачных иноземцев якутов в Жиганском — по Лене реке сто двадцать человек, а иные которые иноземцы тунгусы и якуты разбежались от морового поветрия по сторонним рекам и про тех иноземцев по се число вести нет, а к ясачному зимовью с ясачным платежом не бывали и по тех иноземцев я, Степка, послал двух человек казаков сыскивать ясачных тунгусов и якутов по Оленеку реке и по сторонним рекам, да я же послал двух человек на Анабару реку сыскивать якутов и тунгусов»²⁴⁵.

В 1692/93 г. в Оленском зимовье числилось 68 человек, но объявилось у платежа 47 человек. О нескольких ясачных плательщиках в ясачной книге сообщалось, что «по сыску ясачных сборщиков в прошлых и в нынешнем в 201 г. воспою померли»²⁴⁶.

Велики были потери от оспы среди ясачных людей, приписанных к Жиганскому зимовью. Здесь числилось 306 ясачных плательщиков, не явилось к платежу 43 человека. «По сыску ясачных сборщиков те 43 человека в прошлых и в нынешнем в 201 г. воспою померли и впредь той рухляди взять не на ком»²⁴⁷. От оспы только в 1693 г. погибла шестая часть населения.

К концу XVII в. среди плательщиков ясака Жиганского зимовья численно преобладали якуты. В 1698 г. в Жиганском зимовье значилось в качестве плательщиков 113 тунгусов и 421 якут. Последние представляли собой выходцев не только из разных подгородних волостей (в ясачной книге перечислены почти все якутские волости), но также из Усть-Вилуйского зимовья (9 человек), из Средне-Вилуйского зимовья (4 человека), из Бутальского зимовья (1 человек) и Олекминского острожка (11 человек)²⁴⁸.

Таким образом, к концу XVII в. постоянное население бассейнов Нижней Лены, Оленека и Анабары состояло из якутов, тунгусов и русских. Преобладающим этническим элементом в этом районе стали якуты.

²⁴² ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 921, л. 4.

²⁴³ ЛОИИ, карт. 26 (209), ст. 4, л. 37.

²⁴⁴ ЦГАДА, ф. 214, ст. 1037, л. 72.

²⁴⁵ ЛОИИ, карт. 44, ст. 12, лл. 19—20.

²⁴⁶ ЦГАДА, ф. 214, кн. 1049, л. 581.

²⁴⁷ Там же, л. 574.

²⁴⁸ Там же, ф. 1177, оп. 4, кн. 1763, лл. 56—136.

Народы крайнего северо-востока Азии — чукчи, коряки и эскимосы — вошли в соприкосновение с русскими на два десятилетия позже, чем тунгусы, якуты и юкагиры. Но и после этого на протяжении второй половины XVII в., за исключением колымско-алазейской группы чукчей, их контакты со служилыми и промышленными людьми были сравнительно редким явлением. Естественно, что документы XVII в. крайне бедны сведениями о расселении, численности, подробностях жизни и быта этих народов.

Первое упоминание о чукчах относится к 1641/42 г. На реке Алазее они оказали сопротивление ясачным сборщикам. «И встретили нас, холопей твоих, в Алазейской реке многие алазейские люди, князец Невгоча и Мундита. А с ними, государь, были с тундры чукчи мужики с своими роды и с улусными людьми», — писали Иван Ерастов, Федор Чукичев и Афанасий Стефанов²⁴⁹. В. Г. Богораз высказал сомнение в том, что встреченное на Алазее оленье племя состояло действительно из чукчей²⁵⁰. От ближайших селений приморских чукчей оно было отделено расстоянием в пятьсот верст. По мнению В. Г. Богораза, на Алазее и Чукочьей реке обитали не чукчи, а чуванцы²⁵¹. Однако, как указал И. С. Вдовин, имеющиеся материалы об этой группе оленеводов и охотников не подтверждают этих предположений²⁵². Действительно, в 1641/42 г., по сообщению Федора Чукичева, на Алазее к ясачному зимовью «приезжали на оленях чюхчине оленей продавать»²⁵³. «А по той же реке Чухче живут иноземцы свой же род, слышат чюхчине, тако же, что и самоедь, оленные сидячие ж», — донес о них Михаил Стадухин²⁵⁴. Таким образом, и Чукичев, и Стадухин отметили, что встреченное ими племя имело оленей. Сравнение чукчей с самоедью указывает на то, что кочевания между Алазеей и Колымой чукчи были типичными тундровыми оленеводами. Район кочевок этой группы также позволяет судить о том, что ведущим направлением их хозяйства было оленеводство. «А живут-де те чюхчине промеж Алазейскою и Колымскою реками на тундре», — писал Чукичев²⁵⁵. Это подтверждается и расспросными речами Михаила Стадухина: «Да на той же-де Колыме в сторонней реке, прозвищем на Чюхче, а пала де та река Чюхча в море своим устьем, с приездом по сей стороны Колымы реки, а по той-де реке Чюхче живут... чухчи... А у тех-де чухчей соболя нет, потому что живут на тундре у моря»²⁵⁶.

Близ реки Чукочьей «у моря на тундре на чистом месте» обнаружил чукчей в 1649 г. и Василий Бугор²⁵⁷. Бассейны рек Большой и Малой Чукочьих представляют собой открытые безлесные районы, позволяющие существовать в основном за счет пастушеского оленеводства. Характерно, что колымско-алазейские чукчи так же, как и их северо-восточные братья, сочетали в какой-то степени оленеводство с морским зверобойным промыслом. Большой интерес в этом отношении представляет сообщение Михаила Стадухина, основанное на показаниях ясырки Кадибы, жившей три года у чукчей. «Зимою чукчи пересезжают на оленях на тот остров одним днем. И на том-де острове они побивают морской зверь морж, и к себе привозят моржевые головы со всеми зубами. И по-своему-де они тем голо-

²⁴⁹ «Открытия русских землепроходцев...», стр. 134—135.

²⁵⁰ В. Г. Богораз. Чукчи, ч. I. Л., 1934, стр. 6—7.

²⁵¹ Там же, стр. 33.

²⁵² И. С. Вдовин. Расселение народностей северо-востока Азии во второй половине XVII и начале XVIII века. — «Известия ВГО», т. 76, 1944, вып. 5, стр. 253.

²⁵³ «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах», стр. 57; ДАИ, т. III, стр. 99.

²⁵⁴ «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах», стр. 59.

²⁵⁵ Там же, стр. 57.

²⁵⁶ Там же, стр. 59.

²⁵⁷ ДАИ, т. III, стр. 242.

вам молятся»²⁵⁸. Можно полагать, что чукчи вели промысел на Медвежьих островах. Косвенно это подтверждают находки, сделанные на этих островах еще в 1763 г. сержантом Андреевым. Им были обнаружены остатки укрепления и жилья, сделанные «топором не железным»²⁵⁹. Эти же укрепления, «старая крепостица», были описаны и прапорщиками Леоньевым, Лысовым и Пушкаревым в 1769 г.²⁶⁰ По сообщениям В. Г. Богораза, колымские чукчи и в его время порой переезжали на Медвежьи острова для весенней охоты на моржей²⁶¹. В XVII в., очевидно, морской промысел имел значительно больший размах. Возможно, лежбище моржей было истреблено промышленными и служилыми людьми, которым было велено в 1647 г. и в 1652 г. проводить моржовый промысел на этих островах²⁶². Занятия морским зверобойным промыслом и такая характерная особенность, как поклонение моржовым головам, так называемый праздник моржовых голов, — культ, широко распространенный среди приморских чукчей, коряков и эскимосов, — свидетельство того, что колымо-алазейские чукчи были выходцами из Берингоморья. С коренными обитателями крайнего северо-востока Сибири и Аляски западную группу чукчей роднит и обычай подвергать пленников пыткам. Об этом обычае упомянул в 1678 г. Михаил Колесов. «И как кого схватают, — писал он о колымско-алазейских чукчах, — и тех людей всякими разными муками мучат, а в досталь смертью позорною кончают»²⁶³. Характерно и то, что западная группа чукчей так же, как и их восточные собратья, не держалась своих аманатов и не платила за них ясак. Все это позволяет считать, что между Колымой и Алазеей казаки встретили чукчей, а не чуванцев.

Выше мы имели случай остановиться на взаимоотношениях западных чукчей с юкагирами. В 1650-х годах мирные соседские отношения между ними сменились враждебными.

Заслуживают внимания взаимоотношения, сложившиеся в XVII в. между чукчами и нижнеколымским гарнизоном. В 1648/49 г. гарнизон Нижне-Колымского зимовья совершил несколько походов против колымско-алазейских чукчей. В конце ноября 1648 г. изъявил желание «идти к неясашным людям к князям их к Ауну, да к Тыке, призывать их к твоей государственной милости» Иван Борисов Пинегга²⁶⁴. Поход продолжался около месяца, Пинегга купил у чукчей пять клыков и призвал 30 чукчей для переговоров к зимовью. В походе участвовало 60 человек, но и этими силами взять ясак с чукчей было невозможно. В 1649 г. против чукчей было совершено три похода. В первых двух их не обнаружили. В третьем участвовало всего 12 человек, которые «собою ходили на службу». После боя с чукчами, в котором был смертельно ранен Щукин, служилые люди захватили в плен двух женщин²⁶⁵. Не принес успеха служилым людям и поход против чукчей в 158 (1650) г., который возглавил Михаил Стадучин: чукчи убили отставного служилого Комарова²⁶⁶. В 1655 г. предводитель колымско-алазейских чукчей Мита был при содействии юкагириков захвачен в аманаты. Но это лишь поссорило чукчей с юкагирами. Предоставив в заложники вместо себя двух подростков, якобы своих братьев, Мита освободился и расправился с юкагирами²⁶⁷. Характерно, что, ограбив юкагириков,

²⁵⁸ «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах», стр. 60.

²⁵⁹ Н. Н. Зубов, К. С. Бадигин. Разгадка тайны земли Андреева. М., 1953, стр. 90.

²⁶⁰ Там же, стр. 106—107. В 1723/24 г. об остатках жилищ на этом острове сообщал Ф. Амосов (ААН, ф. 23, оп. 5, д. 20, лл. 53—54).

²⁶¹ В. Г. Богораз. Чукчи, ч. I, стр. 33.

²⁶² «Открытия русских землепроходцев...», стр. 233—239; ДАИ, т. III, стр. 350—352.

²⁶³ ДАИ, т. VIII, стр. 9.

²⁶⁴ «Русские полярные мореходы в Ледовитом и Тихом океанах», стр. 217.

²⁶⁵ ДАИ, т. III, стр. 242; т. IV, стр. 8.

²⁶⁶ Там же.

²⁶⁷ «Колониальная политика...», стр. 64.

шедших в Нижне-Колымское зимовье для уплаты ясака, чукчи во главе с Митой ушли «в свою землю на Чукочью реку», т. е., очевидно, на реку Чукочью между Колымой и Алазеей²⁶⁸. Один из аманатов-чукчей после того как Мита отказался платить ясак, был крещен (назван Афанасием Федоровым) и сделан толмачом. В 1666 г. он, будучи в Якутске, подал челобитную, в которой сообщил интересные сведения о своих сородичах: «В прошлых-де годах взят он, Офонька на Колыме реке в аманаты и был в аманатах и в толмачах 4 года, а родники его и улусные люди чукчи великому государю ясак под него, Офоньку, оленьями платить хотели, а приказчик и служилые люди, будучи на Колыме реке в Нижнем ясачном зимовье в те годы с родников его и улусных людей с чухоч без указу великого государя теми оленьми ясак имать не смели, а просили по указу великого государя в ясак собольми, а соболей им, чухчам, взять негде, потому что живут они у моря, не в лесных местах, а в тундре, а в лесы промышлять соболей не ходят потому те лесные мест земли и промыслы, чужих разных родов иноземцы их, чукоч, в лесы и на свои промыслы соболей промышлять не пушают и до смерти побивают. И за той соболиной скудостью родники его и улусные люди чукчи великого государя от ясачного платежа и вечного холопства проч отошли и его, Офоньку, в аманатах покинули. А мочно тех иноземцев чухоч под государеву царскую высокую руку в вечное холопство привести и ясак с них, чухоч, великого государя имать лисицами красными и волками и песцами белым и голубыми и оленьими и постелями и ровдугами оленьими»²⁶⁹. По этой челобитной А. Федоров был послан на Колыму с наказом привести чукчей к ясачному платежу.

Таким образом, в 1650—1660-х годах несмотря на походы служилых людей, чукчи продолжали кочевать в так называемой Большой, или Халерчинской, тундре между Алазеей и Колымой. В 1673/74 г. именно они, по-видимому, напали на алазейских юкагиров. Как сообщали в своей челобитной юкагиры, чукчи побили «лучших людей», взяли в плен жен и детей, отогнали оленей²⁷⁰. Упоминания о нападении чукчей на колымских юкагиров встречаются и в более поздних документах.

В 1678 г. казачий пятидесятник Михаил Колесов жаловался, что к Нижне-Колымскому зимовью подкочевали чукчи, остановились в дщице и «караулят русских людей и ясачных»²⁷¹. В 1684 г. чукчи пытались захватить Нижне-Колымское зимовье и убили при этом двух служилых людей²⁷². В следующем году чукчи убили четырех служилых и восемнадцать «староплатежных» юкагиров²⁷³. В дальнейшем упоминания о колымо-алазейских чукчах исчезают из документов. Причины этого явления не вполне ясны. Едва ли малочисленный Нижне-Колымский гарнизон мог уничтожить или изгнать чукчей. Есть больше оснований полагать, что западные чукчи ушли из Большой тундры, опасаясь эпидемии оспы, свирепствовавшей здесь в начале 1690-х годов, или вымерли от нее.

У И. С. Вдовина есть два интересных сообщения, позволяющих, как будто, утверждать, что чукчи и позже осваивали этот район²⁷⁴. В 1708 г. Иван Енисейский, будучи приказчиком на Колыме, ходил в поход на чукчей и «побил ратным боем 12 юрт». Но весьма возможно, что этот поход был совершен против носовых (т. е. с Чукотского носа) чукчей. Наконец, в 1752 г. на реке Чукочьей были перебиты какими-то чукчами 6 человек служилых, посланных на рыбную ловлю. Однако и это отрывочное сообще-

²⁶⁸ «Колониальная политика...», стр. 64.

²⁶⁹ ГИМ, ф. 413, д. 1779, лл. 264—265.

²⁷⁰ «Колониальная политика...», стр. 238—239.

²⁷¹ ДАИ, т. VIII, стр. 9.

²⁷² ДАИ, т. X, стр. 357.

²⁷³ И. С. Вдовин. Указ. соч., стр. 254.

²⁷⁴ Там же, стр. 234.

ние трудно рассматривать как свидетельство того, что район Большой и Малой Чукочей постоянно осваивали чукчи. Возможно, что служилых убили какие-то чукчи, зашедшие сюда с востока.

К сожалению, у нас очень мало материалов XVII в. о самом Чукотском полуострове. С основной массой чукчей и эскимосов русские почти не имели соприкосновений²⁷⁵. Внимание служилых и промышленных людей привлекали более южные районы, населенные коряками, но и о них в наших источниках мало сведений.

В середине XVII в. русские служилые люди совершили в районы расселения коряков ряд разведывательных походов, которые не оказали заметного влияния ни на численность, ни на хозяйственную деятельность этого народа. В 1651 г. с Колымы на Анадырь, а затем на север Охотского побережья к устью Пенжины и отсюда через Гижигу и Яму до Тауя прошел с небольшим отрядом Михаил Стадухин²⁷⁶. В 1654 г. с пенжинскими коряками имел столкновение Семен Дежнев²⁷⁷. В 1657 г. на Чендон (Пенжину) ходил Федор Чукичев и взял два острожка²⁷⁸. Все эти отряды пытались объяснить коряков. Попытки проникнуть в места расселения коряков делались также со стороны Охотска. В 1669 г. из Охотска был послан на Тауй и Олу отряд Константина Дмитриева для «приведыванья» коряков. Но поход окончился неудачно — отряд был уничтожен²⁷⁹.

В 1683 г. Иван Голыгин ходил из Анадыря «проездивать» коряков, обитавших в северной части Камчатского полуострова. Между 1686 и 1688 гг. его однофамилец был официально послан из Анадыря в «Коряцкую землю». В 1691 г. собирать ясак с олюторских коряков вновь ходил Иван Голыгин, а в 1693 г. попытку объяснить пенжинских коряков-олепеводов сделал Сидор Бычан²⁸⁰. О характере этих походов и взаимоотношениях служилых людей с основной массой коряков можно судить по официальным документам. Так, Михаил Стадухин сообщил следующее о своем походе к корякам: «да 159 [1651] г. апреля в 5 день пришли на Аклей реку (Оклан.— И. Г.) к коряцким людям к острожку и тот острожек божей милостью взяли..., а на той реке боев было много, а на тех боях убили служилых людей 7 человек, а 3 человека умерли своей смертью»²⁸¹. В 1653 г. в районе устья Анадыря «на карге у моря» Юрий Селиверстов и Семен Дежнев ходили в поход против сидячих (пеших) коряков, нападавших на них, и взяли поселок, состоявший из 14 юрт, захватили в плен женщин и детей, но большая часть коряков этого поселка спаслась бегством²⁸².

Редкие посещения чукотских и коряцких селений и стойбищ русскими служилыми людьми не могли превратить чукчей и коряков в исправных плательщиков ясака. Система заложников не оправдала себя по отношению к этим народам: «Коряки и чукчи тех аманатов покидают и ясак под них не платят»²⁸³. Лишь в самом конце XVII в. после больших походов Дмитрия Потапова (1695 г.), Луки Морозка (1696 г.) и Владимира Атласова (1697—1699 гг.) пенжинские и олюторские коряки стали вносить ясак.

²⁷⁵ Во время своего знаменитого похода Семен Дежнев видел эскимосов — «зубатых чукчей», а возможно и селение Уэлен. «А с Русской стороны носа признаки: вышла речка, становье тут у чухоч делано, что башня из кости китовой» («Русские полярные мореходы...», стр. 132).

²⁷⁶ ДАИ, т. IV, стр. 120—122.

²⁷⁷ Там же, стр. 22—24.

²⁷⁸ Там же, стр. 147.

²⁷⁹ «Колониальная политика...», стр. 149.

²⁸⁰ М. И. Белов. Новые данные о службах Владимира Атласова и первых походах русских на Камчатку.— «Летопись Севера», т. II, М.—Л., 1957, стр. 98—102.

²⁸¹ ДАИ, т. IV, стр. 120.

²⁸² Там же, стр. 22.

²⁸³ ДАИ, т. VI, стр. 407.

Следует указать на несколько замедленный темп объясачивания северо-восточных племен, по сравнению с быстрым и энергичным приведением в подданство населения бассейнов рек Енисея, Лены и Колымы. Конечно, здесь сказались в известной степени отдаленность и труднодоступность этих окраин. Однако основная причина, по-видимому, заключалась в том, что северо-восток не представлял собой большого интереса для промышленных и торговых людей. Соболя здесь почти не было. Походы против чукчей и коряков не сулили материальных выгод артелям промышленников и поэтому совершались главным образом силами служилых людей.

Отписки и челобитные служилых людей показывают, что в XVII в. на северо-востоке уже оформились два типа хозяйств, хорошо известных по более поздним этнографическим данным. В тундровых районах русские столкнулись с оленеводами («та же самоядь»), а в приморских — с оседлыми зверобоями. Приморское хозяйство оседлых коряков, эскимосов и чукчей рисуется, по данным казачьих отписок, как специализированный самостоятельный промысловый комплекс. Так, в писовых Оклана в 1651 г. Михаил Стадухин обнаружил острожок оседлых коряков, тогда как в бассейне этой реки кочевали оленеводы. «А на той реке лесу нету, по обе стороны все камень голец с вершин и до моря, а рыбы мало, живут все оленные люди коряки»²⁸⁴. С оленными и сидячими коряками имел столкновения на Пенжинке и Федор Чукпчев. «Да в нынешнем во 166 [1657] г. ходил поход зимою о великом заговенье, — писал он, — погромил оленных коряков»²⁸⁵. По рекам Оле и Яме казаки обнаружили пеших коряков. Из донесений Семена Дежнева и Юрия Селиверстова следует, что оседлые коряки жили в юртах, семей по десять в каждой, и промышляли «зверя, морского» (морижей) «для корма»²⁸⁶. Курбат Иванов обнаружил поселения приморских чукчей или эскимосов около залива Креста. Они состояли из юрт (по-видимому, землянок). Подле зимних юрт находились лабазы. В одном селении казаки обнаружили «гусиный корм» — 2 тыс. гусей, а в другом — «олений корм», около 100 пудов оленьего мяса²⁸⁷. Не лишены интереса сообщения о вооружении чукчей и коряков: «За Тауем-де рекою есть река Ола и по той-де реке живут многие роды неясачных иноземцев коряки, а бой-де у них лучной и бросают-де из ремня камнем, а стрелы-де, государь, у них деланы из кости моржового зуба»²⁸⁸.

В 1660 г. Курбат Иванов встретил где-то к северу от устья Анадыря (залив Креста?) «иноземцев чукчей» (возможно, коряков) на девяти кожаных лодках, вмещающих по 20—30 человек. «Иноземцы» обстреляли казаков из луков и метали в них камни»²⁸⁹. Все эти отрывочные сведения о хозяйстве населения крайнего северо-востока все же позволяют видеть, что к приходу русских здесь имелись оседлые поселения морских зверобоев и кочевые стойбища оленеводов. Но о характере и направлении оленеводческого хозяйства мы можем судить лишь по более поздним данным, относящимся к XVIII в. По этим материалам, и кочевые коряки и носовые чукчи выступают как тундровые оленеводы, владевшие крупными стадами. Можно полагать, что пастушеское оленеводство было развито в середине XVII в. и в тундрах Охотского побережья и на Чукотском полуострове.

Таким образом, в самых общих чертах картину распространения хозяйственных типов на крайнем северо-востоке можно представить как цепь приморских поселений охотников на морского зверя, полосу

²⁸⁴ ДАН, т. IV, стр. 120.

²⁸⁵ Там же, стр. 147.

²⁸⁶ Там же, стр. 22.

²⁸⁷ «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах», стр. 269—270.

²⁸⁸ ДАН, т. VI, стр. 407.

²⁸⁹ «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах», стр. 269.

пастушеского оленеводства в прибрежных тундрах и обширные районы материковых охотничье-оленьеводческих хозяйств.

Не располагая новыми документальными материалами о численности и расселении северо-восточных народностей в XVII в., мы отсылаем читателя к реконструкции состояния этих народов к приходу русских, сделанной Б. О. Долгих на основании более поздних данных. По его предположительным расчетам, к середине XVII в. оленеводов-кочевников чукчей было около 2 тыс. человек, оседлых эскимосов-охотников — около 4 тыс. человек, коряков — около 10780 человек²⁹⁰. Численность последних, как будет показано ниже, несколько преуменьшена. Распространение этих групп, по данным Б. О. Долгих, рисуется следующим образом: эскимосы занимали узкую полосу от залива Креста на юге до мыса Рыркарпия на севере, чукчи — территорию к северу от Анадырского лимана до залива Креста и внутренние районы Чукотки до мыса Биллингса на севере, соприкасаясь с эскимосами на востоке и юкагирами-чуванцами на западе.

И. С. Вдовин, основываясь на данных топонимики, пришел к заключению, что западной границей расселения чукчей была река Чаун²⁹¹. Однако топонимика в равной степени свидетельствует и о заселении этого района чуванцами. За южную границу распространения чукчей И. С. Вдовин вслед за В. И. Огородниковым принял левые притоки Анадыря. Но с этим трудно согласиться, так как в XVII в. по Анадырю неоднократно плавали русские, но чукчей не встречали.

Территория расселения коряков простиралась от мыса Наварин до Укинского залива по Берингоморскому побережью и охватывала побережье Охотского моря вдоль Пенжинской губы и залива Шелихова до Ольской губы на юге. Колымский и Корякский хребты служили сухопутной границей между коряками и юкагирами.

Мы не касаемся здесь камчадалов. С ними русские познакомились лишь в самом конце XVII в.

Каковы же были взаимоотношения между этими народностями?

История колымско-алазейских чукчей, находившихся, судя по приведенным данным, более четырех десятилетий в юкагирском окружении, заслуживает особого внимания. По-видимому, на крайнем северо-востоке Сибири имело место частое проникновение иноязычных групп на территорию своих соседей. Это облегчалось наличием здесь огромных слабо заселенных областей. Сам характер местности — открытая низменная приморская тундра — препятствовал сложению здесь прочных этнических границ. Группы оленеводов, вклинившиеся в иную этническую среду, в зависимости от обстоятельств после обмена или столкновений сближались с новыми соседями или уходили в свои прежние земли.

На огромной территории между Колымой и Чукотским полуостровом, занятой юкагирскими племенами, но осваивавшейся очень слабо, по-видимому, нередко кочевали группы чукчей и коряков, заходившие сюда из приморских тундр в поисках пастбищ и охотничьей добычи. Не удивительно поэтому, что в 1649 г. где-то между мысами Биллингса и Рыркарпия, в семи сутках хода «паруса не опускаючи» на восток от устья Колымы спутники Михаила Стадухина, ходившие разыскивать реку Погычу, нашли коряков²⁹². Существует предположение, что это были чукчи, ошибочно названные коряками²⁹³. Однако Михаил Стадухин и его спутники были в период плавания на восток хорошо знакомы с колымо-алазейскими чукчами, имели ясырок из этой группы и могли бы определить близость между захваченными в плен «языками» и западными чукчами, если бы таковая имелась. Встреченные коряки заявили, что именно их родни-

²⁹⁰ Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 554, 561.

²⁹¹ И. С. Вдовин. Указ. соч., стр. 250.

²⁹² «Русские полярные мореходы в Ледовитом и Тихом океанах», стр. 116—117.

²⁹³ Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 550.

ки побили спутников Герасима Анкудинова. Это весьма вероятно, так как жена Анкудинова была отбита Дежневым у коряков. По-видимому, отряд Стадухина в 1649 г. встретил какую-то группу коряков-оленьеводов.

В свете этих соображений вполне возможно, что в 1647 г. где-то около Чаунской губы Исай Игнатьев и его спутники на территории чуванцев встретили стойбище чукчей. Глубинное проникновение чукчей и коряков в юкагирские районы позволяют сделать заключение о характере межплеменных отношений в XVII в. На северо-востоке Сибири, очевидно, имело место длительное сосуществование групп разного этнического происхождения. Исторические предания чукчей, эскимосов, коряков и юкагиров дают некоторое представление о взаимоотношениях между этими народами в эпоху, предшествовавшую их включению в состав Русского государства. Следует, однако, указать, что на предания, созданные в этот период, наложены позднейшие, рассказывающие о столкновениях с русскими, о чукотско-корякских расприх XVIII в. и других событиях²⁹⁴. Поэтому имеющиеся в преданиях факты трудно датировать бесспорно. Войны между чукчами и эскимосами рисуются обычно как набеги больших отрядов, кончающиеся побоищем, разрушением поселков, захватом рабов или миром и обменом подарками²⁹⁵.

Иной, сравнительно мирный характер, по фольклорным материалам, имели чукотско-юкагирские отношения. У поречных колымских юкагиров сохранились предания, что с чукчами они не воевали, так как считались братьями, после взаимного убийства которых солнце должно было померкнуть²⁹⁶. Возможно, в этих преданиях сохранились воспоминания о дружественных связях, существовавших между колымско-алазейскими чукчами и юкагирами-омоками.

Целый ряд чукотских преданий повествует о борьбе приморских племен с «настоящими таньгами» (собирательный термин для оленных коряков и чуванцев). Характерно, что в этих преданиях то таньги-коряки выступают как нападающая сторона, то чукотские богатыри, соблазненные оленьими стадами, идут померяться силами с таньгами. Столкновения нередко сводятся к поединку двух воинов²⁹⁷. Судя по некоторым преданиям, борьба велась с соблюдением ряда правил: нападающие извещали о своем намерении и давали своим противникам время для подготовки к сражению²⁹⁸. Победленные воины обычно приказывали убить себя. Борьба между отдельными стойбищами не только разного племенного происхождения, но и одноплеменной представлялась, видимо, сказителям типичной формой столкновений. Возможно, что это позднейшее осмысление древних преданий. Архаичны рассказы, описывающие набеги отрядов. Герои чукотско-таньгинских войн — «стадоотниматели», «насилыники» — Кивающий головой, Костянолицый, Крикун, Подмышечный Помощник выступают как предводители отрядов²⁹⁹. Нападающие истребляют мужчин, захватывают оленей, обращают в рабство женщин и подростков. Предания воскрешают мрачные картины сражений: женщины, убивающих своих детей, чтобы они не достались врагам³⁰⁰, девушек, предпочитающих самоубийство плену. Можно полагать, что такие столкновения в период, предшествующий приходу русских, не были редким явлением на стыках расселения разных

²⁹⁴ В. Г. Богораз. Чукчи, ч. I, стр. 175; «Эскимосские сказки», Магадан, 1958, стр. 168—169; Е. С. Рубцова. Материалы по языку и фольклору эскимосов. М.—Л., 1954, стр. 225—231.

²⁹⁵ В. И. Иохельсон. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора. ч. I, стр. VIII—X.

²⁹⁶ Там же.

²⁹⁷ В. Г. Богораз. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, ч. I. СПб., 1900, стр. 334, 336, 339.

²⁹⁸ Там же, стр. 335, 338—339.

²⁹⁹ Там же, стр. 336—338.

³⁰⁰ Там же, стр. 337, 339.

племен. Причины столкновений — захват рабов, месть за кровь, стремление овладеть богатством соседей: оленями или запасами лахтакьего мяса, китового жира, ремнями и шкурами³⁰¹.

Так же рисуют древние взаимоотношения с чукчами и корякские сказители. Стойбища жили в постоянном страхе, опасаясь набегов соседей³⁰².

В целом чукотско-эскимосские, чукотско-корякские, чукотско-юкагирские и корякско-юкагирские взаимоотношения рисуются по преданиям этих народов как обычные вооруженные междоусобные столкновения, которые русские застали на севере Сибири. Периоды мирных, дружественных отношений и обмена между племенами различного этнического и языкового происхождения на крайнем северо-востоке не отразились так ярко в фольклоре, как героические военные подвиги. Но именно они привели к сложению здесь основных групп населения, встреченных русскими служилыми людьми в XVII—XVIII вв.

РУССКИЕ

Изучение документальных материалов, касающихся Якутского края, показывает, что первые отряды служилых людей, появившиеся в 1630-х годах на Лене, были немногочисленны. Отряд мангазейских служилых людей Добрынского и Васильева состоял из 30 человек, отряд енисейского стрелецкого сотника Бекетова — из 30 человек³⁰³, а томский отряд Копылова — из 50 человек³⁰⁴.

Вслед за служилыми людьми, а порой и опережая их, на новые места двигались промышленные и торговые люди³⁰⁵. Крупные партии промышленников и «гулящих людей» сопровождали отряды, отправлявшиеся на дальние реки. Так, в 1637 г. на Оленек с отрядом Елисея Юрьева (Бузы), состоявшим всего из 6 служилых людей, отправилось 40 промышленников³⁰⁶. В период основания Ленского воеводства в Якутии было всего около 500 служилых. Численность промышленников, гулящих и торговых людей в это время не только не уступала численности служилых, но превосходила ее³⁰⁷.

В Якутии в 40-х годах XVII в. было около 2,5—3,5 тыс. русских промышленников и торговых людей, а со служилыми — 4,5 тыс. человек.

Коренных жителей в Якутии (без северо-востока) насчитывалось 46 тыс. человек обоего пола, т. е. 12 тыс. взрослого самостоятельного мужского населения³⁰⁸. Следовательно, русские составляли здесь весьма значительную часть населения.

Изучение документальных материалов позволяет утверждать, что многие промышленные и торговые люди, проникшие в Якутию, уже в 40—50-х годах XVII в. сосредоточились на северных реках. В 1643 г. на Оленеке заплатили оброк и явчую пошлину 156 торговых и промышленных людей³⁰⁹, в 1644 г. — 131 человек³¹⁰. В Жиганском зимовье в 1643 г. запла-

³⁰¹ В. Г. Богораз. Материалы по изучению чукотского языка и фольклора, стр. 338—339, 343—350, 369, 371, 392.

³⁰² С. Н. Стебницкий Нымыланский (корякский) язык. — «Языки и письменность народов Севера», ч. III. М.—Л., 1934; Н. Н. Беретти. На крайнем северо-востоке. Владивосток, 1929, стр. 5—6.

³⁰³ «Якутия в XVII веке», стр. 16, 31.

³⁰⁴ Н. Н. Степанов. Первая экспедиция русских на Тихий океан, стр. 45.

³⁰⁵ А. П. Окладников. Пенда — забытый русский землепроходец XVII века. — «Летопись Севера», т. I. М.—Л., 1949, стр. 94—102.

³⁰⁶ И. Фишер. Сибирская история..., стр. 372—373.

³⁰⁷ Подробные материалы по этому вопросу изложены нами в статье «Русские на северо-востоке Сибири в XVII веке» («Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. LXXXIV, М., 1963, стр. 69—91).

³⁰⁸ Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 616—617.

³⁰⁹ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кв. 101, лл. 34—50.

³¹⁰ Там же, кв. 133, лл. 22—28.

тили оброк 461 человек³¹¹. В следующем году в этом зимовье заплатили десятинную подать 346 служилых, промышленных и торговых людей³¹². Жиганск в эти годы был важным торговым пунктом. Через него проходили промышленники с добычей в Якутск. В 1644 г. по указанию воеводы Петра Головина в Жиганске был взят двойной оброк (по два соболя) с 34 торговых людей, «отпущенных к Руси, но выбравшихся в Жиганск для скупки пушнины у людей, приходящих с промысла»³¹³. С 35 человек был взят оброк в 1644 г. на Яне³¹⁴. Однако не все промышленники попадали в оброчные книги. Тот, кто уходил на промысел со служилыми людьми в новые земли, платил оброчные и поголовные деньги не зимовейным целовальникам, а служилым людям. Так, например, в 1650 г. на нижней Яне торговый человек Василий Федоров и двадцать его покрученников заплатили оброк служилым людям³¹⁵.

В 1638/39 г. Постник Иван взял на Индигирке десятинную пошлину с сопровождавших его промышленников³¹⁶.

Много промышленных и торговых людей было на Индигирке. В 1650 г. оброк здесь уплатили 142 человека — устюжане, вятичи, усольцы, мезенцы, белоозерцы, холмогорцы, пенежане, вымитенцы, новгородцы, кайгородцы, чердынцы³¹⁷.

Между прочим, в том же году на Индигирке были взяты оброчные деньги с Василия Иванова Голыгина, устюжанина, по-видимому, одного из прародителей индигирских мещан. На Индигирке велась оживленная торговля соболями. В десятинную книгу занесены записи о 151 сделке по продаже соболей³¹⁸. В 1648 г. только служилые люди Афанасий Андреев и Бессон Астафьев вывезли на Индигирку товаров на 891 рубль.³¹⁹

На Колыме уже в 1647 г. было 396 промышленников. В этом же году состоялась первая колымская ярмарка³²⁰. На Алазею и Колыму промышленные и торговые люди переходили с Индигирки. В отпускной книге Индигирского острога за 1652 г. имеется 54 записи об уходе на эти реки. Всего было отпущено с Индигирки на дальние реки и обратно в Якутск 141 человек. Впрочем, покидали промыслы очень немногие. «На море и морем до Жиганска и Якутска» отправилось всего 19 человек³²¹. В 1653 г. на Колыме заплатили оброк и отъездные деньги 192 человека³²². В действительности численность промышленников и торговых людей была здесь в это время значительно больше.

Достаточно указать, что в 1665 г., когда численность промышленников в Якутии и на большей части северных рек уменьшилась по сравнению с первыми годами «соболиной горячки», на Колыме заплатили оброк 189 торговых и промышленных людей³²³.

Воеводская администрация покровительствовала промышленному освоению дальних северных рек. Анадырским промышленником за открытие моржовых лежбищ было обещано освобождение от десятинных пошлин³²⁴. Служилым людям на дальних реках разрешалось добывать моржовую кость

³¹¹ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 101, лл. 96—110.

³¹² Там же, кн. 68, лл. 2—87.

³¹³ Там же, кн. 132, лл. 1—4.

³¹⁴ Там же, кн. 101, л. 71.

³¹⁵ Там же, кн. 391, лл. 1—3.

³¹⁶ Там же, кн. 7, лл. 20—22.

³¹⁷ Там же, д. 390, лл. 1—7.

³¹⁸ Там же, лл. 7—35.

³¹⁹ «Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах», стр. 108.

³²⁰ М. И. Белов. История открытия и освоения Северного морского пути, т. 1, стр. 156.

³²¹ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 452, лл. 1—65.

³²² Там же, кн. 453, лл. 1—14.

³²³ Там же, кн. 870, лл. 1—6.

³²⁴ М. И. Белов. История открытия и освоения Северного морского пути, т. I, стр. 166—168.

исполу, т. е. оставлять себе половину добычи, лишь уплачивая за нее десятину³²⁵.

Приведенные данные хотя и не позволяют определить точно численность промышленных и торговых людей на дальних реках (не все промышленники аккуратно платили оброк, отрывочны дошедшие до нас оброчные и явчие книги), тем не менее свидетельствуют о том, что в 1640—1650-х годах именно здесь скопилось много промышленных людей. Основываясь на имеющихся в нашем распоряжении оброчных книгах, можно полагать, что в 1640-х—1650-х годах на Оленеке, Нижней Лене, Яне, Индигирке, Алазее и Колыме сосредоточивалось около трети, а возможно и до половины всех промышленных и торговых людей, проникших в Ленский край. В годы наибольшего наплыва промышленников на севере обитало, по-видимому, не менее 1200 русских людей, занятых добычей соборей. На Оленеке и Анабаре было около 150 человек, в низовьях Лены — около 450, на Индигирке — 150, на Алазее и Яне — 30, на Колыме — 400.

Большая часть пришельцев представляла собой крайне подвижный элемент. Промышленные и гулящие люди после удачного промысла выходили в Якутск, а затем уезжали на родину или, промотав свой пай, вновь отправлялись на соборинные реки.

В 1650—1653 гг. много служилых и промышленных людей ушло в Приморье. Численность промышленников в Якутии в 1650-х годах, судя по отпускным и явчим книгам, колебалась от 1 тыс. человек до 1,5 тыс. человек. В 1651 г. в Ленском воеводстве числилось всего 453 служилых³²⁶.

Таким образом, вместе с промышленными людьми в Якутии было в 1650-х годах всего около 1,5—2 тыс. русских.

Поток промышленников, судя по отпускной таможенной книге 1655 г., из Якутска летом и осенью растекался по трем направлениям: на Олекму, на низ Лены в Жиганы и на «заморские» дальние реки — Яну, Индигирку и Колыму. В низовья Лены и далее на восток и частично на запад уходило $\frac{2}{3}$ промышленников³²⁷. В том же 1655 г. в Жиганск, в Олекминск, на Яну и Индигирку были отпущены торговые люди — устюжане, холмогорцы, мезенцы, — каждый из них вез с собой товары и припасы на сумму от 40 до 300 рублей³²⁸. В центральной Якутии и на Вилкуе в это время промышленников было очень немного.

Большая часть промышленников, добравшись до Якутска, стремилась уйти на север, «на дальние сторонные реки» не только для того, чтобы попасть в наиболее богатые, еще нетронутые соборинные угодья, но и для того, чтобы в разгар промысла не быть потревоженными служилыми людьми, запрещавшими охотиться в районах промысла коренного населения³²⁹.

В 1660-х годах в отпускных памятях передовщикам промышленных артелей специально оговаривалось, «чтоб отнюдь не посылать промышленных людей, где ясачных людей есть угодья» и «ходить на промыслы в те места, где ясачных людей угодий нет»³³⁰.

На северных реках, где кочевое население было крайне редким, промышленники могли охотиться с большей долей успеха. Дальние заморские реки в 50-х годах XVII в. продолжали быть основными районами соборинных промыслов. Так, в десятинной книге индигирского целовальника Ощепкова за 166 (1658) г. упоминается, что торговый человек Ивашко Творогов имел 8 сороков 26 соборей, промышленники Пятунка Миронов 2 сорока 14 соборей, С. Конаков — 2 сорока 17 соборей, Левка Осипов 54 собо-

³²⁵ А. В. Ефимов. Документы об открытии русских землепроходцев и полярных мореходов в XVII в. на северо-востоке Азии. — «Открытия русских землепроходцев...», стр. 17.

³²⁶ ДАИ, т. III, стр. 331.

³²⁷ ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, кн. 333.

³²⁸ Там же, лл. 75—78.

³²⁹ Там же.

³³⁰ ГИМ, ф. 413, д. 1778, лл. 186.

ля³³¹. В 1658 г. торговый человек Степан Самойлов вывез с Индигирки 107 сороков, т. е. 4280 соборей, и другой пушнины на 5935 рублей³³². Но были среди выезжавших к Руси и лица, имевшие всего 40 соборей и даже 9 соборей, как некий Савва Истоминон³³³.

Много соборей вывозили промышленные и торговые люди и с Колымы.

Не говоря о политических и экономических последствиях включения народов Якутии в состав Русского государства, само проживание в пределах Ленского воеводства в течение двух десятилетий значительного числа русских людей не могло не сказаться на коренном населении, в особенности на населении северных районов.

Большинство служилых и промышленных людей прибывали в Якутск без семей. Лишь некоторым с немалыми трудностями удавалось провезти с собой жен³³⁴. Естественно, что служилые и промышленные люди вступали в брак с женщинами из коренного населения. Однако опасаясь ущерба в ясачном сборе, московское правительство в XVII в. преследовало покупку женщин у коренного населения и разрешало крестить только ясырь, т. е. пленных. Сохранившиеся документы показывают, насколько сложной была бюрократическая процедура, предшествующая крещению³³⁵. Крещение ясырок было доступно далеко не всем, и внебрачные связи в Якутии были широко распространены. Купленных у населения женщин казаки и промышленники обычно во избежание штрафа старались представить как своих ясырок. Это и давало возможность окрестить сожительницу и вступить с ней в законный церковный союз. Крещение детей, прижитых от русских (именовавшихся «русским прижитком»), не представляло особых затруднений³³⁶. В 1658/59 г. 38 колымских торговых и промышленных людей подали челобитную, в которой просили не взимать с них святительских пошлин и штрафов³³⁷. Челобитчики объясняли, что дети прижиты ими от ясырок и просили послать к ним из Якутского острога священника, «чтобы у нас, сирот твоих, ясырей наших и детей в православную веру привести, окрестить и молотвить»³³⁸.

Любим Артемьев в 1666 г. после возвращения в Якутск из Охотского острога подал челобитную, в которой сообщал, что в Охотске у него осталась ясырка — девка именем Дунка, и он хотел на ней жениться, но без указа не смел это сделать. Артемьев просил выслать ее в Якутск. Воевода послал в Охотск память, в которой приказал допросить эту женщину, «вольная ли она», нет ли на нее крепости и «за кого она замуж итти похочет»³³⁹.

Уже в 50-х годах XVII в. в Якутии как в центре, так и на дальних реках, стала образовываться своеобразная прослойка населения, состоявшая из потомков русских от браков с местными женщинами, близкая, с одной стороны, к пришельцам, с другой, — к коренным народностям.

Все же в 1640—1650-х годах промышленники по характеру своей деятельности вели крайне обособленную жизнь³⁴⁰.

В литературе неоднократно отмечалось, что большая часть сибирских промышленников вышла из Поморья³⁴¹.

³³¹ ПГАДА, ф. 1177, оп. 4, ст. 150, л. 14.

³³² ЛОИИ, карт. 199, ст. 35, лл. 57—58.

³³³ ПГАДА, ф. 214, кн. 333, лл. 105.

³³⁴ «Якутия в XVII веке», стр. 407.

³³⁵ «Колониальная политика...», стр. 152—155.

³³⁶ Там же, стр. 184—185.

³³⁷ Там же.

³³⁸ Там же.

³³⁹ ГИМ, ф. 413, д. 1780, л. 340.

³⁴⁰ Одиночные промышленники, как правило, селились в ясачных зимовьях, где могли получить защиту у служилых людей. Проживание среди коренного населения промышленным и торговым людям категорически воспрещалось.

³⁴¹ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I, М. — Л., 1937, стр. 309; П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири, кн. I. СПб., 1886, стр. 78—79; П. Н. Буди-
н

Специальное исследование этнического состава русского населения Енисейского края в XVII в., произведенное В. А. Александровым, показало, что осваивали эту пограничную с Якутией область главным образом переселенцы из северных и центральных уездов Поморья, в первую очередь устюжане, сольвычегодцы, вычегжане, сысольцы, вымичи, пинежане³⁴².

Как показывают десятинные и оброчные книги Оленекского, Жиганского, Индигирских и Колымских зимовий, именно устюжане, усольцы, мезенцы, белоозерцы, колмогорцы, пинежане составляли основную массу переселенцев-промышленников³⁴³.

Поморы завезли в Сибирь типичный севернорусский промысловый инвентарь — обметы на соболя, кулемы, плашки, зверовых собак. Они принесли и новые средства для добычи рыбы; невода, сети-пушальни, стерляжки удочки. Обычно каждый отряд служилых людей так же, как и партия промышленников, захватывал с собой мережу, неводное прядево, сети и пешни для подледного лова³⁴⁴.

Оказавшись в окружении коренного населения, в длительном отрыве от основной массы русских (большинство промышленных людей оставалось на дальних реках от трех до десяти лет), промышленники постепенно начали в области быта уподобляться местному населению. Об этом процессе можно судить по донесению, датированному 1659 г., о бедствиях русских служилых и промышленных людей на Анадыре. «А на Анадыре реке служилых людей 5 человек, да торговых и промышленных людей 32 человека. А живут с великою нужею и кормятца рыбью, делают сетишка ис крапивей, а хто привезет с Руси сетного холстишка и прыдена, и покупают на кость рыба зубу, за сеть дают по пуду кости семерной, а пуд кости ценой 15 рублей, а холсту купят 2 рубли и по три рубли аршин. А обувь носят кожъ моржевую, а лопотиншко, парки олени и ровдуги покупают у иноземцев дорогой ценою на железо, а железо, промеж собой купят палмы по полпуда кости рыба зубу, а стрелы купят по рублю. И они, промышленные люди, в том обдолжали»³⁴⁵.

Для нашей темы важно выявить примерное соотношение пришлого русского и коренного населения. В бассейнах рек от Анабары до Анадыря, по расчетам Б. О. Долгих, в середине XVII в. жило около 6 тыс. тунгусов и юкагиров³⁴⁶. Считая, что взрослое мужское население составляло около 25%, можно полагать, что всего мужчин от 16 до 50 лет было около 1,5 тыс. человек. Столько же было, очевидно, и женщин, способных к деторождению. Учитывая, что русские состояли только из взрослых мужчин, можно вывести, что соотношение между пришельцами и мужчинами из коренного населения в период наибольшего наплыва промышленников на север было 1:1. Пришельцы при всей своей обособленности, несомненно, оказали сильнейшее влияние на коренное население. Напомним, что около 10% юкагиров, т. е. около 200 женщин, в 70—80-х годах XVII в. нахо-

ский. Заселение Сибири и быт первых насельников. Харьков, 1889, стр. 231; его же. К истории Сибири. Мангазей и Мангазейный уезд (1601—1645). — «Записки Харьковского университета», кн. 1. Харьков, 1893, стр. 82—83; М. М. Головачев. Очерк заселения Сибири в XVI—XVII столетиях. СПб., 1906, стр. 42—43; С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII веках. «Научные труды», т. III, ч. 1, М., 1955, стр. 74—74. В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII века. М. — Л., 1946, стр. 46—51; М. И. Белов. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. — «История открытия и освоения Северо-Морского пути», т. 1, М., 1956 стр. 102, 107—108, 116.

³⁴² В. А. Александров. Указ. соч., стр. 141—147.

³⁴³ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, д. 390, лл. 1—7; кн. 452, лл. 1—65; кн. 101, лл. 96—110.

³⁴⁴ ДАИ, т. VII, стр. 275.

³⁴⁵ «Открытие русских землепроходцев...», стр. 315.

³⁴⁶ Б. О. Долгих. Указ. соч., стр. 544—547.

дились вне своих племен³⁴⁷. Они были женами или наложницами русских промышленников, торговых и служилых людей. Несомненно также, что русское влияние на народности севера в 1650—1660-х годах было значительно более сильным, чем в последующие годы. По мнению С. В. Бахрушина, оскудение соболиных угодий стало чувствоваться через тридцать лет после учреждения Ленского воеводства³⁴⁸. В связи с этим в 1660—1670-х годах многие промышленники покинули Ленский край³⁴⁹.

Одновременно с уходом торговых и промышленных людей, покидавших промыслы в связи с истреблением соболя, происходило постепенное медленное продвижение посадских людей из бесхлебного, безрыбного Якутска в низовья Лены и Оленека.

В 1661 г. служилому человеку Михаилу Шадре была дана наказная память, в которой говорилось, что «живут на Оленеке реке промышленные люди человек с сорок и больше, лет по пяти и по шести и на соболиных промыслах соболей промышляют и с тех соболей великого государя десятины не плачивают»³⁵⁰.

В 1670—1680-х годах, когда вооруженные столкновения с коренным населением в низовьях Лены, Оленека и Анадыря почти прекратились, участились случаи переселения русских семей из Якутска в эти богатые рыбой и зверем районы. В 1676 г. казачьему десятнику Василию Дуракову была дана особая память о сборе оброка с посадских и иных гулящих и промышленных людей, проживавших в Жиганском зимовье и на Оленеке³⁵¹. В 1660—1670-х годах казаки, отправлявшиеся на службу, брали с собой семьи³⁵². В отписках из Оленекского и Жиганского зимовий, относящихся к этому времени, встречаются упоминания о казачьих женах и детях³⁵³. Казачьи жены даже замещали своих мужей в карауле, когда те отправлялись рыбачить.

В 1680-х годах в низовьях Лены образовался, очевидно, какой-то контингент постоянного русского населения. В 1682 г. приказчик Жиганского зимовья в донесении в Якутск жаловался, что «казачьи дети и посадские люди сошли на Анабару» в связи с голодом³⁵⁴. Казаки и посадские люди имели в низовьях Лены у Жиганска свои промысловые заводы.

Русское население севера пополнялось и за счет ссылки. В 1660-х годах практиковалась ссылка провинившихся казаков с семьями на вечное житье в дальние зимовья.

Подолгу жили в этих краях и служилые люди. В 1670-х годах на севере Якутии числилось 93 служилых, в том числе в Жиганах 14, на Оленеке 7, на Яне 16, на Индигирке 16, на Алазее 10, на Колыме 20 и на Анадыре 16³⁵⁵. Численность служилого населения на севере в это время может быть ориентировочно определена в 300 человек.

В 1681 г. из Анадырска сообщали, что находящиеся при остроге промышленники живут уже по 30 лет и более³⁵⁶. Таким образом, они поселились здесь в 1640—1650-х годах. Анадырские промышленники жили семьями: казаки жаловались, что дети промышленников малы и для службы не годятся. По сообщению десятника Сорокоумова, в колымских зимовьях служилые жили «лет по 10 — по 15-ти, а иные и больше»³⁵⁷.

³⁴⁷ Там же, стр. 440.

³⁴⁸ «Якутия в XVII веке», стр. 345.

³⁴⁹ ДАИ, т. VI, стр. 402.

³⁵⁰ ПГАДА, ф. 1177, оп. 2, ст. 50, л. 127.

³⁵¹ ДАИ, т. VII, стр. 133—134.

³⁵² В 1668 г. жена С. Дежнева, Кантеминка Архипова, была отпущена по ее чelобитию к мужу на Оленек (ГИМ, ф. 413, д. 1779, л. 391).

³⁵³ «Колониальная политика...», стр. 122.

³⁵⁴ ЛОИИ, карт. 33, ст. 2, лл. 5, 17.

³⁵⁵ ДАИ, т. VI, стр. 405—407.

³⁵⁶ ДАИ, т. VIII, стр. 181.

³⁵⁷ «Колониальная политика...», стр. 241.

Жившие десятилетиями на Анадыре и Колыме служилые и промышленные люди превратились фактически в своеобразное местное население.

Для добычи рыбы и пушнины промышленники объединялись в группы по 6—7 человек. В одной такой группе упоминаются Падерин, Соколов и Шадрин, т. е. именно те фамилии, которые были распространены среди гижигинских казаков в XIX—XX вв.

Косвенным свидетельством относительно большой численности промышленных и гулящих людей на Колыме может служить то, что вплоть до 1682 г. там существовал банный и квасной откуп³⁵⁸. Таким образом, деятельность промышленников на севере Якутии в 1670—1680-х годах не прекратилась, хотя их связи с Якутском стали весьма призрачными. В связи с этим интересна явчая книга 1698 г. осмотра пожитков служилых и промышленных людей Ленского острога. Приказчик Зашиверского зимовья сын боярский Алексей Суздавец привез 3 соболя, 27 песцов, 3 «волчинка серых без лап и голов», 10 красных лисиц, 10 оленьих постелей и 2 пуда кости моржового зуба. У рядового казака, приехавшего с ним, у Василия Кожевина было 7 лис, у Иванова — 40 горностаев и 150 белок и т. д. Приказчик Тимофей Фомин из Жиганска предъявил 3 лисицы, 100 горностаев, 100 песцов, 50 оленьих шкур; рядовые казаки: Ивашка Мухомлев 145 песцов, 50 горностаев, 100 оленьих шкур, Андрей Борисов 100 песцов, 100 горностаев, 130 оленьих постелей, 300 ровдуг, 2 песцовых одеяла³⁵⁹. Таким образом, в конце XVII в. служилые люди увеличивали свое благосостояние за счет вывоза малоценной пушнины на местный сибирский рынок. В Ленском воеводстве сложилось своеобразное разделение сфер торговой деятельности между служилыми и торговыми людьми. Последние только скупали в Якутске и вывозили пушнину, тогда как служилые люди доставляли товары в зимовья и острожки, скупали пушнину у коренного населения и промышленных людей, выполняя функции посредников между торговцами и добытчиками пушнины.

В 1691—1694 гг. значительный урон русскому населению Якутии нанесла оспа. От нее погибло около 100 рядовых казаков, 2 толмача, 4 пятидесятника, 2 десятника, т. е. не менее 15% якутского гарнизона³⁶⁰. По другим данным, от оспенной эпидемии только в 1690/91 г. в Якутске умерло 115 казаков и 715 казачьих жен, детей и новокрещеных якутов³⁶¹. В связи с этим из Енисейска был прислан отряд из 40 служилых людей³⁶². В «выбылые» места были поверстаны также новокрещеные и, по-видимому, какая-то часть гулящих и промышленных людей. Якутские посадские были назначены целовальниками³⁶³. Нет сомнения, что оспа сказалась и на численности промышленников на дальних реках. Однако сведений об этом у нас нет.

В 1697/98 г. гарнизон Якутска состоял из 943 служилых разных чинов. В Ленском воеводстве числилось 225 пашенных крестьян, 8 человек духовенства. По подсчетам С. В. Бахрушина, мужское русское население, внесенное в оклад в конце XVII в., было около 1400—1450 человек³⁶⁴.

Местные русские, не внесенные в оклад посадские, промышленные и гулящие люди, обитавшие вне Якутска, на дальних реках, упоминались в таможенных книгах только в том случае, когда появлялись в Якутске и платили таможенный сбор со своего имущества. Всего в Якутске в 1698 г. были взяты оброчные деньги с 8 местных промышленников³⁶⁵.

³⁵⁸ ЦГАДА, ф. 214, кн. 1054, ч. I, л. 74.

³⁵⁹ Там же, оп. I, кн. 1168, лл. 1—40.

³⁶⁰ Там же, д. 1058, ч. I, лл. 1—65.

³⁶¹ Г. Ф. Миллер. Указ. соч., т. II, стр. 578, примечания.

³⁶² ЦГАДА, ф. 214, оп. I, д. 1058, ч. I, л. 66.

³⁶³ Там же, л. 124.

³⁶⁴ «Якутия в XVII веке», стр. 404. О русских пашенных крестьянах см. Ф. Г. Софонов. Русские крестьяне в Якутии (XVII — начало XX в.). Якутск, 1961.

³⁶⁵ ЦГАДА, ф. 214, д. 1168, лл. 171—172.

В 1693/94 г. в Жиганском зимовье были собраны оброчные деньги с 5 посадских по 10 алтын на год и с 4 гулящих по 8 алтын 2 деньги. Посадский человек Илья Яковлев заплатил оброк сразу за 5 лет, посадский Михаил Федоров — за 2 года, Наум Федоров — за 3 года. Среди гулящих людей в этой книге упоминаются Гаврилко Черепанов, один из прародителей усть-оленьских крестьян и Лев Говоров, по имени которого, по-видимому, названо Говорово в низовьях Лены³⁶⁶.

Русские промышленники были в это время и на Колыме и на Анадыре. В 1695 г. на Колыме оброк заплатили 2 торговых, 11 промышленных людей и 1 посадский³⁶⁷. В это время с промышленных людей собирали оброк по 16 алтын 4 деньги с человека, а с гулящих людей и лавочных сидельцев — по 8 алтын 2 деньги³⁶⁸. За 1700 г. на Колыме было собрано 16 руб. оброчных денег. Следовательно, здесь было не менее 32 человек промышленников³⁶⁹. В 1695 г. целовальник Тимкин собрал на Анадыре годовой оброк с 31 человека, в том числе с 2 торговых людей по полтине³⁷⁰.

Десятипятиная книга Анадырского зимовья за 1696 г. позволяет судить и о характере промысла русских людей. Всего ими было добыто 200 лисич и 30 соболей. Вся эта пушнина сосредоточилась в руках казака Михаила Многогрешного. При стоимости красной лисичи 50 копеек пушной промысел не мог быть основой существования анадырских промышленников. Основным занятием их было рыболовство и заготовка оленьего мяса.

В конце XVII в. русские промышленники стали стягиваться к побережью Ледовитого океана, так как соболиные угодья были опустошены, а верхнее и среднее течения северных рек значительно беднее рыбой и дичью, чем низовья.

По данным о сборе оброчных денег, на дальних реках — на Анадыре, Колыме, в низовьях Лены и Оленека — были в конце XVII в. небольшие группы постоянного местного русского промыслового населения. Эти группы время от времени пополнялись за счет ссыльных. В 1694 г. «за воровство» был отставлен от должности и выслан в Анадырск якутский палач Савка Наярепов³⁷¹. На дальние реки просачивались и посадские люди, уходившие из Якутска в связи с «хлебной скудостью». В 1692—1694 гг. в Якутске не заплатили оброка 23 человека посадских, ушедших кормиться на «заморские» реки³⁷².

Численность русского населения на северных реках может быть определена по имеющимся материалам очень приблизительно. Судя по оброчным книгам, в низовьях Лены и Оленека было около 10 семей русских, т. е. около 40 человек обоего пола, несколько семей русских жило в низовьях Индигирки. На Колыме было около 30 семей — 120 человек обоего пола, на Анадыре — 30—35 семей, т. е. 120—140 человек обоего пола. Кроме промышленников, на дальних реках жили и служилые люди. В 1698 г. в Жиганское и Оленекское зимовья посылали 8—12 человек, на Алазею — 10 человек, в Анадырский острог отправилось вместе с В. Атласовым 13 человек, но там уже было 50 человек. Если учесть, что большая часть казаков выезжала на службу с семьями, то на дальних реках обитало не менее 300 человек русских обоего пола, непосредственно принадлежавших к служилому сословию. Следует отметить, что на всех северных реках жили и потомки казаков, так называемые казачьи дети. Их очень редко верстали в оклад, так как они были далеки от якутского воеводского начальства. Определить численность этой категории русского старожильче-

³⁶⁶ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, д. 1617, лл. 3—4.

³⁶⁷ Там же, кн. 1657.

³⁶⁸ Там же, д. 1637, лл. 52—57.

³⁶⁹ Там же, ф. 214, кн. 1342, л. 206.

³⁷⁰ Там же, ф. 1177, оп. 4, д. 1674, лл. 1—2.

³⁷¹ Там же, ф. 214, д. 1058, ч. I, л. 66.

³⁷² Там же, л. 74.

ского населения очень трудно. Думается, что число неверстанных в оклад потомков служилых не уступало численности самих служилых, так как двумя десятилетиями спустя «жилые служилые люди» на дальних реках численно значительно превосходили служилых, посылаемых из Якутска.

В целом в конце XVII в. на северных реках жили около 700 русских людей разных сословий.

Таким образом, на протяжении XVII в. численность русского населения в северных промысловых районах резко колебалась. В годы наибольшего развития соболиных промыслов (1630—1650 гг.) на северных реках обитали около 1300 русских промышленников и около 100 служилых людей. В 50-х годах XVII в. в связи с падением соболиных промыслов численность промышленников сократилась по меньшей мере вдвое. В 70-х годах на северных реках было всего 200—250 русских промышленников. Однако в это время большая часть их обзавелась семьями и превратилась в постоянное промысловое население. В конце XVII в. на севере Якутии в устьях крупных рек имелись небольшие постоянные русские промысловые поселения.

* * *

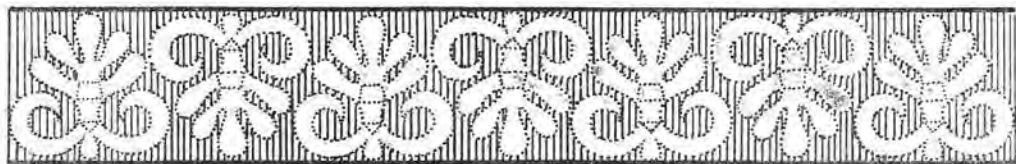
Включение северо-востока Сибири в состав Русского государства повлекло за собой не только глубокие изменения в экономике, культуре и быте коренного населения, но и вызвало его значительные перемещения. Началось интенсивное размывание и расчленение больших, но очень аморфных этнических групп (юкагиры, тунгусы, ламуты).

Еще до прихода русских на северо-востоке Сибири, судя по косвенным свидетельствам, имели место крупные этнические перемещения и происходило постепенное сближение отдельных этнических групп. Однако огромные пространства, известная изоляция северо-востока Сибири от центров мировой цивилизации крайне замедляли этот процесс. Исторические события, связанные с присоединением северо-востока к Русскому государству, вызвали массовые миграции, дробление отдельных групп, перемешивание населения в контактных зонах на этнических рубежах. В связи с этим ускорилось сближение обособленных родов и племен внутри самих этнических групп.

Принесенные русскими новые орудия производства, новая техника промыслов, широкое распространение железа позволили населению северо-востока преодолеть наследие пережиточного неолита. Это привело к некоторой инвентаризации материальной культуры в рассматриваемой области. С установлением государственного правопорядка на значительной части северо-востока прекратились междоусобные кровавые столкновения. Все эти обстоятельства, так же как и приобщение некоторой части коренного населения к русскому быту, развитие торговли, способствовали выравниванию культуры отдельных этнических групп и некоторому сглаживанию племенных и этнических перегородок.

Естественный, но протекавший далеко не в идиллических формах ход этнического развития резко нарушили стихийные бедствия — опустошительные оспенные и коревые эпидемии XVII в., приведшие к обезлюдению огромных областей. Переселения в эти районы из густонаселенных или мало пострадавших от эпидемий областей привели к усложнению этнографической карты северо-востока и ускорили перемешивание населения разного этнического происхождения. К концу XVII в. резко уменьшилась численность тунгусов (эвенков) северо-запада Якутии и юкагиров. В «тунгусских землях» (бассейны Вилюя, Нижней Лены и Оленека) обосновались якуты, из низовий Анабара на запад откочевали тавги, в районы, занятые юкагирами, просочились группы ламутов (эвенов) и якутов, из колымской тундры на восток откочевали чукчи, наконец, в устьях больших рек на крайнем севере возникли небольшие русские поселения.

Итоги этнических изменений, произошедших на протяжении второй половины XVII в., суммированы на карте (см. «Приложения», стр. 268).

ГЛАВА II

ЭТНИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ СИБИРИ В XVIII ВЕКЕ

Включение Камчатки в состав Русского государства открыло новую страницу в истории северо-востока Сибири. Вновь оживились древние пути от Якутска к Анадырскому и Охотскому острогам. В сказочно богатую собором страну устремились служилые и промышленные люди, всевозможные искатели наживы.

Пытаясь упрочиться в новом крае, обезопасить путь на Камчатку, царская администрация вынуждена была вести длительные и дорогостоящие военные предприятия. Колониальные методы эксплуатации, производ казачьих военачальников приняли на отдаленном северо-востоке крайне грубые и жестокие формы. Это вызвало ряд восстаний камчадалов-ительменов и коряков (1731—1732, 1741 гг.), жестоко подавленных.

Перевозка грузов и военных подразделений, участие в военных предприятиях царских отрядов на крайнем северо-востоке легли тяжелым бременем на якутов, юкагиров и эвенов. Привлечение силой оружия к ясачному платежу коряков, ительменов и частично чукчей вызвало изменения в их хозяйстве и расселении.

Камчатская пушнина стала поступать как в казну, так и на рынок; из сибирских городов на северо-восток хлынули русские товары — холст, олово, сукно, железо, мед, «горючее вино».

В первой половине XVIII в. на северо-востоке развивались товарно-денежные отношения. В 1720-х годах в Якутии официально появился денежный оклад ясака¹. Им облагалась наименее обеспеченная часть населения. В ясак стали принимать низкосортную пушнину и дешевые меха — белку, горностаю.

Остро пуждаясь в средствах, правительство Петра I всеми мерами пыталось приостановить падение ясачных поступлений, предотвратить замену пушнины деньгами. В 1697 г. была введена государственная монополия на торговлю соборами и черными лисицами². Для обуздания произвола местной администрации и казнокрадства в Сибирь посылали облаченные большой властью следственные комиссии, фискалов и обер-фискалов. Виновных в злоупотреблениях жестоко наказывали. В то же время правительство предпринимало и меры для того, чтобы поддержать платежеспособность сибирских народов. Проводились местные переписи, с тем чтобы охватить ясаком все мужское коренное население.

¹ Н. С. Романов. Ясак в Якутии в XVIII веке. Якутск, 1956, стр. 43.

² «История Якутской АССР», т. II, М., 1957, стр. 86.

Продвижение на восток — на Камчатку и острова Ледовитого и Тихого океанов — должно было, по представлениям правительства, также способствовать росту казенных доходов. В связи с этим в начале XVIII в. производилось энергичное обследование островов в низовьях Индигирки и Колымы, поиски удобных морских путей на Камчатку³. Общий подъем экономики, развитие промышленности и внешней торговли требовали широкого изучения производительных сил страны. Именно этим обстоятельством и была вызвана первая русская морская экспедиция на северо-восток в 1725—1730 гг.⁴ За частной чисто географической целью, поставленной Петром I перед экспедицией, — выяснить, соединяется ли Азия с Америкой, — фактически стояли большие экономические и политические цели — поиски новых земель, исследование возможностей выхода России к Тихому океану. Первая камчатская экспедиция Витуса Беринга, охватившая не только Камчатку, но и Якутию, хотя и не ответила на поставленный перед нею вопрос, обогатила науку большими географическими исследованиями.

Вторая камчатская экспедиция (1733—1743 гг.), которая была непосредственным продолжением первой, должна была собрать разнообразные географические, историко-этнографические и естественно-научные сведения. Она представляла собой гигантское по тому времени научное предприятие⁵. В экспедиции участвовало более 600 человек. Работа ее упрочила позиции России на северо-востоке Азии и оказала огромное экономическое и культурное влияние не только на коренное население крайнего северо-востока — камчадалов-ителменов и эвенов, но и на якутов. Перевозка экспедиционных грузов из Якутска в Охотск и Анадырь потребовала до 4—5 тысяч лошадей, множество проводников. Это легло тяжелым бременем на якутов и вызвало среди них крупные перемещения.

Значительный приток русских в связи с работой Второй камчатской экспедиции способствовал оживлению экономической жизни на крайнем северо-востоке.

В середине XVIII в., в особенности во второй половине столетия, после прекращения военных столкновений на северо-востоке, большие изменения произошли в производстве: коренное население получило железные орудия, медные котлы, ткани. К концу века эвены, юкагиры, отчасти коряки стали приобретать огнестрельное охотничье оружие. Это позволило в известной мере интенсифицировать пушной промысел. Усилились связи с рынком. Однако положение большей части коренного населения оставалось весьма тяжелым.

В первой половине XVIII в. царская администрация предприняла попытки поднять ясачный сбор. Вследствие оскудения пушных богатств, роста товарно-денежных отношений и деятельности скушников пушнины среди коренного населения эти попытки не имели успеха, но они оказали значительное воздействие на его жизнь. В 1729 г. инструкцией Саввы Рагузинского русская администрация была устранена от разрешения судебных дел местного населения, ее судебные функции в «малых делах» были предоставлены зажиточной верхушке коренного населения, на которую пытался опереться царизм. В 1733 г. был издан закон о запрещении рабства. Неоднократно издавались распоряжения об ограничении частной

³ ПСИ, кн. II, СПб., 1885, стр. 1—12, 68—70.

⁴ В. Берх. Первое морское путешествие россияни, предпринятое для решения географической задачи: соединяется ли Азия с Америкой. СПб., 1823; А. В. Ефимов. Из истории русских экспедиций на Тихом океане (первая половина XVIII века). М., 1948.

⁵ Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга, 1725—1742. М. — Л., 1946; А. И. Андреев. Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII веке. М., 1948; Г. В. Яников. Великая северная экспедиция. М., 1949; М. О. Косвен. Этнографические результаты Великой северной экспедиции 1733—1743 годов. — «Сибирский этнографический сборник», т. III, М. — Л., 1961, стр. 166—212.

торговли мехами. В 1748 г. было запрещено писать кабальные письма на неграмотное коренное население. Однако все эти меры не достигали цели, значительная часть пушнины попадала в руки купцов, процветало казнокрадство.

Упадок ясачных поступлений из Сибири, злоупотребления ясачных сборщиков вынудили правительство Екатерины II реформировать палатное обложение. В 1763 г. был издан указ о направлении в Сибирь «комиссии о расположении ясака». Перепись и переобложение ясаком населения северо-востока произвела Якутская ясачная комиссия, начавшая свою деятельность в 1766 г. Сущность реформы заключалась в том, что правительство отказалось от принципа индивидуального ясачного обложения и перешло к обложению целых родов, общин и селений с введением круговой поруки. При этом низовая русская администрация была устранена от сбора ясака. Эта обязанность была передана зажиточной верхушке из коренного населения — князям, тойонам. Правительство отказалось и от содержания аманатов — заложников. Было разрешено в случае отсутствия пушнины оплачивать ясак деньгами. Раскладка ясака внутри общин была предоставлена на усмотрение самих родовичей, фактически зажиточной верхушки и старост. Чтобы заинтересовать князцов сбором ясака, за исправный и бездоплатный платеж им стали выдавать подарки в виде сукна, табака, изделий из меди. Стоимость подарков не должна была превышать 2% от суммы внесенного ясака. Князцам выдавались и знаки различия — кортики, медали. Наиболее влиятельные князцы были сделаны членами нижних земских судов. Все это способствовало привлечению верхушки коренного населения на сторону царизма⁶.

В XVIII в. резко изменилась и религиозная политика в отношении коренного населения Сибири. Стал поощряться переход в христианство в надежде, что церковь поможет укреплению влияния царизма на народы Сибири. В 1720 г. по указу Петра I принимавшим крещение стали выдавать денежное вознаграждение. В 1731 г. была учреждена Иркутская епархия⁷. В том же году Сибирский приказ указал местным властям, чтобы крестившимся камчадалам давались льготы — освобождение на 10 лет от уплаты ясака⁸. В Якутии крестившиеся якуты освобождались на 5 лет от ясака. Принятие христианства не облегчило жизни коренного населения. Напротив, строительство церквей, расходы, связанные с разъездами и поборами священников, легли новым бременем на народы Сибири. Основы православной религии воспринимались формально. Старые шаманские верования продолжали существовать. Однако даже формальная общность религии способствовала более тесному общению между коренным населением и русскими, помогала воспринять русский образ жизни.

Политические, экономические и социально-культурные события, произошедшие на северо-востоке Сибири в XVIII в., повлекли за собой большие изменения в этнической карте этой области, способствовали сближению ряда этнических групп, сложению новых этнических образований.

ЮКАГИРЫ

Последствия опустошительной эпидемии оспы 1692/93 гг. проявились среди юкагиров в полной мере в начале XVIII в. От некогда крупных северо-западных юкагирских родов остались лишь незначительные горсточки людей. В 1703 г. в Усть-Янское зимовье платили ясак юкагирские роды: Омолейский — 7 ясачных плательщиков, Хромовский — 1, Каменный — 17, обьюкагирившиеся ламутские роды: Зельянский — 5, Петайский — 13,

⁶ «История Якутской АССР», т. II, стр. 133—140, 206—207.

⁷ Там же, стр. 124.

⁸ Е. Д. Стрелов. Акты архивов Якутской области (1650—1800 гг.), т. 1. Якутск. 1916, стр. 177.

пришлые «тунгусы Киндигирского (кукугирского) рода — Надувча, Ламутцкого роду — Агаул-шаман, Кокора, Кимани», всего 13 ясачных плательщиков, «Ламутцкого роду Зашиверского зимовья» — 1, Малетина рода — 1, Эжанского рода — 1, якутов — 25 человек. Таким образом из коренных родов было 43 плательщика — 25 юкагиров и 18 ламутов (эзенов), из пришлых — 41 человек⁹.

Юкагиры составляли одну треть населения. Можно полагать, что усть-янских юкагиров было всего около 100 человек обоего пола. Резко сократились в численности юкагирские роды на Индигирке и Алазее. Так, в Алазейском роде Калвина в 1671 г. было 24 ясачных плательщика¹⁰, в 1686 — 13¹¹, в 1702 г. — 3¹². В самом крупном роде — Манзиты — в 1671 г. было 26 ясачных плательщиков, в 1686 г. — 14, в 1702 г. явилось к ясачному платежу всего 5 человек и они внесли в ясак вместо 80 соболей соболя и шестнадцать красных лисиц. В алазейском юкагирском роде шамана Леуты в 1702 г. осталось всего 2 ясачных плательщика. На Индигирке и Алазее стали появляться якуты и эзены (ламуты). В первом десятилетии XVIII в. они стали здесь постоянными плательщиками ясака.

Документы дают представление о численности всех групп юкагиров в конце первой четверти XVIII в. Согласно «Счетной выписке из сборных ясачных книг» 1723 г., в Усть-Янском зимовье числилось ясачных юкагиров 81 человек, из них явилось к платежу всего 33 человека, 39 умерли, 7 «сошли безвестно» и 3 человека были объяснены вновь¹³. Кроме них в этом зимовье платили ясак 63 подгородных якута и 18 верхоянских якутов. Но мы знаем, что в Усть-Янском зимовье в это время были и эзены. Их составители выписки зачислили в юкагиров. Судя по подробным данным именной ясачной книги этого зимовья за 1703 г., соотношение юкагиров и эзенов (местных и пришлых) было 2:3¹⁴. Следовательно, можно полагать, что объясненных юкагиров в 1723 г. было всего 12—14 человек.

Это подтверждается и документальными данными. Так, в 1721 г. из Усть-Янского зимовья в Якутск была отправлена копия ясачной книги, в которую составители включили имена и ясачные оклады не только действительных плательщиков ясака, но и всех умерших и сошлых. Этим местные ясачные сборщики пытались застраховаться от каких-либо недоразумений, так как за утайку ясачных плательщиков им угрожали смертной казнью. Несмотря на запутанность книги, она позволяет определить численность юкагиров — плательщиков ясака и их родовую принадлежность.

В Омолойском роде было 2 ясачных плательщика, в Хромовском — 5, в Зельянском юкагирском (Каменном) — 1, в Петайском — 7, т. е. всего 15 человек.

Плативший ранее в этом зимовье Каменный юкагирский род в ясачной книге 1722 г. почему-то не упомянут. Возможно, он значился под названием «Алазейского зимовья Мелетин род». В нем было 3 плательщика ясака, в том числе два сошлых¹⁵. Часть членов Каменного юкагирского рода, по-видимому, отошла в Зашиверское зимовье. В счетной выписке 1717 г. указывалось, что в это зимовье заплатили 12 тунгусов и юкагиров Охотского острога и Усть-Янского зимовья¹⁶.

Всего из постоянного населения Усть-Янского зимовья в 1721 г. заплатило ясак 25 человек, в том числе 11 эзенов. Кроме коренных ясачных

⁹ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 1760, лл. 1—11.

¹⁰ «Колониальная политика Московского государства в Якутии» (далее — «Колониальная политика...»), Л., 1936, стр. 114.

¹¹ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 1390.

¹² Там же, кн. 1862, л. 1.

¹³ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2695, лл. 36—37.

¹⁴ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 1760, лл. 1—11.

¹⁵ ЦГАДА, ф. 607, оп. 2, д. 2, лл. 1—9.

¹⁶ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2345, л. 67 об.

плательщиков, в Усть-Янском зимовье платили сошлые якуты (29 человек) и эвены (5 человек) ¹⁷. Среди последних были и юкагиры из Зашиверска.

Таким образом, в Усть-Янском зимовье в 1721/22 г. было 30 плательщиков — юкагиров и эвенов. Так как не все плательщики являлись ежегодно для уплаты ясака, эту цифру можно увеличить до 35 человек. Из постоянных плательщиков ясака Усть-Янского зимовья только 7 принадлежали к исконным юкагирским родам, что составляло всего около 10% плательщиков этого зимовья. Таким образом, юкагиры составляли в Усть-Янском зимовье незначительную часть населения. Даже если считать 8 человек ясачных плательщиков, происходящих из эвенских родов, издавна сблизившихся с юкагирами, за юкагиров, то группа коренного населения увеличивается всего до 25%. Это позволяет считать, что в первой четверти XVIII в. низовья Яны стали в основном эвенско-якутским районом.

На Индигирке, в Зашиверском остроге, Индигирских нижнем и среднем зимовьях, согласно счетной выписке 1723 г., значилось 349 ясачных плательщиков юкагиров. Нет сомнения, что сюда входила и какая-то часть зашиверских и пришлых эвенов, хотя большая эвенская группа (60 человек), возможно мямалыцы, в это время откочевала в сторону Оймякона и числилась в Баягантайской волости ¹⁸.

Всего по Индигирке значилось 88 ясачных плательщиков. 194 человека числились умершими и 36 сошлыми. Помимо основных местных плательщиков ясака, в Индигирских зимовьях платили подати 113 подгородных якутов ¹⁹. Какова же была истинная численность ясачных плательщиков юкагиров на Индигирке? Для определения ее можно воспользоваться данными о том, что в начале XVIII в. соотношение юкагиров и эвенов на этой реке было 1:4. Отметим, что на Индигирке, так же как и на Яне, на протяжении первых двух десятилетий XVIII в. в связи с миграциями эвенов численность их превзошла численность юкагиров, но откочевка части эвенов на Оймякон, по-видимому, привела к тому, что соотношение обеих групп вновь уравнилось. Таким образом, в 1722 г. на Индигирке было всего 44 плательщика ясака юкагира.

Достоверные данные о численности ясачных плательщиков юкагиров в Алазейском зимовье были приведены в счетной выписке 1723 г. Здесь числилось 36 ясачных юкагиров. Однако «во взятии» было 34 человека. Два плательщика умерли. Кроме юкагиров, в Алазейском зимовье платили ясак 15 подгородных якутов и 4 тунгуса Жиганского зимовья ²⁰.

В трех Колымских зимовьях, согласно этой счетной выписке, значилось 160 ясачных юкагиров. Из них являлись с платежом ясака 153 человека, 4 считались мертвыми и 3 — сошлыми. Кроме того, было объясачено вновь 18 подростков ²¹. Таким образом, на Колыме был 171 ясачный плательщик из коренного населения. Все они числились юкагирами, однако мы знаем, что в Верхне-Колымском зимовье значительную часть ясачных людей составляли эвены. Они были и в числе нижнеколымских ясачных плательщиков. Но этнические различия не были приняты во внимание составителями этого документа.

Чтобы установить подлинную численность плательщиков ясака юкагиров, необходимо выявить соотношение эвенов и юкагиров на Колыме.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 607, оп. 2, д. 2, лл 5—20.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2695, л. 47.

¹⁹ Там же, лл. 40 об.—41. Укажем, что в 1717 г. по счетной выписке на Индигирке в Зашиверском зимовье значилось 229 тунгусов и юкагиров, явилось к платежу 117. Кроме того, здесь заплатили пришельцы «Охотского острогу и Усть-Янского зимовья тунгусы и юкагиры 12 человек». В Индигирском среднем зимовье считалось 40 юкагиров, явилось 18. В Индигирском нижнем зимовье значилось 117 человек, явился 31 (там же, д. 2345, лл. 67—70).

²⁰ Там же, д. 2695, л. 45.

²¹ Там же, лл. 42—44.

Имеющиеся в нашем распоряжении колымские ясачные книги за годы, близкие к счетной выписке, позволяют это сделать.

В Колымском верхнем зимовье уже в 1700 г., судя по ясачной именной книге, юкагиры заплатили 56 соболей, эвены (местные и пришлые) — 36 соболей²². Но некоторые эвены платили, в отличие от юкагиров, по лисице в год. Юкагиры платили в это время в среднем по соболу в год с человека. Можно полагать, что соотношение эвенов и юкагиров в этом зимовье было 2 : 3.

Для выявления соотношения тех и других небезынтересны также данные 1738 г. В Колымском верхнем зимовье тогда было 99 юкагиров и 124 эвена²³. Последние составляли 55% населения. Все это позволяет заключить, что в 1722 г. соотношение эвенов и юкагиров в верховьях Колымы было примерно равным. Соотношение плательщиков ясака из Колымского верхнего зимовья и остальных плательщиков ясака на Колыме устанавливается на основе следующих данных. По ясачной книге за 1710 г. видно, что в нижнем и среднем Колымских зимовьях в этом году явилось к платежу 22 человека, в верхнем — 32²⁴. В 1712 г. в первых двух заплатили 24 человека, в Верхнем — 30²⁵. Таким образом, в Верхне-Колымском зимовье платило 60% населения бассейна Колымы. Принимая в расчет эти данные, можно полагать, что в 1723 г. в Верхне-Колымское зимовье платило около 100 человек, в том числе около 50 юкагиров, и всего в бассейне Колымы числилось около 110 юкагиров. К сожалению, в счетной выписке 1723 г. отсутствуют сведения об анадырских юкагирах. Однако до нас дошла подлинная ясачная книга Анадырского зимовья за 1722 г. Согласно этому документу, здесь был 141 ясачный юкагир, в том числе 88 ходынцев и 53 чуванца²⁶. Возможно, в данной книге были учтены не все анадырские юкагиры, так как в 1704 г. их было 225²⁷, а в 1717 г. по перечневой выписке значилось 550 юкагиров²⁸ (вместе с коряками и чукчами). На основании этих данных, если учесть неявившихся к платежу, можно считать, что в Анадырском зимовье в 1722 г. было до 160 ясачных плательщиков.

Численность ясачных плательщиков из коренного населения по Нижней Яне, Индигирке, Алазее, Колыме и Анадырю и численность ясачных юкагиров может быть представлена на основании счетной выписки и ясачных книг.

Зимовье	Плательщиков ясака	В том числе юкагиров
Янское нижнее . . .	36	7
Завиерский острог и зимовья	88	44
Колымские	171	110
Алазейское	34	34
Анадырское	550	160
Всего	879	355

Таким образом, у нас имеются данные для определения общей численности юкагиров в 1723 г.

Принимая в расчет, что мужчины ясачного возраста (от 16 до 50 лет) составляют примерно 25% населения, можно полагать, что в Усть-Янском зимовье было 25—30 юкагиров, в Индигирских 176—180, в Колым-

²² ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 1841, лл. 1—5.

²³ ЦГАДА, ф. 607, оп. 2, д. 5, лл. 1—14.

²⁴ ЦГАДА, ф. 214, кн. 1533, лл. 74—78.

²⁵ Там же, кн. 1564, лл. 115—120.

²⁶ Там же, ф. 607, оп. 2, д. 3, лл. 1—25.

²⁷ Там же, ф. 1177, оп. 4, кн. 1907, лл. 1—10.

²⁸ Там же, ф. 214, оп. 5, д. 2345, л. 74.

ских 440—450, в Алазейском 120—130, в Анадырском 540—700, т. е. всего 1400—1500 человек.

Данные 1723 г. свидетельствуют, что эта этнографическая группа после оспенной эпидемии конца XVII в. значительно уменьшилась. Однако в первой четверти XVIII в. нижнеиндигирские, алазейские, колымские и в особенности анадырские юкагиры, представляли собой еще крупные объединения. Интенсивное проникновение якутов, эвенов и тунгусов (эвенков) в низовья Индигирки, Алазеи и Колымы в 1720—1730-х годах и здесь породило тот же процесс, который имел место в низовьях Яны. Юкагиры стали быстро смешиваться с пришельцами.

Различия в ясачных окладах пришельцев и коренного населения в это время почти исчезли. Этим, по-видимому, объясняется то обстоятельство, что Якутская воеводская канцелярия уже не обременяла себя выделением по зимовьям коренного и пришлого населения. В материалах о местном населении Якутии, представленных Г. Ф. Миллеру в 1737/38 г., канцелярия на основе переписи 1733 г. сообщила только общую численность плательщиков ясака и из каких народностей состояло население, приписанное к тому или иному зимовью. В Усть-Янском зимовье числилось 116 ясачных плательщиков — якуты, ламуты (эвены), юкагиры; в Индигирских — 182 человека (якуты, ламуты и юкагиры), в Колымских и Алазейском — 392 человека (якуты, ламуты, юкагиры и тунгусы), в Анадырском остроге — 682 человека (юкагиры, коряки, чукчи) ²⁹. Данные о родовой принадлежности населения в это время были настолько запутаны, что якутские власти могли сообщить Миллеру только какие роды значились в тех или иных юкагирских зимовьях. Так, в отношении Усть-Янского зимовья сообщалось: «Имеютца роды, а именно юкагиры Омолоевские, Хромовские, ламуты Мелетина, Тумацкой». Туматы в действительности были якутами. В Колымских и Алазейском зимовьях составители записки указали на наличие следующих родов: «юкагиры — Нартицына, Рыбникова; ламутки — Уяганского, Дельянского, Каменного; [якуты] — Байдуесской, Мятюской, Эгинской, Борогонской» ³⁰.

Представление о численности некоторых юкагирских родов дает ясачная книга Колымских и Алазейского зимовий за 1738 г. (в нее были занесены все лица мужского пола независимо от возраста) ³¹.

Зимовье	Род	Мужчин	В том	Оклад ясака	
			числе детей до 16 лет	собор-лей	лис-красных
Верхне-Колымское	Нартицын	81	32	26	16
»	Рыбников	18	7	10	1
Средне-Колымское	Чаин	5	1	2	1
»	Ланборин	16	8	7	—
»	Шихнин	8	3	4	—
»	Шерондин	23	12	6	1
Нижне-Колымское	Омотский	26	5	9	13
Алазейское	Название не указано	30	12	20	4
Всего		207	80	84	36

Сопоставление данных ясачной книги 1738 г. с данными счетной выписки 1722 г. показывает, что численность ясачных колымских и алазейских юкагиров не увеличилась. В 1722 г. их было 154 человека, в 1738 г. — 147. В 1730-х годах юкагиры, аборигены северо-востока Якутии, уже ни в одном из зимовий не составляли большинства. Следующая таблица показывает численность юкагиров-мужчин и процент юкагиров по отноше-

²⁹ ЦГАДА, ф. 199, д. 481, ч. VII, лл. 220—224.

³⁰ Там же, лл. 220—224.

³¹ Там же, ф. 607, оп. 2, д. 5, лл. 1—38.

нию к прочему населению, платившему ясак в зимовьях Колымы и Алазеи³²

Зимовье	Мужчин юкагиров	Доля юкагиров среди плательщиков ясака, в %
Верхне-Колымское	99	44
Средне-Колымское	52	19
Нижне-Колымское	26	38
Алазейское	30	45
Всего	207	33

Следует отметить, что несмотря на интенсивное сближение юкагиров с пришельцами юкагирские роды продолжали фигурировать в документах. Якутская воеводская канцелярия требовала со сборщиков отчета о сборе ясака с каждого рода, когда-либо внесенного в ясачные книги. В случае смерти ясачного плательщика его надлежало заменить кем-нибудь из родовичей — сыном, племянником. Исключение из списков ясачных плательщиков было связано с большими затруднениями. Облегчая отчетность, ясачные сборщики нередко верстали в оклад умерших пришельцев-эвенов и юкагиров из других зимовий. Так, в ясачный оклад юкагира Барчи Игикгина из Каменного Петайского рода в 1721 г. был поверстан его вскормленник из Ламутского рода Мучуня. Он же ошибочно был и в своем роде обложен ясаком³³. Практика замещения умерших ясачных плательщиков подростками из других родов имела место и в последующие годы. В том же зимовье в 1743 г. юкагир Малимкан и его сын Илья шести лет из Хромовского рода были поверстаны в оклад умершего Понорбо Мелетина из Каменного юкагирского рода³⁴. Таким образом, юкагирские роды постепенно пополнялись инородцами. Этим и объясняется то обстоятельство, что численность, например, усть-янских юкагиров в 1733 г. по сравнению с 1721 г. резко возросла. В «выбылые оклады» были поверстаны эвены и якуты.

В таблице показана численность усть-янских «юкагиров» по данным 1732 г. и 1743 г.³⁵

Род	1732 г.			1743 г.			Оклад ясака	
	Мужчин	В том числе		Мужчин	В том числе		соболей	лис красных
		детей	взрослых		детей	взрослых		
Хромовский	13	4	9	17 (1 сошел)	7	10	6	1
Каменный	52	21	31	34 (2 сошли)	13	21	15	8
Омодоевский	17	6	11	16	7	9	5	5
Всего	82	31	51	67	27	40	26	14

В списке юкагирских родов 1732 г. обращает на себя внимание отсутствие Зельянского и Петайского родов. Однако в числе ясачных людей Каменного рода мы обнаружили лиц, которые в списке 1721 г. были в Пе-

³² ЦГАДА, ф. 607, оп. 2, д. 5, лл. 1—38.

³³ Там же, д. 2, лл. 1, 8.

³⁴ Там же, д. 21, лл. 5—6.

³⁵ Там же, лл. 2—31.

тайском и Зельянском родах. Так, некий Нагурол в 1721 г. считался членом Петайского рода³⁶, в 1733 г. ему было 86 лет и он состоял членом Каменного рода³⁷. Офонка Онегин в 1721 г.³⁸ был в списках Петайского рода, в 1733 г. ему было 43 года и он считался членом Каменного рода³⁹. О наличии юкагиров Зельянского рода в 1721 г. давал показание Торкуней⁴⁰, в 1733 г. он также значился в Каменном роде⁴¹. Таким образом, можно считать установленным, что Каменный род образовался в результате объединения объюкагирившихся Зельянского и Петайского родов.

Ясачные книги первой четверти XVIII в. позволяют видеть, каким образом были отменены высокие ясачные ставки, приводившие к бессмысленным исчислениям астрономических недоимок. Во время производства первой ревизии крупные ясачные оклады — от 2 до 3 соборей — были раздроблены. К 1730 г. были составлены новые окладные ведомости, умерших ясачных плательщиков «выложили» из сметных списков, и лишь в оклад некоторых из них были поверстаны их родичи. Ставки ясака в связи с истреблением собора резко понизились. В 30-х годах XVIII в. только самые зажиточные юкагиры платили в год по собору. Нередко для уплаты ясака объединялось два-три человека. Так, в Нартицыном роде юкагир Неныша 42 лет и его брат Шишьяка 30 лет платили совместно одного собора, Этол Мунгалов 20 лет, Ангалша Коежкин 25 лет и его малолетний брат Борылга также одного собора. Многие юкагиры платили в ясак по красной лисиче⁴². Ясак разверстывался примерно по числу семей. Несмотря на понижение ставок ясака, юкагиры платили в два-три раза больше, чем их соседи по зимовьям якуты.

К середине XVIII в. большинство юкагиров было тундровыми охотниками. Они охотились преимущественно на диких оленей. В делах геодезистов П. Лысова, И. Леонтьева и А. Пушкарева, посетивших в 1769—1771 гг. Нижне-Колымское зимовье, сохранились рисунки — юкагиры, передвигающиеся на нартах, ведущие своих верховых оленей и манщиков⁴³.

Переписная ведомость 1743 г. по Усть-Янскому зимовью, в которой были указаны не только численность ясачных плательщиков, но и обеспеченность скотом каждой семьи, позволяет видеть, что из 28 наличных юкагирских хозяйств только два имели по 20 оленей, шесть — более 10, шестнадцать — от 1 до 10 и четыре не имели оленей⁴⁴. Примерно по столько же оленей имели и нижнеянские эвены⁴⁵.

В низовьях Колымы в XVIII в. жили речные юкагиры. Часть их по указанию командиров Анадырской крепости в середине XVIII в. была переселена на Анюю для перевозки грузов. Юкагиры, жившие по Колыме, Анююм и Омолону, имели ездовых собак⁴⁶. Ведущими отраслями их хозяйства были рыболовство и добыча оленей на переправах.

О хозяйственном инвентаре юкагиров в середине XVIII в. дает представление составленный служилыми людьми «Реестр имущества, захваченного чукчами у юкагиров на реке Налуче в 1754 г.». Судя по этому списку, у каждого юкагира были лук и колчан со стрелами, у князцов — кольчуги, шишаки, копы с железными наконечниками, кистени, пальмы, но ни у кого из упомянутых в реестре юкагиров не было огнестрельного

³⁶ ЦГАДА, ф. 607, оп. 2, д. 2, л. 3.

³⁷ Там же, д. 21, л. 7.

³⁸ Там же, д. 2, л. 4.

³⁹ Там же, д. 21, л. 8.

⁴⁰ Там же, д. 2, л. 3.

⁴¹ Там же, д. 21, л. 6.

⁴² Там же, ф. 214, оп. 5, д. 2554, л. 63 об.; ф. 607, оп. 2, д. 5, лл. 1, 5.

⁴³ Там же, ф. 24, оп. 1, д. 55. Фотокопию этого рисунка нам любезно предоставил М. О. Косвен.

⁴⁴ Там же, ф. 607, оп. 2, д. 21, лл. 1—14.

⁴⁵ Там же, лл. 14—34.

⁴⁶ Там же, ф. 1096, оп. 1, д. 6, л. 1.

оружия. Следует отметить, что у юкагиров было немало разнообразных инструментов из железа: топоры, ножи, пилы, сверла, клещи. Обращает на себя внимание и то, что в это время юкагиры имели и металлическую утварь — медные и железные котлы, сковороды⁴⁷. По-видимому, такой же инвентарь имели и остальные юкагирские роды.

Данные о хозяйстве юкагиров и их инвентаре свидетельствуют о том, что в середине XVIII в. они многое позаимствовали от русских. Очевидно, в это время произошла известная нивелировка материальной культуры на территории от низовий Лены до Анадыря. Различия между отдельными группами населения стали менее ощутимы. Столкновения между юкагирскими родами прекратились, уклонения от платежа ясака приняли мирные формы. Все это привело к тому, что при переписи 1769 г., произведенной Первой ясачной комиссией, старые роды юкагиров, как мы видели, в значительной мере пополненные пришельцами, были частично упразднены, слиты и заменены новыми административными родами. В Усть-Янском зимовье из Омолойского, Каменного и Хромовского родов был образован Омолойский юкагирский род. Общая численность мужчин — омолойцев, каменцев и хромовцев — в 1732 г. была 82 человека, в 1743—67 человек⁴⁸, а в 1769 г. в Омолойском роде вновь числилось 82 человека⁴⁹.

В Зашиверском зимовье, очевидно, из Шоромбойских родов, пришельцев-юкагиров Каменного рода, и, возможно, ламутов был образован Каменный юкагирский род.

В Верхне-Колымском зимовье после переписи 1769 г. стали значиться не два, а три юкагирских рода — Коркодонский (Нартицын), Рыбников и Ушканский. Последний, вероятно, выделился из Нартицына рода. В эти роды вошла также часть верхнеколымских звенов.

Следующая таблица показывает выявленные при переписи, произведенной Первой ясачной комиссией, «юкагирские» роды⁵⁰:

Зимовье, острог	Род	Мужчин
Усть-Янское	Омолойский	82
Зашиверское	Каменный	33
Алазейское	Юкагирский	31
Верхне-Колымское	Коркодонский (Нартицын)	29
»	Рыбников	12
»	Ушканский	23
Нижне-Колымское	Омолонский старосты Никулина . . .	23
»	Омолонский старосты Федорова . . .	22
»	Юкагирский старосты Рупачева . . .	18
»	Юкагирский старосты Вострякова . .	22
»	Юкагирский старосты Щербакова . .	16
Всего		311

Эти же данные были повторены, как исходные, в переписных материалах Второй ясачной комиссии в 1830 г., однако они более полны по сравнению со списком, хранящимся в Якутске. Переписью 1769 г., согласно этим материалам, были выявлены: в Средне-Колымске еще юкагирский (Второй Омолонский) род — 34 мужских души, а в Нижне-Колымске — Хатылинско(Ходынско)-Чуванский — 18 мужских душ⁵¹.

⁴⁷ И. С. Гурвич. Юкагиры Чуванского рода в середине XVIII века. — «Сибирский этнографический сборник», т. II, М. — Л., 1957, стр. 246—262.

⁴⁸ ЦГАДА, ф. 607, оп. 2, д. 24, лл. 2—31.

⁴⁹ Рукописный фонд ЯФ СО АН СССР, отдел истории, оп. 25/2, д. 6, л. 13.

⁵⁰ Там же, лл. 13—14.

⁵¹ ЦГИА, ф. 468, оп. 1339, д. 9, лл. 376—399 (по перешифровке 1965 г. — оп. 9, д. 1047).

Таким образом, в юкагирских родах было 363 мужчины. Переписью не были учтены чуванцы и ходынцы, платившие в Анадырский острог, который в эти годы расформировывался. Часть анадырских юкагиров в это время уклонялась от платежа ясака.

Включенные в юкагирские роды лица представляли собой не только прямых потомков юкагиров. В отношении западных усть-янских «юкагиров», зашиверских и верхнеколымских можно с уверенностью сказать, что это был юкагирско-эвенский конгломерат, в который входили объюкагирившиеся тунгусы и якуты. Менее смешанными группами были нижнеколымские, омонские и анадырские юкагиры. Общая численность юкагиров с «юкагизированными тунгусами», по терминологии В. И. Иохельсона, была в это время, с учетом не включенных в перепись восточных юкагирских групп, 1000—1200 человек. Так, в справке ясачного по-вытья за 1769 г. упоминается, что в Якутском ведомстве был 581 юкагир мужского пола⁵². Таким образом, наше определение численности юкагиров совпадает с официальными сведениями.

Иные данные о численности юкагиров в 1770-х годах привел в своем описании народов России Георги: «Весь народ платит подать за 964 души. Но их в пустынях так трудно отыскивать, что число неприсписанных мужчин, а также женщин и детей, по крайней мере вчетверо превосходит в отношении ко всему народу упомянутое количество»⁵³. Таким образом, по предположению Георги, юкагиров было 3856 человек. Несомненно, в это число вошли и юкагиры, и эвены, и тунгусы.

Для понимания этнических процессов, протекавших на северо-востоке Сибири в XVIII в., большой интерес представляет вопрос о взаимоотношениях юкагиров с русскими, эвенками, якутами и чукчами.

Уже в ясачных книгах начала XVIII в. встречаются упоминания о юкагирах-новокрещенах. В 1700 г. в Верхне-Колымском зимовье ясак платил «Бурнашева роду Семейка новокрещеный», а в Нижнее зимовье — новокрещеный Андрейка⁵⁴. В 1721 г. в Анадырском зимовье числились новокрещены-юкагиры Иван Павлов и Теинег⁵⁵.

Из 25 юкагиров, упомянутых в «Реестре о юкагирах, пограбленных чукчами», было 5 новокрещенов⁵⁶. Много новокрещенов в это время было и среди колымских юкагиров. В Нартицыном роде упоминаются фамилии Антипин, Долганов, Исачин, Петров, в Рыбниковом роде — Костромин, Шалагин⁵⁷. Обращение юкагиров в христианство способствовало сближению их с русскими старожилами, облегчало браки между ними. Процесс сближения анадырских юкагиров с русскими казаками и посадскими начался еще в XVII в. Во время восстания юкагиров на Камчатке против отряда Атласова, когда юкагиры пытались перебить казаков, чуванец Еремка Тугулаков «нал» на служилого Якова Волокиту и «убить не дал», так как приходился родником последнему⁵⁸. Некоторые семьи юкагиров, по-видимому, связанные родством с посадскими людьми и казаками, жили в Анадырском остроге⁵⁹. В XVIII в. юкагиры соприкасались с русскими

⁵² А. П. Окладников. Из истории этнографического изучения Якутии. — «Сборник материалов по этнографии якутов», Якутск, 1948, стр. 46. Эта же цифра численности юкагиров фигурирует и в «Описании народов, находящихся около Якутска, Охотска и Камчатки», относящемся к 1770 г. («Российский магазин», СПб., 1792, стр. 376—377).

⁵³ И. Г. Георги. Описание всех в Российском государстве, обитающих народов, ч. III. СПб., 1777, стр. 58.

⁵⁴ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 1841, лл. 2, 8.

⁵⁵ ЦГАДА, ф. 607, оп. 2, д. 3.

⁵⁶ ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 9, д. 8, лл. 1—13.

⁵⁷ ЦГАДА, ф. 607, оп. 2, д. 5, лл. 1—7.

⁵⁸ «Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке» (далее — «Колониальная политика царизма...»), Л., 1935, стр. 26.

⁵⁹ ЦГАДА, ф. 1095, оп. 1, д. 55, лл. 100—102.

чаще, чем другие народности крайнего северо-востока Сибири: через всю территорию расселения юкагиров проходил «тракт» из Якутска в Анадырский острог и на Камчатку.

На культуре юкагиров, несомненно, сказалось и массовое проникновение в их земли эвенов и якутов.

Весьма сложными были взаимоотношения между северо-восточными юкагирами и чукчами. В 1701 г. по челобитию Ходынского рода из Анадырского зимовья против неясачных чукчей ходили в поход служилые люди в сопровождении юкагиров и коряков⁶⁰. Очевидно, чукчи после этого совершили несколько ответных набегов на юкагиров, так как в 1704 г. в списках числилось 25 ясачных ходынцев и чуванцев, убитых за ряд лет⁶¹. Столкновения юкагиров с чукчами происходили и в последующие годы. В 1710 г. анадырские казаки сообщали в Якутск: «Из того-де Анадыря вниз для промыслу оленей, и тех-де служилых людей и ясачных юкагиров немирные чукчи побивают и жен и детей берут в полон»⁶². В связи с этим из Анадырского зимовья для охраны юкагиров и промышленников на время промысла диких оленей высылали охрану. В свою очередь, и анадырские казаки требовали от чуванцев и ходынцев оленей и вспомогательные отряды для походов на Камчатку. В 1714 г. экспедицию анадырского приказчика Афанасия Петрова против олюторских коряков сопровождали юкагиры с семьями и стадами оленей. Юкагиры участвовали и в постройке Олюторского острога. По данным А. Сгибнева, юкагиры во время взятия Олюторского острожка несли службу наравне с казаками, причем до 130 человек из них были ранены, а некоторые совершенно изувечены⁶³. По приказанию Петрова, несколько сот юкагирских оленей было забито для устройства вала вокруг осажденного острога. Хотя отряд кормился за счет юкагиров, Петров требовал с них ясак и уплаты долгов. Поводом к восстанию юкагиров послужил отказ Петрова отпустить их на промысел в родные места. 2 декабря 1714 г. юкагиры перебили возвращавшийся в Анадырск отряд Петрова, а затем отряд камчатских служилых людей (41 человек) и захватили камчатскую ясачную казну⁶⁴. После этого чуванцы, как сообщали служилые люди, «пошли в свои жилища вверх Анадыря реки, а ходынцы пошли на низ Анадыря реки»⁶⁵. Учинить «военный поиск» над ходынцами и чуванцами анадырский гарнизон не решился из-за отсутствия оленей и малолюдства⁶⁶.

Впрочем, восставшие юкагиры-ходынцы сделали вскоре шаги к примирению. Они заплатили ясак, передав его в Анадырское зимовье и частично с пленными вернули захваченную камчатскую ясачную пушнину⁶⁷. Юкагиры Чуванского рода также отпустили захваченных ими в плен русских в Колымское зимовье с объяснением причин своего выступления: «убили-де они Афанасия Петрова за обиды и за налоги, морит-де их голодом и продавал-де им он, Афанасий, оленей на корм по 3 и по 4 лисицы и что-де они упромышляли ясак великого государя, и он, Афанасий, у них, юкагирей, преж ясачного платежу брал»⁶⁸.

⁶⁰ ПСИ, кн. II, стр. 524.

⁶¹ Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке, стр. 425.

⁶² ПСИ, кн. II, стр. 524.

⁶³ А. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. — «Морской сборник», 1869, № 4, стр. 87.

⁶⁴ Там же, стр. 88—89; ПСИ, кн. II, стр. 73—74, 92—98.

⁶⁵ ПСИ, кн. II, стр. 87—88.

⁶⁶ Там же, стр. 117.

⁶⁷ Там же, стр. 88—90.

⁶⁸ Там же, стр. 93.

Объяснения юкагиров, по-видимому, удовлетворили якутскую военную администрацию. Репрессивных мер против восставших юкагиров предпринято не было. Однако сами походы на Камчатку, тяжелые потери при осаде корякских острожков, отрыв значительной части трудоспособных мужчин от промысла, реквизиции оленей подорвали благосостояние северо-восточных юкагиров. И в дальнейшем анадырские власти использовали юкагиров как военную силу. Юкагиры и коряки (218 человек) были привлечены к походу против чукчей в 1731 г.⁶⁹ В 1746 г. майор Павлуцкий выступил в поход из Анадырска, взял с собой «иноземцев юкагирей и коряков». «Апреля 17 дня маршировал по обоим сторонам, [выслав] вперед себя легких иноземцев юкагирей для присмотра неприятельских приличных признаков», — доносил он в своем рапорте⁷⁰. Разгром отряда Павлуцкого не мог не сказаться на положении анадырских юкагиров, союзников русских. Ослабленный гарнизон Анадырской крепости после 1747 г. был не в состоянии оказать военную помощь чуванцам и ходынцам. Сами юкагиры этих родов не могли противостоять чукчам. Набеги чукчей на юкагиров усилились. Память об этих набегах сохранилась в Колымском округе вплоть до середины XIX в. «Последствия смерти Павлуцкого были губительны для чуванцев, селившихся в то время преимущественно около старого Анадырского острога. Набеги чукоч повторялись ежегодно, чуванцы не успевали соединиться и защищаться общими силами; в течение немногих лет почти весь народ был истреблен, незначительные же остатки его убежали в хребты к корякам и, живя между ними, приняли их обычай и наречие», — писал Г. Майдель, собрав эти сведения у русских старожилов⁷¹.

Наши источники несколько по-иному рисуют этот период в жизни анадырских юкагиров. Действительно, после разгрома отряда Павлуцкого чукчи приблизились к Анадырю и стали тревожить юкагиров. Однако юкагиры оставались до 1751 г. верными союзниками анадырского гарнизона. В апреле 1751 г. юкагиры из Чуванского рода во главе с Юдачей Соболевым участвовали в походе капитана Шатилова против тайгоносских коряков⁷². Из отбитых у «немирных» коряков оленей часть была выделена юкагирам в качестве награды. В июле этого же года восставшие анадырские оленные коряки под предводительством Айвулана Омъятова призывали юкагиров присоединиться к ним, но последние отказались, и коряки убили одного юкагира-новокрепца⁷³. Однако в 1751 г. 49 юкагиров во главе с Андреем Алиным, по сообщению капитана Шатилова, отложились⁷⁴. В 1753 г. восставшие анадырские коряки (200 человек) и юкагиры (25 человек) подступали к Гижигинской крепости, но были отбиты⁷⁵.

В 1754 г. на реке Налуче на юкагиров Чуванского и Ходынского родов, оставшихся верными Анадырскому острогу, напали чукчи, среди которых были и коряки. Нападающие захватили имущество у 25 семейств юкагиров на общую сумму, по оценке служилых людей, 8113 рублей. Чукчи отогнали 853 оленя⁷⁶. По-видимому, часть членов семей разгромленных юкагиров была взята в плен, так как в 1755 г., по сообщению ка-

⁶⁹ «Колониальная политика царизма...», стр. 159.

⁷⁰ Там же, стр. 168.

⁷¹ Г. Майдель. Записка о народах, живущих в северо-восточной части Якутской и Приморской областей. — «Сборник трудов исследовательского общества „Саха Кескиле“, вып. 1. Якутск, 1925, стр. 24.

⁷² «Колониальная политика царизма...», стр. 115—116.

⁷³ ЦГАДА, ф. 1095, оп. 1, д. 15, лл. 8—10.

⁷⁴ Там же, лл. 6—7. В 1754 г. капитан Шатилов указал, что численность ясачных юкагиров была 152 человека.

⁷⁵ «Колониальная политика царизма...», стр. 122.

⁷⁶ ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 9, д. 8, л. 8.

зака Кузнецкого, находившегося в плену у чукчей, 6 анадырских ясачных юкагиров выкупали у чукчей своих пленных жён и детей⁷⁷.

Подвергшиеся нападению юкагиры не приняли предложение капитана Шатилова идти сейчас же в поход против их обидчиков. Юкагиры заявили ему, что они обеднели, у них мало домашних оленей и они зависят от охоты на «полевых оленей» (диких), которых добывают луками и облавой. Юдача Соболевков предложил отложить поход до первого снега⁷⁸. Опасаясь набегов чукчей, юкагиры приблизились к русским поселениям. В мае 1758 г. в Анадырской крепости находилась какая-то группа юкагиров Чуванского рода во главе с новокрещённым князем Семеном Ивановым⁷⁹.

Упразднение Анадырского острога в 1770 г. ухудшило положение северо-восточных юкагиров. Часть их откочевала на Колыму и сблизилась с русскими старожилами, а часть, оказавшись лицом к лицу с чукчами, была разгромлена. По сообщению капитана Пересыпкина, командира Гижигинской крепости, чукчи перед походом на коряков (1775 г.) напали на ясачных юкагиров, перебили мужчин, забрали в плен женщин, детей, отогнали оленей⁸⁰. Действительно, среди взятых в плен гижигинской командой в 1775 г. чукотских женщин упоминается «девка юкагирской породы, Ерочина дочь»⁸¹.

Таким образом, во второй половине XVIII в. известное единство северо-восточных юкагиров было нарушено. Юкагиры-ходынцы, поддерживавшие восстание коряков, сблизилась с последними⁸², часть юкагиров была разгромлена чукчами и, возможно, ассимилирована ими, наконец, часть юкагиров сблизилась с русскими и впоследствии обрусела.

ЭВЕНЫ

Последствия оспенной эпидемии продолжали ощущаться на Охотском побережье и в начале XVIII в. Если непосредственно после эпидемии к ясачному платежу в Охотский острог являлось 355—396 человек, то в первом десятилетии XVIII в. платило всего 440—490 человек⁸³. Часть охотских оленных эвенов не вернулась на побережье после бегства от оспенной эпидемии. В то же время в Охотском остроге стали появляться плательщики ясака из других зимовий. Перемещения ясачных плательщиков стимулировала сама ясачная практика. В связи с оспой на всех родах накопилась огромная недоимка. Служилые люди, взыскивая ясак за текущий год, требовали с плательщиков и уплаты недоимок. В счет покрытия их нередко реквизировалась пушнина, добытая сверх ясачных окладов. Однако по отношению к временным ясачным плательщикам, выходцам из других зимовий и острогов, такие меры не применялись.

Перемещения ясачных плательщиков были в известной мере узако-

⁷⁷ «Колониальная политика царизма...», стр. 183.

⁷⁸ ЦГАДА, ф. 1095, оп. 1, д. 15, л. 8.

⁷⁹ ЦГАДА, ф. 1096, оп. 1, д. 6, л. 16.

⁸⁰ Там же, д. 33, лл. 78—79.

⁸¹ Там же, л. 122.

⁸² В 1776 г. в списке людей корякского оленного старшины Лелу Михайлова, уплативших ясак, упоминаются 2 человека «юкагирской породы» с типичными корякскими именами: Четчувин Амчихов и Алот Келгеухтов (там же, л. 34). В 1779 г. в Гижиге давал объяснение князец Киявгичин Ауланов (сын Айвулана Омъятова, возглавившего в 1751 г. восстание анадырских коряков), который сообщил, что в его оленных табунах имеется в пастухах «юкагирской породы» Лекентья. Возможно, что в корякских стойбищах скрывались и другие участники восстания 1751—1753 гг. (там же, л. 41, лл. 34—35).

⁸³ ЦГАДА, ф. 214, кн. 1224, 1486, 1533.

нены. С вновь объявившихся плательщиков взимали обычно по соболю или по лисице в год⁸⁴.

Интересные данные о переселениях охотских эзенов дает ясачная книга Охотского острога за 1705 г. Родовичи Годниканского пешего рода у ясачного платежа заявили, что «иные родники их сошли в Зашиверский острог»⁸⁵. Действительно, летом из Зашиверска в Охотск был привезен ясак с 8 годниканов — 12 соболей и 1 красная лиса. К Зашиверску откочевала и часть оленного Годниканского рода. В Охотский острог под аманата заплатило 14 человек из этого рода, в Зашиверский — 4 человека. Уяганский оленный род продвигался на северо-восток. В 1705 г. в Охотский острог внесли ясак 6 человек из этого рода, 9 человек сошли на реку Тауй, а 6 человек не явились к платежу⁸⁶. Родовичи Келарского рода под аманата внесли 60 соболей, а из Майского зимовья выслали 33 соболя за 29 человек⁸⁷. Нанигирский род в Охотске заплатил соболя и красную лисицу, а в Тауйске — сиводущатую лисицу и красную лисицу. В Охотске и Тауйске платили Евьянский род и Улжерский (Угжерский) с реки Олы⁸⁸. Другая часть этого рода внесла в Охотск ясак за 12 человек, в Майское зимовье за 10 человек и 28 человек не явились к платежу⁸⁹. В Охотское зимовье внесли ясак 8 человек азянов, в Майском 10 человек, не явились к платежу 21 человек⁹⁰.

В начале XVIII в. наметились три направления миграций Охотских эзенов на юг — келары, азяны, угжерцы, на север — годниканы, на северо-восток — уяганы, нанигиры и пешие роды.

Значительные перемещения эзенов происходили и в Якутском воеводстве. Горные зашиверские эзены стали часто появляться в юкагирских землях в низовьях Яны, Индигирки и Колымы. В 1703 г. в Усть-Янском зимовье платили ясак «Киндигирского рода тунгусы, Ламутцкого роду Агаул, Кокора, Кимани Ламутцкого роду Зашиверского зимовья...»⁹¹. В 1702 г. ясачный сборщик Зашиверского острога Михаил Гребенщиков сообщил в своей челобитной, что «16 человек ламуток платили ясак великого государя в Якутском городе... а на Индигирке в ясачное зимовье принесли платежные отписи»⁹².

Переселения эзенов в конце XVII — начале XVIII в. уже не сопровождались какими-либо столкновениями с юкагирами или якутами. Лишь на северо-востоке продвижение охотских эзенов сдерживали корякские племена. Особенно враждовали с коряками пешие тауйские эзены. Около Тауйского зимовья в это время группировалось несколько пепих и оленных эвенских родов. В самом зимовье содержалось шесть аманатов Уяганского рода. В борьбе с коряками эзены пытались заручиться поддержкой русских служилых людей. В 1702 г. приказчик Тауйского зимовья Степан Осипов писал: «Приходили с Олы реки пешие тунгусы Абдарского [Угджурского] роду Кагун с родниками, Бодыня с родниками и прошали у меня, Стеньки, служилых людей итти в коряки и призывать неясачных коряк к ясачному зимовью. И сказывали же ольские тунгусы и стоят-де те коряки у ясачных коряк близко Ильгичаня»⁹³. Нам неизвестно, как реагировали в 1702 г. служилые люди на это предложение. Имеются лишь сведения о большом походе на коряков спустя десять лет после этого призыва. В октябре 1712 г. приказной человек Охотского

⁸⁴ ЦГАДА, ф. 214, кн. 1564, лл. 115, 120.

⁸⁵ Там же, ф. 1477, оп. 4, д. 1934, л. 3.

⁸⁶ Там же, лл. 12—17.

⁸⁷ Там же, лл. 33, 38, 41—42.

⁸⁸ Там же, л. 33.

⁸⁹ Там же, лл. 43—52.

⁹⁰ Там же, лл. 53—59.

⁹¹ Там же, кн. 1760, л. 8.

⁹² Там же, оп. 2, ст. 162, лл. 24—25.

⁹³ Там же, л. 42.

острога Петр Гуторов вместе с 25 служилыми, в сопровождении 130 тауйских пеших эвенов ходил в корякскую землю на неясачных коряков. Устрашенные многочисленностью врагов коряки между реками Туманой и Яною согласились платить ясак и дали аманатов. Оказали сопротивление лишь игиланские и таватумские коряки. В бою с ними было убито, по сообщению Гуторова, 70 мужчин-коряков и около 200 женщин и детей⁹⁴. Поход, очевидно, обеспечил безопасность тауйских эвенов. Следует, однако, отметить, что столкновения с коряками тауйских эвенов носили эпизодический характер и не могли серьезно повлиять на их численность. Имеющиеся данные показывают, что численность охотских эвенов на протяжении первых двух десятилетий XVIII в. имела тенденцию к росту.

В 1717 г. в Охотском остроге, согласно перечневой выписке о сборе окладного ясака, значилось 742 ясачных плательщика, но явилось к платежу всего 490 человек⁹⁵.

В 1723 г. по счетной выписке из сборных ясачных книг в Охотском и Тауйском острогах был взят ясак с 485 эвенов и коряков (в том числе значилось 6 сошлых). Кроме того, ясак был взят с 11 подгородних якутов и 9 плательщиков Зашиверского зимовья⁹⁶.

Крупные группы охотских эвенов платили ясак в других зимовьях. В 1723 г. в Майском зимовье заплатили ясак 24 сошлых тунгуса Охотского острога⁹⁷. В 1717 г. в Зашиверское зимовье являлось 12 «сошлых тунгусов» Охотского острога и Усть-Янского зимовья⁹⁸.

Данные 1717—1723 гг. говорят лишь о фактическом количестве ясачных плательщиков. Можно полагать, что значительная часть эвенов уклонялась от платежа ясака.

Сличая списки охотских эвенов XVII в. с данными ясачной книги 1721 г., Б. О. Долгих обратил внимание на исчезновение некоторых родов: исчезли небольшие оленные роды гулюгиры, кайтагиры, пешие роды венникагиры, нюпогиры, чапчигиры, улбидоры, талбары, унахтагиры, угдигиры, завесоры, торгоры, пешие части оленных родов годниканов, торбиканов, киларов, уяганов, азянов и муеллагиров. Но в районе Тауя появились новые роды — Омохольский и Кутинский. По мнению Б. О. Долгих⁹⁹, омохольцы — это территориальное наименование каких-то тауйских эвенов, возможно угдигиров, выбитых из Олы коряками. Но, возможно, что Омохольский (Омохоцкий) род — это группа юкагиров или верхнеколымских эвенов, откочевавших на Тауй. Об этом говорит совпадение названий юкагирских омоцких родов и Омохольского (Омохоцкого) рода. Однако этот род так же, как и Кутинский, был весьма немногочисленным. Для нашей темы важно отметить, что в результате эпидемий и перемещений на Охотском побережье произошло укрупнение родов.

В 1732 г. ясачный сбор с охотских эвенов был поручен местной воинской команде. Из Якутска были высланы в Охотск ясачные книги, по которым значилось 13 родов оленных и сидячих тунгусов. От всех «тунгусских» родов в Охотске содержались аманаты¹⁰⁰. В Тауйском острожке в эти годы содержалось 4 аманата от двух оленных родов — Долганского и Уяганского. «А у пеших аманатов не брали», — сообщали служилые

⁹⁴ «Летонисъ занятій Археографической комисіи. 1861 г.», вып. I, СПб., 1862, отд. III—IV, стр. 12—14 (документ, писанный на бересте, был доложен бывшим членом Археографической комисіи А. В. Терещенко).

⁹⁵ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2345, л. 64.

⁹⁶ Там же, д. 2695, лл. 32—39.

⁹⁷ Там же, лл. 37—38.

⁹⁸ Там же, д. 2345, л. 67.

⁹⁹ Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав..., стр. 527.

¹⁰⁰ ААН, ф. 21, оп. 5, д. 142, лл. 16—19, Ответы Охотской канцелярии на вопросы пункты Липдевау, 1742 г.

люди¹⁰¹. В 1732 г. с охотских эвенов было собрано в ясак 9 сороков 5 соболей, т. е. 365 соболей, 7 бурых лисиц, 7 сиводущатых лисиц и 113 красных на сумму 1630 рублей¹⁰².

В делах Г. Ф. Миллера сохранились данные о численности охотских родов по переписи 1733 г.: «При Охотске пеших тунгусов 79 человек, якутов 2, да тунгусов оленных, которые живут, переходя по рекам Охоте, Куктусе, Ураке, Улье, Ине и прочие — Годниканской род — 120, Уяганской — 122, Горбиканской — 50, Келарской — 67, Кукугирский — 17, Ажанский (Азянский) — 15, Баяшинский — 5. Итого с пешими тунгусами и якутами 477 человек. При Тауйске пеших 60 человек, оленных Долганского и Уяганского — 47»¹⁰³.

Таким образом, в группе охотских эвенов насчитывалось 582 ясачных плательщика, а всего 2328 человек¹⁰⁴.

Пешие эвены в период проведения переписи составляли четвертую часть от всей группы охотских эвенов. Все же они насчитывали около 550 человек обоего пола. Родовой состав пеших в материалах Миллера не указан.

По данным С. П. Крашенинникова, около Охотска обитали пять родов пеших ламутов (эвенов): Ивьянский (4 ясачных плательщика), Адганский — 12, Шолганский — 4, Уягирский — 3 и Ньюнчинский — 9, т. е. 32 ясачных плательщика¹⁰⁵. Я. Линденау в описании охотских тунгусов называет четыре пеших рода: Адган, Салган, Эвен, Уягир¹⁰⁶. Не трудно видеть, что это искаженные наименования четырех первых родов, упомянутых С. П. Крашенинниковым.

По переписи 1733 г. эвены, именовавшиеся в Якутии ламутами, официально числились в Верхоянском, Усть-Янском, Зашиверском, Алазейском и Верхне-Колымском острогах и зимовьях.

В 1738 г., судя по именной ясачной книге Колымских и Алазейского зимовий здесь было 138 эвенов мужского пола всех возрастов, следовательно всего около 270 человек обоего пола. Большая часть колымских эвенов сосредоточилась около Верхне-Колымского зимовья (124 мужчины). Эвены проникли и в низовья Колымы. В верховьях Колымы жил Дельянский род (28 ясачных плательщиков), Уяганский (34), Дельянский (35), Каменный (27); в низовьях Колымы платили ясак «Зашиверского острогу ламутки» 13 человек. К сожалению, данных о численности в 1730—1738 гг. эвенских родов в бассейне Индигирки обнаружить не удалось. Поэтому мы воспользуемся имеющимися в нашем распоряжении материалами о численности этих эвенов в 1721 г.¹⁰⁷: ламуты без указания родов — 45 ясачных плательщиков; Угигарский и Бугесерский (Буяксирский) — 9, Годниканский — 8, Евьянский — 9, Мямьяльский — 2, Зельянский — 2, Кукугурский — 1, Охотского острожка — 8, ламутов Индигирского среднего и Усть-Индигирского зимовий без указаний родов — 10, всего 94 человека.

Кроме этого, в Зашиверском остроге и Индигирском среднем и нижнем зимовьях значилось 6 эвенов, сошедших в Охотск и на Алдан. Таким

¹⁰¹ ААН, ф. 21, оп. 5, д. 142, л. 42.

¹⁰² ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, д. 164, л. 792.

¹⁰³ ЦГАДА, ф. 199, д. 481, ч. VII, л. 335.

¹⁰⁴ Близкие цифры численности охотских тунгусов приводятся и в других документах. В 1728—1730 гг. по окладным ведомостям в Охотске значилось 386 ясачных плательщиков, в Тауйском остроге 179, т. е. всего 565 (ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2554, л. 75).

¹⁰⁵ С. П. Крашенинников, Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949, стр. 529.

¹⁰⁶ А. М. Зодотарев. Новые данные о тунгусах и ламутах в XVIII веке.— «Историк-марксист», 1938, № 2, стр. 70.

¹⁰⁷ ЦГАДА, ф. 214, д. 930, лл. 73—105.

образом, в бассейне Индигирки было около 100 человек плательщиков ясака, а всего эвенов около 400 человек обоего пола.

Эти данные, возможно, преуменьшенные, позволяют полагать, что в бассейнах Индигирки и Колымы в конце 1730-х годов кочевало около 700 эвенов обоего пола. Группы эвенов кочевали на Алдане, заходили на Яну. Данных об их численности у нас нет. В Верхоянском зимовье в 1736 г. было 797 ясачных плательщиков — якутов и эвенов, в Усть-Янском — 116 (юкагиры, якуты и эвены). Кроме того, часть алданских эвенов нередко платила ясак в Бутальское зимовье. Судя по всем этим данным, можно полагать, что численность эвенов в пределах Якутии была около 1000 человек обоего пола, а численность всех эвенов в 1730-х годах — 3200—3500 человек.

При всей обособленности локальных групп эвенов, они, по-видимому, благодаря частым перекочевкам, поддерживали между собой какие-то связи. Охотские эвены являлись даже в Якутск. В 1732 г. назначенный начальником Охотской округи Скорняков-Писарев, находясь в Якутске, получил в подарок от приехавших туда охотских эвенов чернобурую лисицу¹⁰⁸. Несомненно также, что эвены в бассейнах Яны, Индигирки и Колымы общались с юкагирами и якутами. Охотские эвены и якуты соприкасались не только в якутских районах. Одиночки-якуты проникали и на Охотское побережье¹⁰⁹.

Весьма сложными были взаимоотношения эвенов и коряков. События на Камчатке и Чукотке затронули и охотских эвенов. Они участвовали в 1729/30 г. в неудачном походе казачьего головы Шестакова против чукчей. Во время военных действий было убито 11 эвенов¹¹⁰. Среди ополчения были и оленные и пешие эвены. В 1732 г. капитан Павлудский получил предписание выслать в Сибирский приказ расспросные речи пеших охотских эвенов, которые были в партии казачьего головы¹¹¹. Эвены были надежной опорой тауйского гарнизона. В 1730 г., когда ямские коряки перебили команду зимовавшего в Ямском остроге русского судна, «тауйские оленные и пешие эвены Бобочин с товарищи, восемь человек», по указанию охотского комиссара Лыткина, ходили «проведовать» коряков и призывать их вновь к платежу ясака¹¹².

В 1748 г. русский отряд под командой сержантов Брехова и Белобородова, отправившийся на реку Чендон, сопровождали охотские эвены, возглавляемые Кабой. Эвены захватили в плен 18 наяханских коряков¹¹³. В 1751 г. сержант Белобородов совершил поход против гижигинских коряков. Его отряд также сопровождали эвены. Коряки согласились выдать русским аманата, но убили трех эвенов, после чего вновь начались военные действия между коряками и русскими¹¹⁴. В 1753 г. коряки напали на партию казаков и эвенов, состоявшую из 37 человек, и убили 7 русских и 5 эвенов, в 1755 г. во время похода на Туманскую крепость эвены и русские служилые люди понесли тяжелые потери. Эвены участвовали и в закладке Гижигинской крепости. В 1752 г. сержант Игнатьев передал вспомогательному отряду эвенов пленных коряков в холопство. Эвены участвовали на стороне русских и в военных походах против коряков на Камчатке. Однако все это не оказало значительного влияния на численность эвенов. Об этом свидетельствуют данные Третьей ревизии. Основная масса восточных тунгусов ко времени ее проведения (1761—1765 гг.) находилась в Охотском округе. Первичных данных этой переписи обна-

¹⁰⁸ ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, д. 164, л. 792.

¹⁰⁹ ЦГАДА, ф. 214, кн. 980.

¹¹⁰ Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 127.

¹¹¹ ЦГАДА, ф. 248, оп. 4, д. 164, лл. 741—742.

¹¹² Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 219.

¹¹³ А. Сгибнев. Исторический очерк..., № 4, стр. 14.

¹¹⁴ Там же, стр. 15—16.

ружить не удалось. Однако в обширной «Записке, учиненной из дел и сведений, имеющихся в Иркутском губернском правительстве в казенной экспедиции, и частью из дел, взятых из Канцелярии гражданского губернатора, на каком основании обложены ясаком ясачные народы», относящейся к 1819—1820 гг., имеется упоминание, что по переписи Щербачева (Первая ясачная комиссия 1763 г.) в Охотском округе числилось 1458 эвенов мужчин¹¹⁵. В делах Второй ясачной комиссии (1827 г.) имеется указание, что в Охотском округе по переписи 1763 г. было 1989 душ, включая ямских и туманских коряков и якутов¹¹⁶.

Разница между этими двумя цифрами весьма значительна. Едва ли в 1763 г. в Охотском округе насчитывались 531 якут и коряк. Возможно, здесь имел место некоторый недоучет эвенов. Принимая во внимание это соображение, мы несколько округляем по отношению к 1763 г. цифру численности эвенов в сторону увеличения. Можно думать, что взрослых мужчин в группе охотских эвенов было 1500—1550 человек, а всего 3000—3100 человек обоего пола.

Крупные группы эвенов — восточных тунгусов во второй половине XVIII в. прочно обосновались в горных районах Якутии. Согласно переписи Первой ясачной комиссии, Усть-Янскому зимовью подчинялся Ламунхинский род (44 мужские души), Верхоянскому — Тюгясирский род (44 души), Зашиверскому острогу — шесть родов (Кункугурские, Дельянские и Тюгясирский — 268 мужских душ), Верхне-Колымскому зимовью — четыре рода (Дельянские и Уяганские — 164 мужские души). Большие роды были подразделены на род старосты (князца) и старшины или на роды двух старост. Всего в эвенских (ламутских) родах Якутского воеводства значилось 520 мужских душ¹¹⁷. Однако в уже упоминавшейся выше «Записке, на каких основаниях обложены ясаком ясачные народы» приводятся несколько иные сведения о численности эвенов в Якутском воеводстве. По этим данным, здесь было 628 мужских душ¹¹⁸.

Считая, что количество мужских душ составляло примерно около половины общей численности населения, можно полагать, что во время переписи 1766 г. в Якутии было 1000—1200 эвенов.

Таким образом, всего в 1760-х годах эвенов было около 4000—4300 человек обоего пола. За 30—35 лет численность их увеличилась на 700—800 человек или на 20%. Если даже предположить, что в 1730-х годах был недоучет эвенов, все же рост этой группы несомненен. Это было связано с отсутствием эпидемий, благоприятными условиями для промыслов и в какой-то степени с освоением новых территорий.

В 1760—1780-х годах охотские эвены продвинулись далеко на север в корякские земли. В 1772 г. коряк Хончалин обратился с жалобой на эвенов, разграбивших стойбища его отца. Из жалобы следует, что отец Хончалина с двумя сыновьями выпасал своих оленей на реке Омолон. В сентябре они пошли по первому снегу для промысла «степных» (диких) оленей. В это время в их стойбище явилось 20 эвенов верхом на оленях, «которых отец его принял честно». Во время ловли оленей для угощения эвены убили своих хозяев из луков и угнали табун в Ямской острог. Хончалин первоначально утверждал, что у них было 3000 оленей, затем 900 оленей. Из допросов эвенов выяснилось, что убиты были также мать истца и его малолетняя сестра. Эвены захватили ружье, железный котел, топор, «копы с ратовьем и оловянными припаями, три лука с тулом и пять железных стрел, три санки езжалых, одну возовую»¹¹⁹. В 1773 г.

¹¹⁵ ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 265, л. 122.

¹¹⁶ ЦГИА, ф. 468, оп. 9, д. 1055, л. 30—31; д. 1048.

¹¹⁷ Рукописный фонд ЯФ СО АН СССР, отдел истории, оп. 25/2, д. 6, лл. 7—19.

¹¹⁸ ЦГИА, ф. 468, оп. 9, д. 1055, лл. 30—31.

¹¹⁹ ЦГАДА, ф. 1096, оп. 1, д. 33, л. 54.

истец со своим родичем в сопровождении казаков явились в Ямской острог и получили от Уяганского и Годниканского родов 170 оленей¹²⁰.

В 1779 г. корякский князец Киявигичин Айвуланов сообщил начальству Гижигинской крепости, что когда его олени табуны кочевали летом «за Пензинской губой в Олжоторской стороне», ему не давали покоя какие-то неизвестные люди на верховых оленях с луками, одетые в ровдужные камлеи. Переловить их они не могли, так как пастухи были пехи¹²¹. Из этих сообщений можно заключить, что эвены стали кочевать в 1770—1780 гг. в районах, где в прошлом обитали одни коряки, — в верховьях Омолона и Гижиги.

Из донесения командира Ямской крепости гижигинскому городничему, датированного январем 1790 г., видно, что какая-то группа оленных эвенов регулярно платила ясак в эту крепостицу вместе с пешими коряками¹²². Из списка ясачных плательщиков этого укрепления 1792 г. видно, что это были члены Уяганского рода (28 ясачных плательщиков)¹²³. Но в Ямской крепостице часто появлялись и тауйские эвены Долганского рода князя Трифонова и Уяганского рода князя Бабцева¹²⁴. В 1780-х годах эвены уже заходили далеко на север.

В 1785 г. тунгус Охотского ведомства Тимофей Дехтерев обратился к гижигинскому городничему с просьбой перечислить его из Годниканского рода в Гижигинскую округу в Уяганский род, где у него родственники и где быть «для своего содержания выгоднее»¹²⁵. В то время некоторые стойбища уходили с севера на юг. В 1776 г. из Тауйского острожка в Охотский порт были переведены из Долганского рода 42 человека, из Уяганского — 20, из пешего Ивьянского — 9 человек¹²⁶. В 1779 г. в Уяганский род были причислены 9 плательщиков ясака, составлявших Кункурский род¹²⁷.

В конце XVIII в. годниканы продвинулись так далеко на запад, что стали кочевать «не в дальнем от Якутска за рекой Алданом расстоянии» и переведены были по ревизии 1795 г. в количестве 95 душ в Якутское воеводство. В 1800 г. около половины переведенных годниканов вновь откочевала в Охотский край¹²⁸. Возможно, какая-то часть Годниканского рода была перечислена в Якутскую область и до Пятой ревизии, так как в ведомости 1794 г. Годниканский род князя Ф. Федина (68 мужчин, 82 женщины) значился уже отчисленным от Охотской округи¹²⁹.

В новых районах эвены соприкасались с коренным населением и сближались с ним. В стойбища оленных эвенов нередко попадали племенные коряки. Однако сближение между этими группами происходило и путем обмена женщинами, присоединения к стойбищам эвенов обедневших корякских семей и одиночек-работников. В 1792 г. в стойбище Уяганского князя Тимофеева находился «слуга корятский с женой по 45 лет».

Обращение охотских эвенов в христианство облегчило браки с русскими старожилками, крещеными коряками и якутами.

В 1784 г. в гижигинской метрической книге были сделаны следующие записи: «Венчан Ямского острожка казак Филип Голятин Тауйского форпоста новокрещеного тунгуса Алексея Беляева на дочери его девице Татьяне, вторым браком»¹³⁰; «венчан Уяганского рода новокрещеный

¹²⁰ ЦГАДВ, ф. 1075, оп. 1, д. 27, л. 47.

¹²¹ ЦГАДА, ф. 1096, д. 41, л. 34.

¹²² ЦГАДВ, ф. 1077, оп. 3, д. 91, лл. 5—6.

¹²³ ЦГАДВ, ф. 1078, оп. 1, д. 63.

¹²⁴ ЦГАДВ, ф. 1077, оп. 3, д. 91, л. 6.

¹²⁵ Там же, д. 5, л. 1.

¹²⁶ ЦГАДВ, ф. 1017, оп. 2, д. 76.

¹²⁷ Там же, д. 75.

¹²⁸ Там же, ф. 1018, оп. 1, д. 1, л. 47.

¹²⁹ ЦГАДВ, ф. 1520, оп. 1, д. 111, л. 10.

¹³⁰ ЦГАДВ, ф. 1539, оп. 1, д. 3, л. 91.

Ефим Фролов корятской породы на новокрещеной девице Любви первым браком»¹³¹.

Распространенным явлением стали браки между пешими коряками и пешими эвенками в Оле, Яме, Тауйске.

Обращение охотских эвенов в христианство началось в 1740-х годах. Крестившиеся получали на несколько лет освобождение от уплаты ясака. Из новокрещенов назначались князцы и старшины, новокрещенов привлекали в качестве проводников в походы на коряков. Так, в 1745 г. перед выездом из Охотска в Большерецк восприняли крещение девять эвенов Годниканского рода, засвидетельствовавшие этим свою верность¹³². В 1764 г. в Охотском округе значилось крещеных эвенов 119 мужчин и 29 женщин¹³³.

К концу XVIII в. крещение было завершено, распространились церковные браки, некоторые христианские обряды. Но эвенки оставались шаманистами. Об этом достаточно определенно говорит жалоба священника Шапова в Гижигинский нижний земский суд (1798 г.) на «богопротивные поступки тунгусского князца Долганского рода Шелудякова», у которого он якобы отнял шаманский бубен. По словам священника, князец приносил в жертву оленей¹³⁴.

Во второй половине XVIII в. произошли и некоторые изменения в материальной культуре эвенов. В связи с оживленным движением по Охотскому тракту к эвенкам стали проникать русские товары — ткани, одежда, посуда, а после отмены запрета на продажу местному населению оружия — огнестрельное оружие. В конце XVIII в. порох и свинец отпускались эвенкам из казенных запасов. Это в известной мере изменило характер охотничьего промысла.

Эвенская зажиточная верхушка старалась подладиться к русским властям, перенимая от них внешние элементы русского быта. В 1785 г. зажиточные эвенки Уяганского рода Михайло Касимов и Дмитрий Тетерин состояли заседателями нижнего земского суда¹³⁵.

Имущественное расслоение среди эвенов способствовало развитию торговли. В стойбища оленных эвенов проникали русские и якутские скупщики пушнины. На реке Охоте в урочище Уега ежегодно зимой устраивалась ярмарка. По словам Г. А. Сарычева, посетившего Охотск в 1786 г., «приехавшие из городов с теми, кои жили в горах, меняют табак, кожи, иголки, бисер и платки на оленьи, мехи разных зверей, оленьи кожи, сушеное звериное мясо и рыбу»¹³⁶.

В целом быт и хозяйство эвенов на протяжении XVIII в. сохраняли традиционный облик. «Питаются звериной и рыбной ловлею, а скотоводства не имеют, — писал об эвенках в 1789 г. Ф. Лангенс. — Юрты их чумовые, т. е. покрыты выделанными оленьими кожами, а у некоторых и из рыбьих кож»¹³⁷.

Приведенные материалы показывают, что на протяжении сравнительно благоприятного XVIII в. эвенки увеличились в численности почти на 40%. Однако численность их еще значительно отставала от уровня середины XVII в. Прекращение военных столкновений с коряками во второй половине XVIII в., известная интенсификация охотничьего промысла в связи с распространением огнестрельного оружия позволили эвенкам значительно расширить территорию своих кочевий. Большие группы эвенов перешли из Охотского округа в Якутскую область и район Гижиги.

¹³¹ ЦГАДВ, ф. 1539, оп. 1, д. 3, л. 91.

¹³² ЦГАДВ, ф. 1011, оп. 1, д. 24, л. 487.

¹³³ Там же, д. 27, лл. 2—4.

¹³⁴ Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 298—306.

¹³⁵ ЦГАДВ, ф. 1520, оп. 1, д. 35, л. 116.

¹³⁶ Г. А. Сарычев. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952, стр. 49.

¹³⁷ ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 300, лл. 29—30.

СЕВЕРНЫЕ ЯКУТЫ И ТУНГУСЫ (ЭВЕНКИ)

В начале XVIII в. поток якутов-переселенцев в низовья Лены и Оленека усилился. В 1702 г. здесь были не только выходцы из подгородних волостей, но и якуты, перебравшиеся в зимовья, не прижившиеся там и вновь искавшие убежища на «дальних реках». В документах Жиганского зимовья упоминались якуты из Усть-Вилюйского, Средне-Вилюйского, Бутальского зимовий и Олекминского острога¹³⁸. В конце XVII — начале XVIII в. якуты из низовий Лены — Оленека стали продвигаться далее на запад в низовья Анабары и Хатанги. В 1698 г. из Жиганского зимовья на Хангу (Хатангу) сошло 20 «староплатежных» якутов, но ясак они и в начале XVIII в. платили в Жиганск¹³⁹.

Значительная передвижка якутов на запад произошла в 1702 г. Побудительной причиной послужил жестокий голод, разразившийся на Оленеке. «Божием изволением на Оленеке реке, — сообщалось из Якутска в Москву, — учинился великий голод для того, что вешнего и осеннего звериного промыслов не было, и от того голоду многие ясашные иноземцы не платя великого государя ясаку на нынешний 1702 г. разбежались по иным по горным речкам безвестно, а иные иноземцы з голоду примерли, на Анабару реку сошли 20 человек не платя великого государя ясаку»¹⁴⁰. Действительно, часть Жиганских тунгусов и якутов в том же 1702 г. обнаружилась в Усть-Вилюйском зимовье¹⁴¹.

Все же в первые десятилетия XVIII в. низовья Лены и бассейн Оленека, несмотря на уход части населения отсюда на запад вследствие неудач в промысле, продолжали интенсивно пополняться переселенцами-якутами. Об этом свидетельствуют сборные ясачные книги Якутского уезда. В 1700 г. в Оленекском зимовье числились 73 ясачных плательщика, хотя к платежу явилось 41, а в Жиганском зимовье было 287 плательщиков, тогда как к платежу вышли всего 167¹⁴². В 1705 г. численность плательщиков ясака увеличилась. В Оленекском зимовье значились 90 человек, в Жиганском 315¹⁴³. В 1712 г. в Оленекском зимовье числились 119 плательщиков, из них явились 70 и, кроме того, заплатили 56 новиков из подгородних якутов. В Жиганском зимовье за этот год числились 339 человек, объявились у платежа 186. Кроме того, заплатили ясак 128 сошлых подгородних якутов¹⁴⁴. Таким образом, только за первое десятилетие XVIII в. число плательщиков на северо-западе Якутии возросло с 360 до 458 человек. Однако динамика численности ясачных плательщиков, восстанавливаемая по данным сборных ясачных книг, лишь приближенно характеризует действительную картину движения населения.

В начале XVIII в. в связи с массовыми миграциями и быстрым ростом недоимок записи в ясачных книгах стали крайне запутанными. По именным зимовейным ясачным книгам в Якутске производился общий подсчет ясака и ясачных плательщиков. Ясак, собранный от беглых (сошлых) плательщиков в разных волостях и зимовьях, так же как и сами они, вновь причислялся в сборных ясачных книгах к тем волостям или зимовьям, в которых эти лица числились. Поэтому в зимовьях по сбор-

¹³⁸ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 1864, лл. 52—56. Бассейн Вилюя в это время был прочно освоен якутами. В начале XVIII в. на среднем Вилюе жило около 1000 якутов. А. С. Парникова. О расселении якутов в XVII—XVIII веках. — «Материалы по истории Сибири», вып. 1. Новосибирск, 1962, стр. 251.

¹³⁹ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 2, ст. 162, лл. 3, 10.

¹⁴⁰ Там же, лл. 1—3.

¹⁴¹ Там же, оп. 4, кн. 1863, лл. 20, 42, 44.

¹⁴² Там же, ф. 214, кн. 1224; Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав..., стр. 446, 454.

¹⁴³ Там же, кн. 1224.

¹⁴⁴ Там же, кн. 1564, лл. 87, 91.

ным ясачным книгам в XVIII в. числилось меньше плательщиков, а в волостях больше, чем там было в действительности. Естественно, что данные сборных ясачных книг расходятся с данными именных зимовейных книг, отражающих действительное положение дел. К сожалению, именных ясачных книг XVIII в. до нас дошло не много. Но и те, которые имеются, позволяют сделать весьма интересные наблюдения, так как дают возможность установить не только действительное число плательщиков ясака, но их этническую принадлежность.

Именная ясачная книга Оленекского зимовья за 1700 г. показывает, что всего в списки было внесено 108 человек, в том числе 3 из Азянского рода, 27 из Синигирского, пришлых тунгусов — 14, якутов — 64 человека. Ясак внесли 72 человека, в том числе 12 местных тунгусов, 6 пришлых и 54 якута¹⁴⁵.

В 1702 г. в Оленекском зимовье в списки ясачных плательщиков было внесено 120 человек. Заплатили ясак 3 человека из Азянского рода, 15 из Синигирского и пришлые тунгусы — 12 человек (Долганский, Азянский, Нимчанский, Бетильский, Моядыльский, Лалкагирский, Ажарский [?], Бутальский) и 72 якута. Среди последних, судя по припискам: «Оленекского зимовья Кангаласской волости», были, по-видимому, местные ясачные плательщики¹⁴⁶. Эти данные показывают, что местные тунгусы составляли на Оленеке всего лишь около 20%, а пришлые тунгусы около 10% всего населения.

Аналогичная картина рисуется и по именной ясачной книге 1702 г. Жиганского зимовья. В эту книгу было внесено 466 человек, но к платежу явились 301, в том числе тунгусов местных, судя по именам, около 20 человек, якутов местных 60, пришлых тунгусов 16 и пришлых якутов 205 человек¹⁴⁷. Таким образом, низовья Лены представляли собой фактически якутский район. Среди населения северо-запада Якутии в целом якуты составляли 85%, тунгусы 15%.

В 1717 г. согласно перечневой выписке о сборе ясака в Жиганском зимовье значился 341 ясачный плательщик. Из них явились к платежу 146 человек, но кроме них заплатили ясак 133 пришлых якута. В Оленекском зимовье числились 122 человека, явились к платежу 37, но кроме них заплатили ясак 134 сошлых ясачных якута¹⁴⁸. В 1721 г. в Оленекском и Жиганском зимовьях числились 465 ясачных плательщиков — тунгусов и якутов¹⁴⁹. В последующих документах эти зимовья обычно объединялись. В 1723 г. в обоих зимовьях числились 287 тунгусов и якутов, но ясак был взят лишь с 144 человек, так как 135 «в разных годах померли», а 5 сошли безвестно. Но к платежу явились вновь 408 сошлых якутов и тунгусов¹⁵⁰. В 1726 г. в этих зимовьях значился 555 плательщиков¹⁵¹. В 1730 г., когда производилось составление новых ясачных окладных ведомостей, в Жиганском зимовье, включая Оленекское, числились 523 ясачных плательщика¹⁵². Таким образом, общая численность населения, осваивавшего в первой четверти XVIII в. северо-запад Якутии, колебалась от 1800 до 2200 человек обоего пола. Преобладавшим этническим элементом на северо-западе в этот период были якуты. Однако промысловые угодья продолжали привлекать и тунгусов-охотников. Об этом свидетельствует частое появление в Жиганском и Оленекском зимовьях тунгусов с Алдана, Ман, Вилюя. Во втором десятилетии XVIII в. из Мангазейского уезда в бассейн Оленека вновь и уже надолго перебе-

¹⁴⁵ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 1808, лл. 1—14.

¹⁴⁶ Там же, лл. 79—98.

¹⁴⁷ Там же, кн. 1846, лл. 1—78.

¹⁴⁸ Там же, ф. 214, оп. 5, д. 2345, лл. 61—63.

¹⁴⁹ Там же, д. 980.

¹⁵⁰ Там же, д. 2695, лл. 34—35.

¹⁵¹ Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 47.

¹⁵² ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2554, лл. 63—64.

жали тунгусы Воиядырского — Маядыльского рода. В 1721 г. на Оленеке числился 51 плательщик ясака из Маядыльского рода¹⁵³. Следует отметить, что в 1700 и 1702 гг. в Оленекском и Жиганском зимовьях упоминались плательщики ясака из этого рода. По предположению Б. О. Долгих, перекочевка маядыльцев (так называемых маятов) на восток произошла между 1704 и 1720 гг. Согласно преданиям, тунгусы этого рода вновь «взбунтовались» и перебили казаков на Хете¹⁵⁴. В бассейн Оленека проникла в связи с этим упомянутая выше большая группа тунгусов — около 200 человек обоего пола.

В бассейны Оленека и Нижней Лены нередко заходили и илимнейские тунгусы. В 1730 г. Якутская канцелярия специальным указом предписала в Верхне-Вилуйское зимовье «сыскивать Мангазейского уезда Илимнейского зимовья беглых тунгусов числом 31 человек з женами и детьми» и выслать их на прежнее место жительства. Общая численность беглых была, очевидно, около 120—130 человек. Однако вилуйские тунгусы — угляды и шелогоны — заявили, что беглые кочуют на «оленекских покотях» и сыскать их невозможно¹⁵⁵. Сообщение вилуйских тунгусов подтверждается и сказкой жиганских тунгусов, полученной жиганским ясачным сборщиком в связи с подготовкой ответов на вопросные пункты Миллера. Жиганские тунгусы Бетильского рода Жото Когноринов и Чинагирского (Синигирского) Жалтута Тебичин показали, «что-де в их природные места, а именно на Оленек и к Алыкиту, приходят Мангазейского присуду иноверцы разных родов, а именно Жярюмжалцы (испорченные порюмняли.— И. Г.) да Баягиры повсегодно»¹⁵⁶. По переписи 1733 г., в Жиганском зимовье (Оленекское к этому времени было упразднено), значилось 490 якутов и тунгусов (по-видимому, это численность лиц, явившихся к платежу). Они платили ясак — 71 соболя, 344 красных лисиц и 10 горностаев. Тунгусы принадлежали к «Бетильскому, Маядыльскому, Есадагирскому (Синигирскому.— И. Г.) и Эжанскому родам», а якуты — к Коринской, Одейской, Кангаласской и Мальжагарской волостям¹⁵⁷.

Все эти данные показывают, что северо-запад в первых десятилетиях XVIII в. пополнялся не только за счет якутов, составлявших основной контингент переселенцев, но и за счет тунгусов Туруханского уезда. Следует указать, что при этом имели место и откочевки тунгусов отсюда как на запад, так и на восток. Особый интерес для понимания этнической истории тунгусов северо-запада Якутии представляет судьба одной группы Бетильского тунгусского рода. В делах Жиганского зимовья этот род начинает упоминаться с конца XVII в.

В 1690 г. ясачные тунгусы Жиганского и Оленекского зимовья Пятильского рода Дочига да Олпинча, Орпига и Ачанского рода шаман Инкиря поручались за доставку Маядыльского роду аманатов из Жиганска на Есей¹⁵⁸. (Очевидно, Пятильский род — иное написание Бетильского рода.)

В 1700 г. в ясачной книге Оленекского зимовья был упомянут плательщик «Бетерского роду» с припиской «оленский»¹⁵⁹. В 1702 г. в Оленекском зимовье также значился некий Третьяк «Бетелского роду олениской». Но члены этого рода платили и в Жиганском зимовье. «И тот Третьяк явился с платежом после, и с него взято за лисицу красную. Пла-

¹⁵³ ЦГАДА, ф. 214, кн. 980.

¹⁵⁴ Б. О. Долгих. Происхождение нганасанов. — «Сибирский этнографический сборник», I. («Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. XVIII). М.—Л., 1952, стр. 32—34.

¹⁵⁵ ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 6, л. 5.

¹⁵⁶ ЦГАДА, ф. 199, д. 481, ч. VII, л. 241.

¹⁵⁷ Там же, л. 223.

¹⁵⁸ ЛОИИ, карт. 44, ст. 4, л. 17.

¹⁵⁹ ЦГАДА, ф. 4177, оп. 4, д. 1808, л. 11.

теж писан в Жиганском под братом ево Сыкыбымым»¹⁶⁰. Действительно, в Жиганском зимовье в 1702 г. числился «Бетельского роду Сыкыбым Мукангин». В ясак с него взяли одного соболя, за него и брата. Против имени Сыкыбыма имелась приписка «оленский»¹⁶¹. В Жиганском зимовье ясак платили и другие члены этого рода — Чистюня Наркидин (против его имени также имеется приписка «оленский»), брат его Инелга и другие, всего 11 человек¹⁶². Бетильский род кочевал, очевидно, между Леной и Оленеком. Затем члены Бетильского рода появляются в Усть-Янском зимовье. В ясачной книге за 1721 г. значились «Чистюня да Нылга, Некепча Негелчин, Чечюка-шаман, Пурга Игелтин, Иляча» (или Иляга). За всеми этими бетильцами значилась недоимка за 1717, 1718, 1719, 1720 гг.¹⁶³ Следовательно, в Усть-Янское зимовье они заплатили последний раз ясак в 1716 г. В ясачной книге имеется указание, что эти тунгусы сошли в Жиганское зимовье «в прошлых годах». Но бетильцы в 1730-х годах появились на Алазее. В ясачной книге Алазейского зимовья за 1738 г. числились «Бетельского роду тунгусы» 12 человек, в том числе Тургуа Игелкин — 40 лет, Бабкан Чистянин — 20 лет, Амоско Чистянин — 29 лет, Гузыча Чистянин — 27 лет, Кырмани Чистянин и др.¹⁶⁴ Совпадение имен во всех этих ясачных книгах не оставляет сомнения в том, что группа тунгусов Бетильского рода в первой трети XVIII в. передвинулась из низовий Лены и Оленека в бассейн Алазеи. Приведенные материалы не подтверждают предположения Б. О. Долгих о том, что члены Бетильского тунгусского рода на Алазее представляли собой потомков юкагиров Петайского рода¹⁶⁵. Последние, по-видимому, вошли в состав «каменных» юкагиров Усть-Янского зимовья.

Таким образом, группа тунгусов за два десятилетия проникла в центральные юкагирские районы и обосновалась среди юкагиров. Вторжение тунгусов в юкагирские земли отразилось в юкагирском фольклоре. В. И. Иохельсону удалось записать у тундровых колымских юкагиров предание о приходе на Алазею тунгусского Бетильского рода. Согласно этому преданию, «вперед» (очевидно, на восток) убежало 7 человек из Бетильского рода. Среди них был шаман, указавший, что на Большой реке (Алазее) есть хорошие земли. Эту землю беглецы разыскали и здесь поселились. Затем шаман нашел у края лесотундры якутскую девушку, которую отдал своему сыну в жены. От нее и произошел род Вагарил¹⁶⁶. В другом варианте этой легенды рассказывается, что после захвата якутки тунгусы пошли от края лесов на север и в тундре нашли пляшущих юкагиров. Последние, увидев пришельцев, стали готовиться к бою. Тогда шаман приколдовал юкагирских девушек, которые перебежали к тунгусам. Юкагиры после этого заключили мир¹⁶⁷. Характерно, что предание рисует бетильцев как небольшую группу. В Усть-Янском зимовье, действительно, в 1721 г. числилось всего 8 бетильцев — плательщиков ясака. Заслуживает внимания и то, что имя шамана, предсказавшего существование Большой реки и хороших земель, Чэшкэя — напоминает имя одного из бетильцев — Чистюни. Предание о приходе бетильцев с запада, таким образом, достаточно близко к историческим фактам.

Возвращаясь к населению северо-запада, отметим, что данные о его истории между 1733 и 1767 гг. крайне бедны. Участник Второй Камчатской экспедиции капитан Харитон Лаптев, обследовавший в 1739—

¹⁶⁰ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, д. 1864, л. 91.

¹⁶¹ Там же, л. 51.

¹⁶² Там же, ф. 1864, лл. 50—51.

¹⁶³ Там же, ф. 1867, оп. 2, д. 2, л. 15 об.

¹⁶⁴ Там же, д. 5, л. 33 об.

¹⁶⁵ Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав..., стр. 391, 547.

¹⁶⁶ В. И. Иохельсон. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе, ч. I. СПб., 1900, стр. 207—209.

¹⁶⁷ Там же, стр. 240.

1745 гг. берега между Леной и Енисеем, впервые отметил, что местные якуты занимаются оленеводством. «В верх реки Оленеке и вниз даже за 100 верст до устья кочуют оленные тунгусы и якуты»¹⁶⁸. Лишь в самом устье Оленека жили русские промышленники и новокрещенные якуты, занимавшиеся добычей диких оленей «на плавежах» и песцовым промыслом. Якуты осваивали и устьевую часть Лены. «На островах около тех проток (имеются в виду ленские протоки. — И. Г.) кочуют в летних юртах якуты, которых великое множество. По озерам мелким оные якуты промышляют песцов белых и голубых, через всю зиму ездят на собаках»¹⁶⁹. Однако и в бассейне нижней Лены кочевали оленные якуты и тунгусы. «В бытность нашу в Сиктяхе, — писал в 1736 г. штурман Щербинин, — приезжали к нам якуты и тунгусы, которые получили з бота от господина лейтенанта Лаптева письменное определение, чтобы они как скоро Лена река станет собрали 200 оленей с нартами на Кумахсурте»¹⁷⁰.

Подробные сведения о численности населения северо-запада были получены в результате переписи, произведенной Первой ясачной комиссией (1767 г.). В пределах Жиганского улуса были следующие якутские наслеги¹⁷¹.

Род	Мужчин	Род	Мужчин
Первый Батулинский	68	Первый Хатылинский *	143
Туматский	74	Второй Хатылинский	75
Второй Батулинский	56	Третий Хатылинский	89
Кангаласский	100		
<hr/>			
Всего			605

* Эти наслеги именовались также Хатыгынгинскими и Катыгынгинскими.

Таким образом, на северо-западе Якутии в так называемых якутских наслегах обитало около 1200 человек.

Ко времени переписи пришлые тунгусы северо-запада были объединены в три наслежных рода: Эжанский — 72 мужские души, Кюпский — 58 и Бетильский — 172¹⁷². Эжанский род, по-видимому, образовался из переселенцев с Алдана и частично из членов бывшего Азянского рода Жиганского зимовья (этноним «Азян» в начале XVIII в. из документов исчез). В Кюпский род вошли переселенцы из Тонторского и Бутальского зимовий Кюпского рода, поселившиеся в Жиганском зимовье в начале XVIII в. В ясачной книге Усть-Янского зимовья за 1721 г. среди плательщиков, вышедших из Жиганского зимовья, упоминаются четыре человека Кюпского рода, но они, если доверять припискам, сделанным в этой книге в 1718—1720 гг., вернулись обратно в Жиганск¹⁷³. В Бетильский род вошла, как будет показано ниже, какая-то часть Синигирского рода и часть усть-вилюйских тунгусов. В Хатынгинскую волость вошли потомки нимчанов и долганов, а в Кангаласскую — потомки оленекских азянов. Перед Октябрьской революцией в этих наслегах были Нимчанский, Долганский, Эжанский роды¹⁷⁴.

Отметим, что во второй половине XVIII в. в Жиганское зимовье платили ясак и усть-вилюйские тунгусы, так как Усть-Вилюйское зимовье

¹⁶⁸ ЦГА ВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 52, л. 438.

¹⁶⁹ Там же, л. 433.

¹⁷⁰ Там же, д. 47, л. 131.

¹⁷¹ ЦГИА, ф. 468, оп. 1339, д. 9, лл. 200—220, 130—145.

¹⁷² Рукописный фонд ЯФ СО АН СССР, отдел истории, оп. 25/2, д. 6, л. 12; ЦГИА, ф. 468, оп. 1339, д. 9, лл. 207—209.

¹⁷³ ЦГАДА, ф. 607, оп. 2, д. 2, лл. 17—20.

¹⁷⁴ ЦГА ЯАССР, ф. 108, д. 77 (посемейные списки Жиганского улуса за 1916 г.).

было упразднено¹⁷⁵. Но усть-вилейские тунгусы, судя по более поздним данным, жили в основном в бассейне Вилюя, и только некоторые семьи изредка забредали на Оленек и в низовья Лены. Исключение составляли члены Бетильского рода. Около половины их кочевали с жиганскими тунгусами. В связи с этим мы определяем общую численность населения в тунгусских родах северо-запада, исходя из численности мужских душ в Эжанском, Кюпском и жиганской части Бетильского рода, т. е. всего около 450 человек обоего пола. Таким образом, в период работы Первой ясачной комиссии на северо-западе обитало около 1650 человек.

Административные единицы северо-запада Якутии — роды и волости (наследи) — представляли собой сложные образования, состоявшие из якутов, тунгусов и отчасти из юкагиров. Об этом можно судить по ревизским сказкам 1782 и 1795 гг. В этих документах перечислялись прямые уроженцы данной волости или рода и указывалось, откуда происходят их жены (чужеродки). В Кюпском роде князя Василия Корякина в 1795 г. было 114 мужчин и 94 женщины. Большинство жен было взято кюпцами в других волостях «в промен за сестру». Женщины были взяты: 3 из Юкагирского рода, 5 из Маядыльского, 11 из Эжанского, 7 из Долганского, 10 из Хатыгынской волости, 5 из Асыкайской, остальные происходили из Кангаласской, Батулинской и других якутских волостей¹⁷⁶.

Соответственно и в якутских волостях (наслегах) были женщины из тунгусских родов. Смешанные якуто-тунгусские браки были широко распространены на северо-западе. Так, в Кангаласской волости Жиганского зимовья в ревизских сказках 1782 г. упоминалось, что в 1767 г. у якута Кеняря 51 года была жена из Эжанского рода от тунгуса Жебсяги, у якута Чюляги было две жены, одна из Эжанского рода, «взятая в промен за дочь свою», другая из Кюпского¹⁷⁷. У Чалчи Угунина была жена, взятая из Долганского рода от тунгуса Уреня-бая¹⁷⁸. Всего в Кангаласской волости в 1767 г. значилось 65 женщин, из них 18 тунгусок из Кюпского, Эжанского, Долганского и Лалыгирского родов¹⁷⁹. Тунгуски составляли в этой волости около 30% женщин. Женщины из Кюпского и Эжанского родов упоминаются и в других волостях.

Таким образом, административные якутские волости и тунгусские роды состояли из якутских, тунгусских и якуто-тунгусских семей (браки с юкагирами были сравнительно редким явлением). Образование этих волостей и родов было, по-видимому, произведено в связи с переходом от индивидуального обложения ясаком к коллективному. Административные единицы, учрежденные во второй половине XVIII в., были связаны Первой ясачной комиссией круговой порукой. Они просуществовали, фактически, до 1917 г. Чтобы ясак поступал систематически, комиссия в 1767 г. запретила коренному населению отлучаться из своих волостей без разрешения местных властей, а русским людям из города Якутска самовольно ездить в волости и зимовья¹⁸⁰. Этой мерой комиссия надеялась убить двух зайцев — спаять в фискальных целях якутские и тунгусские волости и оградить ясачный сбор от подрыва скупщиками пушнины¹⁸¹. Все это привело к сокращению передвижений и переселений, но их не приостановило.

¹⁷⁵ По переписи 1767 г., в усть-вилейской части Жиганского улуса были следующие волости: Бетюнская (148 мужских душ), Хатыгынская (82 мужские души), Хохутская (Жохутская) — 167, Быжигаджинская — 82. Бетильский род — 172 мужские души (ЦГИА, ф. 468, оп. 1, д. 1339, л. 9, лл. 130—145). Численность мужских душ в Быжигаджинской волости дана за 1795 г. (ЦГА ЯАССР, ф. 353, оп. 1, д. 122, лл. 14—15).

¹⁷⁶ ЦГА ЯАССР, ф. 37, оп. 1, д. 122, лл. 11—36.

¹⁷⁷ Там же, д. 162, лл. 23—24.

¹⁷⁸ Там же, л. 29.

¹⁷⁹ Там же, лл. 20—35.

¹⁸⁰ ААН, ф. 161, оп. 1, д. 8, лл. 5—7.

¹⁸¹ ЦГА ЯАССР, ф. 7, оп. 1, д. 366, лл. 122—127.

В 1780 г. жиганский нижний земский суд указом, адресованным князям местных волостей и старосте усть-оленьского крестьянского общества, сообщал, что многие якуты, «оставя свои прежние жилища», живут в других наслеггах, в том числе и на Усть-Оленеке, а мещане — в якутских наслеггах. В указе предлагалось «впредь разбредаться и жительствовавать в сторонних селениях, как ранее, не допускать»¹⁸². Аналогичные распоряжения рассылались и в последующие годы. В 1792 г. жиганский уездный суд предупредил князцов и старшин, «чтобы других округов люди не были терпимы в ведомстве сего без письменных видов»¹⁸³. Атамайский якут Дьяконов с семьей, обнаруженный без письменных видов на жительство в Батулинской волости, в 1796 г. был привлечен к суду¹⁸⁴. Князец Батулинской волости для того, чтобы выехать с Лены на Оленек, в 1796 г. выхлопотал себе увольнительный билет на восемь месяцев¹⁸⁵. Тем не менее перекочевки на север якутов продолжались. Так, в Батулинскую волость князца Василия Колесова в перепись 1782 г. вошла группа якутов из Хоринской волости (2 семьи — 14 человек), из Игидейской (1 семья — 5 человек), из Мальжагарской (1 семья — 5 человек), из Меитской (1 семья — 3 человека), из Хатыгынской (1 семья — 5 человек), из Атамайской (1 человек), из Кангаласской (1 семья — 3 человека) и не помнящих родства 2 человека. Указом Иркутской казенной палаты в 1786 г. они были причислены к Батулинской волости Жиганского зимовья¹⁸⁶. В перепись 1795 г. в эту же волость была приписана 1 семья из 6 человек из Меитской волости¹⁸⁷. Дошедшие до нас отрывочные документы о передвижках якутов на северо-запад лишь частично отражают этот процесс. Можно полагать, что переселения якутов во второй половине XVIII в. были более значительными, так как они не всегда отражались в официальных документах.

В конце XVIII в. имели место и значительные откочевки тунгусов из Жиганского округа в Туруханский. Во время переписи 1782 г. князец Жиганского комиссарства Кангаласской волости Таракан Такыев показал, что «написанные по бывшей в Якутске о ясаке комиссии ясачным 1764 г. Хоританского роду тунгусы Билича Маганечин с товарищи, всего 16 человек с женами и детьми, бежали прошлого, 1769 г., в Туруханскую волость»¹⁸⁸. Ясак за них кангаласцы платили сообща раскладкою. В следующую перепись тот же князец, уже фигурирующий под именем Петра Шадрина, сообщил, что «написанным по бывшей 782 г. переписи Кангаласской волости Якутского (?) и Эжанского роду тунгусы Лелича Сябягин с товарищи, женами и детьми числом всего 72 человека с прошлого, 1792 г., а Тимлича Секинчимин сего 1795 г. из наслегу в бегах находятся в Туруханском округе»¹⁸⁹. Среди беглых было 30 человек ясачных. Таким образом, на запад в Туруханский округ в конце XVIII в. откочевало не менее 120 тунгусов обоего пола¹⁹⁰. Несмотря на это численность населения низовий Лены и Оленека к концу XVIII в. резко возросла.

¹⁸² ЦГА ЯАССР, ф. 1, оп. 1, д. 82, л. 42; д. 81, лл. 1—4.

¹⁸³ Там же, ф. 37, оп. 1, д. 86, л. 2.

¹⁸⁴ Там же, д. 167, лл. 1—5.

¹⁸⁵ Там же, д. 170, лл. 1—3.

¹⁸⁶ Там же, д. 162, лл. 193—198. В 1781 г. иркутский генерал-губернатор издал распоряжение «О начислении ясачных переводов из наслегу в наслег до переписи» (ЛАН, ф. 161, оп. 1, д. 8, л. 23).

¹⁸⁷ ЦГА ЯАССР, ф. 37, оп. 1, д. 162, лл. 163—165.

¹⁸⁸ Там же, л. 36.

¹⁸⁹ Там же, л. 68.

¹⁹⁰ Члены жиганских волостей и родов нередко заходили во время промысла в Туруханский округ. В 1792 г. из Иркутского наместничества было предписано князцам всех наслегов Жиганского округа воспретить своим родникам появляться в Туруханском округе, чтобы они «тамошним ясачным обид и разорение песцовых промыслов не учинили» (там же, д. 86, л. 1).

Волость, род	Мужчин по ревизии 1782 г. *	Прибыло, убыло по сравнению с ревизией 1767 г.	Мужчин по ревизии 1795 г. **	Прибыло, убыло по сравнению с 1782 г.
Первая Батулинская . . .	91	+23	82	-9
Вторая Батулинская . . .	69	+13	67	-2
Туматская	81	+7	78	-3
Первая Хатылинская . .	199	+58	239	+40
Вторая Хатылинская . .	107	+32	123	+16
Третья Хатылинская . .	151	+62	185	+44
Кангаласская	134	+34	147	+13
Кюпский тунгусский . .	87	+15	99	+7
Эжанский тунгусский . .	87	+20	113	+26
Всего	1006	+273	1133	+132

* ЦГА ЯАССР, ф. 353, оп. 1, д. 14, лл. 1—15.

** ЦГА ЯАССР, ф. 353, оп. 1, д. 195.

В конце XVIII в. все население Жиганского округа, т. е. члены так называемых якутских волостей и тунгусских родов, вели промысловое хозяйство. Все население привлекалось к натуральным повинностям (почтовой гоньбе, строительству административных помещений), имело единообразное управление¹⁹¹.

Сближению разных этнических групп в какой-то мере способствовало обращение населения в христианство¹⁹². В 1767 г. согласно «экстракту», составленному ясачной комиссией по платежным ведомостям, в Жиганском и Усть-Вилюйском зимовьях было 225 крещеных (по-видимому, мужчин)¹⁹³. В целом к концу XVIII в., судя по количеству смешанных якуто-тунгусских браков, на северо-западе произошло значительное сближение всех этнических групп, известная культурная нивелировка. При этом как якуты, так и тунгусы продолжали пользоваться родным языком. В 1786 г. жиганский исправник Подчертков сообщил некоторые данные о жителях вверенного ему улуса якутскому коменданту Маркловскому: «Якуты тамошние объявляют мне, что, как им памятно, что оне, будучи в младых еще летах, слышали от таких же стариков, что предки, отделяясь от подгородних города Якутска якутов, зашед сюда, в Жиганы, поселились, почему разговор их и вера и обряд стоят сходно с теми подгородними якутами»¹⁹⁴.

Заслуживают внимания и замечания Подчерткова о тунгусах Жиганского улуса: «В трех тунгусских родах некоторые речи друг с другом и согласуют, но однако большей частью в наречиях и названиях весьма не сходятся и непонятны...»¹⁹⁵. В то же время на северо-западе в конце XVIII в., как можно заключить по ряду свидетельств, широко распространен был якутский язык. Так, в делах жиганского нижнего земского суда нам встретился документ, датированный 1795 г., из которого явствует, что переговоры администрации с тунгусами велись на якутском языке¹⁹⁶. Этим языком преимущественно пользовались и русские усть-оленьевские мещане.

По-иному протекало освоение якутами северо-восточных районов — бассейнов нижней Яны, средней Индигирки и обширной страны, прилегающей к среднему течению Колымы. Распространение якутов по северо-востоку в начале XVIII в. характеризуют следующие данные. В 1703 г.

¹⁹¹ ЦГА ЯАССР, ф. 37, оп. 1, д. 48.

¹⁹² Там же, ф. 226, оп. 5, д. 3, л. 63; ф. 1, оп. 1, д. 82, л. 6.

¹⁹³ Там же, ф. 1, оп. 1, д. 31, л. 2.

¹⁹⁴ А. П. Окладников. Указ. соч., стр. 25.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ ЦГА ЯАССР, ф. 37, оп. 1, д. 131, л. 1.

в Усть-Янском зимовье заплатили ясак 11 якутов из Верхоянского зимовья и 2 человека из Борогонской волости. В Алазейском зимовье в 1702 г. был внесен в ясачные списки якут «Намской волости повокрещен Ивашко Степанов, якутское имя Сирыки Чюкин»¹⁹⁷. В Индигирском нижнем зимовье уже в конце XVII в. платили ясак верхоянские и подгородные якуты. В последующие годы численность якутов на северо-востоке возросла. В 1710 г. в Усть-Янском зимовье внесли ясак 18 якутов, в Зашиверском — 27¹⁹⁸. В ясачной книге Якутского острога за 1712 г. сообщалось: «Да в Усть-Янском взято якутского присуду с подгородных разных волостей сошлых ясачных якутов с 16 человек — 14 лиц красных». В Зашиверское зимовье в 1712 г. внесли ясак 21 якут из подгородных волостей. В этом же году якуты объявились и в Верхне-Колымском зимовье. Ясак здесь был взят с четырех верхоянских якутов¹⁹⁹. В 1717 г. в Усть-Янском зимовье заплатили ясак 61 человек «сошлых» якутов и тунгусов «Якутского присуду и Жиганского зимовья», в Алазейском — 2, в Зашиверском — 40 якутов. Якуты появились в Индигирском нижнем зимовье. Здесь заплатили 10 подгородных якутов. В Колымских зимовьях внесли ясак 32 якута²⁰⁰. Материалы ясачных книг и счетных выписок показывают, что поток переселенцев на северо-восток продвигался двумя путями: через Верхоянское зимовье на север и на восток, и через Жиганск, низовья Лены в низовья Яны. В 1717 г. в Верхоянском зимовье числились 497 ясачных плательщиков якутов, но явились к платежу всего 318 человек. В то же время ясак здесь заплатили 280 человек подгородных якутов. Большая часть этих якутов шла на дальние реки для добычи пушнины, а затем возвращалась в свои наследи, где распродала добычу. Естественно, что родовой состав якутов, появившихся на дальних реках, был весьма пестрым. В Усть-Янское зимовье в 1721 г. заплатили ясак 3 подгородных якута, 6 якутов из Батулинской волости Жиганского зимовья, 4 из подгородней Батулинской, 6 из Туматской, 3 из Мегинской, 2 из Намской и одиночки из Майской, Дубчинской, Батурусской, Батагайской, Байдунской, Успетской, Коринской, Кангаласской, Хатылинской, Нерюптейской волостей и Верхоянского зимовья²⁰¹. Иной характер носили переселения в район Верхоянского зимовья. Здесь были условия для ведения традиционного якутского скотоводческого хозяйства. В 1723 г. переселенцы в Верхоянском зимовье превзошли по численности коренных жителей. Здесь числились 469 плательщиков ясака, из них явились 300, 119 умерли, 45 сошли, но появились 539 человек пришельцев²⁰².

В 1723 г. в Усть-Янском зимовье было 63 подгородных якута. В Индигирских зимовьях их было 113 человек, в Алазейском — 15, в Колымских — 100 человек²⁰³.

Из ответов, представленных якутской воеводской канцелярией академику Миллеру, видно, что якуты в это время стали постоянными плательщиками ясака во всех зимовьях, кроме Анадырского и Охотского²⁰⁴. В Усть-Янском зимовье была упомянута Туматская волость, в Колымских — Байдунская, Мятюжская, Эгинская и Борогонская волости, в Зашиверском — мятюйцы (мятюжцы) и эльгесцы. В действительности родовой состав якутов в упомянутых зимовьях был более сложным. Так, в Колымском среднем зимовье в 1738 г. значился 61 плательщик «якутской породы» без указания волости, 15 человек Успетской волости, 63 — Мятюжской, 7 — Эгинской, 3 — Байдунской, 1 — Чирийтейской, 12 — Бо-

¹⁹⁷ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, кн. 1760, л. 11; д. 1862, лл. 1—2.

¹⁹⁸ ЦГАДА, ф. 214, д. 1533, лл. 59, 69.

¹⁹⁹ Там же, д. 1564, лл. 100, 111, 121.

²⁰⁰ ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2345, лл. 66.

²⁰¹ ЦГАДА, ф. 607, оп. 2, д. 2, лл. 10—20.

²⁰² ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2695, л. 38.

²⁰³ Там же, лл. 36—45.

²⁰⁴ ЦГАДА, ф. 199, д. 481, ч. VII, лл. 220—225.

рогонской. В Колымском низменном зимовье было 8 плательщиков из Верхоянского зимовья, 9 — из Мятюжской, 13 — из Байдунской волостей ²⁰⁵. Совпадение большей части наименований колымских волостей с верхоянскими позволяет думать, что бассейн Колымы осваивался в основном якутами — выходцами из Верхоянья.

Численность якутов на северо-востоке росла очень быстро. В 1733 г. в бассейне Колымы обитало около 400 якутов обоего пола.

Массовые перевозки грузов в Охотск для Камчатской экспедиции, очевидно, вызвали передвижку якутов на северо-восток — в бассейны Индигирки и Колымы. Рост населения в районах таких зимовий, как Усть-Янское, далеко отстоявших от якутско-охотского тракта, происходил медленно. До нас дошел именной список ясачных людей этого зимовья за 1743 г. Составители сопоставляли его со списком 1732 г. В Усть-Янском зимовье в 1732 г. числилось 39 якутов, из них в 1743 г. было в наличии 19, сошли 11, умерли 9, родились после 1732 г. 3. Кроме того, в клад умерших было поверстано 4 человека новокрепченцев. Таким образом, сошло лишь около 25%. В 1743 г. здесь числилось 44 якута мужского пола — батулинцы, туматцы, борогонцы, эгинцы, баягантайцы. Из всех якутов только некий Нута имел 7 лошадей, остальные не владели ни рогатым скотом, ни оленями ²⁰⁶. По-видимому, усть-янские якуты существовали за счет рыболовства и охоты. В период между 1733 и 1767 гг. численность якутов на северо-востоке значительно увеличилась. Перепись 1767 г., проведенная Первой ясачной комиссией, дала следующие данные о северо-восточных якутах ²⁰⁷.

УСТЬ-ЯНСКОЕ ЗИМОВЬЕ	Мужчин	КОЛЫМСКИЕ ЗИМОВЬЯ	Мужчин
Волость		Волость	
Ноготская	106	Первая Мятюжская . .	22
Удогейская	25	Вторая Мятюжская . .	42
Батулинская	38	Третья Мятюжская . .	105
Туматская	42	Четвертая Мятюжская	32
		Пятая Мятюжская . . .	22
Всего	211	Первая Кангаласская .	95
ИНДИГИРСКИЕ ЗИМОВЬЯ		Вторая Кангаласская .	15
Юсальская	64	Первая Байдунская . .	76
Батагайская	26	Вторая Байдунская . .	53
Жусальская (Юсальская)	35	Эгинская	19
Эгинская	17	Борогонская	24
Всего	142	Всего	505

Таким образом, в бассейне нижней Яны было около 400 якутов обоего пола, в бассейне Индигирки — около 300, а на Колыме — около 1000. Якутское население северо-востока во второй половине XVIII в. превзошло по численности северо-западную группу якутов ²⁰⁸. Следует при этом иметь в виду, что северо-западные якуты занимались исключительно промысловым хозяйством, тогда как северо-восточные, за исключением некоторых групп, обосновавшихся в низовьях Яны и Колымы, были преимущественно мелкими скотоводами. В отношении индигирских якутов в материалах Первой ясачной комиссии говорилось: «малое скотоводство», а о колымских — «скотоводство — лошади» ²⁰⁹. Это косвенно подтвержда-

²⁰⁵ ЦГАДА, ф. 607, оп. 2, д. 5, лл. 14—21, 31—32.

²⁰⁶ Там же, д. 21, лл. 17—31.

²⁰⁷ ЦГИА, ф. 468, оп. 1339, д. 9, лл. 200—289, 340—399.

²⁰⁸ Резко увеличилась в численности группа верхоянских якутов. По переписи 1767 г., в Верхоянском зимовье значилось 1230 мужских душ (там же, лл. 290—306).

²⁰⁹ ЦГАДА, ф. 24, оп. 1, д. 35, лл. 136—138.

ет, что северо-восточные районы заселялись первоначально промышленниками-якутами, выезжавшими сюда для пушной охоты на лошадях.

Перепись 1767 г. показала, что тунгусы превратились в районе Алазеи в заметную этнографическую группу. В Алазейском зимовье значился Бетильский тунгусский род Ивана Атласова, состоявший из 50 ревизских душ²¹⁰. Следовательно, всего бетильцев было около 100 человек. За тридцать лет после учета в 1738 г. этот род значительно увеличился.

Таким образом, в северные районы Якутии в XVIII в. устремились крупные миграционные потоки якутов. Здесь же в этот период происходили и большие перемещения тунгусов. Всего в северных районах Якутии во второй половине XVIII в. проживало около 3000 якутов. Одиночки-якуты в это время проникали даже на Алеутские острова²¹¹. Северные якуты, обитавшие в бассейнах Оленека, нижней Лены, нижней Яны, Индигирки и Колымы, составлявшие всего лишь около 5% якутского населения, осваивали около 50% всей территории, занятой этим народом²¹². Северные якуты оказали сильнейшее культурное влияние на тунгусов, эвенов, юкагиров и, разумеется, многое восприняли от этих народов.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЕ ПАЛЕОАЗИАТЫ

Наиболее значительные этнические изменения произошли в XVIII в. на крайнем северо-востоке. Включение Камчатки в состав Русского государства, устремившийся на полуостров поток русских служилых и промышленных людей вызвали большие перемещения коренного населения не только на Камчатке, но и в районе Анадырского острога.

Рассмотрим прежде всего этнические перемены на полуострове Камчатка. Наша задача облегчается наличием целого ряда работ, посвященных истории этой страны в XVIII в.²¹³

Основное население полуострова — камчадалы-интельмены — в начале XVIII в. представляли собой территориально компактный и сравнительно многочисленный народ. Судя по материалам С. П. Крашенинникова, камчадалы подразделялись в языковом отношении на две основные группы: северную (река Камчатка и восточное побережье полуострова от Укинской губы до реки Налачевой) и южную (восточное побережье от Налачевой до Лопатки и западное побережье от Лопатки до Харпузовой). Однако он отметил и наличие более мелких подразделений: по западному побережью от реки Немитки, до реки Белоголовой бытовал особый диалект, а далее от реки Воровской до поселений тигильских коряков господствовал смешанный камчадальско-корякский говор²¹⁴. Языковые различия наблюдались и у жителей отдельных острожков. Заслуживает внимания указание Г. Стеллера о том, что язык жителей западного побережья распадался на

²¹⁰ Рукописный фонд ЯФ СО АН СССР, отдел истории, оп. 25/2, д. 6, л. 11.

²¹¹ В 1772 г. из Охотского порта на острова, расположенные между Азией и Америкой, отплыл бот «Святой Владимир» с партией промышленников — 59 русских и 10 якутов. По сообщению штурмана этого судна Зайкова, предприниматели для подобных путешествий особенно старались нанять якутов, так как считали, что они менее подвержены цинготной болезни, чем приезжие («Перечень путешествия штурмана Зайкова к островам, между Азией и Америкой находящимся, на боте св. Владимира». — «Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов, на разные годы», ч. V, СПб., 1790, стр. 147).

²¹² Всего в пределах Якутии в 1767 г. было выявлено 37 782 ревизские души (ЦГАДА, ф. 24, оп. 1, д. 35, л. 136), а якутов 34 132 ревизские души, т. е. около 68 тыс. человек обоего пола (А. П. Окладников. Указ. соч., стр. 46).

²¹³ С. П. Крашенинников. Описание земли Камчатки. М.—Л., 1949; А. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. — «Морской сборник», № 4—8, 1869; Л. С. Берг. Открытие Камчатки и экспедиция Беринга. 1725—1742. М.—Л., 1946; С. Б. Окунов. Очерки истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л., 1935.

²¹⁴ С. П. Крашенинников. Указ. соч., стр. 357—361, 691.

восемь — десять говоров²¹⁵. По мнению Б. О. Долгих, территориальные группы камчадалов с особыми диалектами представляли собой камчадалские племена. Нередко между племенами, а возможно и между отдельными острожками, возникали вооруженные конфликты. «А остроги-де они делают для того, — сообщал В. Атласов, — что меж собою у них бывают бои и драки род с родом почасту»²¹⁶. Сведения В. Атласова подтвердили С. П. Крашенинников и Г. Стеллер²¹⁷.

О характере межплеменных столкновений дает представление происшествие, относящееся к 1723 г. Отряд айнов из 24 человек напал на камчадалов реки Опалы. Айны убили 6 человек и захватили в плен жен и детей убитых²¹⁸. Пленных обычно обращали в рабство и использовали на тяжелых домашних работах. Несомненно, что отношения между камчадалами и айнами не сводились к взаимным набегам. Так, «ближние курилы» заключали браки как с «дальними курилами», так и с камчадалами. В посемейных списках жителей Первого Курильского острова в 1747/48 г. преобладали камчадалские мужские имена²¹⁹. Оленные коряки поддерживали обменные отношения, имевшие характер взаимного одаривания, с некоторыми группами камчадалов. Между сидячими коряками и камчадалами не было строгой территориально-лингвистической границы. В Укинской губе, например, в некоторых острожках, по свидетельству С. П. Крашенинникова, жители говорили на корякском языке (оленный диалект), укинском (один из диалектов сидячих коряков) и камчадалском²²⁰. Интересны топонимические материалы, на которые указал И. И. Огрызко. Реки с корякскими названиями расположены значительно южнее Тигиля. Основываясь на этом, И. И. Огрызко высказал предположение, что ительмены постепенно вытесняли коряков полуострова²²¹.

В конце XVII в. юг Камчатки представлял собой область оседлой не-режиточной неолитической культуры, носителями которой были три близких между собой этнических элемента — камчадалы, айны и коряки. Этнографические материалы в сопоставлении с археологическими и лингвистическими данными говорят о том, что в южной части Камчатки, в особенности в ее центральных приморских районах в период, предшествовавший приходу русских, имели место большие этнические смещения²²².

В сибиреведческой литературе неоднократно делались попытки определить численность камчадалов (ительменов) ко времени появления русских на полуострове. Один из первых историков Камчатки А. Сгибнев высказал предположение, что в начале XVIII в. на полуострове было около 10 тыс. жителей²²³. Такого же мнения придерживался П. А. Словцов²²⁴. С. К. Патканов определял численность всего населения Камчатки на конце XVII в. в 20 тыс. человек²²⁵. Основываясь на указании В. Атласова о том, что «камчадалских иноземцев от Еловки речки до

²¹⁵ Г. В. Стеллер. Из Камчатки в Америку. Л., 1928, стр. 14.

²¹⁶ «Колониальная политика царизма...», стр. 27.

²¹⁷ Г. В. Стеллер. Указ. соч., стр. 27.

²¹⁸ С. П. Крашенинников. Указ. соч., стр. 760.

²¹⁹ И. И. Огрызко. Расселение и численность ительменов и камчатских коряков в конце XVII века. — «Ученые записки Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена», т. 222, 1961, стр. 174.

²²⁰ С. П. Крашенинников. Указ. соч., стр. 131.

²²¹ И. И. Огрызко. Указ. соч., стр. 174—175.

²²² Археологическое изучение древних памятников Камчатки позволило С. И. Руденко свести их в три локальных комплекса: древний камчадалский (средней части полуострова, близкий к неолитическим культурам континентальной Сибири; южный, айнский и северный корякский (С. И. Руденко. Культура доисторического населения Камчатки. — «Советская этнография», № 1, 1948, стр. 179).

²²³ А. Сгибнев. Исторический очерк..., № 4, стр. 81.

²²⁴ П. А. Словцов. Историческое обозрение Сибири, кн. I. СПб., 1886, стр. 137.

²²⁵ С. К. Патканов. О приросте инородческого населения Сибири. СПб., 1911, стр. 134.

моря 160 острожков, а в остроге в одной зимней юрте, а в иных острогах и двух юртах живет людей человек по 200 и по 300», Л. С. Берг сделал вывод, что камчадалов (ительменов) только в низовьях Камчатки было около 25 тыс. человек²²⁶. Однако специальное изучение расселения ительменов в первой половине XVIII в. показало, что в 1730-х годах на Камчатке было всего 122 селения — по реке Камчатке 23, по реке Еловке 3, по реке Быстрой 7, в Авачинской губе — 6, по западному побережью — 34, по восточному — 27, по реке Тигилю — 7, курильских селений 8²²⁷. Едва ли за 30 лет число селений на реке Камчатке могло уменьшиться в 5 раз. Следовательно, сведения В. Атласова о количестве камчадальских селений сильно преувеличены.

Интересную попытку реконструкции расположения камчадальских, корякских и айных поселений в конце XVII в. сделал И. И. Огрызко. По его данным, на Камчатке было всего 164 поселения²²⁸. Но в это число включены пять острожков, раскопанных археологами, а также острожки, заброшенные населением, и единичные жилища. Как показала В. В. Антропова, большинство селений имело одно зимнее жилище — землянку, и лишь в Ешкуне, Камаках и Машуре имелось по пять — девять землянок-юрт. Обычно на одну землянку приходилось от 4 до 12 балаганов — летних индивидуальных семейных жилищ. Однако эти данные слишком неопределенны и расчеты по ним численности населения могут привести к произвольным выводам. Сопоставляя различные оценки численности камчадалов-ительменов, С. Б. Окунь пришел к пессимистическому заключению о том, что «установить точное количество камчадалов, живших на полуострове к моменту прихода русских, конечно, не представляется возможным»²²⁹. Тем более заслуживает внимания предложенное Б. О. Долгих решение этого вопроса. В основу расчетов им положены данные о ясачном сборе. На Камчатке в ясак взимали с одного человека в год по шкурке соболя, бобра или лисицы. В 1715 г. в Большерецком, Верхне-Камчатском и Нижне-Камчатском острогах было собрано в ясак 3912 шкурок, следовательно на Камчатке было 3912 ясачных плательщика²³⁰. Учитывая, что в это число попала и часть подростков, а также то, что за 18 лет со времени появления служилых людей на Камчатке произошло сокращение населения примерно на 23%, Б. О. Долгих определил численность взрослых мужчин (камчадалы, часть айнов и коряки) к 1697 г. примерно в 5 тыс. человек, а всего населения Камчатки около 20 тыс. человек. Сведения С. П. Крашенинникова, относящиеся к 1738 г., о численности плательщиков ясака в отдельных острожках позволили Б. О. Долгих отделить камчадалов от айнов и коряков. Камчадалы составляли тогда около 74% населения Камчатки. На основе этих данных Б. О. Долгих дал следующее определение численности камчадалов к приходу русских: собственно камчадалов (буринов) — 6900 человек, авачинских (суаачю-ай) — 1020, большерецких (кыхчерен) — 1600, западных (лигнуринов) — 2200, хайрюзовских (кулес) — 940, всего 12 680²³¹.

Имеющиеся материалы свидетельствуют о крайне неблагоприятных условиях существования камчадалов-ительменов в конце XVII — начале XVIII в. В 1697 г. В. Атласов разгромил четыре камчадальских острожка²³². В 1705 г. казак Ламаев с отрядом в 40 человек ходил в поход против курилов, отказавшихся платить ясак. В бою будто бы было убито до

²²⁶ Л. С. Берг. Открытие Камчатки..., стр. 80.

²²⁷ В. В. Антропова. Расселение ительменов первой половины XVIII в. — «Известия ВГО», ч. 81, 1949, № 4, стр. 414—419.

²²⁸ И. И. Огрызко. Указ. соч., стр. 176—198.

²²⁹ С. Б. Окунь. Указ. соч., стр. 103.

²³⁰ «Колониальная политика царизма...», стр. 45.

²³¹ Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав..., стр. 569—571, 577.

²³² «Колониальная политика царизма...», стр. 27—28.

100 курилов²³³. В 1707 г. на Бобровое море против восставших авачинских камчадалов ходил в поход Иван Таратин с 70 служилыми. Во время сражения, в котором участвовало, по донесениям казаков, около 800 камчадалов, большая часть последних погибла на месте²³⁴. В 1711 г. казаки, принимавшие участие в бунте против приказчиков, чтобы загладить свою вину, отправились в поход против «немирных» большеерецких камчадалов. Разгромив острожок, они основали Большеерецк. При попытке камчадалов-ительменов взять это укрепление, они будто бы понесли такие потери, что трупами была завалена Большая река²³⁵.

Донесения о потерях противника не следует понимать буквально. Казаки, в особенности те из них, которые опасались наказания за самовольные поступки, несомненно, преувеличивали свои ратные подвиги. Следует иметь в виду, что посылаемые на Камчатку отряды хотя и были вооружены огнестрельным оружием, имели очень ограниченное количество пороха и свинца. Так, например, с отрядом Севастьянова, состоявшим из 33 служилых, было послано всего «полтретья пуда» пороха и столько же свинца²³⁶. Нередко казаки сами покупали порох и свинец по цене 10—15 лисиц за фунт. Сражались обычно врукопашную. Конечно, казаки имели преимущество, так как они были воинами-профессионалами и обладали устрашающим оружием. О среднем количестве жертв при взятии острожков свидетельствуют сравнительно реалистичные донесения Василия Колесова. В 1711 г. он разорил Ильнырский острожек, «побив на смерть 40 человек, а у Панкарского острожка — 20 человек»²³⁷.

Учитывая явные преувеличения, имеющиеся в казачьих донесениях, простое сложение данных о числе жертв не может дать даже приблизительного представления о темпах убыли населения. В силу этого трудно согласиться с мнением И. И. Огрызко, что с 1697 г. по 1713 г. камчадалы потеряли 4500 человек, так как цифра эта была получена им путем суммирования данных казачьих донесений²³⁸. Однако походы таких больших отрядов, как посланный в 1713 г. против авачинских ительменов, состоявший из 120 служилых людей и 150 ительменов, не могли не сказаться на благосостоянии края. Следует отметить, что разгром острожков часто вызывал гибель не только воинов-мужчин. Проигрывая сражение, камчадалы нередко убивали своих жен и детей и, как писали казаки, «давились» сами. Очевидно, на Камчатке, так же как и на Чукотке, был распространен в XVIII в. обычай добровольной смерти.

Привычный уклад жизни камчадалов уже в начале XVIII в. нарушился необходимостью добывать пушнину для уплаты ясака, нести подводную повинность. В 1727 г. в Большеерецк прибыла экспедиция Беринга. Перевозки грузов (продовольствия, оборудования) в Нижне-Камчатск на расстояние 833 версты летом на батах, а зимой на собачьих нартах оторвали значительное число камчадалов от их промыслов. При этом многие лишились своего транспорта, так как большая часть собак погибла. Большой урон камчадалам нанесли в это время болезни. В 1728 г. от «морозового поветрия» на Камчатке умерли 121 человек, «сошли» на острова — 41, не явились к платежу — 95, «не доплатили за беспромыслицей» — 198, по безезне — 217²³⁹.

²³³ А. Сгибнев. Исторический очерк..., № 4, стр. 77.

²³⁴ С. П. Крашенинников. Указ. соч., стр. 479.

²³⁵ Там же, стр. 755.

²³⁶ ПСИ, кн. I, стр. 423.

²³⁷ Там же, стр. 498.

²³⁸ Не может быть принята и цифра численности населения Камчатки в конце XVII в., определенная И. И. Огрызко в 25 тыс. человек (указ. соч., стр. 202), так как она получена путем исчисления населения по числу ясачных плательщиков с добавлением слишком обширных потерь (4500 человек) и численности пленных (2 тыс. человек). Пленные в дальнейшем вернулись в среду своего народа, за исключением очень немногих, вывезенных в Якутск.

²³⁹ А. Сгибнев. Исторический очерк..., № 4, стр. 112—113.

Благосостояние населения подрывали поборы казачьих военачальников. Они взыскивали в свою пользу добавочный ясак, принуждали камчадалов заготавливать для них дрова, рыбу. Как сообщали в своей челобитной служилые, убившие приказчика Петра Чирикова, он в 1710 г. отнял у ясачных камчадалов их съестные припасы, заготовленные на зиму, что вызвало в ряде острожков голод²⁴⁰. Все это привело к убыли камчадалов еще до восстания 1731 г. В 1724—1728 гг. численность ясачных плательщиков в трех камчатских острогах была около 3 тыс. человек²⁴¹, следовательно общая численность населения упала с 20 тыс. человек до 12 тыс. человек, а камчадалов, учитывая то, что они составляли около 74% жителей полуострова, с 12,5 до 9 тыс. человек.

Колониальные методы эксплуатации в отдаленной Камчатке имели особенно жестокие формы. Даже в монастыре, заведенном при Нижне-Камчатском остроге, как писал Г. Ф. Миллер, вместо лошадей и быков пахали на холопах-камчадалах²⁴². Тяжелые поборы, грубый производ казачьих военачальников вызвали к 1731—1732 гг. крупное восстание ительменов. Оно было жестоко подавлено. Карательные отряды прошли по рекам Камчатке и Аваче, по западному побережью²⁴³. Только на реке Воровской было убито 170 камчадалов²⁴⁴. Во время восстания имели место кровопролитные столкновения между участниками восстания и соблюдавшими нейтралитет. Восстание и падение ясачного сбора серьезно обеспокоили царизм. Направленная на Камчатку следственная комиссия (Розыскная походная канцелярия) во главе с подполковником Мерлиным и майором Павлуцким произвела расследование и казнила не только руководителей восстания, но и комиссара Новгородова, пятидесятника Штинникова. Казаки, виновные в злоупотреблениях, были приговорены к телесным наказаниям²⁴⁵. Расправа с низовой администрацией, по замечанию А. Сгибнева, «если не уничтожила вовсе взяточничества в Камчатке, то по крайней мере ограничила это зло»²⁴⁶. Узаконенные на месте поборы в пользу казаков и приказчиков были отменены. Следственная комиссия освободила ясырь — пленных рабов²⁴⁷. Все эти меры на время приостановили падение численности камчадалов.

В бумагах Г. Ф. Миллера имеются данные о численности ясачных людей на Камчатке до и после восстания 1731 г. Так, в 1728 г. на Камчатке было 2983 ясачных, участвовавших в платежах, но в 1729 по списку острожков с указанием численности ясачных людей значилось всего 2535, в 1731 г. 2634 человека²⁴⁸. После восстания в 1732 г. на Камчатке числилось всего 2055 человек. «По сему видно, — отмечалось в этом деле, — что на Камчатке побито ясачных людей, кроме жен и детей, 998 человек»²⁴⁹. Однако, несомненно, часть населения в это время находилась в бегах, опасаясь наказания за участие в восстании. Следовательно, цифру ясачных плательщиков и цифру общей численности населения нужно увеличить. В 1737 г. на Камчатке числилось 2535 ясачных людей²⁵⁰, в 1738 г. — 2716²⁵¹. Учитывая даже то, что за пять лет сказался естественный прирост, имевший место после того как в 1733 г. были пресечены злоупотребления, можно полагать, что в 1732 г. было не менее 2500 работо-

²⁴⁰ ПСИ, кн. I, стр. 445.

²⁴¹ ЦГАДА, ф. 199, д. 481, ч. II, лл. 236—339.

²⁴² ААН, ф. 21, оп. 5, д. 20, л. 83.

²⁴³ «Колониальная политика царизма...», стр. 47—81; С. П. Крашенинников. Указ. соч., стр. 495—497; С. Б. Окунь. Указ. соч., стр. 35—49.

²⁴⁴ А. Сгибнев. Исторический очерк..., № 4, стр. 122.

²⁴⁵ С. П. Крашенинников. Указ. соч., стр. 497—498.

²⁴⁶ А. Сгибнев. Исторический очерк..., № 5, стр. 54.

²⁴⁷ Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 183.

²⁴⁸ ЦГАДА, ф. 199, д. 481, ч. VII, лл. 335—336; ААН, ф. 21, оп. 5, д. 20, л. 63—80.

²⁴⁹ ЦГАДА, ф. 199, д. 481, ч. VII, л. 336.

²⁵⁰ Там же, лл. 336—339.

²⁵¹ С. П. Крашенинников. Указ. соч., стр. 513.

способных мужчин или около 10 тыс. человек обоего пола. Исключая из этого числа сидячих коряков и айнов (около 25—26% населения), мы получим численность камчадалов. Их было в 1732 г. около 7500—7800 человек обоего пола, а в 1738 г. — около 8300—8500 человек.

События первых десятилетий XVIII в. изменили направление этнического развития коренного населения Камчатки. Исчезла относительная изоляция отдельных групп. Уже в 1715 г. в Камаевом острожке не заплатили ясак 5 человек беглых, в Ключах — 5 человек, в Шувахорином острожке — 7, в Каменном — 6, у Двух Острогов — 4, на Еловке — 3, на Верх-Еловке — 2, всего — 29 человек. В 1716 г. в этих острожках не заплатили 36 человек²⁵². Хотя беглые составляли около 6% по отношению ко всем ясачным плательщикам этих острожков, появление таких граф в ведомостях свидетельствует о перемещениях камчадалов. Можно полагать, что в эти годы ускорилось сближение и между различными камчадалскими племенами, а также между камчадалами, курилами и сидячими коряками. Однако основным направлением развития камчадалской культуры стало сближение ее с культурой русского народа. Уже в первой половине XVIII в. железные орудия вытеснили орудия из камня, а некоторые камчадалы обзавелись огнестрельным оружием. Часть камчадалов из желания вступить в обменные связи с русскими пыталась сблизиться с последними. Заслуживает внимания замечание С. П. Крашенинникова о том, что казаки, вступавшие в свойство со свободными камчадалами, давали письменные обязательства родичам невесты, что по прибытии священника женятся на ней²⁵³. Камчадалская аристократия стремилась втянуть русских в свои распри и участвовала в походах служилых людей в надежде пожить за счет соседей. Во время восстания камчадалов некий «тойон» Тавач из лагеря восставших перешел в стан казаков; так же поступили и некоторые другие лица из зажиточной верхушки²⁵⁴.

За несколько десятилетий после прихода русских произошла резкая деформация общественного строя камчадалов. Контакты с русскими уже в первой половине XVIII в. помогли проникновению русской культуры и языка. В 1730-х годах некоторые камчадалы не только выступили как толмачи, но и были грамотны. Уже в 1730—1740-х годах между пришельцами, в особенности между крестьянами и мещанами, с одной стороны, и местным населением, — с другой, поддерживались постоянные связи. Эти связи окрепли после того, как камчадалы были обращены в христианскую веру.

В 1731 г. Сибирский приказ указал, чтобы крестившихся камчадалов освобождать на 10 лет от уплаты ясака²⁵⁵. Однако христианизация камчадалов не облегчила их жизнь, так как сопровождалась поборами и грубыми притеснениями. В 1745 г. на Камчатке начала действовать специальная духовная миссия. В этом же году миссионеры крестили 2964 человека, приписанных к Большерецкому, Верхне- и Нижне-Камчатскому острогам. Всего на Камчатке в этот период считалось 5067 крещеных обоего пола²⁵⁶.

Несмотря на некоторые прогрессивные сдвиги и распространение новых орудий, тяжелые условия существования привели к тому, что за тридцатилетний период (1738—1767 гг.) численность камчадалов уменьши-

²⁵² Библиотека им. В. И. Ленина. Музейный фонд 173, № 7754, кн. Ив. Козыревского, лл. 45—48; кн. Алексея Петриловского, лл. 16—17.

²⁵³ С. П. Крашенинников. Указ. соч., стр. 506.

²⁵⁴ Там же, стр. 764.

²⁵⁵ Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 177.

²⁵⁶ ЦГАДВ, ф. 1011, оп. 1, д. 31, л. 8. Это дело и некоторые другие документы из архива Дальнего Востока скопированы С. Поповым, за что автор приносит ему искреннюю благодарность.

лась²⁵⁷. В 1745 г. на Камчатке при Большерецком остроге значилось 433 ясачных плательщика, при Верхне-Камчатском — 979, при Нижне-Камчатском — 1182, т. е. всего 2594 ясачных плательщика. Основываясь на этих сведениях, можно полагать, что в это время на Камчатке было около 10 400 человек, а камчадалов, считая, что соотношение их с прочим населением сохранилось, около 8200 человек обоего пола²⁵⁸. Некоторое сокращение численности ясачных плательщиков произошло, очевидно, вследствие восстания 1741 г. камчадалов и сидячих коряков от Утхолака до Подкагирной. Относительно численности населения Камчатки в это время имеется и другое мнение. В материалах миссионеров о численности крещеных обоего пола на Камчатке в 1747 г. значилось 8 тыс. человек. И. И. Огрызко признал эту цифру за численность населения Камчатки²⁵⁹. Однако на полуострове было много некрещеных. Даже в 1660-х годах крещение населения Камчатки не завершилось.

А. Сгибнев привел в своей работе следующие данные о численности коренного населения Камчатки по Третьей ревизии (1763—1767 гг.). Здесь было 2573 ясачных и 1131 малолетних²⁶⁰. В этих сведениях отсутствуют данные о престарелых. Если основываться на цифре ясачных, то все коренное население Камчатки исчислялось в 10 тыс.—10,2 тыс. человек. Имеются и более подробные сведения об этой ревизии в ведомости, относящейся к 1792 г. В Нижне-Камчатском округе (окружное деление введено было в 1795 г.) было 2219 камчадалов, 279 олюторцев, 168 курильцев и 587 погибших после ревизии, всего 3253 человека. Кроме того, в Акланском округе значилось 939 камчадалов и коряков²⁶¹. Таким образом, получается, что на Камчатке по Третьей ревизии было 4192 мужские души, а всего 8400 человек населения. Несколько большая численность населения Камчатки приведена в ведомости протопопа С. Никифорова «при которых церквях острожков колко и приходских обывателей обоего пола людей», датированной 1766 г. По этой ведомости, в 76 острожках значилось 9959 человек²⁶². Исключив пришлых (около 1500 человек обоего пола), мы получим 8459 человек — цифру, близкую к численности, приведенной в предыдущей ведомости. Все же расхождение этих материалов с итогами Третьей ревизии, упомянутыми А. Сгибневым, говорят о неточности учета населения. Возможно, составители ведомости 1792 г. при разбивке данных Третьей ревизии по округам недоучли часть населения, а вместо ревизских душ привели цифры ясачных душ. Так, например, в этой ведомости указывается, что по Третьей ревизии курильцев было 168 человек, тогда как известно, что их было 262 мужские души.

Исходя из этих соображений, необходимо округлить цифру численности коренного населения хотя бы до 8,5 тыс. человек. Для определения численности камчадалов в 1763—1767 гг. из общей численности коренного населения мы исключаем оседлых тигильских, паланских и карагинских коряков (1550 человек обоего пола), олюторцев (656 человек)²⁶³, курильцев (336 человек)²⁶⁴, всего 2542 человека. Следовательно, камчадалов было около 6 тыс. человек. Таким образом, на протяжении

²⁵⁷ Благополучие целых селений нарушали бюрократические распоряжения местной администрации. Так, например, в 1760 г. для обеспечения удобной связи между Большерецком и Верхне-Камчатском с берега Бобрового моря, из двух Кропичских и Харинского селений 60 семейств камчадалов были переселены в пустынные места. Переселенцы не могли приспособиться к жизни в новых условиях и погибли (А. Сгибнев. Исторический очерк..., № 6, стр. 45).

²⁵⁸ «Колониальная политика царизма...», стр. 140.

²⁵⁹ И. И. Огрызко. Указ. соч., стр. 199.

²⁶⁰ А. Сгибнев. Исторический очерк..., № 7, стр. 5.

²⁶¹ «Колониальная политика царизма...», стр. 150—151.

²⁶² Там же, стр. 149.

²⁶³ ЦГИА, ф. 486, оп. 9, д. 1055, лл. 28—29 (данные расчетные); В. О. Долгих. Родовой и племенной состав..., стр. 558.

²⁶⁴ «Колониальная политика царизма...», стр. 150—151.

тридцатилетия — с 1738 по 1768 г. — численность коренного населения Камчатки (без олюторцев) снизилась с 11 тыс. до 8 тыс. человек, а камчадалов с 8,5 тыс. до 6 тыс. человек. Следует иметь в виду, что на уменьшение численности камчадалов повлияла ассимиляция части их русскими. Дети от смешанных браков, жены русских — камчадалки попадали в число крестьян, мещан, разночинцев.

Вскоре после производства Третьей ревизии численность камчадалов трагически сократилась. В сентябре 1768 г. в Большерецке вспыхнула эпидемия оспы, вскоре распространившаяся по всему полуострову. Болезнь свирепствовала до конца июля 1769 г. Опустошения были столь велики, что в некоторых камчадалских поселках не осталось ни одной живой души. Бедствия довершились неурожаем рыбы. В 1770 г. камчадалы испытali жестокий голод. Уже в 1769 г. камчадалы недоплатили ясака на 20 тыс. рублей.

Согласно официальным данным, от оспы погибло 2409 мужчин (1736 взрослых и 673 детей) и 2358 женщин, всего 4767 человек и заезжих 315 человек. В живых осталось 1333 мужские души, в том числе 856 ясачных плательщиков²⁶⁵. Близкие цифры привел в 1773 г. Т. И. Шмалев. По его данным, в 1768—1769 гг. погибло 1706 ясачных плательщиков, а всего разного звания людей обоего пола 5368, осталось 706 «ясачных камчадалов»²⁶⁶. Таким образом, судя по числу ясачных людей, оспа унесла 65% коренного населения (в 1767 г. на Камчатке считалось 2573 ясачных плательщика). Однако достоверность этих цифр вызвала сомнение в Иркутске. Действительно, в имеющейся в нашем распоряжении ведомости погибших от оспы по острожкам числится всего 3989 человек. В камчадалских острожках вымерло 3284 человека²⁶⁷. Возможно, часть камчадалов и оседлых коряков разбежалась от оспы и скрывалась в отдаленных местах. В «Краткой ведомости о ясачных народах... 1792 г.» указано, что вымерло от оспы 539 камчадалов и 48 олюторцев²⁶⁸. Вероятно, это цифры погибших от оспы ясачных людей в одном Нижне-Камчатском округе. Мы принимаем, как наиболее достоверные, данные по острожному учету убыли населения — 3989 человек. В них отсутствуют сведения об олюторцах. По-видимому, от оспы погибло, с учетом олюторцев, около 4500 человек. Следовательно, в живых на полуострове осталось около 3500 человек, в том числе 2600 камчадалов.

Спустя 13 лет после эпидемии оспы, в 1782 г., была проведена Четвертая ревизия. По ее данным, в Нижне-Камчатской округе было 981 ревизская душа «камчадалов», 215 олюторцев и 132 курильца, в Акланской округе — 556 «камчадалов»²⁶⁹. Всего на Камчатке было, по этим данным, 1884 ревизские души или 3768 человек населения²⁷⁰. Однако здесь имел место явный недоучет олюторцев²⁷¹, а, возможно, и береговых коряков. По-видимому, коренное население Камчатки, включая олюторцев и курильцев, были около 4 тыс. человек, а камчадалов — около 3 тыс. человек.

²⁶⁵ А. Сгибнев. Исторический очерк..., № 6, стр. 47—50; № 7, стр. 5.

²⁶⁶ Т. И. Шмалев. Краткое описание Камчатки, учиненное в июне месяце 1773 г. камчатским командиром капитаном Тимофеем Шмалевым. — «Опыт трудов Вольного российского собрания при Московском университете». М., 1774, ч. I, стр. 208.

²⁶⁷ ЦГАДВ, ф. 1011, оп. 1, д. 69, лл. 15—16.

²⁶⁸ «Колониальная политика царизма...», стр. 150—151.

²⁶⁹ Там же. В «Описании народов Иркутской губернии» указывается, что по Четвертой ревизии камчадалов было 1530 человек (мужчин), а олюторцев 215 ясачных людей (ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 300, л. 211). В ведомости о числе окладных лиц Охотской области на 1790 г. приводятся следующие сведения о численности камчадалов: в Акланской округе — 487 ясачных душ, а в Нижне-Камчатской — 1043, т. е. всего 1530 человек. В это число вошли и береговые коряки — укинцы, паланцы (ЦГАДВ, ф. 1520, оп. 1, д. 92, лл. 3—6).

²⁷⁰ «Колониальная политика царизма...», стр. 150—151.

²⁷¹ В ведомость была включена не численность ревизских душ, а численность ясачных плательщиков.

Оспа крайне тяжело отразилась на населении Камчатки. Камчадалы забросили ряд селений. В запустение пришел восточный берег между Петропавловском и Усть-Камчатском. Проезжавший по Камчатке в 1787/88 г. Ж. Лессенс отмечал еще явственные следы оспенного запустения. Быт камчадалов в это время значительно изменился и приблизился к быту крестьян и казаков. Местные власти запретили камчадалам строить земляные юрты. В деревне Коряки, например, во время проезда Лессенса было 6 изб, 15 балаганов, в Малке 5 изб и несколько балаганов. Летом камчадалы по-прежнему жили в балаганах, а на зиму перебирались в избы с окнами, затянутыми рыбьей или лосиной кожей. В крупных поселках появились церкви²⁷². Судя по «Топографическому описанию Акланского уезда», в камчадалских острожках содержался рогатый скот и лошади. В Хайрюзовом острожке, например, имелось 25 коров²⁷³.

Следует указать, что в конце XVIII в. численность камчадалов не на много превышала численность пришлого русского населения. Смешанные браки были широко распространены на Камчатке. «Природных жителей, которых кровь не смешана,— писал Лессенс,— очень мало»²⁷⁴. Ниже представлена численность ясачных плательщиков камчадалов (по острожкам) в 1790 г.²⁷⁵

Острожек («род»)	Плательщиков ясака	Острожек («род»)	Плательщиков ясака	Острожек («род»)	Плательщиков ясака
Апачинский	51	Ковранский	16	Начинский	19
Голягинский	11	Еловский	44	Корякский	22
Уткинский	19	Харчинский	28	Седанкинский	25
Кихчинский	26	Камаковский	43	Пирожниковский . . .	28
Коловский	23	Ушковский	20	Крестовский	22
Воровской	28	Козыревский	26	Каменский	36
Колпаковский	25	Толбачинский	23	Щековский	21
Крутогоровский . . .	19	Щапинский	36	Морской	25
Облуковинский . . .	27	Машурский	35	Верхний	28
Ичинский	46	Корчинский	10	Керганикский	27
Сопотный	22	Шеромский	21	Канбадинский	19
Моропечный	26	Пущинский	13	Паратунский	28
Белоголовый	4	Ганальский	36	Гаванский	20
Харьюзовский	33	Малкинский	33		
				Всего	1174

Судя по данным о числе ясачных плательщиков (сюда было включено и много малолетних), по-видимому, в конце XVIII в. камчадалов было около 4 тыс. человек.

По материалам В. М. Кабузана и С. М. Троицкого, извлеченным из дел Сената о Пятой ревизии, камчадалов было 1782 ревизские души²⁷⁶. Однако А. С. Сгибнев в свое время привел иные, на наш взгляд более достоверные, данные этой ревизии. В 65 селениях, по его сведениям, была выявлена 2171 мужская душа²⁷⁷. По-видимому, в сенатскую ведомость попала численность не ревизских душ, а ясачных плательщиков. В указанную Сгибневым цифру вошли, очевидно, и «акланские камчадалы». Судя по этим данным о численности мужских душ к концу XVIII в., на Камчатке было всего 4400 человек коренного населения. Учитывая, что со-

²⁷² Ж. Лессенс. Лессенсово путешествие по Камчатке и по южной стороне Сибири, ч. I. М., 1800, стр. 27—39.

²⁷³ ЦГАДВ, ф. 1520, оп. 1, д. 46, л. 14—15.

²⁷⁴ Ж. Лессенс. Указ. соч., ч. I, стр. 91.

²⁷⁵ ЦГАДВ, ф. 1017, оп. 2, д. 210, лл. 2—9, 17—18.

²⁷⁶ В. М. Кабузан, С. М. Троицкий. Движение населения Сибири в XVIII веке.— «Материалы по истории Сибири», вып. 1. Новосибирск, 1962, стр. 155.

²⁷⁷ А. Сгибнев. Исторический очерк..., № 8, стр. 36.

отношение камчадалов и прочего населения с 1782 г. едва ли изменилось, можно полагать, что камчадалов было 3—3,2 тыс. человек.

Положительные изменения в хозяйстве и быту камчадалов в 1770—1790-х годах привели к некоторому росту населения.

Обзор истории камчадалов в XVIII в. показывает, что этот народ в условиях колониальной политики царизма и в силу стечения целого ряда неблагоприятных обстоятельств (эпидемия, междоусобицы) превратился в конце века в сравнительно небольшую этническую группу.

Коряки

Открытие Камчатки резко изменило взаимоотношения между коряками и русскими служилыми людьми. Через коряжские земли прошел путь на Камчатку. Отряды служилых и промышленных людей, продвигавшиеся в «новую землю», быстро восстановили против себя относительно многочисленные группы пенжинских и олюторских коряков. Жестокость и грубый произвол, допускавшиеся при сборе ясака, при постоях и обмене, вызвали ответные действия коряков. Нападения на казачьи отряды стали и одним из способов приобретения русских товаров, представлявших немалый соблазн для коряков. В 1699 г. коряки перебили возвращавшийся с Камчатки в Анадырский острог отряд служилого человека Серюкова, состоявший из 15 человек²⁷⁸. В 1705 г. олюторские коряки разбили направившийся на Камчатку отряд из 10 казаков во главе с сыном боярским Протопоповым. В этом же году был разгромлен отряд камчатского ясачного сборщика Василия Шелковникова²⁷⁹.

Эти нападения не были совместными действиями сидячих коряков. В 1705 г. на возвращавшийся в Якутск из Камчатки отряд казачьего пятидесятника Василия Колесова в устье реки Таловки решили напасть коряки из Косухина острожка. Коряки из соседнего Акланского острожка известили об этом Колесова и защищали его от своих воинственных единоплеменников²⁸⁰. Очевидно, группы коряков, находившиеся в меновых отношениях с казаками, были настроены к ним благожелательно.

Большое впечатление как в Анадырском остроге, так и в Якутске произвело нападение олюторских коряков в 1709 г. на отряд Петра Чирикова. Хотя отряд состоял из 50 казаков и имел 2 пушки, олюторцы отважились днем вступить в бой и отбили у казаков амуницию²⁸¹. Узнав об этом, анадырские командиры поспешили донести, что коряки преградили путь на Камчатку и связь с ней прервана²⁸². Чтобы обезопасить путь на Камчатку, якутские власти еще до этого события решили создать в районах расселения пенжинских и олюторских коряков опорные укрепленные острожки. Осуществление этого плана заняло около полустолетия. В 1708 г. анадырский приказчик пятидесятник Ефим Петров на Пенжине возвел Акланский острог. Затем он разорил Косухинский и Каменский острожки, взял Чендонский острожек, в котором будто бы при штурме погибло 300 коряков²⁸³. Однако коряки вскоре восстановили Косухинский и Каменский острожки и укрепили эти селения²⁸⁴. В 1714 г. дворянин Афанасий Петров с анадырским гарнизоном и вспомогательным отрядом юкагиров взял штурмом самый крупный укрепленный острожек олюторцев, именовавшийся среди русских Большим посадом, и воздвиг

²⁷⁸ С. Б. Окунь. Указ. соч., стр. 14.

²⁷⁹ С. П. Крашенинников. Указ. соч., стр. 477.

²⁸⁰ ПСИ, кн. II, стр. 507; С. П. Крашенинников. Указ. соч., стр. 477.

²⁸¹ ПСИ, кн. I, стр. 410—411; С. П. Крашенинников. Указ. соч., стр. 481.

²⁸² ПСИ, кн. I, стр. 404, 425.

²⁸³ ПСИ, кн. II, стр. 507—513, 482—485, 511—513.

²⁸⁴ ПСИ, кн. I, стр. 429.

Олюторский острог²⁸⁵. Однако этот сооруженный ценою огромных жертв острог был в 1715 г. осажден коряками, и гарнизон вынужден был его оставить. На осажденном положении оказался и Аклапский острог. В 1716 г. против пенжинских оленных коряков «для усмирения и призыву их, коряк, царского величества под высокую руку в ясачный платеж по-прежнему» из Анадырского острога ходил капитан Петр Татаринов с отрядом, состоявшим из 120 служилых людей²⁸⁶.

Открытие более короткого и удобного морского пути на Камчатку в 1715 г. не приостановило движения между Анадырским и Нижне-Камчатским острогами. Сухопутьем в 1718 г. на Камчатку прошел отряд Григория Суровцева из 65 человек²⁸⁷. Следует отметить, что правительство и после открытия морского сообщения придавало большое значение старому пути из Анадырского острога на Камчатку. В сенатском наказе 1727 г. казачьему голове Афанасию Шестакову в перечне главных задач его экспедиции указывалось покорение олюторцев.

Жесткие меры, предпринятые анадырским гарнизоном против пенжинских и олюторских пеших и оленных коряков, сказались уже в первой четверти XVIII в. Пешие коряки, несомненно, понесли тяжелые потери в живой силе, значительная часть острожков была разорена, нарушились промыслы. Оленные пенжинские и олюторские коряки, опасаясь полного разгрома, вынуждены были согласиться на уплату ясака, выдали аманатов и участвовали в походах служилых людей. Это привело в ряде случаев к разрыву традиционных обменных связей между оленными коряками, русскими подданными, и «немирными» береговыми, что резко ослабило боеспособность и тех и других. Сложившейся обстановкой воспользовались чукчи. Разобщенные, ослабленные борьбой с русскими служилыми людьми коряки не могли противостоять набегам чукотских отрядов. Ясачные плательщики, оленные коряки, пытались прибегнуть к защите русских служилых людей. В 1720 г. коряки обратились в Анадырский острог с жалобой на чукчей, угнавших у них оленей²⁸⁸. В 1725 г. оленные коряки, кочевавшие в районе Анадырского острога, сообщили служилым людям, что многих из них побили чукчи, и просили прислать для защиты своих стад 50 человек русских²⁸⁹. Весной 1730 г., по донесению А. Шестакова, чукчи разгромили четыре юрты сидячих коряков-пенжинцев²⁹⁰. В 1730 г. ясачные коряки явились в Анадырский острог и жаловались, что на них нападают чукчи, берут в плен их жен и детей, отнимают оленей. Коряки просили защитить их, указывая, что они платят ясак, и предлагали свои услуги в случае похода на чукчей. По данным анадырских служилых людей, чукчи убили в 1730 г. до сотни оленных коряков²⁹¹. В 1731 г. капитан Павлуцкий совершил карательный поход против чукчей. В нем в качестве вспомогательной военной силы приняли участие 160 коряков. Во время похода у чукчей было отбито 42 пленных коряка²⁹². Однако сидячие коряки, менее страдавшие от набегов чукчей, продолжали в этот период вести упорную борьбу против строительства русских укрепленных острогов в местах своего обитания²⁹³. В 1732 г.

²⁸⁵ ПСИ, кн. II, стр. 44.

²⁸⁶ «Колониальная политика царизма...», стр. 44.

²⁸⁷ Там же, стр. 45.

²⁸⁸ И. С. Вдовин. К истории общественного строя чукчей.— «Ученые записки ЛГУ», № 115, Л., 1950, стр. 84.

²⁸⁹ А. Сгибнев. Исторический очерк..., № 4, стр. 109.

²⁹⁰ А. Сгибнев. Материалы для истории Камчатки. Экспедиция Шестакова.— «Морской сборник», № 2, 1869, стр. 14.

²⁹¹ А. Сгибнев. Исторический очерк..., № 4, стр. 127.

²⁹² А. Сгибнев. Материалы по истории Камчатки..., стр. 30.

²⁹³ В 1730 г. ямские, ирецкие и сигланские коряки перебили 30 человек из команды судна, принадлежавшего экспедиции Шестакова, отстававшегося в устье реки Ямы (Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 125—129).

Павлуцкий ходил в поход против пенжинских сидячих коряков и приступом взял Пареньский острожек. В 1733 г. олюторские сидячие коряки оказали сопротивление крупному отряду служилых людей, пытавшемуся вновь воздвигнуть Олюторский острог ²⁹⁴.

В 1737—1738 гг. чукчи совершили несколько набегов на оленных коряков. Под Анадырем они убили 20 ясачных коряков, на Олюторе — 25 человек, взяли в плен 66 коряков, отняв у них 21 тыс. оленей ²⁹⁵. Хотя данные о количестве отбитых оленей, возможно, сильно преувеличены, несомненно, что в эти годы чукчи нанесли тяжелый удар по корякским оленным группам. В 1739 г. чукчи вновь напали на оленных коряков ²⁹⁶. В 1741 г. ясачные коряки донесли казакам о том, что на реке Таловке на них напали анадырские носовые чукчи, убили 12 ясачных людей, захватили в плен их жен и детей и отогнали пять табунов. В ответ на набег отряд коряков из 60 человек отправился в Чукотскую землю. Их сопровождали на судах служилые люди. Но пленные коряки, 14 человек, встретились им на дороге. Они сами ушли от чукчей ²⁹⁷.

Кровопролитные столкновения между чукчами и ясачными коряками привлекли к себе внимание правительства. В 1741 г. кабинет министров, специально рассмотрев вопрос о мерах по усмирению чукчей, разорвавших ясачных коряков, решил усилить Анадырский гарнизон. Кабинет министров высказал пожелание примирить враждующие стороны и возложил эту миссию на иркутского вице-губернатора ²⁹⁸. Иркутские власти сообщили, что считают необходимыми решительные действия против чукчей, и Сенат в 1742 г. вынес решение об их искоренении «военною оружейною рукою» ²⁹⁹. В Анадырский острог были направлены крупные по тому времени военные силы. Активная наступательная политика царизма, проводившаяся на северо-востоке с начала 40-х до середины 50-х годов, формально направленная в защиту коряков против чукчей, фактически оборушилась всей тяжестью против коряков. Этот вопрос не разработан в нашей литературе, поэтому необходимо подробно остановиться на ходе событий в этот трагический период в жизни коряцкого народа.

В 1744—1747 гг. военные действия против чукчей анадырский гарнизон совмещал с более успешным наступлением против пенжинских и олюторских коряков ³⁰⁰. В 1745 г. пенжинские коряки восстали, перебили большую группу служилых людей и пытались овладеть Акланским острогом, возобновленным сержантом Енисейским в 1742—1743 гг. Летом 1746 г. коряки перебили часть акланского гарнизона на рыбной ловле. Уцелевшие служилые люди покинули Акланск и едва добрались до Анадырского острога. Акланск был выжжен коряками в 1748 г. В качестве трофеев им достались пушка и ружья ³⁰¹. Против восставших из Анадырского острога в 1749 г. выступил отряд из 130 человек, во главе с поручиком Кекеревым. В качестве карательной меры были разорены Каменский и Ягачинский острожки ³⁰². Естественно, что в этот период береговые коряки перестали платить ясак ³⁰³. В 1751 г. большой поход против тайговосских коряков совершил капитан Шатилов. В этой экспедиции участвовало 200 анадырских солдат, казаков и промышленников, 70 коряков и юкагиров. Тайгоносские коряки, оказавшие Шатилову ожесточенное

²⁹⁴ А. Сгибнев. Материалы для истории Камчатки..., стр. 33; его же. Исторический очерк..., № 4, стр. 130—131.

²⁹⁵ А. Сгибнев. Исторический очерк..., № 5, стр. 57—58.

²⁹⁶ С. П. Крашенинников. Указ. соч., стр. 597.

²⁹⁷ ЦГАДА, ф. 199, д. 481, ч. VII, лл. 344—346.

²⁹⁸ «Колониальная политика царизма...», стр. 161.

²⁹⁹ Там же, стр. 162—163.

³⁰⁰ Там же.

³⁰¹ Там же, стр. 87—90; А. Сгибнев. Исторический очерк..., № 5, стр. 63—65.

³⁰² «Колониальная политика царизма...», стр. 111—112.

³⁰³ ЦГАДА, ф. 1095, оп. 1, д. 2, л. 112.

сопротивление, были разбиты, мелкие селения согласились платить ясак и выдали восемь аманатов³⁰⁴.

В эти же годы против коряков Охотского побережья были предприняты карательные походы из Охотского острога. В 1751 г. была построена крепость на реке Тумане, а в 1752 г. — укрепления на реках Вилиге и Таватуме, крепость на реке Гижиге³⁰⁵. Последовательные наступательные действия больших по тому времени военных отрядов, жестокие способы «усмирения» вызвали ответные меры со стороны корякских оленных и береговых групп. На борьбу, опасаясь за свою участь, поднялись тигильцы, к ним присоединилась часть оленных пенжинских коряков. В 1751 г. восставшие сожгли Тигильскую крепость и взяли в плен ее гарнизон. Очевидно, этот же отряд разорил Ивашкинский и Русановский острожки и перебил ясачных сборщиков³⁰⁶. С тигильскими событиями, возможно, связано вооруженное выступление корякских аманатов в Анадырском и Охотском острогах.

В 1751 г. 15 коряков-аманатов во главе с Айвуланом Омъятовым убили 5 служилых людей, ранили двух и бежали из Анадырского острога на Камчатку. Аманаты захватили и оленей, принадлежавших анадырскому гарнизону³⁰⁷. В это время в Анадырской крепости значилось 906 ясачных плательщиков, в том числе 152 юкагира и 754 коряка. Но в 1745 г. отложилось 300 коряков, а в 1751 г. — 258 коряков и 49 юкагиров. «Платежных ясачных людей» осталось всего 103 человека³⁰⁸.

В 1752 г. восстали аманаты-коряки Охотской крепости. Они перебили караульных, но не успели бежать и были разбиты³⁰⁹. Активные действия коряков были вскоре подавлены. В 1752 г. была выстроена новая Тигильская крепость³¹⁰. В 1755—1756 гг. были возведены остроги на реках Русановке и Воямполке, редуты на реках Лесной и Палане. Попытки коряков помешать строительству, а затем и уничтожить эти укрепления не увенчались успехом³¹¹.

В 1758 г. оленные коряки стали сами являться для уплаты ясака. Только в одном пенжинском «именном реестре пришедших в подданство» в 1758 г. перечислено 105 человек³¹². Следует отметить, что в период решительного наступления на коряков анадырского, охотского и нижнекамчатского гарнизонов коряки подвергались и набегам со стороны чукчей. В 1746 и 1748 гг. чукчи отбили у анадырских коряков большое число оленей³¹³. В 1755 г. осенью, по донесению казака Кузнецкого, большое ополчение чукчей собиралось двинуться на коряков³¹⁴. В 1759 г. до 200 чукчей появились на Укинском берегу. Они захватили в плен казака Чудинова с 14 товарищами, убили 9 коряков, захватили их жен и детей и отбили оленей³¹⁵. Таким образом, на протяжении полустолетия коряки, в особенности северные группы, пенжинская и олиторская, вынуждены были защищаться от походов служилых людей и набегов чукчей.

³⁰⁴ «Колониальная политика царизма...», стр. 115—120.

³⁰⁵ Там же, стр. 123.

³⁰⁶ А. Сгибнев. Исторический очерк..., № 5, стр. 69.

³⁰⁷ «Колониальная политика царизма...», стр. 121—123.

³⁰⁸ ЦГАДА, ф. 1095, д. 15, л. 6; С. Шашков. Материалы для истории северо-восточной Сибири в XVIII веке. — «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», кн. 3, раздел V, М., 1864, стр. 64.

³⁰⁹ «Колониальная политика царизма...», стр. 123—124.

³¹⁰ А. Сгибнев. Исторический очерк..., № 5, стр. 69.

³¹¹ Там же, стр. 71—72.

³¹² ЦГАДВ, ф. 1075, оп. 1, д. 11, лл. 44—45. Однако некоторые главы стойбищ укрывались от ясачного платежа. В 1772 г. князец Лехтелов подал рапорт, в котором сообщал, что некий коряк Ячега во времена капитана Шатилова отложился по непонятным причинам, а в 1777 г. вновь пришел в подданство и просил внести его в шнуровые книги (там же, д. 49, л. 19).

³¹³ А. Сгибнев. Исторический очерк..., № 5, стр. 59.

³¹⁴ «Колониальная политика царизма...», стр. 183.

³¹⁵ А. Сгибнев. Исторический очерк..., № 5, стр. 84.

Ослабленные карательными походами, лишившись значительной части боеспособных мужчин, коряки вынуждены были отказаться от дальнейшей борьбы за независимость. По мнению А. Сгибнева и Б. О. Долгих, коряки потеряли в этой борьбе около половины своих соплеменников³¹⁶. Однако потери разных групп коряков были далеко не одинаковыми. В ходе военных столкновений менее других пострадали камчатские коряки, тигильцы, паланцы и укинцы (карагинцы). В начале XVIII в. их численность, по определению Б. О. Долгих, была около 3780 человек. Эта цифра получена им путем увеличения данных С. П. Крашенинникова, относящихся к 1738 г., в полтора раза. Расчет обоснован тем, что все население Камчатки с 1697 г. по 1733 г. уменьшилось на треть³¹⁷.

Таким образом, в 1738 г. камчатская группа коряков состояла из 2540 человек. В результате восстания 1751 г. и его подавления произошло новое уменьшение численности камчатских коряков. В 1763 г. их было

Острожки	1700 г. *		1738 г.		1763 г.	
	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения	Плательщиков ясака	Всего населения
<i>Тигильская группа</i>						
Тигиль			92	368	—	—
Напана			34	136	34	
Утхолок			27	108	21	
Аманино			19	76	?	
Всего	270	1080	172	688	55	около 300
<i>Паланская группа</i>						
Ваемполка			80	320	33	
Кахтана			34	136	58	
Палана (Юмгин, Нижне-Паланский и Средне-Паланский)			73	292	112	
Лесновский			38	152	54	
Подкагерный			35	140	76	
Всего	375	1500	260	1040	333	680
<i>Укинская группа</i>						
Укинский			24	96	13	
Пильченчылын (Халюля)			32	128	20	
Кахтанский			19	76	—	
Русаков			23	92	?	
На Усть-Губы (Ивашкин)			30	120	28	
Юмгин (Дранка)			25	100	34	
Карагинский			20	80	34	
Карагинский остров . . .			30	120	?	
Всего	300	1200	203	812	129	500
Итого		3780		2540		1480

* Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав..., стр. 561.

³¹⁶ А. Сгибнев. Исторический очерк..., № 5, стр. 73; Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав..., стр. 560.

³¹⁷ Там же, стр. 559, 571.

1480 человек³¹⁸. Таким образом, с 1738 г. по 1763 г. численность этих коряков сократилась почти в два раза. С 1700 г. по 1763 г. численность этой группы уменьшилась в 2,5 раза (см. таблицу на стр. 107).

Особенно трагической была участь олюторских и пенжинских коряков. Надежные данные об их численности для начала XVIII в. отсутствуют. В 1704 г. в Анадырском остроге значилось всего 190 плательщиков-коряков, хотя ясак собирался с акланских сидячих оленных коряков, а также с коряков Каменского, Усть-Таловского и Паренского острожков³¹⁹. Размеры ясачных поступлений были крайне незначительны. Возможно, записывавшаяся в ясак пушнина представляла собой добровольные взносы коряков — подарки для открытия торговли-обмена. Установить численность коряков по этим данным не представляется возможным. В 1730 г. в Анадырском остроге числились 556 коряков — ясачных плательщиков³²⁰. Однако и в это время платили ясак далеко не все пенжинские и олюторские коряки. Даже в 1750 г. ясачные сборщики жаловались, что коряки не позволяют производить перепись и не сообщают количество детей³²¹.

Заслуживающие внимания данные о численности коряков-олюторцев появляются в середине XVIII в. По определению служилых людей, в олюторских острожках проживало 205 семей, или, считая в семье по 5 человек, 1025 человек населения. Принимая эти данные для конца XVII—начала XVIII в., Б. О. Долгих соответственно определил и численность северных соседей олюторцев — апукинцев и кереков. Первые, по его мнению, насчитывали 640 человек, вторые — 320³²². Однако следует иметь в виду, что численность олюторцев определялась уже после того как против них был совершен целый ряд карательных походов и был взят штурмом их главный острожек. Несомненно, вследствие этого их численность по сравнению с началом XVIII в. уменьшилась. Принимая эти данные, Б. О. Долгих считал их преувеличенными для середины XVIII в., с чем трудно согласиться. Если бы это было так, то отряды из 100—150 человек служилых людей без труда подавили бы сопротивление олюторцев. Но мы знаем, что осада олюторских острожков даже для двухсотенных хорошо вооруженных отрядов была крайне сложным предприятием. Поэтому численность олюторцев, указанная служилыми людьми в середине XVIII в. применительно к началу столетия, должна быть увеличена с учетом численности населения разоренных острожков, т. е. на 400—450 человек. Если наши предположения справедливы, то численность олюторцев к концу XVII — началу XVIII в. была около 1300 человек, а всей северо-восточной группы, с апукинцами и кереками, — 2500—2700 человек. В 1766 г. в этой группе насчитывалось всего 740 человек, следовательно численность олюторцев, апукинцев и кереков уменьшилась с начала XVIII в. не менее чем в 4 раза.

У нас нет прямых определений численности пенжинских сидячих коряков (пареньцы, каменцы, итканцы) на начало XVIII в. Ее можно определить, лишь применив соответствующий коэффициент к данным 1766 г. Тогда итканцев было 22 ясачных плательщика, или 90 человек населения, паренцев — 56 ясачных плательщиков, или 225 человек, каменцев — 81 ясачный плательщик, или 320 человек, а всего 635 человек³²³. Пенжин-

³¹⁸ С. П. Крашенинников. Указ. соч., стр. 509—513. ЦГИА, ф. 486, оп. 9, д. 1055, лл. 28—29 (расчетные данные). Данные 1763 г. приведены в ведомости, относящейся к 1827 г. При этом несколько острожков пропущено. Численность оценена по позднейшим данным. Учтывалось, что бурные события середины XVIII в. почти не затронули жителей Карагинского острова, а часть тигильцев находилась «в бегах».

³¹⁹ ЦГАДА, ф. 1777, оп. 4, кн. 1907; Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав..., стр. 555.

³²⁰ С. Шашков. Указ. соч., стр. 64.

³²¹ ЦГАДА, ф. 1095, д. 2, лл. 112—113.

³²² Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав..., стр. 560.

³²³ ЦГАДА, ф. 1096, д. 17, лл. 30—32.

ские сидячие коряки понесли от походов служилых людей не меньшие потери, чем олюторские. Походы против них совершались чаще, чем против олюторцев. Это позволяет нам считать, что численность пенжинцев к 1767 г. сократилась по крайней мере в той же пропорции, как и олюторцев. Применяя коэффициент 4, мы определяем общую численность сидячих пенжинцев к началу XVIII в. в 2400—2600 человек.

Меньше от походов служилых людей пострадали оленные и сидячие коряки-гижигинцы (наяханцы), ямцы, туманцы, обитавшие в большем отдалении от административных центров. В 1767 г. пеших коряков от реки Гижики до Тауйского залива насчитывалось около 750 человек. К началу XVIII в. в этой группе, по определению Б. О. Долгих, было 1250 человек. В 1767 г. во всех 16 группах оленных коряков насчитывалось 319 ясачных плательщиков, т. е. 1280 человек обоего пола.

Глава «рода»	Платель- щиков ясака в 1767 г. *	Платель- щиков ясака в 1786 г. **	Глава «рода»	Платель- щиков ясака в 1767 г. *	Платель- щиков ясака в 1786 г. **
Князец Эйгелин	14	35	Старшина Логонов	11	13
Старшина Ивакин . . .	11	38	» Яллахов	12	16
» Медведев	23	37	» Айгылехтенов	41	51
» Ипекнов	23	27	» Векичев	24	38
» Эвонтов	36	53	» Янгев	4	10
» Лехтувыин	6	6	» Омматов	7	7
» Эвлохов	27	56	» Этпунов	15	19
» Аукевыин	17	33	» Инхлахутов	48	108
Всего				319	547

* Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав..., стр. 557. В 1777 г. в этих «родах» значилось 344 ясачных плательщика (М. О. Косвен. Из истории этнографии коряков в XVIII в. «Сибирский этнографический сборник», IV, «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия т. LXXVIII, М., 1962, стр. 285—286).

** ЦГАДВ, ф. 1078, оп. 1, д. 28. Численность оленных коряков 1786 г. повторялась в окладных ясачных ведомостях до 1796 г. (там же, д. 122). Наименования «родов» в документах повторяются искаженными.

К началу XVIII в. численность их определяется Б. О. Долгих в 2500 человек. Оленные коряки за первую половину XVIII в. уменьшились в численности в 2 раза. В целом с 1698 г. по 1767 г. численность коряков уменьшилась в 2,5 раза с 12 800 человек до 4703 человек или, учитывая возможный недоучет тигильцев и апукинцев, до 5000 человек.

С установлением мирных отношений, т. е. с 1760-х годов, развитие камчатских коряков и камчадалов протекало в одинаковых условиях. Быт тигильских коряков стал уподобляться быту русских старожилов. Вместо юрт коряки стали строить избы. В Напане, судя по «Топографическому описанию Акланского уезда 1786/87 г.», была 1 юрта, 4 так называемые белые избы и 19 балаганов, в Аманино — 1 белая изба, 1 юрта и 6 балаганов, в Утхолоке — 2 белые избы, 1 юрта, 13 балаганов. Тигильские купцы привозили в обмен на пушнину котлы, табак, ткани³²⁴.

На Охотском побережье наметилось сближение оседлых коряков с русским населением. Пешие ямские, туманские и в особенности гижигинские коряки постоянно общались с русскими казаками и крестьянами. Часть этих коряков уже в 1760-х годах была обращена в христианство. Гижигинские служилые и крестьяне нередко женились на новокрещеных корячках³²⁵.

³²⁴ ЦГАДВ, ф. 1520, оп. 64, лл. 10—18.

³²⁵ ЦГАДВ, ф. 1539, оп. 1, д. 3; ЦГАДА, ф. 1096, оп. 1, д. 20, л. 27.

После установления мирных взаимоотношений между коряками и русскими военные набеги чукчей на коряков продолжались. В 1765 г. чукчи напали на коряков-олюторцев и отбили у них оленей. Такой же набег был совершен в 1768 г. Ответный поход против шелагских чукчей произвела группа коряков из 58 человек. Но в 1769 г. чукчи вновь напали на гижигинских оленных коряков³²⁶. Это заставило гижигинский гарнизон принять меры для их охраны. В стойбища оленных коряков весной и осенью высылались служилые люди для отражения нападений чукчей. Опасаясь набегов чукчей, оленные коряки и сами подкочевывали к Гижиге. Однако эти предосторожности не всегда помогали. В 1772 г. князец Эйгель Лехтелов подал рапорт в Гижигинскую крепость о том, что в апреле 1771 г. в Камчатской стороне на реке Лесной на 7 стойбищ коряков напали чукчи и убили 4 человека, но отряд коряков догнал нападавших на Парасольском доле, часть «побил смертно», отбил 2 табуна, взял в плен подростков и женщин³²⁷. 13 февраля 1772 г. для охраны «оленного рода» коряков Эйгеля Лехтелова от чукчей из Гижиги была выслана команда³²⁸. В 1775 г. по призыву чукчи-переводчика Дауркина к Гижиге подошла какая-то группа чукчей, изъявившая согласие мириться с коряками. Но примирение не состоялось, так как чукчи пытались отогнать табун корякских оленей³²⁹. В 1776 г. гижигинские коряки обратились к командиру крепости с просьбой защитить их от чукчей. В стойбище главного коряцкого князца Эйгеля Лехтелова был направлен отряд служилых людей³³⁰. В конце 1770-х годов набеги чукчей прекратились, но гижигинские власти продолжали ежегодно весной и осенью стягивать оленных коряков к крепости³³¹. Истинной целью этих распоряжений было получение от коряков оленей и ясака. В 1779 г. командование Гижигинской крепости получило от коряков «за охранение от чукчей» 1080 оленей «без всякого денежного и прочего взятья»³³². Поборы оленями были для гижигинских коряков весьма обременительными, и в 1785—1796 гг. они стали отдаляться от Гижиги и переходить в Акланскую и Нижне-Камчатскую округа³³³.

Пенижинские оседлые коряки, судя по сделанному Ж. Лессепсом описанию Каменского острожка, в 1780-х годах жили в укрепленных селениях, опасаясь нападения чукчей. Каменский острожек состоял из 12 юрт-землянок и множества балаганов, обнесенных оградой-палисадом. Коряки в это время владели не только луками, стрелами, копьями, но и ружьями. Некоторые из коряков знали русский язык³³⁴.

Сидячие пенижинские, в особенности олюторские и апукинские, коряки, в конце XVIII в. представляли собой крайне обособленные группы. В Гижиге не имелось даже сведений о численности коряков, живших между Алукой и Хатыркой. Ясак с них поступал нерегулярно³³⁵. В 1791 г. по указанию Иркутского наместничества к этим корякам, называвшимся собачьими людьми или хатырцами, совершил путешествие гижигинский земский исправник Лаксман. В Алуке он выявил 38 душ, в Пахаче 15 и Каваче 12. В Хатырке было 22 души³³⁶.

³²⁶ А. Сгибнев. Исторический очерк..., № 6, стр. 42—43.

³²⁷ ЦГАДВ, ф. 1075, оп. 1, д. 49, лл. 4—8, 14.

³²⁸ ЦГАДА, ф. 1096, оп. 1, д. 33, лл. 78—98.

³²⁹ Там же.

³³⁰ Там же, лл. 49—51.

³³¹ Там же, д. 41, лл. 34, 37—40.

³³² Там же.

³³³ ЦГАДВ, ф. 1520, оп. 1, д. 127, л. 5; ф. 1081, оп. 1, д. 16. В 1785 г. расположение Акланска было назначено в Паланском острожке (там же, д. 35, л. 29).

³³⁴ Ж. Лессепс. Указ. соч., ч. II, стр. 87.

³³⁵ В 1777 г. капитан-армус Иван Анкудинов взял ясак с 9 кавачинцев, 11 апукинцев, 9 пахачинцев и 21 хатырца (М. О. Косвен. Из истории этнографии коряков в XVIII веке.— «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. LXXVIII, стр. 286).

³³⁶ ЦГАДВ, ф. 1080, оп. 2, д. 1, лл. 4—7.

Острожки	1790 г. ¹	Острожки	1767 г. ²	1768 г. ³	Острожки	1767 г. ⁴	1790 г. ⁵
Камчатские коряки		Пенжинско-гижигинские и охотские коряки			Олюторские коряки		
<i>Тигильская группа</i>					<i>Олюторская группа</i>		
Напана	17	<i>Пенжинская группа</i>			Говенский		46
Утхолок	14	Итканский	22	20	Култушинский		29
Аманано	12	Первый Паренский	39	24	Теличенский		21
Всего	43	Второй Паренский	17	43	Олюторский		19
<i>Паланская группа</i>		Ягачинский	22	28		Всего	115
Ваемполка	6	Каменский	21	25			
Кахтана	29	Окланский	8	14			
Палана (два селения)	59	Косухин	8	5	<i>Апукская группа</i>	168	
Кивкиль	16	Жировой	9	8	Пахачинский		15 ^а
Подкагерная	30	Пусторецкий	13	13	Апукский		37
Всего	140	Всего	159	180	Кереки		
<i>Укинская группа</i>		Гармандинский (Гижигинский)	49	45	Ковачинский		12
Ука	18	Туманский	52	44	Хатырский		22
Корчевский	10	<i>Ямская группа</i>				Всего	86
Ивапка	23	Говылин		36			
Дранка (Елгиновский)	20	Игланский (Емугин)		8			
Русаковский	19	Средвий (Ауегин)		17			
Карагинский	27	Ямский (Мутчин)		24			
Карагинский остров, Уимновский и Игилковский	59						
	41						
Всего	217	Всего		85			

¹ ЦГАДВ, ф. 1017, оп. 2, д. 210, лл. 2—9, 17—19.

² В. О. Долгих. Родовой и племенной состав..., стр. 558.

³ ЦГАДВ, ф. 1078, оп. 1, д. 28. По Ямской группе приведены сведения за 1788 г. (ЦГАДВ, ф. 1081, оп. 1, д. 22). Окладные книги до 1798 г. повторяют данные 1786 г. (ЦГДВ, ф. 1078, оп. 1, д. 63, 122).

⁴ В. О. Долгих. Указ. соч., стр. 558.

⁵ ЦГАДВ, ф. 1017, оп. 2, д. 210, лл. 2—9.

⁶ ЦГАДВ, ф. 1080, оп. 2, д. 1, лл. 6—7.

Положительные изменения в жизни коряков, возможно и численный рост, нарушила эпидемия оспы 1769—1770 гг. Потери от оспы различных групп коряков были не одинаковы. Численность тигильцев и укинцев сократилась в 2 раза, паланцев — почти в 3 раза.

По данным Третьей ревизии (1763—1767 гг.), в Гижигинской округе числилось 563 ревизские души пеших коряков и 521 — оленных, а по Четвертой ревизии (1783 г.) — 302 пеших и 521 оленных. Таким образом, численность гижигинских пеших коряков, несмотря на известное восполнение за счет естественного прироста, с 1770 по 1783 г. уменьшилась почти в 2 раза³³⁷. В меньшей степени эпидемия затронула олюторцев: по Третьей ревизии их было 279 ревизских душ, а по Четвертой — 215. От оспы погибло около 16—17%³³⁸. Оленные коряки избежали оспы. Опасаясь ее,

³³⁷ «Колонизальная политика царизма...», стр. 150—151.

³³⁸ Там же.

они перестали посещать русские поселения и даже в 1772 г. не решались подкочевать к Гижигинской крепости³³⁹.

Большинство корякских групп к 1790—1795 гг. оправилось после эпидемии (численность плательщиков ясака см. в таблице на стр. 111).

Так как в число ясачных было включено много подростков и детей, для определения общей численности коряков мы принимаем коэффициент 3. В конце XVIII в. общая численность коряков была около 4800 человек. В сложной исторической обстановке XVIII в. коряки проявили большую стойкость. К концу XVIII в. они представляли собой ряд обособленных групп, развитие которых протекало независимо друг от друга. Этническая территория коряков резко сузилась. Оленные коряки оказались прижатыми к Пенжинскому заливу и частично втянулись на Камчатку. На территории Гижигинского округа стали кочевать совместно с коряками эвены и чукчи.

Чукчи

Наши сведения о чукчах, относящиеся к XVIII в., крайне скудны.

В начале XVIII в., судя по донесениям казаков, участились набеги чукчей на юкагиров. Отряды чукчей будто бы при этом пытались захватить Анадырский острог³⁴⁰.

В 1701 г. по челобитию юкагиров Ходынского рода против чукчей был послан отряд, состоявший из 24 служилых и промысловых людей и 110 юкагиров и коряков. На Анадырском носу участники похода обнаружили селение пеших чукчей из 13 юрт и погромили их. Затем отряду пришлось сражаться с ополчением пеших и оленных чукчей, состоявшим в одном случае якобы из 300 человек, а в другом — из 3000. В сражениях было ранено более 70 участников похода. Экспедиция завершилась тем, что отряд пошел «на побег в Анадырской»³⁴¹. В 1708 г. Иван Енисейский, посланный приказчиком на Колыму, ходил в поход на чукчей призывать их к платежу ясака и разграбил 12 юрт³⁴². В эти же годы были сделаны и попытки привести чукчей в подданство мирным путем. В 1709 г. из Анадырского острога были посланы «для призыва немирных чукоч» новокрепчен Иван Терешкин с юкагирами. Чукчи, встреченные посланцами, согласились платить ясак и даже послали своего человека в Анадырь³⁴³. Действительно, в 1710 г. какая-то группа «речных чукоч» платила ясак с 5 человек по 1 лисице³⁴⁴. Это были, очевидно, чукчи, по какой-то причине оторвавшиеся от своих сородичей и перешедшие на Анадырь.

Из этих донесений можно заключить, что в начале XVIII в. чукчи приблизились к Колыме и Анадырю. Причина этого продвижения, возможно, заключалась в ослаблении анадырских юкагиров, пострадавших и от эпидемии оспы и от тяжелых походов на Камчатку. Активизация чукчей привлекла к себе в 1710 г. внимание якутского воеводы Траурнихта. Он предложил анадырскому гарнизону привести чукчей к ясачному платежу³⁴⁵. Однако анадырский гарнизон был занят в это время борьбой с сидячими коряками. В 1719 г. в Анадырском остроге вспыхнула эпидемия оспы. Гарнизон, опасаясь нападения восставших юкагиров, не отваживался на какие-либо военные действия против чукчей. В нашем распоряжении нет материалов о походах против них между 1710 и 1730 гг.

В 1720 г., когда значительная часть коряков была приведена в русское подданство, поступила первая известная нам жалоба на чукчей, угнавших

³³⁹ ЦГАДВ, ф. 1075, оп. 1, д. 49, лл. 2—3.

³⁴⁰ ПСИ, кн. II, стр. 524.

³⁴¹ Там же, стр. 525.

³⁴² Там же, кн. I, стр. 436.

³⁴³ Там же, стр. 405—406.

³⁴⁴ Там же, стр. 457—458.

³⁴⁵ Там же, кн. II, стр. 526.

у коряков оленей³⁴⁶. Выше уже отмечался большой и разорительный набег чукчей на коряков в 1725 г. По имеющимся материалам, борьба между чукчами и коряками за оленьи стада в первой трети XVIII в. разгорелась с особой силой. Значительно расширив территорию своих пастбищ за счет юкагирских земель, чукчи, кочевавшие около побережья Берингова моря, стали заходить на территорию пенжинских и олюторских коряков с целью захвата оленей. С одним из таких отрядов чукчей в 1730 г. столкнулась экспедиция казачьего головы Афанасия Шестакова, направлявшаяся на покорение олюторских коряков. Не доходя Пенжины, на Тылке Шестаков получил извещение, что чаучи (чукчи) разгромили 4 коряцкие юрты. В походный лагерь под защиту казаков собрались спасшиеся от разгрома коряки. С отрядом, состоявшим из 150 человек, Шестаков выступил против чукчей и 14 марта 1730 г. напал на них. Во время боя чукчи смяли центр нападавших, состоявший из служилых людей и якутов, окружили коряков, обратили в бегство эвенов. В сражении отряд Шестакова потерял 30 человек убитыми. Погиб и сам Шестаков. Победителям достались ружья, ядра, знамя. Отогнав стадо коряцких оленей, чукчи ушли в свои кочевья³⁴⁷.

Разгром отряда Шестакова не остался безнаказанным. В 1731 г. карательный поход против чукчей возглавил майор Павлуцкий. С отрядом, состоявшим из 160 коряков, 60 юкагиров и 215 русских служилых и промышленных людей, Павлуцкий вышел на побережье Чукотского моря и разгромил мелкие поселения сидячих чукчей. Здесь он имел сражение с ополчением оленных чукчей, состоявшим из 700 человек, после чего пересек Чукотку и вышел к Берингоморскому побережью. В сражении с ополчением чукчей, состоявшим из 1000 человек, отряд Павлуцкого отбил вещи Шестакова (фузею и знамя) и захватил будто бы 40 тыс. оленей. Последнее столкновение с чукчами имело место у Сердце-камня, где разгромлен был пятисотенный отряд чукчей³⁴⁸. Несомненно, что сведения о численности противника были сильно преувеличены. Следует отметить, что они собирались спустя тридцать лет после этих событий. Однако сражение имело все же крупные масштабы по тому времени, так как пленных было захвачено около 150 человек, а трофейные олени были разбиты на 20 табунов и переданы для пастбы корякам и юкагирам. Поход не принес дохода казне, не обогатил он и участников. Действия Павлуцкого имели чисто карательный характер. Хотя чукчи понесли известные жертвы, экспедиция не изменила соотношение сил между коренным населением северо-востока, тем более, что после похода 1731 г. военные действия против чукчей не предпринимались почти на протяжении целого десятилетия. Донесения Павлуцкого о походе удовлетворили Сенат — за разгром экспедиции Шестакова чукчи были наказаны. В связи с этим Сенат предложил стараться привести чукчей в подданство «ласканием»³⁴⁹.

Набеги чукчей на коряков и юкагиров после похода Павлуцкого не только не прекратились, но усилились. В 1737/38 г., как отмечалось выше, чукчи нанесли сильный урон анадырским и олюторским корякам, отбив у них 21 тыс. оленей. По донесению капитана Шатилова, значительное число оленей отогнали чукчи в 1747/48 г. у анадырских коряков³⁵⁰. Из этих данных следует, что чукчи стали систематически посещать бассейн Анадыри и районы к югу от этой реки. Судя по материалам Я. Линденау, собранным в 1740-х годах, чукчи осваивали территорию к югу от своих исконных мест обитания. «У камня Сердца собирались чукчи и на саянах, подбитых китовым усом, ехали на Большую реку (Анадырь. — И. Г.) на юкагирскую яр-

³⁴⁶ И. С. Вдовин. К истории общественного строя чукчей, стр. 84.

³⁴⁷ ЦГА ВМФ, ф. 216, оп. 1, д. 5; А. Сгибнев. Материалы по истории Камчатки, стр. 13—16.

³⁴⁸ «Колониальная политика царизма...», стр. 158—162; А. Сгибнев. Материалы по истории Камчатки, стр. 28—29.

³⁴⁹ С. Б. Окунь. Указ. соч., стр. 70—71.

³⁵⁰ С. Шапков. Указ. соч., стр. 74.

марку; на лисиц меняли копыя, ножи, пальмы, котлы. Ходят к вершине реки Олемена и Красной и спускаются к Олюторскому и Култушному и прочих коряцких острогов, которые остроги почти все в кругли имеют округ себя рвы и земляные валы. А бывает, ходят они, чукчи, и вверх по Анадырю и, переехав ниже устья Белой реки через Парапольский дол, оттуда приходят через Бараний хребет к преднаписанным острогам.

А водяным путем от самого Носа до устья Анадыря и выше ходят летом для рыбной ловли и оленьего промысла, где олени плавят бывают в байдарах, верст по 50 и более. В каждой байдаре человек по 15 и по 20 и больше и так на промысел люди ходят, чтобы других промыслить не допускать. А оление чукчи летом живут на хребтах и около моря. Осенью они отправляются в Коряцкую землю от Апуки до Окланского острогу»³⁵¹.

Продвижение чукчей на юг, набеги их на ясачных коряков серьезно обеспокоили правительство. В 1744 г. «для поиска и искоренения немирных чукчей» из Анадырской крепости ходил отряд, состоявший из 400 человек. Однако большого скопления чукчей отряду обнаружить не удалось, лишь у Сердце-камня было разорено 10 юрт и убито, по сообщениям казаков, около 100 чукчей³⁵². В 1745 г. гарнизон имел небольшие столкновения с береговыми чукчами, подходившими на байдарках к Анадырю³⁵³. В 1746 г. был совершен поход против чаунских оленных чукчей. Служилые люди разорили стойбище, состоявшее из 5 юрт³⁵⁴. Походы 1744—1746 гг., как можно видеть из донесений о них, не имели успеха. Чукчи уклонялись от столкновений.

В 1747 г. большое ополчение чукчей подошло к Анадырской крепости. Столкновение окончилось разгромом передового отряда служилых людей во главе с майором Павлуцким³⁵⁵.

В 1749—1750 гг. незначительные по размерам военные действия против чукчей, подходивших к Анадырской крепости, возглавил поручик Кекерев³⁵⁶. В 1751—1752 гг. в походы против чукчей в долине Анадыря ходил капитан Шатилов³⁵⁷.

Неудачи походов против чукчей, как отмечал еще В. И. Нохельсон, кроются не «в воинственном духе, любви к свободе и бесстрашии чукчей», а в том, что русские столкнулись с чукчами-оленеводами, в землях которых не было ценной пушнины. Для служилых и промышленных людей Чукотка не представляла интереса. Конечно, известную роль сыграли суровые климатические условия Чукотки³⁵⁸. Высказывания о причинах борьбы с чукчами противоречивы. По мнению С. Б. Окуня, борьба эта велась главным образом из политических соображений — чтобы создать территориальную базу для захвата Американского материка. Однако из сенатских решений и инструкций это не вытекает. Сенат в основном стремился обезопасить путь на Камчатку и защитить ясачных плательщиков от набегов со стороны чукчей³⁵⁹. Однако анадырский гарнизон не мог защитить от набегов чукчей ни коряков, ни юкагиров. По подсчетам анадырских властей, с 1725 по 1773 г. чукчи отбили у коряков 240 тыс. оленей³⁶⁰. Конечно, эти данные сильно преувеличены, хотя несомненно, что чукчи нанесли в XVIII в. корякам-оленеводам огромный урон. По мнению И. С. Вдовина, причины

³⁵¹ ААН, ф. 21, оп. 5, д. 103, л. 10.

³⁵² «Колониальная политика царизма...», стр. 163—165.

³⁵³ Там же, стр. 165—169.

³⁵⁴ Там же, стр. 171—174.

³⁵⁵ Там же, стр. 172—174; А. Сгибнев. Исторический очерк..., № 5, стр. 84; С. Шапков. Указ. соч., стр. 74.

³⁵⁶ С. Б. Окунь. Указ. соч., стр. 80.

³⁵⁷ «Колониальная политика царизма...», стр. 174—179.

³⁵⁸ W. Yochelson. The Koryak. — «Memoir of the American Museum of Natural History», v. VI, part II, N. Y., 1905, p. 785.

³⁵⁹ С. Б. Окунь. Указ. соч., стр. 67—84.

³⁶⁰ И. С. Вдовин. Из истории общественного строя чукчей. — «Советская этнография», 1948, № 3, стр. 69.

успехов чукчей объясняются развитием в XVII—XVIII вв. в чукотском обществе военно-демократических начал³⁶¹. Чукчи объединялись в большие отряды для защиты от карательных походов русских служилых людей и для отторжения от промыслов в районе Анадыря своих соседей. В этих случаях они выбирали военачальников. «При такого рода предприятия (походах. — И. Г.) чукчи, чего не принято у них ни в каких других случаях, выбирают себе предводителя... При приближении к чужой земле... вожак собирает совещание самых опытных стариков»³⁶². Объяснение, предложенное И. С. Вдовиним, вызывает сомнения. Такие же ополчения и такие же военачальники были не только у чукчей, но и у коряков. В документах сохранились имена корякских военачальников XVIII в.: Айвулан Омъятов³⁶³, Унко, Ивалкут, Етитка (Юлитка)³⁶⁴ и др. Зачатки военной демократии, если бы они действительно имелись, в результате успешной борьбы чукчей с коряками должны были бы у чукчей развиться. Однако в чукотском обществе не сохранилось даже следов военной демократии. Все источники свидетельствуют о том, что у чукчей во второй половине XVIII в. не было постоянных вождей или какой-либо другой общепризнанной власти.

Чем же объясняется успех чукчей в борьбе с коряками? Главная причина заключается, по нашему мнению, в обстановке, сложившейся в Камчатско-Чукотском крае. Походы служилых людей против пенжинских и олюторских коряков не только ослабили их, но и нарушили традиционные связи между береговыми и оленными коряками. Последние остались без союзников и не могли противостоять набегам чукчей. Напротив, походы служилых людей не принесли заметного урона чукчам и способствовали сплочению разных групп чукотского народа. Военные предприятия оленных чукчей поддерживались их береговыми братьями и эскимосами. Как отмечал И. Линденау, чукчи, собираясь в поход против коряков, приглашали с собой береговых жителей. Немаловажной причиной того, что чукчи одержали много побед во время набегов, было более высокое развитие военного дела на крайнем северо-востоке, чем в других областях Камчатско-Чукотского края. Азиатским эскимосам и чукчам часто приходилось обороняться от грабительских набегов алеутов и американских эскимосов.

В конце 1760-х годов царизм отказался от приведения чукчей в подданство насильственными мерами, что не обещало никаких выгод, но требовало больших расходов. Последующее упразднение Анадырского острога, отход коряков-оленьеводов к Гижиге, а юкагиров к Колыме позволили чукчам-оленьеводам закрепиться в бассейне Анадыря. Следует отметить, что в этот период развитие крупного оленеводческого хозяйства вызвало стремление у глав крупных стойбищ вступить в более регулярные обменные отношения с русскими. Еще в 1763/64 г. толмач Дауркин вел переговоры с чукчами и склонил к платежу ясака до 70 человек³⁶⁵. Позже по инициативе самих чукчей переговоры с ними вел командир Анадырской крепости Шмалев. После эвакуации Анадырской крепости чукчи стали испытывать недостаток в русских товарах. Это обстоятельство способствовало усилению деятельности чукотских торговцев-поворотчиков. Проникавшие в корякские земли чукчи стремились не столько обогатиться за счет отгона оленей, сколько добыть русские товары.

В 1776 г. «главный чукотский тайон Амуялт», по сообщению гижигинских властей, подкочевал к рекам Апуке и Пахаче. Он не только имел столкновения с коряками, но и вел торг с апукскими береговыми коряка-

³⁶¹ И. С. Вдовин. К истории общественного строя чукчей, стр. 94—95.

³⁶² Там же.

³⁶³ «Колониальная политика царизма...», стр. 122.

³⁶⁴ Е. Д. Стрелов. Указ. соч., стр. 126.

³⁶⁵ Там же, стр. 268.

ми³⁶⁶. В 1788 г. во время проезда через селения пенжинских коряков Ж. Лессепс и начальник Охотского порта Угренин останавливались в стойбище оленных чукчей-торговцев, возглавлявшемся неким Амулятом Хергыловым, по-видимому, тем же «главным тойоном»³⁶⁷.

Об изменившихся взаимоотношениях между чукчами и русскими свидетельствовала и большая помощь, оказанная чукчами экспедиции Биллингса. В 1792 г. чукотские «тойоны» двух селений с побережья Восточного моря и какая-то группа чаунских чукчей подали прошение Биллингсу о восстановлении Анадырской крепости с тем, чтобы расширялась меновая торговля. Эти чукчи изъявили согласие платить ясак³⁶⁸.

Якутские власти в лице зашиверского комиссара в конце XVIII в. также пытались привлечь чукчей к ясачному платежу мирными средствами. С 1788 г. к востоку от Колымы на берегу Сухого Анюя ежегодно весной стали устраивать ярмарки. Зашиверский комиссар из специальных выделенных ему сумм одаривал чукчей, а они вносили «казенную подать». Сами чукчи, видимо, рассматривали уплату ясака как меновую торговлю. В операциях участвовали главным образом чаунские и носовые чукчи³⁶⁹.

Из этих фактов можно заключить, что чукчи-оленоводы в конце XVIII в. осваивали огромную территорию. На западе они подошли к притокам Колымы — Омолону и Большому и Малому Анюям, на юго-востоке их кочевья соприкасались с кочевьями пенжинских и олюторских коряков. Расширение территории, установление мирных отношений с юкагирами и коряками, видимо, привело к известному сближению чукчей со своими соседями. Наблюдения, сделанные в 1791—1792 гг. участником экспедиции Биллингса доктором К. Мерком, показывают, что в последние десятилетия XVIII в. ускорило сближение между чукчами и эскимосами. К. Мерк в своих записках указал, что оседлые чукчи (эскимосы) отличаются от оленных языком. Он отметил, что язык оседлых чукчей распадается на четыре диалекта, впоследствии названные вутээнским, айванским, пээкским и уэленским. Для нас особый интерес представляет свидетельство К. Мерка о том, что все оседлые чукчи понимали язык оленных³⁷⁰. По предположению Б. О. Долгих, уже в конце XVII — начале XVIII в. развитие чукотско-эскимосских отношений шло в направлении ассимиляции чукчами эскимосов — как береговых, так и тех, которые переходили в тундру в среду оленеводов³⁷¹. В конце XVIII в., как показывают наблюдения Мерка, этот процесс зашел уже очень далеко. О взаимоотношениях чукчей и эскимосов можно судить и по материалам казачьего сотника И. Кобелева. В 1779 г. он посетил Чукотскую землю и обратил внимание на постоянные обменные отношения, существовавшие там между береговыми и оленными жителями. «Оленные чукчи, — писал он, — с сидячими (эскимосами. — И. Г.) поступают так, как в России помещики со своими крестьянами; сидячие для оленных должны заготавливать китовый жир, моржовое мясо, а оленные привозят к ним только оленье мясо»³⁷².

В 1789 г. в Иркутске было составлено «Описание народов Иркутской губернии», из которого видно, что о чукчах уже сложились довольно об-

³⁶⁶ А. Шаховской. Известия о Гижигинской крепости. — «Северный архив», 1822, № 22, стр. 306—307.

³⁶⁷ Ж. Лессепс. Указ. соч., ч. II, стр. 106—115; ЦГАДВ, ф. 1067, оп. 1, д. 65, лл. 6, 7; ф. 1078, оп. 1, д. 79, л. 36.

³⁶⁸ «Колониальная политика царизма...», стр. 189—190.

³⁶⁹ С. Б. Окунь. Указ. соч., стр. 82; В. Г. Богораз. Чукчи, ч. I. Л., 1934; стр. 55; «Колониальная политика царизма...», стр. 189.

³⁷⁰ И. С. Вдовин. История изучения палеоазиатских языков. М.—Л., 1954, стр. 76—77.

³⁷¹ Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав..., стр. 551.

³⁷² «Перечень из дневной записки казачьего сотника Ивана Кобелева, посланного 1779 г. в марте месяце из Гижигинской крепости в Чукотскую землю». — «Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы», СПб., 1790, ч. V, стр. 369.

стоятельные представления³⁷³. В «Описании» указывалось, что чукчи — народ, происходящий с коряками от одного племени, характеризовалась жизнь и хозяйство береговых чукчей и эскимосов. Наиболее сложным вопросом для всех авторов, писавших о чукчах, была их численность. «По некоторым, хотя и не вполне достоверным известиям, — сообщал автор «Описания» Ф. Лангенс, — количество сего народа (чукчей. — И. Г.) простирается до 7 тысяч душ мужского пола»³⁷⁴. Следовательно, общая численность чукчей определялась в 14 тыс. человек. В Анадырском и Гижигинском острогах численность чукчей оценивалась более реально. В 1711 г. служивый человек Попов, побывавший у чукчей, указывал, что у них насчитывается около 2 тыс. лучников, т. е. 4—5 тыс. мужчин³⁷⁵. В 1740 г. в Анадырске считалось, что чукчей около 4 тыс. мужчин с подростками, т. е. около 8 тыс. человек³⁷⁶. В рапорте майора Шмалева (1755 г.) численность чукчей оценивалась до 10 тыс. человек³⁷⁷. К такому же выводу пришел и Биллингс³⁷⁸. Как отметил Б. О. Долгих, большинство оценок определяет численность чукчей, включая и азиатских эскимосов, в 8 тыс. человек³⁷⁹.

Принимая эту оценку применительно к первой половине XVIII в., а предположение Шмалева — Биллингса к концу XVIII в., можно попытаться установить соотношение оседлого и кочевого населения, а также численность чукчей и эскимосов.

При этом следует иметь в виду следующее обстоятельство: наши источники определенно свидетельствуют о расширении территории чукчей-оленьеводов и ничего не говорят об увеличении числа поселков береговых жителей. Напротив, быстрое развитие пастушеского оленеводства в XVIII в. на крайнем северо-востоке позволяет предполагать, что имел место отлив береговых жителей в тундру. Поэтому численность береговых жителей мы оставляем на уровне XVII в., принимая оценку Б. О. Долгих — 4 тыс. человек, когда уже плотность населения достигла здесь предела, допустимого в тех экономических условиях. Это соображение позволяет считать, что в первой половине XVIII в. соотношение береговых и тундровых жителей на Чукотке было приблизительно равным (4 тыс. оленеводов и 4 тыс. оседлых), а в конце века оно изменилось в пользу оленеводов (6 тыс. оленеводов и 4 тыс. оседлых).

Учитывая переход части эскимосов в тундру и ассимиляцию их чукчами, мы полагаем, что численность их в XVIII в. осталась на уровне XVII в. или несколько уменьшилась (4—3,5 тыс. человек).

Таким образом, исторические условия, сложившиеся в XVIII в. на северо-востоке, позволяли чукчам увеличить свои территориальные владения за счет соседей и значительно расширить пастушеское оленеводство. Очевидно, это и привело к увеличению их численности.

РУССКИЕ

В начале XVIII в. русские промышленники уже прочно обосновались в низовьях Оленека, Лены, Индигирки, Колымы и Анадыря. Это были предки современных оленекских, индигирских, колымских и отчасти анадырских русских старожилов. На Индигирке уже тогда промышляли Голыженские, Стрюковы, Новгородовы. В книге сбора десятинной подати Зашиверского острога за 1703 г. имеется следующая запись: «С промышленного человека Семена Васильевича Голыженского на прошлый 1703 год

³⁷³ ЦГИА, ф. 1264, оп. 1, д. 300, лл. 38—40.

³⁷⁴ Там же, л. 39.

³⁷⁵ «Колониальная политика царизма...», стр. 158.

³⁷⁶ Там же, стр. 161.

³⁷⁷ Там же, стр. 179.

³⁷⁸ Г. А. Са р ы ч е в. Указ. соч., стр. 265.

³⁷⁹ Б. О. Д о л г и х. Родовой и племенной состав..., стр. 553.

получено с 15 руб. по гривне — 3 рубля, а на 1701 г. платил он десятинную в Уяндинском зимовье целовальнику Елпсею Новгородову»³⁸⁰. В 1704 г. десятинный сбор здесь же заплатил промышленный человек Иван Федорович Стрюков³⁸¹. Промыслом занимались также Колонковы, Фомины.

В начале XVIII в. в окладных оброчных книгах Жиганского зимовья встречаются предки усть-оленинских мещан. Так, в росписи сборной денежной казны этого зимовья за 1701 г. упоминаются трое посадских — Федоров, Максимов, Буслаев — и четверо гулящих людей. «На гулящем человеке на Гавриле Черепанове взято годового оброку на 1701 г. десять алтын»³⁸². Как известно, значительная часть усть-оленинских мещан в XIX в. состояла из Черепановых. Гаврила Черепанов имел на Оленеке «промышленный завод», т. е. свои снасти, в работниках у него находился тунгус Ераха³⁸³.

В начале XVIII в. еще были живы традиции первых лет проникновения русских в Восточную Сибирь. На дальние реки время от времени снаряжались промышленные экспедиции, хотя значительно реже, чем в XVII в. Использовался и морской путь из низовий Лены и Индигирки на Колыму. В 1709 г. из Зашиверского острога на Колыму отправилось судно во главе со служилым человеком Даниилом Бусормановым. Оно прошло мимо Колымского устья, и команда его была перебита чукчами³⁸⁴.

Русские промышленники как знатоки местности привлекались администрацией в партии для обследования берегов и проводывания островов в Ледовитом море. В 1712 г. партия казаков во главе с Меркурием Вагпным обследовала устье Яны. Такие партии имели обычно свои зимовья и промышленный завод. «А у Спиридона Федорова промеж Чендоном и Хромою реками на дороге было зимовье и для ради морской великого государя службы всякий корм и оружие и всякий завод. И то зимовье ясачные проземцы сожгли, корм и всякой завод по себе обрали»³⁸⁵, — сообщал посланный в устье Яны для проводывания островов Алексей Марков в 1715 г.

Скудные данные о русских промышленниках все же позволяют утверждать, что они занимались главным образом рыболовством и охотой на диких оленей. Пушнину, добытую промышленниками, обычно скупали служилые люди во время сбора ясака. Возвращаясь со службы из ясачных зимовий, казаки привозили постели оленей, шкурки песцов и горностаев, рыбий жир, т. е. те товары, которые они могли приобрести у ясачных людей и промышленников³⁸⁶. Торговые люди навещали зимовья промышленников крайне редко. Большинство их ограничивалось доставкой товаров до Якутска и скупкой здесь пушнины. Но после открытия богатой соболями Камчатки северо-восток вновь стал привлекать к себе торговых людей. В 1711 г. на заморские реки был отпущен торговый человек Савва Истомин. Он вез с собой 20 листов железных, 1470 аршин холста, 200 аршин шелковых тканей, 2 пуда одекуя, 4 фунта ладана, 200 ножей с медной оправой, 5 тыс. медных пуговиц и т. д.³⁸⁷ Много товаров завозили служилые люди; пятидесятники, дети боярские вели крупную посредническую торговлю. Так, приказной человек Анадырского зимовья Ефим Петров в 1711 г. вывез из Якутска различных товаров на 430 рублей. Среди

³⁸⁰ ЦГАДА, ф. 1177, оп. 4, д. 1903, л. 2.

³⁸¹ Там же.

³⁸² Там же, кн. 1835, л. 1.

³⁸³ Там же, кн. 1864, л. 98.

³⁸⁴ ПСИ, кн. II, 1885, стр. 527—528.

³⁸⁵ ПСИ, кн. II, стр. 69; Г. Спасский. История плаваний из рек Сибирских в Ледовитое море. — «Сибирский вестник», 1821, СПб., ч. XVI, кн. 10, стр. 46 (273).

³⁸⁶ ЦГАДА, ф. 214, кн. 1553, лл. 23—31.

³⁸⁷ Там же, л. 51.

его запасов были холст, сукна, «медь в котлах», бисер, ножи и т. д.³⁸⁸ Облеченная властью и располагавшая средствами немногочисленная служилая верхушка эксплуатировала и коренное население и промышленников.

Связи служилых людей с промышленными не ограничивались торговлей. В начале XVIII в., так же как и в XVII в., в ряде дальних зимовий в силу необходимости к гарнизонной службе привлекались промышленные люди и «неверстанные казачьи дети»³⁸⁹. Гарнизонная служба не освобождала их от уплаты оброка. Состав промышленных и гулящих людей, а также казачьих детей к этому времени изменился. Это были уже не предприимчивые выходцы из Новгорода, Усолья, Белоозера, а уроженцы севера, потомки казаков и промышленников от браков с местными женщинами. Близкие, с одной стороны, к служилым людям — привилегированному сословию, с другой — к местному населению, часто двуязычные, они занимали своеобразное положение в дальних зимовьях. Привлечение к ратной службе при необходимости платить городовые оброки, ложилось на этих людей тяжелым бременем³⁹⁰. В отличие от своих предков, они не стремились к ратному делу. В 1708 г. ходившие с Иваном Пашутиным на Камчатку неверстанные служилые едва умели обращаться с пищалями и луками. Когда на отряд анадырских служилых людей, возглавлявшийся Петром Чириковым, напали олюторские коряки, неверстанные служилые люди из казачьих детей попросту разбежались³⁹¹. В то же время эти промышленники и казачьи дети высоко ценились начальниками казачьих отрядов. Так, Петр Чириков писал в Якутск, что на Камчатку «без анадырских людей ходить нельзя... Анадырские жители порядки иноземские и бои и всякие поступки и в коем месте от них оберегатца и жилища их ведают»³⁹². Уступая прибывавшим из Тобольска, Томска и Енисейска служилым людям в ратном деле, местные промышленники, знакомые с условиями севера, были незаменимыми проводниками, переводчиками-толмачами. Военный опыт приезжих служилых людей часто терял свою ценность в условиях севера. В 1710 г. пятидесятник Осип Лапин, дойдя с отрядом до Анадыря, жаловался, что новоприверстанные люди «в дороге неискусные». Из его отряда «обезножило» 6 человек и 1 потерялся в пургу³⁹³.

Анадырские русские старожилы были весьма значительной группой. По данным Г. Майделя, возможно, несколько преувеличенным, в Анадырске в начале XVIII в. жили с женами и детьми несколько сот казаков, имевших ясней из местного населения, здесь обитали и облизившиеся с русскими юкагиры и коряки. Однако оспенная эпидемия 1714 г. выкосила это население. В Анадырском остроге осталось в живых около 100 человек³⁹⁴.

Постоянное русское служилое население в первой четверти XVIII в. играло значительную роль и в ряде других дальних зимовий. По Первой ревизии (1724 г.), служилые люди Якутского воеводства в зимовьях и острожках делились на две категории — «сменяемые погодно» и «жильных». Сменяемые погодно проживали постоянно в Якутске — это были приказчик, подьячий, толмач, целовальник и служилые люди, ведавшие провозом ясачной казны.

Служилые, связанные с хозяйством в Якутске или подгородних улусах, отправлялись на ближнюю службу без семьи. Но в дальние зимовья, куда

³⁸⁸ ЦГАДА, ф. 214, кп. 1553, л. 51.

³⁸⁹ ПСИ, кн. I, стр. 405.

³⁹⁰ Там же.

³⁹¹ Там же, стр. 406.

³⁹² Там же, стр. 411.

³⁹³ Там же, стр. 429.

³⁹⁴ Г. Майдель. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 годах, т. I, СПб., 1894, стр. 534.

ехали обычно на более долгий срок, служилые везли семьи. Так, Степан Трифонов, направленный в 1715 г. во главе служилых людей в Анадырский острог, вез с собой жену и детей, чем задержал продвижение всего отряда³⁹⁵.

Назначение на дальнюю службу в XVIII в. уже не рассматривалось казаками как милость. Большинство их стремилось подольше задержаться около своих хозяйств в Якутске или подгородних улусах. В связи с этим предприимчивые казаки нередко вопреки официальным запретам нанимали и посылали вместо себя на службу в дальние зимовья наемщиков, новокрещеных якутов, выдавая их за своих родственников.

«Жилые» служилые люди, женатые на юкагирках, ламутках, корячках, представляли собой прослойку местного населения. Так, в Зашиверский острог, согласно ревизии, посылались из Якутска «приказчик, подьячий, толмач и целовальник да служилых людей до 30 человек и сменяются погодно, а жилых для содержания крепости и аманатов бывает человек по 40, кои женятся на тамошних иноземках»³⁹⁶. На Алазею посылали 10 служилых людей, а также приказчика, толмача, подьячего и целовальника и «бессменно» жили 15 служилых людей. В три Колымские зимовья посылали 54 человека из Якутска «да жилых в тех зимовьях служилых же жительство с 500»³⁹⁷. Возможно, в этом случае в документе опечатка. Можно полагать, что на Колыме было всего 50 жилых служилых людей. В Анадырский острог посылали ежегодно 54 человека, жилых было всего 40 человек. «А жилых того острога служилых людей было человек с 300, из которых многие побиты от Олюторских и Камчатских народов и на Ледовитом море и осталось ныне человек с 40».

В Охотском остроге постоянно жили 40 служилых и из Якутска посылали 54 человека. Интересно отметить, что даже в маленьком Тауйском остроге на Охотском побережье было 7 жилых служилых людей. Ежегодно туда посылали 10 служилых. Таким образом, около половины служилых людей в дальних зимовьях представляло собой постоянное население, связанное браками с коренными жителями.

Общая численность жилых служилых людей с членами семей была, очевидно, около 800 человек. Жилые служилые люди представляли собой на северо-востоке Якутии по масштабам севера довольно крупную группу. До тяжелых походов на Камчатку она была, очевидно, еще больше. Так, по сообщению И. Кирилина «в бытность воеводы Елчина из Анадырского острогу служилый человек Василий Щепетной, приехав в Якутск, просил, чтобы ему набрать в Зашиверском, Уяндинском тумачах, т. е. рожденных от тамошних иноземок, также промышленных и служилых людей и, получив о том указ, набрал 120 человек и с ними ходил на Камчатку»³⁹⁸.

Формирование такого большого отряда из неясных и не занятых на действительной службе людей — косвенное свидетельство, подтверждающее сообщения о значительной численности русского населения в первой четверти XVIII в. на севере Якутии.

Походы на восток в связи с освоением Камчатки вызвали большой приток русского служилого и промышленного люда на северо-восток. Своеобразное старожильческое русское население севера Якутии — потомки русских поморов, сблизившиеся с коренными жителями, были, несомненно, потревожены этими событиями. Часть их передвинулась на северо-восток, часть была поверстана в казачье сословие. Следует отметить, что штат якутского гарнизона в 1737/38 г. увеличился до 1500 человек. Однако он не был полностью укомплектован. В 1738 г. не хватало 89 человек. Боль-

³⁹⁵ ПСИ, кн. II, стр. 113.

³⁹⁶ И. Кирилин. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1831, стр. 97.

³⁹⁷ Там же, стр. 98.

³⁹⁸ Там же, стр. 102.

шая часть гарнизона находилась в это время вне Якутска: 443 человека в Охотске, 344 человека в партии майора Павлудского в Анадырском остроге³⁹⁹. В 1737/38 г. на Яну уже посылали не 15, а всего 3—4 служилых⁴⁰⁰, в Зашиверское зимовье — 15, в три Колымские — 21 человека. В острогах и зимовьях Якутского воеводства без северо-востока было 220 служилых⁴⁰¹.

Так же, как и в предыдущий период, пришлое русское население постепенно сближалось с коренным. Но в XVIII в. этот процесс протекал в нескольких иных формах. Переселенцы вступали в браки преимущественно с потомками местных русских старожилов и с новокрещеными якутами и юкагирами. Браки с новокрещеными ясачными людьми не встречали препятствий со стороны администрации. Ясырь в качестве дворовых людей в XVIII в. имело лишь высшее воеводское начальство. В 1720 г. у комиссара Кондакова было 2 человека «мунгальской породы» и 1 якут, у головы Шестакова 2 человека «иноземческой породы»⁴⁰². По несколько ясырей имели служилые люди только в Анадырском и Охотском острогах⁴⁰³.

В 1740-х годах на дальних зимовейных реках обитало значительное по тем временам промысловое русское население. В 1742 г. на Индигирке была взыскана подушная подать с 33 душ и с 6 душ крепостных, в Алазейском зимовье — с 15 душ, на Колыме — с 43 душ и с 10 душ крепостных⁴⁰⁴. Старожилы-промышленники в это время еще не были объединены в административные волости. Участник Камчатской экспедиции лейтенант Прончищев, посетивший в 1735 г. устье Оленека, нашел там селение, состоящее из 12 семей русских промышленников⁴⁰⁵. Одиночные заимки русских промышленников были обнаружены им и в Хатангской губе⁴⁰⁶. В 1741 г. низовья Оленека обследовал Харитон Лаптев. Он отметил в дневнике, что в низовьях Оленека «проживает 10 семей русских старожилов, через жен соединившихся с новокрещеными якутами и на их природу и обычай сходны»⁴⁰⁷.

Большое влияние на русские старожильческие поселения в Якутии оказала работа Второй Камчатской экспедиции. В 1730-х годах через Якутию на север и северо-восток последовало около 500 членов экспедиции — геодезистов, офицеров, матросов, не считая служилых и ссыльных⁴⁰⁸. Крупные партии описывали побережье между Яной и Индигиркой, Индигиркой и Колымой, Колымой и Анадырем.

Участие в перевозке экспедиций, в особенности принудительные поставки ездовых собак и корма для них, тяжело отразилось и на хозяйстве русских старожилов. У усть-оленьских крестьян еще в XIX в. сохранялись воспоминания о том, что их предков разорили «экспедиторские люди». Поток солдат, казаков, офицеров, направлявшихся из разных областей Сибири в Анадырскую крепость, несомненно, оказал известное культурное влияние на заброшенные русские старожильческие поселения северо-востока. Именно эта волна русского населения занесла на северо-восток инвентарь, характерный для сибирского крестьянства в XVIII в.

³⁹⁹ ЦГАДА, ф. 199, д. 481, ч. VII, л. 228.

⁴⁰⁰ Н. Боккай. Историко-географические материалы, относящиеся до Якутской области во второй четверти XVIII века. — «Известия Восточно-Сибирского отдела РГО», Иркутск, 1895, т. XXV, № 5, стр. 89.

⁴⁰¹ ЦГАДА, ф. 199, д. 481, ч. VII, л. 228.

⁴⁰² ЦГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2361, л. 87.

⁴⁰³ «Колониальная политика царизма...», стр. 123—124.

⁴⁰⁴ ЦГАДА, ф. 607, оп. 2, д. 23, лл. 1—2.

⁴⁰⁵ А. Соколов. Северная экспедиция 1733—1743 годов. — «Записки гидрографического департамента Морского министерства», ч. IX, СПб., 1851, стр. 292.

⁴⁰⁶ Там же.

⁴⁰⁷ Л. С. Берг. История географического ознакомления с Якутским краем. — Сб. «Якутия», Л., 1927, стр. 22.

⁴⁰⁸ Л. С. Берг. Открытие Камчатки..., стр. 129—130.

В конце XVIII в. остроги, основанные на севере Якутии, превратились из военных центров в захолустные административные пункты. В 1774 г. Нижне-Колымскую крепость посетили прапорщики геодезии Иван Леонтьев, Иван Лысов и Алексей Пушкарев. В крепости тогда было 40 домов, в старом остроге — церковь и 10 обывательских домов. «Жительство имеют в крепости и в старом остроге, — писали прапорщики, — служащие и отставные казаки, посадские и разночинцы ведомства Нижне-Колымской крепости»⁴⁰⁹. Разночинцы (26 мужчин и 14 женщин) попали в Нижне-Колымскую крепость после упразднения Анадырского острога. Их фамилии весьма распространены среди нынешних колымчан: Котельников, Сокольников, Налетов, Кобелев, Попов, Артемьев⁴¹⁰. Все семьи разночинцев занимались рыболовством и пушным промыслом.

В 1786 г. Верхне-Колымский острог посетил Г. А. Сарычев. Острог состоял из часовни, 5 изб и 3 юрт⁴¹¹. Здесь обитало несколько семей казаков, превратившихся к этому времени в местных обывателей. Зимой они жили около острога, летом выезжали на рыбалки. «По берегам Колымы, начиная с устья Зырянки до Средне-Колымского острога, стоят летовья верхнеколымских и среднеколымских казаков, где они обыкновенно летнею порою заготавливают для себя и для собак рыбу»⁴¹². Большая часть русских старожилов жила на зимках, передко в окружении коренного населения. Так, в 1792 г. капитан Биллингс, следуя от Ангарского селения в Нижне-Колымск, указал, что на его пути встретилось юкагирское селение, якутское селение Тихоново и поселение русских крестьян Баюковы юрты⁴¹³.

Между семьями старожилов и коренным населением существовали родственные отношения. Казак Григорий Шкулов, живший в устье Индигирки, послал вместо себя в партию по обследованию островов в устье Колымы своего крестника якута Борогонской волости⁴¹⁴. Ревизские сказки 1795 г. позволяют видеть, что усть-оленьские старожилы находились в брачных связях с якутами. Так, в ревизской сказке Тумацкой и Якутской волостей сохранилась следующая запись: «Удалой во крещении Гаврил Кучуяхов, по ревизии 1782 г. имел 44 года, умер в 1794 г., у него жены: ...взятая после смерти прежней жены от усть-оленьского мещанина Кирилла Черепанова дочь Агриппина по переписи 1785 г. — 42 года»⁴¹⁵. В одной только Тумацкой волости было отмечено ревизией 1795 г. 6 женщин, взятых якутами в жены из усть-оленьского мещанского общества⁴¹⁶.

Пытаясь предотвратить скунку ясачной пушнины купцами и их приказчиками, якутские власти в конце XVIII в. предприняли ряд мер по ограничению свободы передвижения мещан по наслегам. В 1795 г. жиганский земский суд направил местным наследным князям указ о том, «чтоб иноверцы как русского, так и другого звания людей без письменного вида не держали»⁴¹⁷. В 1798 г. этот же суд предписал князю Кюпского рода Василию Корякину выслать из его наслега усть-оленьского мещанина Егора Ширяева в свое общество к старосте Черепанову⁴¹⁸.

После Пятой ревизии, основываясь на положении, что мещане должны жить в городах, жиганский земский суд предписал усть-оленьским ме-

⁴⁰⁹ ЦГАДА, ф. 24, оп. 1, д. 55, л. 19.

⁴¹⁰ ЦГАДА, ф. 1095, оп. 1, д. 1, лл. 1—2.

⁴¹¹ Г. А. Сарычев. Указ. соч., стр. 65.

⁴¹² Там же, стр. 72. По данным В. Г. Богораза, в 1762 г. в Нижне-Колымском крае было 874 русских, но сюда вошли и анадырецы (В. Г. Богораз. Русские на Колыме. — «Жизнь», СПб., 1892).

⁴¹³ «Путешествие капитана Биллингса через Чукотскую землю от Берингова пролива до Нижне-Колымского острога и плавание капитана Гаала», СПб., 1811, стр. 58—59.

⁴¹⁴ Н. Н. Зубов, К. С. Бадиггин. Разгадка тайны земли Андреева. М., 1953, стр. 86.

⁴¹⁵ ЦГА ЯАССР, ф. 37, оп. 1, д. 162, л. 18.

⁴¹⁶ Там же, лл. 18, 20, 22 и др.

⁴¹⁷ Там же, д. 75, л. 12.

⁴¹⁸ Там же, д. 12, л. 2.

щанам «в самом непродолжительном времени переселиться в Жиганск». Выселение в безрыбный малолюдный Жиганск не только грозило оленекским мещанам разорением, но обрекло бы их на голодное существование. От имени общества староста усть-оленекских мещан Иван Черепанов в 1797 г. подал прошение на «высочайшее имя», в котором сообщал: «Усть-оленекские мещане з давнего времени от предков распространили свое жителство [на] ныне обитающем месте, имея пропитание ловлею из рек рыбы, а на прочее содержание себя и семейства через промысел плавных оленей и песца, на что и заведено каждым по силе возможности немалые по приличности песцовые ловушки, почему назначенное мне и сотоварищам моим перемещение каждому будет отчаянным разорением, так что каждый по известной бедности своей должен по выезде в город пытаться мирским подаянием, коего по малочисленности в Жиганске жителей надеяться невозможно, платье же и разное покупное другими промыслами достать совсем безнадежно»⁴¹⁹. В заключение Иван Черепанов просил от имени общества, чтобы из мещанского звания их переименовали в крестьянское и оставили на прежнем месте жительства. В 1798 г. усть-оленекские мещане были перечислены в крестьянское звание и оставлены на Оленеке (в 1795 г. здесь было 36 мужских душ)⁴²⁰.

Таким образом, несмотря на отлив русского населения на восток и бурные события, связанные с походами на Камчатку и Чукотку, русские мещанские и крестьянские промысловые поселения на севере Якутии не исчезли. В устьях Оленека, Индигирки, Алазеи и Колымы продолжали существовать мало связанные между собой небольшие группы русских поселенцев, близкие к коренному населению. Однако в XVIII в. на северо-востоке образовались новые группы русского старожильческого населения — анадырцы, гижигинцы, камчадалы.

Одним из самых крупных центров сосредоточения русского населения на северо-востоке Азии в середине XVIII в. стал Анадырский острог. В 1744 г. там находилось 400 «регулярных и нерегулярных» служилых, в 1747 г. — 310⁴²¹. В 1750/51 г. в остроге было расквартировано 5 рот. В первой был капитан, 9 гренадеров и 37 мушкетеров — вместе с офицерами 50 человек регулярных служителей и 62 нерегулярных казака, всего 112 человек. Три роты состояли в основном из казаков. Пехотная рота была укомплектована людьми Тобольского и Енисейского полков⁴²². Всего в Анадырском остроге было 542 военных. Кроме них, жили разночинцы и посадские. В 1758 г. анадырский «разночинческий» староста Котельников собрал подушные с 23 человек своего общества⁴²³. Можно полагать, что только русских мужчин в остроге было около 600 человек. Казаки, посадские люди и разночинцы жили в остроге вместе с семьями, часто весьма многочисленными. Так, в 1758 г. казачий сын Иван Брусенин в прошении о выплате недополученного жалования его отца между прочим сообщал: «С прошлого 1743 г. обретался при здешней Анадырской крепости в казачьей службе для предосторожности от немирных чукчей отец мой родной, Яков Михайлов, сын Брусенин, который минувшего апреля 16 числа 1758 г. по воле божьей умре, а по смерти его остались как я, так и при мне брат мой Василий и сестры Наталия и Мария в малых летах, и по бедности нашей наги и босы скитаемся и пропитание свое имеем ходя по миру и вдовствующей нашей матери по малолетству нашему питать не в состоянии находимся»⁴²⁴.

⁴¹⁹ ЦГА ЯАССР, ф. 52, оп. 1, д. 1, л. 1.

⁴²⁰ Там же, л. 5.

⁴²¹ «Колониальная политика царизма...», стр. 163, 174.

⁴²² ЦГАДА, ф. 1095, оп. 1, д. 2, лл. 126, 140, 145, 190, 192.

⁴²³ ЦГАДА, ф. 1096, оп. 1, д. 6, лл. 20—21. Это гижигинское дело состоит из бумаг, относящихся к Анадырскому острогу.

⁴²⁴ ЦГАДА, ф. 1096, оп. 1, д. 6, лл. 15—17.

Анадырскую крепость нередко посещали торговцы со своими рабочими людьми. В 1747 г. приказчики купца Жилкина, — устюжанин Афанасий Бахов и якутянин Новиков, построив судно на Анадыре, дошли до острова Беринга⁴²⁵. До 1764 г. Анадырск служил и местом ссылки⁴²⁶.

Таким образом, численность русского населения была не менее 650—700 человек⁴²⁷. По определению А. Шаховского, в Анадырске было около 1000 человек⁴²⁸. Анадырск был на северо-востоке Сибири вторым по численности населения после Якутска. В самом Анадырске было 130 дворов и церковь⁴²⁹. Оторванный от земледельческих районов анадырский гарнизон постоянно испытывал недостаток в продовольствии⁴³⁰. С 1746 по 1751 г. Якутская воеводская канцелярия задолжала гарнизону 460 пудов крупы⁴³¹. Нехватку муки и крупы гарнизон пытался восполнить рыбой, отбитыми у «немирных» чукчей и коряков оленями. В 1759 г. было приобретено у ясачных коряков около 400 оленей. Солдаты и казаки гарнизона не только рыбачили, но и охотились на диких оленей. В начале июня значительная часть гарнизона покидала крепость и, разбившись на партии, вместе с разночинцами, казачьими детьми, аманатами и ясачными новокрещеными, обитавшими в Анадырске, отправлялась «для пропитания» на промысловые урочища. Летом 1759 г. на урочище Радионово выехало 46 солдат, 70 казаков, 10 разночинцев, 10 казачьих детей, 6 ясачных юкагиров, корякский аманат и 3 казачьи вдовы, всего 146 человек⁴³². Дожидаюсь хода оленей, партия голодала. Лишь в конце июня было добыто 176 оленей, а всего за сезон охоты несколько сот оленей. Их туши были поделены между участниками охоты и 254 туши отправили в Анадырск.

Менее значительная партия — 36 человек, — состоявшая из казаков, разночинцев и новокрещеных юкагиров, охотилась на урочище Удово⁴³³.

Для походов и промысла в каждой роте имелись суда. Так, в первой роте был дощанник, судно, шитое гвоздями, 3 судна, «шитых прутьями», 2 паруса, 2 бичевы, 3 карбаза⁴³⁴. Лов рыбы гарнизон и жители производили осенью⁴³⁵.

Солдаты и казаки гарнизона в отношении промысла и доставки продовольствия фактически уравнивались с местными русскими обывателями. «Занятие же анадырской команды главнейшим образом заключается только в том, чтобы круглый год искать себе пропитание охотой или рыбным промыслом»⁴³⁶, — писал командир Анадырской крепости Плениснер.

Солдаты и казаки должны были сами заботиться о приобретении сетей, так как даже лов рыбы для «казенных» нужд производился нередко ветхими прелыми неводами⁴³⁷. Каждому члену гарнизона предписывалось иметь лыжи⁴³⁸.

⁴²⁵ П. А. Словцов. Указ. соч., кн. II, стр. 80.

⁴²⁶ Там же, стр. 79.

⁴²⁷ Кроме русских, в Анадырской крепости жили аманаты от коряков. Временами их было до 15—20 человек. В крепости содержались и пленные чукотские женщины и дети. Из чукотских пленных детей, воспитанных среди русских, происходили Дауркин, прославившийся описанием берегов Чукотки (там же, стр. 80).

⁴²⁸ А. Шаховской. Известия о Гижигинской крепости, стр. 305.

⁴²⁹ «Река Анадырь (по описям Лаптева и Плениснера 1742 и 1763 гг.)». — «Записки гидрографического департамента Морского министерства», ч. X, СПб., 1852, стр. 165.

⁴³⁰ ЦГАДА, ф. 1095, оп. 1, д. 15, л. 5.

⁴³¹ Там же, л. 2.

⁴³² Там же, д. 57, л. 6.

⁴³³ Там же.

⁴³⁴ Там же, л. 3.

⁴³⁵ «Колониальная политика царизма...», стр. 175.

⁴³⁶ А. Сгибнев. Исторический очерк..., № 6, стр. 40.

⁴³⁷ ЦГАДА, ф. 1096, оп. 1, д. 6, л. 17.

⁴³⁸ ЦГАДА, ф. 1095, оп. 1, д. 55, л. 22.

«По здешнему обращению, — доносил капитан Шмалев генерал-майору Киндерману, — как солдаты, так и казаки покупают у анадырских обывателей и у ясачных инородцев зимнее платье, без чего ни по которой мере пробыть невозможно, а именно: из оленьих кож — парки вместо шуб — в 2 рубля, кухлянки вместо епанчи в 3 руб., штаны в 1 руб., санки с убором с ляжки с потяги и с уздами в 1 руб. 50 коп., лыжи 1 рубль, обувь две пары, в том числе одне щетошные, в которых ходят на лыжах ценою 1 руб., чибиксы с рукавицами в 1 руб. 50 коп., да к тому же летнего платья двой штаны ровдужные в 1 руб. 60 коп., рубашки ровдужные да камлени в 3 руб., обувь шесть пар ценою каждая по 25 коп.»⁴³⁹

Большая часть новоприбывших солдат была не подготовлена к жизни в суровых условиях тундры, плохо снаряжена, не умела управлять оленями, ориентироваться в тундре, хотя их посылали охранять казенный табун. Значительно лучше к местным условиям были приспособлены казаки. «По здешнему обращению якутские и решские (очевидно, анадырские) казаки против красноярских, прикуцких и енисейских способнее и тако они против солдат», — доносил Шмалеву капитан Шатилов⁴⁴⁰.

Описи имущества умерших казаков и посадских людей позволяют восстановить быт старожильческого русского населения. Казаки обычно носили длиннополые шубы, шапки в виде колпаков на меховой подкладке, хотя в дороге и на промысле нередко использовали одежду коренного населения.

В описи имущества казаков постоянно упоминается одежда из сукна, холста, бархата. Пища гарнизона состояла преимущественно из рыбы. Каждую весну казаки голодали. В 1751 г. анадырцы перенесли сильнейший голод, так как летний олений и рыбные промыслы были плохие. Гарнизон, по донесению капитана Шмалева, пришел в крайнее изнурение. Сам Шмалев страдал цингой. Офицеры крепости требовали смены, перевода в более благоприятные районы⁴⁴¹.

В апреле 1757 г. командиром четвертой роты Кекеревым был составлен реестр «у кого какого корму и до которого времени достанет». До внешнего нового корма могли жить 37 человек, на месяц имели продовольствие 12, на десять дней 2, на одну неделю 12, на пять дней 2, на 2—3 дня — 7 человек⁴⁴².

В ноябре 1759 г. Шмалев доносил в Сенат, что «за непривозом провизанта в Анадырск единого фунта (по-видимому, муки и крупы. — И. Г.) ни в магазинах и у жителей нет»⁴⁴³. Команда была вынуждена есть мясо собак⁴⁴⁴. Содержание Анадырской крепости приносило огромный ущерб казне. Ясачный сбор, поступающий с Анадырской округи, был столь незначителен, что, судя по переписке, мало занимал администрацию крепости. В 1750 г. ясак заплатили 32 оленных коряка. Они внесли 32 красные лисицы по цене 1 руб. за штуку, тогда как жалование прапорщика было 100 руб. 7 коп.⁴⁴⁵ Даже в случае исправного платежа ясака всеми коряками и чукчами стоимость ясачной пушнины не могла покрыть и половины издержек на содержание анадырского гарнизона. В 1766 г. после сокращения численности гарнизона регулярным и нерегулярным служилым людям было выплачено жалование только за первую половину года — 4960 руб. Пуд хлеба с доставкой в Анадырск обходился казне 9 руб.⁴⁴⁶

⁴³⁹ С. Пашков. Указ. соч., стр. 73.

⁴⁴⁰ ЦГАДА, ф. 4095, оп. 1, д. 15, л. 2.

⁴⁴¹ С. Пашков. Указ. соч., стр. 75—76.

⁴⁴² ЦГАДА, ф. 4095, оп. 1, д. 23, л. 75.

⁴⁴³ Там же, д. 57.

⁴⁴⁴ А. П. Словцов. Указ. соч., кн. II, стр. 79.

⁴⁴⁵ ЦГАДА, ф. 4095, оп. 1, д. 2, л. 112.

⁴⁴⁶ А. П. Словцов. Указ. соч., кн. II, стр. 80.

Скованный морозами, бездорожьем, отсутствием транспортных средств анадырский гарнизон не мог справиться с возложенной на него задачей — приведением к ясачному платежу чукчей и коряков. Военные походы гарнизон мог осуществлять только летом и осенью водным путем и «пешим порядком». Походы весной и зимой производились лишь в том случае, если коряки и юкагиры предоставляли оленей. Для успешных действий против чукчей командование гарнизона требовало продовольствия и увеличения военных сил. В 1754 г. капитан Шмалев в своем рапорте утверждал, что для «поиску чукчей надобно 600 человек» — 400 для похода и 200 для охраны острога — и предлагал направить к Анадырску 300 лошадей, для того чтобы отряды, посылаемые против чукчей, могли передвигаться по тундре.

В 1754 г. в подчинении у Анадырского острога осталось всего 103 ясачных плательщика. В связи с этим возник план перевода сюда колымских ламутов с «оленными табунами»⁴⁴⁷. Сложные и крайне дорогие проекты анадырских командиров не встретили поддержки в Сенате. В 1764 г. по предложению главного командира Анадырской крепости подполковника Плещенера и тайного советника Соймонова Сенат решил во избежание «великотысячных казенных издержек» упразднить Анадырскую крепость⁴⁴⁸. С 1710 по 1764 г. содержание этой крепости обошлось казне в 539246 руб., «от доставки тягостей различным народностям нанесено убытков» до 841760 руб., всего 1381007 руб., тогда как в приход в качестве ясака с подведомственного крепости населения поступило всего за этот период 29152 руб.»⁴⁴⁹ По другим сообщениям, содержание острога обошлось 3 млн. 381 тыс. руб.⁴⁵⁰

«По Анадырскому уезду с 1760 по 1763 г. было собрано ясачных в казну мялкой рухляди по оценке на 181 руб. 75 коп., — отмечалось в сенатском докладе, а на то же трехгодичное время для содержания там войск употреблено 87879 руб. 1 коп.»⁴⁵¹.

Упразднение Анадырской крепости состоялось только в 1770 г.⁴⁵² Согласно «исторической записке» лейтенанта Феофанова, составленной по документам Гижигинской крепости, это произошло в 1769 г.⁴⁵³ Анадырский гарнизон перешел частично в Гижигинскую крепость, частично в Тигиль на Камчатку. Часть казаков и разночинцев переселилась в Нижне-Колымск. Так бесславно закончилась попытка царизма превратить Чукотку в колонию.

Следствием переселения анадырцев на Колыму было укрупнение колымских старожилческих поселений. Благодаря этому колымчане, в отличие от малочисленных русских старожилков низовий Лены и Оленека, сохранили самобытность и язык. Но наиболее значительную роль сыграли анадырцы в формировании гижигинской группы русских старожилков. История ее сложения заслуживает специального описания.

В 70-х годах XVIII в. центр сосредоточения русского населения на северо-востоке Сибири переместился из Анадыря в Гижигу. Ее возникновение связано с мероприятиями охотских властей, стремившихся обезопасить пути на Камчатку. В 1750 г. отряды служилых людей из Охотска развернули строительство укрепленных форпостов и крепостей вдоль Пенжинского залива. В августе 1751 г. в низовьях Гижиги отрядом капитанармуса

⁴⁴⁷ ЦГАДА, ф. 1095, оп. 1, д. 15, лл. 11, 19—24.

⁴⁴⁸ «Колониальная политика царизма...», стр. 191; А. Шаховской. О начале построения Гижигинской крепости. — «Вестник Европы», ч. СII, М., 1818, стр. 282.

⁴⁴⁹ «Колониальная политика царизма...», стр. 191.

⁴⁵⁰ А. П. Словцов. Указ. соч., кн. I, стр. 304.

⁴⁵¹ А. Шаховской. О начале построения Гижигинской крепости, стр. 282—283.

⁴⁵² А. П. Словцов. Указ. соч., кн. II, стр. 80.

⁴⁵³ А. Сильницкий. Меры правительства для поднятия благосостояния Гижигинского края с 1819 по 1840 год. — «Записки Приамурского отдела РГО», т. IV, вып. 1, Хабаровск, 1898, стр. 62.

Байбародина был выстроен укрепленный палисадом острожек, названный позднее Гижигинской крепостью⁴⁵⁴. По данным А. Шаховского, это укрепление было воздвигнуто в 1752 г. сержантом Абрамом Игнатьевым⁴⁵⁵. Связь Гижиги с Охотском была крайне затруднена. В августе 1753 г. отправленный из Охотска в Гижигу бригантина «Михаил» с грузом муки и денежной казной разбило бурей. Зимой 1754 г. на собачьих нартах в Гижигу было послано 200 пудов муки, но и этот груз не дошел, так как восстали туманские коряки. Летом и осенью 1754 г. в Гижигу было снаряжено два судна. Одно из них попало на Камчатку, второе из-за непогоды вернулось в Охотск. Лишь в 1757 г. судно «Святой Захарий» доставило до Ямска гижигинский груз⁴⁵⁶. С 1753 по 1757 г. гарнизон не получал ни хлебного, ни денежного жалования. От голода и в боях с 1753 по 1757 г. погибло 66 служилых людей. В 1758 г. в крепости было 45 солдат и казаков⁴⁵⁷.

Отсутствие продовольствия и снаряжения вызвало в Гижиге «смертные глады» и «всекрайнейшие бедствия». По донесениям охотских властей, гижигинцы «имели пропитание кореньями и тальником».

В 1757 г. казаки и солдаты гарнизона просили вместо денежного жалования завезти им прядево или пеньку, соль, железо и т. д. Большая часть команды обзавелась семьями, взяв в жены жепщин у ламутов и коряков⁴⁵⁸. Таким образом, с первых лет своего существования Гижига приняла облик промыслового русского поселения.

В 1770-х годах Гижига превратилась в крупнейший опорный пункт паризма на северо-востоке Сибири. В 1776 г. гарнизон Гижиги состоял из 229 человек, в том числе 2 офицеров (капитан и прапорщик), 7 низших чинов, 60 солдат, 7 сотников, 7 пятидесятников, 134 казака⁴⁵⁹. Военская команда крепости, по планам Сената, должна была охранять местных ясачных коряков от набегов «немирных» чукчей, производить сбор ясака, сопровождать грузы, следовавшие сухопутьем на Камчатку. Военные походы гижигинский гарнизон совершал редко. Большую часть года солдаты и казаки отдавали промыслу, хотя им ежемесячно и значительно более регулярно, чем в Анадыре, выдавали по 32,5 фунта муки и двойное армейское жалование⁴⁶⁰. Все же при дороговизне товаров и продуктов казаки и солдаты с трудом прокармливали семьи⁴⁶¹.

Сама служба в крепости начиналась с приобретения теплой одежды и «промышленного завода». В 1776 г. определенный в крепость казак Яков Пастухов просил прежде всего помощи для покупки у оленных коряков теплого платья и обуви, а для «обзаведения к лову выдачи рыбных заводов, холста и т. д.»⁴⁶². Летом большая часть солдат и казаков разбредалась по займам-рыбалкам. Здесь они добывали рыбу вместе с членами своих семей. Имущество служилых состояло в основном из промыслового инвентаря и местной одежды⁴⁶³. В 1776 г. в связи с недовозом продовольствия был составлен «список регулярных и нерегулярных служителей и сколько при них жен и детей». Всего в крепости было 674 человека⁴⁶⁴. Многие солдаты и казаки имели весьма крупные семьи: сержант Павлов — 9 человек, Маклаков — 7 человек, каптенармус Алачев — 6 человек, пятидесят-

⁴⁵⁴ ЦГАДВ, ф. 1077, оп. 3, д. 138, л. 2.

⁴⁵⁵ А. Шаховской. Известия о Гижигинской крепости, стр. 285; его же. О начале построения Гижигинской крепости, стр. 281.

⁴⁵⁶ ЦГАДА, ф. 1096, оп. 1, д. 9, лл. 1—4.

⁴⁵⁷ Там же, л. 8.

⁴⁵⁸ Там же, д. 24, лл. 4—5.

⁴⁵⁹ Там же, д. 33, лл. 17—18.

⁴⁶⁰ Там же.

⁴⁶¹ Там же, д. 20, л. 30.

⁴⁶² Там же, д. 33, лл. 11—12.

⁴⁶³ ЦГАДВ, ф. 1075, оп. 1, д. 27, лл. 33—37, 48—49.

⁴⁶⁴ ЦГАДА, ф. 1096, оп. 1, д. 33, л. 142.

ник Корякин — 7 и т. д. Общая численность населения крепости была не менее 750 человек, так как кроме солдат и казаков в Гижиге жили крестьяне (12 душ). С членами семей эта группа составляла не менее 48—50 человек⁴⁶⁵.

В 1776 г. вышло в отставку 36 нижних чинов «за неспособностью к службе». Из них 25 выехали в сибирские города, а 11 остались, в том числе в Гижиге 9, на Омолоне 1, в Нижне-Колымске 1⁴⁶⁶. Таким образом, около трети отставных солдат и казаков гарнизона оседало на месте.

В 1790 г. в Гижиге было 333 мужчины и 353 женщины, в том числе крестьян из отставных военнослужащих 20 человек. Кроме них, в крепости жили 2 купца и 3 церковных служителя⁴⁶⁷.

Формулярные списки гижигинской команды показывают, что казаки и солдаты состояли из сибиряков — выходцев из Томска, Тобольска, Енисейска, Красноярска, Иркутска и Якутска. Значительную прослойку составляли якутяне. Естественно, что сибиряки за длительный срок службы свыкались с тундрой и, обремененные семьями, после получения отставки пополняли местное крестьянское общество.

В самой крепости, обнесенной стоячим палисадом с тремя въездами, находилось 87 домов военнослужащих и обывателей, церковь, караулка, три казенных дома для начальства, школа и питейный дом⁴⁶⁸.

Активную миссионерскую деятельность развернула гижигинская церковь. В 1765 г. священник гижигинской церкви потребовал от командира крепости толмача для сбора сведений о числе коряков и для перевода проповедей⁴⁶⁹.

В ясачных списках 1767 г. князцы и старшины большей части корякских родов числились как новокрещены⁴⁷⁰. В христианство были обращены в первую очередь пешие коряки, жившие вблизи Гижигинской крепости, Туманского форпоста и Ямского острога⁴⁷¹. Некоторые новокрещены-коряки находились в родственных связях с русскими и принимали участие в перевозке купеческих грузов⁴⁷².

О том, как и в каких формах шло сближение служилых людей с местными пешими коряками, можно судить по рапорту, который казак Дубинин подал командиру Гижигинской крепости на родичей своей жены. «Сего 767 г. мая в последних числах, — доносил Дубинин, — по добровольному моему согласию у итканского пешего коряка Етвиллома на падчерице его Вочарку, по крещении Дарьи, Гавриловой дочери, сочетался законным браком в жены, с коей я жил с поименованного мая до июля месяца благополучно и по уходе моем для промыслу идущей из моря рыбы, называемой кеты... в поварню, где жил как с женою своею, так с вотчимом и матерью ее». Но в июле жена Дубинина и ее родичи бежали от него. В декабре он узнал, что они скрываются на Иткане, и просил вернуть жену, чтобы ему «не разориться в конец» и «чтобы она не отошла от веры греческой»⁴⁷³.

Браки с коряками, постоянное общение с окружающим населением привели к тому, что многие казаки овладевали корякским языком. Казак Пургин исполнял в Гижигинской крепости обязанности толмача с корякского и чукотского⁴⁷⁴. Владели корякским языком и использовались на-

⁴⁶⁵ ЦГАДА, ф. 1096, оп. 1, д. 33, л. 257.

⁴⁶⁶ Там же, д. 33, л. 97.

⁴⁶⁷ ЦГАДВ. ф. 1077, оп. 3, д. 138, лл. 2—3 («Недостаток сведений к топографическому описанию города Гижигинска»).

⁴⁶⁸ ЦГАДА, ф. 1095, оп. 1, д. 41, лл. 14, 22.

⁴⁶⁹ Там же, ф. 1096, оп. 1, д. 12.

⁴⁷⁰ Там же, д. 17.

⁴⁷¹ Там же, д. 33, л. 12.

⁴⁷² Там же, д. 20, л. 29.

⁴⁷³ Там же, лл. 27—28.

⁴⁷⁴ Там же, д. 33, л. 78.

чалством для «разговоров» коряков и чукчей казаки Андрей Долгих⁴⁷⁵, Анкудинов, Павлов⁴⁷⁶ и др. В 1776 г. к пахачинским корякам, задержавшим уплату ясака, был направлен казак Львов «для объявления на их языке, что они должны платить ясак»⁴⁷⁷.

Крестьяне-промышленники во время охотничьих скитаний посещали не только ближайшие к Гижиге корякские селения, но и отдаленные поселки и стойбища оленеводов. В 1776 г. крестьянин Григорий Павлов после очередного выезда на промысел подал командиру Гижиги Пересышкину интересный рапорт о своих скитаниях и расприях среди коряков⁴⁷⁸.

Некоторые крестьяне подрабатывали, доставляя из Охотска в Гижигу купеческие товары, наиболее зажиточные вели мелкую посредническую торговлю с коряками и чукчами⁴⁷⁹. Крестьяне, фактически промышленники, занимались главным образом рыболовством, отчасти морским промыслом и охотой. Все они имели собачьи упряжки.

Рыболовство было основным занятием всего населения Гижиги, а рыба — главной пищей. В 1776 г. гарнизон заготовил 4980 штук красной рыбы, 11 тыс. штук мальмы, 3 тыс. штук юколы⁴⁸⁰. Но всего этого количества рыбы не хватало до весны, так как в крепости было много ездовых собак. Неулов рыбы, задержка доставки муки ставили гарнизон в крайне тяжелое положение. Гижигинцы в конце XVIII в. неоднократно испытывали весенние голодовки. Особенно трудным было положение тех, кто не имел возможности заниматься промыслом⁴⁸¹. Ежегодно начальство крепости направляло оленним князям предписания явиться к осени со своими табунами к Гижиге и требовало у коряков оленей под видом помощи голодающему населению⁴⁸².

После прекращения военных столкновений на северо-востоке в конце 1770-х годов Гижига утратила значение опорного военного пункта. Гижигинские оленные коряки стали отходить в богатый ягелем бассейн реки Пенжины, а затем на Камчатку⁴⁸³. С этого времени Гижига превратилась в захолустное поселение промышленников. Население, не занятое службой, постепенно перебралось на займки и рыбалки.

* * *

Наблюдения С. П. Крашенинникова, сделанные всего спустя 35—40 лет после проникновения русских на Камчатку, показывают, что за этот срок казаки фактически восприняли хозяйство и быт камчадалов. «Казачье житье на Камчатке не разнится почти от камчадальского, ибо как те, так и другие питаются кореннем и рыбою, и в тех же трудах упражняются: летом промышляют рыбу и запасают в зиму, осенью копают коренья, дерут крапиву, а зимою вяжут из оной сети. Вся разница состоит в том: 1) что казаки живут в избах, а камчадалы по большей частию в земляных юртах; 2) что казаки едят больше вареную пежели сухую, а камчадалы больше сухую [рыбу]; 3) что казаки из рыбы делают различные кушанья, как, например, тельные пироги, блины, оладьи и пр., чего камчадалы до российских людей не знали»⁴⁸⁴. Из материалов С. П. Крашенинникова сле-

⁴⁷⁵ ЦГАДА, ф. 1096, оп. 1, д. 33, л. 285.

⁴⁷⁶ Там же, л. 80.

⁴⁷⁷ Там же, лл. 47—48.

⁴⁷⁸ Там же, д. 41, лл. 19—20.

⁴⁷⁹ Характерно, что торговлю с чукчами финансировал не кто иной, как знаменитый основатель Ситхи А. А. Баранов. В 1795 г. Карл Лаксман, гижигинский городинчик, был привлечен к суду за незаконную торговлю с чукчами (В. Лагус. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия и переписка. СПб., 1890, стр. 178, 453).

⁴⁸⁰ ЦГАДА, ф. 1096, оп. 1, д. 33, лл. 141—142.

⁴⁸¹ Там же, д. 51, л. 7.

⁴⁸² Там же, д. 41, лл. 37—39.

⁴⁸³ А. Шаховской. Известия о Гижигинской крепости, стр. 287—289.

⁴⁸⁴ С. П. Крашенинников. Указ. соч., стр. 505.

дует, что к 1730-м годам на Камчатке образовался слой постоянного русского населения. Так как русские женщины в эти годы на Камчатку не попадали, то казаки и посадские люди⁴⁸⁵ вступали в сожителство с камчадалками. В первые десятилетия после открытия Камчатки недостатка в пленных женщинах не было. Из ясырок обычно и подбирали себе казаки жен или сожительниц. Только у посадских, по данным переписи 1724 г., было 209 холопов⁴⁸⁶.

Второе поколение казачьего населения состояло в значительной степени из метисов. «Дети казаков, — писал Г. В. Стеллер, — которые несмотря на происхождение от ительменских матерей больше льнут к отцам-казакам, перецеголяли даже последних, так как, владея туземным языком, имеют ключ ко всем местным тайнам»⁴⁸⁷. Пользуясь своим знанием языка пришельцев и близостью к ним, метисы нередко не менее жестоко эксплуатировали камчадалов, чем казаки. Из казачьих детей — метисов обычно вербовались толмачи. Таким образом, на Камчатке в начале XVIII в. пропихивал тот же процесс, который имел место в Якутии в XVII в., — пришельцы, взяв жен или сожительниц из среды аборигенов, положили начало прослойке привилегированного русского постоянного населения, близкой по хозяйству и быту к коренному населению. Разумеется, русская прослойка постоянно пополнялась за счет новых служилых людей, вольных и невольных поселенцев. Часть из них вливалась в группу русского постоянного населения, но в отличие от первопришельцев уже смешивалась не с камчадалами, а с метисами.

В 1730-х годах на Камчатке русские (служилые и казачьи дети) числились при следующих острожках: Большерецкий острог — 59 человек, Верхне-Камчатский острог — 56 человек, Нижне-Камчатский острог — 92 человека, Тигильский острог — 37 человек⁴⁸⁸. Таким образом, на Камчатке было около 300 человек русских мужчин, относившихся к служилому сословию. Исходя из средней численности семьи в 4 человека, можно полагать, что группа служилых вместе с женщинами и детьми состояла из 1000 человек (часть служилых не имела семей).

Одновременно со служилым сословием на Камчатке появились и промышленники, именовавшиеся здесь разночинцами. В 1724 г. в Верхне-Камчатском остроге было 27 разночинцев, в Большерецком — 34. Эти группы с членами семей, очевидно, составляли 150—200 человек⁴⁸⁹.

Кроме служилых, на Камчатке жили русские крестьяне. В 1732 г. в Илимске для поселения на Камчатку было отобрано 50 крестьянских семей (около 200 человек обоего пола). С большим трудом переселенцы добрались до Охотска. Здесь они были задержаны, так как транспорт использовался для перевозки на Камчатку экспедиции Беринга. Крестьяне были доставлены на полуостров лишь в 1740 г. и поселились в долине реки Камчатки в деревнях Мильково и Ключи⁴⁹⁰. Земледельческие опыты крестьян оказались неудачными. Так же, как и казаки и мещане, новые поселенцы занимались рыболовством, охотой, собирательством. Однако строгие приказы начальников Камчатки побуждали крестьян заниматься огородничеством и разведением молочного скота.

В первоначальном заселении Камчатки русскими можно отметить две

⁴⁸⁵ Посадские люди при первой же ревизии были обложены подушным окладом и лишены права выезда с Камчатки (С. П. Крашенинников. Указ. соч., стр. 514).

⁴⁸⁶ «Колониальная политика царизма...», стр. 7—8.

⁴⁸⁷ Г. В. Стеллер. Указ. соч., стр. 20.

⁴⁸⁸ С. П. Крашенинников. Указ. соч., стр. 502—504; В Большерецке к прибытию Беринга в 1727 г. было всего 14 русских дворов (Л. С. Берг. Открытие Камчатки..., М., 1924, стр. 66).

⁴⁸⁹ «Колониальная политика царизма...», стр. 7—8.

⁴⁹⁰ А. Сгибнев. Исторический очерк, № 5, стр. 81; Ф. Г. Сафонов. Охотско-камчатский край. Якутск, 1958.

волны. Одна шла с севера. Это были казаки и промышленники из Якутии, среди которых особую роль играли анадырские русские старожилы. Другая волна, шедшая через Охотск, состояла главным образом из сибирских казаков и солдат, крестьян, мастеровых, обслуживавших экспедиции. Первая волна принесла казачье-промышленные традиции XVII в., отмеченные С. П. Крашенинниковым⁴⁹¹, со второй стали проникать веяния XVIII в.

Так, немалое значение имели для развития русских старожилых школы, открытые здесь уже в первой половине XVIII в.⁴⁹²

В середине XVIII в. социальный состав русского населения Камчатки был весьма разнообразным. Здесь были и дворяне (высшие офицеры и начальники), духовенство, обслуживавшее 4 церкви, купцы, промышленники-мещане, крестьяне и сильные поселенцы.

Между Нижне-Камчатским острогом и Верхним было 4 крестьянских селения (18 семей). Самое крупное из них — Мильково. В Большерецке в конце XVIII в. было около 300 человек обоего пола «россиян и казаков», в Петропавловске — около 100 человек, а в Ключевском крестьян около 50 душ мужского пола⁴⁹³. Численность неслужилого русского населения на Камчатке можно определить по данным о подушных сборах. В 1774 г. здесь было собрано 419 руб. 74 коп. подушных денег⁴⁹⁴. В это время с ревизской души взимали по 70 коп., а с прочими сборами (соляной, подводный и др.) — до 1 руб. 30 коп. Следовательно, сбор заплатили около 400 лиц мужского пола — крестьян, мещан, купцов. Однако некоторые, возможно, платили за несколько лет. Кроме того, платежи производились и за мертвые души. По-видимому, численность мужских душ была всего 300 человек и вся эта группа насчитывала около 600 человек обоего пола. Приблизительно 1000—1200 человек обоего пола составляла и группа служилых людей. Таким образом, в конце XVIII в. здесь было 1800—2000 русских.

Русские, поселившиеся на Камчатке, так же как и камчадалы, занимались главным образом рыболовством. На втором месте после этого промысла стояла охота. Все же некоторые хозяйства русских владели скотом, возделывали в свободное время от промысла огороды. Наряду с собачьим транспортом они использовали в летнее время вьючных лошадей.

Разумеется, хозяйство и быт различных слоев русского населения были не одинаковы. Служилые значительную часть времени проводили в разъездах по делам службы, в караулах, многие из них вели посредническую торговлю. Хотя солдаты получали двойное армейское денежное жалование, а казаки полуторное, они занимались промыслом, носили парки, кухлянки, камлеи, торбоза⁴⁹⁵. Привозные товары вследствие их дороговизны приобретались служилыми людьми в крайне незначительных количествах.

Служилые люди, в особенности крестьяне, постоянно общались с коренным населением. Это вело не только к смешанным бракам, но и к постепенному усвоению русскими рациональных элементов местной культуры. Даже в привилегированных семьях русских камчатских офицеров, наряду с русским языком нередко пользовались камчадалским. «Образ жизни большерецких жителей, — отмечал в 1787 г. во время проезда через Камчатку французский консул Ж. Лессепс, — никакой разности не имеет с камчадалским»⁴⁹⁶. Действительно, хозяйство русских старожилых было очень

⁴⁹¹ С. П. Крашенинников. Указ. соч., стр. 505—508, 671—687.

⁴⁹² А. Сгибнев. Навигационные школы в Сибири. — «Морской сборник», 1866, № 11, стр. 6—10; А. Г. Базанов. Школы на Камчатке в XVIII веке. — Сб. «Советский Север», № 2, 1939, стр. 179—193.

⁴⁹³ Ж. Лессепс. Указ. соч., ч. I, стр. 16, 77, 201—202.

⁴⁹⁴ А. Сгибнев. Исторический очерк..., № 7, стр. 15.

⁴⁹⁵ Т. И. Шмалев. Указ. соч., стр. 196—197.

⁴⁹⁶ Ж. Лессепс. Указ. соч., ч. I, стр. 83—98; Л. А. Воробьев. Записки бригадира Иосифа Кошца. — «Исторический вестник», т. 66, 1896, стр. 600.

близко к хозяйству камчадалов. В то же время русское старожильческое население постоянно испытывало культурное влияние со стороны припых русских — офицеров и матросов, купцов, чиновников. При всей отдаленности Камчатки ее связи с Охотском, Якутском и Иркутском были прочнее, чем связи Анадырска, Нижне-Колымска и Средне-Колымска. Регулярные сношения поддерживались между Большерецком и Охотском. Селения русских — Тигиль, Большерецк — регулярно посещались судами, следовавшими к американским русским владениям и Курильским островам.

В 1764 и 1766 гг. около Тигиля зимовала экспедиция лейтенанта Сипда⁴⁹⁷. В 1766 г. в Большерецком остроге, а в 1767 г. — в Нижне-Камчатском зимовала экспедиция капитанов Креницына и Левашева, состоявшая из 124 человек⁴⁹⁸. В 1790/91 г. в Нижне-Камчатске жило много участников экспедиции Биллингса⁴⁹⁹. В камчатских русских селениях базировались купцы. В одном только Большерецке было 23 купеческие лавки⁵⁰⁰. В 1799 г. в связи с участвовавшими посещениями Камчатки иностранными судами правительство направило туда полк во главе с генерал-майором Сомовым⁵⁰¹. Постоянный приток русского населения на Камчатку способствовал тому, что культурный облик старожилов этой области быстрее приближался к облику сибирского русского населения, чем русских обитателей захолустных уголков якутского севера.

Таким образом, на северо-востоке Сибири от Лены до Камчатки на протяжении XVIII в. образовалась цепь разрозненных оседлых русских старожильческих поселений⁵⁰². Восприняв образ хозяйства и приемы промысла коренного населения, эти группы русских людей оказали сильнейшее воздействие на коренное население северо-востока: якутов, эвенов, юкагиров, ительменов, чукчей и коряков.

* * *

На протяжении XVIII в. в расселении и численности народов северо-востока Сибири произошли крупные изменения, хотя в конце этого периода, после деятельности Первой ясачной комиссии в связи с переходом от индивидуального обложения ясаком к обложению целых общин и введением круговой поруки, миграции стали сокращаться.

На севере Якутии в результате длительного размывания древних этнических групп и притока переселенцев — якутов и эвенов — стали складываться новые, более стойкие этнические образования. На северо-западе Якутии якуты-переселенцы восприняли северное промысловое хозяйство эвенов и ассимилировали остатки древних обитателей этого края. На северо-востоке, в «юкагирских землях», прочно обосновались эвены, сблизившиеся с юкагирами. Якуты-скотоводы из Верхоянья проникли в таяжные слабо заселенные районы Индигирки и Колымы. Укрупнились поселения русских старожилов, в значительной степени унаследовавшие хозяйство пенных юкагиров.

Отсутствие эпидемий оспы и кори, прекращение военных междоусобных столкновений способствовали общему росту численности населения северных районов Якутии.

⁴⁹⁷ А. Соколов. Экспедиция к Алеутским островам капитанов Креницына и Левашева (1764—1769). — «Записки гидрографического департамента Морского министерства», ч. X. СПб., 1852. стр. 72.

⁴⁹⁸ Там же, стр. 84—85.

⁴⁹⁹ «Путешествие капитана Биллингса...», стр. 72—73.

⁵⁰⁰ Т. И. Шмалева. Указ. соч., стр. 199—200.

⁵⁰¹ Н. В. Слюнин. Охотско-Камчатский край, ч. I, СПб., 1900, стр. 71—72.

⁵⁰² Мы не касаемся Охотска и его населения. В XVIII в. Охотский острог, первоначально обычный пункт сбора ясака, превратился в крупный портовый центр. В отличие от прочих административных центров северо-востока Сибири представлявших собой старожильческие поселения, Охотск был портовым городом с верфью.

Иными были в XVIII в. этнические изменения на крайнем северо-востоке Сибири.

Растянувшаяся на ряд десятилетий колонизация Камчатки и Чукотки сопровождалась жесточайшими притеснениями коренного населения. Восстания и эпидемии оспы привели к значительному уменьшению численности камчадалов-ительменов, сузилась их этническая территория. Судьбу камчадалов разделили некоторые группы береговых коряков.

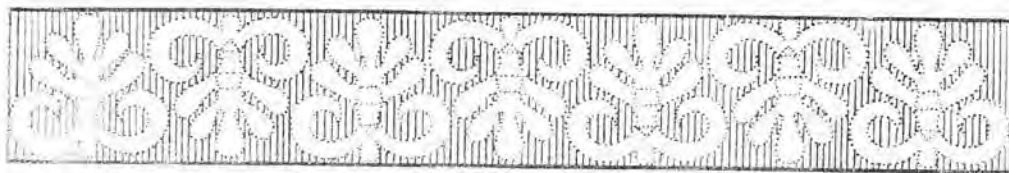
Не увенчавшиеся успехом военные предприятия анадырских властей по приведению в русское подданство чукчей привели к крайнему разорению северо-восточных юкагиров и оленных коряков. Напротив, чукчи-оленьеводы, обитавшие в труднодоступных районах тундровой зоны, менее пострадали от этих походов. Воспользовавшись ослаблением своих соседей, чукчи стали совершать набеги на анадырских юкагиров и коряков, отяжили у них крупные стада оленей. В ходе борьбы чукчи привлекли на свою сторону некоторые группы береговых эскимосов и ассимилировали их. Все это позволило чукчам значительно расширить свою этническую территорию. В XVIII в. увеличилась и территория кочевий эвенов за счет ямских и туманских коряков, ослабленных походами охотских служилых людей.

Многолетние усилия царизма, направленные на колонизацию крайнего северо-востока Сибири, привели к возникновению здесь новых, своеобразных русских этнических групп — анадырцев, гижигинцев, камчатцев, оказавших сильнейшее культурное воздействие на окружающее местное население.

Прекращение в 1770-х годах военных действий на северо-востоке, отказ от дорогостоящих попыток силой оружия привлечь все население к ясачному платежу, превращение русских военных поселений в промысловые способствовали установлению более тесных взаимоотношений между отдельными этническими группами и ускорили ассимиляцию северо-восточных пеших юкагиров русскими, а оленных — чукчами и коряками.

Таким образом, на крайнем северо-востоке Сибири в XVIII в. происходило, с одной стороны, интенсивное сплочение ряда этнических групп, сопровождавшееся расширением территории их обитания (чукчи, эвены, русские старожилы), с другой — рассеивание (юкагиры, эскимосы).

Расселение народов северо-востока Сибири в конце XVIII в. показано на карте (см. «Приложения», стр. 268).

ГЛАВА III

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА СИБИРИ В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В начале XIX в. в связи с рядом мер по централизации государственного управления в Сибири резко усилился чиновничий произвол, участились административные злоупотребления. Администрация пыталась регламентировать не только торговлю, но и жизнь коренного населения, извлекая из этого для себя немалую выгоду. Однако огромный административный аппарат оказался бессильным оказать помощь коренному населению северо-востока, когда на него обрушились стихийные бедствия. В первой четверти XIX в. недоход рыбы к берегам, гибель диких оленей или изменение путей их миграций вызвали тяжелые голодовки на всем северо-востоке — от северо-запада Якутии (бассейны Анабары, Оленека) до Камчатки.

Бедствия совпали с резким повышением налогов. В начале XIX в. к ясаку — основному налогу на коренное население Сибири — добавился ряд тяжелых податей. Эти налоги, в отличие от ясака, раскладывавшегося на трудоспособных в возрасте от 16 до 50 лет, накладывались на каждую ревизскую душу. Еще в 1796 г. был введен сбор «на полковых и подъемных лошадей» — 26 копеек с ревизской души, в 1806 г. — сбор на содержание присутственных мест по 18 коп., в 1816 г. — сбор на содержание больших государственных дорог по 25 коп., в 1818 г. — сбор на устройство водных сообщений по 5 коп. Кроме того, взималась подушная подать — 44 коп. с души (1812 г.)¹. Ко всему этому добавились сборы на внутренние повинности: содержание наемного писаря, церкви, сидельца соляной стойки, смотрителя рыбного магазина, на разъезды князцов, старшин и попов и т. д. Так, например, с Кюпского рода в 1817 г. было взыскано на земскую повинность 262 руб. 50 коп., подушных 66 руб., на дорожную повинность 34 руб. 50 коп., на общественную повинность 272 руб. 47 коп., всего 635 руб. 47 коп., тогда как в ясак этот род вносил всего 63 руб.²

Злоупотребления чиновников, рост недоимок, голодовки коренного населения вызвали в правительственных кругах стремление перестроить управление Сибири. В 1819 г. генерал-губернатором Сибири был назначен М. М. Сперанский. Проведенная им ревизия подтвердила крайне неблагоприятное состояние дел. В Сибири была проведена реформа управ-

¹ Д. М. Павлинов, Н. А. Виташевский, Л. Г. Левенталь. Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. Л., 1929, стр. 301—302.

² ЦГА ЯАССР, ф. 37, оп. 1, д. 295, лл. 4—5.

ления. Важное значение для всех народов Сибири имел «Устав об управлении инородцев», утвержденный 22 июня 1822 г.³ Все коренное население было разделено на три категории: оседлых, кочевых и бродячих. К первым причислялись живущие в городах и селениях, ко вторым — кочующие земледельцы и южные скотоводы, к последней категории (признаки ее не были зафиксированы) относили оленеводов и охотников. Большая часть коренного населения северо-востока была отнесена к «бродячим инородцам». В отличие от кочевых, они были освобождены от всех сборов и повинностей, кроме ясака. Управление ими осуществлялось через старосту (князя) и его помощника — старшину. Письменное делопроизводство в родах бродячих инородцев было упразднено. Старосты непосредственно подчинялись окружным полицейским управлениям. Бродячие инородцы, согласно «Уставу», получили право беспрепятственного перехода из области в область и из губернии в губернию. Все это несколько облегчило положение эвенков, эвенов, юкагиров и коряков. В то же время усилилась власть старост и старшин. Местная администрация пыталась опереться на зажиточную верхушку в родах бродячих инородцев.

В связи с введением в действие «Устава об управлении инородцами Сибири» Сибирский комитет, созданный для рассмотрения отчета Сперанского, признал необходимым произвести общее переобложение ясаком народов Сибири. В 1828 г. на северо-востоке начала работать Вторая ясачная комиссия, которая произвела учет населения и установила ставки ясака для каждого рода и племени. Бродячие роды были обложены ясаком по ставкам, значительно превышавшим ставки кочевых родов. В 1830 г. комиссия закончила работу в Якутской области⁴. В 1835 г. новый оклад ясака был утвержден Николаем I⁵. К этому времени усилились экономические связи северных районов с центральными районами Якутии. После разрешения в 1828 г. иностранцам беспопышечной торговли товарами на Камчатке участились рейсы американских китобойных и торговых шхун к русским берегам. Команды шхун выменивали у чукчей, коряков и ительменов пушнину за спирт и безделушки⁶. Дальневосточные владения России стали привлекать внимание колониальных держав.

Однако попытка захвата Петропавловска-на-Камчатке, сделанная союзнической эскадрой в 1854 г. во время Крымской войны, окончилась провалом. Гарнизон Петропавловска с честью отразил нападение англо-французского флота⁷.

Ликвидация Русско-Американской компании, продажа Аляски (1867 г.) вновь усилили проникновение на Чукотку и на север Камчатки иностранных, главным образом американских, китобоев и спиртовозов. На северо-востоке появился ряд конкурирующих русских и иностранных торговых фирм, занимавшихся скупкой пушнины у коренного населения. Резко сократился оборот чукотской Анюйской ярмарки. К середине XIX в. заметно усилились торговые обороты якутских купцов — скупщиков пушнины. Проникая далеко на север, они стали теснить своих более обеспеченных русских конкурентов. В конце XIX в. на Камчатке были сделаны попытки организовать промышленный вылов рыбы в устьях рек. Все это не могло не сказаться на хозяйстве коренного населения, занятого охотой, рыболовством и морским зверобойным промыслом. Даже в самых северных районах на почве посреднических пушных операций стали образовываться сравнительно крупные состояния и усиливаться имущественное расслоение. В колымских и индигирских районах появились не только якуты —

³ «Полное собрание законов», изд. 1-е, т. XXXVIII, № 29126.

⁴ ЦГИА, ф. 468, оп. 1339, д. 9, л. 471—472.

⁵ «Полное собрание законов», изд. 2-е, т. X, № 7917.

⁶ А. Сгибнев. Исторический очерк главнейших событий в Камчатке. — «Морской сборник», 1869, № 8, стр. 81.

⁷ М. А. Сергеев. Оборона Петропавловска-на-Камчатке. М., 1954.

крупные скотовладельцы, но и торговцы. Так, в отчете по Эльгетскому улусу за 1908 год указывалось: «Немногие из улуса инородцы занимаются незначительной торговлей, берут от проезжающих верховьянских кушцов чай, табак, дабу сбывают оные местным жителям, приобретают на оные разного рода пушнину и мамонтовую кость... Некоторые из них имеют свидетельства на развозной торг»⁸.

После первой русской революции ускорились темпы развития капиталистического предпринимательства на окраинах Сибири. На Камчатке появились крупные рыбопромышленные предприятия. Японские рыбопромышленники усилили вылов рыбы лососевых пород в русских территориальных водах вблизи Камчатки и Охотского побережья. Американские китобой охотились в Пенжинском, Гижигинском, Тауйском заливах, близ берегов Чукотки. Усилилось и проникновение на крайний северо-восток торговых американских и японских фирм. Через своих агентов они производили крупную меновую торговлю, выменивая на залежалые товары, спирт и паток не только меха и мамонтовую кость, но и ездовых собак и оленей. Иностранные компании пытались прибрать к рукам и полезные ископаемые. Северо-восточное сибирское акционерное общество с английским и американским капиталом начало геологические поиски на Чукотке, пытаясь обеспечить себе исключительные права на эксплуатацию богатств крайнего северо-востока. Американские монополии настойчиво навязывали царскому правительству грандиозный проект проведения железной дороги Нью-Йорк — Париж с тоннелем через Берингов пролив. Заведомо убыточная железная дорога должна была служить экспансионистским планам крупных американских монополистов⁹.

Развитие капиталистического предпринимательства, хищнический вылов рыбы в устьях рек, отстрел зверей на лежбищах поставили под угрозу существование целого ряда групп коренного населения.

Исторические события XIX—XX вв., возникновение элементов капитализма на северо-востоке, глубокие изменения в административной практике, стихийные бедствия повлекли за собой значительные этнические изменения.

ЮКАГИРЫ

К началу XIX в. территория, занимаемая юкагирами, резко сократилась. На северо-востоке в юкагирские области — бассейны Анадыря и Чауна — проникли чукчи; на Колыме, Индигирке, Яне расширились районы расселения якутов и эвенов.

Судьбы отдельных юкагирских групп в XIX в. оказались весьма различными. В начале XIX в. большие бедствия обрушились на колымских юкагиров. Резко сократились в низовьях Колымы миграции диких оленей, в верховьях исчезли лоси. В 1810 г. верхнеколымские юкагиры Нартенного и Ушканского родов принесли жалобу командиру Верхне-Колымской крепости, что из-за «непромыслицы» они «дошли до самокрайнейшей к пропитанию безнадежности». Юкагирам не удалось завестись ни сохатиной, ни рыбой. Вследствие голода они лишились ездовых собак, покинули реку Нелемную и подошли к Верхне-Колымску, где просили командира крепости указать якутам, чтобы те дали им в долг продовольствие. От голодной смерти этих юкагиров спасло русское население крепости и Средне-Колымска, устроившее сбор пожертвований продовольствием для голодающих¹⁰. Но голод повторился в 1812 г.¹¹ В 1813 г. голод испытывали не только

⁸ ЦГА ЯАССР, ф. 25, оп. 1, д. 1975, л. 118.

⁹ С. В. Славин, *Американская экспансия на северо-востоке России в начале XX века*. — «Летопись Севера», т. I, М. — Л., 1949, стр. 137.

¹⁰ ЦГА ЯАССР, ф. 10, оп. 1, д. 42, лл. 2—5.

¹¹ Там же, л. 32.

юкагиры, но и русские старожилы. Помощь юкагирам, по указанию верхне-колымского урядника, оказали якуты¹².

Бедствие затронуло и население низовий Колымы. В 1811 г. жестокий голод пережили юкагиры Омолонского рода. В 1812 г. члены этого рода покинули Омолон и переехали на Большой Анюй для прокормления подле русских и якутов¹³. С этого времени голодовки нижеколымских юкагирских родов стали обычным явлением.

Простой перечень бедствий, испытанных нижеколымскими юкагирами в первой половине XIX в., показывает, в каких тяжелых условиях находилась эта группа населения. С 1812 по 1820 г. ежегодно повторялись голодовки из-за отсутствия зверя (олений). За юкагирами накопилось 30 тыс. руб. долга¹⁴. В 1821 г. разразился жестокий голод среди анюйских юкагиров¹⁵. В 1821/22 г. произошел массовый падеж ездовых собак. Нижеколымские юкагиры лишились значительной их части¹⁶. В 1824 г. юкагиры не смогли запастись рыбой в достаточном количестве, несмотря на сравнительно хороший ход ее, так как их сети и неводы были опечатаны за долги¹⁷. В 1826 г. не удалась весения поволока оленей¹⁸. В 1829 г. юкагиры с Анюев и Омолона из-за голода покинули эти места и подошли к Нижне-Колымску, где им оказали помощь русские старожилы¹⁹. В 1830 г. юкагиры с обоих Анюев вновь из-за голода покинули свои промысловые угодья и жилища и подкочевали для пропитания в Нижне-Колымск²⁰. В 1831 г. юкагиры с обоих Анюев из-за голода вынуждены были покинуть свои жилища и подойти к Нижне-Колымску²¹. В 1835 г. испытал голод Омокецкий юкагирский род²², в 1838 г. — все нижеколымские юкагиры и русские старожилы. Голодающим была оказана помощь из хлебозапасных магазинов²³. В 1844/45 г. были сильные голодовки среди юкагиров по Анюю, от голода вымерли целые семьи. В связи с недостатком теплой одежды юкагиры не могли выйти на зимний промысел²⁴. В 1850—1854 гг. был скудный улов рыбы на Колыме. В 1858 г. 150 пудов мяса пожертвовал голодающим юкагирам купец Барамыгин. Свидетельства современников рисуют мрачные картины голодовок. «Трудно себе представить, до какой степени достигает голод среди здешних народов, существование которых зависит единственно от случая, — писал Ф. Ф. Матюшкин, наблюдавший бедствия анюйских юкагиров в 1821 г. — Часто с половины лета люди питаются уже древесной корой и шкурами, до того служившими им постелями и одеждой»²⁵.

Бедственное положение юкагиров усугублялось хищнической деятельностью скупщиков пушнины. Вопреки запретам они проникали к юкагирам, опутывали их долгами и из года в год взымали с должников пушнину по произвольным низким ценам.

В 1820 г. колымский частный комиссар Уваровский обнаружил торговцев по обоим Анюям и Омолону. Опаивая юкагиров, они забирали не только пушнину, но и необходимую одежду и продовольствие²⁶. Тяжелым бре-

¹² ЦГА ЯАССР, ф. 10, оп. 1, д. 42, л. 68.

¹³ Там же, лл. 51—52.

¹⁴ Там же, ф. 11, оп. 1, д. 71, л. 18.

¹⁵ Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю. М., 1948, стр. 227.

¹⁶ ЦГА ЯАССР, ф. 11, оп. 1, д. 71, л. 18.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, ф. 16, оп. 1, д. 4, л. 22.

¹⁹ Там же, ф. 11, оп. 1, д. 71, лл. 30—31.

²⁰ Там же, ф. 16, оп. 1, д. 4, л. 33.

²¹ Там же.

²² Там же, ф. 11, оп. 1, д. 63, лл. 94—95.

²³ Там же, д. 204, лл. 13—15, 19, 40—43.

²⁴ Там же, д. 115, л. 1.

²⁵ Ф. П. Врангель. Указ. соч., стр. 227.

²⁶ ЦГА ЯАССР, ф. 11, оп. 1, д. 27, л. 3.

менем ложились на юкаги́ров налоги. В это время на одного юкаги́ра приходилось до 5 руб. всевозможных сборов.

Длительные голодовки, обнищание способствовали распространению среди колымских юкаги́ров эпидемических заболеваний. В 1826/27 г. в Колымском округе, по сообщению местных властей, погибло от «гнилой горячки» 48 юкаги́ров и местных русских²⁷. В 1837/38 г. свирепствовала эпидемия «первой горячки и воспалительного катара»²⁸. В середине XIX в. среди колымских юкаги́ров стал распространяться сифилис. Еще в 1847 г. колымский окружной врач сообщил в своем донесении, что в Омо́лонском и Юкаги́рских родах он обнаружил случаи венерических заболеваний²⁹. Следствием всех этих неблагоприятных обстоятельств были значительные перемещения отдельных групп юкаги́ров.

В 1830 г. юкаги́ры Рыбникова рода подали прошение Второй ясачной комиссии о причислении их к Первому Омо́лонскому роду. В 1837 г. им было это разрешено, и члены Рыбникова рода, которых к этому времени осталось всего 7 душ, ушли в низовья Колымы³⁰. Юкаги́ры Нарте́нного (Нарты́чна) и Ушканского родов выразили желание объединиться в один род. Юкаги́рский староста Бурнашев просил «об отчислении его с родовичами под ведение Верхоянского окружного управления в ламутский Буяк-сирский род»³¹. В 1839 г. несколько юкаги́ров из Омо́лонского рода просили разрешения вносить ясак не в Нижне-Колымский острог, а в Верхне-Колымскую крепость, и получили на это разрешение³². В 1838 г. Колымское окружное управление обратилось к Верхоянскому с просьбой взыскать ясак с юкаги́рского старосты Алексея Слепцова, перекочевавшего на Индигирку³³.

В 1830 г. какая-то группа юкаги́ров откочевала с Ано́я на Анады́рь. Туда же ушла значительная часть чуванцев и ходынцев.

В первой половине XIX в. продолжалось сближение колымских юкаги́ров с русскими старожилами вследствие переселения юкаги́ров в русские поселки и совместного промысла. Юкаги́ры, подселившиеся к русским, постепенно переходили на русский язык.

В 1824 г. Ф. Ф. Матюшкин, участник экспедиции Ф. П. Врангеля, при посещении ано́йских юкаги́ров обратил внимание на то, что они утрачивают свою народность, нравы и обычаи... «Господствующий язык у них русский», — писал он. «Домы здешних юкаги́ров построены довольно прочно из бревен, и состоят по большей части из одной просторной комнаты... Одежда юкаги́ров совершенно сходна с одеждой живущих здесь русских... В очерке лица юкаги́ры совершенно сходны со здешними русскими или здешними русские, может быть, похожи на юкаги́ров», — сообщал Матюшкин³⁴. Это же в общем подтвердил и другой участник экспедиции, доктор Кибер. «Юкаги́ры, — писал Кибер, — так же хорошо говорят по-русски, как и по-юкаги́рски»³⁵.

Однако административные барьеры препятствовали окончательному слиянию юкаги́ров с русскими старожилами. Переходившие в русские поселки юкаги́ры продолжали числиться в своих родах и по своим ведомствам должны были отбывать повинности и платить ясак. Русские старо-

²⁷ ЦГА ЯАССР, ф. 11, оп. 1, д. 67, лл. 1—9.

²⁸ Там же, д. 89, лл. 13—17; ф. 16, оп. 1, д. 757, лл. 77—78.

²⁹ Там же, ф. 11, оп. 1, д. 192, л. 51.

³⁰ Там же, д. 63, л. 135.

³¹ ЦГИА, ф. 468, оп. 1339, д. 9, л. 316.

³² ЦГА ЯАССР, ф. 16, д. 808, лл. 84—86.

³³ Там же, л. 1.

³⁴ Ф. П. Врангель. Указ. соч., стр. 218—219.

³⁵ Кибер. Замечания о некоторых предметах естественной истории, учиненных в Нижне-Колымске и окрестностях оного в 1821 году. — «Сибирский вестник», СПб., 1823, ч. II, кн. 10, стр. 127.

жильческие общества пополнялись лишь женщинами-юкагирками, на правах жен, переходивших в ведомства своих мужей.

События первых десятилетий XIX в. не сразу сказались на уменьшении численности юкагиров. В 1811 г. среднеколымский частный комиссар составил реестр, «какие именно общества, волости и роды иноверческих князцов здешнего комиссарства с какого числа душ должны платить в казну ясак и подати». В Колымском комиссарстве значились следующие юкагирские роды³⁶.

Род	Староста	Район кочевой	Мужских душ
В ВЕДОМСТВЕ НИЖНЕ-КОЛЫМСКОЙ КРЕПОСТИ			
Юкагирский	Рупачев	Большой Аной	19
»	Някулян	Малый Аной	44
»	Лыткин	» »	12
Омолонский	Чани	Омолон	16
Юкагирский	Пешков	»	43
В ВЕДОМСТВЕ СРЕДНЕ-КОЛЫМСКОЙ КРЕПОСТИ			
Юкагирский	Слепцов	»	17
»	Трифанов	Алазея	43
В ВЕДОМСТВЕ ВЕРХНЕ-КОЛЫМСКОЙ КРЕПОСТИ			
Нартинский	Проконьев	Нелемная	16
Рыбников	Аланчин	»	11
Ушпанский	Спиридонов	»	21
Всего			242

Кроме этих родов, в Колымском ведомстве значился Чуванско-Хатылинский (Ходынский) род. По переписи 1811 г., в нем было 70 душ мужского пола, по переписи 1816 г. — 92 души мужского пола (это же число указано и в ведомости за 1805 г.)³⁷.

Юкагирским считался и Омолойский род Верхоянского округа. В нем, согласно учету 1812 г., было 131 мужская и 107 женских душ³⁸, а по ревизии 1816 г. — 126 мужских, 119 женских душ (31 семья)³⁹.

Таким образом, в 1811 г. формально в юкагирских родах было 443 души мужского пола. Однако Омолойский род, как было показано выше, в основном состоял из потомков эвенов. Следовательно, фактически юкагиров было 312 мужских душ.

Что собой представляли в начале XIX в. юкагирские роды, показывают имеющиеся в нашем распоряжении ревизские сказки за 1816 г. о юкагирах, находившихся в ведомстве Средне-Колымской крепости.

В Нартенском (Нартицыном) роде значилось 8 семей — 18 мужчин и 16 женщин. Мужчин в работоспособном возрасте, от 15 до 60 лет, было всего 8, а женщин 11⁴⁰. Одна семья была без кормильца и две не полные. Обращает на себя внимание отсутствие в этом роде стариков: в нем было всего два человека пятидесятилетнего возраста. Средняя численность семьи у колымских юкагиров в этот период была 6,8. Это были преимущественно неразделенные большие семьи⁴¹.

³⁶ ЦГА ЯАССР, ф. 10, д. 56, лл. 98—99.

³⁷ Там же, д. 11, лл. 270—273.

³⁸ Там же, д. 85, л. 133. В ведомости за 1811 г. указывалось, что чуванцы и ходынцы кочуют «в неизвестных местах», а платят в Островное или Ангарскую крепость при встрече с чукотским народом (там же, ф. 10, д. 56, лл. 98—99).

³⁹ Там же, д. 104.

⁴⁰ Там же, д. 85, лл. 140—143.

⁴¹ Там же, лл. 143—174.

Интересные данные о численности и расселении юкагиров и обьюкагирившихся эвенов, издавна включенных в юкагирские роды, дает перепись, произведенная в 1830 г. Второй ясачной комиссией ⁴².

Округ	Род	Мужчин	Женщин	Район кочевок
Верхоянский	Омолыйский	113	111	Яна, Омолый
Колымский	Нартенный	17	20	Ясачная, Коркодон, Поповая
»	Ушканский	22	17	Там же
»	Алазейский	54	61	Алазея, Куропаточья, Новая
»	Первый Омотский	66	69	Большой и Малый Аной, Анадырь
»	Второй Омотский	21	21	Отон, Лабучен, Россосья
»	Третий Омотский	24	19	Большой Аной, Пенжина
»	Рыбниковский	7	7	Коркодон, Омолон
»	Первый Омолонский	53	68	Омолон, Большой и Малый Аной, Курья
»	Юкагирский	26	22	Алазея, Гребенщикова, Блудная, Вшивая
»	Третий Омолонский	26	14	Омолон, Большой и Малый Аной
Всего		429	429	

Кроме того, переписью был учтен Хатылинско(Ходыпско)-Чуванский род (97 мужчин, 78 женщин), кочевавший по Малому Аною, Россосей и Анадырю. Таким образом, в юкагирских родах значилось 1033 человека обоего пола. В это число вошли как юкагиры, сохранившие родной язык, так и эвеноязычные группы. К последним относились члены Омолыйского рода и, возможно, часть членов Алазейского рода. Среди верхнеколымских и нижнеколымских юкагиров были семьи, утерявшие родной язык. Для определения численности юкагиров мы исключаем Омолыйский род, который был в действительности эвенским (дамутским). В нем числилось 224 человека обоего пола. Таким образом, в 1830 г. юкагиров было около 800 человек.

Материалы переписи позволяют выяснить характер хозяйства юкагирских групп.

В Третьем Омолонском роде было 40 оленей, в Алазейском — 90, в Хатылинско-Чуванском — 200, в Юкагирском (Втором Омолонском) — 74 ⁴³. Ведущей отраслью хозяйства этих родов была охота.

Некоторые юкагирские роды имели только ездовых собак. Так, в Первом Омотском роде была 51 собака, в Третьем Омотском — 31, в Рыбниковском — 12. Главной отраслью хозяйства этих родов было рыболовство. Большую часть зимы они жили оседло на зимках и лишь осенью и весной выезжали на собаках на промысел диких оленей (поколки).

В некоторых родах, например в Ушканском, были хозяйства оленеводов и хозяйства, владевшие собаками. В целом юкагиры подразделялись на кочевников-олленеводов, близких по характеру хозяйства к эвенам, и полуседлых, близких по хозяйству к русским старожилам.

Сближение кочевых юкагиров с эвенами своеобразно сказалось на результатах так называемой Десятой народной ревизии (1859 г.). При проведении этой переписи к юкагирским родам в Верхоянском округе, помимо Омолыйского (149 мужчин и 89 женщин), названного Омолонским,

⁴² ЦГИА, ф. 468, оп. 1339, д. 9, лл. 228—229, 354—375.

⁴³ Там же, лл. 360—367.

были отнесены Первый и Второй Кункугурские, Буяксирский, Тюгясирский и Каменно-Юкагирский роды, т. е. все кочевое население низовий, а к «ламутским» родам — Тюгясирский, Жельтанский (Дельянский), Первый Кункугурский и Каменно-Ламутский, т. е. кочевники верховий Индигирки и Яны⁴⁴. Такое разделение одноименных родов на ламутские (эвенские) и юкагирские, нам кажется, объясняется тем, что кочевавшие в низовьях Яны и Индигирки эвены ничем не отличались от так называемых юкагиров — членов Омолойского рода, тогда как кочевое население низовий по диалекту отличалось от населения верховий⁴⁵.

В Колымском округе Десятая народная перепись дала более достоверные данные о численности юкагиров⁴⁶.

Род	Мужчин	Женщин
Утканский (Ушканский)	58	54
Первый Омотский	51	41
Второй Омотский	23	31
Третий Омотский	34	38
Третий Омотский (отдельный) . . .	30	29
Омолонский	61	58
Алазейский	37	49
Юкагирский	22	23
Всего	316	323

Кроме того, эта перепись выявила чуванцев Хатыгинского рода (134 мужчины и 119 женщин). Чуванцы рассматривались как особая народность.

В списке 1859 г. уже нет Нартинного (Нартицына) и Рыбникова родов. Первый, согласно прошению, слился с Упканским, чем и объясняется значительный рост численности этого рода по сравнению с переписью 1830 г. Рыбников род влился в Первый Омолонский. Численность колымской группы юкагиров без чуванцев за 29 лет не изменилась.

Резко увеличилась численность Ходинского (Чуванского) рода. В 1830 г. он состоял из 94 мужчин и 78 женщин, в 1859 г. — из 134 мужчин и 119 женщин. Такая большая разница, по-видимому, объясняется недоучетом чуванцев в 1830 г.

Всего юкагиров и чуванцев в 1859 г. было 444 мужчины и 442 женщины, т. е. 886 человек. За 29 лет эта группа увеличилась на 86 человек, однако рост произошел не за счет естественного прироста, а за счет более точного учета чуванцев.

Таким образом, на протяжении первой половины XIX в., перенеся величайшие бедствия, юкагиры проявили удивительную стойкость и жизнеспособность. Все же в связи с миграциями, подселением к соседям в самом этносе, культуре и языке юкагиров произошли важные изменения. Так, долгое проживание чуванцев под защитой русских и совместный промысел привели к тому, что чуванский диалект юкагирского языка стал

⁴⁴ «Памятная книжка Якутской области за 1863 год» (далее — «Памятная книжка... за 1863 год»), СПб., 1864, стр. 70.

⁴⁵ Так, В. И. Иохельсон вслед за переписчиками Десятой ревизии причислял тундровых ламутов к юкагирам. При этом он сделал ряд оговорок. «Они совсем ассимилированы тунгусами», — писал В. И. Иохельсон об оленных «юкагирах» Верхоянского округа, — и поэтому трудно сказать, каково же их действительное происхождение — тунгусское или юкагирское» (W. Yochelson. The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus. — «Memoir of the American Museum of natural history», part I, N. J., 1924, p. 52). Приведенные выше материалы о вымирании янских юкагиров и наплыве в низовья Яны и Индигирки эвенов (ламутов) не позволяют нам согласиться с причислением тундровых эвенов к юкагирам.

⁴⁶ «Памятная книжка... за 1863 г.», стр. 72.

исчезать. В 1860-х годах чуванский язык помнили лишь некоторые семьи обрусевших анадырских юкагиров⁴⁷.

Совершенно утратили родной язык 60 чуванцев, живших по Омолону⁴⁸. По-видимому, переход на русский язык совершился в период переселения чуванцев и ходынцев с Колымы на Анадырь.

Сложный процесс сближения различных этнических элементов в ходе этого переселения хорошо показал в своей автобиографии марковский краевед-самоучка Афанасий Дьяков, «по званию чуванец, а по происхождению коряк». Пра-прадед его принадлежал к корякам Пенжинской губы. Его взяли в аманаты в Гижигу. Там он крестился, и после окончания аманатского срока не вернулся к родичам. Он переехал на Анадырь, женился на чуванке и, очевидно, вошел в Чуванский род. Сын этого коряка (Афанасий) перешел с Анадыря на Колыму и женился на якутке. У среднего сына (Ивана) от этого брака была большая семья. Старший из потомства Ивана — Ермил, отец краеведа Дьячкова, был женат на юкагирке из Омотского рода. В 1810-х годах он с семейством перекочевал на Анадырь в местность Оселкино. Сам Афанасий Дьячков владел лишь русским языком⁴⁹.

По данным Дьячкова, чуванцы, юкагиры и ламуты перебрались на Анадырь в 1840 годах⁵⁰. Однако только в 1872 г. Приморское областное правление причислило из Колымского округа в Гижигинский чуванцев Хатынского рода (ходынцев) 102 души, юкагиров Омотского рода 26 душ, Омолонского рода 8 душ, ламутов (эвенов) 22 души, всего 158 душ с семьями. Им было предписано платить прежний оклад ясака в Гижигинский округ.

В 1873 г. было произведено пересоставление посемейных списков. Лиц в возрасте от 18 до 50 лет оказалось среди чуванцев — 54 человека, среди юкагиров — 13 человек, среди ламутов — 6 человек. Переселенцы избрали своим местожительством поселки Марково и Пенжино⁵¹.

По-видимому, в середине XIX в. исчез юкагирский язык в тундре между Индигиркой и Яной, а также между Яной и Леной. Среди слившихся с якутами тундровых эвенов и юкагиров между Яной и Индигиркой сохраняются воспоминания о том, что в прошлом местные юкагиры имели какой-то свой язык, непонятный эвенкам. И теперь в Усть-Янском и Аллайховском районах один из диалектов эвенского языка население называет юкагирским. Однако различия между этим диалектом и местным эвенским говором сводятся к второстепенным деталям.

В Аллайховском и Усть-Янском районах сохранилась значительная группа лиц, которым традиция приписывает юкагирское происхождение. Распросы их показали, что уже в XIX в. это была эвеноязычная группа. Усть-янская «юкагирка» А. К. Колемова рассказала, что ее дед по отцу был юкагир Лебедев, а бабка по отцу происходила от булунокских эвенов. Дед уже не знал юкагирского языка, говорил только по-якутски. Отец считался эвеном, так как занимался оленеводством. Говорил он по-якутски и только «слышал» по-эвенски. Дед по матери знал юкагирский язык (местный эвенский диалект), говорил он также по-якутски и по-эвенски (кушкугурский диалект). Мать знала только якутский язык⁵². Таким

⁴⁷ В. И. Похельсон. Одульский (юкагирский) язык. — «Язык и письменность народов Севера», ч. III, М. — Л., 1934, стр. 150.

⁴⁸ Г. Майдель. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868—1870 годах, т. I. СПб., 1894, стр. 62.

⁴⁹ В. С. Стариков. К биографии Афанасия Ермиловича Дьячкова — первого марковского краеведа-самородка. — «Записки Чукотского краеведческого музея», вып. II. Магадан, 1961, стр. 99—100.

⁵⁰ Дьяков. Анадырский край. — «Записки Общества изучения Амурского края», т. II, Владивосток, 1893, стр. 67.

⁵¹ ЦГАДВ, ф. 1, оп. 5, д. 52, лл. 120—121.

⁵² Материалы Ленско-Янской экспедиции ЯФ АН СССР, 1953/54 г.

образом, не менее четырех поколений усть-янских «юкагиров» уже не говорят на юкагирском языке. Следовательно, он здесь вышел из употребления 120—150 лет назад. Омолойские и янские юкагиры, слившиеся с эвенками, перешли первоначально на эвенский язык. Но в середине XIX в. они стали переходить на якутский. Это явление отметил В. И. Иохельсон, указав, что «к западу от Яны замечается вторичная ассимиляция юкаги-ров с чужим племенем»⁵³.

В бассейне Колымы во второй половине XIX в. нижнеколымские реч-ные юкагиры совершенно забыли родной язык.

К. Нейман, участник Чукотской экспедиции Г. Майделя, встретил 12 семей обруселых юкагиров в деревне Каретово на Колыме⁵⁴. По дан-ным Г. Майделя, обруселые юкагиры занимали низовья Большого и Ма-лого Анюев и ничем не отличались от нижнеколымских мещан и крестья-ян⁵⁵. Это же подтвердил в 1866 г. и колымский окружной исправник, от-метивший в своем путевом дневнике: «В настоящее время ни в образе жизни, ни в одежде, ни в самих разговорах нельзя никак их (юкаги-ров.— И. Г.) отличить от русских, живущих в Нижне-Колымске»⁵⁶.

Внутреннее развитие одних юкагирских групп, ассимиляция русскими старожилами других и известная стабилизация численности юкаги-ров, наметившаяся во второй половине XIX в., были нарушены эпидемиями оспы и кори. Эпидемия оспы захватила низовья Колымы в 1884 г. и при-несла большой урон как кочевым, так и оседлым юкагирам⁵⁷. Населения Анадыря она не затронула. О размерах бедствия можно судить по сле-дующим данным. В 1885 г. в Первом Омокомском роде было 17 мужчин и 18 женщин, всего 14 хозяйств (Микулины, Борисовы, Корякины), в Омо-лонском роде — 31 мужчина и 23 женщины — 16 хозяйств (Востряковы, Пеньковы)⁵⁸, тогда как в 1859 г. в первом из этих родов были 51 мужчи-на и 41 женщина, во втором — 61 мужчина и 58 женщин. В Первом Омокомском роде осталось всего 11 трудоспособных мужчин, в Омоло-нском — 16. В обоих родах преобладали женщины, дети и старики. Из 14 семей Первого Омокомского рода было 3 семьи без кормильца, столько же их было и в Омолономском роде.

Сильная эпидемия оспы разразилась в Колымском округе зимой 1889 г.⁵⁹ Из Средне-Колымска оспа перекинулась в якутские наследи и юкагирские роды. Кое-где местные власти пытались объявить карантин. Однако значение этого мероприятия было непонятно населению. Каран-тин нарушался. Это отразилось в юкагирском предании о гибели значи-тельной части Второго Алазейского рода. Юкагиры этого рода, испытывая нужду в табаке, подкочевали к русскому селению на Алазее. Здесь уже была оспа, и жители селения русские прокричали им об этом, советуя скорее уехать. Однако юкагиры просили передать им табак на лезвие копыя, думая, что так они уберегут себя от болезни. Предосторожность не

⁵³ В. И. Иохельсон. Предварительный отчет об исследованиях Колымского и Верхоянского округов.— «Известия Восточно-Сибирского отдела РГО», Иркутск, 1898, т. XXIX, № 3, стр. 8.

⁵⁴ К. Нейман. Исторический обзор действий Чукотской экспедиции.— «Изве-стия Сибирского отдела РГО», т. II, № 3, Иркутск, 1871, стр. 8.

⁵⁵ Г. Майдель. Путешествие по северо-восточной части Якутской области..., т. 1, стр. 450.

⁵⁶ «Памятная книжка... за 1867 год» («Путевой журнал Колымского окружного исправника»), стр. 67.

⁵⁷ В. Г. Богораз. Чукчи, ч. I, Л., 1934, стр. 23; А. В. Олсуфьев. Общий очерк Анадырской округи и ее экономического состояния и быта населения.— «Записки При-амурского отдела РГО», т. II, вып. 1, Хабаровск, 1896, стр. 144.

⁵⁸ ЦГА ЯАССР, ф. 11, д. 649, лл. 22—23.

⁵⁹ Оспа была завезена в Средне-Колымск каким-то дяконом (Государственный архив Иркутской области, ф. 25, оп. 9, д. 29, л. 133, «Записка о Колымском крае Давида Гофмана», 1893 г.).

помогла, и Второй Алазейский род (Эрбеткэн) почти вымер от оспы⁶⁰. По неполным данным медицинской службы Якутской области, в Колымском округе в 1889 г. население уменьшилось на 262 человека⁶¹. В 1895 г. юкагиры нижне-колымской части округа доносили, что их числится 135 ревизских душ, а наличных работников лишь 19, тогда как в 1854 г. работников было 69⁶².

Перепись 1897 г. засвидетельствовала резкое сокращение численности юкагиров. Следующая таблица показывает численность юкагиров Колымского и Анадырского округов (без чуванцев)⁶³.

Округ	Род	Мужчин	Женщин	Всего
Колымский	Первый Алазейский . . .	18	15	33
»	Второй Алазейский . . .	6	8	14
»	Первый Омогонский . . .	10	6	16
»	Второй Омогонский . . .	26	22	48
»	Первый Омотский	18	12	30
»	Второй Омотский	1	6	7
»	Третий Омотский	14	12	26
»	Ушканский	37	42	79
»	Не показан род	2	6	8
анадырский	Оседлые юкагиры	38	43	81
»	Кочевые юкагиры	4	5	9
Всего		174	177	351

Если в 1859 г. общая численность юкагиров была 639 человек, то в 1897 г. — 351 человек. Произошло сокращение на 45%. Первый Алазейский род сократился на 61%, Юкагирский (в переписи 1897 г. он назван Вторым Алазейским)⁶⁴ на 68%, Ушканский — на 30%.

Определить действительное сокращение Омотских и Омогонских родов крайне трудно, так как часть членов этих родов в 1870—1880-х годах откочевала на Анадырь. При производстве переписи 1897 г. на Анадыре их родовая принадлежность не была выявлена.

Сократилась в пределах Якутии численность русскоязычных юкагиров — чуванцев Ходынского рода. В Колымском округе переписью 1897 г. было выявлено 13 мужчин и 18 женщин — членов этого рода.

Большинство чуванцев — 262 человека (136 мужчин и 126 женщин) жило на Анадыре в районе поселка Марково. Формально численность чуванцев за 40 лет увеличилась, так как переписью 1897 г. были учтены кочевые чуванцы-оленьеводы, сблизившиеся с чукчами и коряками (79 мужчин, 65 женщин — 22 хозяйства) в Анадырском округе и в Гижигинском округе (7 мужчин, 8 женщин), всего 159 человек. Эти чуванцы (этэлы) пользовались языком, близким к диалекту оленных коряков и оленных

⁶⁰ В. И. Иохельсон. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе, ч. 1, СПб., 1900, стр. 212—215.

⁶¹ И. Петухов. Медико-исторический обзор Колымского округа. — «Памятная книжка... за 1891 год».

⁶² С. А. Бутурлин. Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 г. Колымского и Охотского края. СПб., 1907, стр. 33.

⁶³ С. К. Патканов. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, т. III. — «Записки РГО по отделению статистики», СПб., 1912, т. XI, вып. 3, стр. 798—799, 890.

⁶⁴ Вторым Алазейским род, как выяснил В. И. Иохельсон, именовался также Каменно-Юкагирским (W. Yochelson. Указ. соч., стр. 48—50). Члены этого рода, кочевавшие по западному берегу Алазеи, называли себя Эрбеткэн-омок, т. е. Гусиный род, или Дутки-омок, т. е. Храбрый род. (В. И. Иохельсон. Бродячие роды тундры между реками Индигиркой и Колымой, их этнический состав, наречие, быт, брачные и иные обычаи и взаимодействие различных племенных элементов. — «Живая старина», СПб., 1910, вып. I—II, стр. 155).

чукчей и по образу жизни и культуре не отличались от них. Правильнее показывать их не с юкагирами, а с северо-восточными палеоазиатами.

Таким образом, общая численность юкагиров (без групп, слившихся с чукчами, коряками и эвенками) в 1897 г. была 544 человека⁶⁵. Вся эта группа уменьшилась по сравнению с 1859 г. на 338 человек (38%).

По данным обследования, произведенного В. И. Иохельсоном в 1894—1897 гг., юкагиры представляли собой ряд групп, вкрапленных в массивы якутского, эвенского и русского населения. Так, в районе кочевок Ушканского рода в верховьях Колымы по левому берегу Ясачной от ее устья до впадения в нее Нелемной, в устьях верхних притоков Колымы, Балыгычана, Сеимчана и Буюнды, жили семьи якутов Четвертого Мятажского наслега Колымского округа и выходцы из Баягантайского улуса Якутского округа⁶⁶. Здесь кочевали ламуты Второго Дельянского рода⁶⁷. Юкагиры Первого и Второго Алазейских родов кочевали в тундре между Колымой и Алазеей совместно с эвенками из Кункугурского рода, эвенками (тунгусами) Бетильского рода и чукчами. На территории нижне-колымского русского мещанского общества жили члены Омотских и Первого Омолонского родов. Вместе с эвенками Дельянских и Уяганских родов осваивали верховья Омолона, обоих Анюев и Олая юкагиры Второго Омолонского рода.

Данные о численности, языке и расселению юкагиров по переписи 1897 г. суммированы в таблице на стр. 146.

Таблица позволяет сделать весьма существенные выводы. Из 544 прямых потомков юкагиров, только 2 кочевые группы — верхнеколымская (79 человек) и тундровая (45 человек) — сохранили родной язык, 78% юкагиров пользовались языком своих соседей — русским, эвенским. Из 5 локальных групп юкагиров 2 самые многочисленные — нижне-колымская (103 человека) и анадырская (243 человека) были русскоязычными. Большинство членов Второго Омолонского рода перешло на эвенский язык. Перепись не учитывала знания второго языка. Однако многие юкагиры вследствие смешанных браков и частых совместных кочевок с соседями были двуязычны и даже многоязычны. Наблюдения В. И. Иохельсона среди верхнеколымских и нижнеколымских юкагиров показали, что они владели помимо родного языка якутским.

Якутский язык проник к верхнеколымским юкагирам во второй половине XIX в. «В конце прошлого и в начале нынешнего столетия, когда в Верхне-Колымском крае была казачья команда и мещанское общество, верхнеколымские юкагиры наполовину уже были обрусели. Большинство из них говорило по-русски, они заимствовали от русских балалайки, пляски, даже были среди них грамотные. Но в середине нынешнего столетия казачья команда была переведена в Средне-Колымск. За казаками переехали и другие русские, и теперь юкагиры совсем разрусели»⁶⁸.

Среди тундровых юкагиров, по словам наших информаторов-стариков, в начале 1900-х годов якутский язык знали не все. Им хорошо владели лишь те, кто часто общался с якутами — князцы, старшины, лица, сопровождавшие купцов. По-русски объясняться могли очень немногие⁶⁹.

⁶⁵ С. К. Патканов. Статистические данные..., стр. 890, 899. При анализе материалов Десятой пародной переписи уже отмечалась неосновательность отнесения эвенского населения низовий Омолоя, Яны, Хромы и Индигирки к юкагирам.

⁶⁶ В. И. Иохельсон. По рекам Ясачной и Коркодону. — «Известия РГО», т. XXXIV, вып. 3, СПб., 1898, стр. 269, 279; его же. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, стр. XI; И. Д. Черский. Сведения об экспедиции Академии наук для исследования рек Колымы, Индигирки и Яны. — Приложения к т. LXXII «Записок Академии наук», № 8, СПб., 1893, стр. 41—42.

⁶⁷ С. К. Патканов. Статистические данные..., стр. 800.

⁶⁸ В. И. Иохельсон. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, стр. 16.

⁶⁹ Сообщение юкагира Т. Т. Трифонова (90 лет). Запись 1951 г. (архив автора).

Административная группа юкагиров (род)	Численность	Язык	Район расселения	Другие этнические группы, осваивавшие данный район	Численность юкагиров, в % к прочему населению ¹
Ушканский	79	Верхнеколымский диалект юкагирского	Верховья Колымы (Нелемная, Ясачная, Коркодон, верховья Омолона, Березовка)	Якуты (Четвертый Мятюжский род), эвены (Второй Дельянский род)	30
Первый и Второй Алазейский	47	Тундровый диалект юкагирского	Большая Западная тундра (Чукотья, правые притоки Колымы), Алазея, Россоха	Эвены (Кункугурский род) Тунгусы (Бетильский род) Чукчи	7
Первый Омолонский	16	Русский (15), эвенский (1)	Низовья Колымы	Русские, якуты	15
Первый Омотский	30	Русский	Нижне-Колымск, Коретово		
Второй Омотский	7	»	Черноусово, Походск		
Третий Омотский	26	»	Каменное, Сухарев остров, Кабачково, Мальчиново и др.		
Оседлые чуванцы Ходынского рода	18	»	Низовья Колымы		
Оседлые юкагиры (не указан род)	6	»	Нижне-Колымск, Синицино		
Второй Омолонский род	48	Эвенский (41), тундровый диалект юкагирского	Омолон, Березовка Олой	Эвены, чукчи	6
Чуванцы Ходынского рода	13	Эвенский	Восточная тундра (верховья Сухого Анюя)		
Кочевые юкагиры (не указан род)	2	Тундровый диалект юкагирского	Лабучен		
Чуванское общество	162	Русский	Анадырь	Русские	47
Юкагирское общество	81	»		Эвены	

¹ Процентное соотношение юкагиров и прочего населения вычислено на основе переписи по численности селений, кочевий и зимовий с указанием национальной принадлежности. Например, для исчисления соотношения тундровых юкагиров Первого и Второго Алазейских родов к прочему населению взята общая численность населения Большой Западной тундры (373 чукчи, 24 ламута, 165 «ламуто-юкагиров Бетильского рода», 2 чукчи, кочевавшие в бассейне Алазеи, ламуты местностей Эбех, Тогус, Талахта и др. — 58 человек, юкагиры — 48 человек). Численность юкагиров Восточной тундры показана только по населению бассейна Омолона и обоих Анюев. Разумеется приведенные в этой графе данные весьма приблизительны.

Как можно видеть из материалов о расселении юкагиров, большая часть их жила среди инородного населения. Во многих стойбищах в момент переписи юкагиры жили совместно с эвенками, эвенками (тунгусами), чукчами и якутами. Так, на Россохе были зарегистрированы 10 мужчин и 16 женщин юкагиров Ушканского рода и 7 мужчин и 6 женщин

эвенов (ламуты) ⁷⁰. Смешанные юкагирско-эвенские стойбища были на Нелемной, Коркодопе ⁷¹.

В урочище Копжебай совместно проживали юкагиры Первого Алазейского рода и тунгусы Бетильского рода ⁷². В некоторых чукотских и эвенских стойбищах были зарегистрированы одиночки-юкагиры, очевидно, попавшие в эти стойбища как жены.

Следует отметить, что тундровые юкагиры Первого и Второго Алазейских родов входили совместно с членами Бетильского тунгусского (Хангайского) рода и Второго Каменно-Ламутского рода в один наслег. По имени самого крупного из этих родов этот наслег, или тундровый улус, именовался Хангайским.

Даже в самоназваниях тундровых родов отмечались юкагирские и эвенские термины. Если члены Первого Алазейского рода называли себя юкагирским термином «алаи», то члены Второго Алазейского рода именовали себя эвенским словом «эбэткэн», т. е. Гусиный род, или юкагирским термином «дутки» (храбрый) ⁷³. Члены Второго Каменно-Ламутского рода называли себя юкагирским словом «ходойжил», или «хододил», членов Бетильского рода окружающее население называло «хангаи» (очевидно, от якутского слова «дикий»). Все население тундры — и юкагиры и эвены — называли себя юкагирским термином «одул».

Данные о распространении языков и расселении этнических групп в Колымском округе свидетельствуют о том, что юкагиры представляли собой группу, постепенно растворявшуюся среди своих соседей. Однако это только одна сторона вопроса. Кочевые юкагиры оказали, в свою очередь, сильное влияние на соседей. Как показала перепись 1897 г., часть верхнеколымских ламутов (56 человек) и тундровых тунгусов (157 человек) объявили своим родным языком юкагирский ⁷⁴.

По данным В. И. Иохельсона, собранным в 1894—1897 гг., юкагирским языком (верхнеколымский диалект) пользовались не только ушканцы, но и безоленная часть Второго Дельянского ламутского рода — всего 200 человек — и часть членов Второго Омолонского рода — 25 человек. Юкагирский язык знали также 2 человека из Первого Омолонского рода.

На тундровом юкагирском наречии говорило около 300 человек — члены Первого и Второго Алазейских родов, Бетильского тунгусского рода и Второго Каменно-Ламутского ⁷⁵.

Таким образом, численность юкагироязычного населения была выше, чем численность юкагиров, сохранивших родной язык. Наличие юкагироязычных эвенских и эвенкийских групп — свидетельство того, что в бассейне Колымы шло не только размывание юкагиров, но и постепенное сложение новой этнической общности на базе юкагирского языка. Этот весьма интересный процесс проявлялся не только в области языка, но и в самосознании тундровых тунгусов. Они, по свидетельству В. И. Иохельсона, именовали себя так же, как и юкагиры, термином «одул».

Для понимания хода этнического развития как юкагирских, так и облизившихся с ними групп, многое дает анализ их хозяйственной деятельности.

Верхнеколымские юкагиры в конце XIX — начале XX в. вели полукочевой образ жизни. Как показывают работы В. И. Иохельсона и С. А. Батурлина, зиму они проводили в селениях. С февраля — марта начиналась охота на лосей и диких оленей. В поисках зверя охотники с

⁷⁰ С. К. Патканов. Статистические данные..., стр. 800.

⁷¹ Там же, стр. 800, 802.

⁷² Там же, стр. 800, 801.

⁷³ В. И. Иохельсон. Бродячие роды тундры..., стр. 155.

⁷⁴ С. К. Патканов. Статистические данные..., стр. 810—811.

⁷⁵ В. И. Иохельсон. Предварительный отчет об исследовании инородцев Колымского и Верхоянского округов, стр. 27—28.

семьями откочевывали в верховья притоков Колымы. Диких оленей и лосей преследовали на лыжах по насту. Транспортным средством юкагирам служили ездовые собаки⁷⁶. В одном хозяйстве их было не более пяти-шести. Семьи, не имевшие собак или имевшие их слишком мало, для перекочевок объединялись. На нартах перевозили самое необходимое: покрывки к чуму, утварь, одежду, запасы продовольствия. Как правило, женщины впрягались в нарту и помогали собакам тащить ее. Мужчины во время перекочевок охотились. Обеспеченность юкагиров ездовыми собаками и результаты охотничьего промысла хорошо показывают материалы похозяйственной переписи, произведенной в верховьях Колымы в 1895/96 г. В. И. Иохельсоном. На реках Ясачной, Коркодоне и в устье Омолона было выявлено 17 хозяйств — 105 человек обоего пола, в том числе 26 промышленников. Эти 17 семей имели 114 собак, 30 ружей. Всем 17 хозяйствам были добыты 294 диких оленя, т. е. почти 3 оленя на душу населения, 198 зайцев или почти по 2 зайца на душу⁷⁷. Лось в эти годы в верховьях Колымы встречался редко.

Большую роль в хозяйственной деятельности юкагиров занимала осенняя охота на пушного зверя. За год юкагиры добыли 109 красных лисиц, 8 лисиц-сиводушек, 100 горностаев, 149 белок⁷⁸. Пушнину сбывали скупщикам за чай, табак, порох, дробь, конский волос, дешевые ткани. Средства, вырученные от продажи пушнины, шли также на уплату ясака.

После весенней охоты, вслед за льдом юкагиры спускались на плотах к своим рыбалкам. Рыболовство имело для верхнеколымских юкагиров такое же важное значение, как и охота. Основным сезоном добычи рыбы считалась осень. В период наибольшего скопления омуля и чельмы юкагиры окружали косяк неводом без мотни и вытягивали рыбу на берег. Этот способ добычи назывался черпаньем. За несколько притонений в случае хорошего хода юкагирам удавалось обеспечить себя и своих собак рыбой. Выловленную рыбу вялили, изготавливали из нее юколу, часть рыбы сваливали в ямы, где она квасилась. Эта рыба шла на корм собакам. Перед ледоставом на Ясачной и Россохе юкагиры устанавливали заездки с мордами или мережами. После замерзания рек юкагиры добывали рыбу подо льдом.

В XIX в. верхнеколымские юкагиры уже не могли существовать только за счет промыслового хозяйства. Все чаще давали себя знать недоходы рыбы, уменьшилось количество лосей. Потребность в привозных товарах вынуждала юкагиров заниматься ремеслами. Они изготавливали на продажу карбазы — яйцевидные пребные лодки, челноки и сбывали их в Верхне-Колымске и Средне-Колымске. Техника этого промысла была заимствована ими от русских. Некоторые юкагиры занимались кузнечеством, но в их кузнечном мастерстве нет ничего своеобразного. Источником дохода служила пошивка меховой одежды. Ее скупали купцы. Юкагиры владели пищенским существованием. Описанная В. И. Иохельсоном наиболее зажиточная юкагирская семья Василия Шалугина не знала русских рубах, по полгода не пила чаю, а весной жила впроголодь или голодала⁷⁹.

Такой облик хозяйство верхнеколымских юкагиров приобрело в XVIII—XIX вв. При этом юкагиры многое заимствовали у своих соседей.

⁷⁶ В. И. Иохельсон. По рекам Ясачной и Коркодону, стр. 269.

⁷⁷ В. И. Иохельсон. Очерк зверопромышленности и торговли мехами в Колымском крае. — «Труды Якутской экспедиции», отд. III, т. X, ч. 3, СПб., 1898, стр. 120—121.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Тяжелые весенние голодовки имели место в бассейне Колымы и на протяжении всей второй половины XIX в. Верхне-колымские юкагиры в особенно трудные периоды обращались за помощью к якутам Четвертого Мятюжского и Первого Байдунского наслегов, к кочевым эвенкам (В. И. Иохельсон. По рекам Ясачной и Коркодону, стр. 269, 274, 283—284).

От русских промышленников — охотников за соболями — юкагиры, по-видимому, восприняли технику изготовления лодок. Без железных орудий — топора, скобеля, тесла, сверла — производство карбазов, стругов, челноков невозможно. По рассказам наших информаторов-юкагиров, их предки не знали карбазов, употребляли берестяные лодки. От русских, возможно, была заимствована и техника изготовления плотов. Именно в верховьях Колымы в XVIII в. строились плоты для сплава в низовья продовольствия и товаров.

Зимой юкагиры обычно жили в русского типа избушках с чувалом (камельком). Некоторые семьи пользовались якутскими юртами. Во время зимних перекочевок юкагиры жили в чумах эвенского типа — конических и коническо-цилиндрических, крытых ровдугой. Летний сезон юкагиры проводили в корьевых чумах.

Традиционная одежда юкагиров полностью совпадала с национальным костюмом эвенов.

Самобытные юкагирские элементы сохранились в XIX в. лишь в духовной культуре. В. И. Иохельсон записал у юкагиров своеобразный фольклор, религиозные представления и семейно-брачные обычаи, уходящие корнями в глубокую древность.

В отличие от верхнеколымских, тундровые юкагиры постоянно вели кочевой образ жизни. Важную роль в их хозяйстве играла охота на диких оленей, причем главным сезоном промысла была осень. Оленей добывали путем покоев на озерах⁸⁰. Большинство охотников имело специально обученных домашних оленей-манщиков. Главной пищей тундровых юкагиров все же была рыба, а не мясо⁸¹. Летом и осенью в озерах и мелких речушках ставили сети из конского волоса. Часть членов семей оленеводов на сезон рыболовства оседала около озер. В связи с этим родственные семьи на лето объединяли оленей. Пушная охота сводилась к добыче песцов, лисиц и горностаев.

Домашние олени использовались тундровыми юкагирами главным образом для перекочевков. По переписи, произведенной В. И. Иохельсоном, на 66 чумов (Первый и Второй Алазейские роды, Бетильский и Второй Каменно-Ламутский) только одно хозяйство имело 100 оленей, два по 50, а среднее хозяйство — от 10 до 20⁸². Были и совсем малооленные семьи, владевшие двумя-тремя оленями и кочевавшие совместно с соседями или родственниками. Зимовали юкагиры в лесной местности на границе тайги и лесотундры. Однако с середины XIX в. некоторые юкагирские семьи стали круглогодично жить в тундре, обслуживая стада богатых чукчей.

Материальная культура тундровых юкагиров, так же как и верхнеколымских, представляла собой в конце XIX в. пеструю смесь элементов различного происхождения, преимущественно эвенских и чукотских. Тундровые юкагиры носили эвенскую национальную одежду. Мужчины — нередко чукотскую глухую одежду. Летом они использовали эвенские выючно-верховые способы передвижения, применяли эвенские седла, покрывки для выюков. Зимой ездили на нартах чукотского типа. От якутов юкагиры заимствовали волосяные сети. Таким образом, культура обеих групп юкагиров испытала на себе сильнейшее воздействие соседей.

К концу XIX в. примитивное хозяйство юкагиров оказалось в глубоком кризисе. Оскудение фауны и ростовщическая деятельность купцов подрывали основу их существования. Величайшие опустошения среди юкагиров произвели эпидемия оспы 1899 г. и сильнейшая эпидемия кори. Только в селе Марково среди полурусского-полуюкагирского населения

⁸⁰ Материалы Юкагирской экспедиции 1959 г. Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР и Института этнографии АН СССР (архив Института этнографии АН СССР).

⁸¹ В. И. Иохельсон. Бродячие роды тундры..., стр. 162—163.

⁸² Там же.

погибло от кори 25% жителей⁸³. Уменьшение численности населения повлекло за собой усиление налогового гнета, так как каждый юкагирский род должен был платить ясак за всех умерших, числившихся в ревизских сказках. По окладному листу, в Юкагирском роде значилось 22 ревизских души, в том числе 13 работников. В действительности в этом роде в 1906 г. были 1 работоспособный мужчина и 2 старика⁸⁴.

В начале XX в. юкагиры вновь испытали тяжелые голодовки. В 1903 г. сильный голод постиг верхнеколымских юкагиров. Голодающим была выдана казенная ссуда. В погашение ее в 1904 г. колымский земский заседатель конфисковал у юкагиров изготовленные ими на продажу лодки и продал их с аукциона⁸⁵. В связи с этим юкагиры не могли приобрести орудия лова рыбы, порох и одежду. В 1904 г. верхнеколымские юкагиры и пешие ламуты голодали из-за неулова рыбы. При этом две семьи — 9 человек — погибли от голода⁸⁶.

В 1905 г. угроза голода нависла над всем Колымским краем, так как война с Японией затруднила доставку казенных припасов. Для выяснения положения в Колымский край был командирован специальный уполномоченный С. А. Бутурлин. В своем отчете, опубликованном в 1907 г., он дал весьма яркую картину бедствий юкагиров. Указав, что местное население Колымы вымирает, С. А. Бутурлин объяснил это столкновением с цивилизацией, «но цивилизацией исключительно в форме спирта, сифилиса и торгового обмана и с государственной организацией, но исключительно в форме требований ясака»⁸⁷. Бутурлин гневно отверг версию о том, что юкагиры обречены на вымирание, справедливо заметив, что «в пустынных хребтах и тундрах севера кочевое хозяйство и быт не являются анахронизмом»⁸⁸. Организация пароходных рейсов на Колыму из Владивостока (1911 г.) вызвала понижение цен на товары, но не сказалась на положении юкагиров, приобретавших необходимое у разъездных скупщиков в долг. Характерно, что несмотря на значительный завоз продовольствия морским путем с 1911 по 1916 г., юкагиры в эти годы испытали несколько тяжелых голодовок⁸⁹.

Таким образом, вследствие целого ряда неблагоприятных обстоятельств — голодовок, обнищания, эпидемий, жестокой эксплуатации — на протяжении XIX в. разрозненные группы юкагиров несмотря на мужественную борьбу за существование резко уменьшились в численности, в значительной степени утратили свою самобытную культуру и язык и частично слились с соседями. Большинство так называемых юкагирских родов представляло собой конгломерат, состоявший из потомков юкагиров, эвенов, эвенков и русских. Прямых потомков юкагиров, сохранивших родной язык, самосознание и некоторые черты культуры, осталось всего около 150 человек. В начале XX в. юкагиры, сохранившие свой язык, обруселые группы и юкагиры, облизившиеся с эвенами, находились на грани вымирания. Их судьбу, как и судьбы всех народов Севера, изменила Великая Октябрьская социалистическая революция.

ЭВЕНЦЫ

В начале XIX в. экономическое положение восточной ветви тунгусо-эвенов значительно ухудшилось в связи с ростом налогов и сборов. Благосостояние некоторых групп эвенов, главным образом, обитавших в пре-

⁸³ В. Г. Богораз. Чукчи, ч. I, стр. 23.

⁸⁴ С. А. Бутурлин. Указ. соч., стр. 33.

⁸⁵ Там же, стр. 24.

⁸⁶ Там же, стр. 82.

⁸⁷ Там же, стр. 143.

⁸⁸ Там же, стр. 142.

⁸⁹ И. Ф. Молодых. Пути связи и снабжения Колымско-Индигирского края. Иркутск, 1931, стр. 76.

делах Якутии, подорвало резкое изменение путей миграций диких оленей. В поисках новых охотничьих угодий эвены стали появляться не только в районах кочевий юкагиров, но и в районах, осваивавшихся коряками и чукчами. ↓

В начале XIX в. крупная группа охотских эвенов уже кочевала в пределах Гижигинского округа. Здесь они именовались оленными тунгусами. Летом эти эвены выходили на реку Гармаду и рыбачили. В 1810 г. в июле большое стойбище членов Уяганского и Долганского родов было обнаружено близ Наяхана гижигинским комиссаром Ламакиным⁹⁰. Постоянными плательщиками ясака в Гижигу по Седьмой ревизии были Уяганский род князя Василия Кирилова (173 мужские души), Уяганский род князя Федора Бабцева (61 душа) и Долганский Семена Арефьева (97 душ)⁹¹. Таким образом, в Гижигинском округе постоянно проживало около 650 эвенов. Кроме них, сюда заходили колымские эвены. Так, в 1819 г. в Гижигу внесли ясак 10 душ Дельянского рода старшины Василия Гарулина⁹². В Гижигинском округе нередко появлялись эвены, приписанные к Охотску, Ямску, Тайгуску⁹³. Они прикочевывали небольшими группами, семьями и одиночками. В основном это были охотники, заходившие в поисках добычи в этот богатый промысловый район.

Значительные перемещения происходили в начале XIX в. и в группе эвенов Якутской области. В конце XVIII в. большая их часть числилась в Колымском комиссарстве. В 1808 г. состоялось перечисление семи ламутских (эвенских) родов — Буяксирского, Омолойского, Каменного, Жальжанского (Дельянского), Тюясирского и Ламутского — из Колымского в Верхоянский округ, где эти эвены постоянно кочевали. ↓

Численность людей в ламутских родах Верхоянского комиссарства можно определить по рапортам князцов и старшин за 1812 г.⁹⁴ В Жальжанском (Дельянском) ламутском роде старосты Гатилова числилось 72 мужчины и 77 женщин; Кункугурском роде старосты Лебедева — 165 мужчин и 171 женщина; в Тюясирском ламутско-тунгусском Усть-Янской части старосты Черепова — 64 мужчины и 71 женщина; в Тюясирском Усть-Янской части старосты Хабарова — 25 мужчин, 26 женщин; в Буяксирском ламутском роде старосты Суздалева 37 мужчин и 40 женщин, в Тюясирском ламутском роде старосты Старостина (Жагантина)⁹⁵ — 83 мужчины и 79 женщин. Близкие данные были получены и ревизией 1816 г. Для нас интересно то, что в этих материалах некоторые роды фигурируют уже под другими наименованиями.

В Усть-Янской части комиссарства по ревизии 1816 г. кочевали следующие роды⁹⁶:

Род	Староста	Хозяйств	Мужчин	Женщин
Каменно-Ламутский	Черепов	14	64	58
Тюясирско-Ламутский	Старостин	19	68	80
Тюясирский	Суздалев	14	34	30
Каменно-Тюясирский	Хабаров	7	24	16
Всего		54	190	184

Тюясирский ламутско-тунгусский род Черепова превратился в Каменно-Ламутский, Буяксирский Суздалева в Тюясирский, Тюясирский Ха-

⁹⁰ ЦГАДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 71, лл. 40—41.

⁹¹ Там же, ф. 1084, оп. 4, д. 55, л. 1—3.

⁹² Там же, л. 38.

⁹³ Там же, лл. 39—40.

⁹⁴ ЦГА ЯАССР, ф. 8, д. 10, лл. 12—14; д. 47, лл. 26—39.

⁹⁵ В ревизских сказках Тюясирско-Ламутского рода Жеганиты Жемханова за 1811 г. отмечалось, что этот род кочевал по Омолою и Хараулаху (там же, д. 61, лл. 100—102).

⁹⁶ ЦГА ЯАССР, ф. 8, д. 104.

барова в Каменно-Тюгясирский. Собственные имена родов при производстве ревизии были заменены общими наименованиями — «Каменный», «Каменно-Ламутский» и т. д.

Экономическое положение верховянских и усть-янских эвенов очень различалось, что вызвало значительные передвижки. В 1814 г. тяжелая голодовка постигла Кункугурский род старосты Устина Лебедева и Дельянского старосты Романа Гатилова. Голодающим оказали помощь якуты Удюгейского наслега Эльгетского улуса⁹⁷. По сообщению эвенов, несколько человек в горах погибло от голода⁹⁸. В 1817 г. весной голодающие эвены из Кункугурского и Дельянского родов и некоторые семьи из Юкагирского рода Василия Варакина, кочевавшие с эвенами, вновь были распределены по якутским семьям Юсальского, Удюгейского, Байдунского, Байгантайского и Эгинского наслегов⁹⁹. Голодающим была оказана помощь и в виде хлебных ссуд. Все же вследствие голодовки погибло 10 человек¹⁰⁰. Голодовки продолжались вплоть до 1824 г. Ламуты (эвены), как сообщал в 1820 г. голова Эльгетского улуса Степан Черемкин, дошли до крайней бедности, лишились оленей, остались полунагими и кормились подле якутов, которые сами испытывали недостаток в припасах¹⁰¹. В 1820—1824 гг. эвенам выдавались ссуды мукой из Зашиверского и Ожегинского хлебозапасных магазинов¹⁰². В 1824 г. из «запасного капитала» для эвенов были приобретены олени. Эту сумму они обязаны были восстановить¹⁰³.

За годы голодовок, по исчислению якутских родоначальников, только якутами Эльгетского улуса было затрачено на оказание помощи эвенам более 2 тыс. руб.¹⁰⁴ Голодовки не вызвали изменений в хозяйственной деятельности эвенов. Длительное проживание среди якутов сблизило их с последними, но эвены не восприняли якутского хозяйства.

Вторая ясачная комиссия в своих отчетах указала, что вследствие «умаления звероловства» горные эвенские роды Тюгяспро-Ламунхинский и Мямлянский не только «пришли в крайнюю бедность», но и покинули родные места¹⁰⁵. Часть верховянских и индигирских эвенов перешла в тундровые районы. Здесь они продолжали заниматься охотой.

В 1820—1830-х годах несколько голодовок пережили колымские, омолодские и анюйские эвены. Бедствия, испытываемые эвенами, отражались в документах крайне редко — лишь в тех случаях, когда они достигали особой остроты. О чудовищных голодовках колымских эвенов можно судить по делу эвена Дельянского рода Николая Антонова, привлеченного к суду по обвинению в людоедстве. По поводу гибели своей семьи Антонов дал следующие показания: в 1818 г. во время кочевий по реке Хендыкой из-за голода «он должен был употребить в пищу для своей семьи всех ездовых оленей. Лишившись их, они не могли выбраться к населенным местам. От голода умерла дочь Антонова, его жена и мать. Оставив мертвых, он с сестрой едва вышел на Омолон на урочище Широкое»¹⁰⁶.

В эти годы колымские и омолодские эвены в поисках зверя стали пропикать в Гижигинский округ, заходить на Анадырь.

Материалы перенесли Второй ясачной комиссии по северо-восточным округам в 1827—1830 гг. приведены в таблице на стр. 153—154.

⁹⁷ ЦГА ЯАССР, ф. 51, оп. 1, д. 52, л. 4.

⁹⁸ Там же, д. 45, л. 3.

⁹⁹ Там же, д. 52, лл. 2—13.

¹⁰⁰ Там же, ф. 51, оп. 1, д. 52, л. 13.

¹⁰¹ Там же, д. 78, л. 1.

¹⁰² Там же, лл. 5, 21, 59, 65.

¹⁰³ Там же, д. 77, л. 1.

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ ЦГИА, ф. 469, оп. 1339, д. 8 (по шифровке 1965 г. — оп. 9, д. 1046), лл. 236, 281.

¹⁰⁶ ЦГА ЯАССР, ф. 11, д. 153, л. 2.

Род	Мужчин	Женщин	Район расселения
Якутский округ¹			
<i>Батурусский улус</i>			
Тюгясирско-Ламунхинский ²	142	117	Алдан, Дулгалах, Бы- тантай
<i>Баягантайский улус</i>			
Мямяльский	122	116	По рекам, впадающим в Алдан, Яну и Индигирку
Тунгусско-Годниканский ³	41	26	Оймякон
Всего	305	259	
Верхоянский округ			
<i>Усть-Янский улус</i>			
Ламутско-Буяксирский	31	17	Хрома и устье Инди- гирки
Тюгясирско-Ламутский	23	23	Хрома (верховья)
Тюгясирско-Ламутский	53	38	Кулахтах, по берегам моря между Яной и Ин- дигиркой
Кункугурский	69	73	Индигирка, Селенях
Всего	176	151	
<i>Верхоянский улус</i>			
Тюгясирский-Ламутский	69	68	Омолой, Бытантай
Кункугурский-Ламутский	118	102	Адыча, Индигирка
Всего	187	170	
<i>Эльгетский улус</i>			
Жальжанский (Дельянский)	55	44	Индигирка
Колымский округ			
Кункугурский	68	51	Устье Индигирки, Виш- вая, Хрома, Блудная, Алазея
Каменно-Ламутский (Постникова)	193	151	Устье Индигирки, Хро- ма, Гребенщикова, Ал- лайха
Первый Дельянский	68	56	Омолон, Большой и Ма- лый Аной, Ясачная, Не- лемная
Второй Дельянский	56	46	Там же
Уяганский	103	75	»
Каменно-Ламутский (Дьячкова)	91	62	»
Каменно-Ламутский (Стрюкова)	72	72	Индигирка, Алазея, Ал- лайха, Блудная, Вишвая
Всего	651	513	
Итого по Якутской области	1377	1137	

¹ ЦГИА, ф. 468, оп. 1339, д. 8, лл. 235—236, 242—243, 280—281; д. 9, лл. 200—289, 340—353.

² В примечаниях к ведомости указано: «Примыкает к Намскому и Дюпсинскому улусам, частично находится в Верхоянском и Вилюйском округах».

³ В примечаниях к ведомости указано: «Из Охотского ведомства».

Род	Мужчин	Женщин	Район расселения
Охотский округ ⁴			
Первый Уяганский	20	14	Гололюр
Второй Уяганский	76	55	Уяга
Третий Уяганский	35	32	Гололюр
Четвертый Уяганский	35	28	Улья
Пятый Уяганский отдельный	21	17	Гололюр
Шестой Эжавско-Уяганский	29	30	»
Седьмой Уяганский (Торигинский)	20	29	Торигин (платил в Тауй-ске)
Восьмой Уяганский	33	27	Уяга
Девятый Уяганский	26	23	Гололюр
Десятый Уяганский	69	67	»
Долганский	74	46	»
Первый Годниканский	87	77	Уяга
Второй Годниканский	30	29	»
Годниканский отдельный	80	71	»
Первый Горбиканский	78	75	Ярка
Второй Горбиканский	104	89	Кетанда
Третий Горбиканский	63	70	»
Четвертый Горбиканский	34	34	»
Первый Келарский	83	59	Улья
Второй Келарский	109	116	»
Всего	1106	988	.
<i>Тауйский острог</i>			
Первый Уяганский	127	138	Ола
Второй Уяганский	48	44	Тауй
Первый Долганский	64	78	Ола
Второй Долганский	44	36	Тауй
Третий Долганский	75	63	»
Обдорский пеший	27	28	Ола
Огмурский пеший	44	36	Армань
Всего	399	393	
<i>Ямский острог</i>			
Первый Долганский	41	38	Ямск
Второй Долганский	107	115	»
Всего	148	153	
Итого по Охотскому округу	1653	1534	
Гижигинский округ			
Первый Уяганский	197	175	Уйкаль
Второй Уяганский	56	46	Большая Гарманда
Первый Долганский	127	153	Гижига
Второй Долганский	61	52	Моксунда
Всего	441	426	
Итого по Охотскому и Гижигинско-му округам	2094	1960	

⁴ ЦГИА, ф. 468, оп. 9, л. 1055, лл. 30—31; л. 1048, лл. 40—117. Эти же данные повторены в «Ведомости о числе душ в Охотском округе» (ЦГАДВ, ф. 1060, оп. 2, л. 4, лл. 230—235)

Таким образом, в пределах Охотской области было около 4000 эвенов, в пределах Якутской области — около 2500. Вся группа эвенов насчитывала около 6500 человек обоего пола. По сравнению с данными переписи 1763 г. численность этой группы возросла на 2200 человек или на 50%. Значительный численный рост сопровождался дальнейшим расселением и дроблением административных родов. В 1828 г. «тунгус Иван Громов в 30 душах» просил отчислить их от Первого Горбиканского рода и причислить ко Второму Горбиканскому. В 1830 г. «Алексей Борисов в 8 душах» ходатайствовал о перечислении их из Гижигинского ведомства из Уяганского рода старосты Бабцева в Охотское ведомство в Долганский род старосты Трофимова, Кирилл Шахурдин с родовичами из Уяганского рода просил отчислить его в особый Дельянский род (по-видимому, в Колымский округ). В группу Шахурдина входило 55 душ, в том числе 36 ревизских¹⁰⁷.

О причинах перечислений можно судить по ряду прошений. Князец Келарского рода И. Громов в своем ходатайстве о соединении его рода с Уяганским указал, что из-за бедности он со своими родовичами (24 ревизских души) не может самостоятельно кочевать и поэтому присоединился к Уяганскому старосте Родиону Громову, который снабдил их ездовыми оленями и дал оленей для почтовой гоньбы¹⁰⁸. Причиной слияния родов нередко была их малочисленность. В Уяганском роде старосты Василия Осенина значилось всего 11 ясачных плательщиков. После смерти старосты в 1829 г. они были причислены к Годниканскому роду старосты Ивана Кычкина¹⁰⁹. Основанием для слияния двух Уяганских родов — старосты Тетерина (30 душ) и старосты Никонова (15 душ) — было то, что в последнем роде не хватало оленей для почтовой гоньбы¹¹⁰.

Имело место и разукрупнение родов. Из Второго Уяганского рода (старосты Тетерина) выделился Десятый Уяганский со старостой Бубенцевым¹¹¹. Некий Мешанов с 30 родовичами был перечислен из Долганского рода Охотского округа во Второй Уяганский род Гижигинского округа. Причиной перечисления было то, что он «по удобствам с давних времен кочует в ведомстве Гижигинском»¹¹².

Удовлетворение прошений о перечислении из рода в род привело к тому, что после производства переписи численный состав охотских родов очень изменился. Для примера сравним данные о численности мужского населения по переписям 1827¹¹³ и 1831 гг.¹¹⁴ по Тауйскому и Ямскому острогам.

Род	1827 г.	1831 г.
<i>Тауйский острог</i>		
Первый Долганский . . .	64	39
Второй Долганский . . .	44	47
Третий Долганский . . .	75	88
Первый Уяганский . . .	127	104
Второй Уяганский . . .	18	15
Обдорский пеший . . .	27	28
Огмурский (Угмурский)	44	34
<i>Ямский острог</i>		
Первый Долганский . . .	41	71
Второй Долганский . . .	107	133 и 15 душ, причисленных из Гижиги

¹⁰⁷ ЦГАДВ, ф. 1018, оп. 1, д. 55, лл. 40, 44, 48.

¹⁰⁸ Там же, лл. 21, 22.

¹⁰⁹ Там же, л. 38.

¹¹⁰ Там же, л. 39.

¹¹¹ Там же, лл. 23—24.

¹¹² Там же, д. 55, лл. 31—32.

¹¹³ Там же, д. 260.

¹¹⁴ Там же, ф. 1016, оп. 3, д. 78, лл. 7, 18.

В 1835 г., когда новые окладные книги были окончательно утверждены, перечисления из рода в род прекратились. Однако, согласно «Уставу об управлении инородцами», местное начальство не стесняло эвенов в передвижениях.

Роды эвенов были фактически административными единицами. Однако в глазах населения они имели и другое значение. Так, в донесении 1846 г. об Охотском округе указывалось, что «тунгус Уяганского рода не может жениться на тунгуске, не только того рода, но и другого какого-либо Уяганского, а непременно должен выбрать себе невесту из Долганского, Келарского и других родов, не носящих одного названия с родом, к которому принадлежит жених; младший брат может жениться на вдове старшего брата. Но старший брат на вдове младшего не может. Если кто-нибудь овдовел и есть хотя в том же роде вдова, то ему дозволяется жить с нею как с женою без бракосочетания»¹¹⁵.

По материалам Второй ясачной комиссии о хозяйстве и экономическом положении эвенов видно, что широкое расселение эвенов влекло за собой известное приспособление их хозяйства к новым природным условиям, хозяйственную дифференциацию. Горные роды Якутской области вели типичное охотничье хозяйство.

В Тюяси́рско-Ла́мунхинском роде на 257 душ приходилось 450 оленей, в Мямя́льском на 238 душ 180 оленей. В Тюяси́рско-Го́дниканском (67 душ) было 50 оленей. Значительную часть оленей этот род потерял «от моровой язвы в 1824 г. на реке Оймякон». Жизнь членов этих родов зависела от результатов охоты.

Согласно данным переписи, и тундровые роды обладали весьма небольшим количеством оленей. В Буя́кски́рско-Ла́мутском роде (48 душ) было 50 оленей, в Ку́нкугу́рском (142 души) — 270, в Ка́менно-Ла́мутском Дья́чкова (153 души) — 210 оленей¹¹⁶. Но благосостояние членов этих родов основывалось не только на охоте на диких оленей, но и на рыбной ловле.

Количество оленей в большинстве охотских и гижигинских родов было крайне незначительно: Долганский (120 душ) — 50 оленей, Эжа́нско-Уя́ганский (59 душ) — 40 оленей, Пе́рвый Уя́ганский (34 души) — 30 оленей и т. д. Однако были и роды, богатые оленями: в Деся́том Уя́ганском (136 душ) имелось 600 оленей, в Пе́рвом Го́дниканском (167 душ) — 800 оленей, во Вто́ром Го́рбиканском (193 души) — 2500 оленей. Конечно, эти олени принадлежали не всему роду, а отдельным богатым семьям. Оленеводство как самостоятельная отрасль хозяйства играло значительную роль в жизни тауйских и ямских эвенов. В Пе́рвом Уя́ганском роде Тау́йского остро́га (265 душ) имелось 1550 оленей, в Пе́рвом До́лганском Яме́кой крепо́сти (79 душ) — 500 оленей¹¹⁷. Крупные стада оленей были у гижигинских эвенов: Пе́рвый Уя́ганский род (372 души) имел 7500 оленей, Вто́рой Уя́ганский (102 души) — 1000 оленей, Пе́рвый До́лганский (280 душ) — 2000, Вто́рой До́лганский (113 душ) — 4000 оленей¹¹⁸. Нужда в пастбищах, по-видимому, и привлекла этих эвенов в Гижигинский округ. Возможно, здесь сыграло роль и стремление богатых эвенов удалиться от своих нищих сородичей. Однако хозяйство гижигинских эвенов не имело исключительно мясо-шкурного направления, как у коряков. Члены эвеновских родов, даже обеспеченные оленями, охотились на диких оленей и лосей, летом выходили к низовьям рек Ви́лги, На́яхана и Ги́жиги на рыбалку.

¹¹⁵ ЦГАДВ, ф. 4018, оп. 2, д. 191, л. 68.

¹¹⁶ ЦГИА, ф. 468, оп. 1339, д. 9, лл. 226—235.

¹¹⁷ Там же, оп. 9, д. 1055, лл. 30—31.

¹¹⁸ Там же.

Сидячие эвены Обдорского (55 душ) и Огмурского (80 душ) родов в период переписи представляли собой береговых жителей. Основой существования их было рыболовство, морской промысел. Они имели лошадей и коров: в Обдорском роде 20 коров, 4 лошади, в Огмурском — 30 коров, 4 лошади. На транспорте они использовали ездовых собак¹¹⁹. Таким образом, хотя большая часть эвенов вела типичное охотничье хозяйство, в некоторых группах ведущей отраслью стало оленеводство. Хозяйство пещих эвенов стало таким же, как у русских старожилов.

Миграции эвенов, отмеченные Седьмой ревизией, усилились в последующие десятилетия. В 1840—1850-х годах территория обитания эвенов сильно расширилась, что привело к обособлению некоторых локальных групп. В этой связи интересна история сложения камчатской группы эвенов.

В начале XVIII в., когда русские служилые и промышленные люди впервые проникли на Камчатку, там жили только камчадалы и коряки. В сказках Владимира Атласова, сочинениях Степана Крашенинникова и Георга Стеллера об эвенах (ламутах) ничего не сообщается. Никаких упоминаний об эвенах нет и в официальных документах начала XVIII в., касающихся населения Камчатки. Следует указать, что к XVIII в. русские служилые люди накопили достаточно сведений о коренном населении Восточной Сибири и в административной практике отличали ламутов (эвенов) от их соседей — коряков, юкагиров, якутов. Если бы эвены были на Камчатке к приходу русских, они не могли бы остаться незамеченными.

Проникновение эвенов на Камчатку вызвало большое удивление местных русских властей: «2 марта [1852 г.] в Петропавловск явились в высшей степени замечательные гости, — писал в своем дневнике чиновник особых поручений при камчатском губернаторе Карл Дитмар. — В первый раз сюда пришли ламуты»¹²⁰. По данным Дитмара, их было 35 мужчин и 37 женщин. Эвены освоили оба склона Срединного хребта и стали вносить ясак камчатским властям¹²¹. Имеющиеся у нас документальные материалы позволяют проследить ход переселения эвенов на Камчатку. На юге Камчатки эвены появились в 40-х годах XIX в. «Жители селений западного берега от Лесной до Харьезовского приносили мне жалобу, — писал начальник Камчатки тигильскому частному командиру в 1849 г., — на ламутов, недавно прибывших для кочевья и промысла зверей в хребты здешних гор. Они, постоянно находясь со своими юртами, перемещая беспрестанно места и сильно упрямывая зверя, отгоняют его из обыкновенного притока, не давая ему нигде покою, через то камчадалам как местным жителям причиняя немало затруднений в добывании зверя»¹²².

В том же году начальник Камчатки донес начальнику Приморского управления: «С недавнего времени около Тигильской крепости начали появляться ламуты числом около 30 душ взрослых мужчин, помещающихся в 8 юртах, которые объявили, что они принадлежат Гижигинскому ведомству и платят там ясак»¹²³. Из Петропавловска к эвенам выехали чиновники, предлагавшие им приписаться к камчадалским селениям, и там платить ясак или немедленно вернуться на свое прежнее место жительства. Эвенов пытались привлечь и к ямской гоньбе. В 1852 г. камчатский исправник направил камчатскому военному губернатору рапорт, в котором сообщал, что около Утинского селения камчадалов он встретил

¹¹⁹ ЦГИА, ф. 468, оп. 9, д. 1055, лл. 30—31.

¹²⁰ К. Дитмар. Поездка и пребывание в Камчатке в 1851—1855 годах, ч. 1. СПб., 1901, стр. 183.

¹²¹ Там же, стр. 183, 339.

¹²² ЦГАДВ, ф. 1007, оп. 4, д. 74, лл. 25 и 34.

¹²³ Там же, д. 106, л. 2.

ламутов и предложил им припастись к этому селению¹²⁴. С другой группой эвенов встретился тигильский частный командир Левицкий, 21 января 1852 г. он донес камчатскому военному губернатору: «В мае—ноябре прошлого года в окрестностях Тигили появилось 5 юрт ламутовых семейств (до 15 душ мужского пола с детьми), прикочевавших вновь из Гижигинского округа... Ламуты эти были все мною собраны, переписаны и через переводчика им объявил, дабы они заселились между Аманиной и Воямполькой и заводили бы оленные станции, на что им будут даны пособия и льготы. В противном же случае с ними будут поступать так, как сказано в данной мне инструкции, т. е. ловить и отсылать за караулом в Порт, что объявлено мною и инородцам». Эвены не согласились с этим предложением. Представители этой группы, очевидно, и появились в марте 1852 г. в Петропавловске.

Таким образом, эвены продвигались на Камчатку небольшими группами. Перепись эвенов, произведенная около Утинского селения, выявила 6 хозяйств. Большое хозяйство Николая Аргучана принадлежало к Уяганскому роду. Оно состояло из трех семей, в нем было 6 мужчин и 11 женщин¹²⁵. Остальные хозяйства принадлежали к Долганскому роду (5 семей — 13 мужчин, 15 женщин). Очевидно, на Камчатку пришли две или несколько экзогамных групп эвенов. В Тигильской группе было 5 семей — 13 мужчин и 9 женщин¹²⁶ (родовая принадлежность не указана).

Эвены, перекочевавшие на Камчатку, состояли из обитателей не только Гижигинского округа, но и Якутии.

Интересные сведения о переселении эвенов на Камчатку удалось обнаружить в Центральном государственном архиве Якутской АССР. В 1861 г. военный губернатор Приморской области сообщал в Якутск: «При проверке и пересоставлении мною ревизских сказок по Десятой переписи о камчатских инородцах оказались нигде не перечисленными зашедшие сюда с давних времен ламуты Колымского округа, которые даже не знают, к какому роду колымских ламутов они принадлежат»¹²⁷. Расследование, произведенное нижеколымским частным командиром, показало, что эти ламуты принадлежали к нижеколымскому роду старосты Саввы Балаганчикова и что за ушедших этот род платил ясак¹²⁸. Предания, бытующие среди камчатских (быстринских) эвенов, подтверждают и несколько конкретизируют эти документальные свидетельства. Переселялись сюда эвены, как рассказал нам эвен Макар Дыгдычев, отдельными группами. Сначала приехал некий Тимошка со своим отцом. Они посмотрели уголья, побывали в Петропавловске, затем вернулись обратно в Гижигу и рассказали эвенам о том, что здесь хорошо, привольно можно жить. От гижинцев откололись и пришли сюда Уяганы и Долганы¹²⁹. Однако возможно, что охотские эвены, сопровождавшие русских казаков в поездках на Камчатку, в первой половине XVIII в. донесли своим соотечественникам вести о богатых оленных пастбищах и охотничьих угольях в этой стране.

Переселенцы-эвены, проникшие в центральную часть Камчатки, обосновались в безлюдных районах Срединного хребта (верховья реки Быстрой). На протяжении сравнительно короткого периода они резко обособились в хозяйственном и культурном отношении от основной массы своих материковых собратьев. В хозяйстве и культуре камчатских эвенов уже в XIX в. наблюдалось переплетение собственно эвенских элементов с ко-

¹²⁴ ЦГАДВ, ф. 1005, оп. 1, д. 16, лл. 127—128.

¹²⁵ Там же, лл. 129—130.

¹²⁶ Там же, л. 154.

¹²⁷ ЦГА ЯАССР, ф. 11, д. 1683, лл. 26—30.

¹²⁸ Там же, л. 42 (по-видимому, имелся в виду Второй Дельянский род).

¹²⁹ Материалы этнографической поездки автора в Быстринский район Камчатской области в 1957 г. (архив Института этнографии АН СССР).

ряжскими и камчадалскими, ощущалось и якутское влияние. От камчадалов и береговых коряков они заимствовали собачий транспорт. В конце XIX в. почти во всех хозяйствах быстринских эвенов были лошади. Их использовали для дальних переездов в летнее время. На лошадях так же, как и на собаках, выезжали на охоту. Зимой лошади паслись на подножном корму. Конский транспорт камчатские эвены, возможно, восприняли от якутов. В группе быстринских эвенов было несколько якутских семей, также занимавшихся оленеводством и охотой.

К концу XIX в. основой хозяйства эвенов центральной части Камчатки стала не охота, а оленеводство мясо-шкурного направления. Согласно рассказам быстринцев, их предки переселились на Камчатку с весьма небольшим количеством оленей. Здесь богатые пастбища позволили им увеличить стада. Постепенно оленеводство стало основным занятием, а охота отступила на второй план. В конце XIX в. дикий олень в пределах Среднего хребта был в основном истреблен. Быстринцы охотились на медведей и горных баранов, для того чтобы добыть мясо. Пушная охота имела подсобное значение (пушнина почти целиком шла на продажу). Несомненно, что к оленеводству мясо-шкурного типа быстринцы перешли под влиянием коряков. Средний размер оленьего стада зимой, по словам наших информаторов, был 200—500 голов. Были и крупные собственники, имевшие по несколько тысяч оленей. На летний период эвены, владевшие небольшими стадами (до ста голов), объединяли своих оленей или присоединяли свои стада к стадам крупных оленеводов. В связи с этим и часть оленеводов, так же как и в северных эвенских группах, высвобождалась для рыболовства.

От коряков быстринцы заимствовали упряжное оленеводство, дугокопильные нарты. Но во время весенних, летних, осенних, а в горной местности нередко и во время зимних перекочевков эвены передвигались верхом, вещи перевозили выюком. От ительменов и русских старжилов камчатские эвены восприняли лов рыбы путем запоров (заездок) с мордами. Однако в одежде, в обуви они сохраняли свои национальные особенности. Несмотря на изоляцию от основной массы своих единоплеменников камчатские эвены прочно сохраняли и черты своей духовной культуры (обычай, обряды, фольклор)¹³⁰.

Во второй половине XIX в. область распространения эвенов достигла наибольших размеров. Широкое расселение, возможно, было в какой-то степени связано с массовым переходом к огнестрельному оружию. Это позволяло охотникам-эвенам существовать и в районах, сравнительно бедных зверем. В целом хозяйство эвенов в какой-то мере модернизировалось. Продавая пушнину, они начали приобретать сети из конского волоса и конопли. К ним проникла одежда из тканей, разнообразная утварь. Усилилось общение эвенов с соседями. Юкагиры в низовьях Яны и Индигирки фактически слились с эвенками, восприняв их язык. Напротив, оседлые эвены Охотского побережья в этот период настолько сблизились с русскими старожилками, что, по наблюдениям А. Сгибнева, «совершенно обрусели»¹³¹. «Образ жизни и домашний быт оседлых тунгусов сходен во всем с русским и особенно замечателен чистотой и опрятностью, в которой содержится у них помещение», — писал И. Булычев. Заслуживают внимания и его замечания о том, что «оседлые, вступив в родство с русскими, утратили совершенно свой народный отпечаток», что «хозяйство

¹³⁰ См. И. С. Гурвич. Быстринские эвены Камчатской области. — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. XXXII, 1959, стр. 101—110; его же. Эвены Камчатской области. — «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. LVI, 1960, стр. 63—91.

¹³¹ А. Сгибнев. О тунгусах Приморской области Восточной Сибири. — «Морской сборник», 1859, № 5, стр. 35—49.

оседлых тунгусов приближается к русскому сельскому быту»¹³². Действительно, оседлые эвены в это время не только имели коров и лошадей, но и сажали картофель. О численности эвенов в середине XIX в. дают некоторое представление далеко не полные данные Десятой ревизии¹³³:

Род	Мужчин	Женщин
Якутский округ		
Ламунхинский	218	231
Мямяльский	274	258
Третий Годниканский	47	42
Годниканский	48	41
Всего	587	572
Верхоянский округ		
Тюгясирский	113	105
Жельтанский (Дельянский)	64	63
Первый Кугурский (Кункугурский)	183	161
Каменно-Ламутский	56	41
Всего	416	370
<i>Усть-Янский улус</i>		
Каменно-Юкагирский	201	158
Омолонский (Омолойский)	149	89
Первый Кунгурский (Кункугурский)	120	121
Второй Кунгурский (Кункугурский)	68	49
Буяксирский	19	26
Тюгясирский	27	20
Всего	584	463
Колымский округ		
Первый Каменский (Каменный)	91	81
Второй Каменский	75	66
Первый Дельянский	120	107
Первый Дельянский отдельный	26	29
Второй Дельянский	54	44
Второй Дельянский отдельный	37	28
Уганский (Уяганский)	136	111
Всего	539	466
Итого	2126	1871

Таким образом, в пределах Якутской области было выявлено 3997 эвенов обоего пола. Сюда вошли и члены «юкагирских» родов Усть-Янского улуса Буяксирского, Тюгясирского, Первого и Второго Кункугурских, ошибочно отнесенные переписчиками к юкагирам, и юкагирские, но утратившие свой родной язык, — Каменно-Юкагирский и Омолойский — всего 1047 человек. Обращает на себя внимание резкое увеличение численности Кункугурских, Тюгясирских и Мямяльского родов. Возможно, здесь имело место механическое увеличение этих родов за счет перечисления в них якутов и охотских эвенов.

Материалов Десятой переписи по Охотскому и Гижигинскому округам обнаружить не удалось. Суммарные данные Девятой ревизии (1850/51 г.) по Охотскому округу привел в своей книге И. Булычев.

¹³² И. Булычев. Путешествие по Восточной Сибири, ч. I. СПб., 1856, стр. 79, 82, 199.

¹³³ «Памятная книжка... за 1863 год», стр. 61—72.

В Охотском округе значилось 3558 тунгусов (1817 мужчин, 1741 женщина). Такая же численность тунгусов, по данным Булычева, была выявлена и предыдущей ревизией (1833—1835 гг.)¹³⁴. Отсутствие прироста легко объяснимо. Большие группы тунгусов именно в этот период передвинулись в Гижигинский округ, проникли на Чукотку и Камчатку и, возможно, не были полностью учтены. Всего по Десятой ревизии было выявлено 7555 эвенов. Более полные и достоверные данные о их численности и расселении были получены в 1897 г. при проведении переписи.

По Якутской области были выявлены следующие эвенские (тамутские) роды:

Род	Мужчин	Женщин
Якутский округ *		
Бродячие тунгусы		
Ламунхинского управления		
Додаканский Ламунхинский	30	26
Ламунхинский	29	32
Тюгясирский	45	33
Хоринское племя (Ламутский)	15	20
Всего	119	111
Мямяльский	171	149
Годниканский	18	20
Охотские тунгусы Первого и Второго Горбиканского, Первого Келарского	4	5
Всего	190	174
Верхоянский округ		
Жельянский (Дельянский)	58	50
Первый Кункугурский	216	186
Второй Кункугурский	5	3
Кункугурский отдельный	27	32
Ламунхинский	66	52
Мямяльский	73	67
Тюгясирский	216	183
Без указания родов	33	22
Буюксирский	10	7
Каменно-Юкагирский	107	84
Омодойский	95	96
Всего	906	782
Колымский округ		
Первый Каменно-Дельянский	100	105
Второй Каменно-Дельянский	70	87
Кункугурский	9	11
Уяганский	133	117
Непоказанные роды	9	37
Первый Каменный (Ханкай)	106	94
Второй Каменный (Ханкай)	32	30
Всего	459	481
Итого	1674	1548

* С. К. Патканов. Статистические данные..., стр. 716—717.

¹³⁴ И. Булычев. Указ. соч., ч. I, стр. 84, 214.

По сравнению с Десятой переписью в 1897 г. произошло некоторое уменьшение численности эвенов (ламутов) в пределах Якутской области. Это объясняется уходом части годниканов и мямьяльцев в Охотский округ. В Верхоянском и Колымском округах ламуты очень пострадали от эпидемии оспы 1885 г. Все же в пределах Якутской области к концу XIX в. числилось свыше 3 тыс. ламутов обоего пола.

Основная масса эвенов находилась в пределах Охотского округа ¹³⁵.

Род	Мужчин	Женщин	Род	Мужчины	Женщины
Первый Уяганский . . .	119	130	Второй Годниканский (Оймяканский) Якутской области	44	48
Четвертый Уяганский . .	53	44	Первый Горбинский (Горбианский)	25	25
Пятый Уяганский	35	33	Второй Горбинский . . .	112	88
Седьмой Уяганский . . .	40	38	Первый Келлярский (Келларский)	47	52
Девятый Уяганский . . .	27	23	Третий Келлярский . . .	34	16
Десятый Уяганский . . .	92	87	Четвертый Келлярский .	109	92
Уяганский отдельный . .	33	33	Дельянский	85	99
Первый Долганский . . .	168	177	Дельянский отдельный	99	107
Второй Долганский . . .	183	205	Кокоюрский (Кункугурский) Верхоянского округа Якутской области .	28	22
Третий Долганский . . .	135	130	Мямьяльский	30	24
Четвертый Долганский .	29	24	Оседлые арманьские . . .	53	40
Пятый Долганский . . .	21	36	Оседлые ольские	42	45
Шестой Долганский . . .	49	63	Оседлые среди якутов . .	3	4
Первый Годниканский . .	21	24			
Второй Годниканский . .	37	33			
Первый Годниканский отдельный	17	16			
Третий Годниканский отдельный	45	37			
Пятый Годниканский отдельный	77	61			
			Всего	1893	1856

Охотская группа тунгусов со времени Девятой переписи до 1897 г. увеличилась всего на 191 человека. Но если исключить выходцев из Якутии (кункугурцы, мямьяльцы, часть дельянцев), то численность охотских тунгусов окажется на том же уровне, на котором она была в середине XIX в. Охотские тунгусы меньше пострадали от оспы, чем население северных районов Якутии. Можно думать, что и в этот период происходил отток охотских тунгусов на север.

Некоторые изменения произошли в номенклатуре охотских родов. Число Уяганских родов снизилось с 11 до 7, число Годниканских увеличилось с 3 до 6, а Горбианских уменьшилось с 4 до 2 и т. д. Очевидно, в период переписи были несколько укрупнены роды за счет причисления мелких к крупным.

В 1895 г. в Охотском округе значилось 39 тунгусских родов, среди них было много мелких: Второй Уяганский — 14 мужских душ, Восьмой Уяганский — 6, Четвертый Годниканский — 4, Отдельный от Первого Годниканского — 14 и т. д. ¹³⁶ Этих родов в переписи 1897 г. нет.

Крупную группу представляли собой по переписи 1897 г. гижигинские тунгусы. Численность их по сравнению с 1827 г. резко увеличилась.

По родовому составу гижигинских эвенов видно, что эта группа сформировалась почти целиком из охотской группы. Ядро гижигинцев в 1897 г. составляли сравнительно крупные роды: Первый Долганский и Первый Уяганский, т. е. эвены, отмеченные здесь еще в начале XIX в., и Доканские роды (искаженное наименование Долганских) представляли

¹³⁵ С. К. Патканов. Статистические данные..., стр. 908—911.

¹³⁶ Н. В. Слюпин. Охотско-Камчатский край, т. II. СПб., 1900, стр. 110—112.

собой недавних выходцев из Охотского округа, сохранивших даже порядковые номера своих прежних родов. Эти эвены (около 250 человек), судя по родовым наименованиям, происходили в основном из ямской группы. Перепись отметила среди гижигинцев и выходцев из Якутской области дельянцеv (4 человека).

Гижигинский округ *

Род	Мужчин	Женщин	Район расселения
Первый Долганский	312	322	Гижига, Вархалам, Омо- лон, Парень
Второй Долганский	93	81	Гижига, Наяхан
Первый Доканский (Долганский) . .	6	3	Вархалам
Второй Доканский (Долганский) . .	61	54	»
Охотско-Доканский (Долганский) . .	54	66	Наяхан
Первый Уяганский	312	319	Гижига, Вархалам,
Второй Уяганский	48	56	Наяхан
			Гижига, Вархалам
Непоказанные роды	3	16	Парапольский дол-
Дельянский	2	2	Пальматка

Всего 891 919

* С. К. Патканов. Статистические данные..., стр. 899—902.

Зарегистрированные переписью в пределах Анадырской округи эвены (ламуты) считались здесь временными жителями. Члены Первого и Второго Дельянских родов были приписаны к Колымскому округу, а члены Долганского рода — к Гижигинскому. Таким образом, в Анадырской округе встретились два потока эвенов — охотский и якутский. Часть эвенов (25 мужчин, 19 женщин) в конце XIX в. успела сблизиться с русскими старожилками и поречными обруселыми юкагирами, перешла на оседлость и восприняла русский язык.

Анадырский округ *

Род	Мужчин	Женщин
Первый Дельянский	124	129
Второй Дельянский	55	59
Долганский	91	98
Балаганчиковы	20	16
Непоказанные роды (оседлые)	25	19

Всего 315 321

* С. К. Патканов. Статистические данные..., стр. 890—897.

Группа «тунгусов» была отмечена в Петропавловском округе (Камчатка). Здесь переписью были выделены ламуты и тунгусы, но их родовой состав показывает, что это одна этническая группа, по-разному зафиксированная переписчиками.

Петропавловский округ *

Род	Мужчин	Женщин
Первый Долганский . .	119	110
Первый Уяганский . . .	25	26
Второй Уяганский . . .	87	83
Непоказанные роды . . .	7	6

Всего 238 225

* С. К. Патканов. Статистические данные..., стр. 913.

Большая часть эвенов кочевала по отрогам Срединного хребта. По притокам Паланы, Кинкиля, Морошечной и Русаковой кочевало около 15 хозяйств эвенов, некоторые совместно с коряками. Так, Паланское

стойбище (9 хозяйств) состояло из 58 коряков и 36 эвенов, Кинкильское (5 хозяйств) — из 45 коряков и 9 эвенов ¹³⁷.

Общая численность эвенов по переписи 1897 г. была 9880 человек. По сравнению с Десятой ревизией она возросла на 2325 человек. Широкое расселение эвенов привело не только к отмеченному выше обособлению локальных групп, но и к тесному сближению, а частично и к слиянию некоторых периферийных групп эвенов с соседями. Эвены Колымского и Верхоянского округов, специализировавшиеся на перевозке грузов по «тракту» между Якутском и Охотском, сблизились с якутами. В состав верхнеколымских юкагиров вошли лишившиеся оленей эвены Второго Дельянского рода. Сблизившись с юкагирами, они восприняли их язык. Небольшая группа эвенов, осевшая в долине Анадыря среди русских старожилов, изменила характер своего хозяйства и обрусела. Однако основная масса эвенов в конце XIX — начале XX в. несмотря на широкое расселение сохранила традиционное хозяйство, язык и культурные особенности.

СЕВЕРНЫЕ ЯКУТЫ И ТУНГУСЫ

В самом конце XVIII — в начале XIX в. население северо-запада Якутии претерпело несколько жестоких голодовок, связанных, по-видимому, с каким-то перемещением путей кочевок диких оленей. В 1799 г. голод охватил членов трех «горных» наслегов Жиганского округа. Как сообщал жиганский комиссар, жители «без остатку употребили в пищу» своих ездовых оленей и не могли выехать на промысел. В том же документе подчеркивалось крайне тяжелое положение голодающих: «Живущие по рекам Оленке и Анабаре тунгусы и якуты упражняются в одном только зверином промысле и в случае непромыслицы подвергают себя нередко безвременной смерти» ¹³⁸. Жители «приморских» наслегов — рыбаки также не могли в эти годы запасти достаточно продовольствия. В 1805 г. в Хатыгыньском наслеге князца Протопопова не удался лов рыбы, и все члены этого наслег выехали «для пропитания» в Батулинский наслег ¹³⁹. В 1806 г. зимой на Быков мыс в низовья Лены в связи с голодом «для собственного пропитания и прокормления своих собак» явились усть-яньские жители на 50 собачьих партах.

В Жиганском округе голодовки были в 1800 ¹⁴⁰, 1802 ¹⁴¹, 1803 ¹⁴² и 1806 ¹⁴³ гг. Голодающим выдавались из казенного магазина хлебные ссуды. В 1806 г. особенно бедствовали тунгусы Бетильского рода. Группу голодающих из этого рода, в числе 22 человек, жиганский комиссар вынужден был распределить «на прокорм» среди других наслегов ¹⁴⁴. Голодовки повторились в 1812 ¹⁴⁵, 1814 ¹⁴⁶, 1816 и 1817 гг. По сообщению жиганского улусного головы, в 1812 г. его одноулусники «употребили в пищу последних оленей». Для оказания помощи голодающим в 1812 г. в низовьях Лены на Быковом мысу, а в 1818 г. — в Жиганске, Сиктыке, Булуне и в Усть-Оленске были учреждены рыбные запасные магазины, содержавшиеся за счет населения. Но они не могли обеспечить продовольствием всех голодающих, и члены наслегов, в которых возникал голод, вынуждены были прибегать к покупке или займу хлеба из Булунского

¹³⁷ С. К. Патканов. Статистические данные..., стр. 918—919.

¹³⁸ ЦГА ЯАССР, ф. 37, оп. 1, д. 72, л. 15.

¹³⁹ Там же, л. 16.

¹⁴⁰ Там же, л. 2.

¹⁴¹ Там же, д. 200, л. 12.

¹⁴² Там же, д. 37, л. 14.

¹⁴³ Там же, д. 72, л. 15.

¹⁴⁴ Там же, л. 13.

¹⁴⁵ Там же, лл. 19—20.

¹⁴⁶ Там же, д. 269, л. 34.

и Сиктяхского казенных магазинов¹⁴⁷. Голод и возросшие налоги привели к тому, что якутские волости и тунгусские роды Жиганского округа попали в кабалу к скупщикам пушнины. В своих донесениях князцы сообщали, что подати и ясак «выплачиваются через задолжание»¹⁴⁸. За «отдалжение» вся добытая пушнина по крайне низким ценам присваивалась купцами-кредиторами. Не ограничиваясь этим, купцы скупили осенью за бесценок рыбу, а весной продавали или «отдаживали» ее голодающим¹⁴⁹. Попытки иркутских властей ограничить эту разорительную для населения торговлю открытием ежегодных ярмарок не имели успеха¹⁵⁰. Все это привело к тому, что северо-запад перестал привлекать новых переселенцев. Напротив, в начале XIX в. произошли откочевки коренного населения в Туруханский округ.

В 1809 г. из-за «несостояния пропитываться в своем месте» из Жиганского комиссарства в Есейскую волость сошел некий тунгус Бояка, «а по крещении Николай Антонов Налтанов», с сыном, женой и двумя дочерьми¹⁵¹. По другим материалам, Бояка самовольно откочевал из Жиганского округа в 1804 г.¹⁵² Следствие по этому делу, проверки ревизских сказок Вилюйского и Жиганского комиссарств показали, что Бояка был членом Жиганской части Чинагирского (Синигирского) рода и входил в Бетильский тунгусский род князца Осипа Карамзина. В связи с невозможностью вывезти беглеца по его бедности князец Карамзин согласился на перечисление Бояки Налтанова в Харитонов род Есейской волости. Ревизия 1811 г. застала Бояку на реке Боганиде¹⁵³.

Следует отметить, что в 1809 г. Бетильский тунгусский род был перечислен из Жиганского комиссарства в Верхне-Вилюйское¹⁵⁴. Однако бетильцы продолжали кочевать на границе Жиганского и Верхне-Вилюйского комиссарства, в верховьях Оленека. Из-за «непромыслицы зверя», т. е. диких оленей, бетильцы, так же, как и Бояка, нередко заходили в пределы Туруханского округа.

В 1811 г. Верхне-Вилюйский частный комиссар в связи с накопившейся за Бетильским родом ясачной недоимкой обратился в якутское областное правление с просьбой вывезти бетильцев из Туруханского и других ведомств в Верхне-Вилюйское комиссарство. Якутское областное правление одобрило этот план, и для поисков бетильцев и взыскания с них недоимок были отправлены нарочные казаки. В отписке по этому поводу верхневилуйский частный комиссар сообщал, что бетильцы находятся в Туруханском и Зашиверском ведомствах на Оленеке и в других отдаленных местах¹⁵⁵. Попытки стянуть бетильцев в Верхне-Вилюйское комиссарство не удалась. В 1819 г. князец Бетильского рода Михаил Лавров сообщил в Жиганское комиссарство, что в 1818 г. «в отдаленных и никем не населенных и неизвестных местах на реке Аленке, по неимению в онной никаких звериных промыслов» его родовичи употребили в пищу 653 оленя, остались почти пешими, голодают и не имеют средств для существования и для платежа налогов¹⁵⁶.

Спасаясь от голода, на запад из Жиганского округа отошла не только часть бетильцев, но и часть хатыгынцев и кангалассцев. Ревизией 1811 г. в Туруханском уезде было обнаружено 93 якута и тунгуса Жиганского округа, в том числе «за тундрою» — 12 хозяйств тунгусов Жиганского

¹⁴⁷ ЦГА ЯАССР, ф. 37, оп. 1, д. 156, л. 51.

¹⁴⁸ Там же, д. 266, л. 29.

¹⁴⁹ Там же, д. 344, л. 2; д. 266, л. 29; д. 204, л. 14.

¹⁵⁰ Там же, д. 238.

¹⁵¹ Там же, ф. 7, оп. 1, д. 297, лл. 3—5.

¹⁵² Там же, ф. 110, оп. 1, д. 150.

¹⁵³ Там же, ф. 7, оп. 1, д. 297, лл. 3—5.

¹⁵⁴ Там же, д. 112, лл. 19—20.

¹⁵⁵ Там же, ф. 7, оп. 1, д. 160, лл. 2—6.

¹⁵⁶ ААН, ф. 161, оп. 1, д. 36, л. 6.

рода (46 мужчин и 36 женщин), на Нижней Тунгуске — Батулинского рода «некрещенные якуты» (6 мужчин), на реке Боганиде семья Чинагирского рода (2 мужчин, 3 женщины). В 1812 г. указом из Иркутска они были причислены к Туруханскому уезду. В связи с этим Туруханское казначейство запросило Жиганское и Верхне-Вилуйское комиссарство о том, какой они платили ясак. Из переписки по этому вопросу видно, что из Жиганского округа откочевало безвестно 3 кангалассца, 38 хатыгынцев, 83 бетильца и др., всего 143 человека¹⁵⁷. Имели место и откочевки из Жиганского округа на восток. Из Батулинской волости 6 человек князца Петра Николаева перед переписью 1816 г. ушли в Зашиверское ведомство¹⁵⁸.

В результате коренное население северо-запада Якутии между ревизией 1816 и переписью 1830 г. уменьшилось на 92 мужских души (см. таблицу на стр. 174).

Однако северо-запад Якутии осваивало не только население, приписанное к Жиганскому улусу, но и оленеводы Вилуйского округа¹⁵⁹. Из материалов Второй ясачной комиссии видно, что в верховьях Оленека, Анабары, Хотуя и Вилуя, по рекам Тюнг, Марха и Чона обитали хатыгынцы (233 мужчины, 206 женщин), бетильцы (146 мужчин, 100 женщин), бетюнцы (279 мужчин, 217 женщин) и некоторые члены Жахутского, Угулятского, Шелогонского и Брагатского родов¹⁶⁰.

Судя по более поздним данным, на северо-западе обитало около 30 хозяйств шелогонов и 10 хозяйств брагатов, в то же время часть бетильцев (около 20 хозяйств), бетюнцев (чордунцев) и хатыгынцев находилась за пределами этого района, в бассейне Вилуя. Общую численность вилуйских тунгусов, кочевавших на северо-западе, можно ориентировочно определить примерно в 500 мужских душ. Всего на северо-западе Якутии обитало около 3100—3300 человек обоего пола.

Наслеги и роды Жиганского улуса подразделялись в документах на две группы — горных и приморских: к первой относились Первый Батулинский, Первый и Третий Хатыгынские, Кангаласский, Эжанский и Кюпский роды, ко второй — Второй Батулинский, Туматский и Второй Хатыгынский. Члены горных населегов и родов, по сведениям жиганского улусного головы, «занимались кочевьями по пустолежачим лесным и тундровым местам, гоняясь за зверем»¹⁶¹.

В приморских наслеггах круглый год занимались рыболовством, летом и осенью охотились на диких оленей, когда они переправлялись через реки, били линную птицу, а зимой добывали песца. В качестве транспортных животных использовали ездовых собак¹⁶². Таким образом, горные наслеги продолжали традиционное тунгусское хозяйство, а приморские унаследовали тип хозяйства, выработанный русскими старожилами и якутами, обосновавшимися в низовьях Лены и Оленека в XVII в. Деление населегов на горные и приморские было весьма относительным. Примером может служить горная Кангаласская волость. В нашем распоряжении имеется относящийся к 1824 г. именной список этой волости «с показанием, где кто жительствует, чем занимается и какую имеет промышленность»¹⁶³.

¹⁵⁷ ЦГА ЯАССР, ф. 7, оп. 1, д. 298; Рукописный фонд ЯФ СО АН СССР, ф. 25/2, оп. 9 (материалы Г. А. Попова).

¹⁵⁸ ЦГА ЯАССР, ф. 37, д. 164, л. 22.

¹⁵⁹ В 1809 г. в связи с введением нового окружного деления из переименованного в Зашиверский Жиганского округа, в Вилуйский были перечислены Хатыгынский, Бетильский и Бетюнский роды, кочевавшие по Лене ниже устья Вилуя, по верховьям Оленека и в районе озера Есей. Семь якутских населегов и два тунгусских рода были объединены в Жиганский улус (ЦГА ЯАССР, ф. 7, д. 112, лл. 9, 19—20).

¹⁶⁰ ЦГИА, ф. 468, оп. 1339, д. 9, лл. 55—62, 73—74, 81—82, 93—94.

¹⁶¹ ЦГА ЯАССР, ф. 37, оп. 1, д. 344, л. 3.

¹⁶² Там же, лл. 8—9.

¹⁶³ Там же, д. 146 или 162, лл. 93—104.

Район расселения	Хозяйств	Людей	Занятия
У озера Есей	2	23	«При оленном скотоводстве упражняются промыслом рыбы, диких оленей и песцов своими заводами»
На Оленеке, урочище Кочекан	1	3	«При оленном скотоводстве упражняются одним звериным промыслом»
Там же	1	3	«Занимаются промыслом зверей своим заводом, также рыбной ловлей»
На Оленеке, урочище Чимире	8	61	«Занимаются ловлей рыбы сетями и заездками в реках, а большей частью промыслом диких оленей на засеках поставными луками, также промысляют песцов своими заводами»
На реке Пур (приток Оленека), урочища Арын-Огорбуги Хос-Торюхтах	2	13	То же
В Туруханском округе «в бегах»	1	11	?
При устье Лены, урочище Быков мыс	4	20	«При собачьем скотоводстве занимаются летом и зимой ловлей рыбы сетями, также частью поклками во время плавов диких оленей и промыслом песцов своими пастыми»
На Оленеке при устье Волколаха	7	37	То же
На Лене при устье Летовья	5	28	«Упражняются большей частью ловлей рыбы волосяными сетями и лытными неводами, также промысляют птиц, ливных гусей и куропаток, петлями»
На Лене, урочище Говорово	2	12	То же
На Лене, урочище Огонпор	1	7	То же. Кроме того, занимались выпасом оленей, принадлежащих русским
На Анабаре, около реки Дорохи	4	26	«Имеют для проездов оленное скотоводство и занимаются большей частью промыслом на поставных луках диких оленей и промыслом в тундрах песцов своим пастником, частью ловом рыбы сетями в озерах и в реке Анабаре»
На реках Пур и Тюрюхтах	2	9	То же
На реке Хараулах	3	11	»
В Жиганске	1	3	«В услужении»
В Булуне	2	10	То же

Таким образом, в Кангаласском наслеге было 14 хозяйств оленеводов, 11 хозяйств, имевших собачий транспорт, и 23 хозяйства пеших рыболовов. Возможно, некоторые из пеших также имели по нескольку ездовых собак. В приморском Хатыгынском наслеге князя Егора Бобровского было 5 хозяйств (27 человек). Они жили на острове Белкое, в устье Лены, занимаясь промыслом рыбы, охотой на песца и добычей диких

оленей, имели ездовых собак. То же можно сказать о 12 хозяйствах (84 человека) этого наслега, обитавших на Оленеке в урочище Уикучах. 20 хозяйств (120 человек) занимались оленеводством и имели свои зимники на Оленеке от урочища Кочекана до Большой речки¹⁶⁴.

В Кюпском роде в 1823 г. было две группы. Одна из них (30 хозяйств — 173 человека обоего пола) кочевала по западному берегу Лены, по рекам Алакит, Балаганах, Хатыстах и Галемар, другая (18 хозяйств — 108 человек) — на восток от Лены по речкам Чубукулах, Дагарын, Омолой и по берегам Ледовитого океана. Большая часть кюпцев имела оленей и занималась охотой, рыболовством и сбором мамонтовой кости¹⁶⁵. Из описаний кочевков и занятий этих трех наслегов можно заключить, что наследи не имели строго ограниченной территории. В Жиганском улусе члены разных родов и наслегов кочевали попеременно.

Это подтверждается и материалами Второй ясачной комиссии, работавшей в Верхоянском округе с ноября 1828 г. по январь 1830 г. Данные комиссии о хозяйстве в районах кочевков Жиганского улуса показаны на таблице¹⁶⁶:

Наслед, род	Оленей	Собак	Район кочевков
Первый Батулинский . .	50	30	По Лене и впадающим в нее рекам
Туматский	20	130	У устья Лены и на Быковом мысу
Второй Батулинский . .	60	140	Там же
Третий Хатыгинский . .	540	—	По Лене и впадающим в нее рекам
Второй Хатыгинский . .	200	90	У устья Лены и по берегу Ледовитого океана
Кангаласский	289	—	По Анабаре, между Жиганском и Булуном
Первый Хатыгинский . .	553	—	По Лене, Оленеку и озерам между ними
Кюпский	150	—	У устья Лены и по берегу Ледовитого океана
Эжанский	87	—	По Лене и впадающим в нее рекам

Сведения, содержащиеся в делах Жиганской инородной управы, и материалы Второй ясачной комиссии показывают, что хозяйство членов якутских жиганских волостей и тунгусских родов было однотипным. Однако 7 жиганских волостей, согласно букве «Устава об управлении инородцами Сибири», как якуты были отнесены к «кочевым», тогда как члены Кюпского и Эжанского родов как тунгусы, — к «бродячим». Но это не соответствовало действительности, как указала сама ясачная комиссия: «Семь родов Жиганского и четыре рода Усть-Янского ведомств, которые не имеют ни конного, ни рогатого скота, ни удобных для сего земель, а содержат первые оленей и частью езжалых собак, а вторые — одних собак, выскрывают себе пропитание от рыбной ловли и звероловства, могут почитать кочевыми потому только, что в зимнее время проживают постоянно в юртах на местах рыбных своих промыслов, в других же случаях образом своей жизни ничем не разнятся от бродячих»¹⁶⁷. Напротив, в Вилюйском округе Хатыгинский, Бетильский и Бетюнский роды, входившие до 1809 г. в Жиганский округ, занимавшиеся оленеводством и охотой, были отнесены к категории бродячих тунгусов¹⁶⁸.

Согласно «Уставу», бродячие были освобождены от всех сборов, кроме ясака, и имели право беспрепятственного перехода из округа в округ. Члены семи жиганских наслегов этих прав были лишены, несмотря на

¹⁶⁴ ЦГА ЯАССР, ф. 37, оп. 1, д. 3, лл. 85—94.

¹⁶⁵ Там же, д. 122, лл. 70—80.

¹⁶⁶ ЦГИА, ф. 468, оп. 1339, д. 9, лл. 200—217.

¹⁶⁷ Там же, л. 169.

¹⁶⁸ Там же, лл. 134—137.

неоднократные прошения¹⁶⁹. С этого времени принадлежность к разряду бродячих стала рассматриваться населением северо-запада как привилегия тунгусов. Это способствовало укреплению в так называемых бродячих родах «тунгусского» самосознания, хотя процесс якутизации к началу XIX в. зашел уже очень далеко. Виллюйские роды вскоре воспользовались своими «бродячими» привилегиями. После прекращения в Жиганском улусе «непромыслицы» и возобновления хода диких оленей они стали вновь посещать северо-запад. В 1827 г. окружной исправник, обеспокоенный появлением в Жиганском улусе большого числа пришельцев, предложил инородной управе выяснить, члены каких родов и волостей кочуют по Анабаре и платят ли они ясак¹⁷⁰. Опасаясь, что виллюйские тунгусы займут территорию Жиганского улуса и подорвут платежеспособность членов местных волостей, жиганские власти неоднократно обращались в Якутское областное правление с ходатайствами о запрещении виллюйчанам кочевать в низовьях Лены и Оленека. В свою очередь, хатыгынцы и кельтики Виллюйского округа жаловались на жиганские власти, выдворявшие их из низовий Лены. Областное правление приняло сторону виллюйчан и направило в 1840 г. в Жиганск указ «О беспрепятственном дозволении тунгусам Виллюйского ведомства промысливать в других ведомствах»¹⁷¹. При этом окружное правление сослалось на IX том Свода законов о правах бродячих инородцев: «На занимаемой ими полосе позволяет им переходить из округа в округ, из губернии в губернию без всякого стеснения». Хатыгынцам и кельтекам в связи с этим было разрешено кочевать «по западной стороне устья Лены до Ледовитого океана»¹⁷². Таким образом, спор о кочевании был разрешен в пользу виллюйских родов. Снятие ограничений в передвижении, несомненно, способствовало сближению виллюйских оленеводов с жиганскими и оленекскими.

Однако Жиганская инородная управа и после указа 1840 г. требовала запрещения виллюйским тунгусам кочевать в низовьях Лены и Оленека, мотивируя это тем, что пришельцы из Виллюйского округа будто бы употребляют на топливо засеки на дикого оленя, пасти и даже юрты местного населения и разоряют его¹⁷³. «Виллюйские тунгусы» обвинялись также в «пущении палов и ограблении амбаров». В подтверждение своих обвинений жиганские власти приложили список жалоб¹⁷⁴. Однако в Якутске не придали этому значения¹⁷⁵. В 1844 г. Якутское областное правление все же указало, что бродячим не разрешается промысливать на угодьях других бродячих родов¹⁷⁶.

Из донесений Жиганской инородной управы можно выяснить, какую территорию заняли так называемые виллюйские тунгусы. В 1841 г. управа сообщала: «Виллюйского округа тунгусы, с недавних годов появившиеся в небольшом количестве кочевьем около межи в местах их края, увеличиваются год от году более и более, проходят ныне не только реку Оленек по обеим сторонам от самого Ледовитого моря на неисчислимое пространство расстояние в длину, но и поперек от границы Верхоянского улуса, откуда с восточной стороны реки Лены через оную на запад до реки Анабары, по обеим же сторонам оной до полосы земель Туруханского округа обывателей»¹⁷⁷.

¹⁶⁹ ЦГИА, ф. 468, оп. 1339, д. 9, л. 172. В 1852 г. из Жиганска поступило ходатайство об уничтожении инородной управы и письмоводства в связи с тем, что население ведет бродячий образ жизни (ЦГА ЯАССР, ф. 37, оп. 1, д. 586).

¹⁷⁰ Там же, д. 428, лл. 112—116.

¹⁷¹ Там же, д. 474, л. 10.

¹⁷² Там же, л. 10а.

¹⁷³ Там же, л. 11.

¹⁷⁴ Там же, лл. 15—16.

¹⁷⁵ Там же, лл. 25—27.

¹⁷⁶ Там же, лл. 31—32.

¹⁷⁷ Там же, л. 11.

По хозяйству и образу жизни «вилюйские тунгусы» были близки к жиганским кочевым и бродячим оленеводам. Что касается самих «бродячих и кочевых инородцев» Жиганского улуса, то они, как можно судить по ответам Жиганской инородной управы на запрос окружного правления о состоянии населения, датированным 1844 г., представляли собой однородную массу, искусственно разделенную на две категории. «Занятия кочующих и бродячих инородцев одинаковы, т. е. занимаются рыболовством, строением и покоем на реках и озерах дикого оленя и на тех же устройством засек, на пушных зверей выставлением пастей и луков»¹⁷⁸. Однако «бродячие инородцы» — члены Кюпского и Эжанского родов, так же как и «вилюйские тунгусы», не участвовали в подводной повинности, не платили ряда податей. Натуральные повинности по Жиганскому улусу выполняли только «кочевые инородцы» — члены Хатыгынских, Батулинских, Кангаласского и Туматского наслегов. В связи с этим несмотря на сравнительно благоприятные в промысловом отношении годы члены кочевых волостей не могли освободиться от старых долгов скупщикам пушнины¹⁷⁹. В 1841 г. князцы жаловались на высокие цены, по которым купцы сбывают товары. В связи с этим был вынесен улусный приговор с просьбой об открытии казенной торговли конским волосом, коноплей, табаком, порохом и свинцом¹⁸⁰.

В 1850 г. 8 наслегов Жиганского улуса не смогли уплатить подати, так как понесли большие потери оленями. Падеж оленей и собак имел место и в 1853—1856 гг. (погибло 1327 оленей и 1346 собак)¹⁸¹.

В середине XIX в. северо-запад затронули эпидемии «воспалительного катара» — по-видимому, гриппа. В 1848 г. от «простудной лихорадки» умерло 60 человек. В 1854 г. врач Орлеанский обнаружил только в Булуне девять случаев венерических заболеваний¹⁸².

Это привело к замедлению роста населения между переписями 1830 и 1850 г., а затем, как это зарегистрировала перепись 1858 г., к уменьшению численности населения в жиганских волостях на 120 мужских душ (см. таблицу на стр. 174).

Между 1830 и 1850 гг. в структуре Жиганского улуса произошли некоторые изменения. В 1838 г. 90 мужских душ из Первого Хатыгынского рода выделились в особый Четвертый Хатыгынский род, 26 мужских душ из Бетюнского рода Вилюйского округа перечислились в Первый Батулинский род, а 9 мужских душ — в Третий Хатыгынский род¹⁸³. Однако перечисления из Вилюйского округа в Жиганский улус были крайне редки, так как вилюйчайне и без перечисления по положению бродячих имели возможность кочевать в бассейне Оленека, Анабары и Нижней Лены. В связи с этим данные об уменьшении численности населения в жиганских волостях не следует воспринимать как общее уменьшение населения северо-запада. Численность населения этого района, по-видимому, в этот период продолжала увеличиваться за счет притока «вилюйских

¹⁷⁸ ЦГА ЯАССР, ф. 37, оп. 1, д. 491, л. 25.

¹⁷⁹ Члены жиганских кочевых волостей неоднократно обращались к губернским властям с просьбой уравнивать их в правах с бродячими. Так, в 1905 г. родоначальники Жиганского улуса вынесли приговор, в котором указывали, что «члены бродячих родов Кюпского и Эжанского живут в одинаковых с прочими жителями улуса условиях, ведут такое же хозяйство, не отличаются от нас по быту и обычаям», и просили перечислить их в разряд кочевых для облегчения участи членов 8 остальных наслегов. Однако представители Кюпского и Эжанского родов с этим не согласились, и ходатайство не было утверждено (ЦГА ЯАССР, ф. 108, оп. 1, д. 77, лл. 125—130).

¹⁸⁰ Рукописный фонд ЯФ СО АН СССР, отдел истории. Материалы Г. А. Попова; ЦГА ЯАССР, ф. 37, д. 474, лл. 36—40.

¹⁸¹ ЦГА ЯАССР, ф. 37, д. 539, 632, лл. 1—3.

¹⁸² Там же, д. 528, л. 2; д. 604, л. 6. В 1932 г. в Жиганском улусе значилось всего 6 венерических больных (там же, оп. 1, д. 480, л. 17).

¹⁸³ Там же, д. 461, лл. 263а—267.

тунгусов». Большая часть их обитала в районах, прилегающих к озеру Есей. Во время кочевек они нередко заходили в низовья Оленека и Лены. По озеру Есей и Анабаре шла граница Вилюйского и Туруханского округов¹⁸⁴.

В середине XIX в. три этнических элемента — якуты, тунгусы (эвенки) и русские старожилы — усть-оленьские крестьяне, официально значившиеся как особые группы на северо-западе, фактически слились в единое целое. Возникла своеобразная культурная общность — группа северных якутов-оленьководов. Это подтверждается не только скудными свидетельствами документов, но и прямыми наблюдениями очевидцев. «По физиономии, образу жизни, языку и нравам, — писал протоиерей П. Хитрово о населении Жиганского улуса, — здешних русских и тунгусов следует причислить к якутам, так во всем слились они с этими последними»¹⁸⁵. Все население Оленека и Нижней Лены вело сходное хозяйство. «В летнюю пору все указанные выше племена (имеются в виду тунгусы, якуты и русские крестьяне. — И. Г.) по несколько семейств вместе кочуют со своими стадами оленей по болотистым и обнаженным тундрам близ берегов Ледовитого моря и питаются от промысла диких оленей»¹⁸⁶.

А. Л. Чеканавский, побывавший на Оленеке в 1874/75 г., отметил, что вилюйские якуты для промысла заходят на эту реку¹⁸⁷. Спускаясь по Оленеку, в среднем и нижнем течении Чеканавский встретил семьи, принадлежавшие как к Вилюйскому, так и к Верхоянскому округам.

В конце XIX в. численность северных якутов-оленьководов уменьшилась вследствие эпидемий оспы и кори. Это зарегистрировала перепись 1897 г. (см. таблицу на стр. 174). Население в Жиганском улусе сократилось на 27%. Но это не следует рассматривать, как вымирание: перепись производилась по территориальному принципу, и некоторые хозяйства Жиганского улуса были учтены в Туруханском и Вилюйском округах. В то же время в Жиганском улусе были выявлены лица из Вилюйского округа — из Жахутского рода — 7, из Маймаганского — 14, из Чордунского — 30, из Сологонского — 15, из Брагатского — 5, из Оспетского — 12, из Осого-стохского — 11¹⁸⁸. Они значились бродячими тунгусами с якутским языком¹⁸⁹. В действительности это были оленьководы-якуты, ошибочно значившиеся в Вилюйском округе тунгусами.

Перепись 1897 г. выявила численность северо-западной группы оленьководов Вилюйского округа, соприкасавшейся с населением Жиганского улуса¹⁹⁰.

Род	Мужчины	Женщины	Район кочевек
Бетильский	195	200	Муна, Локур, Биллер, Конора, Есей, Оленек
Бетюнский (Чордунский)	179	188	Есей, Конора
Хатыгынский (Осого-стохский)	322	338	Есей, Конора, Оленек, Конамка
Шелогонский	62	60	Кенедикая, Оленек, Амчак, Есей, Оленек
Брагатский	14	18	
Всего	772	804	

¹⁸⁴ П. Кларк. Вилюйск и его округ. — «Записки Сибирского отдела РГО», кн. VII, Иркутск, 1864, стр. 91.

¹⁸⁵ Хитрово. Описание Жиганского улуса. — Там же, кн. I, 1856, стр. 66.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ А. Л. Чеканавский. Оленьковская экспедиция. — «Известия РГО», т. XI, вып. 5, 1875, стр. 332.

¹⁸⁸ С. К. Патканов. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири, ч. I, вып. 2. СПб., 1906, стр. 116—117.

¹⁸⁹ С. К. Патканов. Статистические данные..., стр. 780.

¹⁹⁰ Там же, стр. 787—791, 794—795.

За пределами северо-запада в бассейне Вилюя кочевало 44 человека обоего пола бетильцев, 45 бетюнцев (чордунцев)¹⁹¹, 36 хатыгынцев, большая часть угулятцев, шелогонцев, брататцев.

К 1576 вилюйским оленеводам северо-запада следует добавить около 50 угулятцев, кочевавших в бассейне Мархи, но заходивших в верховья Оленека. Судя по более поздним данным, они вместе с бетильцами спускались для посреднического обмена в низовья Оленека и Лены¹⁹². Учитывая трудность учета кочевого населения и то, что для 394 душ не было указано мест кочевий, необходимо увеличить численность оленеводов северо-запада Вилюйского округа до 1700 человек. Все они, хотя и числились «вилюйскими тунгусами», показали родным языком якутский.

Основным центром притяжения вилюйских «бродячих» родов северо-запада было озеро Есей. Здесь, по данным С. К. Патканова, кочевало 943 человека¹⁹³. По наблюдениям П. Е. Островских, посетившего Есей в 1902 г., здесь жили 600 вилюйских якутов, принадлежавших к наслегам Чорду, Бети и Катыхын¹⁹⁴. Очевидно, П. С. Островских имел в виду только население, непосредственно связанное с Есеем. Кочевки этих якутов, как показал в 1905 г. В. Н. Васильев, участник Хатангской экспедиции Русского географического общества, захватывали не только западную часть Вилюйского округа, но и северо-восточную часть Туруханского. «Районом обитания есейских якутов является главным образом все среднее течение реки Котуя и низовье реки Мойеро с их притоками, а также верховья Оленека и Анабары»¹⁹⁵. Он указал, что якуты встречаются по Хете, Хатанге и Анабаре, и отметил близость якутов-оленеководов по образу жизни и быту к долганам и илимпейским тунгусам.

В целом северо-запад Якутии (Жиганский улус и северо-запад Вилюйского округа) в конце XIX в. представлял собой якутский район, лишь по традиции считавшийся тунгусским. Все же тунгусские (эвенкийские) элементы играли здесь известную роль. В верховья Оленека, Анабары и в низовья Лены заходили якутоязычные эвенки из Туруханского округа. На северо-западе Вилюйского округа (реки Марха, Чона, Сюрюнда) переписью 1897 г. были зарегистрированы члены Комбойского (Комбагирского) рода — 21 мужчина, 13 женщин¹⁹⁶. Можно полагать, что у части бетильцев, общавшихся с тунгусами-жахутцами, а также в среде кюпцев и эжанцев, соприкасавшихся с эвенами-тюгясирами, сохранялся родной язык. Численность тунгусоязычного населения северо-запада Якутии может быть определена лишь приблизительно. Судя по данным С. К. Патканова, оно составляло около 35 человек обоего пола¹⁹⁷.

В конце XIX — начале XX в. в связи с эпидемиями, а также неудачными годами по добыче диких оленей благосостояние населения северо-запада резко ухудшилось. «Оспа, — писал А. Бычков, — один из страшных бичей низовья Лены. Я видел на одном из самых северных островов дельты Лены против Быкова мыса селение Замовьелах 18 лет тому назад, когда пароход „Лена“ впервые вошел в Лену. В нем было больше 10 се-

¹⁹¹ С. К. Патканов не различал Бетильский (Осогостохский) и Бетюнский (Чордунский) роды. Возможно, это отразилось на сводных результатах их численности.

¹⁹² Шесть хозяйств угулятцев (25 человек обоего пола) были обнаружены в 1915 г. в низовьях Лены и Оленека (ЦГА ЯАССР, ф. 37, оп. 1, д. 2146).

¹⁹³ С. К. Патканов. Статистические данные..., стр. 795.

¹⁹⁴ П. Е. Островских. Поездка на озеро Есей. — «Известия Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела РГО», т. I, вып. 6, 1904, стр. 27. В 1883 г. миссионер М. Суслов, посетив Есей, ориентировочно определил численность якутов и тунгусов в 600 человек (М. Суслов. Озеро Есей. — «Енисейские епархиальные ведомости», 1884, № 7).

¹⁹⁵ В. Н. Васильев. Краткий очерк инородцев севера Туруханского края. — «Ежегодник Русского антропологического общества», т. II, СПб., 1908, стр. 58.

¹⁹⁶ С. К. Патканов. Статистические данные..., стр. 790—791, 795.

¹⁹⁷ Там же.

мейств якутов, теперь там не больше двух семейств — все остальное население уничтожено было оспой»¹⁹⁸.

Опутанные долгами, члены жиганских наслегов и родов и члены бродячих родов Вилюйского округа с трудом выплачивали ясак. В конце XIX в. за вилюйскими бродячими тунгусами стала накапливаться недоимка¹⁹⁹. В 1907 г. по ходатайству якутского губернатора состоялось «высочайшее повеление» сложить недоимку с бродячих инородцев Якутской области. За Бетильским родом числилась недоимка 50 руб., за Чордунским — 80 руб., за Угуляйским — 91 руб. и т. д.²⁰⁰ Снятие недоимок немногим облегчило положение оленеводов. В 1909 г. кочевавшие на Оленеке члены Бетильского рода (29 ревизских душ) представили приговор, в котором сообщали, что олени их пали, а от лесного пожара у 7 семейств погибло имущество. Кроме того, из-за пожара они не могли добыть достаточно пушнины и просили сложить с них недоимку за 1908 г.²⁰¹

В конце XIX в. изменились податные административные единицы, сформированные еще во второй половине XVIII в. В некоторых северных улусах произошло дробление больших волостей, а кое-где упразднение мелких и образование новых волостей. Большая часть крупных волостей была подразделена на роды. Некоторые из таких родов по численности населения превосходили старые наслеги. В Жиганском улусе в 1916 г. были составлены посемейные списки с указанием разделения на роды. Небольшие наслеги — Первый Батулинский (20 хозяйств), Второй Батулинский (13 хозяйств), Туматский (19 хозяйств) на роды не делились. В Первом Хатыгынском было 3 рода: Хатыгынский (22 хозяйства), Асыкайский (9), Оталданский (21), во Втором Хатыгынском — Тюмятинский (10 хозяйств), Хатыгынский (11), Хапахский (12); в Третьем Хатыгынском — Жиганский (43 хозяйства), Эмисский (15), Архатский (36); в Четвертом Хатыгынском — Нимчанский (13 хозяйств), Дулганский (10); в Кангаласском — Эжанский (12 хозяйств), Кангаласский (35)²⁰². Роды или именовались по занимаемой территории (Тюмятинский, Жиганский) или сохраняли названия тех волостей и родов, откуда вышли их родоначальники (Асыкайский, Эмисский). Однако в конце XIX — начале XX в., судя по распросным данным, и эти объединения уже в значительной мере стали архаизмами. Во время летних кочевек объединялись хозяйства из разных наслегов и родов. Эти объединения для совместного выпаса оленей или рыбалки были уже соседскими, хотя не всегда имели строго очерченную территорию. Территориальные связи способствовали сближению хозяйств из разных наслегов, а иногда и хозяйств, происходивших из разных этнических групп. Проникновение в Жиганский улус оленеводов из Вилюйского округа ускорило формирование здесь новых территориальных общин, хотя старые административные единицы сохранились вплоть до Советской власти. Интересно численное соотношение между населением Жиганского улуса и так называемыми вилюйскими тунгусами — оленеводами. По данным переписи 1897 г., в Жиганском улусе группа вилюйчан во второй половине XIX в. значительно увеличилась. В 1915 г. здесь, возможно в связи с подготовкой к переписи, был составлен именной список вилюйских тунгусов с указанием мест кочевек. В Жиганском улусе проживало 24 семьи (110 человек) Жахутского рода, 40 семей (280 человек) Осогостохского рода, 3 семьи (23 человека) Батулинского, 30 семей (158 че-

¹⁹⁸ А. Бычков. Очерки Якутской области. Томск, 1899, стр. 20.

¹⁹⁹ ЦГА ЯАССР, ф. 23, оп. 1, д. 652, лл. 212—224.

²⁰⁰ ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 2, д. 3532, лл. 31—32, 38.

²⁰¹ ЦГА ЯАССР, ф. 110, оп. 1, д. 150, л. 10.

²⁰² ЦГА ЯАССР, ф. 108, оп. 1, д. 77. Названия некоторых родов жиганских якутов без указания, в какие наслеги они входят, привел Г. В. Ксенофонов. См. Г. В. Ксенофонов. Ураангхай — Сахалар. Иркутск, 1937, стр. 226.

Водость, род	1816 г. ¹				1830 г. ²			Десятая ревизия (1850 г.) ⁴			Десятая ревизия (1859 г.) ⁵				1897 г. ⁶		
	Муж- чин	Жен- щин	Семей	При- быль, убыль мужчин с 1793 г.	Муж- чин	Жен- щин	При- быль, убыль мужчин с 1816 г.	Муж- чин	Жен- щин	При- быль, убыль мужчин с 1830 г.	Муж- чин	Жен- щин	Семей	При- быль, убыль мужчин с 1850 г.	Муж- чин	Жен- щин	При- быль, убыль, мужчин с 1859 г.
Первая Батулинская . .	96	88	24	+14	67	81	-29	95	99	+ 18	89	88	32	- 6	28	24	-61
Вторая Батулинская . . .	72	74 ²	25	+ 5	67	72	- 5	66	73	- 4	47	56	20	-19	100	109	+53 ⁷
Туматская	70	82	28	- 8	68	83	- 2	64	55	- 4	55	51	21	- 9	49	42	- 1
Первая Хатыгинская . .	271	255	81	+32	258	267	-13	193	206	- 65	171	163	52	-22	149	140	-22
Вторая Хатыгинская . .	127	98	35	+ 4	110	96	-17	102	107	- 8	101	92	26	- 4	106	114	+ 5
Третья Хатыгинская . .	237	234	68	+52	267	235	+30	321	325	+ 44	305	304	73	-16	130	118	-175
Четвертая Хатыгинская	—	—	—	—	—	—	—	105	99	+105	87	87	21	-18	41	50	-46
Кангаласская	164	124	43	+17	135	130	-29	138	136	+ 3	114	116	37	-24	70	71	-44
Кюпский тунгусский . .	147	126	37	+34	135	113	-12	149	146	+ 14	126	106	34	-23	70	70	-56
Эжанский тунгусский . .	84	74	30	-10	69	77	-15	77	74	+ 8	65	71	23	-12	33	34	-32
Всего	1268	1155	371	+140	1176	1154	-92	1310	1320	+114	1160	1134	339	-150	776	772	-378

¹ ЦГА ЯАССР, ф. 8, оп. 1, д. 105, лл. 1—121.

² В деле ошибочно указано 84 женщины, тогда как в переписных материалах их было 74 (ЦГА ЯАССР, ф. 37, д. 64, лл. 32—38).

³ ЦГИА, ф. 468, оп. 1339, д. 9, лл. 200—217.

⁴ ЦГА ЯАССР, ф. 37, оп. 1, д. 536, лл. 1—252; Хитрово. Указ. соч., стр. 65.

⁵ «Памятная книжка... за 1863 год», стр. 71, 70; ЦГА ЯАССР, ф. 37, л. 657.

⁶ С. К. Патканов. Статистические данные..., стр. 764—765; его же. Опыт географии и статистики..., стр. 116.

⁷ Возможно, в материалах С. К. Патканова Второй Батулинский наслег перепутан с Первым Батулинским. Если это так, то численность населения в Первом Батулинском увеличилась на 11 мужских душ, а во Втором Батулинском уменьшилась на 19 человек.

люлек) Чардожского, т. е. Чордунского, рода, 10 семей (31 человек) Кулятского, 19 семей (86 человек) Шелогонского, 8 семей (47 человек) Бетюнского, 6 семей (25 человек) Угулятского, 2 семьи (14 человек) Баренатского, т. е. Брагатского, рода и прочих 2 семьи (6 человек), всего 144 семьи, 780 человек²⁰³. По данным учета 1916 г., в Жиганском улусе было 1554 человека обоего пола²⁰⁴. «Вилуйские тунгусы» составляли около 50% по отношению к коренному населению этого улуса. Таким образом, в конце XIX — начале XX в. на северо-западе происходило интенсивное смешение и сближение двух подразделений северных оленеводов — жиганских и вилуйских, что было важным этапом в формировании и сплочении особой группы якутского народа — якутов-оленьеводов.

* * *

Освоение якутами северо-востока Якутии, так же как и в XVIII в., шло по двум направлениям: в бассейнах Индигирки и Колымы развивалось в основном скотоводческое хозяйство, в низовьях Яны — рыболовецко-охотничье.

Сравнение данных ревизий 1816 г. и 1769 г. показывает, что численность якутов в бассейнах Яны и Индигирки резко увеличилась: четыре усть-янские волости возросли с 211 мужских душ до 379. Почти втрое увеличилось население Эльгетского улуса (Индигирка). Якуты освоили бассейн верхнего течения Индигирки. Возникли четыре новых волости «момской части» — Эльгетская, Байдунская, Вторая Эгинская и Урюгейская (см. таблицу на стр. 178). Численность колымских якутов по сравнению с 1769 г. в 1830 г. возросла почти вдвое.

В 1830 г. в четырех волостях Усть-Янского улуса (три из них располагались в устьевой части Яны и по берегам Ледовитого океана, а четвертая — Удюгейская — в низовьях Индигирки) было всего 19 оленей, но 418 собак²⁰⁵. Якуты этого улуса занимались, так же как и члены жиганских «приморских» наслегов, рыболовством, охотой на диких оленей на переправах и промыслом песка.

Хозяйство населения Эльгетского улуса имело традиционный якутский характер. Здесь, как можно судить по приведенным ниже данным, в 1830-х годах развивалось скотоводство.

Волость	1830 г.*		1894 г.**			Район обитания
	Лошадей	Коров	Лошадей	Коров	Оленей	
Первая Юсальская . . .	68	35	130	100	40	Уяндина
Вторая Юсальская (Жу- сальская)	21	9	64	48	20	»
Батагайская	39	19	20	30	—	Индигирка (среднее течение)
Первая Эгинская	42	12	31	48	—	Около Зашиверска
Эльгетская	80	38	80	65	40	Индигирка, Колым- ский тракт
Первая Байдунская . . .	67	25	65	61	30	Верховья Индигирки
Вторая Байдунская . . .	—	—	71	80	50	
Вторая Эгинская	12	2	31	34	50	В 50 верстах от За- шиверска
Удюгейская	54	28	72	54	30	Верховья Индигирки
Всего	383	168	564	520	260	

* ЦГИА, ф. 468, оп. 1339, д. 9, лл. 274—289.

** ЦГА ЯАССР, ф. 25, оп. 1, д. 1975, лл. 117—118.

²⁰³ ЦГА ЯАССР, ф. 37, оп. 1, д. 2146, лл. 1—27.

²⁰⁴ ЦГА ЯАССР, ф. 108, оп. 1, д. 77.

²⁰⁵ ЦГИА, ф. 468, оп. 1339, д. 9, лл. 169, 218—225.

Разумеется, население Эльгетского улуса (1295 человек) прокормиться только за счет этого скота не могло. Возможно, численность коров и лошадей здесь несколько преуменьшена. Однако нет сомнения в том, что значительную роль в жизни эльгетских якутов играли рыболовство и охота. Индигирские (эльгетские) якуты вели более подвижный образ жизни, чем якуты центральных улусов. Это видно из ответов зашиверского комиссара Ефимова, данных в 1808 г. на запрос якутского нижнего земского суда, на основании каких прав пользуются местные иноверцы землями. Комиссар сообщил, что «якуты Верхоянского и Эльгетского улусов в летнее [время] кочуют с места на другое по урожаю сенокосных мест... в зимнее жительствоуют на одном месте, ездят за промыслом зверей, каких только где могут отыскать»²⁰⁶. Князец Батагайской волости показал, что «для пищи» его родовичи добывают лосей и диких оленей. Из донесений выяснилось, что раздела земель и закрепления их за наследниками в Зашиверском округе не производилось, так как «довольно имеется незаселенных мест».

Постепенно роль скотоводства возрастала. В отчете за 1894 г. по Эльгетскому улусу указывалось на комплексный характер хозяйства индигирских якутов, но подчеркивалось ведущее значение скотоводства²⁰⁷. Число коров увеличилось с 1830 г. втрое (см. таблицу на стр. 175). Развитие скотоводства сдерживали засухи и неурожай трав. Как отмечалось в отчете за 1908 г., скотоводством занималась «четвертая часть населения, а остальные — бродячие рыболовы и звероловы»²⁰⁸.

Охотой, по данным инородной управы, занималось около 300 индигирских якутов. Значительную роль играли пушной промысел, рыболовство, сбор мамонтовой кости. В приложении к отчету 1908 г. сказано, что оседлость якутов зависит «от изменчивости характера рыбных озер, т. е. от пропажи и приплода рыбы»²⁰⁹.

Несколько иным было хозяйство колымских якутов. В Колымском улусе, по материалам Второй ясачной комиссии, имелось 357 коров и 2993 лошади. Конина широко употреблялась в пищу. Важную роль играли рыболовство и охота. В каждой волости содержали ездовых собак. В улусе их было свыше 600²¹⁰. Эта цифра сама по себе свидетельствует о развитости рыболовства. Если на северо-западе переселенцы-якуты в значительной мере восприняли традиционное тунгусское хозяйство, то на северо-востоке, в особенности в бассейнах средней Колымы и верхней Алазеи, коренное население под влиянием якутов частично стало переходить к скотоводческому хозяйству. Вторая ясачная комиссия рассмотрела прошение 13 членов Бетильского тунгусского рода о перечислении в Первую Кангаласскую якутскую волость. Эти бетильцы (13 мужчин и 21 женщина) имели 69 лошадей и 24 коровы²¹¹. Можно полагать, что и в другие якутские волости влились отдельные лица и хозяйства юкагиров и эвенов. Колымские якуты в годы плохого промысла и неурожа рыбы благодаря наличию домашнего скота оказывали помощь юкагирам и эвеном, хотя сами испытывали немалые лишения²¹².

Численность скота в Колымском округе была подвержена значительным колебаниям. В 1803/04 г. в Средне-Колымском улусе пало 2130 лошадей. В 1811 г. падеж повторился. В 1836 г. инородная управа сообщала, что из 2369 человек конный скот имеют меньше половины, а рогатый — только 106 человек. Из-за неурожа рыбы, отсутствия зайцев в 1834—

²⁰⁶ ЦГА ЯАССР, ф. 8, оп. 1, д. 35, лл. 65—66.

²⁰⁷ ЦГА ЯАССР, ф. 25, оп. 1, д. 1975, лл. 117—118.

²⁰⁸ Там же, д. 3434, л. 43.

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ ЦГИА, ф. 468, оп. 1339, д. 9, лл. 334, 340—398.

²¹¹ Там же, л. 358.

²¹² «История Якутской АССР», т. II, М., 1957, стр. 216—219.

1936 гг. большая часть лошадей и коров была съедена. В 1841 г. в девяти наслеггах было 2967 лошадей и 255 коров. В 1847 г. пало 573 лошади, в 1852 г. — 1398. За первую половину 1853 г. погибло 2300 лошадей и 652 коровы²¹³. В 1869 г. эпизоотия истребила $\frac{2}{3}$ конского поголовья.

	1874 г.	1875 г.	1876 г.	1877 г.	1878 г.	1879 г.
Коров	287	299	80	136	151	172
Лошадей	614	630	632	387	447	438

	1880 г.	1881 г.	1882 г.	1883 г.	1884 г.
Коров	290	345	768	778	930
Лошадей	558	734	1151	1154	1341

О крайней неустойчивости скотоводства в Колымском округе свидетельствуют и данные Якутского статистического комитета. Материалы эти неточны, так как сведения собирались со слов князцов и старшин, но дело не в абсолютных цифрах. Данные комитета за 10 лет все же показывают, как резко колебалась в Колымском улусе численность рогатого скота и лошадей²¹⁴.

Как отметил в 1893 г. после командировки в Колымский округ советник Якутского областного правления И. Меликов, главным занятием жителей Колымского округа было рыболовство. В хозяйстве колымских якутов, таким образом, и в конце XIX в. сочеталось промысловое хозяйство со скотоводством.

Вследствие важной роли промыслов в хозяйстве колымско-индигирских якутов они и в это время вели более подвижный образ жизни, чем их собратья из центральных улусов. Поэтому у колымских якутов так же, как и у северо-западных, к концу XIX — началу XX в. произошли изменения в социальной структуре. Сложились чисто территориальные общины, объединявшие соседские хозяйства, хотя продолжали существовать административные наслеги, формально подразделявшиеся на роды. Так, во Втором Кангаласском наслеге Колымского улуса было 5 родов: Чанкылаах, Беге, Лобиз, Иэдэс, Быйа и Суор. Однако в действительности наслег подразделялся на 7 территориальных единиц — «тогоев»: Енжа, Эбэх, Хокур, Андылаах, Сагабыт, Сылгы-ытар и Кульдин²¹⁵. Территориальные объединения имелись и у верхоянских и индигирских якутов.

Если в первой половине XIX в. неуклонно росла численность якутского населения северо-востока, то во второй половине, несмотря на известный прогресс скотоводства, численность якутов в некоторых улусах уменьшалась. Судя по медико-санитарным обзорам Верхоянского и Колымского округов, с конца XVIII в. до 1870 г. значительных эпидемий на севере не было²¹⁶. В 1851/52 г. вспыхнула эпидемия кори, но смертные случаи были редки²¹⁷. Огромный урон населению принесла эпидемия оспы 1889 г. Согласно данным Якутского статистического комитета, в 1889 г. умерло по всей области 10 525 человек, естественный прирост за этот год составил минус 1013 человек. Оспа произвела сильные опустошения среди тундрового населения. Между Десятой ревизией и переписью 1897 г. население Усть-Янского улуса уменьшилось на 42 мужских души, Колымского — на 420. Население Эльгетского улуса, где эпидемия была слабее, выросло на 179 мужских душ. Во второй половине XIX в., кроме

²¹³ И. Меликов. Важнейшие промыслы и занятия жителей Колымского округа. — «Памятная книжка... за 1896 год», вып. I, стр. 124—134.

²¹⁴ Там же, вып. III.

²¹⁵ И. С. Гурвич. Соседская территориальная община у колымских якутов. — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. XVII, 1952, стр. 40—46.

²¹⁶ И. Петухов. Материалы для медицинской истории Якутского края. — «Памятная книжка... за 1868 год»; «Памятная книжка... за 1871 год».

²¹⁷ «Памятная книжка... за 1868 год», стр. 28—31; «Памятная книжка... за 1871 год», стр. 18—19.

Уезд	Волость	1816 г. ¹			1830 г. ²		1858 г. ³		1897 г. ⁴	
		мужчин	женщин	семей	мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин
Усть-Янский	Первая Ноготская	188	181	51	212	164	189	165	205	190
	Вторая Ноготская	—	—	—	—	—	67	53	116	119
	Удюгейская	48	60	14	63	83	73	66	17	15
	Куринская	—	—	—	—	—	148	156	76	80
	Батулинская	47	52	14	45	44	59	59	42	49
	Туматская	96	87	20	99	83	104	92	142	142
	Всего . . .	379	380	99	419	374	640	591	598	595
Эльгетский	Первая Юсальская	140	148	46	150	153	172	159	211	235
	Вторая Юсальская	48	54	15	52	62	44	41	38	29
	Батагайская	55	54	13	60	43	172	176	223	256
	Первая Эгинская	56	61	15	65	64	86	59	88	109
	Вторая Эгинская	28	26	9	25	22	43	41	44	42
	Эльгетская	80	90	26	89	98	110	103	158	183
	Первая Байдунская	86	119	26	99	110	124	103	163	160
	Вторая Байдунская	—	—	—	—	—	136	136	161	142
	Удюгейская	130	120	35	128	110	172	176	223	256
Всего . . .	623	672	185	668	662	1059	994	1309	1412	
Уезд	Волость	1830 г.		1859 г.		1897 г.				
		мужчин	женщин	мужчин	женщин	мужчин	женщин			
Колымский	Первая Мятюжская	49	53	65	49	67	63			
	Вторая Мятюжская	140	145	173	189	163	173			
	Третья Мятюжская	178	172	248	275	275	296			
	Четвертая Мятюжская . .	87	74	164	176	161	188			
	Пятая Мятюжская	63	66	—	—	—	—			
	Первая Кангаласская . .	220	229	319	312	274	265			
	Вторая Кангаласская . .	65	65	89	90	150	165			
	Первая Байдунская	157	167	180	182	159	186			
	Вторая Байдунская	148	168	189	215	107	123			
	Вторая Байдунская от- дельная	—	—	—	—	50	52			
	Эгинская	32	33	34	40	28	29			
	Борогонская	45	53	71	87	78	75			
	Всего . . .	1184	1225	1532	1615	1512	1615			

¹ ЦГА ЯАССР, ф. 8, оп. 1, д. 104, 106.

² ЦГИА, ф. 468, оп. 1339, д. 9, лл. 218—289, 376—399.

³ «Памятная книжка . . . за 1863 год», стр. 70—72.

⁴ С. К. Патканов. Статистические данные..., стр. 764—765, 808—809.

эпидемий, на численности населения сказывалась и усиленная эксплуатация его скупщиками пушнины. Все это привело к некоторому сокращению этих групп якутов, хотя и меньшему, чем у их соседей юкагиров и ламутов.

В целом якуты севера в конце XIX — начале XX в. подразделялись на 3 большие группы: северо-западные якуты-оленьеводы (около 2500 человек обоего пола), якуты-рыболовы с собачьим транспортом, редкие поселения которых располагались в устьях Оленека, Лены, Яны и Индигирки (около 1700 человек обоего пола) и якуты-скотоводы в бассейнах среднего и верхнего течения Индигирки и Колымы — около 5500 человек обоего пола²¹⁸.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЕ ПАЛЕОАЗИАТЫ

Ительмены

В начале XIX в. коренное население Камчатки постигли большие бедствия. В самом конце XVIII в. правительство, опасаясь за безопасность своих северо-восточных владений в связи с появлением у берегов Камчатки иностранных судов, перевело Камчатку на военное положение. В 1799 г. на полуостров был направлен полк солдат во главе с генерал-майором Сомовым. Перевозка солдат и снаряжения легла тяжелым бременем на камчадалов²¹⁹. Занесенная полком эпидемия «гнилой горячки» произвела страшные опустошения среди коренного населения. От «сомовского» поветрия в 1799—1800 гг. погибло 1682 камчадала и коряка²²⁰. Безымянный автор статьи о Камчатке, написанной, видимо, в 1800—1804 гг., указал, что «число всех в поветрие умерших простирается по крайней мере до 2000, а остающихся ныне природных жителей мужеска и женска пола около 1500 душ»²²¹. Таким образом, в начале XIX в. погибло около 35—40% коренного населения Камчатки.

Во время пребывания полка на Камчатке там распространились венерические заболевания. В 1806 г. для оказания помощи населению был командирован доктор А. Шпир. Ознакомившись в 1808/09 г. с положением дел, он указал в записке, адресованной графу Куракину, что «Камчатка несравненно более имеет нужду в продовольствии, а не в покое, нежели в докторе». Шпир отметил бесполезное пребывание на Камчатке военных сил, пагубность для населения реквизиций кормов для собак чиновников и военных. «Ежели не будет переменено состояние дел, — сообщал он, — то через 10 лет, ежели не прежде, должно ожидать конечного истребления небольшого числа оставшихся жителей»²²². Преобразование полка в батальон (1802 г.) и расформирование батальона (1812 г.) несколько облегчили положение камчадалов, но бедствия не прекратились. В 1814/18 г. был сильный неуров рыбы. В 1819 г. вспыхнула эпидемия «повальной горячки»²²³. Вследствие всех этих бедствий произошло резкое уменьшение численности коренного населения Камчатки. Переписью 1820 г. было выявлено 1431 камчадал мужчина и 766 женщин (?), олюторцев — 228 мужчин и 185 женщин, курильцев — 67 мужчин и 80 женщин, коряков — 339 мужчин²²⁴.

²¹⁸ Мы не включаем в эту группу верхоянских якутов, так как они в XIX в. были мало связаны с северными якутами.

²¹⁹ Н. В. С л ю н и н. Указ. соч., стр. 71—72.

²²⁰ А. С г и б н е в. Исторический очерк..., № 7, стр. 46.

²²¹ «О переменах, произошедших на Камчатке со времени описания оной Крашенинниковым». — «Сибирский вестник», 1824, ч. IV, стр. 347.

²²² ГИМ, ф. 443, д. 36, лл. 29, 63—65.

²²³ В. В а г и н. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г., т. II, СПб., 1872, стр. 37—39.

²²⁴ Там же, стр. 43.

По данным А. Сгибнева об этой ревизии, в 49 селениях было 1428 мужчин и 1330 женщин камчадалов²²⁵. В число камчадалов переписчики включили и оседлых коряков. Как было показано выше, камчадалы составляли в конце XVIII в. около 70 % коренного оседлого населения Камчатки. Принимая этот же коэффициент, можно думать, что в 1820 г. их было около 2000 человек обоего пола. Таким образом, за 20 лет их численность уменьшилась на 1000—1200 человек.

В 1827 г. на Камчатке была произведена перепись в связи с переобложением населения ясаком. Всего было выявлено в 48 острожках 1459 мужчин и 1320 женщин камчадалов, включая часть коряков²²⁶.

В так называемых камчадальских родах значилось 846 мужских душ²²⁷.

Род	Мужчин	Род	Мужчин	Род	Мужчин
Апачинский	23	Ичинский	39	Козыревский	18
Годыжинский . . .	34	Сопочный	34	Толбачинский . . .	27
Явинский	13	Морошечный	51	Щапинский	19
Уткинский	13	Белоголовый	27	Машурский	40
Кихчинский	20	Харьюзовский	43	Корчинский	31
Коловский	20	Ковранский	28	Шеромский	24
Воровской	28	Еловский	33	Пущинский	20
Колпаковский . . .	27	Харчинский	17	Гавальский	23
Крутогорский . . .	17	Камаковский	32	Малкинский	38
Облуковинский . .	18	Ушковский	27	Начикский	24
				Корякский	38
				Всего	846

Принимая во внимание, что камчадалы жили и в русских селениях — Тагиль, Мильково и др., — численность мужских душ мы увеличиваем до 900—950 человек. Следовательно, общая численность камчадалов в 1827 г. была 1800—1900 человек обоего пола.

В первые десятилетия XIX в. изменился облик хозяйства камчадалов. Развилось огородничество²²⁸. Эта отрасль хозяйства усиленно насаждалась администрацией. Судя по донесению Голенничева, огороды в 1830—1831 гг. были во всех камчатских селениях. Посев овощей был обязателен и при военном губернаторе Камчатки В. С. Завойко²²⁹. Во всех камчадальских острожках содержался рогатый скот и лошади. Без разрешения властей камчадалы и крестьяне не имели права свой скот продавать и отдавать в долг²³⁰. Имеющиеся материалы свидетельствуют о сравнительно высокой обеспеченности скотом. Так, в 1852—1854 гг. в Старом остроге на 51 душу было 214 коров (с молодняком) и 6 лошадей, в Малке на 75 душ — 57 коров и 9 лошадей, в Сопочном на 66 душ — 45 коров и 5 лошадей, в Воровском на 87 душ — 90 коров и 16 лошадей и т. д. Быт камчадалов приблизился к быту русских. Во всех острожках юрты были заменены срубными избами. Однако результаты положительных сдвигов в хозяйстве и быте камчадалов в значительной мере обесценивались вследствие административного произвола. Процветавшая на полуострове торговля в долг лишала

²²⁵ А. Сгибнев. Исторический очерк..., № 8, стр. 37. Кроме того, на Камчатке значилось 260 мужчин и 238 женщин олюторцев, 53 мужчины и 48 женщин коряков. Всего ясачных было 949 человек.

²²⁶ Голенничев. Сельское хозяйство на Камчатке. Отчет за 1830 год. — «Земледельческий журнал», 1831, № 2, стр. 206.

²²⁷ ЦГИА, ф. 468, оп. 9, д. 1055, лл. 28—29.

²²⁸ «О состоянии сельского хозяйства в Сибири, об успехах оною (письма из Камчатки, Охотска, Нерчинска и Омска)». — «Земледельческий журнал», 1823, № 7, стр. 231—233; Голенничев. О состоянии Камчатской области в 1830 и 1831 годах. — «Журнал Министерства внутренних дел», ч. X, 1833, стр. 5.

²²⁹ Н. В. Слюнин. Указ. соч., стр. 87.

²³⁰ Там же, стр. 42.

большинство камчадалов результатов пушного промысла. Грубый чиночиничий произвол, насильственные переселения из одних поселков в другие для удобства проезда по «тракту» подрывали благосостояние целых поселков. Селение Ушки, например, состояло из переселенцев из поселка Каменного (Щековского), в Толбачиках были семьи переселенцев с западного побережья из поселка Моршечного, в Шоромах — семьи с реки Воровской. В Пуцино жили переведенцы из Моршечного, Белоголовой и Колпаковского острожка²³¹.

В XIX в. сближение камчадалов с русскими старожилками происходило не только в хозяйственной области, но и в языке. В начале XIX в., по сообщению безыменного автора описания Камчатки, большинство камчадалов было двуязычно. «Нынешние жители совершенно почти обрусели, — писал он, — и все без изъятия говорят по-русски, не оставляя и своего языка»²³².

Наблюдения К. Дитмара в 1851—1854 гг. не вполне подтвердили это утверждение. Двуязычие не было повсеместным явлением даже в долине Камчатки. Хотя в Камаковском острожке камчадалы объявили Дитмару, что «по-камчатски говорят еще разве одни только старые бабы, между тем как мужчины более не понимают камчадалской речи и все уже говорят по-русски», тем не менее он отметил, что в Кирганике, Машуре, Щапиной, Толбачике и Козыревске жители пользовались в быту камчадалским языком²³³. В Толбачиках женщины совсем не знали русского языка²³⁴. На западном побережье камчадалский язык в середине XIX в. сохранялся повсеместно. Однако в камчадалских острожках близ русских селений русский язык распространился широко. Судя по наблюдениям К. Дитмара и Д. Кенана²³⁵, камчадалы распределялись на следующие языковые группы: 1) перешедшие в основном на русский язык (жители поселков, связанных с Петропавловском); 2) двуязычные (среднее течение Камчатки); 3) сохранившие родной язык при очень слабом знании русского (Толбачики и западное побережье Камчатки от реки Хайрюзовой до Апачи).

Изменения в хозяйстве, сближение, с русской культурой, отсутствие больших эпидемий привело к некоторому улучшению быта камчадалов и даже росту их численности. В 1852 г. в Петропавловском округе (с городом) считалось 3973 мужчины и 3158 женщин, всего 7131 человек²³⁶. В 1853 г. всего в округе и городе числилось 7331 человек, в том числе оседлых ясачного звания 3982 человека²³⁷. Исключая отсюда тигильских, паланских, укинских и олюторских коряков, можно полагать, что камчадалов было около 2200 человек обоего пола. Таким образом, с 1853 г. по 1887 г. их численность увеличилась на 300 человек.

После отражения нападения англо-французского соединенного флота на Петропавловск (1854 г.), ухода Камчатской флотилии (1855 г.), ликвидации Российско-Американской компании (1867 г.) сократились разорительные для населения административные разъезды по полуострову. Но даже при сравнительно устойчивом хозяйстве (животноводство) рост коренного населения происходил крайне медленно. В 1861 г. в Петропавловском округе с городом было 6636 человек обоего пола, в том числе 4326 человек «ясачного звания»²³⁸. Как отмечалось в отчете по округу за этот год, число родившихся было почти равно числу умерших из-за гриппа и крупозного катара дыхательных путей. Ясачный сбор для таких камча-

²³¹ К. Дитмар. Поездка и пребывание в Камчатке..., стр. 335, 345, 370, 373.

²³² «О переменах, происшедших на Камчатке...», стр. 348.

²³³ К. Дитмар. Поездка и пребывание в Камчатке..., стр. 314.

²³⁴ Там же, стр. 341.

²³⁵ Д. Кенан. Степная жизнь в Сибири. СПб., 1871, стр. 45.

²³⁶ А. Сгибнев. Исторический очерк..., № 8, стр. 102.

²³⁷ П. Кеппен. Девятая ревизия. СПб., 1857, стр. 65—66. Всего ясачных с кочевыми коряками и эвенками было 4365 человек.

²³⁸ ЦГАДВ, ф. 87, оп. 1, д. 81, л. 83.

дальских селений, как Пушино, население которых уменьшилось после Второй ясачной комиссии, превратился в крайне тяжелую повинность.

Перепись 1897 г. дала следующие материалы о численности и расселении камчадалов²³⁹.

Селение*	Хозяйств	Мужчин	Женщин	Селение	Хозяйств	Мужчин	Женщин
Пушино	6	13	11	Утка	9	31	22
Шоромы	10	18	22	Кихчик	10	33	37
Кирганик	10	33	25	Кол	12	36	31
Машура	14	54	45	Воровское . . .	18	68	71
Щапино	9	25	24	Колпаково . . .	16	42	56
Толбачик	12	29	28	Крутогорово . .	11	38	47
Козыревск . . .	10	31	28	Облуковина . . .	22	49	45
Ушки	9	22	26	Ича	12	39	37
Харчино	9	26	27	Сопочное	11	45	45
Еловка	8	27	31	Морощечное . . .	15	62	55
Камаки	12	40	34	Белоголовое . .	6	23	24
Коряки	13	42	28	Хайрюзово . . .	30	132	136
Явино	9	19	14	Ковран	12	56	57
Голыгино	9	25	32	Утхолок	11	49	42
Начики	7	25	16	Напана	11	33	33
Апача	20	62	60	Седанка	16	55	44
Ганалы	10	36	48	Аманино	12	34	43
Малка	18	59	44				
				Всего	429	1411	1368

* Кроме камчадалов, в этих селениях проживали 68 мужчин и 74 женщины, показавшие себя русскими.

Всего, по данным переписи 1897 г., камчадалов значилось 1411 мужчин и 1368 женщины. За 40 лет их численность увеличилась на 776 человек, однако из 2779 человек только 602 мужчины и 573 женщины показали родным языком камчадалский²⁴⁰. Таким образом, официально более половины камчадалов в качестве родного языка пользовались русским. Фактически русскоязычных камчадалов было больше. В долине Камчатки камчадалоязычные жители были показаны в Шормах, Кирганике, Толбачике и Камаках. Это вызывает сомнения. В 1909 г., т. е. спустя 12 лет после переписи, обследовавший эти места В. Л. Комаров указал, что жителей, знающих камчадалский язык, здесь не осталось. «Во всей долине Камчатки только один 80-летний Феофистыч в Машуре еще помнит по-камчадалски»²⁴¹. Следовательно, зарегистрированные переписью 1897 г. камчадалоязычные жители в этом районе или были глубокими стариками и к 1909 г. скончались, или в их число были зачислены русскоязычные с особым сибирским говором. Второе предположение подтверждается данными В. Н. Тюшева, путешествовавшего по Камчатке в 1896—1898 гг. Он писал: «Немногие русские, которым случается на короткое время побывать в Камчатке, т. е. в Петропавловске, а в особенности же которые еще побывали и в ближайших к нему селениях, как-то: в Сероглазке, Аваче, Калахтырке, Паратунке и других, уезжают оттуда с полной уверенностью, что они слышали камчадалский язык и даже могут на нем объясняться, оставаясь при этом не только сами, но и вводя тем других в ложное представление об языке... Все камчадалы и русские, живущие на Камчатском полуострове, за исключением селений Сопочного, Морощечного, Белоголовского, Харьюзовского, Кавранского, Утхолокского, Напанского и Седанкин-

²³⁹ С. К. Патканов. Статистические данные..., стр. 914—916.

²⁴⁰ Там же, стр. 920.

²⁴¹ В. Л. Комаров. О русском населении Камчатки.— «Русский антропологический журнал», СПб., 1912, № 2—3, стр. 103.

ского, говорят на испорченном русском языке, особым говором, употребляя много чисто местных выражений, часто употребляемых по Сибири»²⁴². По-видимому, переписчики попросту сочли жителей ряда поселков долины Камчатки, пользовавшихся русским языком с этническими особенностями, камчадалоязычными.

Итак, наблюдения В. Н. Тюшева, В. Л. Комарова, В. И. Иохельсона показывают, что долина Камчатки в конце XIX — начала XX в. была районом с русскоязычным населением. Хотя это население считалось камчадалами, объективно это была уже группа русского населения. Родной язык и некоторые элементы традиционной культуры сохраняли лишь камчадалы-ительмены, обитатели западного побережья — 968 человек. Но и они в конце XIX — начале XX в. заметно сблизились с русскими в связи с развитием рыбных промыслов и широкими переселенческими мероприятиями правительства²⁴³. В середине XIX в. их вымирание прекратилось. Однако этническое развитие и этой группы пошло по новому руслу — сближению и слиянию с русским населением полуострова.

Коряки

Эпидемия «гнилой горячки», свирепствовавшая на Камчатке в начале XIX в., захватила и северные селения. Однако определить численность коряков, погибших от этой болезни, невозможно, так как в официальных донесениях указывалась только общая численность погибших ясачных без разбивки по селениям. За эпидемией последовали годы, когда береговые коряки не могли заставить рыбу в необходимых количествах. В 1810 г., проезжая через западные селения камчатских коряков, гижигинский комиссар Ломакин отметил в путевом журнале, что жители Кинкиля, Пусторечка и Подкагирной не имели корма для собак из-за плохого летнего лова рыбы и сами питались случайным промыслом дичи и запасами старого пернчьего жира²⁴⁴. Голод испытывали в это время и наяханские пенные коряки. По требованию гижигинских властей олениные коряки предоставили голодавшим береговым 180 оленей²⁴⁵. Голодовки среди оседлых жителей, тяжело отражались на хозяйстве оленных коряков. Они безвозмездно оказывали помощь оленям как береговым корякам, так и гижигинскому гарнизону. Однако все эти события не сказались на численности коряков.

В 1811—1812 гг. на Камчатке и в Охотском округе была проведена Шестая ревизия. Подробные данные этого учета есть лишь по Гижигинскому комиссарству. Здесь значились следующие административные роды коряков²⁴⁶.

Пенные коряки

«Род»	Ревизских душ	«Род»	Ревизских душ
Туманский	19	Каменский	26
Говылина		Окланский	21
(Ямский)	17	Косухин	6
Емугин		Жировой	20

²⁴² В. Н. Тюшев. По западному берегу Камчатки. СПб., 1906, стр. 61—62.

²⁴³ В. Маргаритов. Камчатка и ее обитатели. — «Записки Приамурского отдела РГО», т. V, вып. 1, Хабаровск, 1899; Г. А. Крамаренко. Путешествие на Камчатку и обследование ее в рыболовном отношении в 1907 году. — «Известия РГО», т. XLIV, вып. 5, СПб., 1908; П. Крынин. Общие сведения относительно Камчатского края. — «Отчет по рекогносцировочным исследованиям в 1909 г. рек Камчатского полуострова — Камчатки, Большой, Авачи», СПб., 1913; Б. А. Гейнemann. Очерк рыболовства на Камчатке. СПб., 1912; П. Ф. Унтербергер. Приамурский край. 1906—1910 годы. СПб., 1912.

²⁴⁴ ЦГАДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 71, лл. 1—3.

²⁴⁵ Там же, л. 3.

²⁴⁶ Там же, ф. 1018, оп. 1, д. 13, лл. 45—47. Наименования родов в ведомости искажены.

«Род»	Ревизских душ	«Род»	Ревизских душ
Ямский	3	Ягачинский	50
Ауегин (Ямский) . .	13	Пусторецкий	21
Мутчин (Ямский) . .	16	Апукский	42
Гармандинский (Ная- ханский)	58	Ильпырский (Олю- торский)	35
Чивичинский	3	Атгальский	43
Итканский	24	Хатырский	24
Первый Пареньский	38	Кавачинский	21
Второй Пареньский	88		
		Всего	479

Оленные коряки

«Род»	Ревизских душ	«Род»	Ревизских душ
Эйгелин	44	Яллахов	23
Ивакин	73	Айгылехтенов	73
Медведев	76	Векичев	36
Ипеков	50	Янгев	17
Эвонтов	74	Омматов	30
Лехтувын	4	Этиунов	30
Эвлохов	98	Инялахутов	127
Аукевын	44		
Логонов	26	Всего	825

Всего в Гижигинском комиссарстве числилось 1304 мужских душ. На Камчатке значилось 228 мужчин олюторцев, 339 мужчин кочевых коряков. Кроме того, часть оседлых коряков (укинцы, паланцы) считались камчадалами. Их было около 430 мужских душ (1820 г.)²⁴⁷. Следовательно, всего на Камчатке обитало около 1000 мужских душ коряков. Численность всех коряков была 2300 мужских душ, или 4600—4800 человек обоего пола. Численность оседлых и кочевых была почти одинакова.

В 1815—1818 гг. бедствия, связанные с неуловом рыбы, приняли катастрофические формы. В поселке Туманы с голоду умерло 13 коряков, были случаи трупоедства. По Охотскому побережью были учреждены хлебозапасные магазины. В некоторых селениях береговых коряков была введена должность смотрителя, наблюдавшего за тем, чтобы жители «усердно производили промысел» и не продавали продукты²⁴⁸. В 1815—1818 гг. оленные коряки вынуждены были «пожертвовать» голодающим собратьям и населению Гижиги 5 тыс. оленей²⁴⁹.

Перепись 1829 г., производившаяся в связи с новым переобложением коряков ясаком, показала значительное уменьшение их численности. Всего в Петропавловской округе было 927 мужских душ, или около 1850 коряков обоего пола, в том числе около 1500 оседлых и 350 кочевых оленных (Тигильский род — 61 мужская душа, Парапольский — 64, Ветвейский — 49).

Переписью 1829 г. было выявлено 3700 коряков (см. таблицу на стр. 187). Однако в Гижигинском округе в некоторых селениях и родах

²⁴⁷ В. Вагин. Указ. соч., стр. 43.

²⁴⁸ А. Шаховской. Известия о способах продовольствия жителей Охотского и Гижигинского уездов. — «Северный архив», 1822, № 4; В. Вагин. Указ. соч., стр. 26—27; А. Сильницкий. Меры правительства для поднятия благосостояния Гижигинского края с 1819 по 1840 годы. — «Записки Приамурского отдела РГО», т. IV, вып. 1, Хабаровск, 1898, стр. 27—32.

²⁴⁹ ЦГАДВ, ф. 1084, д. 103, лл. 50, 53.

оленоводов соотношение мужчин и женщин наводит на мысль о недоучете женщин. Если принять соотношение их 1 : 1, то в этом округе было недоучтено 450 женщин. Можно полагать, что в отдаленных селениях был и недоучет мужского населения. С этими поправками численность коряков поднимается до 4450—4300 человек. Резко сократилась численность оленных коряков: по Шестой ревизии было 1164 мужских душ, по переписи 1829 г. — 745.

Это уменьшение, нам думается, не следует объяснять лишь недоучетом. По-видимому, оленеводы претерпели в 1810—1820-х годах какие-то эпизоотии, хотя по данным переписчиков в 1829 г. в родах оленных камчатских коряков было 73 тыс. оленей, а в 14 родах Гижигинского округа 70 тыс. оленей. Конечно, эти цифры очень приблизительно отражали действительную картину²⁵⁰.

Перепись 1829 г. дала и некоторые материалы о хозяйстве береговых коряков. Южные оседлые коряки западного берега Камчатки имели рогатый скот и лошадей. Так, в Кахтае была лошадь и 5 коров, в Кинкиле — 3 лошади и 5 коров²⁵¹. Скотом владели и охотские коряки — ямские и туманские. Как отмечалось в документе 1823 г., их хозяйство ничем существенным не отличалось от хозяйства местных русских крестьян²⁵². Действительно, уже в 1810 г. в Ямске «оказались строения коряжского: изб — 7, амбаров рубленых — 10, баня — 1, юрт земляных — 5, поварен для промысла рыбы — 2, лодок речных — 6, байдар деревянных — 2»²⁵³. Более примитивные жилища сохранились в Наяханском селении береговых коряков. В 1810 г. они еще обитали в юртах. «Народ наяханский в летнем жилище расположен на берегу морском при устье реки Наяханы в 6 юртах-землянках, при которых строения балаганы на столбах — 12, рубленые — 2. Байдар в селении этом для морского хода — 3, лошадей — 4. В зимнем жилище вверх по Наяхане юрт землянок — 9, балаганов на столбах — 3, рубленок — 1»²⁵⁴.

В Ямске и Наяхане имели место браки между коряками и эвенками, между коряками и воспитанными в русской среде чукчанками, а ямский коряк Петр Данилов был женат на юкагирке Алиной с Колымы из рода старосты Руначева²⁵⁵. Напротив, пенжинские и олюторские береговые коряки сохраняли обособленность. Единственным видом скота в их селениях были ездовые собаки, а основой существования — рыболовство и морской зверобойный промысел.

Между береговыми и кочевыми коряками поддерживались обменные отношения. В 1837/38 г., когда тигильские и паланские коряки голодали из-за неурожа рыбы, большую помощь им оказали оленные коряки²⁵⁶.

Упрочились дружеские связи некоторых групп северных оленных коряков с чукчами. Как доносил из Гижиги в 1825 г. штурман Неродов, «Амматовский род оленных коряк с самого замирения с чукотским Тумманским родом совокупились неразрывною дружбою и утвердились на твердых основаниях иметь всегда вместе по прибытии на ярмарку общий лагерь и с тем еще, что Тумманский род чукоч довольствуется всегда пищею (оленьями) от Амматовского рода оленных коряк в оба пути как вперед, так и обратно»²⁵⁷.

²⁵⁰ ЦГИА, ф. 468, оп. 9, д. 1055, лл. 28—31; д. 1048, лл. 179—181.

²⁵¹ Там же, д. 1055, лл. 28—29.

²⁵² ЦГАДВ, ф. 1016, оп. 1, д. 29, л. 1.

²⁵³ Там же, ф. 1007, оп. 1, д. 71, лл. 11—12.

²⁵⁴ Там же.

²⁵⁵ Там же, ф. 1016, оп. 3, д. 78, лл. 24—25; ф. 1539, оп. 1, д. 3, лл. 104, 230, 273, 274, 424.

²⁵⁶ А. Сгибнев. Исторический очерк..., № 8, стр. 63; И. Барсуков. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский, по его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1882, стр. 194.

²⁵⁷ ЦГАДВ, ф. 1016, оп. 3, д. 9, лл. 4—5.

К середине XIX в. наметилось дальнейшее сближение ямских, туманских и отчасти камчатских береговых коряков с русскими поселенцами. «Вообще быт здешних коряков, — писал Н. Булычев, посетив Охотский округ, — не имеет и тени того грубого невежества, в котором доселе находятся все прочие инородцы, проживающие в Гижигинске: здесь почти исключительно одни коряки Охотского округа обращены в православную веру, между тем как их главные поколения остаются в том же состоянии идолопоклонства, как и прежде... Здесь вы не встретите уже ни одной юрты, каждый из обывателей, в числе главных потребностей, заботится об устройстве дома своего»²⁵⁸. Эти наблюдения подтверждаются и другими свидетельствами. «Ямская крепостица, населенная станичными казаками и коряками, при реке Яме, — писал охотский земский исправник в 1846 г., — лучшая из всех селений Охотского округа. Жители ее, кроме обыкновенных работ и занятий, занимаются деланием нарт, корзин из тростнику, отличаясь в этом от других жителей особенно чистотою»²⁵⁹.

Южные группы береговых камчатских коряков — карагинцы, тигильцы, паланцы — в XIX в. также заметно сблизились с камчадалами и русскими. «Пять южных селений, как-то: Лесная, Кинкиль, Палана, Кахтана и Воямполка, — писал К. Дитмар, — несет на себе совершенно другой характер. Жители их все крещенные и имеют в каждом селении часовню, а в Палане церковь. Почти все без исключения говорят несколько по-русски... Все живут в порядочных избах с окнами, печами и трубами. У них заметно начало разведения лошадей и рогатого скота, а также они стараются о произращивании овощей, картофеля, капусты, свеклы, но без большого успеха»²⁶⁰. По данным Дитмара, в 1853 г. в Петропавловском и Гижигинском округах значилось 1700 кочевых коряков обоого пола. Кроме того, он считал, что на границе с чукчами кочевало еще около 1000 коряков. Общую численность оленных коряков Дитмар определял в 2750 душ²⁶¹.

Береговых коряков К. Дитмар подразделял на 4 группы: каменцы и пареньцы (Каменское, Ловаты, Орночик, Ягачи, Шестаково, Микино, Кюзл, Парень) — 235 человек обоого пола; паланцы (Пусторецк, Подкагирная, Лесная, Кинкиль, Палана, Кахтана, Воямполка) — 872 человека обоого пола; укинцы (Озерная, Ука, Хайлюля, Ивашка, Дранка, Карага) — 443 человек обоого пола; олюторцы (Кичига, Вывнуки, Телички, Култушное, Олюторка, Ветвей, Пахача, Апука и Катырка)²⁶². Численность последней группы коряков К. Дитмар не указал. Принимая для олюторцев численность, выявленную по предыдущей переписи (518 человек обоого пола их паходилось в Петропавловском округе и 70 — в Гижигинском), и добавив охотских коряков (316 человек обоого пола), мы получим, вместе с приведенными выше данными, общую, конечно, весьма приблизительную, численность коряков: в 1852—1853 гг. их было 5174 человека.

Таким образом, в сравнении с 1827 г. численность коряков увеличилась на 800—1000 человек. Это объясняется тем, что 1830—1850-е годы были относительно благоприятны для коряков. Во второй половине XIX в. некоторые группы оленных коряков втянулись в торговые отношения с русскими. В 1861 г. под Тигилем у коряков было куплено 500 оленей и вывезено в Петропавловск²⁶³. Постоянный торг с Гижигой вели окружающие ее стойбища оленных коряков. В южных селениях береговых коряков развивалось скотоводство, огородничество. Все это привело к дальнейшему росту численности коряков, что показала перепись 1897 г.

²⁵⁸ И. Булычев. Указ. соч., стр. 209.

²⁵⁹ ЦГАДВ, ф. 1018, оп. 2, д. 191, лл. 65—66.

²⁶⁰ К. Дитмар. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах. — «Вестник РГО», ч. XV, отд. V, 1855, стр. 60.

²⁶¹ Там же, ч. XVI, 1856, стр. 28.

²⁶² Там же, ч. XV, 1855, стр. 57, 60, 61.

²⁶³ ЦГАДВ, ф. 87, д. 81, л. 80.

Округ

Петропавловский

Охотский

Анадырский

Селение	1829 г.		1897 г.		Округ	Селение	1829 г.			1897 г.		
	мужчин	хозяйств	мужчин	женщин			мужчин	женщин	хозяйств	мужчин	женщин	хозяйств
Укинская группа ¹					Гижигинский	Гижигинско-пейкинская группа ⁵						
Озерновское	21	6	25	21		Наяхан	56	51	—	25	15	9
Ука	21	4	4	5		Овекова	—	—	—	6	7	1
Хайлюля	32	3	11	10		Иткана Большая	} 27	29	—	49	62	10
Ивашка	28	6	19	18		Иткана Средняя				6	10	2
Дравка	33	13	36	46		Иткана Малая . . .				12	23	5
Карага	42	17	56	47		Парень	42	33	—	60	73	18
						»	140	97	—	—	—	—
Всего	177	49	161	157		Куюл	—	—	—	48	53	14
Паланская группа ¹						Микино	—	—	—	28	25	6
					Шестаково	—	—	—	9	6	2	
Ваямполка	37	17	63	64	Арнотик	—	—	—	12	15	3	
Ургино		1	4	4	Лаваты	—	—	—	30	30	7	
Кахтана	44	31	115	120	Пеача	67	34	—	—	—	—	
Палана	51	32	100	103	Каменский	98	34	—	75	108	28	
Кинкиль	51	14	67	66	Таловка	} 53	29	—	9	14	3	
Лесная	59	19	86	94	Рекивики				40	39	8	
Подкагерная ² . . .	27	4	20	16	Всего	483	307	—	409	480	116	
Пусторецк	48	4	24	22	Олиторская группа ⁵							
Всего	317	122	479	489	Култушные ⁶	69	—	—	66	78	—	
Оседлые коряки ³					Хайлино	—	—	—	41	52	—	
Туманы и займки	43		12	14	Кичага ⁶	56	—	—	95	74	—	
Ямск и займки ⁴ . .	75		109	96	Вывнуки ⁶	30	—	—	59	43	—	
Всего	88		121	110	Тилчики ⁶	23	—	—	51	47	—	
Керяки ³					Олиторка ⁶	60	—	—	51	50	—	
Ам-Мэмэн			19	11	Пахача	24	—	—	37	34	—	
Гичгатагын			3	7	Ветвей ⁶	19	—	—	6	4	—	
Кэннун			8	12	Апука	—	—	—	25	22	—	
Кайпильгин			9	8	Хатырка	—	—	—	61	59	—	
Ватэркат			13	12	Кавача на реке	} 14	—	—	29	24	—	
Всего			52	50	Апуке							
					Ковача на реке							
					Коваче	—	—	—	5	5	—	
					Всего	295	—	—	526	492	—	
					Оленные («бродячие») коряки ⁷							
					Петропавловские	174	—		642	642		
					Гижигинские	571	341		1289	1100		
					Анадырские	—	—		33	42		
					Всего	745	341		1964	1784		

¹ Данные 1829 г. см. ЦГИА, ф. 468, оп. 9, д. 1055, лл. 28—29, 1897 г. — С. К. Патканов. Статистические данные . . . , стр. 914—916.

² Подкагерная и Пусторецк в 1897 г. находились в Петропавловском округе.

³ Данные 1829 г. см. ЦГИА, ф. 468, оп. 9, д. 1055, лл. 30—31, 1897 г. — С. К. Патканов. Статистические данные . . . , стр. 909.

⁴ В 1829 г. коряки Ямского ведомства Говылина рода — 17 мужских душ, Чечика (Ауегина) — 13, Емугина — 14, Мутчина — 19, всего 54 души соединены в род под названием «Ямской корятский» (ЦГАДВ, ф. 1018, оп. 1, д. 55, л. 41).

⁵ Данные 1829 г. см. ЦГИА, ф. 468, оп. 9, д. 1055, лл. 30—31. Жители поселка Наяхан и ближайших заимок считались Гармондинским родом, Большой, Средней и Малой Итканы — Итканским, Пареньских селений — Пареньским, Пеачи — Ягачинским. Каменского поселка — Первым и Вторым Каменским родами. (Первый Каменский род был образован в 1331 г. из Каменского, Жирового и Пусторецкого родов; Второй Каменский — из Окланского и Косухина. См. ЦГИА, ф. 468, оп. 9, д. 1048, лл. 122—123; ЦГАДВ, ф. 1018, оп. 1, д. 46, лл. 1, 4). Данные 1897 г. см. С. К. Патканов. Статистические данные . . . , стр. 900—901.

⁶ Эти селения в 1829 г. входили в Петропавловский округ.

⁷ Данные 1829 г. см. ЦГИА, ф. 468, оп. 9, д. 1055, лл. 30—31, 1897 г. — С. К. Патканов. Статистические данные . . . , стр. 895—896.

Всего переписью 1897 г. было выявлено 7284 коряка обоего пола²⁶⁴. Соотношение кочевых («бродячих») и оседлых было 1 : 1. По сравнению с 1827 г., численность коряков возросла на 3584 человека. С нашими поправками к переписи 1827 г. на недоучет эта цифра снижается до 3 тыс. человек. В том и другом случае численность коряков выросла весьма значительно — минимум на 40%. Особенно возросла численность оленных, а также тигильских и паланских береговых коряков. Рост численности первых, по-видимому, связан с развитием пастбищного хозяйства, а рост вторых — с развитием по западному берегу Камчатки огородничества и скотоводства.

В конце XIX — начале XX в. быт тигильских и паланских коряков приблизился к быту камчадалов. В Кахтане, например, в 1907 г. было 49 голов рогатого скота и 4 лошади, в Кинкиле и Лесной также содержали рогатый скот. Население жило в избах²⁶⁵.

Выше уже отмечались культурные различия между отдельными группами оседлых береговых коряков. Перепись 1897 г. подтвердила это. Туманские и ямские коряки Охотского округа показали, за исключением 23 мужчин и 27 женщин, родным языком русский²⁶⁶. Эти коряки жили в поселках бок о бок с русскими. Напротив, в селениях береговых коряков Петропавловского округа русских было очень мало (лишь в Палане проживало 23 человека), а в селениях Гижигинской округи их почти не было.

Перепись 1897 г. дала наивысшую численность коряков. В конце XIX — начале XX в. численность этой народности резко уменьшилась в результате эпидемий. В силу низкого уровня культуры и специфики промыслового быта эти эпидемии поразили коряков с особой силой. В 1896—1898 гг. на Камчатке свирепствовала инфлуэнца. «В две последовательные зимы (1896—1898 гг.) в некоторых острожках, — писал Н. В. Слюпин, — население уменьшилось наполовину»²⁶⁷.

В 1899 г. большой урон корякам Пенжинской губернии нанесла эпидемия кори. В 1900 г. от оспы среди каменских коряков (431 человек обоего пола) умерло 65 человек, среди итканцев (поселки Малая, Средняя и Большая Иткана, 155 человек) — 32 человека и т. д. По данным В. И. Иохельсона, от эпидемии оспы 1900 г. в разных селениях и стойбищах погибло от 10 до 33% коряков²⁶⁸. Таким образом, результаты сравнительно благоприятного развития коряков с 1830-х по 1890-е годы были перечеркнуты эпидемиями.

Накануне Октябрьской революции коряки распадались на территориальные группы, весьма различавшиеся по хозяйству и культуре. В наиболее благоприятных условиях находились полуобруселые охотские коряки и сблизившиеся с камчадалами паланские и укинские коряки. В их хозяйстве сочетались корякские и русские начала — рыболовство, морской промысел, охота с огородничеством и скотоводством. Традиционный архаичный облик имело хозяйство пенжинских и олюторских береговых коряков. В их селениях сохранялись земляные юрты со входом через дымовое отверстие в крыше. Коряки, кочевавшие в Гижигинском округе, представляли собой обособленные группы оленеводов. У них сохранялись наиболее архаичные формы быта.

²⁶⁴ В. И. Иохельсон, работавший на Камчатке вскоре после 1897 г., считал, что в переписи несколько преуменьшена численность коряков. Общая численность коряков с его поправками — 7530 человек (W. Yochelson. Указ. соч., ч. II, стр. 445). В 1900 г. В. И. Иохельсон сам произвел перепись пенжинских коряков (архив Института востоковедения АН СССР, Ленинград, ф. 631, д. 9, л. 1. Материалы В. И. Иохельсона). Однако подлинных материалов его переписи не обнаружено.

²⁶⁵ А. Крамаренко. Указ. соч., стр. 263—268.

²⁶⁶ С. К. Патканов. Статистические данные..., стр. 908.

²⁶⁷ Н. В. Слюпин. Указ. соч., т. I, стр. 532.

²⁶⁸ W. Yochelson. Указ. соч., ч. II, стр. 445.

В XIX в. в расселении чукчей произошли большие изменения. «После прекращения военных действий против чукчей, — отметил колымский исправник Майдель, — чукчи-оленоводы начали медленно продвигаться на запад и юг»²⁶⁹. На запад их привлекали богатые ягельные угодья и возможность торговать с русскими. В 1821 г. к Анюйской ярмарке подкочевали чукчи с берегов залива Святого Лаврентия, с Шелагского мыса и реки Чауна — около 300 человек.

По данным Ф. П. Врангеля, чукчи в его время обитали на северо-восточной оконечности Чаунской губы до Берингова пролива, с одной стороны, и от Анадыря и верховьев Сухого Анюя до Ледовитого океана — с другой²⁷⁰. В 1830-х годах чукотские стойбища встречались уже на реке Большой Баранихе. В середине XIX в. чукчи стали кочевать по Омолону и подошли к низовьям Колымы. Торговый старшина Нижне-Колымска в одном из своих донесений сообщил, что начиная с 1850 г. чукчи стали являться в Нижне-Колымск для торговли с русскими и что их стойбища располагаются неподалеку от русских селений на Колыме²⁷¹. В 1852 г. нижнеколымский комиссар донес, что к Сухарной (низовья Колымы) подкочевала группа чукчей (27 взрослых мужчин) и занялась рыболовством²⁷². В 1859 г., по данным В. Г. Богораза, чукчи переправились на западный берег Колымы. В 1866 г. якутский гражданский губернатор подтвердил разрешение какой-то группе чукчей постоянно кочевать в Большой тундре между Колымой и Индигиркой²⁷³. Чукчи, приблизившиеся к Колыме, были привлечены к ясачному платежу²⁷⁴.

В 70-х годах, — писал В. И. Иохельсон, — вся тундра была полна чукотскими стойбищами. Чукчи перешли Алазею и появились недалеко от Индигирки, в пределах Верхоянского округа²⁷⁵. Распространение чукчей на юг шло медленнее. И во второй половине XIX в., по свидетельству А. А. Ресина, «границей между площадями, занятыми кочевьями оленных коряк и оленных чукчей, может быть принята река Анадырь. Коряки кочуют по южную, а чукчи — по северную сторону этой реки и на Чукотском полуострове, хотя, конечно, точной границы между их кочевьями не существует»²⁷⁶. Однако В. Г. Богораз отметил, что чукчи кочевали в Паранольском доле между Пеняжиной и бухтой Корфа. «Внедрившись в среду коряков, часть их в значительной степени ассимилировалась, но старшее поколение чукок, переселившихся даже на самую Камчатку, до сих пор говорит по-чукотски. На пограничной линии между чукчами и коряками есть несколько стойбищ, обитатели которых не могут определить, к какому племени они принадлежат, потому что само название у оленных чукок и коряков одно и то же, а язык их весьма схож»²⁷⁷. Возможно, влиявшая в среду коряков группа чукчей представляла собой потомков так называемых туммовских чукчей, упоминавшихся в конце XVIII в. в документах Гижигинской крепости.

В XIX в. продолжалась постепенная ассимиляция азиатских эскимосов чукчами. Эскимосское население от Шелагского мыса до Уэлена, судя по замечанию Кибера о том, что сидячие чукчи, говорящие на чукотском

²⁶⁹ Г. Майдель. Записка о народах, живущих в северо-восточной части Якутской и Приморской областей. — «Сборник трудов исследовательского общества „Саха Кескиле“, вып. 1, Якутск, 1925, стр. 26.

²⁷⁰ Ф. П. Врангель. Указ. соч., стр. 309—310.

²⁷¹ ЦГА ЯАССР, ф. 16, д. 1732, л. 1.

²⁷² ЦГА ЯАССР, ф. 14, оп. 1, д. 321, л. 9.

²⁷³ Там же, д. 398, л. 58.

²⁷⁴ В. Г. Богораз. Чукчи, ч. I, стр. 29.

²⁷⁵ В. И. Иохельсон. Бродячие роды тундры..., стр. 187.

²⁷⁶ А. А. Ресин. Очерк инородцев русского побережья Тихого океана. — «Известия РГО», т. XXIV, вып. 2, СПб., 1888, стр. 46.

²⁷⁷ В. Г. Богораз. Чукчи, ч. I, стр. 6.

языке, живут по Ледовитому морю до Чукотского носа, было в XIX в. уже поглощено чукчами²⁷⁸. Этому в XIX в. способствовали переселения как эскимосов, так и оседлых чукчей Берингова моря на побережье Чукотского моря²⁷⁹ в годы, неблагоприятные по добыче морского зверя, и вследствие наплыва американских китобоев, истреблявших моржей ради клыков.

Следовательно, в XIX в. чукчи продолжали расширять территорию обитания. Процесс расселения сопровождался обособлением отдельных чукотских групп. Так, группа чукчей, перешедшая в Большую (Халерчинскую) тундру, вскоре изменила свое хозяйство. Они улучшили стада покупкой лесных «ламутских» оленей, научились употреблять оленей под седло. В их хозяйственной жизни большое место заняло рыболовство. Приобретая в Нижне-Колымске сети и конский волос, чукчи стали рыбачить летом по озерам, осенью производить подледный лов в низовьях Колымы и Алазеи. В Колымском округе чукчи были наиболее обеспеченной группой, у них не было весенних голодовок. Это способствовало заключению браков между чукчами и женщинами из юкагирских и тунгусских родов. Во второй половине XIX в. колымская западная группа чукчей постепенно обособилась от своего народа. По данным В. Г. Богораза, в Западной тундре до эпидемии оспы было 35 становищ с населением в 400 душ. Оспа 1884 г. свела в могилу до трети населения, из 35 стойбищ уцелели 13. Часть чукчей переправилась через Колыму и ушла на восток²⁸⁰.

Сведения о восточных носовых чукчах очень фрагментарны. Согласно расспросным данным, полученным Н. Гондатти у береговых оседлых чукчей, носовые чукчи пережили голодовки в 1838 г., в середине XIX в. и в 1883 г. (первые две даты даны приблизительно), так как из-за ветров охотники не могли выехать на промысел морского зверя. От голодовок вымирали целыми юртами²⁸¹.

О численности чукчей на протяжении XIX в. высказывались лишь догадки. «Можно положительно утверждать, — писал спутник Ф. П. Врангеля, доктор Кибер, — что чукчи, относительно, есть самое многочисленное племя на севере Азии. Правда, числа их нельзя определить с точностью; однако, удвоив 10 000 человек, о которых Биллингс говорит в своем путешествии, мы будем близки к истине»²⁸². По данным Кибера, оленные чукчи подразделялись на анадырских, носовых (кочевавших в окрестностях Чукотского носа), беломорских (между Чукотским и Шелагским мысами) и чаунских.

По данным К. Дитмара, заимствованным от нижнеколымского купца Трифопова, чукчей в середине XIX в. было около 10 тыс. человек. Восточные чукчи разделялись гяшгинскими властями на беломорских, кочевавших к северу от Берингова пролива, и тумманских, кочевавших к югу от Анадыря²⁸³.

Так же определил численность чукчей в 1893 г. А. В. Олсуфьев, обследовавший Анадырский округ. «Все число чукчей я считаю не более

²⁷⁸ Кибер. Указ. соч., стр. 315.

²⁷⁹ А. А. Респи. Указ. соч., стр. 57—62.

²⁸⁰ В. Г. Богораз. Чукчи, ч. I, стр. 12.

²⁸¹ Н. Гондатти. Поездки из села Маркова на р. Анадырь в бухту Провидения (Берингов пролив). — «Записки Приамурского отдела РГО», т. IV, вып. 1, Хабаровск, 1898, приложение, стр. 8.

²⁸² В. Вагин. Указ. соч., т. I, стр. 303.

²⁸³ К. Дитмар. О коряках и весьма близких к ним по происхождению чукчах. — «Вестник РГО», ч. XVI, 1856, стр. 32—35. В 1851/52 г. в Николаевско-Чаунском приходе была произведена перепись, охватившая часть чаунских чукчей; выявилось 1176 душ — 666 мужских и 510 женских, 94 хозяйства (А. Аргентов. Описание Николаевского Чаунского прихода. — «Записки Восточно-Сибирского отдела РГО», т. III, 1857, стр. 89). Число оседлых чукчей, живших по берегу Чукотского и Восточно-Сибирского морей, по данным О. А. Нордквиста, в 1878/79 г. была 2160 человек. (Заметки о численности и нынешнем положении чукчей, живущих на берегу Ледовитого моря. — «Известия РГО», т. XVI, вып. 2, СПб., 1880, стр. 100).

10 000,— писал он,— из них в Анадырском округе около 4700 человек»²⁸⁴.

Перепись 1897 г. впервые дала точные сведения о численности и расселении чукчей и азиатских эскимосов. В Анадырской округе в 75 поселках по берегам Ледовитого и Тихого океана обитало 1420 мужчин и 1536 женщин чукчей, т. е. всего 2956, а в поселках Вутээн, Имтун, Иан, Эунмон, Вуньын, Нэпэхутэн, Нуукан, Ималин, Кутнэн проживали 631 мужчина и 676 женщин эскимосов.

Бродячие, т. е. оленные, чукчи кочевали в Анадырской округе (3280 мужчин и 3331 женщина), в Гижигинской — 349 мужчин и 279 женщин (Парапольский дол, горы северо-восточной части округа, по рекам Пенжина и Оклан) и в Колымском округе Якутской области — 750 мужчин и 806 женщин (в том числе в Большой Западной тундре 183 мужчины и 190 женщин и в Восточно-Каменском отделе 567 мужчин и 616 женщин), т. е. всего 8795 человек. Таким образом, общая численность чукчей была 11 751 человек обоего пола, а соотношение оседлых и кочевых — 2 : 3²⁸⁵.

По масштабам северо-востока чукчи были большой народностью, в отличие от своих соседей сохранившей в неприкосновенности свой язык и традиционный быт²⁸⁶. Однако на рубеже XIX и XX вв. обособленность чукчей нарушилась. Хищнические торговые операции американцев ослабили традиционные связи между береговыми и оленными чукчами и оторвали берингоморских чукчей-поворотчиков от Аноյской ярмарки. В 1900 г., по донесению колымского окружного исправника, на Анойскую ярмарку явилось только 3 «чумовладельца» с Носа и 4 с Чауна, остальные были со стойбищ Западной и Восточной тундр. Обороты ярмарки резко сократились²⁸⁷. В 1901 г. Анойскую ярмарку посетили 360 чукчей и ламутов и 176 русских. Носовые чукчи на ярмарку не явились. Все необходимое они приобретали у американских торговцев на побережье²⁸⁸. Сокращение оборотов ярмарки объяснялось и развитием обмена между русскими колымчанами и чукчами²⁸⁹. В какой-то мере чукчей затронули эпидемии и эпизоотии, свирепствовавшие на севере в конце XIX — начале XX в. В минувшем году по побережью Охотского моря и Берингова пролива свирепствовала какая-то эпидемия со значительной смертностью, и в связи с этим носовые чукчи не явились на Анойскую ярмарку²⁹⁰. Никаких мер помощи бедствующим оказано не было.

В 1904/05 г. Анойская ярмарка была перенесена в деревню Пантелеиху — русский поселок в низовьях Колымы. Зимой 1905 г. к Пантелеихе подкочевали голодающие чаунские и горные (восточнотундренские) чукчи (40 яранг). Они лишились оленей и просили помощи. В дальнейшем часть их отправилась на запад к богатым оленеводам, часть — на восток. Некоторые чукчи, лишившиеся оленей, пытались перейти к рыболовству²⁹¹. Эпизоотии, разорившие чукчей-оленевонов, обычно не отражались в русских документах. Чукчи, как неясачные люди, не интересовали колымских и анадырских властей.

Отрывочные сообщения об обнищании оленеводческих стойбищ, о бедствиях береговых чукчей и эскимосов, с одной стороны, данные о развитии промышленного рыболовства у берегов Чукотки, наплыве американских китобоев и скупщиков пушнины, о проникновении на полуостров американских и русских золоторазведывательных партий, — с другой, свидетельствуют о том, что в начале XX в. промысловое хозяйство чукчей было

²⁸⁴ А. В. Олсуфьев. Указ. соч., стр. 93.

²⁸⁵ С. К. Патканов. Статистические сведения..., стр. 891—896, 901—903.

²⁸⁶ В. Г. Богораз. Чукчи, ч. I.

²⁸⁷ ЦГА Иркутской области, ф. 25, оп. 9, карт. 263, д. 366, лл. 2—3.

²⁸⁸ Там же, карт. 343, д. 549, лл. 1—2.

²⁸⁹ Там же, карт. 121, д. 1480, лл. 2—3; д. 739, карт. 101, л. 4.

²⁹⁰ Там же, ф. 25, оп. 9, карт. 343, д. 549, л. 1.

²⁹¹ С. А. Бутурлин. Указ. соч., стр. 47, 552.

поставлено на порог глубоких перемен²⁹². Однако на протяжении XIX — XX вв., несмотря на продвижение чукчей как на запад, так и на юг, в этнической судьбе этого народа произошло меньше изменений, чем в судьбах их соседей.

РУССКИЕ

Русские старожилы севера Якутии

По материалам ревизий и сведениям окружных управлений можно проследить движение русского старожильского населения на протяжении XIX в. По Шестой ревизии (1811 г.), в Жиганском комиссарстве значилось 33 души усть-оленинских крестьян, в Средне-Колымском — 77 мещан и 68 крестьян²⁹³. Всего на севере Якутии было около 300 крестьян и мещан. Большая часть русских жила в остальных округах Якутии. Северные группы русских старожилов составляли пятую часть русских поселенцев Якутской области. Кроме мещан и крестьян, на севере Якутии постоянно жили казаки со своими семьями. По данным экспедиции Биллингса, их только на Колыме было около 100 душ. Всего на севере Якутии находилось не менее 800 человек русских обоего пола.

Ко времени обработки материалов Седьмой ревизии (1816 г.) административное деление Якутии несколько изменилось. Жиганское и Зашиверское комиссарства в 1822 г. были объединены в Верхоянский округ, а Средне-Колымское преобразовано в Средне-Колымский округ²⁹⁴. По Седьмой ревизии, в усть-оленинском обществе числилось 14 семей (34 мужчины и 25 женщин), в усть-янгском — 4 семьи (21 мужчина и 13 женщин), в панском — 1 семья (3 мужчины и 3 женщины), в верхоянском мещанском (русско-устыинском) — 33 семьи (108 мужчин и 84 женщины). Всего в Верхоянском округе было 291 человек²⁹⁵. В Колымском округе в 1816 г. числилось 103 души мещан, в том числе 35 среднеколымских и 68 нижнеколымских²⁹⁶, но общая численность русских была здесь значительно выше. По данным Ф. П. Врангеля, который посетил Колыму в 1820 г., там было 325 русских мещан, крестьян и казаков²⁹⁷. Общая численность русского старожильского населения севера Якутии была около 850 человек обоего пола.

Крайняя западная группа русских старожилов (члены усть-оленинского общества) жила в устье Оленека и в дельте Лены. В низовьях Яны обитали члены усть-янгского общества. По сведениям геодезиста И. Кожевина, здесь жили Портнягины, Сыроватские, Санниковы и Гороховы²⁹⁸. В низовьях Индигирки располагались поселки и заимки верхоянского мещанского общества. В 1809 г. Г. Геденштром насчитал в Усть-Елоне и Русском Устье 13 домов и юрт²⁹⁹. В 1820 г. в Русском Устье было 4 избы, в Усть-Елоне — 2 избы и 3 юрты³⁰⁰. На Колыме крупным по местным масштабам центром стал Средне-Колымск, в нем насчитывалось 50 домов. Сюда из Верхне-Колымска было перенесено управление Колымским округом. В Нижне-Колымске было 40 домов³⁰¹.

²⁹² С. В. Славин. Указ. соч., стр. 136—153.

²⁹³ ЦГА ЯАССР, ф. 7, оп. 1, д. 172.

²⁹⁴ И. Булычев. Указ. соч., стр. 34—35.

²⁹⁵ ЦГА ЯАССР, ф. 8, д. 104, лл. 1—27.

²⁹⁶ ЦГА ЯАССР, ф. 11, оп. 1, д. 40, лл. 64—65.

²⁹⁷ В 1812 г. колымские казаки были перечислены в разряд станичных. В отличие от мещан они не облагались налогами (Ф. П. Врангель. Указ. соч., стр. 137).

²⁹⁸ ГИМ, ф. 51859, д. 947, лл. 18—26.

²⁹⁹ Г. Геденштром. Описание берегов Ледовитого моря от устьев Яны до Баранова камня. — «Сибирский вестник», 1823, ч. II, стр. 17—20.

³⁰⁰ Ф. П. Врангель. Указ. соч., стр. 239—240.

³⁰¹ Кибер. Указ. соч., стр. 124.

Выше уже говорилось о попытках переселить усть-оленецких и записверских мещан в города. Первым удалось избежать этого путем перечисления из мещанского звания в крестьянское. Что касается записверских мещан, то пока тянулась переписка, в 1800 г. был получен из Иркутской казенной палаты указ Сената «Об освобождении жительствующих в разных селениях мещан и цеховых от высылки в города». Иркутская казенная палата предложила оставить записверских и колымских мещан на прежнем жительстве с переводом их в крестьянское звание³⁰². В связи с этим в 1801 г. от 134 русских мещан Шанской, Ожегинской, Алазейской деревень и Нижне-Колымской крепости были отобраны подписки о желании перечислиться в крестьяне³⁰³. Однако перечисление не состоялось. Записверские и колымские мещане остались на прежних местах в своем звании.

Спустя 30 лет, судя по материалам В. М. Зензинова, почеркнутым из архива русско-устынского мещанского старосты, вопрос о переселении записверских мещан в город возник вновь. В 1831 г. индигирские якуты, очевидно, богатеи, подали в Комиссию по переобложению инородцев ясаком жалобу, в которой сообщали, что принадлежащие им рыболовные пески и охотничьи угодья около Ледовитого океана заняли несколько семейств мещан упраздненного Записверска. Жалобщики просили выселить русских с Индигирки. Из Иркутска поступило предписание о выселении. Мещане начали длительную переписку с начальством, отстаивая свое право на жительство в низовьях Индигирки. Они указывали, что их отцы и деды жили здесь, а в одной из бумаг заявляли, что их предки поселились на Индигирке более 150 лет назад, в 1682 г.³⁰⁴ В этих условиях, по-видимому, и возникла легенда о поселении предков русско-устынцев на Севере с незапамятных времен. В изложении В. М. Зензинова она приобрела сенсационный характер. «По сохранившемуся от стариков преданию,— писал Зензинов,— предки здешних мещан были выходцы из России. Спасаясь от тягот ратной службы, жители разных городов еще при Иване Грозном на ботах и кочах вышли из России морем и двинулись на восток, где и осели на устье реки Индигирки среди инородцев, назвав свой первый поселок Русским Устьем, или Русским Жилом. Здесь были выходцы из Астрахани (Шелоховские), из Вятки, Великого Устюга, были зыряне (Чихачевы). Целое столетие прожили они здесь безвестные, никем не тревожимые, и только при Алексее Михайловиче (40-е годы XVII в.— *И. Г.*) на них наткнулись русские казаки, двинувшиеся из Якутска к Колыме в поисках за новой землицей и ясаком»³⁰⁵. Эту легенду слышал также участник экспедиции К. А. Волосовича, Е. Ф. Скворцов³⁰⁶.

Предание о бегстве предков русско-устынцев на Север в низовья Индигирки во времена Ивана Грозного, задолго до появления русских служилых людей в Якутии, окутало русско-устынцев ореолом таинственности и романтики. Однако и у колымских русских старожилов нам довелось записать легенды, в которых колымчане рисуют себя прямыми потомками Ивана Кольца, спутника Ермака. Члены бывшего усть-янского крестьянского общества, объякутившиеся и потерявшие родной язык, также поведали нам подобные легенды о своем происхождении. «Впервые сюда люди приплыли на кораблях с парусами и остановились у Святого носа. Один из пришельцев во время стоянки отошел далеко, заблудился и отстал от товарищей. Он нашел омуков. Жил среди них, женился на местной. Потом отправил на родину письмо, что не вернется. Говорят, он был ленским крестьянином.

³⁰² ЦГА ЯАССР, ф. 8, оп. 1, д. 1, л. 1—2.

³⁰³ Там же, лл. 28—29.

³⁰⁴ В. М. Зензинов. Старинные люди у Холодного океана. М., 1914, стр. 18.

³⁰⁵ Там же, стр. 11—12.

³⁰⁶ «Ленско-Колымская экспедиция 1909 года», Л., 1930, стр. 72.

Вот от него и пошли здешние усть-янские крестьяне»³⁰⁷. Это предание в разных вариантах известно всем потомкам усть-янских крестьян. Эти легенды нужны были русским старожилам, чтобы как-то подкрепить право на жительство в низовьях рек и отстоять свои рыболовные угодья от посягательств местных тойонов. Ярче всего это выразил в своем рассказе Е. И. Портнягин, в прошлом член усть-янского крестьянского общества. «Крестьяне когда-то рыбачили на устье Сылааха и на Дьоруоке (Ярок.— И. Г.). Первые пасти на песцов построили, говорят, еще до крещения (?). А потом наших с устья Сылааха прогнали по жалобам якутов. Так переселялись с места на место в низовьях Яны несколько раз. Мучались. Самовольно менять-то там илье запрещалось»³⁰⁸.

Нетрудно видеть, что в смутных легендах русско-устынцев, колымчан и потомков усть-янских крестьян, с одной стороны, отразились реальные факты, относящиеся к XVII—XVIII вв.,— переселение на север промышленников и одиночек пашенных крестьян, морские походы на дальние реки, а с другой, на все эти предания повлияли рассказы позднейших ссыльных поселенцев, заимствованные из литературы или фольклора, подтянувшие время действия к таким историческим фигурам, как Иван Грозный, Ермак и атаман Кольцо. В свое время Г. Вернадский указал на явное несоответствие версии о приходе русских на Индигирку в XVI в. с документальными данными. Он отметил, что русские люди, шедшие морем на Индигирку, не увидели Русского Жила³⁰⁹. Действительно, в 1640 г. в верховьях Индигирки побывал Постник Иван с 27 служилыми. Из распросов местного населения он узнал, что Индигирка населена юкагирами и ламутами, но ничего не услышал о русских. В 1645 г. в низовьях Индигирки собирает ясак Иван Ерастов. В 1646 г. Андрей Горелый, Колобов и Федор Чюкичев совершили плавание из устья Индигирки в устье Алазеи, но также в своем донесении не обмолвились о поселениях русских³¹⁰. Отсутствуют упоминания о древних русских поселенцах на Индигирке и в других документах XVII в. Однако в последнее время версия о раннем приходе русских на Индигирку вновь нашла сторонников. На основе фольклорных свидетельств это пытался подтвердить Т. А. Шуб³¹¹. Никаких существенных доказательств в пользу появления предков русско-устынцев в низовьях Индигирки в XVI в. он не привел.

После длительной переписки русские мещане были оставлены на своих местах. Имеющиеся материалы показывают, что численность их на протяжении первой половины XIX в. значительно увеличилась. В 1859 г. в Верхоянском округе в мещанском обществе значилось 199 мужчин и 199 женщин, в усть-оленинском крестьянском обществе — 31 мужчина и 31 женщина, в усть-янском — 38 мужчин и 28 женщин³¹².

³⁰⁷ Записано по-якутски со слов Егора Ивановича Портнягина, 85 лет, из поселка Махнатка Усть-Янского района (материалы Ленско-Янской экспедиции ИФ АН СССР, 1953 г.).

³⁰⁸ Там же. Запись со слов Е. И. Портнягина.

³⁰⁹ Г. Вернадский. Государевы служилые и промышленные люди в Восточной Сибири в XVII веке.— «Журнал Министерства народного просвещения», т. 56, М., 1915, стр. 340.

³¹⁰ «Открытие русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в. на северо-востоке Азии», М., 1951, стр. 99—102, 129—135, 143.

³¹¹ Т. А. Шуб. Старинное русское население низовьев Индигирки (тезисы доклада на Втором всесоюзном географическом съезде). М.—Л., 1947; его же. Старожилое русское население низовьев Индигирки.— «Труды Второго всесоюзного географического съезда», т. III. М., 1949. Впрочем, позже Т. А. Шуб пересмотрел свои взгляды по этому вопросу, высказав предположение, что предки русско-устынцев появились на Индигирке в начале или в первой половине XVII в. (Т. А. Шуб. Былины русских старожилов низовий Индигирки.— «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. I, М.—Л., 1956, стр. 208).

³¹² «Памятная книжка... за 1863 год», стр. 71. По ревизии 1850 г., в усть-янском крестьянском обществе было 5 семей (4 семьи Портнягиных и 1 Максиных) — 34 мужчины и 23 женщины. По ревизии 1859, в усть-оленинском обществе было

Русское пришлое население было и вне этих обществ. Всего в Верхоянском округе было 475 человек обоего пола мещан, тогда как в верхоянском обществе только 398; 78 мещан, числившихся вне местного общества, представляли собой купцов, их приказчиков и писарей.

По Колымскому округу имеются материалы учета за 1862 г.

В низовьях Колымы числилось мещан 90 мужчин и 104 женщины, крестьян — 57 мужчин и 67 женщин, станичных казаков — 139 мужчин и 135 женщин, т. е. 286 мужчин и 306 женщин, а в Средне-Колымске — мещан — 61 мужчина и 61 женщина, крестьян — 4 мужчины и 3 женщины, станичных казаков — 99 мужчин и 94 женщины, т. е. 164 мужчины и 158 женщин³¹³. Всего в Колымском округе было 914 русских обоего пола. Таким образом, численность русского населения на севере Якутии за 30—35 лет почти удвоилась.

Следует отметить, что в связи с общим развитием предпринимательской деятельности и вызреванием в Якутии элементов капиталистических отношений в середине XIX в. увеличилось число русских переселенцев на север и значительно возросли Верхоянск и Средне-Колымск.

Усилилось сближение русских с окружающим населением. Ф. П. Врангель упоминал о семье отставного вахмистра Атласова, который жил среди якутов и содержал почтовую станцию Сардах между Алазеей и Колымой³¹⁴. П. Рябиков привел в качестве примера слияния русских с якутами беглого солдата М. Б-го (Бережного), женившегося на якутке и имевшего большое потомство³¹⁵.

Приток русских поселенцев на север имел место и во второй половине XIX в. В переписи 1897 г. зарегистрировано в верхоянском мещанском обществе 171 мужчина и 165 женщин³¹⁶, в усть-оленинском крестьянском обществе — 15 мужчин, 20 женщин и 11 мужчин, 4 женщины, причисленных к обществу³¹⁷, в усть-янском крестьянском обществе — 30 мужчин и 42 женщины³¹⁸. Кроме того, русские были в Верхоянске (57 мужчин и 57 женщин), в Верхоянском улусе (15 мужчин и 8 женщин), в Эльгетском улусе (39 мужчин, 31 женщина)³¹⁹. Всего в округе числилось 397 мужчин и 391 женщина, вне местных мещанского и крестьянского обществ — 170 мужчин и 160 женщин.

В Колымском округе в нижнеколымском сельском обществе значилось 228 мужчин и 211 женщин. В переписи нижнеколымские станичные казаки и крестьяне были причислены к мещанам. В Средне-Колымске числилось 163 мужчины и 174 женщины и в Колымском улусе — 53 мужчины, 64 женщины русских³²⁰. Среднеколымская группа, таким образом, состояла из 216 мужчин и 238 женщин.

В сравнении с данными Десятой народной переписи русское население возросло, но старожильческое население несколько уменьшилось: в верхоянском мещанском обществе на 32 человека, в усть-оленинском крестьянском — на 12, в нижнеколымском сельском обществе — на 143 человека.

10 семей — 5 семей Черепановых, семьи Урванцева, Семенникова и Болтунова (ЦГА ЯАССР, ф. 49, оп. 1, д. 302, лл. 1—13). Близкие цифры о численности русского населения Верхоянского округа привел Н. А. Худяков в неопубликованной работе «Краткое описание Верхоянского округа». В 1864 г. здесь, по официальным данным, жили 19 чиновников, 28 казаков, 46 духовных и 15 купцов — всего 108 человек обоего пола, 508 мещан, 96 государственных крестьян и 30 ссыльных (Институт русской литературы АН СССР, рукописный отдел, оп. 27, папка 1, д. 1, л. 16).

³¹³ «Памятная книжка... за 1863 г.», табл. 1.

³¹⁴ Ф. П. Врангель. Указ. соч., стр. 129.

³¹⁵ П. Рябиков. Полярные страны Сибири (Заметки и наблюдения в Колымском округе). — «Сибирский сборник», СПб., 1887, стр. 4).

³¹⁶ С. К. Патапов. Статистические данные..., стр. 760.

³¹⁷ ЦГА ЯАССР, ф. 273, д. 5, л. 337.

³¹⁸ ЦГА ЯАССР, ф. 470, д. 71, л. 42.

³¹⁹ С. А. Патапов. Статистические данные..., стр. 760.

³²⁰ Там же, стр. 796.

Уменьшение населения в местных русских обществах объясняется оспенной эпидемией, свирепствовавшей в 1884 г., которая унесла более $\frac{1}{3}$ населения, и распространением в бассейне Колымы сифилиса³²¹. «Русское население вымирает, так же как и юкагиры,— писал В. Г. Богораз.— Сифилис пустил глубокие корни среди русских колымчан»³²².

Что же представляли собой локальные группы русских старожилов севера Якутии в XIX в.?

Жизнь и быт русских старожилов, членов усть-оленевского крестьянского общества, ничем не отличались от жизни нижнеленских якутов Батулинского и Хатыллинских наслегов и эвенков Кюпского рода. Так, еще в 1819 г. поверенный князца Кюпского рода на запрос жиганского земского суда о том, могут ли кюпцы быть причисленными в крестьянское звание в связи с переходом в христианство, писал: «И волостей крестьянских здесь вблизи не имеется, кроме усть-оленского общества, и то весьма в малом числе людей, которые имеют жизнь сообразно нашей»³²³. Описывая Жиганский улус, сотрудник Русского географического общества протоперей Хитрово в 1858 г. отметил, что по физиономии, образу жизни, языку и правам здешних русских и тунгусов следует причислить к якутам, так во всем слились они с этими последними³²⁴. «На зимовье Эляха, остров в 10 верстах от Быкова мыса, русские крестьяне, составляющие там небольшую часть населения,— писал Худяков в 1868 г.,— совсем позабыли русский язык и ни слова не понимают по-русски»³²⁵. Наконец, в донесении о благосостоянии населения Верхоянского округа за 1886 г. об усть-оленевском крестьянском обществе, в котором значилось 15 мужчин и 14 женщин, сообщалось: «Ныне они совершенно обьякутились, смешались с туземным населением, и только русые волосы и голубые глаза выделяют их и указывают породу»³²⁶. Во время переписи 1897 г. члены усть-оленевского общества показали своей национальностью «крестьянин». Они владели только якутским языком³²⁷.

Наши распросы населения в низовьях Оленека и Лены о русских крестьянах показали, что на памяти населения русские крестьяне усть-оленевского общества говорили только по-якутски. Якуты рассматривали крестьянское общество как особый наслег. Никаких особенностей, характерных для членов этого общества, население указать не могло, кроме того, что крестьяне Черепановы будто бы обладали особой колдовской силой³²⁸.

Усть-оленевские крестьяне еще в XVIII в. утратили родной язык и культурные особенности. Случайные подселения в это общество ссыльных русских не могли изменить сложившегося положения. В усть-оленевское общество ссылали не только русских, но и башкир. В 1887 г. сюда были водворены 4 семьи ссыльных башкир и русский уголовный ссыльный, всего 20 душ³²⁹. В связи с этим усть-оленевский староста писал в Верхоянское полицейское управление: «Заселение башкир в мое общество крайне обременительно для нас при малочисленности общества (10 человек), кои проживают рассеянно, так что в самом Усть-Оленеке живу лишь я, поэтому не возможно ли будет переселить вышеозначенных башкир, как и имеющих

³²¹ В. Г. Богораз. Чукчи, ч. I, стр. 23; его же. Русское население на Колыме..., стр. 118.

³²² В. Г. Богораз. Чукчи, ч. I, стр. 70. В 1841 г. в Средне-Колымске считалось 43 больных сифилисом, в Нижне-Колымске — 54 (П. Рябиков. Указ. соч., стр. 33).

³²³ ЦГА ЯАССР, ф. 37, оп. 1, д. 27, л. 14.

³²⁴ Хитрово. Описание Жиганского улуса.— «Записки Сибирского отдела РГО», кн. I, СПб., 1856, стр. 66.

³²⁵ И. А. Худяков. Краткое описание Верхоянского округа (рукопись). Архив института Истории русской литературы АН СССР, рукописный отдел, оп. 27, папка 1, д. 1, л. 17.

³²⁶ ЦГА ЯАССР, ф. 52, оп. 1, д. 18, л. 33.

³²⁷ С. К. Патканов. Статистические данные..., стр. 764—765, 776.

³²⁸ Материалы Ленско-Янской экспедиции ЯФ АН СССР, 1953 г.

³²⁹ ЦГА ЯАССР, ф. 52, оп. 1, д. 39, лл. 23—28.

прибыть в общество башкир, в другое более людное общество»³³⁰. С такой же просьбой староста обратился к якутскому губернатору, сообщив, что общество, состоящее из 9 окладных работников, израсходовало на поселенцев 5 тыс. штук рыб, 15 оленей, 8 пудов хлеба, передало им невод и т. д.³³¹ После этих донесений ссылкой было разрешено селиться в Булуне и других местах Жиганского округа, но ссылка в общество продолжалась вплоть до 1917 г.

Большинство ссылных башкир вскоре после водворения в Усть-Оленек погибло, семьи их выехали³³². В состав усть-оленьского крестьянского общества после отбытия ссылки вошли всего 3 человека³³³. В 1900-х годах в обществе значилось 5 уголовных ссылных³³⁴.

В якутском окружении жили и члены усть-янского крестьянского общества. Займки их располагались в устье Яны, в местности Дьорок (Ярок), Сылаах, пасти около Святого Носа. Изредка общество пополнялось ссылными. Так, в 1853 г. в усть-янское общество, состоявшее из Портнягинных, был сослан их однофамилец из ленских крестьян³³⁵. Усть-янские крестьяне обычно женились на якутках и говорили по-якутски. «Мать моя, — рассказывал нам Н. Е. Портнягин, 68 лет, — якутка из Туматского наслега, бабка по отцу — якутка из Ноготского наслега, прабабка — тоже якутка. Отец и другие крестьяне говорили на моей памяти только по-якутски»³³⁶.

«Раньше когда-то крестьяне знали по-русски. А мой отец уже по-русски не говорил, и я не умею»³³⁷, — подтвердил старейший из членов бывшего усть-янского крестьянского общества, восьмидесятипятилетний Е. И. Портнягин. По-видимому, крестьяне перешли на якутский язык в начале XIX в. Интересно отметить, что все члены усть-янского крестьянского общества, согласно первичным переписным материалам 1897 г., имели якутские прозвища: Семен Портнягин — Мокколлон, Гаврил — Сыл-лых, Григорий — Кубагай и т. д.³³⁸

В отличие от обьякутившихся усть-оленьских и усть-янских крестьян, индигирские мещане сохранили русский язык и черты русского быта. Займки их тянулись от устья Уяндины, от поселка Ожогина до моря по трем протокам Индигирки. По Русско-Устьинской протоке жили только мещане, по Средней и Колымской, кроме них, жили крестьяне и якуты. Охотничьи угодья русско-устыинцев, так называемые пастники, располагались от Хромской губы до устья Алазея.

Сравнительно многочисленное индигирское мещанское общество полнее сохранило древний русский быт, чем остальные северные группы русских. Мещане сохранили и русское национальное самосознание, хотя нередко называли себя «досельными», индигирщиками. Общество редко пополнялось новыми поселенцами — русскими. Местная традиция четко разделяет все фамилии на «корневые» (коренные) — Стрюковы, Чихачевы, Шелуховские, Голыженские, Киселевы и некорневые (пришлые). Часть из них составляли ссылные — Портнягины, Скопины-Гуськовы, Шаховы³³⁹. Рус-

³³⁰ ЦГА ЯАССР, ф. 52, оп. 1, д. 38, л. 5.

³³¹ Там же, л. 12.

³³² Там же, лл. 107—114.

³³³ Там же, лл. 123—124.

³³⁴ Там же, л. 145.

³³⁵ ЦГА ЯАССР, ф. 37, д. 533.

³³⁶ Материалы Ленско-Янской экспедиции ЯФ АН СССР, 1953 г. Сообщение Н. Е. Портнягина, поселок Казачье.

³³⁷ Там же. Сообщение Е. И. Портнягина, поселок Махнатка.

³³⁸ ЦГА ЯАССР, ф. 470, д. 71, лл. 42—43.

³³⁹ Попытку исследовать происхождение русско-устыинских фамилий сделал А. Л. Биркенгоф. Он справедливо указал, что наряду с фамилиями землепроходцев среди русских старожилов встречаются фамилии ссылных поселенцев XVIII—XIX вв. (Донские, Скопины-Гуськовы), обрусевших юкагиров (Варакины), ламутов и якутов.

Предположение А. Л. Биркенгофа, что предки русско-устыинцев первоначально освоили низовья Алазея, а впоследствии передвинулись в устье Индигирки, представ-

ские, сосредоточившиеся в низовьях Индигирки, держались обособленно и сравнительно редко рождались с якутами и юкагирами. Все же такие браки заключались. Многие индигирские русские имели монголоидные черты лица³⁴⁰. Среди русских и около их селений, согласно переписи 1897 г., жили юкагиры (11 мужчин, 12 женщин), ламуты (16 мужчин, 12 женщин), якуты (39 мужчин, 50 женщин). Совместно якуты и русские жили в Ерче, Станчике и Шевелеве³⁴¹. По свидетельству В. М. Зензинова, жившие среди русских юкагиры сильно обрусели³⁴². То же произошло и с якутами (Новгородовы). Расспросы среди русско-устыинцев показали, что многие из них считают себя в связи с ламутами, юкагирами, якутами во втором и третьем поколениях³⁴³.

Наиболее многочисленная группа старожильческого русского населения севера Якутии располагалась на Колыме. Она подразделялась на общества, но географически делилась на нижнеколымских и среднеколымских. Первые обитали в заимках и поселках по берегам нижнего течения Колымы от устья Омолона до урочища Сухарного, вторые, в большинстве связанные с административным управлением Колымским округом, сосредотачивались в Средне-Колымске, используя летом и осенью рыболовные заимки вверх и вниз по реке за 100—150 км от города. Постоянно вне города на заимках жили всего 13 семей.

Колымчане, сохранив русский язык и национальное самосознание, оказали особенно сильное воздействие на коренное население. Однако и сами они испытали на себе влияние коренного населения. «В течение двух с половиной столетий, которые прошли со времени занятия Колымы русскими пришельцами, они, конечно, непрерывно смешивались преимущественно с юкагирами... Смешение это происходит и теперь», — писал В. Г. Богораз в 1901 г.³⁴⁴ В 1858 г. священник Чаунской Чукотской миссии Петр Слепцов вынужден был предписать нижнеколымскому частному командиру Чарткову, чтобы жители округа «без предварительного согласия священника и без бракосочетания родственниц своих, девиц, не отдавали чукчам в незаконное замужество». На этом предписании расписались нижнеколымские мещанский и крестьянский старосты³⁴⁵. По наблюдениям П. Рябикова, в жилах колымчан «более чем наполовину текла инородческая кровь»³⁴⁶.

Нижнеколымские русские жили вперемешку с коренным населением. Так, на заимке Тимкино, между Омолоном и Нижне-Колымском, в 1864 г. жили крестьяне — 5 мужчин, 7 женщин, мещане — 5 мужчин, 3 женщины, отставные казаки — 4 мужчины, 3 женщины, якуты — 1 мужчина, 1 женщина, тунгусы — 3 мужчины³⁴⁷.

По данным переписи 1897 г., в большинстве селений русских старожил в низовьях Колымы жили юкагиры (46 мужчин, 39 женщин), якуты (67 мужчин, 63 женщины) и юкагиры Чуванского рода (7 мужчин, 6 женщин).

Колымчане, занимавшиеся торговой деятельностью значительно шире, чем русско-устыинцы, часто общались с чукчами, кочевыми эвенками и юкагирами, принимали их у себя. Колымские общества чаще пополнялись и

ляется маловероятным (А. Л. Биркенгоф. Потомки землепроходцев. — «Ученые записки Ленинградского пединститута», т. X, вып. 3, Л., 1955, стр. 44—57).

³⁴⁰ В. М. Зензинов. Старинные люди у Холодного океана, стр. 84.

³⁴¹ С. К. Патканов. Статистические данные..., стр. 772—773.

³⁴² В. М. Зензинов. Старинные люди у Холодного океана, стр. 28.

³⁴³ Материалы Индигирской этнографической экспедиции ЯФ АН СССР, 1952 г.

³⁴⁴ В. Г. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия. СПб., 1901, стр. 2—3.

³⁴⁵ ААН, ф. 250, оп. 5, д. 113, лл. 229—230.

³⁴⁶ П. Рябиков. Указ. соч., стр. 19.

³⁴⁷ Анатовский. Путевой журнал колымского исправника. — «Памятная книжка... за 1867 год», стр. 68.

за счет ссылки. По данным Г. Майделя, в 1868 г. в Колымском округе было 30 ссыльных³⁴⁸. Во второй половине XIX в. в нижнеколымское купеческое общество было сослано несколько семейств татар. Потомки их сблизились с русскими старожилами, восприняли их хозяйство и образ жизни. Переписью 1897 г. в нижнеколымском обществе было выявлено 7 татар обоего пола³⁴⁹.

Таким образом, к концу XIX в. только 2 группы русских старожилов сохранили родной язык. В связи с этим интересно остановиться на особенностях их наречий, которые стали изучаться в конце XIX в. Отмечая особенности нижнеколымского наречия, В. Г. Богораз указал на сладкоязычие. Это явление выражается в следующем: 1) «л» и «р» перед гласными произносятся как «й» (гойова, зойотая и т. д.); 2) «р» перед твердыми согласными и гласными произносится как «й» (дойога, хойосо); 3) мягкие гласные, следующие за «р», превращаются в ряде случаев в твердые (подрад — подряд, робаты — ребята); 4) шипящие звуки заменяются свистящими (шума, т. е. сума; чима — т. е. зима)³⁵⁰.

Сладкоязычие на севере, по данным В. Г. Богораза, отмечалось лишь в низовьях Колымы, в Охотске. В наречиях индигирских и анадырских русских его не было. Центром сладкоречия в низовьях Колымы было селение Походск. На остальной Колыме, как отметил В. Г. Богораз, сладкоречие не имело решительного преобладания. Это позволяет полагать, что сладкоречие появилось здесь в результате каких-то местных влияний на говор русских со стороны юкагиров. Как известно, развитие сибирского наречия А. А. Ровинский представлял как результат столкновения его носителей со многими другими народами³⁵¹.

На севере Якутии сложилось следующее распределение говоров русского языка. В низовьях Индигирки господствовал шакающий говор, в низовьях Колымы — сладкоязычный, содержащий около 1600 областных слов. В среднем течении Колымы местный старожильский говор под влиянием притока пришлого русского населения в конце XIX в. слился с сибирским северо-восточным наречием.

Если этнические судьбы отдельных групп русских старожилов севера Якутии были весьма различны, то хозяйство, образ жизни и материальная культура отличались удивительным единообразием.

Основой существования как крестьян низовий Оленека и Яны, так и купцов Индигирки и Колымы было рыболовство.

Вторым по значению промыслом считалась осенняя поковка диких оленей. Группа охотников от 3 до 10 человек за день охоты добывала от 20 до 100 оленей. Мясо оленей вялили, осенью замораживали. В августе русские старожилы занимались около моря добычей линных гусей, с октября по март — добычей песка. На хозяйство приходилось от 20 до 200 пастей.

Главным средством транспорта старожилов были ездовые собаки. В нарты их запрягали от 10 до 14.

Приполярное комплексное хозяйство русских старожилов в значительной степени зависело от капризов природы. Высокая вода, изменения путей миграций дикого оленя, откочевка песка плачевно отражались на благосостоянии населения. Весенние голодовки среди русских считались обычным явлением как на Колыме, так и на Индигирке. Тяжелые налоги и ростовщическая деятельность скупщиков пушнины не давали большинству хозяйств оправиться и в сравнительно благополучные годы.

³⁴⁸ Г. Майдель. Путешествие по северо-восточной части Якутской области, ч. I, стр. 77.

³⁴⁹ С. Р. Патканов. Статистические данные..., стр. 797.

³⁵⁰ В. Г. Богораз. Областной словарь..., стр. 4—10.

³⁵¹ П. А. Ровинский. Замечания об особенностях сибирского наречия. Словарь. — Известия Петербургского отдела РГО, т. IV, 1871, № 1, стр. 21.

В 1891 г. верхоянские мещане просили в связи с обнищанием «даровать облегчение по отнесению земских повинностей...»³⁵². Крайне тяжелым было в этот период положение усть-оленекского крестьянского общества. В 1891 г. в нем значилась формально 31 ревизская душа, тогда как в действительности подати за них оплачивали 7 взрослых мужчин. Как писали в одном ходатайстве крестьяне, «21 душа умерли от оспенной эпидемии и неблагоприятных климатических условий»³⁵³.

В типах жилища, в одежде и в пище русских старожилов прослеживались как русские, так и якутско-юкагирские влияния.

Патриархальность быта русских старожилов неоднократно отмечалась в литературе. «Живут русские большими семьями, очень дружно, все они набожны и в достаточной степени суеверны»³⁵⁴. «В характере русских обращения: „Ванечка, Гришенька“ и пр.; ни разу не слышал я, чтобы они ругались»³⁵⁵. Е. Ф. Скворцов и В. М. Зензинов обратили внимание на широко распространенный среди русско-устынцев обычай гостеприимства³⁵⁶. Как отметил В. Г. Богораз, русское население на Колыме отличалось большой свободой прав. Незаконнорожденные дети, так называемые девичьи и вдовьи, составляли почти 30% всех новорожденных. В то же время брачный ритуал не исчез, хотя упростился. Он сохранил следы русского происхождения и сопровождался старинными свадебными песнями, непонятными поющим³⁵⁷.

Много архаических черт сохранял фольклор русских старожилов. У них бытовали былины и исторические песни³⁵⁸. Эти произведения, в значительной степени чуждые их пониманию, переходили из поколения в поколение. Из былин наиболее распространены были «Олепа и Тугарин», «Дюк Степанович», «Илья Муромец», «Добрыня Никитич», «Садко» и др. Некоторые былины в конце XIX в. бытовали в виде отрывков.

Исторические песни о взятии Казани, о грозном царе Иване Васильевиче, Ермаке были распространены наряду с песнями о более близких событиях — Семилетней войне (1756—1763 гг.), о графе Чернышеве, изгнании французов в 1812 г. (Казак Платов), о смерти Александра I³⁵⁹. Исторические песни представляли собой отрывки песенных воспоминаний, занесенных на север в разное время³⁶⁰. На Колыме широкое распространение имели также любовные мужские и женские импровизации³⁶¹. Они возникли под влиянием юкагирского поэтического творчества и назывались андыльцинами. Следы юкагирского происхождения сохранили детские песни и сказки. В оторванных и замкнутых группах старожилов сохранились многие старинные русские демонологические поверья³⁶². Верили в домового, пужинку, чутиса.

³⁵² ЦГА ЯАССР, ф. 25, оп. 1, д. 1680, л. 38.

³⁵³ Там же, л. 34; ф. 52, оп. 1, д. 18, л. 16.

³⁵⁴ «Ленско-Колымская экспедиция 1909 года», стр. 77.

³⁵⁵ Там же, стр. 75.

³⁵⁶ В. М. Зензинов. Старинные люди у Холодного океана, стр. 80.

³⁵⁷ В. Г. Богораз. Русское население на Колыме, стр. 118.

³⁵⁸ «Верхоянский сборник. Якутские сказки, песни, загадки и пословицы, а также русские сказки и песни, записанные в Верхоянском округе И. А. Худяковым». — «Записки Восточно-Сибирского отдела РГО по этнографии», т. I, вып. 3, Иркутск, 1899; В. Г. Богораз. Областной словарь..., т. А. Шуб. Былины русских старожилов..., стр. 207—236.

³⁵⁹ В. Г. Богораз. Областной словарь..., стр. 281—293; В. М. Зензинов. Русское Устье. — «Этнографическое обозрение», кн. 46—47, стр. 215; Т. А. Шуб. Исторические песни из Русского Устья. — «Русский фольклор. Материалы и исследования», т. III, М.—Л., 1958, стр. 351—368.

³⁶⁰ В. Г. Богораз. Областной словарь..., стр. 173.

³⁶¹ Там же, стр. 310—321.

³⁶² Материалы Ленско-Янской экспедиции ЯФ АН СССР, 1953 г.; Н. М. Алексеев. Охотничий промысел у «досельных» русских низовьев Индигирки. — «Сборник материалов по этнографии якутов», Якутск, 1948, стр. 70—71.

Не только своеобразное двоеверие, но и духовный облик русских старожилов мало походил на облик сибирских крестьян, отличавшихся практицизмом, сознанием собственного достоинства³⁶³. Кругозор русских старожилов севера Якутии был, естественно, более ограничен. Оторванность от больших центров, многомесячное ежегодное обособление каждой семьи во время промысла, дикий произвол местного невежественного начальства наложили отпечаток на их духовный облик.

Таким образом, на севере Якутии в конце XIX — начале XX в. были следующие категории русского населения: обьякутившиеся русские старожилческие группы, числившиеся русскими лишь в документах; русские старожилы, сохранившие язык и особенности быта, унаследовавшие в значительной степени хозяйство коренного населения — поречных юкагиров; русские новожилы, обруселые юкагиры и якуты, утерьявшие свой язык, но по традиции числившиеся в инородческих обществах.

Анадырцы

Вторичное заселение Анадыря русскими, как уже указывалось, относится к концу XVIII в. На Анадыре действовала промышленная артель, скупавшая у чукчей пушнину. В 1806 г., по данным А. Сгибнева, чукчи убили на Анадыре 14 промышленников. Об этом они будто бы сами донесли коменданту Камчатки Кошелеву, объяснив свой поступок тем, что промышленники притесняли их. Чукчи просили учредить новый острог³⁶⁴.

Разгром не означал прекращения деятельности купцов на Анадыре. Вскоре от чукчей поступила новая жалоба на притеснения. Для выяснения положения в 1814 г. Анадырь посетил гижигинский комиссар Пшеницын с 14 казаками³⁶⁵. Промышленную артель здесь создал гижигинский купец Петр Баранов. Артельщики вербовались из гижигинских мещан и крестьян. По условиям найма, они получали полное содержание и денежное вознаграждение, но все приобретенное ими поступало в собственность купца. В артель входили также обруселые юкагиры и якуты. Эта артель известна под названием Майнской компании, так как располагалась при устье Майна, главного притока Анадыря³⁶⁶. Опасаясь чукчей, артельщики Баранова поселились среди чуванцев и стали промысливать на их угодьях. В 1833 г. поверенный Чуванского и Ходынского родов, бывший староста Алин, подал колымскому окружному исправнику жалобу на то, что его сородичей притесняют артельщики Баранова, отнявшие у них зверовые угодья и рыболовные пески с промысловым инвентарем³⁶⁷. Жалоба была передана в Якутское областное правление, и в 1838 г. поступило распоряжение «о воспрепятствии служителям купцов присваивать себе места, принадлежащие с давнего времени инородным». Но только после вторичной жалобы чуванцев и вторичного обращения колымского исправника в Якутск гижигинскому исправнику было дано предписание выселить артельщиков Баранова³⁶⁸. В 1843 г. Баранов умер, и артель его прекратила существование³⁶⁹. Однако артельщики остались на Анадыре.

С прекращением вооруженных столкновений с чукчами на Анадырь стали перебираться не только артельщики, но и отдельные семьи юкаги-

³⁶³ И. А. Молодых, П. Е. Кулаков. Иллюстрированное описание быта сельского населения Иркутской губернии. — «Труды Восточно-Сибирского отдела РГО», т. XVIII, СПб., 1896, стр. 136—137.

³⁶⁴ А. Сгибнев. Исторический очерк..., № 7, стр. 57.

³⁶⁵ Там же, стр. 38.

³⁶⁶ Дьячков. Указ. соч., стр. 41, 67, 78.

³⁶⁷ ЦГА ЯАССР, ф. 16, д. 356, лл. 1—9.

³⁶⁸ Там же, лл. 10—11.

³⁶⁹ А. В. Олсуфьев. Указ. соч., стр. 24.

ров и русских. Анадырь привлекал переселенцев промысловыми угодьями. Не только в сравнительно бедной охотничьими угодьями Гижиге, но и на Колыме смотрели на Анадырь как на обетованную землю³⁷⁰. По представлениям населения, дикий олень отошел с Колымы в бассейн Анадыря.

Богатые рыболовные топи, наличие дикого оленя и пушные угодья привлекали переселенцев и из Гижиги и с низовой Колымы. Основную группу русских переселенцев дала Гижига. Это были артельщики (Подымахины, Ермачковы). После прекращения существования артели они стали перебираться из «крепости» в более удобные места, главным образом в поселок Марково, основанный в 1840-х годах каким-то поселенцем с такой фамилией. По местной переписи 1866 г., среди анадырцев было 35 мещан и 6 крестьян, т. е. 41 душа мужского пола. Следовательно, всего анадырских русских старожилов было около 80 человек.

Так как анадырские мещане и крестьяне числились в гижигинском обществе, им приходилось нести повинности и по Анадырю, и по Гижиге. Откупаясь от несения повинностей по Гижиге, анадырцы платили от 12 до 30 руб. в год³⁷¹. Платежи крестьян в 10—15 раз превосходили платежи членов инородческих обществ. Вследствие бедности русские общества, так же как и инородческие, росли крайне медленно. Население по Анадырю, судя по данным исповедных росписей, с 1865 г. по 1892 г. выросло на 0,6%. На приросте отрицательно сказалась эпидемия гриппа 1873 г., эпидемия дифтерита 1881—1883 гг., сильный неуровень рыбы в 1898 г.³⁷² По данным Н. Л. Гондатти, в 1894 г. это население распределялось по семьям следующим образом. В Маркове было 60 семей, в том числе 24 семьи обруселых чуванцев, 9 — обруселых юкагиров, 4 — обруселых ламутов, 3 — обруселых чукчей, 8 — русских мещан, 2 — русских крестьян и 10 семей временных жителей (36 человек)³⁷³.

Перепись 1897 г. выявила в Анадырском округе среди оседлого речного населения 51 мужчину и 71 женщину русских. Это были преимущественно члены гижигинского мещанского и крестьянского общества. Русские старожилы и пришлые составляли 23% среди оседлого населения Анадыря — чуванцев, юкагиров (выходцев из Омотского рода), ламутов. Члены инородческих обществ и русские жили вперемешку. В Маркове обитали 44 мужчины и 57 женщин русских, чуванцев — 75 мужчин, 72 женщины, ламутов — 5 мужчин, 8 женщин, чукчей — 3 мужчины, 4 женщины и прочих — 20 мужчин, 23 женщины³⁷⁴.

Совместно с обруселыми чуванцами русские жили также в поселках Банное и Старая Крепость. Все оседлое крещеное население Анадыря резко отделяло себя от кочевого. Чукчей, бродячих ламутов и бродячих чуванцев марковцы считали ниже себя³⁷⁵. По мнению А. В. Олсуфьева, все оседлое население Анадыря — 480 человек обоего пола, в том числе ламуты, юкагиры и чуванцы — фактически представляли собой русских³⁷⁶. Это подтверждается сообщением А. Дьячкова об оседлых чуванцах и ламутах³⁷⁷. В конце XIX в. оседлое население Анадыря представляло собой единую этническую группу. Члены ее жили обособленно, общаясь лишь между собой и с окружающим кочевым населением. Однако в 1900—1910-х

³⁷⁰ А. В. Олсуфьев. Указ. соч., стр. 24.

³⁷¹ Там же, стр. 35.

³⁷² Там же, стр. 73—76.

³⁷³ Н. Л. Гондатти. Сведения о поселениях по Анадырю. — «Записки Приамурского отдела РГО», т. III, вып. 1, Хабаровск, 1897, стр. 83.

³⁷⁴ С. К. Патканов. Статистические данные..., стр. 888—889, 891.

³⁷⁵ Н. П. Сокольников. Болезни и рождение человека в селе Марково на Анадыре. М., 1912, стр. 26.

³⁷⁶ А. В. Олсуфьев. Указ. соч., стр. 34.

³⁷⁷ Дьячков. Указ. соч., стр. 101.

годах обособленность анадырцев была поставлена под удар бурной предпринимательской деятельностью рыбопромышленников в низовьях Анадыря. В 1908 г. рыбалки в устье Анадыря стали сдавать в аренду. Долгосрочную рыбалку приобрел здесь некий Эриксон. В 1910 г. на его рыбалке было около 600 рабочих. Компания Грушецкого имела в устье Анадыря две рыбалки и штат рабочих ³⁷⁸.

Опасаясь ущерба для своего хозяйства, марковцы энергично протестовали против промышленного освоения Анадыря. В 1910 г. они подали жалобу губернским властям на то, что рыболовство в устье отнимает у них рыбу. Действительно, в 1908—1910 гг. был слабый ход рыбы по Анадырю.

Промышленное рыболовство в низовьях Анадыря, появление здесь значительного числа пришлых, временных жителей, не могло не повлиять на хозяйство анадырских русских старожилов ³⁷⁹.

Хозяйственный цикл анадырцев был очень близок к хозяйственному календарю русских старожилов севера Якутии. Большое значение для марковцев имели посылки. Осенью они давали марковцам до 2 тыс. голов оленей, а на охотника — 40—50 штук ³⁸⁰. Туши оленей, добытых в сентябре, сохраняли целиком ³⁸¹. Русские старожилы и облизившиеся с ними обрусевшие юагирсы и ламуты возобновили в XIX в. на Анадыре в несколько модернизированном виде типичное юагирское речное хозяйство — рыболовство, посылка диких оленей, собаководство. В быту анадырцев весьма своеобразно сочетались русские и юагирские обряды и обычаи. Брачный ритуал имел русский крестьянский характер ³⁸². Так же, как и в низовьях Колымы, на Анадыре процветала свобода нравов. Среди марковцев было немало внебрачных детей. Анадырцы соблюдали юагирский обычай избегания — свекор и деверь не разговаривали с невесткой, брат не общался с братом и т. д. ³⁸³ Юагирские, якутские, чукотские и русские влияния и представления прослеживаются и в народной медицине марковцев ³⁸⁴. Марковцы, как и чукчи, меняли имена после выздоровления от сильной болезни. Трахому лечили якутским способом. Применяли и типичные русские народные медицинские средства. «При колотье в боках» поили больного водой, вскипяченной с «громовыми стрелами», или отваром богульника ³⁸⁵.

Палеоазиатским влиянием, по-видимому, следует объяснить широкого распространенное среди марковцев представление, что умершие могут возвращаться с того света под видом новорожденных младенцев. Считалось необходимым узнать имя вернувшегося с того света. В противном случае ребенок начинал болеть ³⁸⁶.

Приведенные материалы позволяют заключить, что оседлое население Анадыря — потомки русских мещан и крестьян, смешавшиеся с оседлыми юагирами и эвенками, — в целом унаследовало архаический юагирский тип хозяйства, но сохранило русский язык, русские и юагирские особенности быта. Таким образом, в бассейне Анадыря в XIX в. возник вновь оазис русской старожильской культуры, схожей с культурой русских севера Якутии.

³⁷⁸ П. Ф. Унтербергер. Указ. соч., стр. 271.

³⁷⁹ Опасаясь вредного влияния пришельцев, в особенности американских китобоев и команд торговых шхун, на местное население, правительство в 1909 г. выделило из Анадырского уезда Чукотский полуостров и соответственно увеличило штат чиновников (там же, стр. 269).

³⁸⁰ А. В. Олсуфьев. Указ. соч., стр. 57.

³⁸¹ Дьячков. Указ. соч., стр. 85.

³⁸² Там же, стр. 105—106.

³⁸³ Там же, стр. 107—108.

³⁸⁴ Содержательное исследование, посвященное народной медицине марковцев, опубликовано врачом Н. П. Сокольниковым: «Болезни и рождение человека в селе Марково на Анадыре» (М., 1912).

³⁸⁵ Там же, стр. 20—22, 32—34.

³⁸⁶ Там же, стр. 78—81; Дьячков. Указ. соч., стр. 102.

В начале XIX в. Гижига еще была полувоенным поселением. В ней находилась штатная команда, состоявшая из 3 унтер-офицеров, барабанщика, 16 солдат и нерегулярная команда: около 80 казаков под начальством трех сотников и трех пятидесятников³⁸⁷. При командах обучались военному делу 118 кантонистов. В крепости было 180 детей мужского пола, получавших половину пайка. С шести-восьми лет они поступали в школу³⁸⁸. Всего в Гижиге, по данным именной исповедной росписи 1806 г., жило 579 человек — 282 мужчины и 297 женщин. Гарнизон оброс местным русским населением. По существу, в XIX в. военные поселенцы — гижигинцы представляли собой промышленников, получавших субсидию от казны³⁸⁹.

Усилия обитателей Гижиги были направлены главным образом на добычу рыбы. Благосостояние большинства гижигинцев, так же как и их соседей коряков, зависело от успеха в рыбном промысле.

Хозяйство гижигинцев имело ярко выраженный промысловый облик. Основным занятием было рыболовство. Пушная охота, охота на морских зверей, добыча линных гусей, извоз имели важное, но все же подсобное значение.

Опись имущества умерших казаков и солдат убеждает в том, что одежда гижигинцев мало чем отличалась от одежды коряков³⁹⁰. Русские старожилы использовали местные формы лодок, вплоть до байдар.

Жили гижигинцы в низких срубных избах, крытых древесной корой. В избах стояли русские печи из сырцового кирпича³⁹¹. Каждая семья имела на рыбалках-заимках летник — маленькую поварню или юрту.

Нетрудно видеть, что русские старожилы Гижиги унаследовали хозяйство береговых коряков, лишь несколько его усовершенствовал. Так же как и последние, они поддерживали регулярные обменные связи с оленеводами, получая от них мясо, шкуры.

В 1815 г. из-за высокой воды и неблагоприятной погоды гижигинцы не могли запастись рыбой. К тому же морской транспорт с хлебом для казаков, отправленный из Охотска, был занесен бурей в Тигиль. Неуловы рыбы повторились в последующие три года. От голодной смерти многих гижигинцев спасли оленные коряки, пожертвовавшие, по требованию местного начальства, за три года около 5 тыс. оленей³⁹². Чтобы возместить недостаток рыбы, гижигинцы, подобно корякам, занялись нерпичьим промыслом и охотой на морскую птицу. Голод беспокоил губернские власти. Для борьбы с ним было решено приобщить русских старожил и береговых коряков к сельскому хозяйству, водворив около Гижиги новых поселенцев. Затея эта не имела успеха. В 1826 г. было водворено 20 якутов обоего пола и 8 семейств ссыльных русских. Но они за новые преступления были выселены и не оказали на гижигинцев какого-либо влияния.

Вслед за голодом на гижигинцев обрушилось новое бедствие — перенесение Гижиги на новое незатопляемое место. С 1831 по 1846 г. казаки и крестьяне привлекались к перевозке бревен и плотничьим работам, от-

³⁸⁷ ЦГАДА, ф. 1096, оп. 1, д. 51, лл. 177—178.

³⁸⁸ Там же, лл. 182—184.

³⁸⁹ В 1812 г. в связи с выводом Камчатского батальона в Гижиге было оставлено 100 казаков при 5 урядниках. В это время Гижигинск превратился в крупный торговый центр. Торговый оборот его вдвое превосходил оборот Петропавловского порта (А. Шаховской. Мнение о способах продовольствия жителей Охотского и Гижигинского уездов. — «Северный архив», 1822, № 4).

³⁹⁰ ЦГАДА, ф. 1096, оп. 1, д. 51, л. 32.

³⁹¹ Н. В. Слюнин. Указ. соч., т. I, стр. 447.

³⁹² А. Сильницкий. Указ. соч., стр. 30—31.

рывавшим их от промыслов. Это повлекло за собой изменение в расселении гижигинцев. Многие из них, уклоняясь от строительства, разбрелись по займам Шильниково, Кузька, Бычек и др.³⁹³ В 1853 г., когда Гижигу посетил географ Карл Дитмар, здесь было несколько казенных магазинов, т. е. складов муки и соли, пороховой погреб, дом исправника, окружное правление, церковь, дома купцов и казаков. По данным Дитмара, в Гижиге тогда было 233 мужчины (в том числе 50 казаков) и 242 женщины.

Промысел, по его наблюдениям, гижигинцы сочетали с торговлей. Огородничеством и животноводством занимались очень немногие. Все же в Гижиге в 1853 г. было 70 лошадей и 35 коров.

Внимание К. Дитмара привлек своеобразный физический облик гижигинцев и их говор. «Большая часть, как почти все казачьи семьи, представляла помесь, возникшую от смешанных браков русских с туземцами. Чистая русская речь слышалась не часто; напротив, язык пересыпан чуждыми словами и оборотами и искажен инородным выговором. Особенно распространены языки корякский и тунгусский, все жители не только понимают, но и бегло говорят на них»³⁹⁴.

Наблюдения Дитмара подтверждаются метрическими книгами Гижигинской Спасской церкви. «В 1818 венчан первым браком Гижигинской команды казак Андрей Сказников, который поемлет жену себе чукотской породы Евдокию Фемидову». В этом же году матрос Андрей Попелин женился на воспитаннице умершего унтер-офицера Красовского «чукотской породы девице Ирине»³⁹⁵. Русские казаки нередко брали в жены женщин из среды пеших коряков.

Время от времени Гижигинск пополнялся казаками с Камчатки и из Охотска. Но эти поселенцы и их семьи обычно стремились выбраться в края с более мягким климатом³⁹⁶. Временными жителями были чиновники и крупные купцы. Быт их резко отличался от образа жизни рядовых гижигинцев³⁹⁷.

На протяжении второй половины XIX в. численность гижигинцев, несмотря на голодные годы и эпидемии, оставалась примерно на одном уровне. Гижигинцы представляли собой устойчивую группу русского промыслового населения. В 1894 г. в Гижиге, Кушке, Левчике, Крестовом и Падерине значилось 516 человек обоего пола³⁹⁸. В 1897 г. в Гижигинском округе, по данным переписи, было 624 русских, в том числе в Гижиге 414 человек, а остальные — на займах³⁹⁹. К Гижиге относилась также заимка, вернее поселок, Пеняжино. Здесь обитали преимущественно выходцы из Маркова.

В 1913 г., по данным инженера С. Бацевича, работавшего в Гижиге около двух лет, в самом «городе» и ближайших займах — Кушке, Травке, Волюшкине, Алешке, Баранове, Шильникове, Адолинском, Колешутке, Липине, Богулине, Брянском, Левчике и Крестах — жило около 550 человек⁴⁰⁰.

Отрванные от основной массы русских, гижигинцы не решались обычно и признавать себя русскими. «Они сами, — писал о гижигинцах С. Бацевич, — считают русскими только приезжих, прибывших из России, про себя же говорят, что мы не русские, а гижигинцы»⁴⁰¹. Однако гижигинцы

³⁹³ Там же, стр. 53—73.

³⁹⁴ К. Дитмар. Поездка и пребывание на Камчатке, стр. 423.

³⁹⁵ ЦГАДВ, ф. 1539, оп. 1, д. 3, л. 201.

³⁹⁶ К. Дитмар. Поездка и пребывание на Камчатке, стр. 434.

³⁹⁷ Д. Кенан. Указ. соч., стр. 156.

³⁹⁸ Н. В. Слюнин. Указ. соч., т. II, стр. 139.

³⁹⁹ С. Патканов. Статистические данные..., стр. 898.

⁴⁰⁰ С. Бацевич. Два года в местечке Гижига. — «Известия Общества горных инженеров», Пг., 1913, № 3, стр. 24.

⁴⁰¹ С. Бацевич. Указ. соч., стр. 22.

не отождествляли себя и с коренным населением. Русский язык, ряд исконных особенностей быта выделяли их из среды береговых коряков и оседлых эвенов.

Русские старожилы Камчатки

В начале XIX в. русские старожилы Камчатки, так же как и коренное население, испытали ряд больших бедствий. В 1799—1800 гг. от эпидемии «гнилой горячки» погибло около 350 русских⁴⁰². Привлечение крестьян и мещан к перевозке солдат и военных грузов, чиновничьи опыты по введению в широких масштабах земледелия, отрывавшие мужчин от промыслов, подрывали благосостояние старожилов. Двухлетнее пребывание полка и десятилетнее пребывание батальона на Камчатке ничего не дали в смысле пополнения полуострова новыми поселенцами. К началу 1813 г. на Камчатке было 531 солдат, 160 кантонистов, 346 казаков, 27 нижних чинов, 22 инвалида, 42 артиллериста. Большая часть их с членами семей была отправлена в Иркутск, а 50 человек согласились перейти на поселение. Из них только 16 человек обзавелись хозяйством. Остальные превратились в бродяг и нищих и частично вновь были определены на службу⁴⁰³.

Обнищание и болезни отрицательно повлияли на прирост русского населения Камчатки. К сожалению, данных, характеризующих движение населения между Пятой (1794 г.) и Шестой ревизиями (1811 г.), нет. Имеющиеся материалы о численности русского населения Камчатки неточны⁴⁰⁴.

Согласно Седьмой ревизии (1818 г.), на Камчатке было русских 742 мужчины и 287 женщин — 1029 человек⁴⁰⁵. Однако А. Сгибнев привел иные сведения о результатах этой переписи: 701 мужчина и 643 женщины. Поселенные итоги, приведенные А. Сгибневым, более достоверны, чем суммарные материалы Седьмой ревизии, представленные в Иркутск⁴⁰⁶.

В 1830—1831 гг. на Камчатке вновь производился сбор сведений о численности населения и были выявлены следующие группы русских⁴⁰⁷:

	Мужчин	Женщин
Крестьяне	253	178
Мещане	54	42
Духовенство	65	42
Купцы	18	10
Нижние чины морского ведомства	118	57
Казаки, служащие . . .	57	17
Ссылные	36	12
Окладные поселенцы . .	18	4
Всего	619	362

В действительности на Камчатке было значительно больше русских. В таблице не учтены чиновники, офицеры, отставные казаки и их семьи. В статистическом обозрении, составленном начальником Камчатки Голенищевым в 1830 г., указывалось, что в русских селениях на Камчатке оби-

⁴⁰² А. Сгибнев. Исторический очерк..., № 7, стр. 64.

⁴⁰³ Там же, стр. 93—94.

⁴⁰⁴ На разноречивость статистических данных о населении Камчатки обратил внимание С. К. Патканов (С. К. Патканов. О приросте инородческого населения Сибири. СПб., 1911).

⁴⁰⁵ В. К. Андреевич. Сибирь в XIX столетии, ч. II. СПб., 1889, стр. 100.

⁴⁰⁶ Там же.

⁴⁰⁷ Голенищев. О состоянии Камчатской области в 1830 и 1831 годах», стр. 2—3.

гало 830 мужчин и 639 женщин⁴⁰⁸. Но в это число вошли не только русские, но и камчадалы. Несомненно, в этих селениях были также камчадалы, близкие к русским. Общая численность русского старожильского населения была, по-видимому, не менее 1200 человек.

В середине XIX в. Камчатка вновь стала объектом военных поселений. В 1849 г., по представлению генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева, для укрепления обороны северо-востока порт из Охотска решено было перенести в Авачинскую гавань, а гарнизон Охотска перевести в Петропавловск. По указу от 2 декабря 1849 г., Камчатка была выделена в отдельную область в составе двух округов: Гижигинского и Петропавловского⁴⁰⁹. В 1850—1853 гг. население Петропавловска увеличилось почти вдвое, здесь развернулись большие фортификационные работы⁴¹⁰. В 1853 г. в отчете Камчатского военного губернатора было показано в Петропавловском порте 1178 мужчин и 415 женщин, а в Петропавловском округе — 2893 мужчины и 2845 женщин, т. е. 5733 человека, в том числе ясачных оседлых 3982 человека, кочующих — 330, бродячих — 53⁴¹¹.

В делах департамента разных податей и сборов П. Кеппен, собравший все эти данные, обнаружил ведомость о сборах за 1853 г., в которой указывалось, что «в Камчатке» 485 душ, положенных в оклад, и 88 душ, состоящих на льготе. Это позволяет полагать, что на Камчатке было 573 мужских души этих сословий, а с женщинами — 1146 человек (окладными сословиями считались купцы, мещане, поселенцы, крестьяне и ссыльные). К неокладным поселенцам принадлежало духовенство. По ведомости этого же департамента за 1852 г., церковнослужителей было на Камчатке 129 человек мужчин⁴¹². Эти данные позволяют полагать, что в Петропавловском округе вместе с Петропавловском⁴¹³ находилось около 1400 русских старожилов. Таким образом, на протяжении первой половины XIX в. численность русского старожильского населения на Камчатке оставалась примерно на одном уровне. Всего же на Камчатке вместе с военнослужащими и чиновниками было 2800—3000 человек русских. Однако пребывание военных моряков было кратковременным. Как известно, гарнизон Петропавловского порта и команды судов в 1854 г. с честью отразили нападение англо-французской эскадры. В следующем году Камчатская флотилия была переведена на Амур⁴¹⁴. Петропавловск опустел. После окончания военных действий, в конце 1856 г., была создана Приморская область и в ее состав вошла Камчатка.

В 1872 г., по данным Статистического комитета, в Петропавловске было 206 мужчин и 172 женщины, в Петропавловском округе — 2793 мужчины и 2675 женщин, т. е. всего 5846 человек⁴¹⁵. Численность отдельных нацио-

⁴⁰⁸ Голенищев. О сельском хозяйстве Камчатки, стр. 206. Суммировано нами. В 1832 г., согласно «Табеля о числе жителей», гначилось в Петропавловском порте с Авачею 624 человека обоего пола, в Верхне-Камчатске — 68, в Нижне-Камчатске — 122, в Большерецке — 101, в Тигиле — 221 человек. (ЦГАДВ, ф. 1007, оп. 1, д. 10, л. 4).

⁴⁰⁹ М. А. Сергеев. Указ. соч., стр. 37—39.

⁴¹⁰ «Извлечение из рапорта камчатского военного губернатора и командира Петропавловского порта от 5 декабря 1852 года». — «Морской сборник», 1854, № 2, стр. 75—79; «Состояние Камчатского края в 1853 году». — Там же, стр. 79—83.

⁴¹¹ П. Кеппен. Указ. соч., стр. 65. По сведениям Ю. А. Гагемейстера, на Камчатке в 1850 г. было 5750 человек обоего пола, в том числе купцов 25, мещан — 129, поселян — 2655, инородцев — 1954, лиц разных сословий 990 (Ю. А. Гагемейстер. Хозяйственно-статистический обзор Камчатки. — «Журнал Министерства внутренних дел», 1853, ч. XLII, стр. 246).

⁴¹² П. Кеппен. Указ. соч., стр. 66.

⁴¹³ Население порта подразделялось следующим образом: военнослужащие с семьями 1372 человека, отставные солдаты и казаки с семьями 158 человек, поселенцы 64 человека, т. е. 1594 человека (там же, стр. 66).

⁴¹⁴ М. А. Сергеев. Указ. соч., стр. 41—95.

⁴¹⁵ «Пространство и население Восточной Сибири». — «Сборник историко-статистических сведений о Сибири и сопредельных ей странах», т. I, СПб., 1875, табл. 4.

нальных групп в этих материалах отсутствует. Согласно переписи 1897 г., на Камчатке было 1326 мужчин и 1258 женщин русских. Это население распределялось следующим образом: в Петропавловске — 493 мужчины и 182 женщины, в «русских поселках и селениях» — 1051 мужчина и 989 женщин, среди камчадалов Камчатского моря — 26 мужчин, 32 женщины, на побережье Берингова моря 2 мужчины и 2 женщины, среди камчадалов и береговых коряков — 54 мужчины и 53 женщины ⁴¹⁶.

В материалах переписи отсутствуют данные о сословном разделении русского населения. Однако этот пробел, важный для определения численности старожилов, можно легко восстановить. По материалам Н. В. Слюнина, в 1895 г. русское население Камчатки состояло из 667 человек обоого пола, принадлежавших к казакам, и 1196 человек обоого пола, принадлежавших к крестьянам, около 750 человек принадлежало к мещанам, купцам, дворянам и духовенству ⁴¹⁷. Хозяйство казаков и крестьян было близко к хозяйству коренного населения. Русские, проживавшие в Петропавловске (чиновники, духовенство, купцы), с этим хозяйством были связаны очень слабо и резко отличались по быту от местных русских старожилов. За вычетом этого временного населения (650—700 человек), камчатских русских старожилов было, очевидно, около 2000 человек.

К группе русского старожильского населения примыкали камчадалы, воспринявшие русский язык. По переписи, их было 807 мужчин и 810 женщин ⁴¹⁸. Таким образом, местное русскоязычное коренное население Камчатки представляло собой значительный массив — около 3600 человек обоого пола.

В начале 1900-х годов на Камчатке стали быстро развиваться рыбные промыслы. Это вызвало приток сюда рабочих. Большим по местным масштабам центром сосредоточения русского пришлого населения стал Петропавловский порт. В 1908 г. в нем жил 524 человек ⁴¹⁹.

На побережье Камчатки возникло несколько крупных рыбопромышленных предприятий. В устье реки Озерной в 1910 г. рыболовная компания Грушицкого имела 162 человека русских рабочих. На устье реки Воровской рыбалку имел некий Надецкий. Здесь было 130 рабочих-корейцев. В устье реки Опалы на рыбалке находился 81 рабочий, в том числе 78 русских ⁴²⁰. Всего на Камчатке вместе с Анадырем, по сведениям официальной статистики, в 1910 г. работали на рыболовных промыслах 950 рабочих русской национальности и 661 — русскоподданных корейцев. Кроме того, на морских участках Камчатки работали 6869 японцев ⁴²¹. На речных участках, согласно правилам, утвержденным Приамурским управлением государственных имуществ, разрешалось работать только русскоподданным. Рыбалки были временными. Предприниматели доставляли рабочих обычно из Владивостока на сезон рыбодобычи и после окончания лова увозили их обратно. Все же в устье Озерной образовалась колония из 24 осевших здесь рабочих. Они разбили огороды. Зимой занимались охотой ⁴²². В 1912 г. Камчатская область была открыта для вольного заселения. О водворении подали заявления 127 семей. Большинство поселенцев было размещено по реке Камчатке и в Авачинской губе. Однако часть поселенцев не прижилась и переехала в Амурскую область ⁴²³.

Интересны взаимоотношения переселенцев и русских старожилов. При всей обособленности последних их состав в конце XIX — начале XX в. по-

⁴¹⁶ С. К. Патканов. Статистические данные..., стр. 912.

⁴¹⁷ Н. В. Слюнин. Указ. соч., т. I, стр. 469, 475.

⁴¹⁸ С. К. Патканов. Статистические данные..., стр. 913.

⁴¹⁹ П. Крынин. Указ. соч., стр. 22.

⁴²⁰ П. Ф. Унтербергер. Указ. соч., стр. 242—245.

⁴²¹ Б. Гейнеман. Указ. соч., стр. 22.

⁴²² Там же, стр. 11.

⁴²³ «Обзор Камчатской области за 1912 год», Петропавловск-на-Камчатке, 1914, стр. 21—22.

степенно пополнялся за счет вольных переселенцев и отбывших срок наказания уголовных ссыльных с острова Сахалина⁴²⁴. Сами старожилы иногда нанимались на рыбалки, где общались с пришлыми рабочими⁴²⁵. Группа русского населения на Камчатке в начале XX в. значительно выросла. Это показала местная перепись, проведенная в 1912 г. в связи с учреждением Камчатской области⁴²⁶. В Петропавловском уезде было выявлено всего 3331 русский⁴²⁷.

Несмотря на быстрый рост русского населения Камчатки за счет новых переселенцев, старожилы в конце XIX — начале XX в. еще сохраняли своеобразие в хозяйстве и образе жизни. Русские старожилы и обрусевшие камчадалы в это время представляли собой одну этнографическую группу. «Благодаря самому тесному общению в течение десятков лет со своими соседями и частым смешанным бракам русские, — писал К. Дитмар о милковцах, — успели столь же заимствовать от камчадалов, сколько передать им свои особенности и привычки. Таким образом, здесь возникла своеобразная помесь, занимающая как бы середину между обоими племенами»⁴²⁸. В Тигиле, где жили потомки камчатских казаков, К. Дитмар также обратил внимание на то, что в чертах их заметна «сильная примесь камчадальской и особенно коряцкой крови»⁴²⁹. Это же отмечали в середине XIX в. и другие наблюдатели⁴³⁰. В конце XIX — начале XX в. различия между русскими старожилыми и обрусевшими камчадалами свелись к принадлежности к разным сословно-административным группам. «Теперь, — писал в 1909 г. В. Л. Комаров, — далеко не всегда скажешь, кого видишь перед собой, камчадала или русского — настолько они перемешались между собой и настолько одинаковы их образ жизни, одежда и утварь. Даже там, где жители сами считают себя чистокровными потомками аборигенов края, трудно поймать их характерные черты»⁴³¹. Все же потомки крестьян и казаков, не говоря уже о потомстве духовенства и чиновников, сохранили четкое русское национальное самосознание и выделяли себя из среды обрусевших камчадалов. «Обитатели Мильковой называют свое поселение русской деревней, — писал К. Дитмар, — а не камчадальским острогом; насколько не отличаясь от камчадалов ни по одежде, ни по языку, ни в каком другом отношении, они тем не менее очень напедают на свое чисто русское происхождение»⁴³². Резко выделяли себя из среды местного населения казаки. Положение их было значительно лучше, чем положение крестьян и тем более камчадалов. Казаки и их дети получали продовольственный паек, материал на мундир и деньги на курево.

Говор русских старожил Камчатки и обрусевших камчадалов отличался рядом особенностей. Звук «з» заменялся звуком «ж» (ражговор), «с» — звуком «ш» (штыд, гошпода), «ч» — звуком «ц» (собацки, цто)⁴³³. Старожилы часто использовали уменьшительные, ласкательные и уничижительные формы (камчадальцы, шетишки — сетипки). Они широко использовали старинные русские слова (шатинка — палка с острым железным

⁴²⁴ П. Крынин. Указ. соч., стр. 175—176.

⁴²⁵ П. Ф. Унтербергер. Указ. соч., стр. 244.

⁴²⁶ Законом 17 июля 1909 г. Камчатская область в составе Петропавловского, Охотского, Гижигинского, Анадырского, Чукотского и Командорского уездов была выделена из Приморской области.

⁴²⁷ «Обзор Камчатской области за 1912 год». «Ведомость о наличном населении Камчатской области». Однако в этом же обзоре в «Ведомости о распределении населения Камчатской области по сословиям» в Петропавловском округе к сословиям, в которые входили русские, отнесено 4028 человек обоего пола.

⁴²⁸ К. Дитмар. Поездка и пребывание в Камчатке, стр. 159.

⁴²⁹ Там же, стр. 47.

⁴³⁰ Ю. А. Гагемейстер. Указ. соч., стр. 278.

⁴³¹ В. Л. Комаров. Указ. соч., стр. 105.

⁴³² К. Дитмар. Поездка и пребывание на Камчатке, стр. 159.

⁴³³ В. И. Тюшев. Указ. соч., стр. 61—62.

стержнем, копье; стан — палатка), общесибирские, якутские и камчадалские термины (парка, алык, камусы, качамас — распластанная рыба).

Хозяйство русских старожилов и камчадалов различалось лишь в деталях: у первых земледелие и скотоводство играли большую роль. Благосостояние русских старожилов, даже крестьян, так же как и камчадалов, основывалось на рыболовстве⁴³⁴. В июле жители каждого селения коллективно «запирали реки», т. е. перегораживали притоки, речушки и главное русло верхнего течения рек щитами из тальниковых жердей, а в просветах устанавливали морды⁴³⁵. Запоры делились на пай по числу хозяйств. Большая часть улова шла на изготовление юколы. Часть улова сваливали в ямы, где рыба квасилась. Производили также засол и копчение рыбы, вытапливали рыбий жир.

В некоторых районах Камчатки в разгар рунного хода рыбы было так много, что ее черпали большими сачками из реки в баты⁴³⁶. Обычно население полностью обеспечивало рыбой себя и своих собак на зиму.

Большое значение имела охота. В октябре охотились на медведей и горных баранов. С первым снегом начинали добычу соболей. Орудия охоты и приваду завозили в хребты на собаках или выюком на лошадях⁴³⁷.

Русские старожилы имели огороды, содержали молочный скот и лошадей. Возделывание огородов производилось одновременно с ловлей рыбы. Как отметил К. Дитмар, даже русские крестьяне «работали на огородах не столько по своей воле, а более из послушания начальству»⁴³⁸. В Ключевском и Мильково сеяли ячмень, но почву не удобряли. В большинстве селений на огородах выращивали картофель.

В июле в разгар рыболовного сезона начинались покосы — старожилам приходилось совмещать эти занятия. Уборка сена затягивалась до сентября. Нередко сено с дальних покосов вывозили зимой на собаках. Рогатый скот и лошади якутской породы имелись во всех селениях. В 1894 г. в Ключевском на 363 жителя (53 дома) приходилось 124 коровы, 47 лошадей; в Милькове на 331 жителя (43 дома) — 154 коровы, 63 лошади; в Тигиле на 380 жителей (53 дома) — 96 коров, 70 лошадей⁴³⁹. Основным зимним транспортным средством русских старожилов и камчадалов были ездовые собаки.

В хозяйстве русского старожильского населения и сблизившегося с ним камчадалского сочетались искони камчадалские отрасли (рыболовство, охота, морской зверобойный промысел, собаководство) с отраслями, принесенными русскими (пушной промысел, скотоводство, огородничество).

Сложение на Камчатке особого хозяйственного типа отмечалось в этнографической литературе. «Камчадалы и русские, — писал С. К. Патканов, — отчасти перемешавшись между собою и в значительной степени ассимилировавшись друг с другом, выработали совместно очень бесхитростную, но довольно хорошо приспособленную к жестким условиям культуру, которая занимает нечто среднее между прежней камчадалской и русской крестьянской культурой начала истекшего столетия. И на этой стадии культурного развития она как бы застыла в течение более 100 лет»⁴⁴⁰.

⁴³⁴ К. Дитмар. Поездка и пребывание на Камчатке, стр. 364.

⁴³⁵ Жители в верховьях рек рыбу ловили сетями. Жители среднего течения рек в период хода рыбы воздвигали свои «зимники» и со скарбом и собаками спускались к устью, где ловили рыбу (В. Гейнеман. Указ. соч., стр. 5).

⁴³⁶ Камчатское рыболовство хорошо описано в литературе. См. В. И. Тюшев. Указ. соч., стр. 20—28; Г. А. Крамаренко. Указ. соч., стр. 280—292; П. Крынин. Указ. соч., стр. 181—194; В. Гейнеман. Указ. соч.; В. Д. Комаров. Указ. соч., стр. 112—120; Н. В. Слюнин. Указ. соч., т. I, стр. 536—576.

⁴³⁷ П. Крынин. Указ. соч., стр. 173; Ф. П. Унтербергер. Указ. соч., стр. 232.

⁴³⁸ К. Дитмар. Поездка и пребывание на Камчатке, стр. 363.

⁴³⁹ Н. В. Слюнин. Указ. соч., т. II, стр. 126.

⁴⁴⁰ С. К. Патканов. О природе инородческого населения Сибири, стр. 139.

Из приведенных материалов следует, что на северо-востоке Сибири в XIX в. значительно выросло русское старожильческое население. Общая численность русских старожилов достигла в конце XIX в. около 3600 человек обоего пола, а с обруселыми группами коренного населения около 6000 человек.

Сосредоточившись в устьях и долинах больших рек и в приморских районах, русские старожилы унаследовали традиционные отрасли хозяйства коренного населения (юкагиров, пеших коряков, ительменов) — речное рыболовство, посылки диких оленей или морской зверобойный промысел, собачий транспорт. Русские старожилы усовершенствовали эти отрасли хозяйства, добавили пушной промысел и выработали своеобразный тип приполярного хозяйства. В тех районах, где позволяли климатические условия, русские старожилы сочетали промысловое хозяйство с огородничеством и молочным животноводством.

Тесно соприкасаясь с коренным населением, старожилы перенимали у него целый ряд элементов материальной культуры, но почти повсеместно (за исключением усть-оленьских и усть-янских крестьян) сохранили родной язык и черты русского крестьянского быта. Северные группы русских оказали сильнейшее культурное воздействие на окружающее население. В XIX в. крупные группы юкагиров, якутов, эвенов, коряков и ительменов восприняли русский язык и русский образ жизни. Слияние русских старожилов с обруселым местным населением сказалось на облике, быте и культуре самих северных русских. В. Г. Богораз был, несомненно, прав, когда писал: «Весь быт этого русского и обруселого населения, по крайней мере для Сибири, можно характеризовать, как двоеверный. Он состоит из сплетения двух элементов: русского и туземно-инородческого, которые за два века совместного существования слились воедино, в одно неразрывное целое»⁴⁴¹.

Накануне Октябрьской социалистической революции русское старожильческое население влачило, так же как и коренное, жалкое существование. Прimitивное промысловое хозяйство при общем оскудении фауны и хищнической деятельности русских и иностранных предпринимателей не могло прокормить это население. Быстрый рост в 1910—1912 гг. крупной рыбной промышленности на Камчатке, Чукотке и на берегах Охотского моря означал смертный приговор промысловому хозяйству русских старожилов и их своеобразной культуре.

* * *

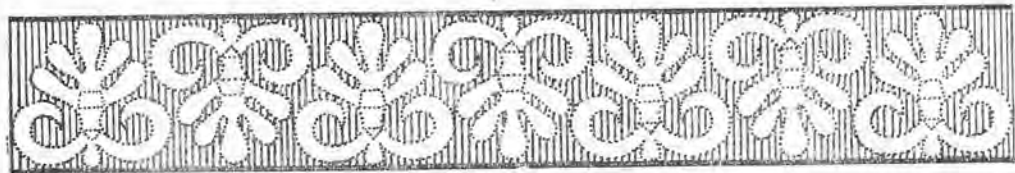
Рассмотренные материалы позволяют видеть, что в XIX — начале XX в. на северо-востоке Сибири упрочились связи между обособленными этнографическими группами и усилилось русское культурное влияние. Стихийные бедствия начала XIX в. и связанные с ними голодовки вызвали значительные этнические изменения, привели к перемещению части населения северо-запада Якутии в Туруханский край, где переселенцы стали одним из компонентов своеобразного этнического новообразования — долганской народности. Приблизившиеся к поселениям русских старожилов поречные колымские юкагиры сблизились и слились с последними. Напротив, в низовьях Оленека, Лены и Яны малочисленные группы русских старожилов, окруженные якутами, в начале XIX в. утратили самобытные черты. Длительное совместное проживание русских старожилов и камчадалов-ительменов в долине Камчатки настолько сблизило обе группы, что камчадалы восприняли русский язык и русские хозяйственные навыки. То же самое произошло с некоторыми группами оседлых охотских эвенов и коряков.

⁴⁴¹ В. Г. Богораз. Новые задачи российской этнографии в полярных областях. — «Труды Северной научно-промысловой экспедиции», вып. 3, Пг., 1921, стр. 19.

Исчезновение этнографических различий, этническая трансформация не означала уничтожения сословно-административных перегородок. Царизм в фискальных целях искусственно консервировал административные роды, инородческие общества, зарегистрированные ясачными комиссиями 1766 и 1730 гг. В связи с этим обруселые юкагиры, эвены и коряки продолжали числиться в особых инородческих обществах, что задерживало формирование нового этнического самосознания у этого русскоязычного населения.

На протяжении XIX в. происходили крупные этнические передвижения. «Устав об управлении инородцами Сибири» разрешал «бродячим инородцам», фактически кочевому населению, свободно переходить из округа в округ. Группа эвенов из Гижигинского округа проникла на Камчатку, обосновалась в горной центральной части полуострова и обособилась от своих собратьев. В поисках ягельных угодий чукчи в начале XIX в. продвинулись на запад до реки Большой Баранихи, а во второй половине XIX в. северо-западная группа чукчей стала осваивать тундру между Колымой и Индигиркой.

В конце XIX — начале XX в., особенно после первой русской революции, на северо-востоке Сибири появилось довольно много временных и постоянных поселенцев — русских, украинцев, корейцев. Этот мощный поток, вызванный ускорившимися темпами развития капиталистического предпринимательства на окраинах Сибири и началом промышленного освоения рыбных богатств крайнего северо-востока, растекался в основном по побережью и не успел до 1917 г. оказать большого влияния на коренное население глубинных районов тундры и лесотундры. В силу специфики географических условий, господства натурального хозяйства на северо-востоке продолжала сказываться обособленность, замкнутость этнографических групп. Все же разнообразные причины в XIX — начале XX в. привели к крупным сдвигам в расселении народов этой обширной области и большим изменениям численности отдельных этнических подразделений. Некогда крупные по масштабам северо-востока Сибири группы, такие, как юкагиры, ительмены, оказались на грани исчезновения. Расселение народов северо-востока в конце XIX в. показано на карте (см. «Приложения», стр. 269).

ГЛАВА IV

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА СЕВЕРО-ВОСТОКЕ СИБИРИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла всем народам, входившим в состав Российской империи, огромные возможности для социального, экономического и культурного развития. «Первый раз, — писал В. И. Ленин, — не меньшинство, не одни только богатые, не одни только образованные, а настоящая масса, громадное большинство трудящихся сами строят новую жизнь, своим опытом решают труднейшие вопросы социалистической организации»¹.

«Декларация прав народов России» провозгласила великий принцип национального равноправия. Политическое равноправие было первым шагом в разрешении национального вопроса. Уже тогда партия поставила задачу — добиться фактического равенства ранее угнетенных народов.

Как неоднократно указывалось в партийных решениях, отсталые народности бывшей царской России не в состоянии были подняться на высшую ступень развития и догнать ушедшие вперед национальности без действительной и длительной помощи извне². Это в первую очередь относилось к малым народам Севера, отличавшимся глубокой, всесторонней политической, хозяйственной и культурной отсталостью. Затянувшаяся на северо-востоке борьба с белобандитскими и кулацкими отрядами задержала здесь советское строительство по сравнению с центральными областями РСФСР. На Камчатке Советская власть окончательно установилась в 1922 г.³, на Охотском побережье и на Чукотке в 1923 г.⁴ Бассейн Колымы в 1923 г. был очищен от белобандитов, но на средней Индигирке они вплоть до 1926 г. терроризировали коренное население⁵.

Прекратившийся в годы первой мировой и гражданской войн завоз охотничьих ружей, огнестрельных патронов, сетей, дели, орудий для подледного лова рыбы привели к снижению добычи как пушнины, так и рыбы. В русских старожильческих обществах из-за недостатка рыбы сократилось поголовье ездовых собак. В 1919, 1921, 1925 гг. в русско-устыинском обществе были

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 61.

² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, М., 1953, стр. 713—714.

³ «За власть Советов на Камчатке (1917—1923 гг.)», Петропавловск-Камчатский, 1957, стр. 77—81.

⁴ Г. Е. Рейхберг. Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке. 1918—1920, М., 1940, стр. 206—207; Н. А. Жихарев. Очерк истории северо-востока РСФСР, Магадан, 1961, стр. 99.

⁵ «Очерки по истории Якутии советского периода», Якутск, 1957, стр. 140.

голодовки⁶. Верхнеколымские юкагиры в связи с крайней дороговизной огнеприпасов не могли добыть достаточно лосей, колымские эвены стали переходить от ружейной охоты к охоте самоловами, «поставными» луками. Оленеводству нижнеколымских юкагиров и колымских чукчей нанесли большой урон реквизиции оленей, производившиеся белобандитскими отрядами. Поголовье оленей в северных районах Якутии в годы гражданской войны уменьшилось почти на 40 тыс. голов⁷. Товарный голод резко ухудшил положение коренного населения всего северо-востока.

Первоочередной задачей после разгрома интервентов и белогвардейцев партия считала оказание материальной помощи населению Севера, ликвидацию последствий колониального гнета царизма. Несмотря на тяжелое экономическое положение, в котором находилась молодая Советская республика, в 1921 г., по указанию В. И. Ленина, СНК РСФСР выделил только для трудящихся Камчатской области 500 тыс. руб. золотом⁸. В 1923 г. из Владивостока на Колыму был направлен пароход «Ставрополь», доставивший 350 т груза на сумму 150 тыс. руб. золотом⁹. В 1924 г. на том же судне было доставлено 300 т груза. Это позволило ликвидировать товарный голод в бассейне Колымы. В 1925 г. СНК РСФСР выделил Якутской АССР безвозвратно ссуду в 6 млн. руб. для снабжения северных народностей¹⁰. На эти средства на северо-востоке Якутии была организована кооперативная торговля. Однако в систему госторга нередко проникали спекулянты, сбывавшие юкагирам, эвенам, чукчам государственные товары по произвольным ценам и взыскивавшие старые долги. В ряде районов, например в Восточной тундре, товары отпускались не за деньги, а за пушнину. Покупатели сами выбирали то, в чем нуждались, из запасов «кушца». Пушнину сдавали частями. Торг сопровождался развлечениями, бегами, традиционными соревнованиями¹¹. Развертывание советской торговли, оказание помощи беднейшим хозяйствам, несомненно, облегчило положение народа северо-востока. Однако в 1924—1928 гг. эта помощь до многих групп не доходила. Зимой 1926 г. жестокую голодовку пережили коркдонские юкагиры¹². Острый недостаток товаров испытывали северные районы Камчатки и Чукотка.

В 1924—1925 гг. были предприняты первые шаги по ликвидации политической отсталости народов Севера. В 1924 г. Дальревком издал «Временное положение об управлении туземными племенами Дальнего Востока»¹³, в 1925 г. Президиум ЯЦИК — «Положение об органах власти кочевых и бродячих малых туземных народов Якутской АССР»¹⁴, в 1926 г. ВЦИК и СНК РСФСР утвердили «Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР»¹⁵. В связи с тем, что значительная часть народов Севера вела кочевой образ жизни, авторы этих положений, опираясь на рекомендации X съезда РКП(б) о развитии у каждого народа советской государственности в формах, соответствующих национально-бытовым условиям¹⁶, признали нецелесообразной организацию территориальных административных единиц. Органами

⁶ И. И. Агафонов, Б. В. Зонов, М. А. Кротов, П. Е. Утенко. Индигирская экспедиция (предварительный отчет), Москва — Иркутск, 1933, стр. 104.

⁷ «История Якутской АССР», т. III, М., 1963, стр. 403.

⁸ «За власть Советов на Камчатке» (1917—1923 гг.), стр. 57—59.

⁹ «Очерки по истории Якутии советского периода», стр. 145.

¹⁰ «История Якутской АССР», т. III, стр. 404.

¹¹ Б. В. Зонов. Описание бассейна реки Омолона. Иркутск, 1931, стр. 43, 84—87.

¹² Т. Одулок. На Крайнем Севере. М., 1933, стр. 134—137, 147—149, 153.

¹³ «Временное положение об управлении туземными племенами Дальнего Востока», Петропавловск-Камчатский, 1925.

¹⁴ «История Якутской АССР», т. III, стр. 402.

¹⁵ «Северная Азия», М., 1927, кн. 2, стр. 85—91.

¹⁶ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I, стр. 559.

управления были установлены «родовые собрания, родовые советы»¹⁷. Фактически были использованы старые административные единицы — «родовые управы», охватывавшие кочевое население. Родовые советы в 1924—1926 гг. на северо-востоке не удалось создать повсеместно. Коренное население не сразу увидело в них органы новой власти. Нередко по традиции в советы выбирали бывших старост, богатых оленеводов. Так, тундровые юкагиры вплоть до 1927 г. сохраняли старое административное устройство и подчинялись своим князям. Родовые советы, созданные в 1928—1929 гг. среди олонских эвенов, не проводили какой-либо работы¹⁸.

Мероприятия 1921—1926 гг. не оказали заметного воздействия на развитие отсталого коренного населения северо-востока Сибири¹⁹. Вовлечение его в советское строительство началось после того, как стал действовать особый правительственный орган — Комитет содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК²⁰. В связи с этим исследование этнических изменений на северо-востоке мы начали с переписи 1926/27 г., отразившей картину, в основном характерную для дореволюционного периода.

В 1926—1929 гг. на северо-востоке были проведены важные хозяйственные и культурные мероприятия. В 1925 г. малые народы Севера были освобождены от всех прямых общегосударственных и местных налогов, от воинской и трудовой повинности²¹. Широко развернулась советская торговля. На север стали поступать необходимые продукты и товары. Была запрещена торговля спиртом²². На ссуды Интегралсоюза беднейшие хозяйства обеспечивались оружием и оленями. Все это подорвало влияние скупщиков пушнины и торгово-ростовщических элементов.

Своеобразным было культурное строительство на северо-востоке. В наиболее глухих районах Севера — в бухте Лаврентия, в Чаунской губе и на реке Хатырке — были созданы культбазы, включавшие различные культурно-просветительные и хозяйственные учреждения. Начали работать школы-интернаты, кочевые школы, передвижные клубы — красные яранги, красные чумы. Для обслуживания кочевого населения были направлены передвижные врачебные отряды РОКК²³. Все это не только способствовало подъему культурного уровня народов Севера, но и пробудило у них доверие к мероприятиям Советской власти и позволило перейти в 1929—1930 гг. от восстановительного этапа к реконструктивному²⁴.

В 1929—1934 гг. временные родовые советы были постепенно заменены территориальными. На северо-востоке были образованы Корякский и Чукотский национальные округа с подразделением на районы и советы. Развернулась коллективизация, что сопровождалось реконструкцией промыслового хозяйства. В 1934—1940 гг. укрепился колхозный строй на Се-

¹⁷ «Северная Азия», 1927, кн. 2, стр. 86.

¹⁸ Б. В. Зонов, Указ. соч., стр. 43—45.

¹⁹ О первых мероприятиях Советской власти на севере см.: В. Увачан. Ленинская национальная политика и малые народы Севера. — «Советская этнография», 1963, № 3; В. С. Флеров. Строительство Советской власти и борьба с иностранной экспансией на Камчатке. Томск, 1964.

²⁰ М. А. Сергеев. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. М.—Л., 1955, стр. 223—225; его же. Из опыта руководства КПСС некапиталистическим развитием малых народов Советского Севера. — «Вопросы истории КПСС», 1964, № 8, стр. 99—101.

²¹ «Итоги работы Комитета содействия народностям северных окраин». — «Северная Азия», 1926, кн. 3, стр. 85.

²² Там же, стр. 89.

²³ «Местные органы власти и хозяйственные организации на Крайнем Севере», М., 1934, стр. 92—98, 114—115; А. К. Львов. Культурные базы на Севере. — «Северная Азия», 1926, кн. 3, стр. 28—37.

²⁴ «Шестой расширенный пленум Комитета Севера при Президиуме ВЦИК», М., 1929, стр. 4.

вере, окончательно исчезли эксплуататорские элементы, резко поднялся культурный уровень народов Севера. Все это, так же как и последующее очаговое промышленное освоение северо-востока и вызванный им поток пришлого русского населения, привело к глубоким этническим изменениям на северо-востоке Сибири.

ЮКАГИРЫ

Всесоюзной переписью 1926 г. было выявлено 396 человек юкагиров. Из них будто бы пользовались родным языком 352 человека. Однако из таблицы распределения населения по полу, народности и родному языку по округам видно, что из них 198 юкагиров (104 мужчины и 94 женщины) были обнаружены в Булуновском округе²⁵. Как известно, в этом районе проживали эвены, которых, очевидно, переписчики отнесли к юкагирам. Сомнение вызывает и национальная принадлежность 6 юкагиров, обнаруженных в Верхоянском округе. В Колымском округе, где действительно жили юкагиры, было выявлено всего 192 юкагира (107 мужчин и 85 женщин), но пользовались родным языком 153 человека (85 мужчин и 68 женщин). Они, по-видимому, были членами юкагирских родов (Ушканского, Первого и Второго Алазейского). Более подробные сведения о юкагирах, но также не безупречные, были собраны при проведении Похозяйственной переписи 1926—1927 гг. Всего было выявлено 36 оседлых и 59 кочевых юкагирских хозяйств — 454 человека обоего пола²⁶.

В Булуновском округе в Усть-Янском улусе было 44 хозяйства, в том числе 13 оседлых и 31 кочевое, в Булуновском улусе — 1 хозяйство. Как отмечалось выше, это были не юкагиры, а эвены²⁷.

В Колымском округе в Колымском улусе перепись обнаружила 20 юкагирских хозяйств, в том числе 2 оседлых, в Нижне-Колымской волости — 21 хозяйство: 12 оседлых, 9 кочевых. Оседлые хозяйства Нижне-Колымской волости, по-видимому, состояли из потомков членов Омотских родов, а 9 кочевых хозяйств относились к тундровым юкагирам (Первый и Второй Алазейские роды, Омотский род). 20 юкагирских хозяйств Колымского улуса представляли собой верхнеколымских юкагиров (Ушканский род). В 27 кочевых юкагирских хозяйствах Колымского округа значилось 64 мужчины и 56 женщин, всего 120 человек²⁸.

К сожалению, данных о численности верхнеколымских и нижнеколымских юкагиров в отдельности нет, так как разработка материалов переписи 1926—1927 гг. производилась по округам и по главным народностям. Основываясь на средней численности кочевого хозяйства Колымского округа (4,4), можно полагать, что в верховьях Колымы было в 20 хозяйствах 88 юкагиров, а в низовьях Колымы в 9 хозяйствах — 40 человек.

Численность верхнеколымских юкагиров пытался учесть Н. И. Спиридонов, обследовавший верховья Колымы в 1926 г. Эти юкагиры тогда делились на «ясачных», кочевавших по рекам Ясачная, Шаманка и Поповка, и «коркодонских», живших по рекам Коркодон, Толба, Бургалы и Шойдон. По данным Н. И. Спиридонова, юкагирская группа в верховьях Колымы состояла из 136 человек²⁹. По данным С. В. Обручева, в верховьях Колымы было 125 юкагиров³⁰. Обе эти цифры значительно превышают их

²⁵ «Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. VII. «Дальневосточный край, Якутская АССР. Народность, родной язык, возраст, грамотность», М., 1928, стр. 168, 180.

²⁶ «Похозяйственная перепись приполярного севера СССР 1926—1927 годов», М., 1929, стр. 2.

²⁷ Там же, стр. 112.

²⁸ «Похозяйственная перепись...», стр. 82.

²⁹ Н. И. Спиридонов. Одулы Колымского округа. — «Советский Север», № 9—12, 1930, стр. 186.

³⁰ С. В. Обручев. В неизведанный край. М., 1954, стр. 144.

численность в 1897 г. Если доверять этим данным, то получается, что верхнеколымская группа юкагиров за 30 лет увеличилась на 40%. Однако время между переписями 1897 и 1926 гг. было очень тяжелым в жизни юкагиров, и вряд ли они могли так увеличиться в численности. Очевидно, в состав юкагиров, учтенных как Н. И. Спиридоновым, так и местными организациями, вошли и сблизившиеся с ними, утеравшие родной язык эвены Второго Дельянского рода. Допуская, что численность юкагиров бывшего Ушканского рода осталась на уровне 1897 г., можно полагать, что в верхнеколымской группе кочевого населения было около 50 эвенов, сблизившихся с юкагирами.

Данные переписи об омононских юкагирах несколько уточняют сведения Б. В. Зонova, участника экспедиции по исследованию Колымы. В 1928—1929 гг. он посетил бассейн Омолона. Здесь было 4 хозяйства юкагиров — 35 человек обоего пола. Они входили в отдельный Щербаконский Омононско-Ушканский род и, как остальные члены Первого Омононского рода, занимались оленеводством и охотой, кочуя по притокам Омолона — Олоу и Олойчану. Если эти хозяйства сохраняли родной язык, то остальные 9 хозяйств (54 человека)³¹ пользовались эвенским языком и считались ламутами (эвенями). Разнонациональный состав Омононско-Ушканского рода показывает, что процесс поглощения омононских юкагиров эвенями в 1920-х годах еще не завершился.

Социалистическое строительство среди тундровых и таежных (верхнеколымских) юкагиров имело существенные особенности. Сказались не только климатические условия верховий и низовий Колымы, но и своеобразные черты хозяйства и культуры обеих юкагирских групп. В связи с этим целесообразно рассмотреть хозяйственно-культурные и этнические изменения, происшедшие за советский период, по каждой группе юкагиров в отдельности.

В 1930 г. верхнеколымские юкагиры Ушканского рода, обитавшие в бассейне Ясачной, и жившие среди них семьи якутов объединились в товарищество «Светлый путь» («Почерходол модол»). Хозяйственным центром юкагиры первоначально избрали местность Нелемное на правом берегу Ясачной, в 3 км выше устья Россохи, где было несколько зимников³². Коркодонские юкагиры объединились в 1930 г. в товарищество «Новый путь» и решили строить хозяйственный центр на реке Коркодон.

Объединение в товарищества и строительство поселков способствовали развертыванию культурно-просветительной работы. В 1931 г. для детей нелемских юкагиров была открыта школа с интернатом³³.

В эти годы из среды верхнеколымских юкагиров выдвинулся талантливый писатель Н. И. Спиридонов, подписывавший свои произведения псевдонимом Текки Одулок (Маленький Юкагир).

Большое культурное влияние на юкагиров оказали золотопромышленные центры, возникшие в 1920—1930-х годах в верховьях Колымы, Сеимчан и Тоскан, и центр колымского судоходства Зырянка. Постепенно юкагиры стали заменять старые избы-поварни срубными домами с дощатым полом, двухскатной крышей и окнами. Стали исчезать из быта посуда из бересты, низкие столы на козлах. В колхозах появились почти не доступные юкагирам в прошлом берданы, орудия для подледного лова рыбы — пепши, ломы, сети из конского волоса, а для летнего и осеннего лова — невода, мережи.

Юкагиры увеличили вылов рыбы. В связи с этим отпала необходимость весенних кочевок для детей, женщин и стариков. Товарищества юкагиров приобрели ездовых оленей, что видоизменило и быт охотников. Они

³¹ Б. В. Зонov. Описание бассейна реки Омолона, стр. 44—45.

³² И. И. Агафонов и др. Указ. соч., стр. 37.

³³ П. П. Борисов. Солнце над Семчаном. Странички из дневника. — «Магаданская правда», 1955, 1 февраля.

отказались от собачьего транспорта и длительных переходов на лыжах. Юкагиры стали более оседлыми.

В 1940-х годах юкагирские артели для страховки на случай неурожаа рыбы занялись животноводством и огородничеством. Введение этих отраслей хозяйства привлекло в юкагирские колхозы якутов и русских. В 1942 г. юкагиры — члены коркодонского колхоза «Новый путь» по совету районных организаций перебазировались на реку Балыгычан и объединились с якутским колхозом. Укрупненному колхозу им. Третьей пятилетки было придано животноводческое направление.

Колхоз нелемских юкагиров «Светлая жизнь» сосредоточил усилия на развитии промыслового хозяйства — пушной охоты и рыболовства. Огородничество и животноводство были здесь подсобными отраслями. В 1959 г. этот юкагирский колхоз объединился с якутским «Советская Конституция». Укрупненный колхоз «Юкагир» стал развивать преимущественно животноводство и звероводство. В 1961 г. этот колхоз вошел в Верхне-Колымский совхоз.

Глубокие изменения в расселении, в хозяйстве и в быте юкагиров сказались на облике этой этнической группы. Исчезла бывшая обособленность. Упразднение старых административных единиц, объединение в товарищества привели к тому, что разделение полуоседлого юкагироязычного населения на юкагиров (Ушканский род) и на эвенов (Второй Дельянский род) стало забываться. Обьюкагирившиеся потомки Второго Дельянского рода — Солнцевы, Дьячковы, Тайшины, утратившие родной язык, стали причислять себя к юкагирам. Интересны данные опроса этих лиц. Т. Дьячков, 65 лет, уроженец Нелемного, сообщил, что его дед и бабушка по отцу были эвенами (ламутами) и кочевали с оленями; отец знал эвенский язык, но жил оседло среди юкагиров и женился на юкагирке. Сам Дьячков знает юкагирский и якутский языки, с эвенами никогда не кочевал³⁴.

Переход в поселки сблизил юкагиров с верхнеколымскими якутами. Некоторые якутские семьи после организации товариществ поселились в юкагирских селениях. Среди юкагиров жили и русские — учителя, врачи, ветеринары и т. д.

Однако стягивание юкагиров с отдаленных притоков Колымы в крупные поселки, вхождение их в укрупненные многонациональные колхозы вызвало не столько консолидацию, сколько размывание этой этнической группы. В крупных поселках юкагиры оказались, особенно после промышленного освоения Колымы, в окружении пришлого инородного населения и стали сливаться с ним, утрачивая свою этническую специфику. Переселение с Коркодона на Балыгычан (1941 г.) привело к быстрой ломке привычных форм быта в связи с отказом от традиционного хозяйства. Из колхоза им. Третьей пятилетки, где стали заниматься огородничеством и животноводством, часть коркодонских юкагиров перешла в другие районы. Если в 1942 г. в коркодонском колхозе числилось 60 юкагиров, то в 1959 г. в балыгычанском колхозе им. Третьей пятилетки было выявлено всего 20 юкагиров. Преобладающее население в поселке Балыгычан — якуты и русские. В 1959 г. здесь была всего 1 юкагирская семья, 3 юкагирско-русских и 1 юкагирско-якутская. Молодые люди в смешанных семьях обычно относят себя к русским или якутам. Все коркодонские юкагиры двуязычны, некоторые владеют и тремя языками³⁵. Таким образом, коркодонская группа юкагиров исчезает на наших глазах³⁶.

Сравнительно крупная группа юкагиров сохранилась только на реке Ясачной в Верхне-Колымском районе Якутской АССР. В 1956 г., по данным посемейных списков, частично уточненных нами путем опроса насе-

³⁴ Из материалов этнографической поездки автора на Колыму в 1956 г.

³⁵ Материалы Юкагирской экспедиции 1959 г. Института языка, литературы и истории ЯФ СО АН СССР и Института этнографии АН СССР.

³⁶ И. С. Гурвич. Современные этнические процессы, протекающие на севере Якутии. — «Советская этнография», 1960, № 5, стр. 10.

ления, здесь было выявлено 120 юкагиров (включая и обьюкагирившихся эвенов). Перепись 1959 г. зарегистрировала в Верхне-Колымском районе 130 юкагиров. При сравнении этих данных с материалами предыдущих переписей создается впечатление о наличии здесь устойчивого массива юкагирского населения. Однако в действительности верхнеколымские юкагиры живут среди численно преобладающего якутского и русского населения, и большая часть их вкраплена в смешанные семьи.

В 1956 г. в юкагирском колхозе «Светлая жизнь» было 45 хозяйств, в том числе 16 юкагирских (считая и одиночек), 2 эвенских, 7 якутских, 3 русских и 2 смешанных якутско-юкагирских. Кроме того, в поселке Нелемное вне колхоза было несколько смешанных семей рабочих и служащих, в том числе 4 русско-юкагирских, 2 русско-якутских и 1 татарско-эвенская. В поселке Зырянка (центр Верхне-Колымского района) было 2 русско-юкагирских семьи.

Число смешанных семей превышает число чисто юкагирских семей. Это само по себе свидетельствует об интенсивной ассимиляции юкагиров с окружающим населением. Об этом же говорят и языковые процессы. Из опроса членов бывшего колхоза «Светлый путь» в 1956 г. выяснилось, что двумя языками — юкагирским и якутским — владело 14 человек, юкагирским и русским — 1, эвенским и якутским — 3, якутским и русским — 49 человек. Тремя языками — юкагирским, якутским и русским — владели 31, юкагирским, эвенским и якутским — 7, эвенским, якутским и русским — 12 человек, четырьмя языками: юкагирским, эвенским, якутским и русским — 10 человек. Только якутским владели лишь 7 человек³⁷. Таким образом, большинство населения владеет разговорным русским и якутским языками.

В юкагирских и эвенских семьях говорят на родном языке, в смешанных юкагирско-эвенских семьях обычно пользуются юкагирским языком, в юкагирско-якутских семьях говорят по-якутски, но нередко и по-юкагирски. Таким образом, юкагирский язык бытует в верховьях Колымы. Однако в самом юкагирском языке происходят очень интересные изменения. Старики юкагиры нам неоднократно заявляли, что юкагирский язык забывается, вместо некоторых юкагирских слов употребляют якутские и русские термины. В разговорную речь часто вставляют якутские фразы.

В поселках Нелемное и Балыгычан дети юкагиров обучаются в русских начальных школах, дальнейшее образование они получают в средних школах в поселках Зырянка и Сеимчан. Значительная часть учащихся-юкагиров живет во время обучения в школе в интернате, где они говорят по-русски. Так как дети юкагиров даже из тех семей, где говорят на родном языке, обычно еще до школы овладевают русской речью, то обучение в русских школах не вызывает затруднений.

Делопроизводство в юкагирских совхозах ведется на русском языке, иногда на якутском. Собрания проводятся обычно на якутском языке, иногда на русском. Стенные газеты выпускаются на якутском и русском языках. Таким образом, юкагирский язык стал «домашним». Все же язык остается главной отличительной чертой юкагиров.

Своим исконным делом юкагиры считают охоту и рыболовство. Эти традиционные отрасли их хозяйства претерпели значительные изменения, но не потеряли своего значения. Для добычи лосей в Верхне-Колымском юкагирском совхозе выделяют весной сезонные бригады, на лосей охотятся и охотники-одиночки. Добывают лосей, преследуя их на лыжах по насту. Пушная охота служит одним из основных источников их денежных доходов. Охотничьи участки обьезжают на оленях, собачий транспорт почти исчез.

³⁷ Всего переписью 1959 г. выявлены 440 юкагиров («Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. РСФСР», М., 1963, стр. 302).

Приверженность юкагиров к традиционным отраслям хозяйства особенно ярко проявляется в сфере личного подсобного хозяйства. Из 45 хозяйств, входивших в 1956 г. в состав колхоза «Светлая жизнь», только 7 имели в личном пользовании коров. Подсобное личное хозяйство большинства семей сводилось к тому, что они летом запасали рыбу, а некоторые весной и осенью добывали лосей.

В колхозе им. Третьей пятилетки подсобное хозяйство юкагиров, входящих, как правило, в смешанные семьи, приняло якутские и русские формы. Обычно в личном пользовании содержат коров, реже кур, свиней. Некоторые имеют небольшие огороды.

Не утерял ценности комплекс навыков юкагиров по приспособлению к суровым таежным условиям жизни³⁸.

Как отмечалось выше, в недавнем прошлом юкагиры носили одежду эвенского покроя — дошку в талию с нагрудником. Теперь эта одежда совершенно вышла из употребления. В 1959 г., когда верхнеколымские колхозники-юкагиры получили приглашение на фестиваль в Якутск, местный самодеятельный коллектив не смог найти национальную одежду. Зимой на промысле мужчины носят меховые дошки якутского покроя, меховые штаны, торбоза, рукавицы из оленьих камусов и шапки-ушанки. Летом охотники и рыбаки носят обувь из ровдуги.

В рацион верхнеколымских юкагиров теперь твердо вошли хлеб, сахар, крупы, масло, овощи, но основные продукты питания — мясо и рыба. Мясо диких оленей и лосей заготавливают весной и осенью. На трудодни распределяется также говядина и конина. Зимой подспорьем в питании служит мясо зайцев, их ловят петлями. Широко используется в пищу юкола.

В поселках юкагиры живут в срубных электрифицированных и радиофицированных домах, внешние стены домов обмазывают глиной и иногда белят. Обогреваются такие жилища печами из кирпича или плитам. Дощатые перегородки, не доходящие обычно до потолка, делят избу на две-три комнаты и кухню. Внутреннее убранство юкагирских домов по существу ничем не отличается от убранства домов колымских русских и якутов.

В быту юкагиров есть еще некоторые особенности, выделяющие их из среды окружающего населения. Так, на лето многие семьи юкагиров переселяются на рыбалки, где живут в конических чумах, крытых лиственничной корой. В центре чума на шестке раскладывают костер. Пол устилают ветками. Около стен устраивают невысокие лежанки. Над костром коптят юколу, дымят шкуры. Эти преимущества чума побуждают и юкагиров, проводящих лето в поселке, строить в качестве подсобного летнего помещения чумы. Зимой их используют как амбары.

Сохранились некоторые традиционные черты духовной культуры верхнеколымских юкагиров. С распространением грамотности в их быт вошли книги, газеты, во многих семьях охотно и регулярно слушают радиопередачи. В связи с этим сфера распространения юкагирского фольклора резко сократилась. Однако и теперь бытуют сказки о хитром и ловком зайце, о могучем восьминогом лосе, о великанах-людоедах, рассказы об удачных охотниках, страшных шаманах, исторические легенды о приходе русских, о столкновениях с коряками, об оспе и голодовках. Исполняются, но редко, песни-импровизации. Сохранился круговой танец.

Какие-либо особые юкагирские обычаи указать трудно. Уважительное отношение к старшим, гостеприимство, характерны не только для юкагиров, но и для эвенков и якутов. Что касается обычая избегания, существовавшего между братьями и сестрами, между зятем и тещей, между невесткой и свекором, а также свадебные обычаи, связанные с выплатой калыма,

³⁸ Описание хозяйственных и культурных особенностей верхнеколымских юкагиров составлено по экспедиционным отчетам автора за 1956—1959 гг.

то о них помнит лишь старшее поколение³⁹. Эти обычаи исчезли на памяти теперешнего поколения сорока-пятидесятилетнего возраста. Как пережиток в среде юкагиров сохраняются лишь некоторые охотничьи обычаи и запреты. Старики и пожилые охотники нередко благодарят огонь после удачной охоты. В огонь бросают кусочки жира и обращаются к нему с просьбами и в дальнейшем даровать удачу. Когти и поздри убитого медведя некоторые охотники сохраняют на счастье, вешают у двери как охраняющий амулет. Черепа, трубчатые кости диких оленей и лосей укладывают на небольших помостах, устраиваемых на ветвях. Характерно, что сущность этого обряда забыта. Ружья, лыжи, охотничье снаряжение, сети обычно хранят вне дома, в амбарах, или вешают на помосты, чтобы эти предметы не попали под ноги женщин, что, по мнению стариков охотников, вызывает неудачу в промысле. Разумеется, эти пережитки не играют в настоящее время существенной роли.

Специфические особенности юкагирского быта быстро исчезают. Можно полагать, что в ближайшие годы отличительным признаком верхнеколымских юкагиров окажется только язык и национальное самосознание.

В среде нижнеколымских юкагиров в годы Советской власти произошли иные этнические изменения.

» Коллективизация в Халерчинской и Олерской тундрах началась в 1929—1930 гг. Здесь сразу были организованы артели. Однако они существовали лишь формально. С 1930 по 1933 г. артели ни разу не распределяли доходов. Колхозники жили за счет индивидуального хозяйства⁴⁰. В 1933 г. артели были, согласно постановлению ЦК партии от 1 сентября 1932 г., преобразованы в товарищества по совместному выпасу оленей, что отвечало уровню социального развития населения. Юкагиры, кочевавшие в бассейне Чукотчье, вошли совместно с эвенками в товарищество «Чайреуль одул» («Поднимающийся одул»), но в документах оно называлось по-якутски: «Чукочий бадул». Несколько юкагирских семей вошло в чукотское товарищество «Харгниаргы» и эвенское «Сутаня омчук».

Согласно уставу товарищества, олени остались в личном владении. Члены товарищества объединяли оленей лишь на летний период, высвобождая часть трудоспособных для рыбной ловли. Стали внедряться бригадные методы работы. В хозяйстве юкагиров и эвенков произошли глубокие изменения. В 1930 г. по всей тундре между Колымой и Индигиркой количество диких оленей резко сократилось. В 1931 г. охотники встречали их только около моря. В 1933 г. дикие олени совершенно исчезли. Товарищества одулов и эвенков получили ссуды на приобретение оленей и перешли от охоты на диких оленей к мясо-шкурному оленеводству, пушной охоте и рыболовству.

Бригадный метод работы и разделение труда позволили интенсифицировать хозяйство. Так, на ферме бригадира Н. К. Курилова товарищества «Чукочий бадул» с 1935 по 1939 г. поголовье оленей увеличилось с 994 до 2520⁴¹. Юкагир Н. К. Курилов был избран депутатом Верховного Совета СССР первого созыва. Оленеводческие товарищества Нижне-Колымского района быстро окрепли. В 1937 г. они распределили между своими членами 500 тыс. руб. Средний доход одного хозяйства поднялся до 4 тыс. руб.⁴²

В 1940—1941 гг. тундровые товарищества перешли на «Устав сельскохозяйственной артели». Товарищество «Чукочий бадул» было преобразовано в артель «Оленевод» с центром на реке Тустах-сен, притоке Чукотчье. Товарищество «Сутаня омчук» стало артелью «Сутаня удиран» с центром

³⁹ Материалы Юкагирской экспедиции 1959 г.

⁴⁰ И. А. Тарасов. Из истории простейших производственных объединений на крайнем севере Якутии. — «Ученые записки Якутского государственного университета», вып. 2, Якутск, 1955, стр. 52.

⁴¹ И. А. Тарасов. Указ. соч., стр. 57.

⁴² Там же, стр. 62.

на Алазее. Юкагиры, вошедшие в чукотское товарищество, влились в многонациональный колхоз «Турваургин».

Все это сблизило прежде разрозненные и обособленные хозяйства эвенов, юкагиров и чукчей. Сближение отдельных этнических групп тундры еще более ускорилося после того, как в 1959 г. объединились колхозы «Оленевод», где преобладало юкагириязычное население, и «Сутаня удиран», в котором большинство населения составляли эвены.

Об этнических процессах в многонациональных колхозах Нижне-Колымского района можно судить, обратившись к национальной принадлежности населения. В колхозе «Турваургин» (Халерчинский наслег) в 1959 г., по материалам наслежного совета, проверенных нами путем опроса, выявилась всего одна юкагирская семья, но 12 чукотско-юкагирских, 3 эвенско-юкагирских и 2 якутско-юкагирских. Всего в Халерчинской тундре обнаружены 34 юкагира. Большая их часть (29 человек из 34) входит в смешанные семьи⁴³.

Большинство юкагиров Халерчинской тундры многоязычны. Кроме родного, одульского языка, они владеют эвенским, чукотским, якутским, а иногда и русским⁴⁴.

Национальное самосознание юкагиров Халерчинской тундры весьма неустойчиво. Часть их в похозяйственных книгах значится эвенами. Юкагирами себя считают обычно те, чьи предки входили в род Вогарил, — Лаптевы, Никутины. Молодые люди из смешанных юкагирско-чукотских, юкагирско-якутских и юкагирско-эвенских семей обычно причисляют себя к чукчам, якутам и эвенам.

В 1959 г. в Олерском наслеге Нижне-Колымского района нами опросом населения и проверкой посемейных списков было выявлено 13 одульских (юкагирских) семей. В них было 55 юкагиров. Кроме того, здесь значилось 3 одиночки-юкагира.

Кроме того, имеются 20 смешанных семей, в которые входят юкагиры, в том числе эвенско-юкагирских или юкагирско-эвенских — 12, якутско-юкагирских — 5, чукотско-юкагирских — 2. В этих семьях было 34 юкагира⁴⁵.

Всего в пределах Олерского наслега обнаружено 92 юкагира. Общая численность юкагиров в Нижне-Колымском районе, включая районный центр и территорию колхоза им. Ленина, где в основном живут русские старожилы, не превышает 140 человек.

Численность юкагиров может быть определена лишь приблизительно: в Олерском и Халерчинском наслегах некоторые лица числятся эвенами, но считают себя юкагирами, и наоборот. Детей из смешанных семей в хозяйственных книгах обычно относят к национальности отца — главы семьи, но нередко при совершеннолети молодые люди причисляют себя к национальности матери.

Более или менее стойкое юкагирское национальное, а скорее родовое, самосознание сохраняют лишь несколько семей Куриловых, происходящих из рода Алай, и семья Атласовых из рода Холодил. В отличие от обруселых колымских юкагиров, они называют себя одулами и отличают от эвенов. Остальные семьи и лица, назвавшие себя одулами-юкагирами, соглашались и с отнесением их к эвенам. Это объясняется, во-первых, тем, что кочевавшие в тундре между Колымой и Алазеей юкагиры и эвены, как уже указывалось, входили в один Хангайский наслег; во-вторых, тем, что юкагиры издавна смешивались с эвенами, чукчами и якутами.

В Олерском наслеге из 64 человек взрослых, показавших себя юкагирами-одулами, 18 человек отметили, что они наполовину являются эвенами, якутами или чукчами (по матери или отцу), а 5 человек — что дед

⁴³ Материалы Юкагирской экспедиции 1959 г.

⁴⁴ И. С. Гурвич. Современные этнические процессы..., стр. 7—8.

⁴⁵ Материалы Юкагирской экспедиции 1959 г.

или бабка их были неюкагиры. Из опрошенных 29 эвенов этого наслега 15 показали, что они наполовину юкагиры, чукчи или якуты. Подобное явление обнаружилось и в Халерчинской тундре. Из 14 взрослых юкагиров 5 показали, что они в прямом родстве с чукчами, эвенами или якутами. Наконец, некоторые одулы относят себя к эвенам в связи с тем, что в Нижне-Колымском районе в последние десятилетия широко распространилось мнение, что одулы — это одно из наименований эвенов⁴⁶.

Как отмечалось выше, до революции четкого национального самосознания у тундрового населения между Колымой и Алазеей (эвенов, юкагиров) не было, оно подменялось обычно представлением о родовой принадлежности. Есть причины, и сейчас препятствующие сложению юкагирского национального самосознания. Так, юкагирские семьи не составляют в Нижне-Колымском районе какого-либо сплошного этнического массива. Они живут среди инородного, но близкого по культуре и даже родственного населения. Хозяйство тундровых юкагиров ничем не отличается от хозяйства их соседей — тундровых эвенов и чукчей. Нижне-Колымский совхоз, куда влились в 1961 г. тундровые колхозы, ведет комплексное промысловое хозяйство. Основные отрасли здесь — оленеводство мясо-шкурного направления, пушная охота и рыболовство. Именно в этих отраслях и запята большая часть населения, независимо от национальной принадлежности⁴⁷.

Современная материальная культура тундровых юкагиров — это конгломерат чукотских, эвенских, якутских и русских элементов. С большим трудом в ней удастся выделить самобытные юкагирские особенности. Так, промысловой мужской одеждой служит сейчас для всех юкагиров чукотский костюм: оленья кухлянка, длинные меховые штаны, короткие камусные торбоза (плекки) и шапка. Женской одеждой служит традиционный эвенский костюм: длинные распашные расклепанные клиньями шубы в талию, передник-нагрудник, штаны и торбоза до колен. Детей, если их берут на промысел, одевают в детские комбинезоны чукотского типа.

Зимой юкагиры-олeneводы, охотники используют чум эвенского типа (чуора-дю), летом — облегченную конструкцию этого чума, называемую «бон»⁴⁸. Те изменения, которые происходят в настоящее время в одежде, жилище и пище, характерны в равной степени как для юкагиров, так и для эвенов и колымских чукчей. В быт юкагиров вошло пошение нижнего белья, употребление постельного белья. В поселках юкагиры носят костюмы, покупные платья, зимние и демисезонные пальто. В домах юкагиров появилась мебель⁴⁹. Поселки юкагиров Андриюшкино и Колымская радиофицированы и электрифицированы.

Сдвиги в культуре, характерные для всего населения Нижне-Колымской тундры, характерны и для юкагиров. Среди них появились лица не только с семилетним, средним, но и с высшим образованием. Юкагир А. Н. Лаптев окончил северное отделение Ленинградского педагогического института. Работая учителем, он стал собирателем юкагирского фольклора. В высших учебных заведениях обучаются и другие юкагиры.

⁴⁶ Возникновение этого представления, по-видимому, объясняется ошибочной местной традицией, согласно которой одульский язык считается тунгусским. В связи с тем, что теперь вместо слова «тунгус» в официальных документах употребляется слово «эвенки», то в Нижне-Колымском районе лиц, пользующихся одульским языком, считают иногда эвенами, не различая понятия «эвенки» и «эвен».

⁴⁷ В настоящее время юкагиры принимают иногда участие в новых отраслях хозяйства — молочном животноводстве, звероводстве. Об особенностях нижнеколымских колхозов см.: И. С. Гурвич. Быт и культура оленеводческих колхозов Нижне-Колымского района. — «Доклады на пятой и шестой научных сессиях ЯФ АН СССР», Якутск, 1954.

⁴⁸ И. С. Гурвич. Летний чум аллайховских эвенов и нарта-волокуша. — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. XXXIII, 1963, стр. 90.

⁴⁹ Описание быта и культуры юкагиров составлено по материалам экспедиционных отчетов автора по поездкам 1951, 1959 и 1962 гг.

Общее хозяйство, одинаковые условия труда и быта, постоянное общение между эвенками и юкагирами, родственные связи, естественно, не способствуют выработке у лиц из бывших юкагирских родов особого национального самосознания. Из среды окружающего населения нижнеколымские юкагиры выделяются, во-первых, происхождением, т. е. воспоминаниями о принадлежности к бывшим юкагирским административным родам; во-вторых, языком. Однако юкагирским языком пользуются не только юкагиры, но нередко и эвенки. Из 311 взрослых, опрошенных нами в Олерском наслеге, показали, что они знают одульский язык, 136 человек, т. е. вдвое больше, чем числится здесь взрослых юкагиров. Практически во всех эвенских семьях, не говоря уже о смешанных юкагирско-эвенских, юкагирский язык известен кому-либо из членов семьи, а нередко именно им пользуются в быту.

Юкагирский язык употребляют в быту и некоторые чукотские семьи, близкие к юкагирам. Характерны следующие примеры. В оленеводческой бригаде № 8 Олерского наслеге, возглавлявшейся эвенком А. Е. Третьяковым, в которой преобладали эвенки, разговорным служил юкагирский язык. Только в одной семье в этой бригаде говорили по-эвенски. В бригаде эвенки С. А. Слепцова этого же колхоза, где пастухами работало несколько якутов, разговорным языком⁵⁰ бригады был и юкагирский.

Характерно и другое явление. Почти все юкагиры, эвенки и чукчи Олерской тундры многоязычны. Так, в результате опроса юкагиров о знании языков выяснилось, что из 51 взрослого знали 2 языка — одульский и якутский — 2 человека, 3 языка — одульский, эвенский, якутский или одульский, чукотский, якутский — 23 человека, 4 языка — одульский, эвенский, якутский, русский или одульский, чукотский, эвенский, якутский — 21 человек и 5 языков — одульский, эвенский, чукотский, якутский и русский — 5 человек.

По словам наших информаторов-юкагиров, многоязычие широко распространилось после революции.

Дети юкагиров Олерской тундры обучаются в школе на якутском языке. Большинство юкагиров, в особенности молодежь, свободно владеет этим языком. Юкагиры Халерчинской тундры посылают своих детей в Колымскую среднюю школу, где обучение производится по-русски. «Международным» языком в Халерчинском наслеге служит русский. Большинство юкагиров этого наслеге владеет и якутским.

Выделение языков «общественных», выходящих за рамки отдельных этнических групп, может рассматриваться как путь преодоления былой замкнутости. Многоязычие и наличие большого числа смешанных семей свидетельствуют о еще незавершенных сложных этнических процессах, протекающих в Нижне-Колымской тундре. Трудно предвидеть будущее юкагирского тундрового диалекта: будет ли он вытеснен эвенским языком или, напротив, шире распространится в быту. Несомненно одно: за последние десятилетия ускорился процесс сближения юкагиров с их соседями — чукчами, эвенками и якутами, и, хотя он еще не завершился, можно с уверенностью сказать, что мы наблюдаем последние этапы рассасывания юкагиров.

ЭВЕНКИ

Материалы всесоюзной переписи 1926 г. и сопутствовавшей ей похозяйственной переписи 1926—1927 гг. о численности эвенков неточны. В некоторых районах эвенки (ламути) были отнесены к эвенкам (тунгусам). Так, в пределах Якутской АССР были выявлены эвенки — 377 мужчин и 361 женщина. В действительности их было значительно больше.

⁵⁰ Материалы Юкагирской экспедиции 1959 г. (наблюдения К. И. Горохова).

В Колымском округе было выявлено 216 мужчин и 180 женщин ламутов, т. е. эвенов, и 145 мужчин и 128 женщин тунгусов, т. е. эвенков⁵¹. По переписи 1897 г. в пределах этого округа были только эвены. По-видимому, так было и в 20-х годах нашего столетия. Таким образом, можно считать, что в этом округе было 361 мужчина и 308 женщин эвенов. По сравнению с переписью 1897 г., численность эвенов в Колымском округе уменьшилась на 261 человека. Однако имел место недоучет эвенов в Омолонском бассейне⁵². По-видимому, здесь численность населения осталась на прежнем уровне.

В Верхоянском округе (Верхоянский и Эльгетский улусы) были выявлены 152 мужчины и 170 женщин эвенов и 766 мужчин и 810 женщин эвенков⁵³. По предыдущей переписи эвенков здесь не было. Никаких крупных переселений эвенков в этот район между переписями не происходило. Объединив эвенков и эвенов, получим, что здесь проживало 918 мужчин и 980 женщин. Сопоставление этих цифр с материалами переписи 1897 г. показывает, что численность эвенов Верхоянского округа увеличилась на 210 человек. У нас нет данных для определения численности эвенов бывшего Якутского округа — ламунхинцев и тюгясиров, так как они не выделены из общей массы тунгусов. Учитывая, что численность эвенов в соседних округах не уменьшилась по сравнению с предыдущей переписью, мы условно приняли численность ламунхинцев и тюгясиров по данным 1897 г., т. е. 595 человек. Таким образом, всего в Якутии в 1926 г. было около 3300 эвенов обоего пола.

О численности охотских эвенов есть следующие данные. В Ольском районе Николаевского округа было выявлено переписью 1926 г. 1726, а приполярной переписью 1715 эвенов, названных тунгусами. По материалам приполярной переписи, эвены — 706 мужчин и 703 женщины — кочевали по рекам Оле, Армани, Маякане, Мотыклее, Буенде, Ирети, Вилите, Яме и др.⁵⁴

Оседлые эвены — 166 мужчин и 140 женщин — расселялись следующим образом⁵⁵:

Поселок	Жителей	Поселок	Жителей
Армань	78	Ола	93
Балаганное	3	Хупкуган	5
Гадля	6	Сиглан	50
Преть	16	Ямск	8
Тахтоямск	17	Тауйск	26
Туманы	4		

Всего . . . 306

В 1897 г. оседлых эвенов было 187 человек обоего пола. Увеличение этой группы, по-видимому, объясняется переходом части кочевых эвенов на оседлость в связи с утратой оленей.

Оседлые эвены, так называемые сидячие тунгусы, жили вместе с русскими, якутами, коряками и «камчадалами», т. е. с лицами, происходившими от браков русских с коряками или эвенками. Оседлые эвены, так же как и коряки, пользовались русским языком. Все оседлое население занималось рыболовством, добычей морского зверя и пушной охотой, на транспорте использовало ездовых собак.

В Охотском районе похозяйственной переписью было выявлено 1710 эвенов, также названных тунгусами. Кочевые эвены в этой группе со-

⁵¹ «Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. VII, стр. 180—181.

⁵² Б. В. З о н о в. Описание бассейна реки Омолона, стр. 55.

⁵³ «Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. VII, стр. 180—181.

⁵⁴ «Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края (1926—1927)», Благовещенск, 1929, стр. 182.

⁵⁵ Архив Института этнографии АН СССР. Материалы М. Г. Левина.

ставляли 833 мужчины и 726 женщин, оседлые — 79 мужчин и 72 женщины⁵⁶.

Всего в Николаевском округе было 3436 эвенов. По сравнению с данными 1897 г., численность их здесь уменьшилась на 303 человека. Это объясняется, по-видимому, тем, что часть охотских эвенов кочевала за пределами бывшего Охотского района, в Тугуро-Чумиканском районе. К сожалению, выделить эвенов из среды эвенков в этом районе невозможно, так как данные родовой принадлежности населения не учитывались.

В Пенжинском районе Камчатской области, куда входила и Гижига и Тайгоносский полуостров, переписью 1926 г. было выявлено 1429 тунгусов и 270 ламутов⁵⁷. Трудно сказать, что послужило основанием для такого разделения единого тунгусоязычного населения. Эвены Пенжинско-Гижигинского района, судя по предыдущей переписи, а также по наблюдениям М. Г. Левина, производившего здесь в 1931 г. учет населения, представляли собой одну группу. Тунгусов в этом районе не было. Это позволяет считать, что здесь было около 1700 эвенов обоего пола. Уменьшение на 110 человек по сравнению с 1897 г. объясняется, по-видимому, недоучетом.

На Чукотке в Анадырском районе было зарегистрировано 128 мужчин и 130 женщин эвенов, в Чукотском районе 5 мужчин и 5 женщин, т. е. 268 человек. Уменьшение здесь численности эвенов на 315 человек, возможно, объясняется тем, что оседлые обруселые эвены долины Анадыря показали себя русскими или камчадалами.

Камчатские эвены подразделялись на три локальные группы.

Переписью 1926—1927 гг. в пределах современного Быстринского района было выявлено 470 эвенов обоего пола⁵⁸. Административно эти эвены входили в Усть-Камчатский район.

О кочевавших между реками Рекинилки и Анапка на севере и Напана и Седанка на юге тигильских эвенов известно, что в 1926—1927 гг. их было 71 человек⁵⁹. Они входили в Тигильский район. «Это северная ветвь камчатских ламутов, обитающих в хребтах в центре полуострова», — писал об этой группе К. Шавров, производивший перепись в этом районе⁶⁰. Он отметил, что эти эвены нередко вступали в браки с коряками и что в их хозяйстве много коряжских черт.

Третью группу составляли хаилинские эвены, кочевавшие в пределах нынешнего Олюторского района, тогда входившего в Карагинский район. Их было 223 человека⁶¹.

Таким образом, на Камчатке было около 760 эвенов, не считая пенжинских, которых трудно отделить от гижигинских. Общая численность эвенов в 1926—1927 гг. была около 9300 человек.

В советский период в жизни эвенов и в их этнической судьбе произошли глубокие изменения. Нам уже приходилось освещать эти изменения у камчатских эвенов⁶². После коллективизации исчезла их бывшая культурная замкнутость. Смешанные браки с коряками, русскими, чукчами, двуязычие свидетельствуют о том, что камчатские эвены быстро сближаются с соседями.

Остановимся более подробно на этническом развитии магаданских и якутских эвенов.

⁵⁶ «Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края», стр. 182.

⁵⁷ «Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. VII, стр. 128.

⁵⁸ Е. П. Орлова. Хозяйственный быт ламутов Камчатки.— «Северная Азия», 1928, кн. 5—6, стр. 84.

⁵⁹ К. Шавров. О населении северной части полуострова Камчатки.— «Статистический бюллетень Дальневосточного краевого статистического управления», Хабаровск — Благовещенск, 1927, стр. 90.

⁶⁰ Там же, стр. 87—88.

⁶¹ «Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. VII, стр. 128.

⁶² И. С. Гурвич. Эвены Камчатской области.— «Труды Института этнографии АН СССР», новая серия, т. LVI, 1960, стр. 63—91.

В районе обитания охотских эвенов советская власть установилась окончательно в 1923 г. Летом 1923 г. в Оле был организован ревком, в состав которого вошли и представители оседлых эвенов.

В 1924/25 г. Ольский ревком проводил разъяснительную работу среди кочевых эвенов. Работники ревкома, знающие эвенский язык, рассказывали о законах советской власти, говорили о необходимости школ, фельдшерских пунктов, бань. Однако кочевники эти беседы не принимали всерьез и заявляли, что они не нуждаются ни в школах, ни в больницах⁶³. В 1929 г. в бухте Ногаево была открыта Охотско-эвенская культбаза⁶⁴. В 1930 г. начали работать школа-интернат, больница на 10 коек, опорный оленеводческий пункт, учебно-показательные мастерские, Дом туземца⁶⁵. В это время уже были созданы Ольский, Гадлиньский, Ямский, Тауйский, Арманский, Балаганский, Туманский и Тахтоямский сельские советы, обслуживавшие оседлых эвенов (мэна), оседлых обруселых коряков и русских старожилов. Сельские советы активно занимались организацией снабжения, боролись с эксплуататорскими элементами. Формально существовали и кочевые советы — Сигланский, Первый Горный, Гададжинский и Мотыклейский⁶⁶. В 1932 г. Ольский райисполком провел большую организационную работу в кочевых советах⁶⁷. Советское строительство в Ольском и Северозэвенском районах протекало в условиях жестокой классовой борьбы. Зависимость большей части кочевого населения от крупных оленеводов была так велика, что все сношения с внешним миром происходили только через богача. Он обычно являлся и старостой-князем. Группы эвенов именовались по его имени «Зыбин род», «Будухины люди», «Хабаровы люди». В период, предшествовавший коллективизации, по наблюдениям М. Г. Левина, в ольско-сепмчанской группе 10—15 хозяйств владели 40 тыс. оленей, остальные 200 только 3,5 тыс. голов, в наяханской и вилигинской группах эвенов было 28 хозяйств, владевших 15 тыс. оленей (в среднем 535 оленей на хозяйство) и 174 хозяйства, владевших 5 тыс. оленей (в среднем 28 оленей на хозяйство). Таким образом, поголовье оленей концентрировалось в немногих хозяйствах. С крупными оленеводами, как правило, кочевали работники и малооленные семьи. Обычным явлением были скрытые формы эксплуатации — «помощь» неимущим родственникам. В Ольском и Северозэвенском районах существовали и самостоятельные хозяйства эвенов, владевших сравнительно небольшими стадами оленей — до 100 голов. Радиус их кочевок был сравнительно невелик. Летом они объединяли свои стада и поочередно выпасали их. Все лица, свободные от выпаса оленей, занимались рыболовством, отчасти морским зверобойным промыслом⁶⁸. Среди кочевых эвенов сохранялось родо-племенное деление, но фактически они, как выяснили работники культбазы и Охотского окрисполкома, в 1929—1931 гг. подразделялись на территориальные группы.

Кроме того, в этом районе было 22 хозяйства оседлых эвенов (около 130 человек) в прошлом кочевых, но утеревших оленей.

В 1930—1933 гг. на базе этих территориальных групп эвенов были созданы товарищества и артели. Вилигинские эвены объединились в артель «Такредил оронтол», таватумские — в «Тунгус», наяханские — в «Эликчан» и т. д. Пункты оседлости были избраны в районе летних рыбалок: для маяканских эвенов — устье Маякана (приток Олы), в 60 км от Олы; для кунтукской группы — Кунтук (приток реки Кавы в 90 км от поселка Балаганное); для гададжинской группы — Хурчан, среднее течение реки Ямы

⁶³ А. Кочеров. Из воспоминаний. — «Краеведческие записки Магаданского областного музея», Магадан, 1957, стр. 60—68.

⁶⁴ Магаданский областной архив, ф. Р-7, оп. 1, д. 1.

⁶⁵ Там же, ф. Р-17, оп. 1, д. 3, лл. 234—259.

⁶⁶ Там же, л. 34.

⁶⁷ А. А. Кочеров. Указ. соч., стр. 68.

⁶⁸ Архив Института этнографии АН СССР. Материалы М. Г. Левина.

(в 80 км от поселка Ямск); для вилигинской группы — местность Меринга на реке Вилиге, в 70 км от моря, и для наяханской группы — среднее течение реки Гарманды, в 50 км от моря. Здесь были выстроены школы, фельдшерские пункты, бани, магазины, жилые дома. Однако эти центры оказались крайне отдаленными от баз снабжения и развивающейся на побережье рыбной промышленности. В 1927/28 г. в устьях Олы, Ямы, Вилиги, Пронащей, на Таватуме и Гарманде были организованы рыбопромышленные участки, которые обслуживали эвены. В Северозевенском районе к рыболовству в 1931 г. было привлечено 125 кочевых эвенов⁶⁹.

Условное наименование групп кочевых эвенов	Район кочевков	Хозяйств	Человек
Ольский район*			
Кунтукская	Кунтук, Кава, Монтык-лей, Армань	20	91
Ольско-маяканская	Маякан, Ола	29	158
Сигланская	Сиглан, Средняя	46	108
Гададжинская	Яма	50	223
Тахтоямская	Тахтояма, Иреть	24	125
Туманская	Тумана	44	247
	Всего	213	952
Северозевенский район**			
Вилигинская	Балыгичан, Буксунда, Вилига	30	122
Таватумская	Широкая, Буксунда . . .	13	86
Наяханская	Наяхан, Буксунда, Коркодон	51	230
Гармандинская	Гарманда, Буксунда, Коркодон	32	249
Вархаламская	Вархалама, Большая Туромча, Гиякига, Омолон	32	224
Гиякигинская	Гиякига, Ахавеем, Ирбучан	28	120
	Всего	186	1031

* Данные о численности кочевых групп Ольского района даны по переписи 1926—1927 гг., из материалов М. Г. Левина (архив Института этнографии АН СССР). Всего в Ольском районе было выявлено 1409 кочевых эвенов, но при выделении Средне-Канского района часть их вошла в этот новый район.

** Местная перепись 1930/31 г. (архив Института этнографии АН СССР, материалы М. Г. Левина). Всего эвенов в 1926—1927 гг. в Пенжинском районе было 1700 человек. При разделении этого района на Северозевенский и Пенжинский большая часть их вошла в Северозевенский, а часть отошла в Якутскую АССР.

В связи с этим эвенские колхозы стали переносить свои центры в поселки, близкие к промыслам. Колхоз «Новый путь» переехал из Маякана в поселок Барабарку, гададжинский колхоз — из Хурчана в Ямск, кунтукский колхоз слился с Тауйским, вилигинская группа (колхоз «Красный луч») переехал в 1941 г. на реку Таватум⁷⁰. Часть эвенов (каменские) откочевала в Якутскую АССР. Переехавшие в береговые поселки, кочевые эвены объединились со своими оседлыми собратьями, оседлыми обруселыми коряками и русскими старожилами. После коллективизации часть семей оленеводов перешла к рыболовству и охоте. В комплексе занятий эвенов

⁶⁹ Архив Института этнографии АН СССР. Материалы М. Г. Левина «Рыбное хозяйство Северозевенского района».

⁷⁰ А. А. Кочеров. Указ. соч., стр. 68—71.

особую роль стала играть товарная пушная охота и промышленное рыболовство. Переустройство хозяйства и быта эвенов Охотского побережья задержала кратковременная, но тяжелая эпидемия вирусного гриппа 1940—1941 гг., которая унесла много жизней.

В годы Отечественной войны и в послевоенный период в эвенские колхозы влилось много переселенцев — русских, украинцев, белорусов. В колхозе «Путь Севера» Ольского района в 1939 г. было 45 «камчадалских» и эвенских хозяйств, но с переходом колхоза к огородничеству и разведению крупного рогатого скота большинство коренного населения вышло из колхоза. Эвены и «камчадалы» перешли на работу в рыбозаводы, учреждения. Обособленная в прошлом ольская группа оседлых эвенов в значительной мере растворилась среди пришлого населения.

В 1950—1951 гг. колхозы Охотского побережья укрупнились: объединились колхозы «Новый путь» Маяканского сельсовета (эвены), «Новая жизнь» Гададжинского сельсовета (якуты), «1 Мая» Сигланского сельсовета (эвены). Центром нового объединения стал поселок Гадля, а поселок Сиглан был заброшен. В 1956 г. здесь было 123 хозяйства, включая 44 хозяйства одиночек. По национальному составу семьи в этом колхозе распределялись следующим образом: эвенских — 32, русских и украинских — 18, якутских — 5, прочих (литовских, немецких, цыганских) — 11, смешанных эвенско-русских — 4, эвенско-украинских — 2, эвенско-якутских — 2, эвенско-немецких — 1, эвенско-бурятских — 1, якутско-русских — 3⁷¹. Таким образом, смешанные семьи составляют около 25% всех семей, в которые входят эвены. Наличие большой прослойки пришлого населения (более половины) оказало на быт эвенов сильнейшее влияние. Наблюдения, проведенные в поселке Гадля в 1956 г., показали, что почти исчезла эвенская женская одежда. Большинство эвенов двуязычно. Однако в их среде еще сохраняются традиционные трудовые навыки. Оленоводческие бригады в 1956 г. были целиком укомплектованы эвенами, преимущественно сорока-пятидесятилетнего возраста. Домашние олени сохранились главным образом в семьях, занятых выпасом оленей; семьи, перебравшиеся в поселки, завели огороды, в смешанных эвенско-русских семьях держат коров.

В настоящее время идет быстрое сближение и частично слияние эвенов Ольского района с окружающим пришлоим населением. Это же явление в несколько ослабленной форме можно наблюдать в Северозенском районе. Здесь также вследствие укрупнения колхозов эвены трудятся совместно с «камчадалами» и пришлоим русским населением. Колхоз «Путь Ленина» Гармандинского сельсовета образовался вследствие слияния эвенской артели с русско-старожильческой, имевшей центр в поселке Найхан. В 1956 г. в этом колхозе было 86 эвенских хозяйств, 5 русских, 12 «камчадалских», 2 смешанных русско-эвенских, 2 камчадалско-эвенских, 2 украинско-эвенских⁷².

Перепись 1959 г. выявила в Магаданской области (без Чукотского национального округа) 1960 эвенов⁷³. Большая часть их сосредоточена в Ольском и Северозенском районах.

В несколько ином плане шло этническое развитие эвенов в Якутской АССР. Основная их масса проживала, согласно данным переписи 1926 г., в Верхоянском округе (1898 человек обоего пола). Однако и здесь эвены не составляли единую группу. Наиболее многочисленная группа эвенов концентрировалась в верховьях Индигирки (Момский район). В верховьях Сартана, по среднему течению Яны и Индигирки кочевали отдельные семьи. В низовьях Индигирки обитала группа эвенов, ассимилировав-

⁷¹ Материалы этнографической поездки автора в Северозенский район Магаданской области в 1956 г. (архив Института этнографии АН СССР).

⁷² Там же.

⁷³ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. (РСФСР)», М., 1963, стр. 336.

шая юкагиров. В 1920-х годах в Верхоянском округе происходили значительные передвижки эвенов в связи с «непромыслицей» диких оленей. Отсутствие зверя в верхнем и среднем течении Индигирки вынудило часть эвенских хозяйств отойти в низовья. В связи с этим в Селеняхском наслеге будущего Усть-Янского района сложилась особая группа эвенов. В нее вошли члены бывших Первого и Второго Кункугурского, Дельянского и Мямлянского родов. Посемейный опрос в этом наслеге в 1954 г. показал следующее⁷⁴: мямляльцы перекочевали в Селеняхский наслег из Томпонского района в 1920-х годах, кункугурцы и дельяльцы перешли сюда из Момского района (верховья Индигирки). На Уяндине и Хроме сохранились дикие олени, и эвены могли вести традиционное хозяйство. В 1930 и 1931 гг. здесь добывали в среднем на одно хозяйство в год 37 диких оленей⁷⁵. Однако не это способствовало сплочению селеняхских эвенов. Эта группа не распалась, эвены не откочевали в районы, где они раньше жили, а остались на Уяндине благодаря тому, что товарищество, организованное на Уяндине, получило большую материальную помощь, в 1929—1930 гг. здесь была открыта фактория, а затем школа.

Концентрация эвенов произошла и в верховьях Саккырыра⁷⁶.

В низовьях Индигирки еще переписью 1897 г. были зарегистрированы члены Кункугурского, Буяксирского и Дельянского родов⁷⁷. В 1920-х годах к ним присоединилась новая волна эвенов, перекочевавших сюда в связи с тем, что в верховьях Индигирки исчезли дикие олени. Здесь образовалась группа эвенов около 280 человек⁷⁸. Но в 1929—1930-х годах и здесь пропали дикие олени — основной объект промысла. Среди эвенов начался голод. ЦИК Якутской АССР, командировав в низовье Индигирки своего представителя, выделил крупную сумму денег для оказания им помощи. Предстояло перестроить их хозяйство таким образом, чтобы они могли существовать без охоты на диких оленей. Были приобретены не только продукты, но и рыболовецкий инвентарь. Эвенов пришлось обучать речному рыболовству. В качестве инструкторов пригласили несколько семей из среды русско-устыинцев. На скот были приобретены и домашние олени. В низовьях Индигирки началось строительство специального поселка для эвенов, названного Ойетунг. Значительная часть эвенов и юкагиров, говоривших на эвенском языке, сосредоточилась вокруг Ойетунга. Впоследствии здесь было организовано эвенское товарищество, преобразованное затем в колхоз им. Ленина⁷⁹.

Таким образом, в 1920-х — 1930-х годах произошла консолидация близких по культуре и направлению хозяйств обособленных эвенских групп в более крупные и более стойкие этнические объединения.

В 1929—1930 гг. в северных районах Якутской АССР развернулась коллективизация. На переустройство северного промыслового хозяйства и культурное строительство были затрачены весьма крупные средства: в 1930 г. — 1 млн. 192 тыс. руб., в 1931 г. — 1 млн. 660 тыс. руб., в 1932 г. — 3 млн. 569 тыс. руб.⁸⁰ Однако в первые годы своего существования эвенские артели охотничье-транспортного типа работали слабо и были малопродуктивны. Так, эвенская артель «Сайды Суола» (верховья реки Селегнях) объединяла всего 10 хозяйств, а Иргичанская (верховья Уяндины) — 12 хо-

⁷⁴ Материалы Ленско-Янской этнографической экспедиции ЯФ АН СССР, 1953/54 г.

⁷⁵ И. И. Агафонов и др. Указ. соч., стр. 80.

⁷⁶ И. С. Гурвич. Эвены-тюгясиры. — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. XXV, 1956, стр. 52—54.

⁷⁷ С. К. Патканов. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев, т. III. — «Записки РГО по отделению статистики», СПб., 1912, т. XI, вып. 3, стр. 778, 781.

⁷⁸ И. И. Агафонов и др. Указ. соч., стр. 90.

⁷⁹ Материалы Индигирской этнографической экспедиции ЯФ АН СССР, 1952 г.

⁸⁰ «40 лет Якутской АССР», Якутск, 1932, стр. 85.

зяйств⁸¹. В 1933 г. большинство созданных объединений было преобразовано в товарищества по совместному выпасу оленей. К 1934—1939 гг. товарищества окрепли, накопили опыт работы. Мелкие товарищества стали объединяться. При этом этническая принадлежность населения обычно в расчет не принималась. В 1940—1941 гг. товарищества перешли на устав сельскохозяйственных артелей. Даже в эвенских районах в большинство из них наряду с эвенскими вошли якутские хозяйства. Так, например, в 1940 г. в Момском районе при переходе к артельной форме ведения хозяйства сложились смешанные эвенско-якутские колхозы. В колхоз «Коммунизм» Улахан-Чистойского наслега вошли эвены и якуты. В 1952 г. в нем было 23 эвенских и 25 якутских хозяйств⁸². В 1958 г. этот колхоз объединился с колхозом «Путь Ленина» Эселяхского наслега. В этом колхозе к 1960 г. было 220 эвенов, 221 якут и 9 русских. Здесь широко распространены якутский язык, часты эвенско-якутские браки. Однако национальная принадлежность здесь еще сказывается на выборе занятий. Большинство момских эвенов занято в традиционных отраслях хозяйства (оленоводство, охота), хотя в этом районе развивается не только промысловое хозяйство, но и скотоводство. Напротив, аллайховские (нижнеиндигирские) эвены, как уже отмечалось выше, резко изменили направление хозяйства. Колхоз им. Ленина (поселок Ойетунг), куда вошли нижнеиндигирские эвены вместе с якутами и русскими старожилами, совершенно отказался от охоты на диких оленей главного занятия эвенов в прошлом. Отделение совхоза, созданные на базе этого колхоза, занимается оленеводством мясо-шкурного типа, пушной охотой и рыболовством. Эвены овладели специальностью тундровых пастухов. Так как в условиях Аллайховского района крайне трудно производить осмотр песцовых пастей на оленях, эвены-охотники завели ездовых собак. После коллективизации языковые и культурные различия между местными эвенками и пришельцами-эвенками стали быстро стираться, образовалась единая группа эвенов. Все члены ее двуязычны, помимо родного языка владеют якутским, а нередко и русским.

В бассейне Колымы эвены входят в большие хозяйственные объединения, в которых они составляют меньшинство. Сблизившиеся с тундровыми юкагирами эвены вошли в свое время в колхозы «Сутаня-Удиран», «Оленевод» и «Турваургин»⁸³. Ныне они совместно с чукчами, якутами, русскими старожилами и юкагирами трудятся в совхозе «Нижне-Колымский». Большинство их занято оленеводством мясо-шкурного направления.

В Средне-Колымском и Верхне-Колымском районах эвены делились на 3 территориальные группы: каменские (каменно-дельянские) кочевали зимой по рекам Каменка и Селезневка и горам Илин-тас, летом они переходили в горы Чистай-тас и кочевали по речушкам Чебукулах, Таяхчан и Ярхodonу. Они вошли в колхоз «Открытая тропа» с центром в поселке Рыжево на Колыме. В 1951 г. в этом колхозе было 60 эвенов и 50 якутов. Эвены сохранили родной язык, но знают якутский, а некоторые и русский⁸⁴. В настоящее время этот колхоз волился в совхоз «Средне-Колымский». Вторая группа — ожегинские эвены, кочевавшие по реке Ожегино (приток Колымы), вошли в колхоз «Социалистическая Колыма». В связи с этим часть территории Момского района была прирезана к Средне-Колымскому. Ожегинских эвенов в 1951 г. было всего 7 семей, около 30 человек. Большинство хозяйств в этом колхозе были якутскими. Этот колхоз

⁸¹ П. И. Атафонов и др. Указ. соч., стр. 79.

⁸² Рукописный фонд ЯФ СО АН СССР, отдел истории. И. С. Гурвич. Предварительный отчет о работе этнографического отряда Института языка, литературы и истории в бассейне Индигирки в 1952 г., стр. 42.

⁸³ Рукописный фонд ЯФ СО АН СССР, отдел истории. И. С. Гурвич. Предварительный отчет о работе этнографического отряда Института языка, литературы и истории в Нижне-Колымском и Средне-Колымском районах в 1951 г., стр. 18—19.

⁸⁴ Там же, стр. 32.

также вошел в совхоз. Наконец, особую группу составляют березовские эвены. Район их обитания — река Березовка и ее притоки. Численность этой группы — около 140 человек. Значительная часть эвенов бассейна Колымы продолжает заниматься оленеводством и охотой. Они считаются непревзойденными специалистами в этих областях. Одежда и образ жизни эвенов, в особенности камчатских и ожегинских, резко изменились под якутским и русским влиянием.

Интересна судьба эвенских семей, вкрапленных в якутские массивы. В 1953 г. в Абыйском районе нами было выявлено 9 эвенских семей (около 40 человек обоим пола). Они входили в разные колхозы и не составляли единой группы. Абыйские эвены владели, помимо родного, якутским языком. Большинство этих семей занималось оленеводством⁸⁵.

Значительная группа эвенов сосредоточена в Саккырыском районе. В Верхне-Бытантайском наслеге в 1954 г., согласно посемейным спискам, было 220 эвенов, в Тюгяси-ском — 224⁸⁶. Вместе с эвенками живут и якуты, выходящие из Верхоянья. В этих наслегах преобладает промысловое хозяйство. Население занимается оленеводством, пушной охотой, звероводством, скотоводством. Охота на диких оленей и горных баранов производится для удовлетворения личных потребностей населения в мясе и шкурах. Таким образом, в известной степени здесь сохранилось традиционное эвенское хозяйство. В 1961 г. эвенские колхозы этих наслегов вошли в совхоз.

За советский период в связи с переходом большей части эвенов в поселки произошло сближение их с якутами. Большинство эвенов двуязычно. Однако молодежь предпочитает якутский язык. Некоторые только понимают по-эвенски, говорят же по-якутски. Нередко старшие в семье говорят по-эвенски, а молодежь отвечает им по-якутски. Все тюгясиры грамотны. Преподавание в школах и делопроизводство ведется на якутском языке. Никакой надобности в эвенской школе население не ощущает. Опрос, проведенный нами в декабре 1953 г., показал, что из 224 человек, входящих в Тюгяси-ский наслег, «слышат» (т. е. понимают) по-эвенски 63 человека, из них только 8 указали, что знают эвенский язык так же, как якутский, и предпочитают говорить по-эвенски. В Верхне-Бытантайском наслеге из 220 человек выявилось 98 «слышащих» по-эвенски. Процесс якутизации еще более заметен в Булунском районе, среди тюгясиров бывшего Среднего рода. В поселке Хара-Улах лишь несколько стариков сообщили, что они в семье говорят по-эвенски.

В целом эвены бывшего Тюгяси-ского рода настолько сблизились с якутами в хозяйственном и культурном отношении, что только происхождение и особенности речи отличают их от якутов. Часть тюгяси-ской молодежи даже утратила национальное самосознание. Эвенками считают здесь тех, кто занимается промысловым хозяйством.

Мы не ставим перед собой цель осветить состояние всех мелких групп эвенов Якутской АССР. Приведенный материал говорит о сближении и частичном слиянии эвенов с якутами. Некоторые группы эвенов при этом стали двуязычными, другие утратили родной язык. В одних местах эвены сохранили традиционное хозяйство и некоторые элементы материальной культуры (одежда, пища, промысловое жилище, фольклор), в других — слияние с якутами приводит к утрате национального самосознания. Численность некоторых эвенских групп в связи с этим может быть определена весьма приблизительно. По переписи 1959 г., в Якутии было всего около 3500 эвенов.

В целом эвены, влившись небольшими группами в массу инородного населения, постепенно растворяются в ней.

⁸⁵ И. С. Гурвич. Предварительный отчет о работе этнографического отряда в Нижне-Колымском и Средне-Колымском районах, стр. 32.

⁸⁶ Посемейные списки и статистические сведения о Саккырыском районе (архив автора).

СЕВЕРНЫЕ ЯКУТЫ

Согласно Всесоюзной переписи 1926 г. якуты следующим образом распределены по северным округам: в Булунском — 5203 человека, в Верхоянском — 1139, в Колымском — 4454⁸⁷.

Материалы о численности якутов в Булунском округе, как будет показано ниже, далеки от точности. Все же важно отметить общий рост численности якутов в северных округах. С 1897 г. якутское население в Колымском округе выросло на 1134 человека⁸⁸. Такой значительный рост (на 29% в Верхоянском округе и на 33% в Колымском) объясняется не только естественным, но и механическим приростом. Вследствие гражданской войны часть якутов из центральных районов передвинулась на север. Цифры численности якутов в Булунском округе, полученные при похозяйственной переписи 1926—1927 гг., требуют поправок. Прежде всего, следует отметить, что во время переписи в Булунский округ входил Хатангско-Анабарский улус. В дальнейшем часть его отошла к Красноярскому краю. Из Хатангско-Анабарского улуса, в котором было учтено 248 хозяйств (1458 человек)⁸⁹, вошло в состав Якутии всего 58 якутских хозяйств — 344 человека⁹⁰. В Усть-Янском улусе (низовья Яны и Индигирки) переписью было выявлено 366 якутских хозяйств (1745 якутов), что, как показало ознакомление с первичными материалами, соответствует действительности⁹¹. В Булунском и Жиганском улусах значительная часть населения (389 хозяйств) была отнесена к тунгусам (эвенкам), тогда как, по данным предыдущей переписи, здесь, за исключением отдельных эвенкийских хозяйств, обитали кочевые якуты. Это обстоятельство требует объяснений, тем более, что по этому вопросу мнения разошлись⁹².

Изучение первичных материалов Похозяйственной приполярной переписи и этнографическое обследование этих районов позволяет установить действительную картину.

В 1926—1927 гг. на территории будущих Оленекского и Анабарского районов были следующие наследи: Катыгин (Осогостох) — 513 человек обоего пола, Чорду — 218, Бети — 98, Угулят — 138, Сологон — 270, затундренных якутов — 344 (они и считались якутами), кангалассцев и хаты-

⁸⁷ «Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. VII, стр. 180.

⁸⁸ С. К. Патканов. Статистические данные..., т. III, стр. 796—797.

⁸⁹ «Похозяйственная перепись...», табл. III, стр. 112.

⁹⁰ Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народностей Севера Средней Сибири (диссертация). Архив Института этнографии АН СССР.

⁹¹ «Похозяйственная перепись...», стр. 112 (численность якутов подсчитана нами).

⁹² Вопрос об этнической принадлежности населения северо-запада Якутской АССР после наших статей об этой группе вызвал в 1950—1952 гг. оживленную дискуссию на страницах «Советской этнографии». П. Е. Терлецкий выступил против нашего положения о том, что в Оленекском и Анабарском районах обитает одна этническая группа — якуты-оленьеводы, утверждая, что перепись отразила объективную картину в этих районах, выделив две этнические группы якутов и не замеченных этнографами эвенков. Появлению последних он пытался объяснить тем, что в советских условиях развилось национальное самосознание. Однако к 1927 г. на северо-западе Якутии больших социальных перемен еще не произошло. (П. Е. Терлецкий. Еще раз к вопросу об этническом составе населения северо-западной части Якутской АССР. — «Советская этнография», 1951, № 1; Б. О. Долгих. К вопросу о населении бассейна Оленека и верховьев Анабара. — «Советская этнография», 1950, № 4, стр. 169—173; И. С. Гурвич. К вопросу об этнической принадлежности населения северо-запада Якутской АССР. — Там же, стр. 150—168; Б. О. Долгих. О населении бассейнов рек Оленека и Анабара. — «Советская этнография», 1952, № 2, стр. 86—91; И. М. Сулов. О национальной принадлежности современного населения северо-запада Якутской АССР. — Там же, стр. 69—72; И. С. Гурвич. По поводу определения этнической принадлежности населения бассейнов рек Оленека и Анабара. — Там же, стр. 73—85).

тынцев Третьего Хатыгынского наслега — 359, всего 1840 человек⁹³. Большинство членов этих наслегов в переписном материале показаны тунгусами (эвенками).

Из 69 хозяйств осогостохцев, зарегистрированных переписью на территории бывшего Вилюйского округа, 66 хозяйств были отнесены к тунгусам с якутским родным языком. В трех карточках графы «национальность» и «родной язык» оказались незаполненными⁹⁴. Из 17 хозяйств хатыгынцев 16 были помечены тунгусами с якутским родным языком, в одной карточке графы «национальность» и «родной язык» не были заполнены⁹⁵. К тунгусам с якутским родным языком были отнесены также все бетинцы, угулятцы, солгогонцы и чордуицы. Однако обследование Оленекского и Анабарского районов показало, что члены всех упомянутых наслегов считают себя якутами, потомками якутов, выходцев из южных районов Якутии⁹⁶. Из распросов выяснилось, что в определении национальности переписчики руководствовались традиционными представлениями, причислявшими все население, занимавшееся оленеводством, к тунгусам, а скотоводством — к якутам. В бывшем Вилюйском округе со времени проведения реформы Сперанского, установилась традиция именовать всех кочевых оленеводов, в том числе и якутов, тунгусами, так как по «Уставу об управлении инородцев Сибири» они были отнесены к разряду бродячих. Сами оленекские и анабарские якуты понимают причисление их к эвенкам (тунгусам) лишь как выражение их образа жизни, не придавая этому термину в отношении себя этнического смысла. Напротив, эвенки Красноярского края, в отличие от якутов-скотоводов, рассматриваются ими как совершенно другая, не родственная народность.

На это обстоятельство обратил внимание в Красноярском крае А. А. Попов. «Слово „тунгус“ часто употребляется не как название народности, но как название оленного вообще. По этой причине вилюйские якуты, имеющие коров и лошадей, затундренных оленных якутов называют тунгусами, хотя эти последние, сталкиваясь с долганами, называют себя только якутами»⁹⁷. Этнограф И. М. Суслов, обследовавший бассейн Оленека, отметил, что по среднему течению Оленека в Суханском наслеге в 1934 г. обитали полуоседло 50 якутских хозяйств⁹⁸. Б. О. Долгих, обследовавший северо-восток Красноярского края, пишет: «Автору этих строк приходилось в период 1935—1939 гг. несколько раз бывать в районе озера Есей, на среднем течении Котуя, к востоку от Котуя на реке Агыли у фактории Кирбей. Никакого сомнения в том, что это население представляет собой кочевников — оленеводов-якутов, а не эвенков, у него нет. Никакого этнографического различия нельзя было также обнаружить между населением этого района и населением Оленека... Те и другие представляли собой одну этническую группу якутов-олeneводов, связанных родственными и личными отношениями, происходивших из одних и тех же родов и считавших себя одним этническим целым»⁹⁹. Сошлемся и на свои наблюдения, совпадающие с приведенными выше¹⁰⁰.

⁹³ Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народностей севера Средней Сибири. — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», 1949, вып. V, стр. 79. Часть недостающего материала была любезно предоставлена Б. О. Долгих в наше распоряжение.

⁹⁴ ЦГА ЯАССР, ф. 70-р, оп. 32, д. 318, лл. 293—294, 257—258, 319—320 и др.

⁹⁵ Там же, лл. 23—24.

⁹⁶ И. С. Гурвич. Пять лет этнографической работы в Оленекском районе Якутской АССР. — «Советская этнография», 1947, № 1; стр. 210—211; его же. Оленекские и анабарские якуты (автореферат диссертации). М., 1949.

⁹⁷ А. А. Попов. Материалы по родовому строю долган. — «Советская этнография», 1934, № 6, стр. 133.

⁹⁸ И. М. Сулов. Река Оленек. Л., 1937, стр. 141.

⁹⁹ Б. О. Долгих. К вопросу о населении бассейна Оленека и верховьев Анабары, стр. 172.

¹⁰⁰ И. С. Гурвич. К вопросу об этнической принадлежности населения северо-запада Якутской АССР, стр. 150—168.

Таким образом, этнографические данные свидетельствуют об этническом единстве населения бассейнов Оленека и Анабары и о принадлежности этого населения к якутам.

Однако традиция считать кочевое оленеводческое население северо-запада бывшего Вилюйского округа тунгусским отразилась в переписи. Как нам неоднократно приходилось подчеркивать, при явно выраженном якутском национальном самосознании на вопрос, кто они такие, кочевые якуты отвечали большей частью «тунгусы», как было принято в бывшем Вилюйском округе, так как они входили в разряд оленных тунгусских родов¹⁰¹.

Неточны данные об этнической принадлежности населения, полученные в Булуновском и собственно Жиганском улусах (долина Нижней Лены). Во время переписи 1926—1927 гг. в некоторых местах Булуновского округа батулинцы, хатыгынцы и кангалассцы, считавшиеся во всех документах якутами, были отнесены к тунгусам, в то время как кюпцы и эжанцы оказались в числе якутов. Так, в четвертом томе переписных бланков члены Кангаласского, Первого Батулинского, Третьего и Четвертого Хатыгынского родов на первых 58 бланках показаны как тунгусы¹⁰², а в последующих карточках, так же как члены Кюпского и Эжанского родов¹⁰³, стали именоваться якутами. Во втором томе переписных бланков по Булуновскому округу члены Кюпского, Туматского, Чордунского и Эжанского родов в первых 144 бланках¹⁰⁴ отнесены к якутам, а от 144-го до 178-го бланка обозначены как тунгусы с якутским языком. В Булуновском округе на Лене (селение Эбитэм) встречаются, например, такие карточки: «Барбантский И. З. Национальность — тунгус, племя — юкагир, родной язык — якутский»¹⁰⁵.

В 1924 г. экономическое положение населения Жиганского улуса в границах 1897 г. обследовал Г. В. Ксенофонов. Он выявил здесь 360 хозяйств, члены которых были отнесены им «к оленеводческому отделу якутского племени». Неким исключением, по его мнению, были 25 хозяйств Эжанского рода, представлявшие «объединенных тунгусов»¹⁰⁶.

В 1942—1943 гг. на Нижней Лене работала Ленская историко-археологическая экспедиция под руководством А. П. Окладникова. В публикации исторических легенд и рассказов, собранных в этом районе, А. П. Окладников отметил, что его обитатели — северные якуты кочевники-оленьеводы, ныне говорящие только по-якутски¹⁰⁷.

Обследование Булуновского и Жиганского районов, проведенное нами в 1954 г., также показало ошибочность причисления коренного населения этих районов к эвенкам. По происхождению в известной степени к тунгусам (эвенкам) могут быть причислены кюпцы и эжанцы. Но сейчас ни по материальной культуре (одежда, типы жилища, хозяйство), ни по языку они не отличаются от окружающих их якутов. Этнически население Булуновского района по существу едино — это своеобразная группа якутов, занятая промысловым хозяйством¹⁰⁸.

¹⁰¹ В нескольких карточках переписчики записали некоторых лиц из Бетильского и Хатыгынского родов как якутов, на чем они, очевидно, настаивали. Однако эти показания, по-видимому, при обработке карточек вызвали сомнения: в них было исправлено «якут» на «тунгус» (ЦГА ЯАССР, ф. 70-р, оп. 32, д. 318, лл. 15, 17, 43, 45, 83, 230, 243, 247 и др.).

¹⁰² Там же, д. 455.

¹⁰³ Там же, л. 149, 157, 161, 165.

¹⁰⁴ Там же, д. 456.

¹⁰⁵ Там же, д. 455, л. 5.

¹⁰⁶ Г. В. Ксенофонов. Ураангхай — Сахалар, т. I. Иркутск, 1937, стр. 300—301.

¹⁰⁷ А. П. Окладников. Исторические рассказы и легенды Нижней Лены. — «Сборник Музея антропологии и этнографии АН СССР», т. XI, М.—Л., 1949, стр. 73.

¹⁰⁸ И. С. Гурвич. К вопросу об этнической принадлежности коренного населения Булуновского района. — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. XXXVI, М., 1961, стр. 55—59.

Все это дает нам право, возвращаясь к материалам переписи 1926/27 г., объединить так называемых тунгусов, фактически якутов, выявленных в Жиганском и Булунском районах, с якутами. Всего в Булунском улусе было выявлено 2675, а в Жиганском — 944 человека обоего пола. Исключив отсюда русских и немногих настоящих эвенков (в Булунском улусе — 28 хозяйств русских и 4 хозяйства прочих, всего 126 человек, в Жиганском улусе — 8 хозяйств русских и 5 хозяйств эвенков Нюрмаганского рода, всего 60 человек), получим, что в Жиганском улусе было 884 якута, в Булунском улусе — 2549 человек¹⁰⁹. Всего в Булунском округе с отмеченными поправками, учитывая усть-явских и анабарских якутов, в 1926—1927 гг. было 5522 якута, не считая 1114 человек, вошедших в Хатангский и Есейский районы Красноярского края. Таким образом, в северных округах Якутии — Булунском, Верхоянском и Колымском — обитало 21000 якутов.

Как и в предыдущий период, развитие якутов-оленьеводов — основного населения северо-запада Якутии — отличалось от развития якутов-скотоводов бассейнов Яны, Индигирки и Колымы. Поэтому рассмотрим историю этих групп в отдельности.

Перепись 1926—1927 гг. показала, что в бассейнах Оленека и Анабара выделяется несколько типов промысловых хозяйств, различающихся по удельному весу в них охоты, оленеводства и рыболовства.

Основой существования в этом районе была охота на крупнокопытных, которая преобладала над пушным промыслом. В среднем на хозяйство добывали: Осогостохский род — 4,1 дикого оленя, Хатыгынский — 6,7; Чордунский 5,9 + 3 лося; Бетинский — 7,6; Угулятский — 2,1 + 0,2 лося¹¹⁰. За счет убой домашних оленей существовали лишь крупные оленеводческие хозяйства. После основания Оленекской культбазы (1934 г.) в верховьях Оленека и Анабары широко развернулось социалистическое строительство, что привело к большим изменениям в быту и занятиях населения. Из Якутска были присланы специалисты и партии рабочих, так как местное население не владело плотничьим мастерством. В 1935—1936 гг. были выстроены наслезные центры Кирбей и Джеллинда и организованы первые товарищества по совместному выпасу оленей. В 1934 г. в Кирбейском, Оленекском и Джеллиндинском наслегах было учтено 351 хозяйство, из них 150 владело менее чем 20 оленями каждое. В то же время крупные кулацкие хозяйства обладали стадами от 800 до 1500 голов. При организации товариществ кулаки, применявшие наемный труд, были лишены избирательных прав, излишние олени их были переданы товариществам. Объединение мелких стад позволило передвинуть часть рабочей силы для обслуживания рыболовства, усилить пушное хозяйство. С переходом к колхозной форме объединений (1937 г.) мелкие товарищества слились в артели. Пушной промысел в эти годы из второстепенной отрасли хозяйства превратился в одну из ведущих. На второй план отступила «мясная» охота. Она стала практиковаться в наиболее благоприятные для этого сезоны и отчасти превратилась в личную, подсобную отрасль хозяйства. В оленеводстве были осуществлены большие ветеринарно-зоотехнические мероприятия. Колхозы развернули строительство хозяйственных центров. Это потребовало привлечения специалистов — строителей, зоотехников, ветеринаров, землеустроителей, охотоведов. Образ жизни, культурные и производственные навыки этих работников, якутов и русских, оказали огромное воздействие на быт коренного населения. Изменения в хозяйстве оленекских и анабарских якутов привели к появлению среди них новых профессий —

¹⁰⁹ «Похозяйственная перепись...», табл. III.

¹¹⁰ По данным переписи в Шологонском наслезде, на одно кочевое хозяйство в год добывалось 9,6 дикого оленя и 1,2 лося («Социалистическая Якутия», 1930. № 3, стр. 104—111).

строителей, пильщиков, плотников, мотористов, сплавщиков леса. Большую работу провели среди оленеких и анабарских якутов школы. В 1934 г. в Оленеком районе были открыты 3 начальные школы. При них были основаны интернаты. В 1939 г. обучением были охвачены все дети школьного возраста и многие подростки. В 1943 г. Оленекая семилетняя школа была преобразована в среднюю. Вместе с организацией школ для детей в 1934—1935 гг. были открыты школы по ликвидации неграмотности. В 1941 г. Оленекий район первым в Якутской АССР завершил ликвидацию неграмотности. Большую работу по переустройству традиционного быта провели в Оленеком и Анабарском районах медицинские работники. В 1939—1940 гг. уже не было случаев родов на дому.

Быт населения в поселках северных якутов приблизился к быту в центральных районах Якутии. Быт в оленеводческих и охотничьих кочевых бригадах имеет важные особенности. Охотники и оленеводы используют чумы (тордохи), палатки, железные печи. Здесь удобна традиционная меховая одежда, обувь. Однако промысловые бригады тесно связаны с поселками. Большинство охотников и оленеводов имеет в поселках дома.

Из коренного населения в послевоенные годы вышли учителя, фельдшеры, зоотехники, советские и партийные работники со специальным средним и высшим образованием. Широкое распространение грамотности, приток работников из центральных якутских районов, радиопередачи на якутском языке, литература привели к тому, что местные особенности говора быстро вытесняются якутским литературным языком. Изменения в хозяйстве и культуре северных якутов повлекли за собой всестороннее сближение этой замкнутой в прошлом этнографической группы с основной массой якутского народа¹¹¹.

Аналогичные изменения в жизни северных якутов-оленьководов произошли в Жиганском и Булуномском районах. В Жиганском районе товарищества были организованы в 1931—1932 гг. в Боторчуне, в Джиржане, в Жиганске и в Коноре. В 1936 г. они перешли на устав сельскохозяйственных артелей. Колхоз «Путь коммуны» (Малая Конора) пытался заниматься огородничеством, но отказался от этого в связи с недостатком рабочих рук и отсутствием подходящих условий. Основное занятие коренного населения Жиганского района — традиционное оленеводство, охота и рыболовство. После укрупнения артелей в 1950 г. в районе образовались довольно мощные хозяйства. Так, при объединении трех колхозов — «Рассвет», им. Чкалова и «Путь победы» (1954 г.) — возникло хозяйство, охватившее около половины коренного населения района. В него вошли 146 дворов, 612 человек¹¹². В центре этого колхоза, в поселке Баккынай, сосредоточилось около 200 человек. Здесь выстроены срубные дома, открыты школа, интернат, больница, клуб.

Таким образом, в Жиганском районе, так же как и в Оленеком, произошла известная концентрация коренного населения.

В Булуномском районе в период коллективизации возникли оленеводческие товарищества и первичные производственные объединения рыбаков. С укрупнением колхозного строя образовались оленеводческие колхозы им. Крупской (Туматский наслег), «Победа» (Кюп-Эжанский наслег) и др. и рыболовецкие артели в устьях Лены и Оленека, объединившие полуоседлые хозяйства рыболовов-собаководов. Развитие хозяйства оленеводов шло в основном тем же путем, что и в Оленекомском районе. Население низовий сосредоточило усилия на ловле рыбы и добыче песка. Сравнительно небольшие рыболовецкие артели Арынского и Усть-Оленекомского наслегов «Север» (35 хозяйств) и им. Кирова (34 хозяйства), получив современные неводы

¹¹¹ И. С. Гурвич. Социалистическое переустройство хозяйства и быта якутов бассейнов Оленека и Анабара. — «Советская этнография», 1950, № 1, стр. 107—123.

¹¹² Материалы Ленско-Янской этнографической экспедиции 1953/54 г.

и сети, стали крупными поставщиками рыбы для рыбозаводов. Произошли большие изменения в традиционном комплексе занятий северных якутов в низовьях Оленека и в дельте Лены. Прекратилось «гусевание», не производится посылки диких оленей, так как их ход теперь трудно предугадать. Стали очень мало вылить рыбы и мяса диких оленей. Этот способ консервации вытеснен замораживанием в ледниках.

Коллективизация способствовала преодолению былой замкнутости отсталых, локальных групп Булунского района. Товарищества в основном состояли из родственных хозяйств, колхозы сначала тоже нередко объединяли представителей того или иного рода или наслега. Это положение изменилось в 1949—1951 гг., когда в Булунском районе, так же как и по всей стране, развернулось движение за укрупнение мелких колхозов. Колхозные центры превратились в крупные поселки, так как при объединении обычно колхозы избирали единый центр, расположенный в наиболее удобном месте. Так, например, тюмятинский колхоз им. Крупской объединился с кумахсурским колхозом «25 лет Октября». Батулинцы, жившие в низовьях Лены, перебрались на Оленек, в поселок Тюмяти. В 1953—1954 гг. образовались крупные колхозные центры: Тюмяти, Ньяйба, Чекуровка и др. За советский период произошла этническая нивелировка бывших родов и наслегов этого огромного района. Как уже отмечалось выше, эвенками по происхождению являются кюпцы и эжанцы. В конце XIX в. они ни по материальной культуре, ни по языку не отличались от якутов. Но в их среде поддерживалось в какой-то степени эвенкийское самосознание.

После упразднения старых административных единиц северные якуты из Хатылинских, Кангаласского и Батулинского наслегов и бывшие эвенки из Кюпского и Эжанского родов окончательно перемешались, так как в основу новых административных единиц был положен территориальный принцип. Так, например, в Тюмятинский наслег Булунского района на Оленеке с центром в поселке Тюмяти вошли якуты бывших Осогостохского и Чордуиского родов Вилуйского округа и якуты Второго Хатылинского и Кангаласского наслегов Жиганского улуса. В Арынский и Усть-Оленекский наслеги вошли якуты того же Второго Хатылинского, а также Третьего Хатылинского и несколько хозяйств из Кангаласского наслегов. Центрами вновь образованных наслегов стали места скопления зимников и т. д. Примером того, насколько в современных наслегах перемешивались лица из разных наслегов и родов, может служить Кюп-Эжанский наслег на Лене. В него вошли часть кюпцов и эжанцев, а также выходцы из бывших вилуйских родов и переселенцы-якуты из центральных районов. Кюпцы и эжанцы, давно уже сблизившиеся с хатылинцами, батулинцами, кангалассцами и туматами, оказались вместе с ними не только в одном административном районе, но и в одном колхозе, одном поселке.

В настоящее время большая часть населения забыла старое административное деление, и невозможно даже численно выделить кюпцев и эжанцев из общей массы населения Булунского района. Отметим, что передача северных колхозов Якутской АССР в систему совхозов, укрупнение хозяйств (три колхоза Оленекского района объединены в совхоз «Оленекский», все колхозы Жиганского района — в совхоз «Жиганский», колхозы Булунского района в совхоз «Булунский»)¹¹³ влечет за собой перемешивание и дальнейшее сближение обособленных в прошлом групп населения.

Несмотря на то, что население Булунского района однородно в этническом отношении¹¹⁴, большая часть его, за исключением лиц, недавно при-

¹¹³ Постановлением Совета Министров РСФСР в конце 1960 г. северные колхозы Якутской АССР были переданы в систему совхозов («История Якутской АССР», т. III, стр. 343).

¹¹⁴ Исключение представляют эвены бывшего Тюгясиурского рода, обитающие в Хара-Улахском наслеге.

ехавших из центральных районов Якутии, считается в официальных документах эвенками и эвенками, причем в документах эти термины не различаются. Традиция, проявившаяся еще во время переписи 1926—1927 гг., считать оленеводов тунгусами-эвенками, закрепилась в посемейных списках сельсоветов, в паспортах, в колхозной документации. Эта традиция отразилась и на результатах переписи 1959 г. Однако, как было показано выше, по происхождению население Булунского района принадлежит к якутам. Обследование этого района, произведенное нами в 1954 г., показало, что не только родной язык, но и национальное самосознание населения якутское. Коренное население (потомки хатыгышцев, кангалассцев, батулинцев и туматцев) не только не отождествляет себя с эвенками Красноярского края, но сохранило воспоминания о том, что их предки — якуты, выходцы из центральных районов Якутии¹¹⁵.

Культура этого населения за советский период резко изменилась, и если не принимать во внимание характер их хозяйства, во многом приблизилась к культуре якутов центральных районов.

Какова же численность северо-западной группы якутов, занятой промысловым хозяйством? Данные переписи 1959 г., обработанные по национальному показателю, по областным и республиканским единицам, не дают прямого ответа на интересующий нас вопрос. Порайонные итоги позволяют лишь утверждать, что общая численность населения на северо-западе после переписи 1926 г. резко возросла. По переписи 1959 г., на территории бывшего Булунского округа, т. е. в Анабарском, Булунском (без Хара-Улахского и Омолойского наслегов), Жиганском и Оленекском районах было 11 440 человек¹¹⁶. Население с 1926 г. увеличилось почти в 2 раза. Это объясняется главным образом возникновением крупных районных центров и промышленных портовых поселков, где преобладают приезжие русские.

Для определения численности коренного населения северо-запада мы воспользовались данными учета 1954 г. о лицах, занятых в колхозном производстве. Согласно этим материалам, в 1954 г. в Анабарском районе было 212 хозяйств (878 человек), в Оленекском — 401 хозяйство (1664 человека), в Жиганском — 306 хозяйств (1153 человека), в Булунском, исключая хара-улахских эвенов-тюгясинов, — 290 хозяйств (1242 человека), всего 1209 хозяйств, 4937 человек¹¹⁷. Часть коренного населения переехала на жительство в районные центры и промышленные поселки, где работает в административно-торговых и промышленных предприятиях. В связи с этим общую численность коренных северных якутов следует увеличить примерно на 400 человек. Таким образом, численность северо-западных якутов — около 5500 человек.

Большие изменения произошли за советский период в хозяйстве северо-восточных якутов-скотоводов. После коллективизации поднялась роль пушной охоты. Все колхозы Средне-Колымского района приобрели транспортных оленей для объезда промысловых участков. Некоторые якутские хозяйства на Колыме до коллективизации содержали упряжки по 6—8 собак. Сейчас ездовое собаководство исчезло. Основной отраслью хозяйства среднеколымских якутов осталось животноводство. Для объединения стад, разпыленных по мелким участкам, колхозы провели большую работу по спуску озер и расчистке кустарников, создали большие сенокосные участки около хозяйственных центров. Это позволило частично механизировать труд колхозников: в крупных хозяйственных центрах выстроены утепленные типовые и полутиповые хлевы, введена электродойка, применяются сепараторы. Коневодство в бассейне Колымы ведется традиционным способом. Лошади круглый год выпасаются под открытым небом. Некоторую роль

¹¹⁵ И. С. Гурвич. К вопросу об этнической принадлежности коренного населения Булунского района, стр. 55—59.

¹¹⁶ Предварительные итоги разработки переписи 1959 г.

¹¹⁷ Материалы бывшего Министерства сельского хозяйства Якутской АССР.

в хозяйстве колымских якутов играет речное рыболовство. Применяются неводы длиной 150—300 м, моторные лодки. В последнее десятилетие развилось звероводство.

Все это позволило колымским якутам отказаться от разбросанного типа поселений. Как уже говорилось, артели, образовавшиеся в 1930—1933 гг., создали свои хозяйственные культурные центры. В 1949—1952 гг. при укрупнении колхозов были укрупнены и колхозные поселки. Однако значительная часть населения (в некоторых наслегах до 30%) постоянно или временно живет вне поселков — на фермах, на отдаленных участках. Стягивание населения в крупные поселки привело к тому, что сейчас почти забыто родовое деление. Молодежь и лица 30—40 лет не знают, из какого рода они происходят, под термином род («ага-уса») понимается фамилия.

Перестройка хозяйства вызвала перемещения и ускорила перемешивание населения из разных наслегов. Так, во Втором Мятюжском наслеге в 1951 г. было 71 хозяйство (340 человек), в том числе 26 приезжих: из Первого Кангаласского — 10 человек, из Байдунского — 6, из Средне-Колымска — 1, из Верхне-Колымска — 4 и 8 русских. В наслеге была одна русско-якутская семья. Приезжие составили около 7%. Во Втором Кангаласском наслеге было 58 хозяйств — 283 человека, в том числе приезжих 34 человека: из Абыйского района 3 семьи — 13 человек, из Первого Кангаласского — 5, из Средне-Колымска — 3, из Второго Мятюжского — 6, из Первого Мятюжского — 1, из Булунского района — 1, с Алазеи — 1, из Верхне-Колымска — 1, русских — 3. Приезжие составили около 11% жителей¹¹⁸. Такое же соотношение местных и приезжих зафиксировано в Байдунском и Алазейском наслегах.

В наших данных не учитывался отток населения на учебу в города, в центральные районы Якутии, не принималось в расчет и временное пришлое население (работники метеослужбы, строительные бригады). Более интенсивное перемешивание населения происходит в некоторых поселках Верхоянского района. Так, в колхозе им. Кирова Адычинского наслега в 1953 г. было 138 хозяйств, в том числе по происхождению главы хозяйства из Третьего Байдунского — 25, из Второго Юсальского — 7, из Первого Байдунского — 44, из Батагайского — 19, из Эгинского — 20, из Второго Байдунского — 13, приезжих из Кункугурского рода — 1 хозяйство (эвены), с Вилюя — 2, Усть-Алданских — 2, Кюпских — 1, Кобяйских — 1, Эльгетских — 1, Олекминских — 1, Мегино-Кангаласских — 1. В колхозе «Новый путь» Табалахского наслега числилось 132 хозяйства — 77 из Второго Байдунского, 41 из Батагайского, 4 из Третьего Байдунского, 2 из Юсальского, 2 с реки Дулгалах, 6 приезжих (вилюйское, усть-алданское, оймьяконское, олекминское и 2 эвенских томпонских)¹¹⁹.

В связи с укрупнением колхозов и передачей их в совхозы процесс перемешивания населения усилился. Однако приведенный материал, хотя он имеет десятилетнюю давность, свидетельствует о том, что крупные монолитные якутские массивы не подвергаются пока размыванию. Происходит процесс внутреннего переоформления в прошлом обособленных групп якутского народа. Колымские, индигирские (абыйские) и верхоянские якуты-скотоводы быстро изживают архаические особенности, проявлявшиеся в материальной и духовной культуре.

Якуты бассейнов Яны, Индигирки и Колымы восприняли одежду современного городского покроя. Однако зимняя одежда повторяет старые местные формы. Это чепчикобразные шапки, оленьи дошки, шубы, торбоза и т. д. Изменились жилищные условия. В поселках выстроены типовые срубные дома. Многие из них изнутри оштукатурены. Используются тройные рамы. В качестве отопительных приборов применяются голландские

¹¹⁸ Материалы этнографической поездки автора в бассейн Колымы в 1951 г.

¹¹⁹ Материалы Ленско-Янской этнографической экспедиции 1953/54 г.

лечи, плиты с обогревателями. Внутренний облик домов свидетельствует о больших культурных сдвигах, произошедших за советский период.

За последнее десятилетие резко вырос образовательный уровень населения. В совхозном производстве участвуют лица с пяти-восьмиклассным образованием, а нередко и со средним. На Колыме, Индигирке, Яне появились женщины-якутки с законченным средним и высшим образованием — учителя, бухгалтеры, фельдшеры, партийные работники. Вследствие широкого распространения школьного образования быстро усваиваются нормы якутского литературного языка. Большинство лиц, имеющих среднее образование, владеет русским языком.

В связи с промышленным освоением северо-востока численность населения здесь выросла. По переписи 1959 г., в бассейне Колымы (Нижне-Колымский, Средне-Колымский, Верхне-Колымский районы), Индигирки (Аллайховский, Абыйский, Момский, Верхоянский и Сыккырырский районы) было 26 218 жителей¹²⁰. Увеличение населения произошло главным образом за счет притока рабочих и служащих переселенцев — русских.

В крупных районных центрах и промышленных поселках городского типа на северо-востоке этническое развитие идет другим путем. В таких поселках, как Зырянка, Лабуя, Батагай, Эге-Хая и др., численно преобладают приезжие русские. В связи с этим в общественной жизни доминирует русский язык. Все якутское население в таких поселках двуязычно. Нередки якутско-русские смешанные семьи. Численность якутского населения, занятого сельским хозяйством, можно определить лишь приблизительно по данным колхозных отчетов и посемейных списков: в бассейне Колымы (в пределах Якутии) — около 3500 человек¹²¹, в бассейне Индигирки (Момский район — 1068, Абыйский — 1550, Аллайховский — 450) — около 3100, в бассейне Яны (Верхоянский район — 3850, Усть-Янский — 1600, Саккырырский — 770) — около 6200, всего 12 820 человек.

Группа северо-восточных якутов, занятых преимущественно скотоводством, в настоящее время не представляет собой строго ограниченной этнографической единицы. Якуты, занятые сельским хозяйством, тесно связаны с якутами, живущими в промышленных и административных поселках этого района. В целом за последние десятилетия произошло заметное сближение образа жизни и культурного уровня окраинных северных групп якутов с центральными.

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЕ ПАЛЕОАЗИАТЫ

Перепись 1926 г., в особенности Приполярная перепись 1926—1927 гг., дали материал о численности и хозяйстве коренного населения Камчатки и Чукотки.

Основная масса коряков находилась в пределах Камчатки¹²².

Район	Мужчин	Женщин
Карагинский (включая Олюторский)	1012	941
Пенжинский	1562	1485
Тигильский	1021	1009
Усть-Камчатский	24	14
Всего	3619	3449

¹²⁰ Местная разработка переписи 1959 г.

¹²¹ Численность якутов в бассейнах Колымы и Индигирки определена по данным колхозных отчетов 1954 г. путем исключения лиц других национальностей.

¹²² «Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. VII, стр. 128.

В Анадырском районе было выявлено 55 мужчин и 37 женщин коряков, в Ольском — 130 мужчин и 116 женщин оседлых коряков. Таким образом, всего коряков в местах их основного расселения было 7406 человек¹²³. Кочевые оленные коряки составляли 54,8%¹²⁴. По сравнению с данными переписи 1897 г., численность коряков почти не увеличилась. Это, очевидно, объясняется большим уроном, который нанесли корякам эпидемии 1899—1900 гг.

В Тигильском районе переписью 1926 г. была выявлена группа камчадалов-ительменов, обитавших в 8 поселках от Седанки до Сопочного — 407 мужчин и 424 женщины¹²⁵. Из них 803 человека говорят на ительменском языке¹²⁶. Сопоставление этих данных с материалами переписи 1897 г. показывает, что численность ительменов, говорящих на родном языке, уменьшилась на 165 человек, что произошло вследствие ассимиляции их русскими.

Перепись 1926 г. дала следующие материалы о численности чукчей¹²⁷.

Район	Мужчин	Женщин
Анадырский	2526	2523
Чукотский	2440	2477
Карагинский	456	435
Певжинский	100	78
Всего	5522	5513

Береговые составляли около 30%, а кочевые оленеводы около 70%¹²⁸. По мнению В. Г. Богораза, эти данные преуменьшены. По его расчетам, чукчей было не менее 15 тыс. человек¹²⁹.

Сравнение данных 1926 и 1897 гг. все же показывает, что численность их возросла.

Совместно с чукчами побережье Чукотки осваивали эскимосы. Большая часть их была сосредоточена в Чукотском районе — 571 мужчина, 606 женщин, и 51 мужчина и 53 женщины жили в Анадырском районе¹³⁰. По сравнению с 1897 г., численность этой группы уменьшилась на 16 человек.

В ходе социалистического строительства на Чукотке и Камчатке произошли большие этнические изменения. Рассмотрим основные их направления.

Переустройство традиционного хозяйства коряков началось с берегового комплекса. В 1928 г. были созданы первые производственные объединения, товарищества. Часть их возникла на базе старых производственно-территориальных объединений — байдарных артелей. Помощь, оказанная государством корякским артелям, способствовала их организационно-хозяйственному укреплению¹³¹. В связи с развитием на Камчатке рыбной промышленности береговые коряки отказались от примитивного речного рыболовства, сочетавшегося с морским зверобойным промыслом и собира-

¹²³ П. Е. Терлецкий указывает общую численность коряков в 7387 человек (П. Е. Терлецкий. Население крайнего Севера по данным переписи 1926—1927 гг. Л., 1932, стр. 18).

¹²⁴ М. А. Сергеев. Корякский национальный округ. Л., 1934, стр. 30.

¹²⁵ «Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. VII, стр. 128.

¹²⁶ С. Н. Стебницкий. Ительменский язык. — «Языки и письменность народов Севера», вып. III, М.—Л., 1934, стр. 85.

¹²⁷ «Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. VII, стр. 128.

¹²⁸ П. Е. Терлецкий. Население Крайнего Севера..., стр. 41.

¹²⁹ В. Г. Богораз. Луорветланский (чукотский) язык. — «Языки и письменность народов Севера», М.—Л., вып. III, 1934, стр. 6.

¹³⁰ «Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. VII, стр. 128.

¹³¹ О коллективизации в Корякском национальном округе см.: М. А. Сергеев. Корякский национальный округ; И. С. Гурвич, К. Г. Кузачков. Корякский национальный округ. М., 1960.

тельством. Уже в 1934—1937 гг. значительная часть коряков-колхозников по договорам правлений артелей с администрацией государственных промыслов стала участвовать в доходном промышленном морском лове рыбы. Современная техника, которую предоставили им рыбозаводы (ставные неводы, катера, кунгасы, рыбонасосы), вытеснили байдары, черпуши, заездки и закидные сети. Изменения в хозяйстве привели к тому, что береговые коряки из мелких поселков стали стягиваться в крупные. Так образовался поселок Манила — сюда съехались коряки из поселков Макино, Шестаково, Ловаты и Орночки. В поселок Вывенка стянулось окрестное население с побережья и одноименной реки. В большие селения превратились Карага, Ачапка, Кичига, Олиторка. Концентрация оседлого населения в сравнительно больших поселках, где были образованы крупные рыболовческие артели, сблизила разрозненные, обособленные группы береговых коряков.

Особым путем шла перестройка хозяйства тундрового кочевого населения Камчатки. Первые коллективные хозяйства среди коряков-оленьеводов были созданы в 1931 г. На смену традиционным замкнутым стойбищным объединениям (наиболее крупные из них состояли из 20—25 человек)¹³² пришли новые — колхозные, совхозные, а также административно-территориальные объединения в виде сельских советов. Это способствовало возникновению более широких социальных и экономических связей¹³³. Школы, культбазы, курсы для советских и партийных работников помогли поднять культурный уровень населения¹³⁴.

После Отечественной войны коряцкие колхозы были значительно укрупнены. Береговые и кочевые коряки оказались членами одного большого укрупненного коллективного хозяйства. Так, в колхоз им. XXII партсъезда вошли и береговые коряки из нескольких поселков и кочевые коряки. В 1957 г. в этом колхозе было 119 хозяйств — 54 береговых, 60 кочевых, 5 смешанных семейств (хозяйств), образовавшихся в результате браков между береговыми и кочевыми коряками. Такие же колхозы появились на восточном побережье Камчатки. Участилось общение между кочевыми коряками и береговыми. Многие семьи кочевых коряков перешли на постоянное жительство в поселки береговых. Сближение между локальными группами береговых коряков, так же как и сближение между коряками-оленьеводами и береговыми коряками, не привело еще к слиянию всех групп воедино. Различные группы коряков сохраняют особенности в одежде, в обычаях. Сохраняются и диалектальные различия¹³⁵.

В поселке Манила Пенжинского района, где преобладают коряки из поселков Орночки, Шестаково, Макино и Ловаты, коряки-оленьеводы — чавчулены, составляющие меньшинство, обычно приспосабливаются к их говору, но между собой говорят на своем диалекте. Исчезают лишь диалекты мелких групп береговых коряков, например итканский.

В 1930 г. была разработана письменность на чавчуленском диалекте¹³⁶. Однако вследствие множественности диалектов письменность на коряцком языке оказалась полезной лишь на первых этапах приобщения коряков-оленьеводов к грамотности. Большинство коряков не знало тогда русского

¹³² М. А. Сергеев. О статье Н. М. Архипцева «Материалы для характеристики социальных отношений чукчей в связи с социалистической реконструкцией хозяйства». — «Сибирский сборник», т. II, М.—Л., 1957, стр. 41.

¹³³ Важным политическим событием для коренного населения Камчатки было образование Коряцкого национального округа (10 декабря 1932 г.).

¹³⁴ С. Н. Стебницкий. Школа на тундре. М.—Л., 1932; П. Ковалевский. В школе-юрте. — «Советский Север», 1934, № 2, стр. 103—105; М. А. Сергеев. Коряцкий национальный округ, стр. 122; И. М. Суслев. Пятнадцать северных культбаз. — «Советский Север», 1934, № 1, стр. 28—37; А. Е. Освоение северных районов Дальневосточного края. — «Советский Север», 1934, № 1, стр. 92—95.

¹³⁵ Оседлые олиторские коряки плохо понимают пенжинских оседлых коряков. Тем и другим трудно общаться с тигильскими и в особенности с кочевыми коряками.

¹³⁶ С. Н. Стебницкий. Нымланский (коряцкий) язык. — «Языки и письменность народов Севера», вып. III, М.—Л., 1934.

языка. Появление букварей на родном языке облегчило обучение. Однако книги на чавчуевском диалекте оказались непонятны береговым корякам. Ввести систематическое преподавание в школах на корякском языке оказалось затруднительным, так как для обеспечения нормального преподавания потребовалась бы разработка одних и тех же учебников на разных диалектах корякского языка. При малочисленности коряков и многочисленности диалектов это нецелесообразно. Вопрос о том, на каком языке или диалекте вести преподавание в корякских школах, был вынесен несколько лет назад на обсуждение самих коряков. Большинство родителей высказалось за ведение преподавания на русском языке¹³⁷. Широкое распространение русского языка способствует усвоению коряками русской культуры.

За советский период в результате развития в Корякском национальном округе рыбной промышленности и большого строительства население округа резко увеличилось. По переписи 1959 г., в округе проживало 27 525 человек, в том числе около 20 тыс. человек приехавших, преимущественно русских¹³⁸. Коренное население составляет большинство только в Пенжинском районе, наиболее отдаленном от больших хозяйственных центров Камчатки (около 60%). В Олюторском районе коренное население составляет 27%, в Карагинском — 13%, в Тигильском — 31% жителей (1957 г.).

Одна из особенностей корякских поселков — их многонациональный состав. Теперь не только на рыбзаводах, но и в колхозах и совхозах округа совместно трудятся коряки, русские, эвены, чукчи и ительмены. Так, в 1957 г. в колхозе им. Ленина Олюторского района (поселок Вывенка) было 91 хозяйство, в том числе 61 корякское, 8 чукотских, 14 русских и смешанных, 6 чукотско-корякских, 2 русско-корякских. В колхозе «Ударник» Карагинского района (поселок Карага) из 85 хозяйств 50 оказались корякскими, 2 смешанных корякско-русских и 23 русских и украинских¹³⁹.

Наплыв русского населения, преподавание в школах на русском языке привели к тому, что фактически «международным» в Корякском национальном округе стал русский язык. Им владеют в той или иной степени значительная часть коряков, чукчей и эвенов. Обследование (опрос), проведенное в 1957 г. в колхозе им. XXII партсъезда Пенжинского района, показало, что из 310 взрослых не владело совершенно русским языком 89 человек, а в Окланском оленеводческом совхозе этого района из 48 опрошенных не знало совершенно русского языка 6 человек. Лица, не владеющие русским языком, — старики, женщины-домохозяйки. Как правило, береговые коряки лучше владеют русским языком, чем оленеводы.

За годы Советской власти коренным образом изменился облик корякской культуры. В настоящее время все дети школьного возраста охвачены обучением. Среди коряков появились люди со специальным средним и высшим образованием.

Значительная часть коряков-оленьеводов перешла в поселки, жилища береговых коряков — землянки с входом через дымовое отверстие в крыше — заменены типовыми домами. Большие перемены произошли в одежде. меховой национальный костюм превратился в основном в промысловую одежду¹⁴⁰.

¹³⁷ Переход на родной язык первой кочевой корякской школы в 1933 г. был встречен, по утверждению учителя этой школы, «не совсем сочувственно». Коряки заявили: «Нам, корякам, больше нужна русская грамота» (П. Ковалевский. Указ. соч., стр. 105).

¹³⁸ «Итоги Всесоюзной переписи 1959 г. СССР (сводный том)», М., 1962, стр. 205.

¹³⁹ Материалы Корякского этнографического отряда Северной экспедиции Института этнографии АН СССР в 1957 г. (архив Института этнографии АН СССР).

¹⁴⁰ Подробно о современном быте и культуре коряков см.: И. С. Гурвич, К. Г. Кузак ов. Указ. соч., стр. 155—175, 288—297; И. С. Гурвич. Этнографическая поездка в Корякский национальный округ. — «Советская этнография», 1957, № 6, стр. 43—58.

Все это сближает быт коряков с образом жизни окружающего пришло-го населения.

Перепись 1959 г. выявила 6287 коряков, в том числе в Корякском национальном округе 5101 человека. Часть обруселых охотских коряков показала себя русскими или камчадалами¹⁴¹. Около 600 коряков показали родным языком русский¹⁴².

Особую этническую группу составляют в Корякском национальном округе ительмены. Они живут в южной части Тигильского района в поселках Тигиль, Напана, Утхолок, Кавран, Хайрюзово, Моршечное и Сопочное. Во всех этих поселках живут и приезжие русские, «камчадалы» — русские старожилы и отдельные семьи коряков.

Тигильские ительмены — единственная группа этой народности, сохранившая некоторые черты самобытности, главным образом в языке¹⁴³. Однако все ительмены, пользующиеся родным языком, свободно владеют русским.

Ительменская молодежь обычно лучше владеет русским языком, чем родным. В поселках Напана нам приходилось наблюдать, что подростки отвечают старикам, обращавшимся к ним по-ительменски, на русском языке. Дети ительменов часто владеют только русским языком. На русском языке ведется преподавание в ительменских школах. Смешанные браки между русскими и ительменами, между камчадалами и русскими — обычное явление.

В хозяйстве ительменов никаких самобытных черт не сохранилось. Ведущие отрасли их хозяйства — огородничество и животноводство. Однако ительмены сохранили национальное самосознание. Переписью 1959 г. в Корякском национальном округе выявлено 900 ительменов, из них 399 показали родным языком русский¹⁴⁴. Уменьшение численности камчадало-язычных ительменов объясняется общим сближением и слиянием ительменов с русскими. Фактически, завершается длительный процесс ассимиляции этой группы русскими.

«Реконструкция быта коренного населения Чукотки до массовой коллективизации протекала крайне медленно¹⁴⁵. Коллективизация началась в 1929—1930 гг. В 1929 г. были образованы 2 оленеводческих колхоза у чукчей в районе Земли Гека. В следующем году чукотские колхозы возникли в Анадырском и Чукотском районах. Это были слабые объединения, состоявшие из бедняцких хозяйств. В эти же годы в Анадырском районе был создан Снежинский оленеводческий совхоз¹⁴⁶. В 1932 г. в Чукотском национальном округе было коллективизировано 21% всех хозяйств¹⁴⁷. В товарищества вошли главным образом оседлые береговые хозяйства. К концу 1940 г. общественное поголовье оленей на Чукотке составляло всего 8,7%, тогда как в других районах Севера оно достигло 49,7%¹⁴⁸. Образование Чукотского национального округа и организация товариществ повлекли за собой изменения в жизни чукчей и способствовали сближению между обособленными стойбищами. Огромное культурное влияние на на-

¹⁴¹ «Итоги Всесоюзной переписи 1959 г. СССР (сводный том)», стр. 205.

¹⁴² Там же, стр. 186.

¹⁴³ В качестве особенностей быта ительменов автор специальной статьи о них, написанной вскоре после переписи 1926 г., указал нищету, грязь, редкое употребление хлеба (С л о б о д ч и к о в. Камчадалы и ительмены.— «Советская Камчатка», 1930, № 12, стр. 22—23).

¹⁴⁴ «Итоги Всесоюзной переписи 1959 г. СССР (сводный том)», стр. 205, 186.

¹⁴⁵ Е. К а в е д и н. В странах Анаглин и Чауча.— «Советский Север», 1931, № 7—8; А. И. К а р а е в. Чукотско-Анадырский край.— «Экономическая жизнь Дальнего Востока», 1926, № 4—5.

¹⁴⁶ М. А. С е р г е е в. Некапиталистический путь развития малых народов Севера, стр. 341.

¹⁴⁷ «На советской Чукотке».— «Советский Север», 1932, № 3, стр. 122.

¹⁴⁸ Н. Н. С а д о в с к и й. Оленеводство.— Сб. «Преображенный край», Магадан, 1956, стр. 164.

селение полуострова оказали школы¹⁴⁹, культбазы¹⁵⁰, советские предприятия¹⁵¹. Процесс коллективизации в округе завершился в послевоенный период. Были созданы крупные оленеводческие колхозы, например «Дружба» в Анадырском районе. В Восточно-Тундровском районе в колхозах было сконцентрировано около 25% всего поголовья оленей округа.

Развитие артельных форм объединения, слияние мелких колхозов означали переход к новым, значительно более широким формам общественных связей. После укрупнения колхозов чукчи-оленьеводы сосредоточились в сравнительно больших артелях, нередко вместе с чукчами береговыми и эскимосами. В 1955 г. в Чукотском национальном округе было 46 колхозов и 3 совхоза¹⁵². В 1961 г. в округе в результате укрупнения хозяйств было всего 28 колхозов и 6 совхозов. В Чукотском районе округа в 1940 г. было 32 колхоза¹⁵³, в 1955 г. — 17¹⁵⁴, а в 1962 г. — 7¹⁵⁵.

Средняя численность жителей в поселках оленеводческих колхозов теперь колеблется от ста до нескольких сот человек. С поселками — центральными усадьбами — связаны оленеводческие пастушеские бригады. В 1962 г. их было в округе 253, тогда как в 1955 г. — 322. В связи с укрупнением стад число бригад сократилось. Обычно бригада состоит из 6—8 пастухов и 2 «домашних» работников. Как правило, пастухи кочуют с семьями, т. е. с женой и детьми дошкольного возраста. Поэтому в бригаде обычно находится 15—20 человек. Дети школьного возраста и престарелые живут, как правило, в поселках.

Переустройство хозяйства оленеводов повлекло за собой большие изменения в характере их расселения, разрушило былую стойбищную замкнутость и обособленность.

Значительные изменения произошли в связи с перестройкой хозяйства и в расселении береговых чукчей. В 1930 г. для оказания помощи береговому населению были основаны станции, предоставлявшие чукотским артелям вельботы, моторы к ним, орудия для промысла морского зверя.

За последние годы удалось реконструировать и механизировать морской зверобойный промысел — основную отрасль хозяйства береговых чукчей и эскимосов. Байдары вытеснены моторными вельботами. Но и вельботы колхозы заменяют быстроходными сейнерами, катерами. В качестве оружия применяются гарпузные ружья. Если раньше тушу кита вытаскивали на берег всем поселком, то теперь эта операция производится тракторами, подъемными кранами. В ряде колхозов при жиротопках оборудованы бетонированные площадки для разделки туш морских зверей, а участки между берегом и перерабатывающими агрегатами соединены узкоколейкой с вагонетками.

Вокруг береговых баз по переработке продукции зверобойного промысла сосредоточилось население из мелких селений, где еще недавно моржовое мясо и китовый жир утилизировали дедовскими способами. В поселок Уэлен, например, съехалась большая часть обитателей бывшего поселка Дежнева, отдельные семьи из Миткулена, мыса Шмидта, Аккани, Лорена, Яндагая, хозяйства кочевых чукчей.

¹⁴⁹ Н. Комов. Работа в Чукотской школе. — «Советский Север», 1933, № 1, стр. 72—76. В. Морозов. На Чукотской культбазе. — «Советский Север», 1931, № 3—4, стр. 228—234.

¹⁵⁰ Т. З. Семушкин. Чукотская культбаза. — «Советская Арктика», № 6, 1936, стр. 84—86.

¹⁵¹ А. В. Марголин. О хозяйстве на Чукотке. — Там же, стр. 71—79.

¹⁵² М. А. Папернов, А. А. Слотвинский. О землеустройстве. — Сб. «Преображенный край», Магадан, 1956, стр. 156.

¹⁵³ Н. А. Жихарев. Очерки истории северо-востока РСФСР. Магадан, 1961, стр. 247.

¹⁵⁴ И. В. Гуция, А. И. Афанасьев. Чукотский национальный округ. Магадан, 1956, стр. 81.

¹⁵⁵ Данные Чукотского райисполкома. Материалы северо-восточного отряда Северо-Восточной экспедиции Института этнографии АН СССР в 1962 г.

Численность населения в береговых поселках колхозов, занимающихся зверобойным промыслом, колеблется от 200 до 600 человек. (До коллективизации в стойбищах было от 1 до 30 яранг, т. е. не более 200 человек.)

Слияние оленеводческих колхозов и артелей береговых зверобоев в 1956—1960 гг. повлекло дальнейшее укрупнение поселков и сблизило береговые и кочевые хозяйства. Современные поселки берегового населения обычно многонациональны.

Процесс включения в общую хозяйственную жизнь разных этнических групп может быть продемонстрирован на примере колхоза пм. XXII партсъезда Анадырского района. Он образовался в результате слияния чукотских оленеводческих товариществ — Тайвоямского и Майно-Пыльгынского, рыболовецкой артели, в которую входили и камчадалы (русские старожилы), и товарищества береговых чукчей, располагавшегося неподалеку от поселка Анадырь на так называемом Десятом участке. Объединение тундровых кочевых чукчей и береговых произошло в 1947 г. Центр объединенного колхоза был перенесен в Анадырь в 1952 г. В 1960 г. в этот укрупненный колхоз вошел эвенский (ламутский) колхоз «Вперед» с центром в поселке Красино. В 1962 г. в колхозе было 165 хозяйств. Удалось получить сведения о 139 из них. Выяснилось, что 39 принадлежат тундровым кочевым чукчам, 50 береговым, 12 смешанных хозяйств (семей), образовавшихся от браков между тундровыми и береговыми чукчами, 6 рускостарожильческих, значащихся как «камчадалские и чуванские», 5 — приезжих русских, 9 эвенских (ламутских), 1 эскимосское и смешанные — 3 чукотско-ламутских, 7 чукотско-русскостарожильческих, 2 чукотско-русских (приезжие), 1 эскимосско-русское, 3 эвенско-русских, 1 чукотско-корякское.

Интересно распределение населения по знанию языков. Из 256 взрослых только чукотским владеет 134, только русским 31, чукотским и русским — 66, эвенским и русским — 22 человека, трехязычных — 3 человека.

Распространение двуязычия и многоязычия, смешанные браки — свидетельство того, что объединение в одном колхозе членов разных этнических групп приводит к преодолению былой замкнутости локальных группировок чукчей и эвенов.

Сближение чукчей-оленьеводов с оседлым населением, порой даже иноязычным, происходит не только в Чукотском национальном округе. Чукчи, осваивающие бассейны верхнего течения Алуки и Пахачи (Корякский национальный округ), восприняли многое от коряков¹⁵⁶. Чукчи Нижне-Колымского района Якутской АССР издавна роднились с эвенами и юкагирами. Обследование Нижне-Колымского района показало, что большая часть чукчей владеет, кроме родного языка, юкагирским или эвенским и русским¹⁵⁷. В колхозе «Турваургин» Нижне-Колымского района в 1959 г. было 140 хозяйств (исключая хозяйства одиночек), в том числе 40 чукотских, 41 русских, якутских, эвенских и юкагирских и 59 смешанных, в том числе эвено-чукотских 17, чукотско-юкагирских 12, чукотско-якутских 4, чукотско-русских 2, украинско-чукотских 1¹⁵⁸. Таким образом, на 40 чукотских семей приходилось 36 смешанных семей.

Большие изменения произошли в культуре нижнеколымских чукчей под влиянием соседей. Так, чукотский женский комбинезон керкер вышел из употребления. Его заменила эвенская женская одежда — разрезная шуба с нагрудником-передником¹⁵⁹.

¹⁵⁶ И. С. Вдович. Вагские чукчи. — «Сибирский этнографический сборник», т. IV, М., 1962, стр. 153—164.

¹⁵⁷ И. С. Гурвич. Этнографическая экспедиция в Нижне-Колымский и Средне-Колымский районы Якутской АССР в 1951 году. — «Советская этнография», 1952, № 3, стр. 200—209.

¹⁵⁸ Материалы Юкагирской экспедиции 1959 г.

¹⁵⁹ И. С. Гурвич. Быт и культура оленеводческих колхозов Нижне-Колымского района, стр. 62—79.

Чукчи стойко сохраняют национальное самосознание. Перепись 1959 г. выявила в Чукотском национальном округе 9975 чукчей, в Корякском национальном округе 1062, в Якутской АССР 553, в Магаданской области 127, всего 11 717 человек, в том числе сохранивших родной язык 11 014¹⁶⁰. Все чукчи в районах, которые нам пришлось посещать, сохраняют родной язык. Очевидно, русскоязычные чукчи — это чуванцы.

Интересны современные этнические взаимоотношения чукчей и эскимосов.

Реконструкция промыслового хозяйства Чукотки, укрупнение артелей привели не только к объединению колхозов береговых и оленных чукчей, но и к слиянию с ними эскимосских колхозов. Так, эскимосский колхоз «Ленинский путь» с центром в поселке Наукан в 1958 г. соединился с чукотским колхозом «Красная звезда» с центром в поселке Нунямо. Укрупненный колхоз называется «Ленинский путь». Центром этой артели стал поселок Нунямо. В колхозе трудятся чукчи, эскимосы и русские. В этой артели в 1962 г. было 65 семей (одиночки в посемейном списке сельсовета распределены по родственным семьям), в том числе 40 чукотских, 16 эскимосских, 3 русских и смешанных — чукотско-эскимосских 4, русско-эскимосская 1, русско-чукотская 1¹⁶¹. Из береговых эскимосов и оленных чукчей состоит укрупненный колхоз «Заря коммунизма» с центрами Яндракино и Новое Чаплино. В поселке Ткачен (Новое Чаплино) в 1962 г. было 62 хозяйства, в том числе одиночек: эскимосских хозяйств-семей 39, в том числе 4 одиночки, чукотских — 10, в том числе 3 одиночки, смешанных семей — чукотско-эскимосских и эскимосско-чукотских — 13. В связи с укрупнением артелей эскимосские поселки преобразовались в чукотско-эскимосские. (Нунямо, Новое Чаплино, Сиреники). Семьи эскимосов поселились в русских и чукотских поселках, таких как Уэлен, Лаврентия, Провидения, Анадырь. В Уэлене, например, в отчете колхоза значится 85 чукотских, 3 русских и 3 эскимосских хозяйства. Однако изучение посемейных хозяйственных книг в 1962 г. показало, что в этом поселке имеется всего 1 чисто эскимосская семья и 1 одиночка, 14 чукотско-эскимосские и 2 русско-эскимосские семьи. Всего эскимосов в поселке 31 человек. В поселке Лаврентия 4 смешанных русско-эскимосских семей и 10 эскимосских. Всего эскимосов там 25 мужчин и 30 женщин.

Судя по национальному составу береговых поселков Чукотки, произошло расселение эскимосов по побережью от Уэлена до залива Креста.

Обычно эскимосы составляют меньшинство населения поселка. В связи с этим многие эскимосы, кроме родного языка, овладели чукотским и русским. Эскимосский язык как предмет преподается только в Ново-Чаплинской школе. В 1962 г. в Нунямо эскимосы распределились на следующие группы по знанию языков. Из 65 взрослых эскимосов владело только эскимосским 7 человек, эскимосским и чукотским 5 человек, эскимосским и русским 9 человек, эскимосским, чукотским и русским 43 человека, не знал родного языка 1 человек. Таким образом, большая часть эскимосов поселка оказалась трехязычна. Знание эскимосами чукотского языка ограничивается обычно разговорной речью, русским эскимосы владеют часто лучше, чем чукотским, так как изучают его в школе. Только эскимосским языком владеют люди преклонного возраста.

Широкие перемещения эскимосов, участвовавшие смешанные браки их с чукчами, распространение среди эскимосов двуязычия и трехязычия — свидетельство того, что на наших глазах резко ускорился многовековой процесс слияния азиатских эскимосов с береговыми чукчами. Но азиатские эскимосы не утратили национального самосознания. Переписью 1959 г. вы-

¹⁶⁰ «Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г. СССР (сводный том)», стр. 205, 186.

¹⁶¹ Материалы северо-восточного отряда Северной экспедиции Института этнографии АН СССР в 1962 г. (архив Института этнографии АН СССР).

явлено 1118 эскимосов, из них 939 человек показали родным языком эскимосский¹⁶².

Ускорился процесс сближения эскимосов и чукчей с русским пришлым населением. Об этом свидетельствуют не только смешанные браки, в прошлом крайне редкие, но и широкое распространение среди коренного населения Чукотки русского языка и элементов русской культуры. В смешанных по национальному составу поселках (чукотско-эскимосских, чукотско-русских) преподавание в школах ведется на русском языке. В связи с этим учреждены подготовительные классы, где дети овладевают разговорной русской речью. В детских садах совместно воспитываются чукчи, эскимосы и русские. Это облегчает детям освоение русского языка.

В то же время в округе широко распространен чукотский язык. Он используется в быту, в связи с чем сохраняет свое значение письменность на чукотском языке. На этом языке издается учебная, пропагандистская и художественная литература, выпускается окружная газета «Советская Чукотка». Письменность на родном языке сыграла большую роль в приобщении чукчей, не владевших русским языком, к грамотности. Сейчас в связи с распространением среди чукчей русского языка, роль ее снизилась. Однако издания на чукотском языке имеют спрос среди чукчей, сохраняющих в быту родной язык. Зародилась чукотская советская литература. В 1940 г. молодой писатель чукча Ф. Тинетев обработал чукотские сказки¹⁶³. Талантливым поэтом проявил себя В. Келькут. На Чукотке широко известны стихи чукотской поэтессы Антонины Кымытваль, популярны произведения Ю. Рытхеу¹⁶⁴.

Советская социалистическая культура чукотского народа обогатилась многими современными элементами: радио, кино, самодеятельность органически вошли в жизнь чукотского села. Высокого мастерства достигли резчики по кости¹⁶⁵.

Изменилась за последние десятилетия и материальная культура чукчей. В поселках они живут не в ярангах, а в завозных домах из брусчатки или щитов. В быт вошла покупная одежда и обувь, приспособленная к условиям оседлого быта. Традиционная чукотская меховая одежда сохранилась в основном как промысловый костюм, за исключением матерчатой камлейки с капюшоном, которая и сейчас служит женщинам летним платьем и пальто.

Приведенные материалы свидетельствуют о том, что на Чукотке идет завершение этнических процессов смешения, начавшихся задолго до установления Советской власти, сближаются в прошлом обособленные группы чукотского народа и, наконец, происходит укрепление культурных и экономических связей с другими народами Советского Союза, в первую очередь с русским народом.

РУССКИЕ

Русские старожилы севера Якутии

Переписью 1926 г. в Колымском округе было выявлено 570 мужчин и 557 женщин — 1127 русских. В Средне-Колымске числилось 227 мужчин и 225 женщин русских, в сельской местности — 343 мужчины, 332 женщины¹⁶⁶.

¹⁶² «Итоги Всесоюзной переписи 1959 г. СССР (сводный том)», стр. 186.

¹⁶³ Ф. Тинетев. Сказки Чаучу. Л., 1940.

¹⁶⁴ «Творчество народов Севера» (редакция, предисловие и комментарии М. А. Сергеева), Л., 1955.

¹⁶⁵ И. П. Лавров. Уэленская косторезная мастерская. — «Краеведческие записки Магаданского областного краеведческого музея», вып. 1, Магадан, 1957, стр. 75—78.

¹⁶⁶ «Всесоюзная перепись населения 1926 года», т. VII, стр. 180—181.

Более детальные сведения дала Похозяйственная перепись приполярного севера 1926—1927 гг. В Колымском улусе числилось 88 хозяйств (213 мужчин, 222 женщины — 435 человек), в Нижне-Колымской волости — 109 хозяйств (309 мужчин, 267 женщин — 576 человек), в Восточной тундре — 2 хозяйства (3 человека). Таким образом, в Колымском округе значилось всего 199 хозяйств — 1014 русских. Но, кроме оседлых русских, в Нижне-Колымской волости были оседлые русскоязычные туземные хозяйства — 2 ламутских, 5 чуванских, 12 юкагирских и 32 якутских — 135 мужчин, 118 женщин — всего 253 человека, примыкавшие к русским старожилам¹⁶⁷. Иногда их причисляли к русским. В категорию «русские» в Похозяйственной переписи вошли и старожилы и временные приезжие жители — советские работники и члены их семей. Служащих и занятых в торговле русских было, согласно переписи, 8 человек¹⁶⁸. Учитывая, что часть приезжих не находилась на службе, эту группу можно увеличить до 12 семейств, или до 40—50 человек обоего пола. Следовательно, численность русского старожильского населения низовой Колымы была около 525 человек обоего пола.

По сравнению с данными переписи 1897 г., группа старожилов увеличилась на 89 человек. Частично рост ее объясняется тем, что в годы империалистической и в особенности гражданской войны часть русских из Средне-Колымска с семьями переехала «на низ», где легче было добыть рыбу и проще укрыться от бурных событий того времени.

В 1933 г. в низовьях Колымы (Нижне-Колымский район) числилось около 850 русских¹⁶⁹. Сюда вошли не только старожилы и недавние русские переселенцы, но и обруселое местное население.

В связи с упразднением старых административных единиц юридическое и отчасти экономическое положение «мещан» — русских старожилов, «казачьих» семей и «порочных инородцев» в значительной степени уравнилось. Русские старожилы-колымчане и обрусевшие потомки юкагиров Омокского, отчасти Первого Омоловского и Ходынского-Чуванского родов, потомки обруселых якутов Первого Мятюжского наслега после введения нового административно-территориального устройства оказались членами одних и тех же сельских советов. Это устранило последние формальные препятствия, разделявшие русское старожильское и обруселое население, фактически единое в этническом отношении¹⁷⁰. В эти годы усилилось оседание кочевников около русских поселений. До революции лица, переселявшиеся в другое общество, должны были платить налоги в своем обществе и относить натуральную повинность как в своем, так и в том, на территории которого они селились. Эта обременительная для переселявшихся система была отменена.

В период проведения переписи русские старожилы Индигирки числились в Усть-Янском улусе Булунского округа. Похозяйственной переписью приполярного Севера 1926—1927 гг. в Булунском округе было выявлено 178 хозяйств русских. Из них 104 оседлых хозяйства (240 мужчин, 243 женщины, всего 483 человека) находились на территории Усть-Янского улуса¹⁷¹. Несомненно, среди них были и приезжие. Согласно переписи, на службе и в торговле было занято 7 человек. На территории Усть-Янского улуса располагалось село Казачье, где также жили приезжие русские. Следовательно, можно было полагать, что приезжих русских с семьями было 50—60 человек. Таким образом, группа старожильского русского

¹⁶⁷ «Похозяйственная перепись...», стр. 114—115.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ «Якутская АССР. Статистический справочник», Якутск, 1934, стр. 717.

¹⁷⁰ Подробнее об этом см.: И. С. Гурвич. Современные этнические процессы... о го же. Этнографическая экспедиция в Нижне-Колымский и Средне-Колымский районы Якутской АССР в 1951 г.

¹⁷¹ «Похозяйственная перепись...», стр. 112—113.

населения низовий Индигирки исчислялась в 400—430 человек. Эта цифра в целом подтверждается и более поздними данными. В 1930—1932 гг., по материалам Индигирской экспедиции Наркомвода, в низовьях Индигирки было 413 русских, из них около 300 человек жили в дельте, остальные — по нижнему течению от Аллайхи до границ с Абыйским районом. Последние, по наблюдениям членов экспедиции, «заметно ассимилировались якутами»¹⁷². По материалам местного учета, в 1933 г. в Аллайховском районе (в него вошли низовья Индигирки) числилось 448 русских. Сопоставление этих данных с данными переписи 1897 г. показывает значительный рост численности русских. Индигирская группа русских возросла на 30 %. Три десятилетия, отделявшие перепись 1897 г. от Первой всесоюзной переписи, были для русских старожилов очень тяжелыми. Поэтому можно полагать, что на Индигирке, так же как и на Колыме, увеличение численности русских произошло не за счет естественного прироста, а за счет переселений.

Если на Колыме и Индигирке происходило увеличение русского населения за счет обруселого местного, то на северо-западе Якутии шел обратный процесс. Объякутившиеся потомки усть-оленинских и усть-янских крестьян называли себя при проведении Приполярной переписи якутами, а в ряде случаев на вопрос о национальной принадлежности ответили «крестьян». Все они указали, что их родной язык якутский¹⁷³. Судя по переписи 1926—1927 гг., потомки усть-оленинских и усть-янских крестьян окончательно растворились в окружающем якутском населении. Это явление было отмечено не только в низовьях Оленека, Лены и Яны, но и в низовьях Хатанги и Енисея¹⁷⁴.

На северо-западе, где в прошлом жили русские старожилы, перепись выявила несколько семей приезжих русских. Так, в Усть-Оленке (Болколах) находилось 2 семьи бывших ссыльных поселенцев — 13 человек, для которых родным языком был русский¹⁷⁵. Но они не имели отношения к местным старожилам.

Таким образом, в 1926—1927 гг. на севере Якутии сохранилось только 2 русских старожильческих района — низовья Колымы и низовья Индигирки. Общая численность старожильского русского населения вместе с обруселыми группами не превышала 1200 человек.

Значительные изменения в традиционный быт и образ жизни русских старожилов внесла коллективизация. Она началась в низовьях Колымы и Индигирки в 1929 г. На Индигирке первоначально было создано 20 артелей. В 1931 г. русские старожилы объединились в колхозы — русско-устынский (18 хозяйств) и ожегинский (10 хозяйств). Часть русских старожилов вошла в бурулгинский колхоз. В нем объединялись якуты, эвены и русские¹⁷⁶. Однако созданные коллективы оказались крайне слабыми. Фактически колхозники жили за счет личного хозяйства. В 1932 г. эти колхозы были переведены на устав простейших производственных объединений, а обобщественные пасти, канканы и сети возвращены колхозникам. Примерно так же протекала коллективизация в низовьях Колымы. Русские старожильческие производственные объединения образовались в Походске, Нижне-Колымске и Колымской¹⁷⁷. Охотничьи и рыболовецкие бригады получали от товарищества или от заготовительных организаций в пользование сети, неводы. По целевому кредиту простейшие производственные объединения приобретали орудия промысла — дель, сети, неводы.

¹⁷² М. И. Агафонов и др. Указ., соч., стр. 90.

¹⁷³ ЦГА ЯАССР, ф. 70-р, оп. 32, д. 357, лл. 5—6.

¹⁷⁴ А. Р. Шнейдер, Л. Н. Доброва-Ядринаева. Население Сибирского края. Новосибирск, 1928, стр. 39.

¹⁷⁵ ЦГА ЯАССР, ф. 70-р, оп. 32, д. 357, лл. 43—44, 113—114.

¹⁷⁶ М. А. Кротов. В просторах Индигирки. Якутск, 1934, стр. 49—50.

¹⁷⁷ И. А. Тарасов. Указ. соч.

Совместный труд способствовал сближению отдельных семей русских старожилов, в прошлом годами не выезжавших со своих заимок. Развернулось культурное строительство. Уже в 1931 г. в Русском устье силами населения была выстроена школа, в Аллайхе открыт фельдшерский стационар, во всех поселках русских старожилов были созданы пункты ликвидации неграмотности¹⁷⁸. Так как учителей, счетных и торговых работников, фельдшеров среди самих старожилов не было, на север были командированы русские работники. Их язык, быт и культурные навыки уже в 1930-х годах оказали сильное воздействие на старожилов.

В 1939—1940 гг. простейшие производственные объединения перешли на устав сельхозартели. Новая, более высокая форма объединения позволила интенсифицировать хозяйство, развернуть строительство колхозных хозяйственно-культурных центров.

Разбросанность населения по заимкам, отстоявших друг от друга на десятки верст, крайне затрудняла проведение хозяйственных кампаний. Так, для того, чтобы сформировать охотничью, рыболовецкую или извозную бригаду, правления артелей приходилось рассылать нарочных по заимкам, созывая колхозников в назначенный пункт. В связи с этим нередко срывались сроки выхода на промысел. Разбросанность населения затрудняла и хозяйственно-культурные мероприятия. Стягивание населения в поселки рассматривалось в эти годы как важнейшая хозяйственная и культурная задача Якутской республики. В 1939 г. было принято специальное решение ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР¹⁷⁹, по которому колхозам Якутской АССР государством были предоставлены ссуды для строительства поселков.

Однако на Севере в связи с отсутствием строительных материалов и недостатком плотников строительство колхозных центров происходило медленнее, чем в центральной Якутии. Создание колхозных центров вызвало большие изменения в расселении русского населения. Стягиваясь в поселки, старожилы переносили (сплавляли) обычно свои избы с заимок. В 1940-х годах в Походск, Нижне-Колымск, Колымскую, Край Лесов было перевезено довольно много домов. Подворный обход Походска (центр колхоза «12 лет Октября») показал, что из 27 жилых и общественных строений только 2 жилых дома, магазин, почта, клуб, 4 склада и 2 амбара были выстроены на месте, остальные дома были сплавлены со следующих заимок: Край Лесов — 5, Затисье — 3, Черноусово — 3, Первого Камня — 2, Коретово — 4, Устья — 2¹⁸⁰.

В связи со строительством и укрупнением поселков мелкие заимки по Колыме были покинуты, а некоторые (Ермолино, Тимкино, Край Лесов) превратились в летние рыбалки. Зимой на них живут лишь охотники, а иногда и их семьи.

Концентрация старожилов в поселках произошла и на Индигирке¹⁸¹.

В годы Великой Отечественной войны ускоренное развитие рыболовства и судоходства в низовьях Колымы и Индигирки потребовало рабочей силы. На Колыме возникли новые поселки — Зеленый мыс, Амбарчик, Медведка, Петушки. Основное население этих поселков состояло из русских рабочих и служащих. В военные годы численное соотношение между пришлым и старожильческим населением в низовьях Колымы резко изменилось в пользу пришлого населения. Оно превысило численность старожилов в несколько раз. Хотя старожилы концентрировались в сравнительно

¹⁷⁸ М. А. Кротов. Указ. соч., стр. 52.

¹⁷⁹ «XX лет Якутской АССР», Якутск, 1942, стр. 94.

¹⁸⁰ Материалы Юкагирской экспедиции 1959 г.

¹⁸¹ См. И. С. Гурвич. Этнографическая экспедиция в бассейн Индигирки. — «Краткие сообщения Института этнографии АН СССР», вып. XIX, 1953, стр. 28—42.

отдаленных местах, контакты их с приезжими усилились. Участились и смешанные браки¹⁸².

В послевоенные годы в связи с тем, что местные ресурсы оказались недостаточными для развития промышленного рыболовства, рыболовецкие предприятия в низовьях Колымы и Индигирки были свернуты. Но численность пришлого населения не уменьшилась, так как быстрыми темпами стало развиваться судоходство, развернулись большие поисковые геологические работы. Некоторые изменения произошли в этот период в сети старожильческих колхозов. В 1949 г. русско-якутский колхоз «Красная звезда» (поселок Колымская) волился в чукотско-эвенский колхоз «Турваургин». На Индигирке объединились колхозы им. Калинина (поселок Полярное) и им. Ворошилова (Приморское). Образовался колхоз «Победа». Укрупнение способствовало дальнейшему стягиванию населения в поселки. Так, колхоз «Победа» избрал хозяйственным центром поселок Полярное. Сюда перебралось население из Приморского — центра бывшего колхоза им. Ворошилова. В 1958 г. объединились колымские старожильческие колхозы «Новая жизнь» и «12 лет Октября». Укрупненная артель стала называться колхозом им. Ленина. Колхозники решили сохранить оба хозяйственных центра — Походское и Нижне-Колымск.

В результате всех этих перемещений в 1959 г. сложилась следующая картина расселения русского старожильческого населения.

В низовьях Колымы в колхозе им. Ленина (поселки Нижне-Колымск, Походск и заимки) было 122 хозяйства (325 человек), в районном центре поселке Кресты — около 30 семей русских старожил (в том числе и смешанные семьи, состоящие из старожил и приезжих) — около 90 человек, в колхозе «Турваургин» в поселке Колымская (Черский) — 3, в поселке Андрушкино — 2 семьи, всего около 20 человек. Во всех поселках совместно со старожилками проживают и приезжие русские и якуты.

В низовьях Индигирки старожильческое население живет главным образом в колхозе «Победа» — 76 хозяйств, 306 человек. В центре этого колхоза проживало около 35 семей, а 40 семей — по заимкам. В поселке Бурлукино — 2 семьи (4 человека), в колхозе им. Ленина (Аллайха) — 12 семей (45 человек), в районном центре поселке Чокурдах — 16 семей (59 человек)¹⁸³. Отдельные семьи старожил выехали в соседние районы и в Якутск.

Таким образом, общая численность старожил в низовьях Колымы и Индигирки — около 850 человек. Перепись 1959 г. не дала сведений о численности старожильческого населения, оно показано в составе русских.

Что же представляет из себя в настоящее время хозяйство русских старожил?

В 1960 г. колхозы Нижне-Колымского района объединились в совхоз, названный Нижне-Колымским. Русские старожильческие колхозы превратились в отделения этого совхоза. То же самое произошло и в Аллаиховском районе.

Ведущими занятиями русских старожил остались рыболовство и песочный промысел. Но эти отрасли производства значительно изменились. Применяются неводы от 150 до 250 м длины, широко распространены капровые сети, используются мережи, перетяги. Обычно после ледохода совхозы расставляют рыболовецкие бригады по заимкам-рыбалкам. На каждом участке располагается звено, состоящее из 1—5 хозяйств. В распоряжении отделений совхозов, занятых рыболовством, находятся самоходные баржи, вельботы, моторки, катера. Моторные лодки обычно используются в качестве буксиров, с их помощью карбазы с рыбой подтя-

¹⁸² Посемейные списки Нижне-Колымского района за 1950 г. (материалы экспедиции ЯФ АН СССР в Нижне-Колымский и Средне-Колымский районы, 1951 г.).

¹⁸³ Посемейные списки Нижне-Колымского и Аллаиховского районов Якутской АССР за 1959 г. (материалы Юкатирской экспедиции 1959 г.).

гивают к ледникам. На моторках перебрасывают рыболовецкие бригады с одного песка на другой, более «урожайный»¹⁸⁴.

Широко используются и обычные гребные лодки и одноместные и двухместные челноки-ветки. Передко против течения лодки затягивают на бичеве, впрягая в нее собак. Основной лов рыбы производится осенью, когда идет «сельдьятка» (ряпушка). Большая часть улова сохраняется в ледниках. Лишь часть рыбы, предназначенную для себя, население вялит — изготавливает юколу. Рыба в низовьях Колымы и Индигирки — основная пища населения, хотя в рацион вошли хлеб, крупы, сахар, чай и другие привозные продукты. Значительная часть улова расходуется на корм ездовым собакам. Обычно в хозяйстве содержится от 5 до 10 собак. На них зимой перевозят топливо, лед, перевозят грузы, но в основном собак используют для поездок на песцовый промысел.

Добывают песка пастями и капканами. Пасты объезжают на собаках. При этом большинство охотников оставляет семьи в поселке. Охотники захватывают с собой месячный или двухнедельный запас продовольствия, корм для собак, иногда и топливо. Живут в небольших поварнях или в палатках. Раз или два раза в месяц охотник навещает семью. Если члены семьи охотника живут на зимке, вокруг которой производится промысел, быт охотника очень облегчается. Стремление приблизиться к промыслу — одна из причин того, что некоторые семьи постоянно живут на зимках.

Песцовый промысел и рыболовство сохранили былое значение, но некоторые стародавние промыслы старожилов исчезли. Так, например, прекратилась охота на диких оленей во время их переправы через реки, так как дикий олень исчез в 1928—1930 гг. Массовая охота на линных гусей запрещена. Весной охотятся на перелетных птиц. В некоторых хозяйствах заготавливают до 200—300 гусей и уток. Любительский характер носит сбор яиц. Их собирают вблизи рыбаков по берегам речушек и озер. Зимой около жилья ставят петли на куроцаток.

За последние годы к традиционным промыслам русских старожилов добавились новые отрасли хозяйства. В начале 1930-х годов колхоз «Новый путь» приобрел молочный скот. В 1957—1958 гг. колымские и индигирские низовские колхозы приобрели голубых песцов. Однако новые отрасли хозяйства оказались менее рентабельны, чем традиционные.

Для повышения доходности хозяйства в 1951—1952 гг. колхозы «Новая жизнь» и «12 лет Октября» решили приобрести в чукотско-авенском колхозе «Турваургина» по 400 голов оленей и заняться оленеводством. В оленеводческие бригады «Турваургина» были направлены на обучение пастухи. В 1951 г. летом нам пришлось видеть этих начинающих оленеводов. Они полагали, что справятся с новым для них делом. Их учителя также считали, что ученики сделают большие успехи. Но все же попытка ввести оленеводство не удалась. Большинство пастухов из русских старожилов не могло приспособиться к постоянной жизни в тундре. Их опыт и знания местности оказались недостаточными для занятия этой специфической отраслью тундрового хозяйства. Оба колхоза вскоре отказались от оленеводства. Вопрос о занятии оленеводством вновь был поставлен в 1956—1957 гг. в связи с ликвидацией дальстроевского оленеводческого совхоза. Правление колхоза «12 лет Октября» решило приобрести оленей, но их выпас поручило бывшим пастухам оленесовхоза — эвенам и юкагирам, согласившимся вступить в этот колхоз. В настоящее время всеми оленьими стадами района ведаёт совхоз «Нижне-Колымский».

Таким образом, старожилы занимаются в основном традиционными отраслями хозяйства — рыболовством и пушной охотой. Изменения в рас-

¹⁸⁴ Описание хозяйства и культуры русских старожилов дано по материалам экспедиций автора на Колыму и Индигирку в 1951, 1952, 1959 и 1962 гг.

селении и хозяйстве сказались на быте русских старожилов. В поселках появились полутиповые срубные дома с двускатной крышей и тамбурами-кладовками. Электричество, радио вошли в быт населения. Изменилось внутреннее убранство дома. Вместо нар-лежанок появились кровати. Камельки-чувалы вытеснены кирпичными голландскими печами и плитами. Полы нередко красят. Занавески, шторы, матерчатые ковры или одеяла на стенах над кроватями есть почти в каждом доме. В повседневное обиход вошла всевозможная покупная посуда, часы, патефоны, швейные машины. меховая одежда — кукашки, гачи — служит теперь в основном промысловым костюмом. В поселках носят преимущественно покупную верхнюю одежду. Белье в прошлом было мало доступным старожилам, теперь оно широко используется. Материальная культура русских старожилов очень изменилась. Исчезли деревянные резные блюда, тарелки, миски, ложки, резные черпаки для рыбы, низкие скамеечки для разделки рыбы — столешницы, высокие рюмкообразные ступы для толчения юколы, светильники-лейки, оконченны из налимьей кожи, заменявшие стекло. Лишь на заимках встречаются резные деревянные флажки-флюгеры (сорочки). Яйцевидные гребные лодки — карбазы — вытеснены утюгообразными неустойчивыми плоскодонными неводными лодками, более легкими на ходу и простыми по устройству. Долбленные и дощатые челиоки, так называемые ветки, вытесняются лодками такой же формы, но с боковинами из листового железа (Индибирка) или фанеры (Колыма). Непромокаемая местная обувь для неводьбы — бродни — теперь заменяется высокими резиновыми сапогами, а штаны и куклянки из ровдуги — брезентовыми рыбацкими костюмами.

Если в поселках быт старожилов приблизился к быту приезжих русских, то на заимках он сохранил некоторые архаичные черты. Летом на заимках живут в юртах-урасах. Как правило, в центре урасы на шестке раскладывают костер. В дыму коптят рыбу, подсушивают юколу. Спят на нарах-лежанках. В юртах используют чувалы и пристроенные к ним железные печи. На заимках можно встретить старинные амбары, ямы-погребя, юкольники.

Быт русских старожилов в целом все же отличается рядом особенностей. Старожилы много времени тратят на уход за собаками, уделяют немало сил добыче топлива. Топят обычно плавником, заготавливая его летом. Много сил занимает зимой вырубка и доставка к дому льда. Его перевозят с реки на собачьих нартах и хранят на помостах. В домах лед таят в котлах или в ведрах. Все эти особенности в значительной мере связаны с климатическими условиями района и спецификой северного хозяйства.

Языковые и культурные особенности русских старожилов быстро исчезают. Почти совершенно разрушились описанные В. Г. Богоразом нижеколымский и походский говоры русских старожилов. Они исчезли в течение нескольких лет. В 1951 г. в селении Походском большинство стариков и женщин средних лет еще говорило с характерными особенностями, присущими этому говору. Автору этой работы не без труда удавалось беседовать с походчанами. Фонетические особенности походского говора крайне затрудняли наши фольклорные записи. При посещении этого села в 1959 г. мы убедились, что даже неграмотные старики и старухи, которые во время первого нашего посещения с трудом принаравливались к нашей речи, почти утратили особенности походского говора. С их помощью не без труда удалось воспроизвести лишь некоторые образцы речи на этом говоре.

Вместе с особенностями говора утрачивается и богатый, весьма архаичный русский фольклор. Сказители, наши информаторы по первой экспедиции, объясняли, что «складу не получается, по-другому стали говорить, поэтому старые песни не поем». Действительно, традиционный фольклор быстро забывается, молодежь его почти не знает.

Переход к общерусскому литературному языку — в значительной степени результат сознательных усилий самих походчан и колымчан. Уже в 1930—1940-х годах молодежь, прошедшая обучение в школе, стала отходить от местного говора, стараясь овладеть литературным языком. Уже тогда под влиянием пришлого населения стало вырабатываться насмешливое отношение к местному говору. Молодежь, руководители местных советов, стали «стесняться» своей самобытной речи. Массовый приток русских рабочих и служащих в низовья Колымы в связи с промышленным освоением прилегающих районов, необходимость общаться с ними заставили и лиц старшего поколения избегать сладкоязычия, местных слов и выражений. Радио, кино, общение с приезжими, распространение грамотности привели к тому, что местный говор стал отступать, а нормы современной русской речи — входить в быт. В настоящее время как в Нижне-Колымске, так и в Походске в языке местных русских старожилов еще есть слабые следы сладкоязычия, широко используются местные слова — термины, связанные с рыболовством, охотой, собаководством. Но это уже не затрудняет общение старожилов с приезжими русскими.

В отличие от колымчан, старшее поколение русско-устыинцев сохранило особенности своего говора. Это объясняется тем, что значительная часть русских старожилов низовий Индигирки большую часть года живет на малоллюдных заимках, крайне обособленно. В разговорной речи молодежи, окончившей семилетнюю школу, и даже среди старшего поколения, живущего постоянно в поселке Полярное, эти особенности проявляются менее отчетливо. Однако и в языке старшего поколения и молодежи прочно удерживаются термины, связанные с названиями местных орудий рыболовства и охоты, собачьей упряжи, нарт и т. д.

Несмотря на стойкость местного говора, фольклорных произведений русско-устыинцы сохранили сравнительно немного. Быстро забываются не только старинные былины, вернее их обрывки, древние песни, но даже предания и рассказы о прошлом, прежде широко распространенные среди русско-устыинцев. Песни из кинофильмов, новые танцевальные мелодии теперь ближе молодежи, чем песни о Паране, о графе Чернышеве и т. д. Все это, в особенности общее повышение культурного уровня и расширение кругозора старожилов, произвело глубокие сдвиги в их национальном самосознании. Как отмечалось выше, русские низовьев Колымы, выделяя себя из среды коренного населения — чукчей, эвенов, юкагиров, якутов, в то же время не отождествляли себя с приезжими русскими, которых называли русаками, русскими, именуя себя колымчанами, походчанами и т. д. Аналогичное явление имело место и в низовьях Индигирки, где старожилы называли себя, в отличие от приезжих, досельными, индигирщиками, русско-устыинцами.

Сейчас эти локальные этнические термины уступают место общему термину — русские. Не только русские старожилы, но и слившиеся с ними обруселые чуванцы, чукчи, якуты бывшего Первого Мятюжского наслега, юкагиры Омотских и Омолонского родов значатся в похозяйственных книгах как русские, и осознают себя русскими. Этот процесс происходит и на Индигирке.

Среди русско-устыинцев, например, растворилось потомство юкагира Дуткина (Туты), упоминаемого В. М. Зензиновым¹⁸⁵. Тута был женат на русской старожилке (вдове). Встреченная нами племянница Туты, Котовщикова Евдокия Гавриловна, так же как и другие его родственники, считает себя русской и в списках значится как русская.

То же произошло и с потомками юкагира Варакина (Омукана). Он жил по средней протоке Индигирки, был женат на крестьянке, умер около 20 лет назад. Варакин был широко известен в низовьях Индигирки. Ему

¹⁸⁵ В. М. Зензинов. Старинные русские люди у Холодного океана. М., 1914, стр. 28.

традиция приписывает наиболее популярную среди русско-устыинцев танцевальную мелодию без слов.

Вплоть до самого недавнего времени бездетные или малодетные семьи русско-устыинцев часто брали на воспитание детей юкагиров, эвенов, чукчей, обычно сирот, и усыновляли их. К своим «вскормленникам» (так обычно именовали русско-устыинцы воспитанников) приемные родители, как правило, относились с трогательным вниманием. Воспитанники обычно не возвращались в среду своих настоящих родителей. Так, например, случилось с А. Д. Лебедевой. Родной отец ее чукча, но воспитывалась она у русских, приобрела и фамилию и отчество своих приемных родителей и живет среди русских.

Нередко имеет место и обратный процесс — уподобление приезжих русских старожилам. Обычно это происходит вследствие браков между приезжими и старожилками. Некоторые приезжие, обосновавшиеся в низовьях Индигирки, органически влились в среду русско-устыинцев. Примером может служить семья Г. И. Костромина. Он — уроженец Челябинска, его жена — Черемкина (отец ее — обруселый якут, мать — из крестьян Портнягинных). Г. К. Костромин обзавелся хозяйством и осел в низовьях Индигирки. Из приезжих глав семей и местных русских старожилков состоят несколько семей в поселках Полярное и Чокурдах.

Смешанные браки — русско-эвенские и русско-якутские — отмечены в низовьях Индигирки, но их сравнительно немного. Напротив, группа русского старожильческого населения низовий Колымы, хотя и растворяется в среде пришлых русских, усиленно пополняется выходцами из местного коренного населения за счет смешанных браков.

Так, например, в Походске имеются чукотско-русские, юкагирско-русские, якутско-русские и эвенско-русские семьи. В смешанных семьях, как правило, преобладает русский язык и дети считают родным языком русский.

Как старожилы, так и обруселое население низовий Колымы и Индигирки отличается от приезжих русских по физическому облику, более близкому к облику коренного населения. Старожилы, знакомые с местными условиями, выделяются и по хозяйственному признаку. Они занимаются собаководством, рыболовством, охотой. Это резко отличает их от приезжих. В местных условиях навыки старожилков высоко ценятся.

В связи со всем этим старожилков нередко выделяют как особую категорию населения. Для обозначения ее появился и особый термин — «местнорусские». Он настолько распространен, что в низовьях Индигирки одно время употреблялся и в официальных документах.

Однако обособленность русских старожилков быстро исчезает. Колымчане и русско-устыинцы сближаются с основной массой приезжих русских. Можно полагать, что под их влиянием с одной стороны, и эвенов, чукчей и якутов с другой, эти небольшие группы старожилков в ближайшее десятилетие утратят свою культурно-бытовую и языковую специфику.

Такие же изменения произошли и в других группах русских старожилков северо-востока Сибири. Поэтому мы приводим лишь материалы, характеризующие общее направление их этнического развития в советский период.

Анадырцы

«По Анадырю, — писал К. Шавров, участник Похозяйственной приполярной переписи 1926—1927 гг., — обитают представители двух родственных племен: чуванцев и юкагиров. Они в сильной степени смешались с другими народностями и обрусели и в настоящее время правильнее называть их особой метисной группой марковцев (по их центральному селению). Часть их выселилась на Пенжину, где и живет в селении Пенжино. Оседлых чуванцев и юкагиров — марковцев и пенжинцев — всего

425 человек»¹⁸⁶. В самом Маркове значилось 30 хозяйств (91 мужчина и 67 женщин), в крепости — 4 хозяйства (12 мужчин, 12 женщин), в Ерополе — 11 хозяйств (32 мужчины, 24 женщины), в Оселкино — 4 хозяйства (14 мужчин, 6 женщин). Кроме того, 228 человек обоего пола проживали за пределами района, в Пенжино. Отсутствуют сведения о потомках членов бывшего гижигинского общества — русских старожилов. В период проведения переписи они жили не только в Маркове и по займам, но и в Анадырском районе, и показаны вместе с приезжими русскими¹⁸⁷. Социалистическое переустройство Чукотки потребовало значительного числа грамотных лиц, знакомых с обстановкой в крае. Марковцы, грамотные в пределах церковно-приходской школы, прекрасные знатоки местности, владевшие нередко разговорным чукотским языком, приняли живейшее участие в хозяйственном и культурном строительстве на полуострове. В связи с этим, значительная часть марковцев с семьями выехала в Анадырь и другие поселки, где сблизилась с пришлым русским населением. В самом Маркове была создана в 1930 г. сельхозартель «Ударник»¹⁸⁸. Колхозу было придано растениеводческое и животноводческое направление, хотя население продолжало заниматься и промысловым хозяйством: речным рыболовством, пушной охотой. Некоторые семьи русских старожилов вошли в товарищество «Новая жизнь» Еропольского сельсовета и другие объединения. В 1951 г. колхоз «Ударник» слился с оленеводческой чукотской артелью «Турваургин». Этот укрупненный колхоз имени Жданова в 1960 г. был преобразован в совхоз «Марковский», куда вошли также оленеводческие чукотские и эвенские артели Чуванского, Еропольского и Ламутского сельсоветов. Основной отраслью хозяйства совхоза стало оленеводство, но совхоз занимается и огородничеством.

Сейчас русские старожилы-марковцы (их в совхозе несколько семей) живут среди численно превосходящего их русского пришлого и чукотского населения. Марковцев по традиции считают чуванцами и юкагирами, как потомков членов чуванского и юкагирского обществ. Большинство марковцев породнилось с пришлыми русскими. Семьи марковцев нам приходилось встречать в Анадыре и других поселках Чукотки¹⁸⁹. Обычно и они значатся в документах чуванцами. Некоторые выходцы из Маркова разводят ездовых собак, занимаются речным рыболовством. Определить общую численность русских старожилов — анадырцев, или марковцев, — затруднительно. Перепись 1959 г. выявила среди чукчей 248 мужчин и 286 женщин с родным русским языком¹⁹⁰. Как известно, чукчи сохраняют родной язык. Очевидно, русскоязычные чукчи — это так называемые чуванцы, потомки марковцев. Чуванцы переписью 1959 г. не выделялись как особая народность. Эта группа растворяется в массе пришлого русского населения Чукотки.

Гижигинцы

По данным похозяйственной переписи 1926—1927 гг. в Пенжинском районе, куда входила Гижига и прилегающие займки, числилось 130 русских хозяйств (368 мужчин и 330 женщин, всего 698 человек), из них 28 находились на службе¹⁹¹. Русские старожилы — гижигинцы — и обруселое население, как отметил посетивший Гижигу в 1925 г. В. К. Арсеньев,

¹⁸⁶ К. Ша в р о в. Этнический состав и естественное движение населения северных окраин Дальневосточного края. — «Итоги переписи северных окраин Дальневосточного края», стр. XLIII.

¹⁸⁷ Там же, стр. 170.

¹⁸⁸ Э. Е. С а л и т р е н и к. Колхозное строительство в Чукотском национальном округе. — «Советская этнография», 1965, № 1, стр. 23.

¹⁸⁹ Материалы северо-восточного отряда Северной экспедиции 1962 г. (архив Института этнографии АН СССР).

¹⁹⁰ «Итоги Всесоюзной переписи 1959 года (РСФСР)», стр. 336.

¹⁹¹ «Похозяйственная перепись...», стр. 114.

называли себя камчадалами, хотя с древними обитателями полуострова они не имели ничего общего¹⁹². По языку, образу жизни и характеру хозяйства к гижигинцам, по данным В. К. Арсеньева примыкали жители поселков Ямск, Иреть, Тохтоямск. Они также в это время именовались камчадалами¹⁹³. В 1926—1927 гг. термин «камчадал» применялся и к оседлому русскоязычному населению в Ольском районе¹⁹⁴. «Под названием „камчадалы“ по Охотскому побережью группируются разные метисы, а иногда тунгусы, изменившиеся под влиянием оседлого образа жизни... Язык для всей группы — неправильный русский, хотя многие говорят потунгусски и якутски», — отмечалось в материалах о перспективах развития хозяйства Ольско-Сеймчанского района на 1931—1935 гг.¹⁹⁵

Фактически гижигинцы и группы обруселых эвенов и коряков Охотского побережья были очень близки по хозяйству и по культуре.

Экономическое положение гижигинцев и обруселых групп в конце 1920-х годов было весьма тяжелым. В материалах В. К. Арсеньева и М. Г. Левина указывалось на плохое питание «камчадалов», систематическое недоедание, родственные браки, вырождение¹⁹⁶.

В 1920—1930 гг. на Охотском побережье и на Камчатке стала быстро развиваться рыбная промышленность. Многие семьи русских старожилов покинули заимки и стали работать на рыбозаводах и в торговых предприятиях, разъехались по новым поселкам Камчатки. В Наяханском сельсовете в 1930 г. была создана смешанная промысловая артель «Север». В 1938 г. она объединяла 23 хозяйства — 87 человек. 17 хозяйств состояло из коренных гижигинцев, так называемых камчадалов. Всего в артели было 68 «камчадалов»¹⁹⁷. Переписью 1939 г. в Северозенском районе было выявлено 80 «камчадалов»¹⁹⁸. Очевидно, большая часть гижигинцев показала себя русскими. По данным учета коренного населения этого района, за 1949 г. здесь всего было 49 «камчадалов»¹⁹⁹. Уменьшение их численности, по-видимому, объясняется не только выездом некоторых семей, но и тяжелой эпидемией. В Северозенском районе свирепствовала эпидемия гриппа, которая в 1940/41 г. унесла много жизней.

В 1950 г. наяханский колхоз «Север» объединился с укрупненным эвенским колхозом «Путь Ленина». После этого русские старожилы Верещагины, Падерины и Нифантьевы переселились на центральную усадьбу колхоза «Путь Ленина» в Верхнюю Гарманду. В Наяхане осталось около 15 трудоспособных. В 1956 г. в колхозе «Путь Ленина» было 12 «камчадалских» хозяйств (в том числе 5 одиночек), 2 русско-«камчадалских» и 1 украинско-«камчадалское». Всего в Гармандинском сельсовете было 44 «камчадала»²⁰⁰. Это наиболее крупная группа гижигинцев. Некоторые семьи гижигинцев содержат ездовых собак, занимаются рыболовством, пушной охотой, некоторые выходцы из гижигинского общества проживают в районном центре — поселке Эвенск, в поселке Чайбуха и др. Семьи гижигинцев нам приходилось встречать в Магадане, в Панжинском, Олюторском и Тигильском районах Камчатской области. Фактически группа гижигинцев в значительной степени утратила свои особенности и постепенно сливается с пришлыми русскими.

¹⁹² В. К. Арсеньев. Гижигинский промысловый район. — «Экономическая жизнь Дальнего Востока», 1925, № 5, стр. 33.

¹⁹³ В. К. Арсеньев. Указ. соч., стр. 35—36.

¹⁹⁴ Архив Института этнографии АН СССР. Материалы М. Г. Левина об охотских эвенах.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ В. К. Арсеньев. Указ. соч., стр. 36—37.

¹⁹⁷ Проект землеустройства Северозенского района. Охотско-колымская землеустроительная экспедиция Хабаровского краевого земельного управления, 1937—1939 гг. Материалы Северозенской сельскохозяйственной инспекции.

¹⁹⁸ Магаданский областной архив, ф. Дальстроя, д. 1, л. 70.

¹⁹⁹ Там же, д. 87.

²⁰⁰ Материалы этнографической поездки автора в Северозенский район в 1956 г.

С этой точки зрения интересна судьба так называемых пенжинцев, занимавших, как уже отмечалось, промежуточное положение между гижи-гинцами и анадырцами.

Накануне коллективизации, по словам наших информаторов, уроженцев села Пенжино, в нем было около 30 хозяйств²⁰¹. Здесь жили Собинины, Подымахины, Дьячковы, Созыкины, Соболюковы, Ермачковы, Кобелевы, Сновидовы и др., занимавшиеся рыболовством, охотой и извозом. В 1932—1934 гг. пенжинцы приняли деятельное участие в строительстве Корякской (Пенжинской) культбазы. В Пенжине было создано товарищество «Север». Вскоре его центр был перемещен на устье реки Оклан, а затем в Каменское. Часть пенжинцев при этом выехала в Марково. В 1941 г. пенжинцы очень пострадали от эпидемии гриппа.

В связи с выходом из артели нескольких семей, главы которых перешли на работу в районные организации, артель резко уменьшилась. В 1942/43 г. оставшиеся 7 хозяйств решили влиться в эвенкийский колхоз «Новый путь» (поселок Оклан), но при этом 3 семьи выехали в верховья Оклана и вошли в колхоз «Полярная звезда» (поселок Аянка). Небольшая группа русских старожиллов пенжинцев фактически распалась в течение одного десятилетия. В 1956 г. несколько семей пенжинцев проживало в Каменском. Члены этих семей работали сторожами, каюрами, дровозаготовителями, уборщиками. Все они продолжали заниматься промысловым хозяйством — рыбачили, содержали ездовых собак, женщины обрабатывали шкуры, шили меховую одежду и обувь.

Часть пенжинцев этого поселка смешалась с пришедшим русским населением, осевшим в Пенжинском районе. В Аянке были и браки с эвенками²⁰². Пенжинцы осознают себя русскими, но обычно подчеркивают свою давнюю связь с Севером, иногда называют себя «камчадалами».

Почти слились с пришедшим русским населением и камчадалы. Обследование поселков долины реки Камчатки показало, что наплыв новых русских переселенцев в последние десятилетия привел к тому, что пятна русского старожильческого населения на карте Камчатской области оказались чрезвычайно размытыми. Старожилы, стянувшиеся в сравнительно крупные поселки, сблизилась путем браков с пришедшим населением и утратили в значительной степени свои культурные особенности²⁰³.

Таким образом, на всем северо-востоке Сибири происходит сближение и слияние обособленных в прошлом групп русских старожиллов с пришедшим русским населением.

* * *

В советский период в жизни народов северо-востока Сибири произошли большие прогрессивные изменения. Проведение целого ряда социально-экономических мероприятий способствовало общему подъему экономики и культуры коренного населения. Здесь развернулось большое национально-государственное строительство — возникли национальные округа. В связи с коллективизацией значительная часть кочевого населения перешла к оседлому образу жизни. Возникло множество постоянных поселений — центральных усадеб колхозов и совхозов. Началось промышленное и транспортное освоение северо-востока. Это привлекло сюда население из центральных районов РСФСР. За советский период пришлое население значительно превзошло по численности коренное. Многообразные этниче-

²⁰¹ Материалы Корякского этнографического отряда Северной экспедиции 1956/57 г. Института этнографии АН СССР (архив Института этнографии АН СССР).

²⁰² К. Г. Кузakov. Хозяйство, культура и быт колхозников Аянки. — «Современное хозяйство, культура и быт малых народов Севера», М., 1960, стр. 200—201.

²⁰³ И. С. Гурвич. Русские старожилы долины реки Камчатки. — «Советская этнография», 1963, № 3, стр. 31—41.

ские изменения на северо-востоке, вызванные этими социальными сдвигами, могут быть сведены к ряду основных направлений.

Упразднение старых административных единиц, разделявших сблизившиеся между собой этнические группы, привело к завершению процессов этнического слияния, имевших место еще до революции. Обруселые колымские юкагиры окончательно слились с русскими старожилами, обьякугившиеся потомки эвенов слились с верхнеколымскими юкагирами, а обьякутившиеся потомки эвенков в низовьях Лены и потомки якутов-скотоводов — в одну этническую группу якутов-оленьеводов.

Почти закончился длительный процесс ассимиляции ительменов русскими. Напротив, в силу больших хозяйственных мероприятий, проведенных на Чукотке, и сближения берегового хозяйственного комплекса с тундровым материком произошло рассеивание азиатских эскимосов по береговым поселкам от Уэлена до залива Креста и усилилось слияние их с чукчами.

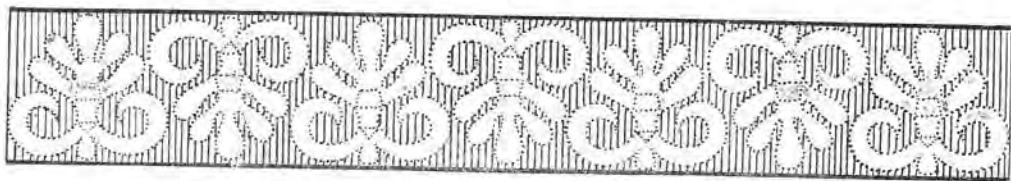
В некоторых местах произошла консолидация, территориальное сличение мелких одноязычных, близких по культуре и направлению хозяйства обособленных групп одной народности в более крупные этнографические образования. В различных районах Якутии произошла концентрация эвенов, образовались стойкие локальные объединения, например селеняхское, нижнеиндигирское, саккырырское и другие. В Корякском национальном округе произошла консолидация некоторых разрозненных групп береговых коряков.

Сближение разноразличных обособленных в прошлом этнических групп происходит в местах смешанного расселения, что сопровождается широким распространением смешанных браков, двуязычия и многоязычия, интенсивным обменом культурными ценностями, выработанными разными этнографическими подразделениями. Такие явления отмечаются в Нижне-Колымском, Алтайховском, Верхне-Колымском районах Якутской АССР, в Пенжинском и Олюторском районах Корякского национального округа, в Анадырском районе Чукотского национального округа.

Интенсивно протекает процесс слияния изолированных в прошлом этнографических групп с большими социалистическими нациями, т. е. процесс национальной консолидации. Северные якуты, занятые промысловым хозяйством, сблизившись с основной массой якутского народа, отдельные малочисленные группы эвенов обьякутились, утратили свой язык и частично национальное самосознание. Обособленные группы русских старожилов (анадырцы, камчадалы, колымчане, индигирцы) быстро сливаются с приплым русским населением и утрачивают самобытность.

Одновременно идет общее всестороннее сближение всех этнических групп северо-востока Сибири с русской культурой, восприятие русского языка.

Изменения в расселении народов северо-востока Сибири, произошедшие за последние 40 лет, показаны на карте, составленной по данным переписи 1959 г. (см. «Приложения», стр. 269).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обзор трехвековой истории этнического развития народов и этнических групп северо-востока Сибири позволяет сделать ряд общих выводов.

На протяжении исследуемого периода таежные и тундровые пространства северо-востока были ареной больших этнических перемещений. Включение этой территории в состав Русского государства не только ускорило здесь поступательный ход истории, но и радикально изменило всю жизнь коренного населения, что способствовало ускорению и усложнению этнических процессов. За триста лет резко изменился этнический состав населения северо-востока и значительно усложнилась этнографическая карта этой обширной области. По русским документальным материалам XVII—XIX вв. можно проследить, как одни народы и этнические группы (юкагиры, ительмены, северо-западные тунгусы) раздробились, уменьшились в численности, сузилась территория их обитания. Напротив, другие (чукчи) увеличились в численности, расширили за счет соседей свою территорию; возникли и этнические новообразования (северные якуты, северные группы русских старожилов).

Изучение изменений в расселении и численности народов и этнических групп северо-востока Сибири между серединой XVII и XX в. и причин этих изменений показывает не только сложность, но и противоречивость хода этнической истории этой области. Серия приведенных в «Приложении» сопоставимых картосхем расселения и итоговая диаграмма суммируют результаты исследования этого процесса.

Как видно из диаграммы, общая численность коренного населения на территории северо-востока Сибири на протяжении 250 лет, до периода социалистических преобразований, колебалась от 45 тыс. человек до 52 тыс. человек и в целом не опускалась ниже 33 тыс. человек. В отличие от своих южных соседей — якутов, бурят, тунгусов-скотоводов, резко увеличившихся в численности за это время, коренное население северо-востока Сибири численно не возросло. Это не случайно. В хозяйстве этих народов не произошло коренных прогрессивных сдвигов (переход к земледелию). Естественно-географические условия северо-востока препятствуют развитию здесь сельского хозяйства. На протяжении XVII — начала XX в. благосостояние коренного населения северо-востока основывалось исключительно на присваивающих отраслях производства — охоте, рыболовстве, оленеводстве, морском зверобойном промысле. За счет природных ресурсов этого района при низком уровне развития техники могло существовать определенное, очень небольшое население. Но вследствие колониальной политики царизма, опустошительных эпидемий численность населения северо-востока не достигала обычно даже этого «естественного» предела. При известной стабильности общей численности коренного населения в границах рассмат-

риваемой области судьбы отдельных народов и даже отдельных групп одного народа были весьма различны.

Установление конкретного пути развития этнических групп — главный результат настоящей работы.

Изучение этнической истории юкагиров показало, что это был некогда крупный (по масштабам северной Сибири XVII в.) народ, но в силу ряда неблагоприятных обстоятельств некоторые юкагирские роды уже в XVII в. резко уменьшились в численности. Местная русская администрация заменила выбывших юкагиров, ясачных плательщиков, переселенцами, главным образом эвенками. Массовое проникновение в юкагирские районы эвенов, якутов, русских и чукчей привело к тому, что юкагиры постепенно сблизились с пришельцами и частично растворились в их среде. Современные юкагиры представляют собой этнический конгломерат, состоящий из потомков эвенов, якутов, эвенков, русских, в котором первоначальный, собственно юкагирский, этнический субстрат занимает весьма скромное место. Неудивительно, что от самобытной юкагирской культуры современные юкагиры сохранили лишь язык и частично фольклор. Таким образом, между этническими группами юкагиров конца XIX в. и середины XVII в. фактически отсутствует прямое соответствие; преемственность сводится главным образом к языку и субъективному фактору — этническому самосознанию.

Не менее сложна и интересна история возникновения этнической группы северных якутов-оленьеводов. Ядро этого этнического новообразования — переселенцы-якуты — ассимилировали остатки эвенкийских родов северо-запада Якутии и восприняли их хозяйство. Однако не следует упрощенно понимать этот процесс. На протяжении XVIII—XIX вв. северо-запад Якутии пополнялся как новыми переселенцами-якутами, так и пришельцами из обьякученных эвенков. В группу северных якутов влились и местные русские старожилы. Все эти этнические элементы внесли вклад в культуру этого новообразования. Формирование якутов-оленьеводов, так же как и северо-восточной группы якутов-скотоводов, сопровождалось широким распространением якутского языка. В целом сложение этих своеобразных этнических групп — многосторонний процесс; с одной стороны, он определялся общим преобразованием древних северных этнических общностей в новые, с другой — расширением территории обитания якутов и дальнейшим формированием новых этнографических групп якутского народа.

Показательно и образование на северо-востоке сравнительно крупных групп русских старожилов. Появление их — результат главным образом вольной промысловой колонизации, в меньшей мере — административных мероприятий царизма по упрочению своего положения на северо-востоке Сибири. В природно-климатических условиях Севера русские старожилы восприняли и в известной степени усовершенствовали традиционное хозяйство коренного населения, сблизились с ним, но в большинстве случаев сохранили свой язык и свою самобытную культуру. Русские старожилы оказали огромное влияние на окружающие народы и постепенно включили в свою среду не только отдельных лиц, но целые семьи и группы юкагиров, ительменов, якутов, оседлых эвенов и коряков. В то же время малочисленные группы русских старожилов в ряде случаев утеряли свой язык и влились в состав якутов. В целом образование особых этнографических групп русских старожилов северо-востока — результат сложных длительных взаимовлияний и сближения русских переселенцев с коренным населением.

Более обособленно, за счет внутреннего преобразования родо-племенных подразделений и смешения с соседями в контактных зонах и на этнических рубежах, шло развитие основной массы эвенов. Особенности их традиционного хозяйства — сочетание охоты с содержанием крупных стад

домашних оленей — позволили им в XVIII—XIX вв. значительно расширить свою этническую территорию за счет ослабевших и уменьшившихся в численности соседей — юкагиров и коряков.

Этническое развитие северо-восточных палеоазиатов отличалось большим своеобразием. Соотношение сил на крайнем северо-востоке в XVIII в. ускорило сплочение чукотского народа и поглощение им части азиатских эскимосов. Это повлекло за собой интенсивное расширение чукотской территории за счет территорий юкагиров и коряков. Напротив, наиболее многочисленная группа палеоазиатов — ительмены — в связи с рядом крайне неблагоприятных обстоятельств не только резко уменьшилась в численности, но в значительной степени утратили свою самобытную культуру и в большей части слились с русскими.

За три столетия из всех коренных народов северо-востока Сибири только оленеводы чукчи и эвены увеличились в численности и расширили свою территорию. Это явление не случайно. Мирные отношения, элементарный государственный порядок, установившиеся на северо-востоке после включения его в состав Русского государства, позволили этим народам развить в широких масштабах оленеводство, наиболее прогрессивную отрасль северного промыслового хозяйства.

Исследование судеб народов и этнических групп северо-востока Сибири показывает, что на их этническую историю решающее влияние оказали не столько внутренние факторы — развитие исконных отраслей хозяйства, естественный рост населения, передвижки, связанные с характером северных промыслов, сколько внешние обстоятельства — природные, с одной стороны (эпидемии, голодовки, эпизоотии, изменения в промысловой фауне), и политические, с другой — междоусобные столкновения, включение в состав Русского феодального государства, колониальные условия существования, административная практика и т. д.

Очевидно, малочисленные, расселенные по большой территории этнографические группы, представляющие собой относительно обособленные промысловые охотничьи коллективы и оленеводческие стойбищные объединения, типичные для патриархально-общинного строя, были более зависимыми от неблагоприятных внешних влияний, чем большие этнические массы земледельцев и скотоводов. Установление этого положения нам представляется особенно важным для понимания характера этнического развития в эпоху от позднего неолита до раннего железного века. Однако процессы, происходившие на северо-востоке в прошлом, имеют прямое отношение и к современности, показывая, что интенсивность смешения обособленных народов и этнических групп значительно ускоряется с общим развитием экономики и общественных отношений. Многообразные этнические изменения на северо-востоке Сибири — массовые миграции, постепенное преодоление родо-племенных барьеров, хозяйственно-культурное сближение разных этнических групп, перемешивание населения в контактных зонах вызвали преобразования этнографических общностей XVII в., однако не привели к сложению на северо-востоке народов в современном понимании этого термина. К концу XIX — началу XX в. этот процесс был еще далек от завершения. Сказывалась внутренняя раздробленность. В локальных подразделениях больших этнических групп преобладало родо-племенное самосознание. Лишь некоторые группы, например, чукчи, были близки к народности.

Замедленность сложения народностей на северо-востоке объясняется малочисленностью, крайне низкой плотностью, разбросанностью населения по огромной территории, общей вялостью исторического процесса, протекавшего на окраине эйкумены.

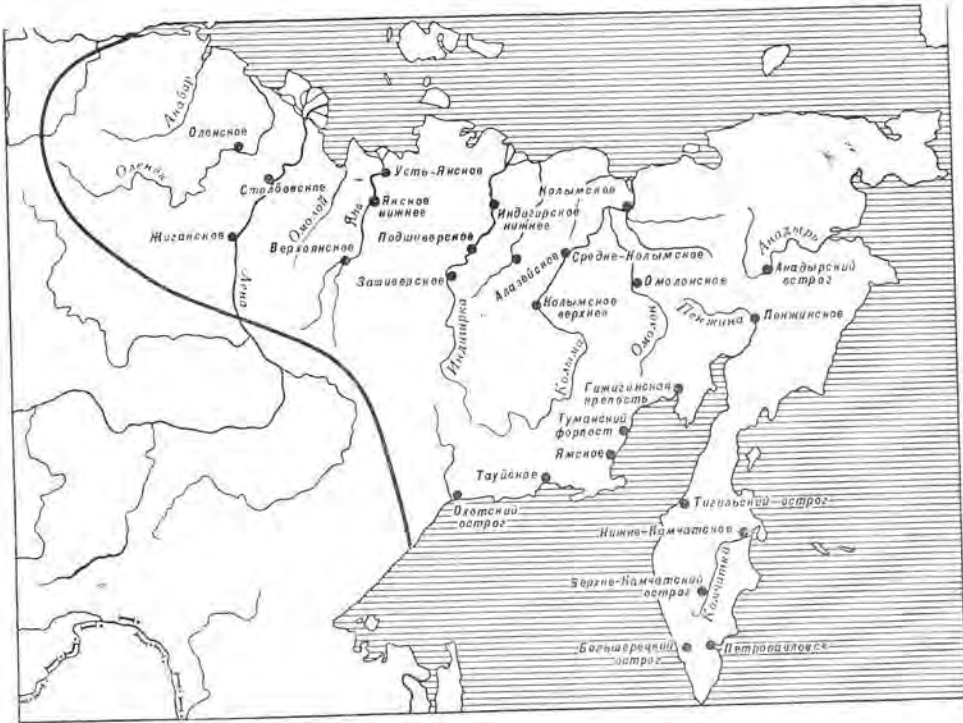
Октябрьская социалистическая революция, коренная реконструкция хозяйства и быта, переход значительной части кочевников на оседлость, подъем культуры ускорили этническое развитие населения Севера. В ряде

районов северо-востока Сибири завершились процессы этнического слияния, усилилось на основе современной экономики сближение обособленных в прошлом этнических групп, широко распространились двуязычие и многоязычие. Интенсифицировалась консолидация народностей — территориальное сплочивание мелких одноязычных близких по культуре и направлению хозяйства обособленных локальных подразделений больших этнических групп. Однако ведущей линией развития в новых условиях стало не формирование мелких народностей, а сближение и слияние изолированных в прошлом этнических групп с большими социалистическими нациями — русской и якутской, т. е. процесс национальной консолидации. Прогрессивность всестороннего сближения этнических групп северо-востока Сибири с русской культурой, приобщения к социалистическому строительству, восприятия современных достижений техники несомненна.

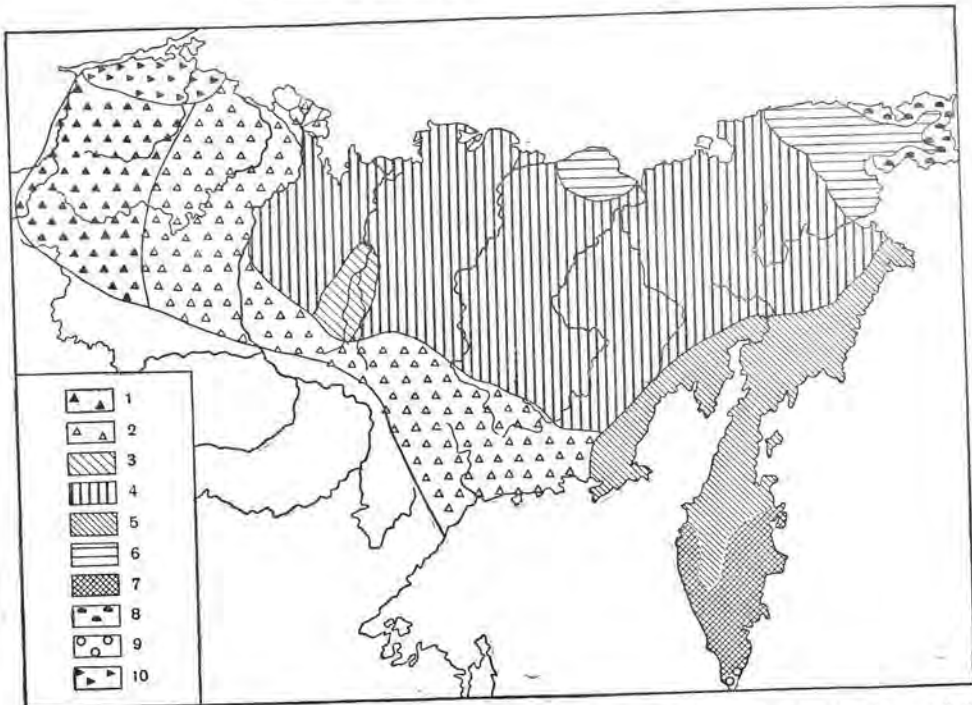
Изучение и учет этнических процессов, интенсивно протекающих в настоящее время на северо-востоке, имеют большое теоретическое значение не только для понимания путей национального развития малых обособленных, в прошлом отсталых этнографических групп, но и для практики коммунистического строительства.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААН — Архив Академии наук СССР (Ленинград)
ВГО — Всесоюзное географическое общество
ГИМ — Государственный Исторический музей
ДАИ — «Дополнения к актам историческим»
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР
ПСИ — «Памятники сибирской истории XVIII века»
РГО — Российское географическое общество
ЦГА ВМФ — Центральный государственный архив военно-морского флота (Ленинград)
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва)
ЦГАДВ — Центральный государственный архив Дальнего Востока (Томск)
ЦГА ЯАССР — Центральный государственный архив Якутской АССР
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (Ленинград)
ЯФ СО АН СССР — Якутский филиал Сибирского отделения Академии наук СССР

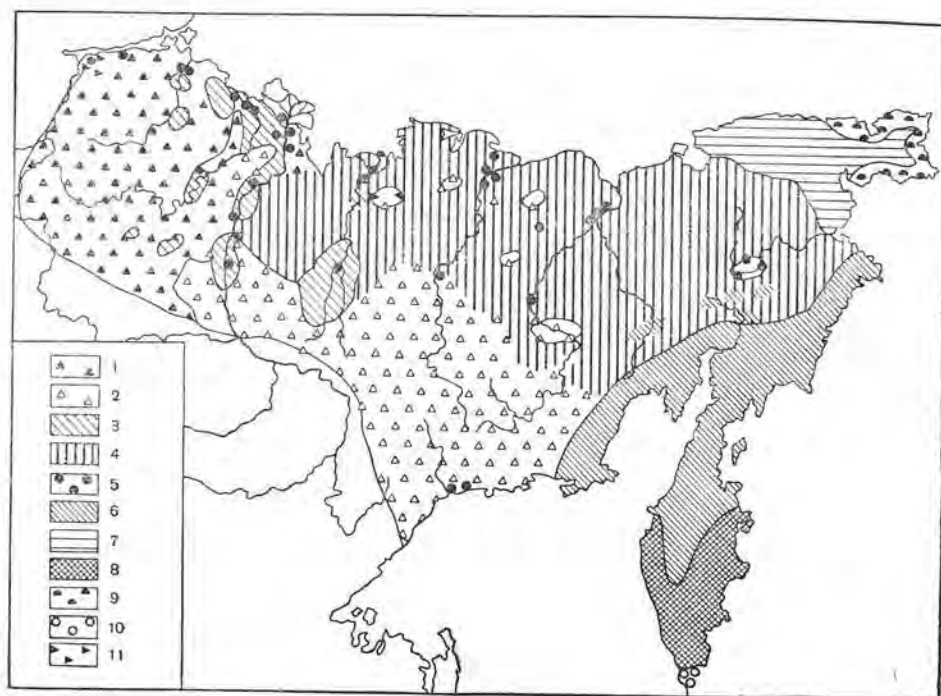

Зимовья и остроги северо-востока Сибири

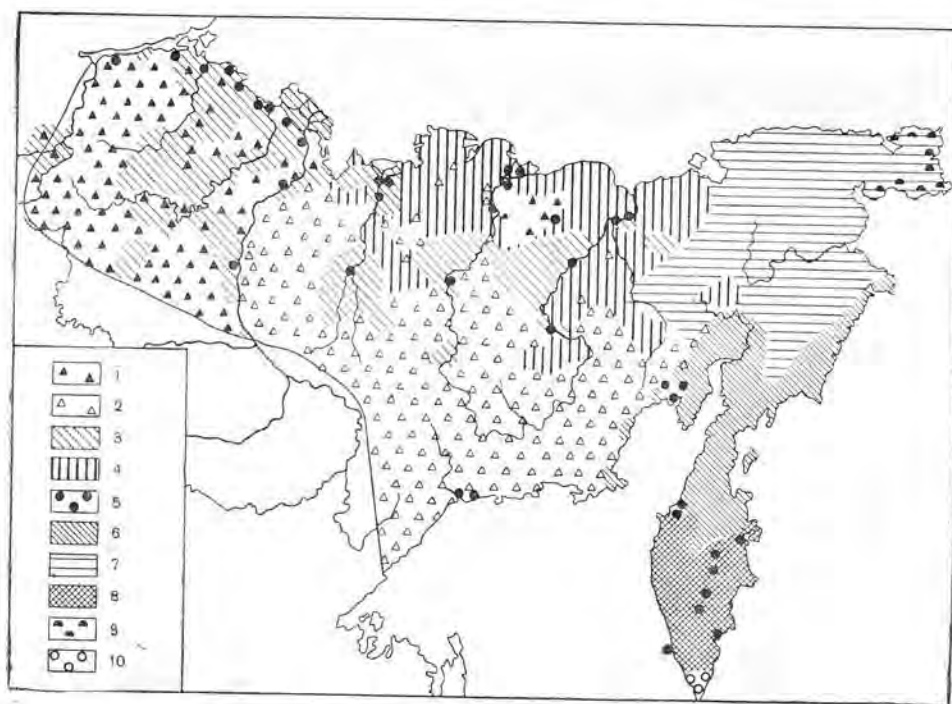

Расселение народов северо-востока Сибири в середине XVII в. (по Б. О. Долгих) *:
 1 — эвенки (тунгусы); 2 — эвены (ламуты); 3 — якуты; 4 — юкагиры; 5 — коряки; 6 — чукчи;
 7 — ительмены (камчадалы); 8 — эскимосы; 9 — айны; 10 — тавгийцы

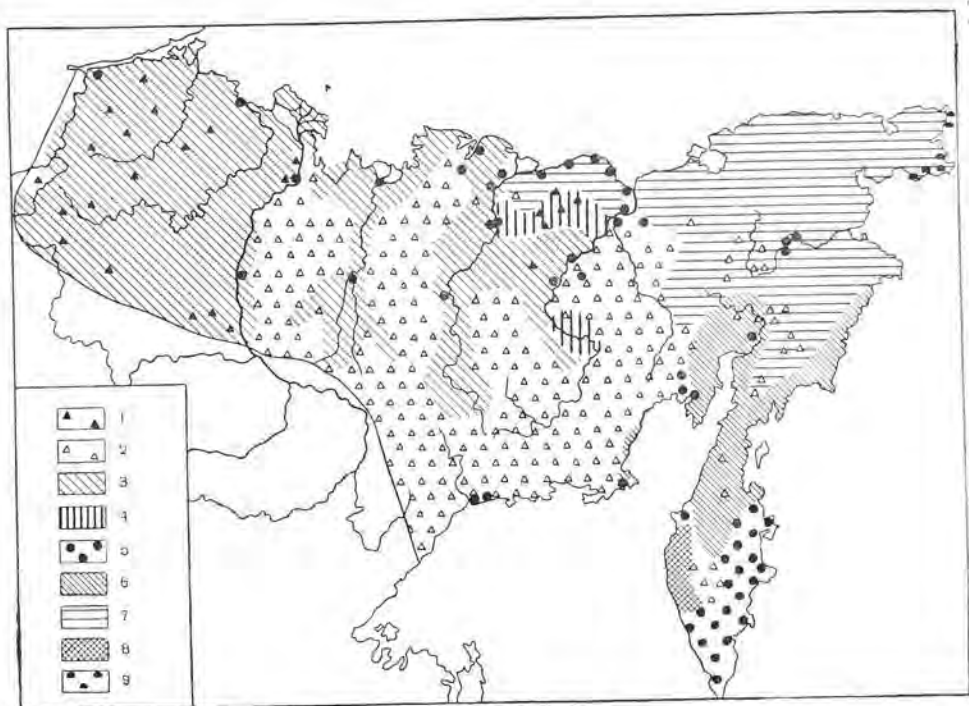
* При пользовании картами следует учитывать, что в районах смешанного проживания контуры расселения народов перекрываются.

Расселение народов северо-востока Сибири в конце XVII в. (по архивным данным):
 1 — эвенки (тунгусы); 2 — эвены (ламуты); 3 — якуты; 4 — юкагиры; 5 — русские; 6 — коряки,
 7 — чукчи; 8 — ительмены (камчадалы); 9 — эскимосы; 10 — айны; 11 — тавгильцы

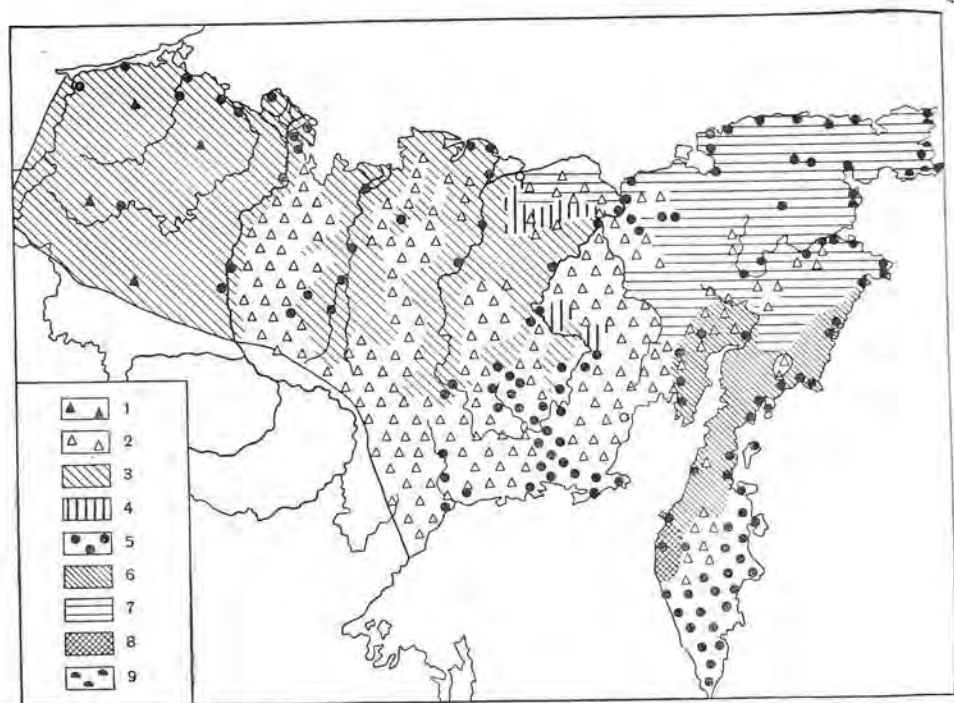

Расселение народов северо-востока Сибири в конце XVIII в. (по архивным данным):
 1 — эвенки (тунгусы); 2 — эвены (ламуты); 3 — якуты; 4 — юкагиры; 5 — русские; 6 — коряки;
 7 — чукчи; 8 — ительмены (камчадалы); 9 — эскимосы; 10 — айны

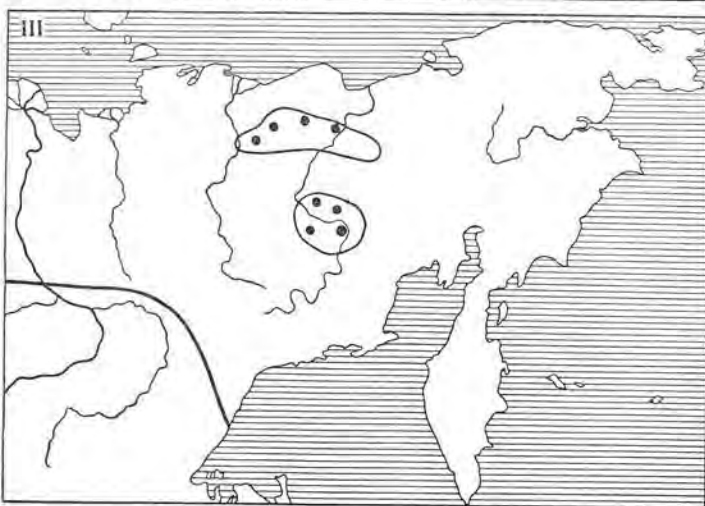
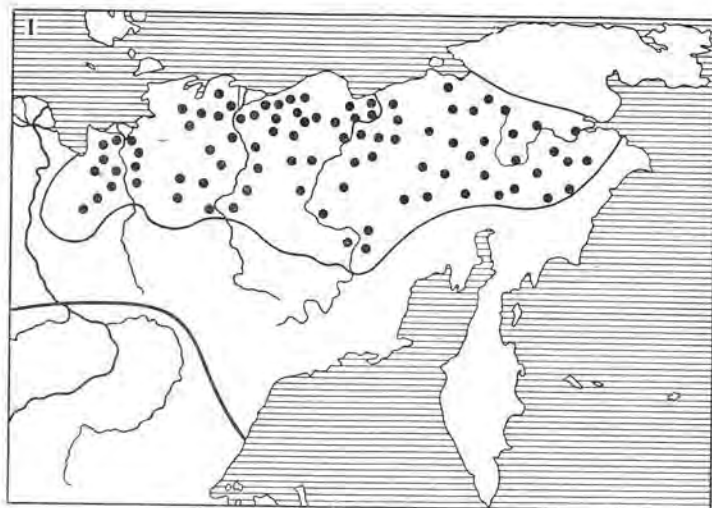
Расселение народов северо-востока Сибири в конце XIX в. (по данным переписи 1897 г.):

1 — эвенки (тунгусы); 2 — эвены (ламуты); 3 — якуты; 4 — юкагиры; 5 — русские; 6 — коряки;
7 — чукчи; 8 — ительмены; 9 — эскимосы

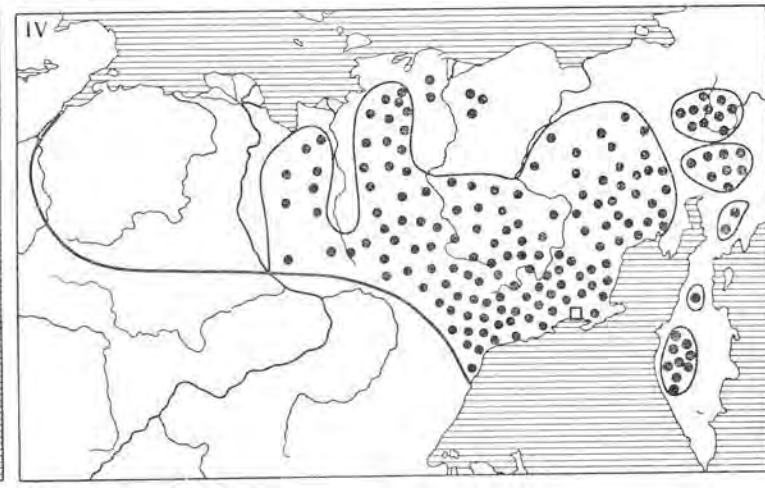
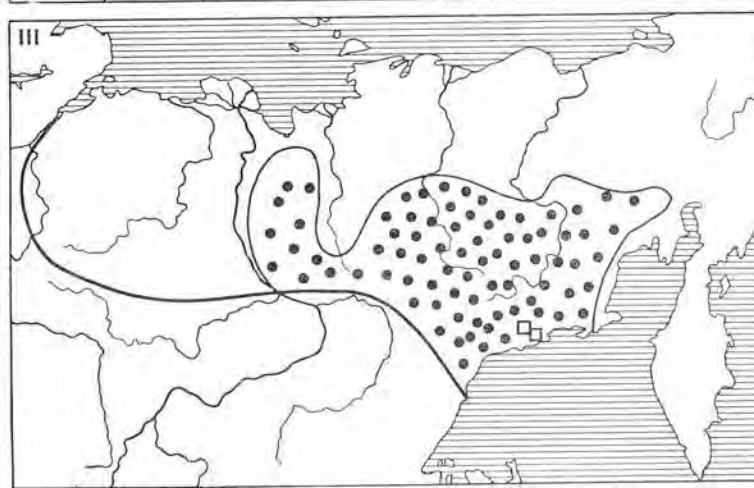
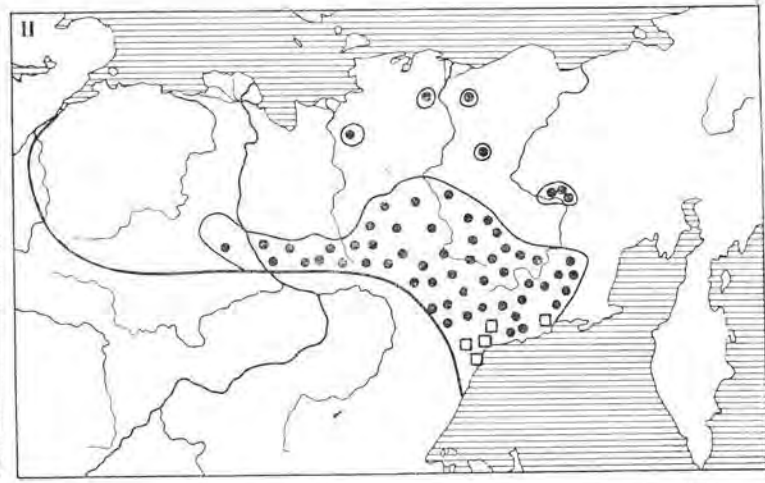
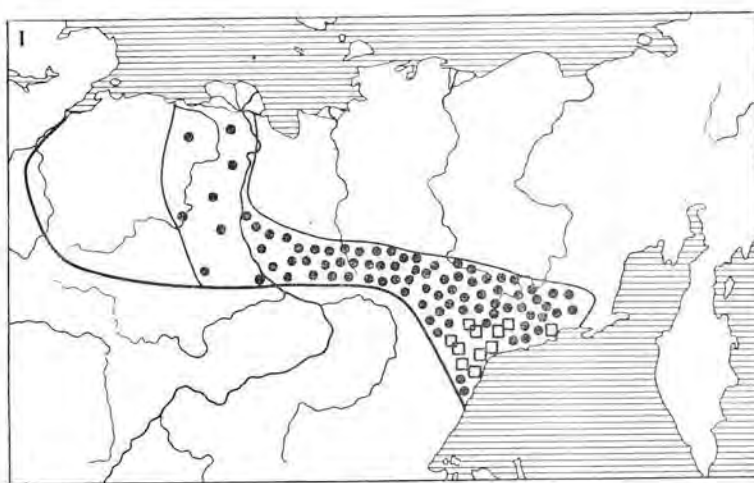
Расселение народов северо-востока Сибири по данным переписи 1959 г.

1 — эвенки (тунгусы); 2 — эвены (ламуты); 3 — якуты; 4 — юкагиры; 5 — русские; 6 — коряки;
7 — чукчи; 8 — ительмены (намчадалы); 9 — эскимосы

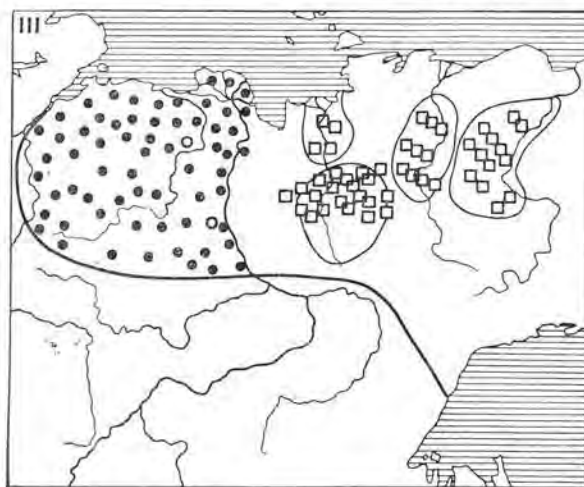
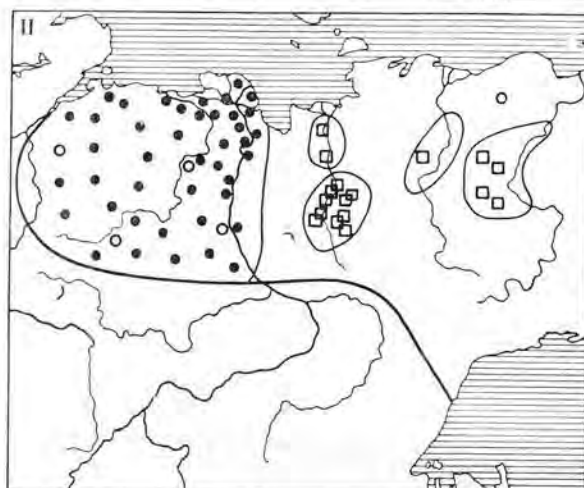
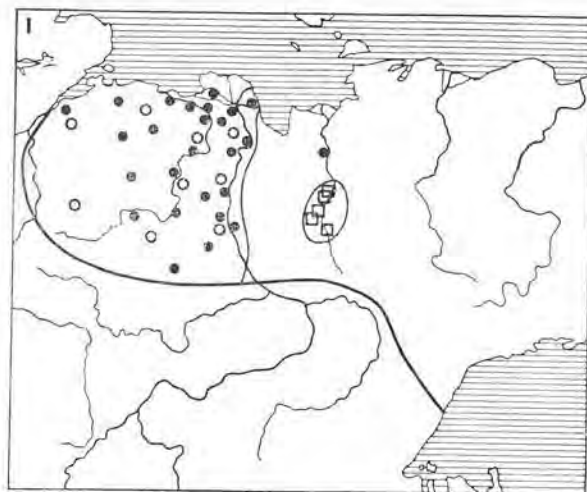
Изменения в расселении юкагиров:

I — середина XVII в.; II — конец XVIII в.; III — конец XIX в.
 — граница расселения; ● — группа около 50 человек

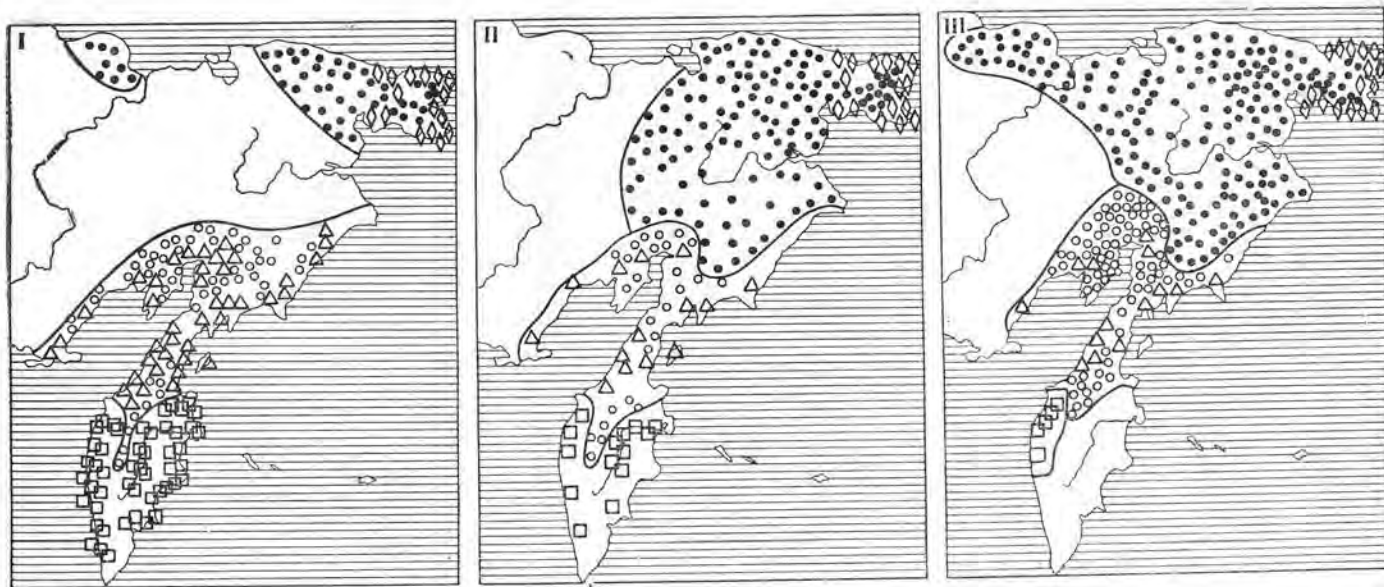

Изменения в расселении эвенков:

I — середина XVII в. (оленных — 4300, пеших — 2700, всего 7000 человек); *II* — конец XVII в. (оленных — 2900, пеших — 1100, всего 4000 человек); *III* — XVIII в. (охотских — 3100, в том числе пеших 400, якутских 1200, всего 4300 человек); *IV* — XIX в. (якутских — 3220, охотских оленных 3560, оседлых — 200, гижи-гинских — 1800, анадырских — 640, петропавловских — 460, всего 9880 человек) — граница расселения; ● — группа около 50 человек; □ — группа около 250 человек

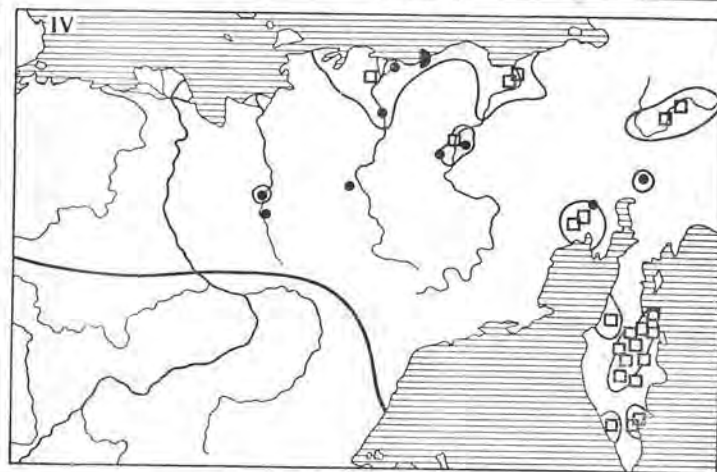
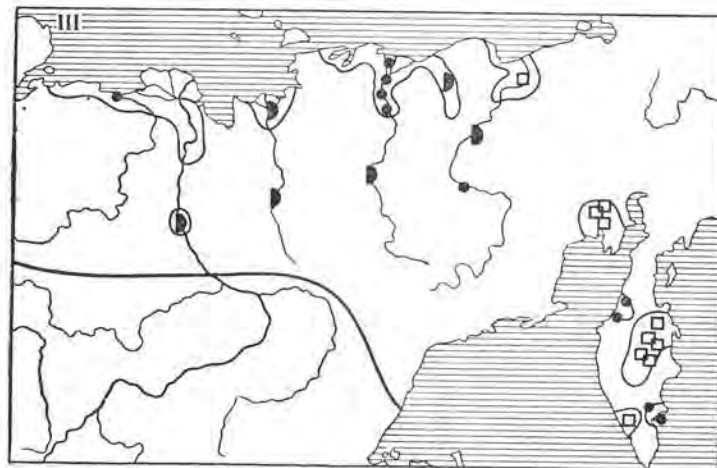
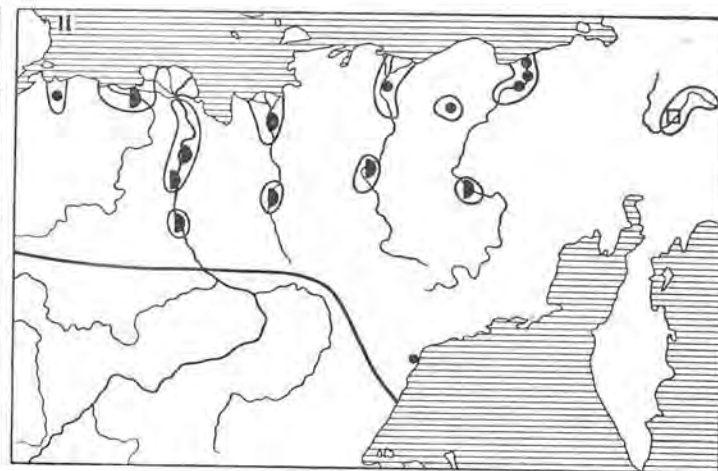
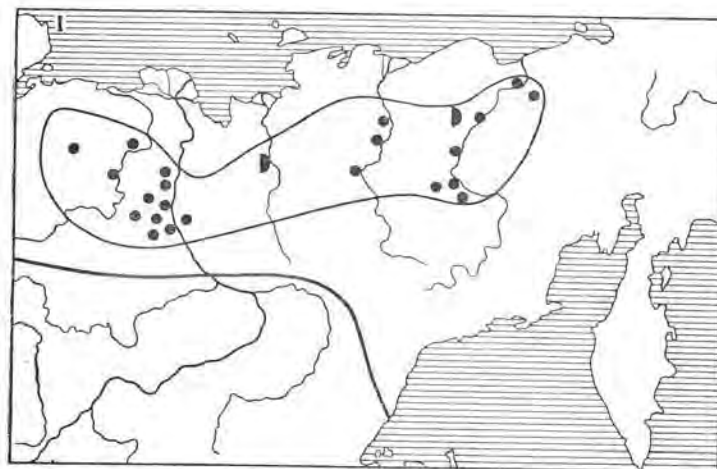
Изменения в расселении эвенков (тунгусов) и северных якутов:
 I — конец XVII в. (тунгусов — 450, якутов — 1250, верховяных якутов — 1200 человек); II — XVIII в. (тунгусов — 200, бетильцев — 50, якутов-оленьеводов жиганских — 2100, усть-янских — 400, индигирских 300, колымских — 1000, верховяных — 2500 человек); III — XIX в. (якутов оленных Виллоиского округа 1700, Жиганского округа — 1500; усть-янских — 1190, индигирских 2360, колымских — 3125; верховяных — 5200 человек)
 — граница расселения; ● — группа около 50 человек якутов; ○ — группа около 50 человек тунгусов; ■ — группа около 250 человек якутов

Изменения в расселении северо-восточных палеосириков:

I — середина XVII в. (чукчей колымских — 400, чукчей оленных — 2000, береговых чукчей и эскимосов — 4000, в том числе узленцев — 1500, нэков — 600, айванов — 1400, вутенцев — 500; ительменов — 12380, в том числе камчадалов — 6900, авачинцев — 1020, большебередных — 1600, западных — 2200, кулес — 540; коряков оленных — 2740, в том числе гижигинцев — 700, иретинцев — 200, тайгоносцев — 300, пенкинских — 900, камчатских — 400, апукских — 240; коряков пеших — 10250, в том числе ямских — 450, туманских — 400, гижигинских — 400, итканских, камчатских и паропольских — 2600, паланских — 1500, тигильских — 1000, укинских — 1200, хатырских — 600, олоторских — 1300, апукских — 800 человек); *II* — XVIII в. (чукчей оленных — 6000, чукчей оседлых и эскимосов — 4000, ительменов — 1250, коряков оленных — 4670, в том числе тигильцев — 150, паланцев — 650, укинцев — 500, олоторцев — 740, итканцев, паренцев и камчатцев — 630, оленных — 1280, гижигинцев и инов — 720 человек); *III* — XIX в. (чукчей оленных — 8500, чукчей оседлых и эскимосов — 4000, ительменов — 1250, коряков оленных — 3748, в том числе петропавловских — 1284, гижигинских — 2389, анадырских 75; коряков оседлых — 3614, в том числе кереков — 100, олоторцев — 1020, укинцев — 300, паланцев — 968, пенкинцев и гижигинцев — 1000, туманцев и ямцев — 226 человек)

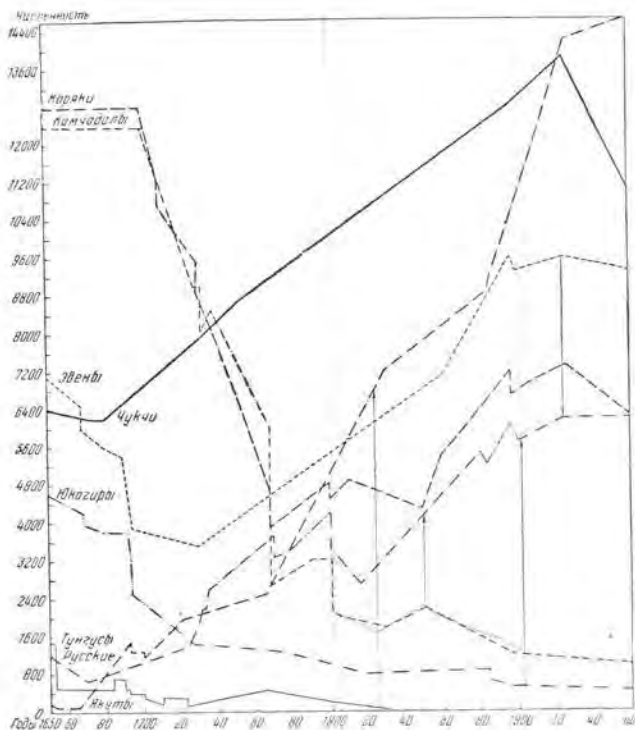
— граница расселения; ● — группа около 50 человек чукчей; ○ — группа около 50 человек коряков; △ — группа около 250 человек коряков; □ — группа около 250 человек ительменов; ◇ — группа около 250 человек чукчей и эскимосов

Изменения в расселении русских старожилов:

I — 1640 — 1650-е годы (на Оленеке — 150, в Жиганске — 450, на Яне — 25, на Индигирке — 150, на Колыме — 400, на Алазее — 20, всего — 1195 человек); II — конец XVII в. (на Оленеке и в низовьях Лены — 75, на Яне — 60, на Индигирке — 70, на Колыме — 180; на Алазее — 40, на Анадыре — 250, в Охотске — 50, всего — 725 человек); III — конец XVIII в. (на Оленеке — 50, на Индигирке и Яне — 250, на Алазее — 30, на Колыме — 320, на Камчатке — 1700, в том числе в Тигиле — 100, в Большерецке — 300, в Петропавловске — 100, в долине реки Камчатки — 1200; в Гижигинске — 700, всего 3050 человек); IV — XIX в. (в верхоянском мещанском обществе на Индигирке — 350, в Верхоянске и Эльзетском улусе — 180, в нижне-колымском обществе — 440, в Средне-Колымске и Средне-Колымском улусе — 437, Анадыре — 480, гижигинцев — 620, на Камчатке — 3600, в том числе авачинцев — 450, большерецких — 300, тигильцев 250, в долине реки Камчатки — 2600, всего 6100 человек)

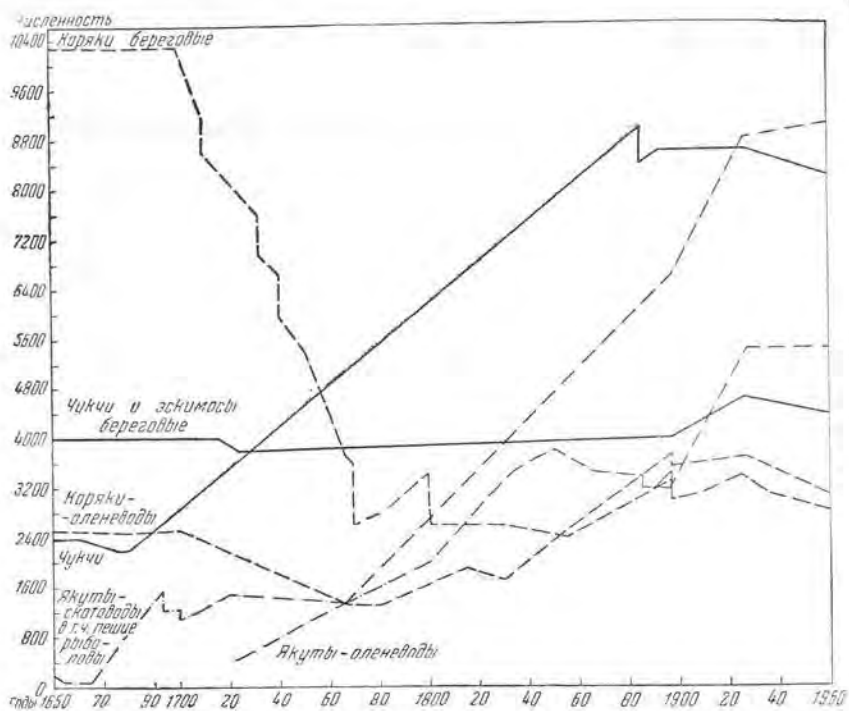
— граница расселения;
● — группа около 50 человек;
○ — группа около 25 человек;
□ — группа около 250 человек

Изменение численности народов Севера между 1650—1960 гг.

(в численность чукчей включены эскимосы)

Стрелками указаны направления сближения этнических групп

Соотношение численности оленных и пеших групп коряков, чукчей и якутов в период с 1650 по 1960 г.:

1 — коряки береговые; 2 — коряки-оленьеводы; 3 — чукчи и эскимосы береговые; 4 — чукчи-оленьеводы; 5 — якуты-скотоводы; 6 — якуты-оленьеводы

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава I.</i> Этнический состав населения северо-востока Сибири и его изменения в XVII веке	9
<i>Глава II.</i> Этнические изменения на северо-востоке Сибири в XVIII веке	63
<i>Глава III.</i> Этническая история северо-востока Сибири в XIX — начале XX века	134
<i>Глава IV.</i> Этнические процессы на северо-востоке Сибири в советский период	213
Заключение	262
Список сокращений	66
Приложение	267

Илья Самойлович Гурвич

Этническая история северо-востока Сибири

*Утверждено к печати Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая
Академии наук СССР*

Редактор Издательства Л. М. Алексеева. Технический редактор С. Г. Тихомирова

Сдано в набор 19/X 1965 г. Подписано к печати 27/I 1966 г. Формат 70×108¹/₁₆. Печ. л. 17,25.
Усл. печ. л. 24,15. Уч.-изд. л. 24,1. Тираж 1700 экз. Т-01632. Изд. № 471/66. Тип. зак. 3142.

Цена 1 р. 64 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука». Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ И ИСПРАВЛЕНИЯ

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
6	19 св.	(№ 119)	(№ 199)
21	12 стр.	что	что б
73	11 св.	«юкагизированными	«юкагиризированными
125	1 ^я и 3 стр.	А. П. Словцов	П. А. Словцов
145	11 св. ¹	Мятожского	Мятложского
151	7 св.	Гармаду	Гарманду
171	19 и 21 св.	Чеканавский	Чекановский

И. С. Гурвич. Этническая история Северо-Востока Сибири